СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

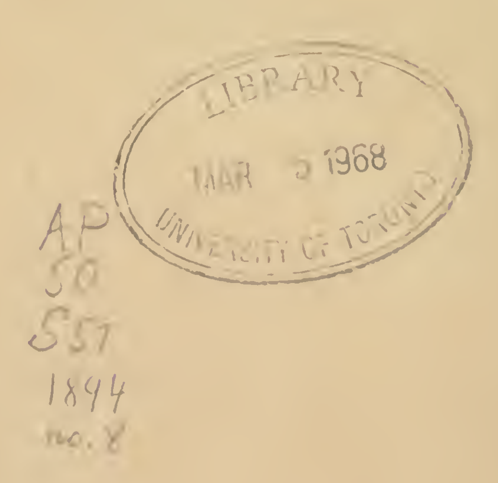
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Августъ № 8.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 29 Іюля 1894 года.



Главная контора „Сѣвернаго Вѣстника“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой, во избѣжаніе задержки въ высылкѣ сентябрьской книжки, поторопиться высылкой 3-го взноса съ указаніемъ адреса и № бандероли.

Въ виду того, что нѣкоторые изъ подписчиковъ «Сѣвернаго Вѣстника», выписывающихъ журналъ уже нѣсколько лѣтъ, заявили желаніе получить портретъ А. О. Смирновой, который былъ разосланъ только **новымъ** годовымъ подписчикамъ вмѣстѣ съ оттисками I ч. Записокъ Смирновой за 1893 г., контора «Сѣв. Вѣстника» симъ увѣдомляетъ, что всѣ годовые подписчики, не получившіе портрета съ оттисками, получатъ его отдѣльно въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПѢСНИ МОРЯ.

Въ недавнее еще время ходилъ по Невскому проспекту человѣкъ, съ виду ничѣмъ не отличавшійся отъ другихъ людей. Былъ у него такой же почтенный кожаный портфель, прекрасная, мягкая шляпа и солидное пальто, какъ и у всѣхъ разумныхъ, трезвыхъ, хорошо поставленныхъ въ обществѣ господъ. Но, кромѣ всего того, было еще у него разбитое сердце и пустая душа. Однако, человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою самъ не зналъ этого, и думалъ, что онъ совсѣмъ, совсѣмъ такой же, какъ и всѣ другіе люди.

Тѣмъ не менѣе, съ нѣкоторыхъ поръ было ему какъ-то не по себѣ и, не понимая, въ чемъ дѣло, онъ обратился за совѣтомъ къ доктору. Это былъ очень извѣстный докторъ, съ роскошной пріемной и необыкновенно глубокомысленнымъ лицомъ. При томъ же былъ онъ ученый нѣмецъ. Сначала погрузился онъ весь въ болѣзни легкихъ, и, къ ужасу своему, увидѣлъ, что всему міру грозила близкая гибель отъ чахотки. Затѣмъ перешелъ онъ на сердце, и былъ пораженъ, не найдя ни у одного изъ своихъ паціентовъ здороваго сердца. Тоже было, когда занялся онъ и болѣзнями желудка. Теперь изучалъ онъ печень, и когда человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою пришелъ къ нему за совѣтомъ, онъ нашелъ, что болитъ у него печень.

„Поѣзжайте въ Карлсбадъ“, сказалъ онъ человѣку съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою: „это для васъ одно спасенье!“

Но человѣку съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою не хотѣлось ѣхать въ Карлсбадъ: онъ слишкомъ привыкъ ходить въ опредѣленный часъ на службу, обѣдать въ опредѣленномъ мѣстѣ въ своемъ клубѣ и проводить вечера за пулькой въ знакомомъ семействѣ на опредѣленной дачѣ Аптекарскаго острова.

„Можетъ быть, этотъ докторъ ошибся“, подумалъ человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою, и пошелъ къ другому врачу. Тотъ

былъ представитель русской науки и не вѣрилъ ни въ западную цивилизацію, ни въ западное лѣченье. Основательно изслѣдовалъ онъ больного по всѣмъ правиламъ русской науки, и, заставивъ его постоять журавлемъ на одной ногѣ и пройтись, зажмуривъ глаза, по одной половицѣ, представитель русской науки предписалъ ему ѣхать въ деревню, отрѣшиться отъ привычекъ, привитыхъ гнилою цивилизаціей, и усвоить себѣ первобытный образъ жизни.

Похолодѣлъ отъ ужаса человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою! Давно уже привыкъ онъ ставить выше всего цивилизацію, отворачивался при видѣ молока и избѣгалъ безъ перчатки принимать отъ извозчика сдачу.

Послѣ свиданія съ представителемъ русской науки нѣсколько дней мрачно ходилъ онъ по Невскому проспекту, почти не узнавая знакомыхъ, и рѣшился, наконецъ, посовѣтоваться съ наиболѣе моднымъ докторомъ. Кстати, онъ былъ его большой пріятель. Модный докторъ смотрѣлъ на вещи просто и смѣло, и судилъ о нихъ съ точки зрѣнія пріятности и непріятности доставляемыхъ ощущеній. Не долго оскультировалъ онъ человѣка съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою, не заставлялъ его ни стоять журавлемъ, ни ходить, зажмуривъ глаза, по одной половицѣ, но живо, въ нѣсколькихъ короткихъ словахъ выяснилъ дѣло:

—Право, mon cher, ты слишкомъ засидѣлся, сказалъ онъ, ловко вскидывая на носъ золотое pince-nez.—Серьезному человѣку необходимо иногда встряхнуться,—добавилъ онъ, и послалъ его въ курортъ на берегъ моря.

Море! При этомъ звукѣ шевельнулось что-то въ пустой душѣ человѣка съ разбитымъ сердцемъ

Купилъ онъ себѣ желтые кожаные башмаки и сѣрый, на голубой подкладкѣ зонтикъ, уложилъ въ чемоданъ новую лѣтнюю пару и картонку съ широкополой шляпой-панамой, запасся послѣднимъ томикомъ пессимистической философіи извѣстнѣйшаго современнаго мыслителя и новѣйшей брошюрой по рабочему вопросу, сѣлъ въ вагонъ I-го класса и поѣхалъ къ морю.

*
* *

Сплошной, нескончаемой стѣной тянется вдоль морского берега высокій темный лѣсъ. Мрачно чернѣютъ въ его глубинѣ темнозеленыя задумчивыя ели; стройные, красноватые стволы гибкихъ сосенъ рѣзко выдѣляются на ихъ темной зелени; тонкія, трепетныя осины все больше парами и даже цѣлыми группами жмутся другъ къ другу, словно пораженныя вѣчнымъ страхомъ; весело и ярко сверкаетъ мѣстами бѣлоснѣжная шкурка березокъ. Годы, десятки и сотни лѣтъ стоятъ они все на томъ же мѣстѣ, все выше и выше поднимаютъ свои головы, но ни одно дерево не рѣшается опередить другихъ изъ опасенія суровыхъ осеннихъ и зимнихъ бурь, и лѣсъ тянется ровною, какъ по шнурку обрѣзанною полосою

Но въ глубинѣ его жизнь кипитъ на свободѣ, и корни деревъ утопаютъ въ частой поросли молодого кустарника и въ густой, какъ коверъ, сплошной зелени брусники и черники, среди бугровъ и кочекъ, затянутыхъ бархатными мхами, и твердыхъ конусообразныхъ муравейниковъ, устланныхъ сухими хвойными иглами.

Много лѣтъ, десятковъ лѣтъ и цѣлыхъ вѣковъ безмятежно стоялъ темный лѣсъ, оглашаемый весною веселымъ звономъ и гамомъ птичьихъ голосовъ, мирно грѣясь на солнцѣ и улыбаясь безоблачному голубому небу, съ тяжкимъ глухимъ ропотомъ склоняясь передъ бурей, а съ наступленіемъ зимы погружаясь въ глубокую дрему, засыпанный пушистымъ бѣлымъ снѣгомъ, словно окутанный теплымъ пуховымъ покровомъ.

Безмятежно доживали свою жизнь старыя вѣковыя деревья; давно уже одряхлѣвшія, ждали они только первой бури, которая повалила-бы на землю ихъ отжившіе стволы. Новыя молодыя деревья давно уже готовы имъ на смѣну, и не успѣвалъ замолкнуть въ лѣсу гулъ отъ паденія стараго ветерана, какъ пріемники его расправляли свои вѣтви и вершины ихъ спокойно и безшумно заполняли опустѣвшее мѣсто, и лѣсъ тянулся все такою же сплошною, синѣющею грядою вдоль морского берега... И вѣчное море въ своей вѣчно-неукротимой тревогѣ все съ тѣмъ же шумомъ и плескомъ выгоняло на песчаный берегъ одну свою волну за другою.

Но, вотъ, явились люди. Размѣрили они старый лѣсъ на правильные участки. Застучали топоры, завизжали пилы. Могучіе вѣковые стволы рухнули наземь и сложились въ четырехъ-угольныя коробки, называемыя у людей дачами и домами. Искалѣченные, плачущіе пни были выжжены и выдраны съ корнемъ. Вмѣсто темно-зеленой чащи явились правильныя аллеи, вмѣсто густой поросли молодого сосняка и ельника— ровный бархатистый газонъ, а на мѣстѣ темнаго вѣкового лѣса—модный приморскій курортъ съ курзаломъ и молодымъ, неразросшимся еще паркомъ.

* * *

Однообразно плоской, ровной полосой убѣгаетъ вдаль безконечное песчаное прибрежье; мѣрно и ровно, съ немолчнымъ шумомъ и плескомъ набѣгаютъ на него некрупныя волны и шумъ ихъ, повторяемый эхомъ, сливается съ грустнымъ шелестомъ и говоромъ лѣса.

Человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою медленно прохаживается по плоскому песчаному прибрежью. Въ рукахъ у него свѣтлый зонтикъ, но онъ не распускаетъ его надъ своей головой; сплошныя сѣрыя тучи заволакиваютъ небо, и море катитъ къ ногамъ его тяжелыя, свинцовыя волны. Въ карманѣ его пальто лежитъ изящное произведеніе новѣйшаго пессимистическаго философа, но онъ не присаживается на скамеечку и не разрѣзаетъ свѣжихъ, только что изъ подъ печатнаго

станка листовъ; вчера только пріѣхалъ онъ на берегъ моря и сегодня уже съ утра болитъ у него печень; хмуро бродитъ онъ по морскому прибрежью, и что-то безконечно-знакомое и давно забытое слышится ему въ однообразномъ говорѣ и шелестѣ темнаго лѣса и въ неумолчномъ шумѣ и плескѣ набѣгающей на берегъ волны.

Зналъ онъ это мѣсто и прежде,—здѣсь провелъ онъ свое дѣтство. Но отъ того, что зналъ онъ, не осталось теперь и слѣда: на мѣстѣ глухой приморской деревушки выросъ шумный модный курортъ, самый лѣсъ сталъ не тотъ и неустанный работникъ—море измѣнило даже очертанія берега. И былъ онъ теперь на старомъ мѣстѣ, но мѣсто это было для него новое, а между тѣмъ что-то старое, былое, шевелилось въ душѣ. Хмуро смотрѣлъ онъ на суровое море и все силился припомнить, гдѣ, когда и на какой картинѣ какого великаго мастера видѣлъ онъ тотъ-же колоритъ и такое-же сѣрое море.

Мѣрно и ровно набѣгаютъ на берегъ некрупныя волны и тихо вторитъ имъ лѣсъ своимъ немолчнымъ грустнымъ шелестомъ, тихо скрипятъ высокія сосны и вѣтеръ клонитъ къ землѣ кусты прибрежной лозы... У человѣка съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою все сильнѣй и сильнѣй разбаливается печень. „Все это сѣверный вѣтеръ!“ думаетъ онъ и, повернувшись къ морю спиной, идетъ въ курзалъ обѣдать.

* *
*

Всю ночь гудитъ море, и еще день и еще цѣлую ночь. Оно кипитъ, какъ гигантскій котелъ, и шумъ отъ этого кипѣнія вмѣстѣ съ гуломъ лѣса и протяжнымъ свистомъ и завываніемъ вѣтра наполняетъ весь воздухъ,—все пространство между забитой дождемъ землею и низкимъ, сѣрымъ небомъ, по которому еще ниже, еще ближе къ заплаканной землѣ тяжело и торопливо ползутъ одна за другою черныя разорванныя тучи.

Стонетъ и плачетъ буря, превращая лѣтній день въ тусклыя, безразсвѣтныя сумерки, и сырой непривѣтливый вечеръ незамѣтно переходитъ въ мокрую, бурную ночь. Все громче и громче гудятъ волны, все безотраднѣе и протяжнѣе становится заунывный шелестъ лѣса и голоса его, сливаясь съ грознымъ голосомъ моря, проникаютъ въ комнату, несмотря на закрытыя окна.

Безпокойно ворочается въ своей постели человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою: протяжное завываніе вѣтра и тревожный шумъ грознаго моря вмѣстѣ съ неумолкающимъ гуломъ лѣса осаждаютъ его память и не даютъ ему спать. Что-то давно забытое неотступно стучится въ пустую его душу, и въ разбитомъ сердцѣ разбаливается и ноетъ какая то старая, давно закрывшаяся рана. Тоскливо ворочается онъ съ боку на бокъ, напрягая слухъ и силясь понять, что будятъ въ душѣ его эти звуки и о чемъ такъ настойчиво твердятъ ему эти грозные голоса... А

звуки, суровые и грозные, росли и неслись, вырываясь изъ мрака. Крикливые и разорванные, они неслись, сплетались и кружились въ какомъ-то стремительномъ, захватывающемъ вихрѣ, расширялись и крѣпли, пока не наполнили весь воздухъ, весь міръ и, постепенно сливались въ одинъ общій, суровый, сдержанный гулъ, потомъ отступали куда-то вглубь, все дальше и дальше, звучали все тише и тише, пока не превратились въ чуть слышный аккомпанементъ, на фонѣ котораго ясно выдѣлялся родной, такъ хорошо знакомый и такъ давно забытый голосъ. При одномъ звукѣ его вдругъ прекратилась тупая, сверлящая боль въ старинной ранѣ его разбитаго сердца и въ пустой душѣ своей вдругъ ощутилъ онъ приливъ такъ много-много лѣтъ неиспытаннаго уже имъ тепла. Онъ лежалъ и слушалъ, боясь пошевельнуться, а звуки, отрадные и нѣжные, какъ цѣлебный бальзамъ, проникали въ его усталую грудь...

Онъ открылъ глаза. Мягкій, мигающій свѣтъ, свѣтъ лампады озарялъ его комнату, между тѣмъ какъ онъ ясно помнилъ, что въ его современной комнатѣ, съ солидными обоями по стѣнамъ, не было никакой лампады, и самъ онъ, ложась въ постель, погасилъ горѣвшую на ночномъ столикѣ свѣчу.

Но онъ лежалъ, не шевелясь, и слушалъ. Что-то однообразно и протяжно скрипѣло надъ его головой. Боже мой! какъ же знакомъ былъ ему этотъ скрипъ! Да, это скрипѣла старая развѣсистая сосна, что покачивала своей суковатой вершиной надъ роднымъ его домомъ, и, наклоняясь отъ вѣтра, сукомъ своимъ задѣвала кровлю, подъ которой находилась его дѣтская комната. Онъ сталъ прислушиваться, и вотъ вѣтка сильнѣе скрипнула по крышѣ, и вдругъ что-то прыгнуло надъ его головой, и въ углу за стѣной, за настоящей бревенчатой стѣной, гдѣ торчалъ изъ щелей сухой и колючій мохъ, въ самомъ углу, у печки, вдругъ что-то зашумѣло и завозилось, и вслѣдъ за тѣмъ послышалось звонкое щелканье. Да, да!.. Это—бѣлка!—Та самая бѣлка, которую зналъ онъ такъ хорошо въ своемъ дѣтствѣ. Это она жила рядомъ съ его комнатой на томъ крохотномъ боковомъ чердачкѣ, куда не было никакого хода и куда не разъ пытался онъ заглянуть съ лѣстницы черезъ щель въ отставшей тесинѣ. Какъ ни приставлялъ онъ глазъ къ узенькой щелкѣ, онъ ничего не могъ разглядѣть, кромѣ неопредѣленнаго темнаго пространства, прорѣзаннаго узкой полосой яркаго свѣта, падавшаго откуда-то сверху. Но онъ видалъ эту бѣлку на старой соснѣ надъ роднымъ его домомъ, видалъ, какъ спрыгивала она съ низкаго сука на крышу, присаживалась на минутку на гребнѣ, держа въ переднихъ лапкахъ большую еловую шишку и исчезала съ нею къ узкомъ отверстіи подъ отставшими дранками ветхой кровли...

И эта бѣлка, и скрипъ, и голосъ,—все это свое старое, милое, родное, такое любимое и такъ давно забытое, вдругъ нахлынуло на него та-

кой неудержимой, горячей волной и казалось такъ чуждо ему и вмѣстѣ такъ безконечно близко, словно вмѣсто стараго полинялаго фотографическаго портрета вдругъ встало передъ нимъ лицо самаго живого, неожиданно вернувшагося друга.

* * *

Гладкой, ослѣпительно сверкающей пеленою развертывается передъ глазами необозримая даль синѣющаго моря. Безоблачнымъ, въ неизмѣримую высь уносящимся сводомъ раскинулось надъ нимъ сѣверное лѣтнее небо. Бѣлый песокъ прибрежья такъ и пышетъ зноемъ и слѣпитъ глаза, сверкая на полуденномъ солнцѣ. Скрываясь за опушкой изъ высокихъ кустовъ вербы и лозняка и за молодою порослью свѣтло-зеленыхъ, какъ стрѣлки прямыхъ сосенокъ, молчитъ и дремлетъ темный лѣсъ, дремлетъ тяжелою, знойною, полуденною дремою. и нагрѣтый воздухъ виситъ, неподвижный и душный, и не даетъ прохлады даже тѣнь непроницаемой чащи. Вольнѣй и свободнѣе дышится тамъ, на берегу, подъ лучами палящаго солнца, гдѣ затихшее море не перестаетъ вѣять въ лицо своею бодрящею свѣжестью и усыпленная волна нѣтъ-нѣтъ да и всколыхнется у берега и съ чуть слышнымъ сонливымъ плескомъ лѣниво лизнетъ сухой, раскаленный песокъ.

И человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою медленно прохаживается по пустынному берегу. Надоѣло ему раскланиваться и обмѣниваться словами съ почти незнакомыми людьми, съ которыми сидитъ онъ за общимъ обѣденнымъ столомъ въ курзалѣ, все дальше идетъ онъ вдоль берега моря, туда, куда не заходитъ публика, и гдѣ лѣсъ стоитъ, еще не тронутый губительной рукою человѣка. Пристальный взоръ его медленно скользитъ по гладкой поверхности моря, но онъ не спрашиваетъ уже себя: гдѣ, когда и на какой картинѣ какого великаго мастера видѣлъ онъ тотъ же колоритъ и то же сіяющее синевой, пропадающее въ бѣлой дымкѣ море...

То не человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою бродитъ по пустынному берегу. На мягкомъ, какъ пухъ, бѣломъ раскаленномъ пескѣ, засунувъ шапку подъ голову, лежитъ мальчикъ,—мальчикъ, никогда не видавшій ни шумнаго города, ни солидныхъ дѣловыхъ людей, носящихъ лѣтомъ желтые туфли и читающихъ пессимистическихъ философовъ, мальчикъ, ничего никогда не видавшій, кромѣ широкаго моря, да темнаго лѣса, кромѣ сѣрыхъ домишекъ приморской деревушки, да невысокой брантвахты, гдѣ жилъ онъ самъ, этотъ маленькій мальчикъ, со своимъ отцомъ. Большіе и маленькіе корабли смѣняли другъ друга на далекомъ рейдѣ; по прибытіи ихъ, отправлялись къ нимъ съ брантвахты лодки, потомъ появлялись на берегу новые, незнакомые люди,—англійскіе, шведскіе и всякіе другіе матросы, и мальчикъ смотрѣлъ на нихъ съ нетер-

пѣлпвымъ, жаднымъ любопытствомъ, и тянуло его туда, за это синее море, откуда пришли всѣ эти корабли и гдѣ жили всѣ эти странные, незнакомые ему люди.

Бѣдный, неопытный мальчикъ! Маленькое, пылкое сердце его билось нетерпѣливо и тревожно, и душа его рвалась въ неизвѣданную и заманчивую даль, прочь отъ этого темнаго, вѣковаго лѣса и пустыннаго моря, туда, гдѣ кипитъ и клокочетъ шумная жизнь, гдѣ толкутся и движутся люди, туда, гдѣ можно всему научиться, все увидѣть и все узнать! И часто, лежа на горячемъ пескѣ подъ палящими лучами полуденнаго солнца, думалъ онъ свою завѣтную думу, лѣниво щуря ослѣпленные солнечнымъ сіяніемъ глаза.

Тяжелыя барки съ лѣсопильнаго завода выходили изъ рѣчного устья въ море и направлялись къ кораблямъ, ожидавшимъ ихъ на рейдѣ, и въ прозрачномъ, чуткомъ воздухѣ ясно было слышно, какъ съ сухимъ, короткимъ стукомъ падали доски и бревна, перегружаемыя съ барокъ на корабли, между тѣмъ, какъ Богъ вѣсть откуда, издалека, доносился протяжный крикъ журавлей, гдѣ-то высоко, высоко пролетавшихъ надъ моремъ. Чутко прислушивался мальчикъ къ звукамъ, а самъ слѣдилъ взоромъ за быстрымъ полетомъ чайки, мелькающей яркимъ бѣлымъ пятномъ то на блѣдной синевѣ безоблачнаго неба, то на болѣе темной синевѣ спокойнаго моря, и впечатлѣнія, казалось, неизгладимо залегали въ его дѣтскую душу.

Не мало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ бѣдный маленькій мальчикъ съ безпокойно бьющимся сердцемъ и наивной вѣрою въ душѣ, лежа на горячемъ пескѣ, мечталъ о далекомъ шумномъ городѣ. Безразсудный, мечтательный мальчикъ превратился въ разсудительнаго, благоразумнаго юношу. Это былъ благородный, благонамѣренный юноша, рѣшившійся разумно употребить свою жизнь, приложить къ общему труду свои силы и принести обществу и своему народу посильную, но существенную, практическую пользу. А между тѣмъ, когда вернулся онъ на тотъ же пустынный берегъ, къ тому же темному лѣсу, вернулся изъ большого шумнаго города, гдѣ, казалось ему, такъ ясно постигъ онъ цѣль и смыслъ жизни, безпокойное сердце его все такъ же тревожно билось, какъ и въ раннемъ дѣтствѣ, и какія-то неясныя, сумасбродныя мечты насильно вторгались въ его душу... Много долгихъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ этотъ благородный, разумный юноша, стоя на порогѣ широко распахнувшейся передъ нимъ жизни, тревожно шагалъ по пустынному берегу, выдерживая въ душѣ своей жестокую борьбу съ тѣмъ, что съ презрѣніемъ называлъ онъ безплодными фантазіями и пустою сентиментальностью. Это былъ юноша съ настойчивымъ характеромъ и сильной волей, и стойко боролся онъ со своей собственной тревожной душой и безпокойнымъ пылкимъ сердцемъ.

Много долгихъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и по пустынному берегу безбрежнаго моря опять безпокойно шагалъ ужъ не юноша, а одинокій, хмурый человѣкъ, съ сѣдѣющею головою и больною печенью, и море опять напѣвало ему свою старую тревожную пѣсню и неизмѣнный лѣсъ снова склонялся надъ нимъ съ своимъ неумолчнымъ вѣчнымъ шелестомъ. Но этотъ одиноко сѣдѣющій человѣкъ не ощущалъ уже прежнихъ смутныхъ стремленій, безразсудныхъ желаній и страстныхъ порывовъ. Внутренняя борьба его давно была окончена и побѣда одержана. Правда, не далось ему личное счастье, то счастье, о которомъ можно мечтать только въ юношескіе годы; но онъ, этотъ разумный, трезвый человѣкъ, давно уже зналъ, что такое счастье—недоступная роскошь, если не тотъ прекрасный голубой цвѣтокъ, за которымъ въ одной нѣмецкой сказкѣ всю жизнь гонялся какой-то безразсудный, упрямый рыцарь. Въ остальномъ же жизнь его шла разумно и правильно: она текла по ровному, спокойному руслу, не слишкомъ мелкому, не слишкомъ глубокому, не встрѣчая на пути своемъ ни мелей, ни подводныхъ камней, а, между тѣмъ, въ укрощенной душѣ разумнаго, трезваго человѣка было пусто и холодно, сердце его было разбито и только гдѣ-то далеко, далеко, въ самой глубинѣ его существа, тупо болѣла и ныла какая-то старая, никогда не закрывавшаяся рана.

* * *

По темному ночному небу быстро гонитъ порывистый вѣтеръ клубящіяся разорванныя тучи. Въ промежутки между ними въ безпредѣльной, зіяющей безднѣ, сіяютъ и мигаютъ звѣзды. Луна, скрываясь за прозрачною бѣловатою дымкой, серебритъ края облаковъ и невидимые лучи ея, пробиваясь сквозь чащу вѣтвей, озаряютъ стройные и гибкіе стволы, отбрасывающіе длинныя черныя тѣни на залитую молочнымъ свѣтомъ землю. Трепетная серебристая полоса тянется поперекъ взволнованнаго моря и волны вспѣниваются высокими бѣлыми гребнями и съ тревожнымъ шумомъ и плескомъ набѣгаютъ на пустынный и тихій берегъ.

Но человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою не бродитъ по озаренному луною прибрежью. Спокойно лежитъ онъ въ своей собственной постели въ лучшей комнатѣ курзала и снится ему странный сонъ.

Снится ему, что окружаетъ его обширный садъ, весь состоящій изъ ровныхъ, одно къ одному, одинаково подстриженныхъ деревьевъ. И самъ онъ стоитъ въ этомъ саду тоже деревомъ, точь-въ-точь такимъ же, какъ и всѣ остальныя. Сначала все, казалось ему, было въ этомъ саду совершенно тихо и неподвижно, но скоро началъ онъ замѣчать среди деревьевъ какой-то шорохъ и волненіе. Во всѣхъ нихъ какъ-будто было что то тревожное и ту же тревогу ощутилъ онъ, наконецъ, и въ самомъ себѣ. Чѣмъ пристальнѣе наблюдалъ онъ за своими товарищами, тѣмъ съ

большимъ удивленіемъ замѣчалъ, что всѣ они неудержимо стремились разрушить свою условную, искусственную форму, выгоняя во всѣ стороны все новые и новые вѣтки и листья. „Какъ же это неблагоразумно и даже прямо глупо!“ думалъ онъ, съ досадою слѣдя за ними и переполняясь негодованіемъ, „сколько труда потрачено на то, чтобы привести все это въ такой порядокъ, опредѣлить каждому дереву свое мѣсто и придать имъ однообразную форму, чтобы они же сами не мѣшали другъ другу, не путались листьями и не цѣпляли другъ друга вѣтвями! И все это разрушать и портить въ силу одного только своего личнаго каприза!“ Тутъ онъ замѣтилъ, что по саду, между деревьями, не присаживаясь ни на одну минуту, ходилъ садовникъ съ большими садовыми ножницами въ рукахъ. Внимательно наблюдалъ онъ за всѣми деревьями и, замѣтя малѣйшій безпорядокъ, сейчасъ же срѣзалъ каждый лишній листокъ и каждую лишнюю вѣтку. И человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою, самъ стоявшій въ саду такимъ же деревомъ, искренне радовался, когда садовникъ останавливался со своими ножницами и принимался за дѣло. Одно только удивляло его: какъ только поднимались ножницы, и на землю падалъ съ дерева новый листокъ или вѣтка, все дерево трепетало и съеживалось, какъ отъ сильнѣйшей боли. Но тутъ, оглянувшись нечаянно на самого себя, замѣтилъ онъ вдругъ, что и онъ самъ за это время успѣлъ выгнать новые сучья и вѣтки и, можетъ быть, даже больше всѣхъ другихъ. Безконечно сконфуженный и возмущенный, тревожно замахалъ онъ вѣтвями, протягивая ихъ садовнику, повернувшему уже въ его сторону. Но едва успѣлъ онъ ощутить первое прикосновеніе холоднаго желѣза, какъ невыносимая острая боль пронзила все его тѣло. Еще и еще падалъ листъ за листомъ и вѣтка за вѣткой, и каждый разъ та же живая, острая боль пронизывала его насквозь, и всѣ вѣтви и сучья его сжимались и корчились въ невыносимой мукѣ. И когда садовникъ, кончивъ свое дѣло, перешелъ со своими ножницами къ другому дереву, онъ стоялъ, израненный и измученный, весь въ порѣзахъ и ссадинахъ, залѣпленныхъ для сохраненія его силъ какою-то безобразною замазкою. Придя понемногу въ себя и оглянувшись на весь садъ, вмѣсто ровныхъ, правильной формы деревьевъ, увидѣлъ онъ передъ собою массу изуродованныхъ, искалѣченныхъ, полумертвыхъ существъ, изо всѣхъ силъ старавшихся смотрѣть настоящими, живыми деревьями, и самъ онъ чувствовалъ себя такимъ же истерзаннымъ трупомъ.—„Но вѣдь это же сонъ, только сонъ!“ въ полномъ отчаяніи убѣждалъ онъ себя, напрасно силясь проснуться...

* * *

Дни миновали за днями. Все такъ-же мѣрно и плавно набѣгали волны на песчаный берегъ, но холодкомъ начинало вѣять отъ суроваго

хмураго моря и все протяжнѣе становилась заунывная, неумолкающая пѣсня лѣса; сурово хмурились темныя ели, еще грустнѣе и жалобнѣе скрипѣли высокія сосны, еще ниже клонились березы; трепетныя тревожныя осины съ безнадежнымъ ропотомъ размахивали вѣтвями и устилали влажную землю отжившими пожелтѣлыми листьями. Вѣтеръ съ какимъ-то пронзительно злобнымъ свистомъ проносился въ кустахъ прибрежной лозы и грозно гудѣвшія волны все выше и выше взлетали на песчаное прибрежье.

Быстро пустѣетъ модный курортъ. За табльд'отомъ курзала съ каждымъ днемъ ростетъ число незанятыхъ стульевъ, и старый воронъ, съ незапамятныхъ временъ жившій на большой развѣсистой соснѣ, чаще прежняго прохаживается по пустынному берегу и, отряхаясь, чтобы оправить раздутыя вѣтромъ перья, подолгу устремляетъ дружелюбный взоръ на сердитое пустынное море. Но человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою все еще бродитъ по песчанному прибрежью и хмуро смотритъ на сердитое бурное море. Несносная тупая боль сверлитъ и гложетъ его цѣлыми днями, но онъ не думаетъ уже, что это болитъ у него печень и кажется ему,—нудятъ это и ноютъ въ немъ всѣ старыя, забытыя было раны, что съ самаго его дѣтства наносила ему своими безжалостными, холодными ножницами жизнь.

Все кругомъ обрѣзало и стригло его по одному, общему для всѣхъ шаблону, все начиная со школьной скамьи, уминало его въ одну опредѣленную, общую всѣмъ форму, и втискивало въ узкія, неизмѣнныя рамки! И развѣ не помогалъ онъ самъ съ полнымъ усердіемъ этому жестокому дѣлу, не сознавая того, что созналъ онъ только теперь, очутившись лицомъ къ лицу съ свободной, никогда не лгущей природой? Развѣ въ своемъ дѣтскомъ простодушіи и довѣріи не нагромождалъ онъ въ своей памяти безконечныхъ рядовъ цифръ, именъ и знаковъ, развѣ не наполнялъ онъ ея грудами сухихъ, мертвыхъ свѣдѣній, между тѣмъ, какъ дѣтская душа его жаждала живой формы и образовъ для осаждавшихъ ее, ей самой неясныхъ еще представленій и звуковъ. И въ добросовѣстной, упорной борьбѣ съ самимъ собою не убивалъ-ли онъ самъ въ себѣ этого животворнаго ключа, бившаго когда то такой сверкающей, прихотливой, свободной струей? Онъ вѣрилъ въ науку, и время толкнуло его къ положительному знанію. Онъ вѣрилъ въ современную культуру, и она привела его къ соціальной морали. Онъ жаждалъ дѣла,—полезнаго и честнаго труда, и жизнь поставила его на путь разрѣшенія соціально-экономическихъ вопросовъ. Онъ жилъ не даромъ, онъ много работалъ и много сдѣлалъ, и стоялъ на виду у лучшихъ людей. Онъ трудился добросовѣстно, настойчиво и упорно, но дѣло, которое онъ дѣлалъ, было чье-то чужое, не его дѣло, и не давало ему ни душевнаго равновѣсія, ни самоудовлетворенія, а между тѣмъ все то, что было въ

немъ своего, всѣ тѣ смутныя представленія и звуки, требовавшіе образа и формы, все, что когда-то такъ поднимало и волновало его, все, что рвалось изъ души, и звало, и манило въ туманную мистическую даль, было вырвано съ корнемъ и убито.

А любовь? а личное счастье? И онъ когда-то мечталъ о счастьи, счастьи разумномъ и высокомъ, но онъ былъ спокойный, трезвый, разсудительный человѣкъ, и зналъ, что личное счастье не должно было заступать въ человѣческой жизни мѣста общественныхъ интересовъ и нуждъ, и не давалъ воли своему безразсудному пылкому сердцу. Но въ то время, какъ онъ разсуждалъ о настоящемъ, достойномъ человѣка, сознательномъ счастьи, то маленькое, безхитростное счастье, что по праву вырываетъ у судьбы человѣкъ, миновало его, и онъ стоялъ теперь лицомъ къ лицу съ наступающей старостью, хмурый и одинокій, сознавъ вдругъ всю ложь и фальшь своей жизни, всю ненужность своей мучительной душевной ломки и всю безцѣльность своихъ жертвъ; сознавъ, что онъ только разсуждалъ и думалъ вмѣсто того, чтобы дѣйствовать и жить, и что жизнь, съ ея волненіями и разочарованіями, увлеченіями и ошибками, захватывающей глубокой радостью и глубокимъ горемъ, та настоящая, живая жизнь, къ которой стремился когда-то, лежа на горячемъ пескѣ. безпокойный мечтательный мальчикъ, эта жизнь прошла гдѣ-то мимо!

И теперь, когда смотрѣлъ онъ на лѣсъ, на настоящій живой лѣсъ, гдѣ каждое дерево жило своею собственной самобытною жизнью, невольно спрашивалъ онъ себя,—неужели изъ всѣхъ существъ природы одному лишь человѣку не надо свободно развивать свою индивидуальность, и личность его должна втискиваться въ узкія, калѣчащія ее рамки условныхъ жизненныхъ формъ и условной морали?..

* *
*

Сердито воетъ вѣтеръ, проносясь въ вершинахъ порѣдѣвшаго лѣса и брюзгливо-придирчиво шнырitъ онъ въ кустахъ прибрежной лозы. Какъ-то вдругъ закатывается за небосклонъ кровавое солнце, оставляя между свинцовымъ небомъ и суровымъ моремъ зловѣщую багрово-красную полосу, и море съ нетерпѣливымъ ропотомъ все выше и выше мечетъ тревожныя, торопливыя волны.

Человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою, застегнувъ на всѣ пуговицы осеннее пальто, еще разъ вышелъ на пустынный берегъ и, укрывшись отъ вѣтра за высокимъ песчанымъ берегомъ, собрался посмотрѣть на знакомое ему съ дѣтства море.

Сумрачно ежатся вокругъ него передовыя, избитыя бурями, корявыя сосны, готовясь грудью встрѣтить безконечные напоры осенняго вѣтра, грустно скрипятъ онѣ надъ его головою, и развѣнчанныя, обнаженныя ветлы тоскливо размахиваютъ надъ нимъ своими оголенными сучьями. Вѣ-

теръ пластомъ пригибаетъ къ землѣ прибрежную лозу, и волны съ тревожнымъ шумомъ и плескомъ все дальше и дальше взлетаютъ на унылый берегъ, и въ то-же время, гдѣ-то тамъ, за темнымъ горизонтомъ, изъ самыхъ нѣдръ глубокаго моря, встаетъ какой-то густой, глубокій голосъ,—могучій голосъ бури и звучитъ сурово и властно, какъ туго натянутая струна контрабаса...

И казалось человѣку съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою, что это ему поетъ море свою послѣднюю прощальную пѣсню.

„Миновало лѣто", гулко запѣвало грозное море, и вѣтеръ сердито потрясалъ вершины деревъ, срывая съ нихъ послѣдніе запоздалые листья.

„Миновало лѣто,—лучшая свѣтлая пора жизни!" отзывалось гулкое эхо въ пустой душѣ человѣка съ разбитымъ сердцемъ.

А бурунъ клокоталъ и ревѣлъ, осаждая берегъ и, какъ разъяренный звѣрь въ бѣшенствѣ рылъ морское дно, злобно потрясая сѣдою, пѣнистой гривой. Въ смятеньи вставали и падали волны, сталкивались и разбивались съ оглушительнымъ ревомъ и стономъ и, казалось, вмѣстѣ съ ними изъ возмущенной бездны встаютъ и несутся, негодуютъ, рыдаютъ, и плачутъ, и рвутся на волю безчисленные голоса безсмысленно измученныхъ душъ, безвременно загубленныхъ жизней, разбитыхъ надеждъ, несбывшихся мечтаній, и, соединяясь вмѣстѣ, сливаются въ общій, отчаянный вопль, надъ которымъ царитъ одинъ, спокойный, могучій и властный, непреклонный голосъ природы, не признающій надменной воли человѣка.

И человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою не дослушалъ прощальной пѣсни моря: отбросивъ въ сторону зонтикъ, упалъ онъ на холодный песокъ и рыдалъ и плакалъ, какъ никогда не плачутъ въ дѣтствѣ, и какъ можетъ плакать только человѣкъ, когда сердце его разбито, душа пуста, и жизнь прожита безвозвратно.

* * *

По Невскому проспекту снова ходитъ человѣкъ, съ виду ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ людей. Все такой-же у него почтенный портфель, прекрасная шляпа и солидное пальто, какъ и у всѣхъ разумныхъ, трезвыхъ, хорошо поставленныхъ въ обществѣ господъ; и по прежнему, кромѣ всего того, есть у него разбитое сердце и пустая душа. И человѣкъ съ разбитымъ сердцемъ и пустою душою самъ знаетъ это. Много-много такихъ-же разбитыхъ сердецъ и опустошенныхъ душъ чудится ему подъ почтенными вицмундирами чиновниковъ, подъ изящными фраками общественныхъ дѣятелей,—въ департаментахъ и общественныхъ собраніяхъ; въ концертныхъ залахъ и театрахъ, на выставкахъ картинъ и въ кабинетахъ ученыхъ, и кажется ему, что и эти люди, какъ и онъ самъ, также хорошо знаютъ это и только тщательно скрываютъ отъ другихъ людей. Попрежнему ходитъ онъ въ опредѣленный часъ на службу, си-

дитъ на опредѣленномъ мѣстѣ въ своемъ клубѣ и проводитъ вечера за пулькой всегда въ одномъ и томъ-же знакомомъ семействѣ. Попрежнему читаетъ онъ новѣйшихъ мыслителей и слѣдитъ за рабочимъ вопросомъ. Попрежнему-же, если не чаще прежняго, болитъ у него печень,—но онъ не обращается уже за совѣтомъ къ модному доктору и никогда не ѣздитъ на берегъ моря. Онъ любуется моремъ только на маринахъ посредственныхъ художниковъ, да на декораціяхъ императорскихъ театровъ. И когда разыгрывается юго-западный вѣтеръ, и невскія волны, задержанныя въ своемъ теченіи, наперекоръ всему рвутся вонъ изъ своихъ гранитныхъ береговъ, онъ угрюмо запирается у себя дома и тоскливо-тревожно шагаетъ по комнатѣ... Много у него дѣла и онъ много работаетъ, и всѣ считаютъ его дѣловымъ, энергичнымъ человѣкомъ, полнымъ жизни и силъ.

Онъ постоянно слышитъ это, но самъ не вѣритъ этому, и знаетъ, что въ послѣдній разъ заглянулъ онъ въ глаза жизни тамъ, гдѣ злобный бурунъ осаждаетъ песчаный берегъ и старый темный лѣсъ неумолчно поетъ свою пѣсню и гдѣ въ своей непрестанной тревогѣ мечется и бьется безпокойное море,—это неукротимое, вѣчно мятежное сердце земли.

О. Петерсонъ.

Изъ Омара Хайяма.

(Съ персидскаго).

I.

Мнѣ говорятъ, что будетъ рай по смерти,
Сбѣгутся гуріи, и Каусеръ золотой
Заискрится вина янтарною струей
И медомъ... Что-жъ? Всему, пожалуй, вѣрьте!
А я и на землѣ жить буду веселѣй,
Я съ чашею пройду рядъ жизненныхъ ступенекъ:
По мнѣ, и часть наличныхъ денегъ
Дороже тысячи какихъ-то векселей.

II.

Какъ мнѣ жаль, что книга юности закрылась,
Что весна веселья не вернется снова,
И пѣвунья-пташка—счастіе былого—
Только прилетѣла и навѣки скрылась.

П. Порфировъ.

СВЯЗКА ПИСЕМЪ А. И. ГЕРЦЕНА
1838—1840 гг.

Жизнь во Владимірѣ и первая поѣздка въ Петербургъ.

V.

Когда въ декабрѣ 1839 г. Герценъ уѣзжалъ во Владиміръ, съ Натальей Александровной оставался ея первенецъ—Саша, сестра—«m-lle Катишь» [1]), какъ ее называлъ А. И., да теперь и знакомыхъ въ городѣ было довольно. Ее навѣщаютъ докторъ Немѣшаевъ, который уже давно лѣчилъ Н. А., и Похвисневы, и Шишковъ, и Кожина, и Андрей Ѳед. Каппель. Но чаще всѣхъ у нея бываютъ жена владимірскаго губернатора, Юлія Ѳедоровна, съ своей сестрой, Софьей Ѳедоровной. Бываетъ и самъ Иванъ Эммануиловичъ Курута.

Изъ всѣхъ владимірскихъ знакомыхъ Натальѣ Александровнѣ больше всѣхъ по сердцу Юлія Ѳедоровна. Она находитъ, что это рѣдкая встрѣча. «Я весь день весела, когда вижу Юлію Ѳедоровну» [1]). Дѣйствительно, то была теплая, искренняя, любящая душа. Сколько вниманія, заботы, любви высказала она къ Натальѣ Александровнѣ на другой же день послѣ ея тайной свадьбы во Владимірѣ! Въ то время, какъ въ Москвѣ, на Поварской и въ Старой Конюшенной, послѣ ея побѣга изъ дома кн. Хованской, должна была подняться цѣлая буря и въ ея сторону летѣть порицанія, а можетъ быть, проклятія и угрозы, когда она имѣла возлѣ себя единственную опору и защиту—любовь изгнанника-мужа, ее привѣтствовала, первая протянула ей руку добрѣйшая Юлія Ѳедоровна. «На другой день (послѣ свадьбы) утромъ,—пишетъ Герценъ въ *Запискахъ*,—мы нашли въ залѣ два куста розъ и огромный

---

[1]) Рукоп. письмо отъ 17-го дек. 1839 г. Владиміръ.

букетъ. Милая, добрая Юлія Ѳедоровна (жена губернатора), принимавшая горячее участіе въ нашемъ романѣ, прислала ихъ» [1]).

Такую же предупредительную заботливость выказывала она и во время отлучекъ А. И. изъ Владиміра. Она то одна, то съ мужемъ пріѣзжала навѣщать Н. А., то присылала за нею лошадей и увозила на цѣлый день къ себѣ, то упрашивала ѣхать въ театръ, концертъ. При этомъ сколько вниманія, сколько заботы выказывала къ туалету Н. А., словно вывозила въ свѣтъ родную дочь. «Юлія Ѳедоровна надѣла на меня чепчикъ съ цвѣтами», говоритъ Н. А.,—разсказывая о своей поѣздкѣ въ концертъ, «и всѣ восхищались мною и жалѣли, что ты не видалъ меня такою» [2]).

Общество милой и доброй Юліи Ѳедоровны настолько избаловало Н. А., которая всегда искала съ людьми душевныхъ, а не внѣшнихъ свѣтскихъ отношеній, что она не искала другихъ знакомствъ и неохотно шла на новыя. Въ эту поѣздку Герценъ не разъ писалъ ей о Похвисневыхъ, чтобы она къ нимъ съѣздила, но она со дня на день откладывала и какъ бы избѣгала даже и ихъ визита. «Сегодня [3]) Похв. обѣщали быть у меня, а я собираюсь къ Кожиной, — она больна, а завтра въ театръ». «Похвисневы были, приглашали меня на вечеръ, я, разумѣется, отказалась, съѣзжу къ нимъ въ простой день. Была давеча у Кожиной, она кланяется тебѣ. Кажется, въ этихъ новыхъ знакомыхъ я не найду ничего, т. е., много словъ, пожатій руки, много блеску... и только. Такой встрѣчи, какъ Ю. Ѳ., здѣсь не повторится» [4]). Не смотря на постоянныя напоминанія о томъ же, что надо съѣздить къ Похвисневымъ, Н. А. со дня на день откладываетъ поѣздку, то потому, что на дворѣ холодно, и она не рѣшается ѣхать такъ далеко, то потому, что щека болитъ... И такъ, до пріѣзда мужа она ни разу не была у Похвисневыхъ; зато многія другія его просьбы исполнила.

Ему хотѣлось, чтобы она безъ него не сидѣла дома, чтобы выѣзжала, развлекалась. При помощи Ю. Ѳ., какъ мы видѣли, она слѣдовала этому совѣту. Уже болѣе полутора года прошло, какъ она во Владимірѣ, а еще не разу не видала владимірской публики—вотъ какую затворническую жизнь вели молодые, какъ полны были другъ другомъ! Имъ было не до Владиміра съ его публикой. «Изрѣдка приходила вѣсть о комъ-нибудь изъ друзей, нѣсколько словъ горячей симпатіи, и потомъ опять одни, совершенно одни...» [5]). И они не чувствовали ни малѣйшей надобности въ посѣщеніи публичныхъ собраній, теат-

---

[1]) Томъ II. Стр. 86.

[2]) Рук. письмо отъ 6—9-го дек. 1839 г. Владиміръ.

[3]) Рук. письмо отъ 9-го дек. 1839 г. Владиміръ.

[4]) Рук. письмо отъ 10-го дек. 1839 г. Владиміръ.

[5]) «Записки». Т. II. Стр. 89—90.

ровъ, увеселеній. Да Н. А. и привычки къ выѣздамъ не имѣла: увеселеніями не баловали ея и въ Москвѣ, въ домѣ княгини. Но уѣхалъ мужъ, и она желаетъ исполнить его наказъ—ѣдетъ въ концертъ. Поѣхала, какъ бы по обязанности, а между тѣмъ и сама увлеклась, лишь только услыхала музыку: «я влюблена въ кн. Голицына,—пишетъ она мужу,—что это онъ какъ дивно играетъ?!» [1]).

Она сама признается, что ей было очень весело. Она поѣхала, принарядившись. И описывая произведенное ею самой впечатлѣніе на публику, она возбуждена, весела необычайно. Въ такомъ же восторженномъ и возбужденномъ состояніи возвращается изъ театра. Опять слышала игру кн. Голицына, опять слышала пѣніе. Но не малую роль въ этомъ повышенномъ тонѣ, въ этомъ восторгѣ игралъ опять ея собственный успѣхъ въ обществѣ. Она радостно поражена открытіемъ, что она красива. «Ю. Ѳ. говоритъ — пишетъ она мужу [2]),—что послѣ концерта всѣ спрашивали ее, кто такая прелестная была съ ней—вотъ тебѣ комплиментъ». Это открытіе дѣйствуетъ на нее необыкновенно радостно. Еще будучи невѣстой, переписываясь съ женихомъ, она не разъ высказывала ему, что она не красива, что есть много лицъ, съ которыми она бы помѣнялась. Теперь же вдругъ такая неожиданность: она *прекрасна*, ея появленіе замѣтили, объ ея красотѣ заговорили! Весь тонъ этихъ обоихъ писемъ съ разсказомъ о концертѣ и театрѣ необычно повышенъ и выдаетъ то сокровенное зернышко тщеславія, которое таилось въ глубинѣ души даже это скромной, искренно любящей и преданной женщины, таилось невѣдомо для нея самой, какъ невѣдомо отъ насъ показывается на головѣ сѣдой волосъ, который становится замѣтенъ послѣ долгаго промежутка.

Но выѣзды и въ отсутствіе мужа, какъ было сказано, — всетаки были экстраординарными событіями въ жизни Н. А. Она ихъ не искала, а, выѣзжая, дѣлала уступки другимъ, хотя эти выѣзды не представляли никакого насилія надъ ея природными наклонностями и характеромъ. Сама же она искала больше развлеченія въ чтеніи, особенно въ чтеніи своего или вѣрнѣе общаго любимца того времени, всѣхъ друзей Герцена—въ чтеніи Шиллера. Съ нѣмецкимъ языкомъ она уже достаточно справилась собственными силами еще въ Москвѣ,—читаетъ Шиллера въ подлинникѣ.

Какъ ни мало она читала въ домѣ кн. Хованской, въ Москвѣ, теперь времени на чтеніе хватало еще меньше. Тогда былъ полный досугъ, но онъ уходилъ на сладостныя мечтанія, теперь же вся жизнь была «въ дѣйствіяхъ». Всегда терпѣливая, умѣющая смиряться, она даже черезъ полтора года послѣ замужества не перестаетъ смущаться

[1]) Рук. Письмо отъ 8-го дек. 1839 г. Владиміръ.

[2]) Рук. письмо отъ 10 дек. 1839. Влад.

и тяготиться своимъ положеніемъ хозяйки, барыни. «Нѣтъ, ужъ я въ заколдованномъ кругу,—пишетъ она [1]),—*я барыня*! жалкая, бѣдная роль, и никакими мечтами, ничѣмъ на свѣтѣ не отдѣлаешься отъ нея». Она, жившая до замужества въ области грезъ, мечтаніями, теперь только что задумается — ну, хоть бы о томъ, какъ она вмѣстѣ съ мужемъ, попавши въ Петербургъ, будетъ любоваться въ Эрмитажѣ Рафаэлемъ, какъ у нея надъ ухомъ раздается: «Корыто лопнуло, стирать нельзя, чугунъ надобно купить». И она съ отчаяніемъ вскрикиваетъ: «О, Боже мой! — я очень понимаю, что женщинѣ необходимо быть вмѣстѣ и Мароой и Маріей, но... но... видно не все дается вмѣстѣ». Не даромъ же и владимірскій архіерей Парѳеній, когда на другой день свадьбы молодые Герцены пріѣхали къ нему съ визитомъ, не вѣрилъ, чтобы молодая умѣла солить огурцы. «Охъ, плохо вѣрится,—сказалъ онъ. А, вѣдь, это необходимо». Она признавалась теперь, по прошествіи полутора лѣтъ замужней жизни, что у нея нѣтъ этого дара, ей пришлось даже разъ накормить своего Александра горькимъ масломъ. Ожидая его возвращенія изъ Петербурга, гдѣ ему приходилось обѣдать у Le-Grand и гдѣ онъ долженъ былъ избаловаться, она смущена и обезпокоена: чѣмъ будетъ его кормить?

VI.

Охотнѣе всего и даже съ наслажденіемъ и увлеченіемъ она отдавалась теперь чувству матери и заботамъ о ребенкѣ. Въ этомъ чувствѣ ей открылся новый, волшебный, безконечный міръ небывалыхъ и незамѣнимыхъ радостей. «Чувство матери тебѣ не извѣстно, — писала она Огаревой, послѣ ея примиренія съ А. И. [2]), а въ немъ цѣлое море наслажденія, оно уничтожаетъ въ насъ вовсе *я*, заставляетъ обуздывать каждый шагъ, беречь душу отъ малѣйшей пылинки, потому что она готовится быть источникомъ, изъ котораго будетъ жить другая душа». Н. А. дѣйствительно является образцовою матерью. Всѣ заботы, какихъ требуетъ ребенокъ отъ окружающихъ въ первый годъ жизни, она беретъ на себя. Она его и кормилица и нянька, и все, что хотите. Няньшка хоть и была нанята для ребенка, но Н. А. сама проводила съ нимъ цѣлые дни. Она и кормила его, и мыла, и укладывала въ постельку. Играть съ нимъ, возиться, носить его по комнатамъ, смотрѣть съ нимъ изъ окна, рядить его въ какой нибудь колпачекъ и подносить къ зеркалу — все это составляло ея наслажденіе, превращалось въ потребность.

Но какъ ни мало бралъ заботъ и времени физическій уходъ за ребенкомъ, все же у молодой матери, съ дѣтства привыкшей къ мысли и

[1]) Рук. письмо отъ 27 дек. 1839. Влад.

[2]) «Изъ переписки недавнихъ дѣятелей» «Рус. Мысль».

къ анализу, остается достаточно досуга, чтобы подумать и о предстоящей великой задачѣ: воспитать ребенка. «Ахъ, Александръ, что будетъ съ нимъ,—пишетъ она 13-го декабря 1839 г., когда ребенку минуло полгода. Нѣтъ, мы мало строги къ себѣ, мы мало думаемъ о томъ, сколько лежитъ на насъ... сколько вниманія къ его пищѣ, а чѣмъ будетъ питаться его душа?.. То, что мы должны приготовить, вылетется въ человѣчество и съ нимъ будетъ безконечно... Мнѣ дѣлается страшно, когда передо мною ясно открывается вся огромность нашего долга» [1]).

Вотъ какое важное значеніе придавала Н. А. Герценъ матери и отцу въ образованіи будущаго человѣка. Ей хотѣлось и въ этомъ случаѣ обойтись безъ посторонняго вмѣшательства, безъ найма гувернантокъ, гувернеровъ и т. п. принадлежностей въ семьяхъ богатыхъ людей. Но для роли учительницы Н. А. находила въ себѣ мало знаній; она считала себя невѣждой и еще съ дѣтства обнаруживала жажду къ знанію, которая кое-какъ удовлетворялась сперва съ помощью ея единственнаго въ дѣтствѣ учителя — дьякона отъ Воскресенія въ Словущихъ, гувернантки, и наконецъ, когда подросла,—Т. П. Пассекъ, носившей ей разныхъ книгъ для чтенія, и затѣмъ самаго А. И. «Я ничего столько не читала, какъ твоего,—писала она ему не задолго до свадьбы,—ничего столько не писала, какъ къ тебѣ. Тутъ вся моя наука, все образованіе» [2]). Герценъ въ то время хотя и не былъ еще сторонникомъ занятія женщины наукою, чему горячо сочувствовалъ впослѣдствіи, но развитіе при помощи чтенія считалъ въ женщинѣ очень желательнымъ. Еще женихомъ онъ писалъ ей изъ Владиміра: «Я хочу тебѣ составить отчетливый, полный планъ чтенія и занятій—это разъ, и другое: особую библіотечку для тебя. Я много думалъ объ этомъ и между прочимъ придумалъ. Главное занятіе чтеніе, но чего? Здѣсь первое мѣсто—поэзія (религія съ ней неразлучна), потомъ исторія, — исторія— это поэма, сочиненная Богомъ, это его эпопея. Потомъ романы и больше ничего. Пуще всего не науки, Богъ съ ними, всѣ онѣ сбиваются на анатомію и рѣжутъ трупъ природы [3]).

Но этотъ планъ о библіотечкѣ и систематическомъ чтеніи, кажется, не былъ приведенъ въ исполненіе, по крайней мѣрѣ въ періодъ жизни во Владимірѣ. Оставшись безъ мужа, Н. А. не знала, что взять почитать и снова остановилась на Шиллерѣ, съ которымъ начала знакомиться въ Москвѣ. Потомъ Шиллеръ, сталъ смѣняться Гёте. Въ 1840 году Н. А. писала одной изъ своихъ Сашъ: «Теперь я, Сашенька, кормилица и няня, хочется быть и учительницей его, хотя сначала, и потому я учусь сама... Я очень много занимаюсь, читаю Шиллера и

[1]) Пакетъ съ рукописями 30-хъ годовъ.

[2]) „Переписка“. Мартъ, 1838.

[3]) „Переписка“.

Гёте» [1]). Н. А. съ каждымъ годомъ все больше прозрѣвала жизнь и съ каждымъ новымъ прозрѣніемъ росла и сильнѣй развивалась. Ея ростъ уже можно подмѣтить въ письмахъ послѣдней поѣздки Герцена, если сравнить ихъ съ письмомъ отъ генваря 1839 года. Какая вялость, тоска, пустота чувствуется въ ея настроеніи за время поѣздки А. И. по случаю смерти дяди—«сенатора»: ни цѣли, ни интереса, ни малѣйшаго дѣла внѣ Александра и любви къ нему! «Безъ тебя я ничтожна»—признается она. Какая полнота жизни, какой ростъ мысли выступаютъ во всемъ ея существѣ въ эту послѣднюю поѣздку! Этотъ ростъ есть слѣдствіе ея новой фазы жизни—рожденіе перваго ребенка, положеніе матери. Она расцвѣла и распустилась. Послѣ рожденія первенца у нея разомъ выступили новыя черты, обнаружились новыя чувства и наступила та полнота духовнаго развитія, которая даже одна въ силахъ скрасить женщину и дать ей почетное мѣсто въ жизни.

Своего Александра она любитъ не меньше прежняго: та-же забота, та-же нѣжность, любовь и предупредительность, то-же нетерпѣливое ожиданіе свиданія, но рядомъ съ этимъ она сама замѣчаетъ въ себѣ какой-то небывалый въ дѣвической жизни покой. «Теперь меня не мучаетъ, какъ прежде вопросъ: что-то будетъ? Ich habe geliebt und gelebt; а Сашка? ich habe noch nicht geendet. Но вѣры больше, любви больше и меньше страха» [2]).

Теперь безпокойство, если можетъ зародиться, то совсѣмъ съ другой стороны и другого рода. Александръ, при всей своей любви, уже не отдаетъ ей всего себя, не отказывается отъ творчества, труда и науки, ставя ее одну цѣлью всей своей жизни,—ей кажется, что онъ уже не влюбленъ въ нее, а потому, хотя-бы въ шутку, но она заинтригована—у какой красавицы онъ обѣдалъ въ Петербургѣ? и главное: ей объ этомъ ни слова! Она узнала это изъ письма къ Юліи Ѳедоровнѣ. Разъ заползшій червь сомнѣнія, что любовь къ ней не та, не прежняя, когда ей не находили равной на землѣ, ставили на пьедесталъ,—не дозволяетъ ей съ прежней безпредѣльной беззаботностью относиться и къ его словамъ. Одной, повидимому незначущей, пустой фразы съ его стороны на счетъ времени посылки на почту: «Ты знаешь-ли когда надобно посылать на почту? каждое воскресенье и каждый четвергъ вечеромъ въ 8 часовъ» [3])... достаточно, чтобы вызвать въ глубинѣ ея души нѣчто похожее на обиду. «Душка, ты пишешь, когда посылать за письмами, *неужели я до того не способна ни на что, что даже не вспомню*

---

[1]) «Переписка Н. А. Герценъ съ А. Г. Кліентовой». («Русская Старина» 1892 г., мартъ).

[2]) Рук. письмо отъ 23 дек. 1839. Влад.

[3]) Рук. письмо, отъ 8 дек. 1839. Влад.

и этого»? [1]). Прежде, когда существовала полная увѣренность въ его обожаньи, преклоненіи передъ святыней, этому и всѣмъ другимъ отдаленнымъ намекамъ на подозрѣніе не было мѣста, теперь-же... онъ больше не влюбленъ въ нее. Теперь, вѣдь, она не всегда смѣетъ войти въ его кабинетъ, если онъ занятъ: «боюсь идти въ кабинетъ—прогонишь» [2]). Его-же любитъ она съ прежней силой; ея любовь не ослабла даже на безконечно малую величину; она любитъ съ тѣмъ-же безумнымъ пыломъ, какимъ полна ихъ «Переписка» до свадьбы [3]). Полтора года совмѣстной жизни не поколебали въ ней увѣренности въ его высокомъ призваніи и предстоящемъ ему широкомъ поприщѣ: «тебѣ плыть по морю, по большой рѣкѣ по крайней мѣрѣ, а здѣсь болото [4]).

VII

Но этотъ зародышъ недовѣрія къ степени любви мужа не имѣетъ оправданія въ его истинныхъ чувствахъ. Попрежнему онъ любитъ ее, попрежнему восторгается ея письмами, душою, въ которой видна «та-же грація, какъ въ высочайшихъ произведеніяхъ художества» [5]). Нетерпѣливо, какъ въ былыя времена, ждетъ онъ ея писемъ. А получилъ—душа наполнилась такимъ восторгомъ, что ему тѣсно оставаться въ комнатѣ, ему нуженъ просторъ, ширь, чтобы ничто не тѣснило — и онъ бѣжитъ вонъ изъ дому на улицу. Его любовь не умалилась. Въ одномъ изъ своихъ петербургскихъ писемъ онъ даже прямо ей говоритъ: «Наташа, о напрасно сказала ты, что я ужь не влюбленъ въ тебя, другъ мой, напрасно». Любовь со времени женитьбы не уменьшилась, а только сдѣлалась спокойнѣе, ровнѣе, исчезъ гипнозъ, благодаря которому любовь заполоняла всю душу, не оставляя мѣста ничему другому. Теперь, когда они достигли жизни семейной, когда тревога уступила мѣсто спокойной увѣренности, конечно, у него нашлось время и для занятій, и для другихъ интересовъ. Вмѣстѣ съ ростомъ никогда не покидавшаго его идеала, только временами мѣнявшаго свою форму,— стало возвращаться и прежнее стремленіе къ труду, къ славѣ. Еще 23-го марта 1839 г. Герценъ писалъ Витбергу, что «высшій законъ, творчества требуетъ не зарывать таланта», и онъ дѣйствительно много трудится во Владимірѣ. Кромѣ постояннаго редактированія «Губернскихъ Вѣдомостей», у него выростали одинъ за другимъ планы новыхъ работъ, выполненіе которыхъ требовало кабинетнаго уединенія, затвор-

---

[1]) Рук. письмо, отъ 10 дек. 1839. Влад.

[2]) Рук. письмо, отъ 27 дек. 1839. Влад

[3]) «Переписка», печатанная въ «Русской М.», съ 1893.

[4]) Рук. письмо, отъ 27 дек. 1839 г. Влад.

[5]) Рук. письмо, отъ 18 дек 1839 г. Спб.

чества даже отъ нея,—его Наташи. Обзоръ его литературныхъ работъ, какъ владимірской, такъ и вятской жизни, требуетъ отдѣльныхъ статей.

Герценъ самъ прекрасно сознавалъ, уѣзжая 5-го декабря 1839 г. изъ Владиміра, что они оба измѣнились, стали не тѣ, и разлука теперешняя послѣ полугодовой жизни вмѣстѣ—совсѣмъ не похожа на ту, когда ему приходилось жить одному въ Вяткѣ. «Мы съ спокойнымъ сознаніемъ нашего счастья, его продолженія, и у разлуки отнята вся горечь (грусть совсѣмъ другое), потому [1]) что на концѣ ея наше свиданіе». И Герценъ сильно груститъ безъ семьи, безъ своего первенца—Саши, въ несложную жизнь котораго успѣла его втянуть Наталья Александровна, указывая ему на богатую сторону новаго чувства—чувства отца, открывшагося для него. Она пріучила ребенка узнавать отца, тянуться къ нему ручонками, искать его глазами. И нѣмая боль, нѣмая тоска не покидаютъ его, въ особенности въ Петербургѣ. Онъ всѣ силы употребляетъ, чтобы какъ можно скорѣй обдѣлать свои дѣла и ѣхать во Владиміръ. И сколько нѣжности, сколько любви уже лежитъ въ его груди къ этому младенцу, который такъ тѣсно сплелся съ ихъ жизнью. Не смотря на массу разныхъ дѣлъ и хлопотъ, онъ везетъ ему изъ Петербурга поясъ, мячикъ и игрушку.

А хлопотъ предстояло мною. Герценъ, — какъ уже упоминалось, — ѣхалъ въ Петербургъ отчасти за своимъ дѣломъ, отчасти по желанію отца. У него въ душѣ была тайная надежда выхлопотать позволеніе на поѣздку заграницу. Давно, еще будучи женихомъ, онъ мечталъ вмѣстѣ съ невѣстой взглянуть на лазурное небо Италіи, посмотрѣть на красоты ея природы и искусства и проѣхаться по западной Европѣ. И эта надежда долго поддерживала въ нихъ бодрость и служила опорой въ тяжелыя минуты разлуки. Но ей, какъ увидимъ, на этотъ разъ не пришлось осуществиться. Не мало хлопотъ было и съ порученіями отца.

Послѣ снятія надзора и опредѣленія Герцена на должность чиновника особыхъ порученій, владимірскій губернаторъ представилъ его къ чину коллежскаго ассесора. Но для полученія этого чина надо было ждать очереди, такъ какъ въ герольдіи соблюдалась очередь губерній. Очередь, конечно, возможно было обойти, но для этого требовалось употребить особыя ходатайства. Собственно для такого ходатайства И. А. Яковлевъ и посылалъ сына въ Петербургъ: ему хотѣлось, чтобы онъ какъ можно скорѣе получилъ этотъ чинъ, съ которымъ соединялись извѣстныя права и дворянское достоинство, и устроился бы на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Но прежде чѣмъ попасть въ сѣверную столицу, Герцену пришлось,

---

[1]) Рук. письмо, отъ 8 дек. 1839 г. Москва.

какъ мы уже знаемъ, проѣздомъ провести пять дней [1]) въ Москвѣ. Первое впечатлѣніе по пріѣздѣ въ Москву было тяжелое. Герценъ хотѣлъ даже ускорить свой отъѣздъ, но откровенная бесѣда съ Огаревымъ, примиреніе съ его женой нѣсколько измѣнили настроеніе, и онъ пробылъ пять дней.

Всѣ эти дни онъ прожилъ въ такихъ суетахъ, что ни разу не могъ сосредоточиться, какъ слѣдуетъ, чтобы должнымъ образомъ написать женѣ. Необходимо было и провести время съ отцомъ, родными, и побесѣдовать съ друзьями, и всѣхъ знакомыхъ повидать. Тутъ мужъ и жена Астраковы, которые были ему такъ симпатичны, и Т. П. Пассекъ съ мужемъ, съ которыми давно-давно не видался, и П. П. Медвѣдева, съ которой у него въ Вяткѣ былъ романъ [2]) и которая теперь жила въ Москвѣ и т. д. и т. д. Свиданія со всѣми были коротки, незначительны, дѣлались почти урывками. Дольше другихъ удалось бесѣдовать съ старымъ товарищемъ дѣтства, двоюродной сестрой, Т. П. Пассекъ, бывшей Кучиной. Встрѣча съ ней была не изъ радостныхъ: Герценъ нашелъ, что она послѣ замужества и жизни въ Харьковѣ, куда ея мужъ поѣхалъ было въ надеждѣ занять университетскую каѳедру, но, будучи замѣшанъ въ дѣлѣ Герцена и Огарева, каѳедры не получилъ,—сильно измѣнилась, опустилась и обабилась. «Видѣлъ Татьяну Петровну, — пишетъ онъ 9 дек., — лучше-бы не видать: что-то толсто, толсто, бабовато, бабовато. Ни онъ (ея мужъ, В. В. Пассекъ), ни она ни на шагъ впередъ, стоятъ спокойно привинченные къ 1833 году». Второе свиданіе, когда ему пришлось проговорить съ ней цѣлый вечеръ, нисколько не измѣнило впечатлѣнія; онъ нашелъ, что не ошибся: «она всѣхъ больше перемѣнилась: ни одной европейской ни мысли, ни слова, ни даже произношенія, харьковское нарѣчіе, харьковскія идеи» [3]).

Это недовольство и даже нѣкоторая непріязнь чувства къ обоимъ Пассекамъ, къ мужу и женѣ, стало проглядывать у Герцена еще въ Вяткѣ. «Путевыя Записки» В. В. Пассека, вышедшія въ 1834 году, по словамъ П. В. Анненкова,—были тому причиною. Книга Пассека произвела странное впечатлѣніе на друзей. Они усмотрѣли въ ней отрѣшеніе автора отъ недавняго своего прошлаго, отъ связей съ товарищами, въ дѣлѣ которыхъ онъ тоже былъ замѣшанъ и только благодаря отсутствію своему изъ Москвы избавился отъ ихъ участи—ареста и ссылки. Молодымъ критикамъ его показалось, на основаніи его востор-

[1]) Пробылъ съ 6 до 11 декабря,—какъ видно по его письмамъ, а не четыре дня, какъ говоритъ Н. М. Сатинъ, въ коллективномъ письмѣ къ Н. А. за это время, помѣщенномъ въ перепискѣ недавнихъ дѣятелей.

[2]) Романъ разсказанъ во второмъ томѣ «Записокъ», гдѣ г-жа Медвѣдева скрыта подъ буквою Р.

[3]) Рук. письмо отъ 11 дек. 1839 г. Москва.

женныхъ отношеній къ былому Руси и къ ея исторіи, что онъ перешелъ въ лагерь судебнаго патріотизма, прикрываясь только фантастическими изслѣдованіями будто бы научнаго свойства» [1]).

Это положеніе П. В. Анненкова, можетъ быть также подтверждаютъ и слѣдующія слова Герцена въ письмѣ къ невѣстѣ изъ Вятки: «Я любилъ Вадима и Т. П., и что же вышло изъ нихъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ?» [2]). Это чувство недовольства ими, какъ видимъ, не сгладилось и послѣ личнаго свиданія въ декабрѣ 1839 г., хотя П. В. Анненковъ настаиваетъ, что перемѣна произошла именно въ это время [3]). Съ этимъ чувствомъ непріятнаго впечатлѣнія отъ встрѣчи съ Пассекомъ уѣзжаетъ Герценъ въ Петербургъ. И тамъ мысль о подругѣ дѣтства, о происшедшихъ не въ пользу ея перемѣнахъ со времени замужества приходитъ ему въ голову. Онъ видѣлъ, что Т. П. Пассекъ, которую онъ нѣкогда очень любилъ, черезчуръ отдавалась вседневнымъ заботамъ жизни, дала втянуть себя этой низкой повседневности. Онъ не нашелъ въ ней слѣдовъ того высшаго міра, «который одинъ придаетъ человѣку печать духа Божія, блескъ и торжественность» [4]).

Но едвали правъ Герценъ, произнося это обвиненіе. Извѣстно, какъ бѣдствовали молодые Пассеки, очутившись въ Харьковѣ неожиданно безъ мѣста, какой терпѣли недостатокъ, въ особенности когда пошла семья. Не низменность натуры, а, конечно, необходимость, нужда требовали серьознаго участія Т. П. въ ненавистной тогда для Герцена «повседневности». Кромѣ того, рознь между ними, можетъ быть, клали и тѣ религіозныя воззрѣнія, которыя зародились у Герцена еще въ Крутицкихъ казармахъ, окрѣпли же и усилились главнымъ образомъ за періодъ вятской жизни.

Въ дѣтствѣ, какъ признаетъ самъ Герценъ, у него не было религіознаго чувства, да и внушить его было не кому: мать была нѣмка, отецъ не былъ религіозенъ; онъ «немного вѣрилъ по привычкѣ и на всякій случай, но никогда не исполнялъ никакихъ церковныхъ обрядовъ, хотя сына заставлялъ говѣть каждый годъ...» «Съ истиннымъ страхомъ подходилъ я къ причастью—говорилъ А. И.,—но религіознымъ чувствомъ я этого не назову, это былъ тотъ страхъ, который наводитъ все непонятное, таинственное, особенно, когда ему придаютъ серьоз-

---

[1]) «Идеалисты 30-хъ годовъ». Стр. 17.

[2]) Переписка.

[3]) Все это недоразумѣніе, говоритъ П. В. Анненковъ,—*продолжалось сравнительно недолго. Когда оба друга явились опять въ Москву въ 1839 г.*, уже было ясно, что тайна влюбчивости Пассека въ прошлыя судьбы Россіи и перемѣна его направленія произошла отъ искренней любви къ народу, отъ жажды найти себѣ дѣло, которое могло бы поднять духъ общества и успокоить его собственныя безпокойныя исканія опорной точки для мысли. («Идеалисты 30-хъ годовъ». Стр. 18).

[4]) Рук. письмо отъ 18 дек. 1839 г., Спб.

ную торжественность...» Правда, къ Евангелію онъ относился и въ дѣтствѣ съ глубокимъ почтеніемъ, читалъ съ искреннимъ чувствомъ, но того, чтобы можно было назвать религіознымъ чувствомъ, онъ не испытывалъ,—по его собственному признанію, ни разу вплоть до 1834 года. Въ іюнѣ этого года онъ испыталъ первое большое несчастіе: арестъ друга Огарева, вслѣдъ за которымъ и онъ самъ подвергся той-же участи. И тутъ его посѣтила впервые мысль о неполнотѣ, недостаточности міра. «Въ тюрьмѣ эта мысль усилилась» и сильнѣй стала потребность Евангелія. Онъ принялся за Четьи-Минеи. Сестра Наташа старалась своими письмами, которыя писались еще въ крутицкую тюрьму, поддержать и сильнѣй укрѣпить его въ вѣрѣ и покорности Провидѣнію. Въ Вяткѣ отъ близкаго и дружескаго общенія съ архитекторомъ Витбергомъ это религіозное настроеніе мысли еще глубже входитъ въ душу и доводитъ Герцена до презрительнаго отношенія ко всему матеріальному и даже до убѣжденія, что матерія *есть болѣзнь*. И съ этой точки зрѣнія «повседневность», подмѣченная имъ въ Т. П. Пассекъ и отсутствіе слѣдовъ «высшаго міра», разумѣется должны были его сильно оттолкнуть отъ его подруги дѣтства, а также и отъ ея мужа, въ которомъ онъ не замѣтилъ никакой перемѣны со временъ студенчества.

Это религіозно-мистическое настроеніе А. И. Герцена неизмѣнно продолжалось вплоть до переѣзда на службу въ Петербургъ, гдѣ, по его собственному признанію, онъ сильно предавался «скорбнымъ мыслямъ» и «былъ близокъ къ отчаянію» [1]). Во владимірскій періодъ жизни, вопреки мнѣнію П. В. Анненкова, онъ всецѣло сохранилъ вятское настроеніе и міровоззрѣніе, которое не подвергалось здѣсь рѣшительнымъ перемѣнамъ. Это подтверждаютъ и письма Герцена за 1834 г. изъ Петербурга и изъ Москвы. Онъ выступаетъ здѣсь такимъ же религіознымъ, какимъ его рисуетъ «Переписка» съ невѣстой. Почти въ каждомъ письмѣ шлетъ женѣ и малюткѣ свое благословеніе, причемъ спрашиваетъ: чувствуютъ ли они, что онъ тогда-то и тогда-то ихъ благословилъ? Герценъ, находившійся еще тогда въ этомъ отношеніи подъ вліяніемъ Витберга, старался внушить Натальѣ Александровнѣ вѣру въ сны. «Не принимай сны за ничтожные образы воображенія,—писалъ онъ ей;—вѣра въ нихъ—не предразсудокъ, правда, что сны высокіе рѣдко посѣщаютъ человѣка: этому причина—наша жизнь. Что можетъ шепнуть душа на ухо человѣка, объѣвшагося за ужиномъ, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ ничтожности? Но когда душа дѣйствуетъ, когда человѣкъ засыпаетъ съ чистой душой, эти образы не ничто».

И Н. А., до этихъ поръ не придававшая значенія ночнымъ видѣ-

---

[1]) *Записки*. Т. II. Стр. 128.

ніямъ, подъ его вліяніемъ начинаетъ вѣрить въ сны. Эту вѣру сохраняютъ оба — и мужъ и жена — во время первыхъ лѣтъ своей брачной жизни, во Владимірѣ. «Я видѣлъ во снѣ, — пишетъ Герценъ по пріѣздѣ въ Петербургъ [1]), — спавши въ дилижансѣ, Сашку, какъ-то странно видѣлъ и тебя. Множество птицъ летало, и я ловилъ ихъ, и носилъ тебѣ». Онъ разсказываетъ сонъ не для того только, чтобы подѣлиться испытаннымъ впечатлѣніемъ, а главнымъ образомъ затѣмъ чтобы узнать: «что это значитъ?». Н. А. съ сознаніемъ своей компетентности, серьезно и рѣшительно отвѣчаетъ: «Птицъ хорошо видѣть во снѣ. Ты мнѣ снишься каждую ночь, и часто больнымъ, грустнымъ» [2]).

Такими мистиками, кротко взирающими безъ злобы и негодованія на свое невольное сидѣнье во Владимірѣ, встрѣчаемъ мы обоихъ — мужа и жену — за этотъ періодъ. Тутъ еще не видно ни слѣда, ни тѣни той досады «на обстоятельства, сложившіяся такъ непріязненно противъ него», которая — по словамъ П. В. Анненкова [3]) — будто бы помогла ему еще *до прибытія въ Москву очнуться отъ блаженнаго сна* того «нервнаго состоянія, какое онъ пережилъ въ провинціи».

Во Владимірѣ ему было слишкомъ хорошо, ничто не вызывало тамъ ни его гнѣва, ни досады. Тамъ у него былъ уютный уголокъ, осѣненный тихой любовью семейной жизни и той высокой поэзіи, которой была полнаего жена. Ни служебныхъ непріятностей, ни столкновеній, ни даже той подозрительной оглядки, о которой, по словамъ *Записокъ*, ему напомнилъ Петербургъ съ первой-же минуты въѣзда въ столицу. Тамъ все говорило объ опасности, которой во Владимірѣ не существовало и тѣни. Служебныя отношенія, будучи сведены на редактированіе «Губернскихъ Вѣдомостей», исключали всякое столкновеніе съ служащими, всякія непріятности и недоразумѣнія. По дѣлу редакціи, у него былъ только одинъ постоянный сотрудникъ, — кандидатъ московскаго университета Небаба, тотъ добродушный и не глупый человѣкъ, котораго жизнь кончилась такъ трагически по причинѣ его безобразія и неуклюжести [4]). Главный-же начальникъ, губернаторъ И. Э. Курута, такъ былъ вмѣстѣ съ женой внимателенъ къ ссыльному, что первая мысль при открывающейся возможности переѣзда изъ Владиміра, мелькающая у Герцена, — о грусти разставанія съ губернаторомъ и его семьей. Но за то это была въ то-же время и единственная семья, съ которой было жаль разстаться. Владиміръ, какъ видимъ, не доставлялъ Герцену тѣхъ служебныхъ и другихъ непріятностей, которыя доставляла Вятка съ своимъ

[1]) Рук. письмо отъ 15 дек. 1839. Спб.

[2]) Рук. письмо отъ 21—23 дек. 1839. Влад.

[3]) «Идеалисты 30-хъ годовъ». Стр. 76.

[4]) Его трагическая смерть послѣ женитьбы на молоденькой, хорошенькой дѣвочкѣ трогательно разсказана въ концѣ I тома *Записокъ*.

губернаторомъ Тюфяемъ и столоначальникомъ Аленицынымъ, за то тотъ-же Владиміръ, внѣ семейнаго уголка, уголка, гдѣ было такъ хорошо, былъ для Герцена пустыней сравнительно съ Вяткой: тамъ было столько близкихъ друзей, образовалось столько кровныхъ связей! Изъ Владиміра было много легче уѣхать, чѣмъ оттуда. Все, что дорого было во Владимірѣ, кромѣ семьи Куруты, который, по словамъ А. И., то-же «недолго останется», все могло сопровождать его: жена, сынъ, уютный владимірскій кабинетъ съ бумагами, разбросанными на столѣ и подъ столомъ, съ кучками пепла отъ сигары и съ бездной книгъ, разбросанныхъ повсюду, гдѣ онъ проводилъ большую часть своего времени, могъ создаться заботливой рукой Н. А. вездѣ одинаково хорошо, въ Москвѣ. Петербургѣ, гдѣ угодно. Но тѣмъ не менѣе все-же грусть охватывала и сердце щемило при разставаніи съ этимъ тихимъ уголкомъ. Невольно думалось: «Не повторятся больше наши долгія одинокія прогулки за городомъ, гдѣ потерянные между луговъ мы такъ ясно чувствовали и весну природы, и нашу весну... Не повторятся зимніе вечера, въ которые, сидя близко другъ къ другу, мы закрывали книгу и слушали скрипъ пошевней и звонъ бубенчиковъ, напоминавшихъ намъ то 3-е марта 1838 г., то нашу поѣздку 9-го мая... Не повторятся [1])».

VIII.

Вооруженный рекомендательными письмами отца къ его старымъ друзьямъ, рекомендованный попечителемъ московскаго университета гр. Строгоновымъ министру внутреннихъ дѣлъ, Герценъ 11-го декабря 1838 года, въ 9-мъ часу, выѣзжаетъ изъ Москвы въ Петербургъ въ общественномъ экипажѣ.

Онъ ужасно усталъ отъ московской сутолки. Трое сутокъ въ дорогѣ должны были дать отдыхъ: можно было сосредоточиться, проанализировать результаты всѣхъ московскихъ встрѣчъ, разговоровъ, событій. И отчасти это удалось: «много мыслей явилось на дорогѣ [2])»,—но только отчасти: погода всю дорогу была прескверная, слѣдовательно можно себѣ представить всѣ неудобства пути при этомъ условіи! Еще хорошо, что возможно было обогрѣться и отдохнуть на станціяхъ, въ гостинницахъ, которыми Герценъ, можетъ быть, ради успокоенія Н. А. остается въ письмахъ доволенъ и называетъ «прекрасными».

Поѣздка въ Петербургъ и для Герцена, какъ для всякаго молодого человѣка въ тѣ времена, представляла много заманчиваго. Герценъ не вѣрилъ себѣ, своему счастью, очутившись въ первую минуту въ Пе-

[1]) *Записки.* Т. I, стр. 109.

[2]) Рукоп. письмо отъ 14-го декабря 1839. Спб.

тербургѣ, въ томъ «блестящемъ, удивительномъ, одномъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ въ мірѣ», какъ называлъ его впослѣдствіи. Онъ много ждетъ для ума и развитія отъ своей поѣздки: называетъ Петербургъ «великой поэмой». которую намѣревался читать «*три недѣли*». Эти слова онъ пишетъ женѣ тотчасъ по пріѣздѣ, не успѣвъ еще оглядѣться. Здѣсь, помимо служебныхъ дѣлъ, за которыми онъ пріѣхалъ, его ждетъ много пріятнѣйшихъ развлеченій: театръ, Эрмитажъ, встрѣча съ родными, красивыя улицы, дома, памятники... О памятникѣ Петра, Исакіевскомъ соборѣ, который въ то время еще не былъ достроенъ, онъ говоритъ на другой же день пріѣзда. О нихъ онъ вспомнилъ тотчасъ по выходѣ изъ дилижанса. Былъ уже девятый часъ ночи. Онъ взялъ извощика и поѣхалъ знакомиться съ Петербургомъ,—разсказываетъ онъ въ *Запискахъ* [1]). Все было покрыто глубокимъ снѣгомъ. только Петръ I на конѣ мрачно и грозно вырѣзывался среди ночной темноты на сѣромъ фонѣ».

Этотъ памятникъ, а еще больше,—какъ говорится въ письмѣ къ женѣ, зданіе зимняго дворца произвело самое сильное впечатлѣніе. Зимній дворецъ поразилъ его своей наружностью: «я не смотрѣлъ, стоя у колонны, ни на главный штабъ, ни на министерство, а на одинъ дворецъ, лучше я ничего не видывалъ, даже на картинкахъ, онъ что-то припоминаетъ Эскуріалъ» [2]). Это, а также и другія зданія вмѣстѣ съ невиданнымъ никогда моремъ и красавицей Невой манили его еще давно. Но и Нева, и море скованы ледянымъ покровомъ и скрыты отъ глазъ: «а моря нѣтъ и Невы нѣтъ»,—говоритъ онъ съ грустью во второмъ письмѣ изъ Петербурга. Это письмо. гдѣ уже сообщаются впечатлѣнія отъ столицы, далеко не дышетъ прежней надеждой и радостью. которыя сквозятъ въ первой запискѣ по пріѣздѣ, не смотря на дорожную усталость.

Первое близкое знакомство съ Петербургомъ, не смотря на его пышность, комфортабельность комнатъ и платья, торговую и административную дѣятельность, которую успѣлъ уже усмотрѣть Герценъ,—первое близкое знакомство не въ пользу его. По крайней мѣрѣ, не смотря на все это, А. И. чувствуетъ себя уныло: ему не достаетъ Н. А., не достаетъ семьи, «есть, кромѣ этого, *и другія причины*», спѣшитъ онъ добавить. О послѣднихъ въ силу, можетъ быть той осторожности, которую ему старался внушить отецъ, напутствуя его въ Петербургъ, и которую внушали первыя встрѣчи, онъ въ письмахъ намѣренно умалчиваетъ. Въ «Запискахъ» же, которыя были писаны много позже и при

---

[1]) Т. II. Стр. 159. Настроеніе Герцена въ Петербургѣ за эту поѣздку не совсѣмъ сходится по письмамъ съ тѣмъ, какое изображено въ *Запискахъ*, несущихъ на себѣ слѣды другихъ годовъ, думъ, событій.

[2]) Рукописное письмо отъ 15-го дек. 1839 г. Спб.

иныхъ условіяхъ, онъ прямо говоритъ, что Петербургъ того времени непріятно подѣйствовалъ на него своей волшебной способностью все видѣть и слышать даже тогда, когда вы думаете, что дѣйствуете и говорите безъ свидѣтелей. Объ этой способности ему напоминали всѣ, съ кѣмъ онъ ни встрѣчался въ Петербургѣ, и двоюродный братъ, и тотъ чиновникъ—знакомый отца, должно быть, Ив. Як. Лисенковъ, на имя котораго жена должна была ему адрессовать письма.

Но хотя Герценъ и умалчиваетъ въ письмахъ объ этихъ причинахъ своего унынія, онѣ, несомнѣнно, должны быть важны, если на второй же день онъ старается сократить срокъ своего пребыванія въ Петербургѣ *до двухъ недѣль*. Не прочь бы даже и сейчасъ уѣхать, бросить, оставить всѣ хлопоты, но его удерживаетъ Эрмитажъ — предметъ давнишнихъ желаній. Пусть грусть, уныніе мрачатъ его думы, онъ рѣшается прожить двѣ недѣли. Переѣзжаетъ изъ «гостинницы дилижансовъ», въ которой остановился въ первый день, въ «Hôtel de Londres», которая помѣщалась противъ адмиралтейства, беретъ номеръ въ двѣ комнаты, откуда изъ оконъ прекрасный видъ. За это, а также и за хорошее убранство комнатъ ему приходится заплатить 40 р. за двѣ недѣли.

Но и двухъ недѣль онъ не прожилъ: такъ сильно было желаніе скорѣй увидать «Наташу» и «Сашку» и покинуть мрачный, холодный Петербургъ, гдѣ все время, не переставая, дулъ вѣтеръ, выла вьюга, заволакивая небо и превращая день въ непроглядную ночь.

Однако, чуть-ли не на третій день, можетъ быть, послѣ визита къ министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Строганову, уже является въ первый разъ мысль о возможности переселенія въ Петербургъ. Не радость, а скорѣй боязнь пробуждаетъ эта мысль въ его сердцѣ: «много страшнаго въ этомъ,—говорилъ онъ,—люди послѣ двадцати-пяти лѣтъ трудно мѣняютъ нѣкоторыя основныя привычки». А главное — какъ припомнимъ—всѣ его желанія были за путешествіе, за поѣздку въ Италію. Онъ готовъ, пожалуй, примириться и съ необходимостью переѣзда въ столицу, лишь бы сначала удалось получить позволеніе ѣхать путешествовать: «это будетъ эпилогъ поэтическій жизни».

Одинъ, среди чужого города, первые три дня по пріѣздѣ онъ сильно скучаетъ одиночествомъ, грустить, не получая писемъ, какъ бываетъ со всякимъ по пріѣздѣ въ чужой городъ. Но стóитъ приглядѣться, приспособиться къ новой обстановкѣ, стóитъ увидать какое-нибудь близкое или пріятное лицо, какъ разомъ одиночество перестаетъ давить, взоръ раскрывается, дѣлается свѣтлѣе и мало-по-малу уныніе уступаетъ мѣсто радости, испытываемой отъ новыхъ впечатлѣній.

Приблизительно, хотя не совсѣмъ такъ, было и съ Герценомъ. Встрѣча съ В. А. Жуковскимъ, Арсеньевымъ, знакомство съ О. А. Жеребцовой, знатной семидесяти-лѣтней дамой, старой пріятельницей отца,

съ которой И. А. Яковлевъ нѣкогда танцовалъ при дворѣ имп. Екатерины II-ой и встрѣчался въ Парижѣ,—разомъ поднимаютъ духъ. Жуковскій встрѣчаетъ его такъ же радушно, какъ нѣкогда отнесся къ нему въ Вяткѣ, а со стороны О. А. Жеребцовой встрѣтилъ столько привѣтливости и доброты [1]), что—признается—и не ждалъ. Она встрѣтила его просто и радушно, какъ сына стариннаго друга, приглашала ходить обѣдать и заинтересовала своимъ умомъ, независимостью [2]) и интереснѣйшими разсказами. Да вообще всѣ, къ кому ни обращался, встрѣчали ласково и привѣтливо. Заходилъ и къ родственникамъ, между прочимъ къ двоюродному брату, С. Л. Левицкому, сыну умершаго дяди-«сенатора». Заходилъ и къ родной сестрѣ Н. А., къ Аннѣ Александровнѣ, которая была замужемъ и жила въ Петербургѣ пышно и богато. Она и ея мужъ встрѣтили его, «какъ брата», даже звали переселиться къ нимъ въ домъ и бросить гостинницу. Но Герценъ почему-то давно относился къ этой сестрѣ недовѣрчиво, почему-то ни у него, ни у Н. А. къ ней не было расположенія. И теперь всѣ любезности Анны Александровны не могли въ немъ уничтожить старое недовѣріе. «У А. А,—пишетъ онъ женѣ [3]),—бываю; по наружности она очень хочетъ быть близка къ намъ, но по внутренности-то знаетъ одинъ Богъ». Однако, необычайная ласка и доброта наконецъ разламываютъ ледъ, которымъ оковался Герценъ при встрѣчѣ съ этой женщиной. Она съумѣла побѣдить и смягчить его: черезъ нѣсколько дней онъ кончаетъ письмо припиской: «Отъ доброй и милой Анны Александровны поклонъ привезу лично». Онъ уже перестаетъ сторониться ея и даже обращается къ ней съ просьбами.

IX.

Дѣловыя хлопоты отнимали такъ много времени, что не давали побывать ни въ Эрмитажѣ, ни въ театрѣ. Только 18-го декабря Герценъ въ первый разъ идетъ на представленіе: даютъ «Гамлета», главную роль исполняетъ Каратыгинъ.

Ужъ сколько лѣтъ Герценъ былъ лишенъ удовольствія бывать въ театрѣ, видѣть игру хорошихъ актеровъ, удовольствія, которое въ былыя времена цѣнилось еще больше, чѣмъ въ наши дни. Послѣ этого можно понять тотъ необыкновенно сильный восторгъ, какой онъ выноситъ съ представленія «Гамлета».

«Великъ, необъятенъ Шекспиръ! пишетъ онъ женѣ въ ту-же ночь, вернувшись изъ театра.—Сейчасъ возвратился съ «Гамлета», и повѣ-

---

[1]) Рук. письмо отъ 17 дек. 1839 г. Спб.

[2]) *Записки*. Т. II.

[3]) Рук. письмо отъ 21 дек. 1839. Спб.

ришь-ли, не только слезы лились изъ глазъ моихъ, но я рыдалъ! [1])» Особенно ему понравилась сцена съ Офеліей послѣ представленія актеровъ во дворцѣ. «Что это за сила генія такъ уловитъ жизнь во всей необъятности отъ Гамлета до могильщика. А самъ Гамлетъ—страшный и великій. Правъ Гете—Шекспиръ творитъ, какъ Богъ» [2]).

Эта пьеса и раньше была одною изъ его любимыхъ: еще живя въ Вяткѣ, онъ восторгался ею и совѣтовалъ невѣстѣ непремѣнно прочесть эту драму. Теперь не только піеса, но и самая игра Каратыгина, которую онъ находилъ превосходной, такъ сильно его взволновала, что, вернувшись домой, онъ не можетъ лечь спать, не въ силахъ заснуть, ему нужно хоть сколько-нибудь отлить своего волненія. Онъ давно привыкъ дѣлиться всѣмъ сначала съ другомъ, потомъ съ невѣстой, а теперь съ женой. И тотчасъ садится писать. Но вотъ и разсказалъ и письмо написано, а фраза: «Тутъ были губы, а теперь ха, ха, ха...» не даетъ покою, не позволяетъ заснуть.

Бѣлинскій, который въ это время уже жилъ и работалъ въ Петербургѣ, не только не увлекался игрою Каратыгина, но и въ другихъ считалъ недомысліемъ увлеченіе такими актерами, которые, на его взглядъ, не выдерживали никакого сравненія съ Мочаловымъ.

Недовольный Герценомъ послѣ бесѣды въ Москвѣ, Бѣлинскій видится съ нимъ послѣ представленія Гамлета, отъ котораго А. И. остался въ такомъ восторгѣ. «Съ однимъ (изъ своихъ теоретическихъ противниковъ)—пишетъ Бѣлинскій Боткину—я видѣлся въ Петербургѣ: умный, добрый, прекрасный человѣкъ; но еслибы Богъ привелъ болѣе не видѣться, хорошо-бы...» Далѣе въ томъ-же письмѣ онъ прямо по фамиліи называетъ этого противника: «Герценъ былъ восторженъ и упоенъ Каратыгинымъ, въ роли Гамлета: охъ, заняться бы статистикой-то, славная наука» [3])

Въ этихъ словахъ видна ѣдкая насмѣшка надъ Герценомъ, который осмѣлился признавать въ Каратыгинѣ великій талантъ,—тогда какъ, по мнѣнію Бѣлинскаго,—Каратыгинъ не былъ лишенъ только внѣшней стороны искусства. Это мнѣніе свое Бѣлинскій измѣнилъ нѣсколько въ маѣ 1840 г., когда въ его міровоззрѣніи начался замѣтный переворотъ: «я убѣдился—писалъ онъ тогда тому же другу,—что Каратыгинъ великій актеръ, а видѣть его всетаки не могу...» Но о примиреніи Герцена съ Бѣлинскимъ въ этотъ первый короткій пріѣздъ Герцена въ Петербургъ не могло быть и рѣчи, какъ вѣрно на счетъ этого дѣлаетъ свои предположенія А. Н. Пыпинъ, не смотря на слова самого Герцена въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ статей, гдѣ говорится, что Петербургъ до

---

[1]) Рукоп. письмо отъ 18-го декабря 1839 г. Спб.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Біографія В. Г. Бѣлинскаго. А. Н. Пыпина.

неузнаваемости *въ одинъ мѣсяцъ* измѣнилъ воззрѣнія Бѣлинскаго. Извѣстно, что хронологія въ произведеніяхъ Герцена, вслѣдствіе забывчивости, часто расходится съ дѣйствительностью.

Разъ заглянувши на представленіе, Герценъ теперь чуть не каждый вечеръ то въ одномъ, то въ другомъ театрѣ. Слушаетъ оперу «Robert le diable», идетъ въ Михайловскій смотрѣть французскую труппу, гдѣ остается доволенъ игрой, но не выборомъ пьессъ, не пропускаетъ случая посмотрѣть и на искусство знаменитой Тальони, о которой говоритъ весь Петербургъ и отъ которой всѣ въ восхищеніи. А 19-го декабря ему, наконецъ, удается попасть въ святилище искусства, о которомъ онъ съ женой не разъ мечталъ, въ Эрмитажъ. Отъ него онъ ждалъ особаго, высшаго наслажденія. Эрмитажъ долженъ искупить все непріятное впечатлѣніе, какимъ его наградилъ Петербургъ при самомъ въѣздѣ и которое отчасти все время поддерживалось несносными петербургскими вьюгами, мокрымъ снѣгомъ, отсутствіемъ солнца и разсвѣта. Въ Эрмитажѣ онъ надѣялся провести «чудный день».

Но вотъ насталъ и чудный день, и что-же? Какъ и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ,—голова отказывается удержать что-нибудь въ памяти отъ такой массы картинъ, новыхъ именъ; въ результатѣ одинъ хаосъ—и никакого яснаго впечатлѣнія. «Не жди ни описаній, ничего... Тутъ надо мѣсяцы времени... Какъ было бы въ душѣ твоей, если бы тебѣ прочли пѣснь Миньоны, главу Онѣгина, Фауста, куплеты Беранже, оду Шиллера и проч. за одинъ присѣстъ» [1]). Онъ не въ силахъ справиться съ богатствомъ матерьяла и дать отчетъ. Рафаэль—предметъ его давнишнихъ мечтаній—не узнанъ былъ имъ съ перваго раза. Онъ признается, что оказался такимъ профаномъ, что изо всѣхъ картинъ Рафаэля узналъ бы, не глядя на подпись, только одну, гдѣ Мадонна изображена со старикомъ Іосифомъ и младенцемъ. Видъ младенца его тронулъ до слезъ: «какая кротость и безконечность во взорѣ, какая любовь струится изъ него — вотъ такъ человѣческое лицо, есть оттиски божественнаго духа, а ребенокъ очень хорошъ, онъ какъ-то задумчиво улыбается Іосифу» [2])

Кромѣ Мадонны, его поразила еще Loggia Рафаэля. Рафаэль, видимо, произвелъ сильное впечатлѣніе: о немъ онъ много говоритъ съ Огаревымъ, уже вернувшись въ Москву, и особенно выражаетъ свое восхищеніе Мадонной [3]).

Фламандская школа съ своимъ изображеніемъ кипучей веселой жизни болѣе, чѣмъ Рафаэль, доступна неподготовленному пониманію и,

[1]) Рукоп. письмо отъ 19-го дек. 1839 г. Спб.

[2]) Тамъ же.

[3]) «Изъ переписки недавнихъ дѣятелей» — письмо Огарева послѣ посѣщенія Сикстинской Мадонны.

заговоривъ о ней, Герценъ невольно восклицаетъ «страсть люблю эти сцены, вырванныя изъ клокочущей около насъ жизни». Упоминаетъ о Теньерѣ, Ѳстадэ...

Но дѣйствительно, что возможно усвоить въ одинъ разъ въ единственное посѣщеніе изъ такого богатства картинъ? А Герцену удалось быть въ Эрмитажѣ всего только разъ: онъ неудержимо спѣшитъ домой. И теперь онъ хлопочетъ только объ одномъ—скорѣе покончить дѣло съ переводомъ на службу и бѣжать изъ Петербурга безъ оглядки.

Въ дѣлѣ его перехода на службу изъ Владиміра принималъ участіе вышеупомянутый министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Строгановъ, но, видимо, въ этомъ вопросѣ оставались не безъ участія и Арсеньевъ съ Жуковскимъ. Когда дѣло о поѣздкѣ заграницу не выгорѣло, то, прежде чѣмъ подавать прошеніе о переводѣ, надо было рѣшить, куда переводится: въ Москву или въ Петербургъ? За Москву были всѣ симпатіи Герцена: тамъ было нѣсколько друзей; тамъ жилъ Огаревъ, тамъ всѣ родные, все, что близко сердцу. Но отецъ И. А. Яковлевъ желалъ, чтобы сынъ переходилъ на службу не въ Москву, а въ Петербургъ: можетъ быть, отцу думалось, что, имѣя въ Петербургѣ такого важнаго протектора, какъ гр. Строгановъ, сынъ скоро добьется высшаго поста, вродѣ губернаторскаго или чего-нибудь подобнаго, о чемъ въ тайнѣ мечталъ отецъ для своего любимца, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, имѣлъ въ виду—удалить сына отъ компаніи московскихъ друзей, которые прямо или косвенно, въ его глазахъ, конечно, были причиною его долгой ссылки. Для окончанія рѣшенія вопроса о выборѣ мѣста службы Герценъ, повидимому, ѣздилъ за совѣтомъ къ Жуковскому. И тамъ окончательно было рѣшено—переѣзжать въ Петербургъ. «Мы переѣдемъ въ Петербургъ непремѣнно», — пишетъ онъ женѣ на другой день свиданія съ Жуковскимъ [1]. Какъ разъ въ этотъ же день онъ подаетъ министру и бумагу о переводѣ. По всему вѣроятію, его тотчасъ же обнадежили обѣщаніемъ мѣста, потому что онъ въ этотъ же день писалъ: «мѣсяца черезъ три явлюсь сюда съ тобою. Радоваться этому или нѣтъ, право, не знаю, qui vivra—verra.

И, конечно, не радостью билось сердце Герцена при этомъ рѣшеніи. Петербургъ, какъ мы видѣли, почти съ первой же минуты въѣзда произвелъ на него нехорошее впечатлѣніе, которое,—хотя значительно смягченное новыми встрѣчами и впечатлѣніями, не покидало его вплоть до выѣзда. Этимъ же непріятнымъ впечатлѣніемъ и желаніемъ встрѣтить новый годъ въ своей семьѣ надо объяснить и ту поспѣшность, съ которой онъ рвался изъ сѣверной столицы. Вмѣсто трехъ

---

[1]) Рук. письмо отъ 21 дек. 1839 г. Спб.

недѣль, онъ пробылъ здѣсь всего только *девять дней* [1]) и каждый день неудержимо рвался вонъ, во Владиміръ.

Петербургъ, кромѣ разныхъ своихъ спеціальныхъ условій жизни, особенно не понравился ему климатомъ, своей сѣрой, туманной природой. «Петербургъ холодный, угрюмый, полурусскій, покрытый туманами,—писалъ онъ 27 декабря, пріѣхавши въ Москву—совсѣмъ не то, что наша Москва, звонящая тысячью колоколами, народная. А климатъ Петербурга?—Я тамъ не видалъ солнца; жить тамъ всегда страшно подумать». Этотъ взглядъ, какъ извѣстно, года черезъ два радикально измѣнился у Герцена. Онъ писалъ: «Петербургъ любить нельзя, а я чувствую, что не сталъ-бы жить ни въ какомъ другомъ городѣ Россіи. Въ Москвѣ, напротивъ, всѣ люди предобрые, только съ ними скука смертельная». Черезъ два года онъ слишкомъ хорошо постигъ всѣ стороны жизни обѣихъ столицъ и при всѣхъ недостаткахъ Петербурга видѣлъ въ немъ больше жизни, больше дѣятельности; Москву же не переставалъ любить до конца дней, какъ добрую, дорогую старушку.

Но вопросъ о переѣздѣ уже былъ рѣшенъ, потому приходилось утѣшать себя и изъискивать что-нибудь хорошее и въ этой сѣрой, неприглядной природѣ. Онъ слыхалъ о чудныхъ майскихъ ночахъ на берегу Невы и теперь начинаетъ себя и жену утѣшать майскими ночами. «Петербургъ весною хорошъ и у него есть майскія ночи, лунныя, приморскія [2]) и ихъ-то мы увидимъ вмѣстѣ, мой другъ».

Эти мечты о петербургскихъ бѣлыхъ ночахъ были единственнымъ утѣшеніемъ, потому что чувство, съ которымъ Герценъ ѣхалъ теперь во Владиміръ, было далеко не свѣтлое.

23 декабря онъ выѣхалъ изъ Петербурга; черезъ три дня былъ уже въ Москвѣ. Но теперь, когда самое дорогое его сердцу было во Владимірѣ, онъ спѣшитъ какъ можно скорѣе покинуть и Москву, употребляетъ всѣ старанія, чтобы попасть домой къ новому году. Женѣ же объ этихъ планахъ ни слова.

Но Н. А. и безъ словъ догадалась о сюрпризѣ. Узнавъ, что мужъ въ Москвѣ раньше срока, она ждетъ его со дня на день, считаетъ минуты... и только ради того, чтобы поговорить съ нимъ хоть перомъ, приписываетъ 30-го декабря къ давно начатому—еще 27 дек.—письму: «Ангелъ мой, что-жъ ты не ѣдешь? Ну, если-же новый годъ не встрѣтишь въ Москвѣ... я съ тобой буду, ангелъ мой, съ тобой...»

На этомъ письмо обрывается, она его не дописала. По всему вѣроятію, его посылать не пришлось. Надо думать, что Герценъ вернулся

---

[1]) Герценъ запамятовалъ, говоря въ *Запискахъ*: «Впрочемъ, я былъ въ Петербургѣ *двѣ-три недѣли* въ декабрѣ 1839». Т. II. Стр. 158.

[2]) Рукоп. письмо отъ 27 дек. 1839. Москва.

домой 30-го или 31-го декабря, былъ дома къ новому году: иначе жена-не утерпѣла-бы, чтобы не продолжать съ нимъ своей бесѣды, въ особенности въ торжественный часъ встрѣчи новаго года. Это предположеніе совпадаетъ и съ словами *Записокъ*, гдѣ Герценъ говоритъ, что «*къ новому году* прискакалъ опять во Владиміръ» [1])

Теперь, съ наступленіемъ 1840 г., предстояло собираться къ отъѣзду. Въ этихъ сборахъ Герцены, видимо, не спѣшили, а можетъ быть въ самомъ процессѣ перевода и утвержденія на службу въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ: оффиціально служба Герцена во Владимірѣ кончилась только въ апрѣлѣ 1840 года. Нѣсколько раньше, какъ кажется, въ мартѣ мѣсяцѣ [2]), Герцены изъ Владиміра перебрались въ Москву, а отсюда въ серединѣ мая [3]), а не въ концѣ лѣта, какъ запамятовавши, говоритъ Герценъ въ своихъ *Запискахъ*,—двинулись въ ненавистный Петербургъ, лаская себя видомъ Невы, моря и бѣлыхъ ночей.

Этимъ моментомъ замыкается періодъ не только тюрьмы и ссылки, но и того добродушнаго, поэтически-религіознаго, свѣтлаго настроенія, которое съ такой яркостью обнаруживается въ «Перепискѣ» Герцена съ невѣстой. Теперь наступаетъ новая фаза въ его развитіи. Петербургская жизнь кладетъ новыя черты, вызываетъ къ жизни иное настроеніе, иныя стороны души и характера, которыя крѣпнутъ и отливаются въ опредѣленную форму уже въ Новгородѣ.

Е. Некрасова.

---

[1]) Томъ II. Стр. 162.

[2]) Письмо Герцена къ Витбергу отъ 7 марта 1840 г. (Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Стр. 173).

[3]) Письмо Огарева къ Герцену изъ Москвы въ Петербургъ *отъ 16 мая 1840 г.*: «*какъ пріѣхалъ?* что дѣлаешь?» (Изъ Переписки Недавнихъ Дѣятелей).

У Макарья.

Едва пройдутъ три дня, какъ ярмарочный флагъ
Взовьется въ воздухѣ при общемъ ликованьи,—
И мирный семьянинъ оставитъ свой очагъ,
Кто знатенъ и богатъ, кто немощенъ и нагъ—
Всѣ, всѣ сольются здѣсь на мигъ въ одномъ желаньи!..

Лишь ночь іюльская опуститъ свой покровъ,
Заблещутъ огоньки безчисленныхъ цвѣтовъ
И въ Волгѣ-матушкѣ всѣ отразятся разомъ,
И звѣзды выглянутъ съ луной изъ облаковъ,
И заиграетъ зыбь причудливымъ алмазомъ.

Стечется людъ честной: въ халатѣ расписномъ
Бухарецъ свой товаръ искусно разбросаетъ;
Китайцы чинно такъ потянутся рядкомъ,
Татаринъ и лезгинъ съ коричневымъ лицомъ
И тощій джентльменъ съ сигарой зашагаетъ;

Французъ, какъ вьюнъ, скользнетъ; нѣмецкій колонистъ
Пройдется съ трубкою... Повсюду крикъ и свистъ...
Тамъ промелькнутъ вдали два сморщенныхъ еврея...
Толпа растетъ, растетъ... Вонъ забренчитъ арфистъ
И вплясъ пойдетъ ходить намазанная фея.

До самаго утра веселье зашумитъ!
Жизнь будетъ бить ключемъ и сколько разъ средь ночи
То пѣсня долетитъ, то арфа зазвучитъ,
То залихватскій конь копытомъ застучитъ,
То обожгутъ тебя невѣдомыя очи!..

А нынче миръ такой, такая тишина!
Не шелохнется листъ; не набѣжитъ волна;
Стоятъ задумчиво раскидистыя ивы;
Даль необъятная луной озарена;
На дремлющей рѣкѣ сверкаютъ переливы...

Такъ и въ моей душѣ какой-то смутный сонъ,—
То робко скажется предчувствіе волненья,
То мракъ, тяжелый мракъ зальетъ со всѣхъ сторонъ
И вдругъ прорѣжетъ лучъ мой темный небосклонъ
И вспыхнетъ зарево святого вдохновенья.

В. Умановъ-Каплуновскій.

———

Современная Ніобея.

Романъ Іоанаса Ли.

Переводъ съ датскаго В. Фирсова.

VIII.

Было время весенняго разлива, и перевозчику Ларсу Фергеману было много работы. То и дѣло подъѣзжали къ рѣкѣ брички, кабріолеты и шарабаны, и перевозчика звали то съ одной, то съ другой стороны рѣки. Проѣзжали все больше дѣловые люди, лѣсопромышленники и купцы, спѣшившіе по дѣламъ.

По хорошо просохшимъ, укатаннымъ дорогамъ такъ и гремѣли колеса многочисленныхъ экипажей до самой ночи. Раньше перваго часа перевозчику не бывало покоя.

Въ округѣ было много оживленія, а вскорѣ предстояло еще большее, такъ какъ въ субботу, шестнадцатаго іюня, назначено было общее собраніе участниковъ сберегательной кассы.

Ни для кого не было тайной, что подбирались голоса, чтобы свергнуть старую дирекцію. Уже два, три года чувствовалось въ округѣ все возроставшее вліяніе Челія, который съумѣлъ привить согражданамъ особенное пристрастіе къ спекуляціямъ, преимущественно лѣсомъ и лѣсными матеріалами. Пильни, фабрики бумажной массы изъ древесины, бондарни такъ и росли въ округѣ, какъ грибы. Само собою разумѣется, что всѣ находили теперь своевременнымъ замѣнить старую, осторожную дирекцію новой, изъ людей болѣе близкихъ къ новымъ предпріятіямъ и съ которыми было легче сговариваться насчетъ кредита. Предстояла борьба.

Въ этотъ періодъ Челій отказывался отъ всякихъ приглашеній и проводилъ свободное время, прогуливаясь между своими штапелями

бревенъ и досокъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы могли обвинить его въ агитаціи.

Но у себя онъ не могъ отказываться принимать посѣтителей, и то и дѣло у его воротъ останавливались кабріолеты, послѣ чего въ комнатахъ раздавались веселые голоса, и Челію въ подробностяхъ сообщалось, насколько успѣшно идетъ подготовка выборовъ. При этомъ посѣтители никогда не забывали напомнить, что разсчитываютъ впослѣдствіи воспользоваться вліяніемъ Челія и призанять денегъ въ кассѣ или по его поручительству въ городскомъ банкѣ.

И Челію приходилось быть сговорчивымъ, такъ какъ всякій разъ дѣло шло объ одномъ лишнемъ голосѣ за него.

Челій былъ на заводѣ и бродилъ между штапелями, потому-что въ его гостиной сидѣлъ и по обыкновенію читалъ цѣлую лекцію докторъ Стенвигъ. Если что-нибудь могло принудить Челія нарушить свой добровольный арестъ и велѣть запречь вороного, то это были посѣщенія молодого педанта, который вмѣстѣ съ Теклой намѣревался пересоздать человѣчество разсужденіями. Къ чорту всю ихъ болтовню и все ихъ саморазвитіе! Текла просто съ ума спятила со всѣми ихъ вопросами и нервничаетъ, если докторъ хоть одинъ день пропуститъ, не заѣхавъ къ ней...

Наконецъ Стенвигъ собрался домой и вышелъ на крыльцо вмѣстѣ съ Теклой, которая его провожала.

— До свиданія, мое почтеніе! крикнулъ издали обрадованный Челій.

Онъ направился было домой, но увидѣлъ, что, когда кабріолетъ доктора отъѣхалъ отъ крыльца, Текла не вернулась въ домъ, а пошла по дорогѣ къ старикамъ Барвигамъ. Подумавъ, онъ медленно побрелъ вслѣдъ за нею.

Они вошли въ гостиную госпожи Барвигъ почти одновременно.

— У меня къ тебѣ просьба, сказала Текла Бентѣ.—Надо бы, чтобы мѣстныя матери и жены корпоративно обратились къ доктору Стенвигу съ просьбой прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій о дѣтской гигіенѣ и физическомъ развитіи маленькихъ дѣтей. Вся старая система—сплошное дѣтоубійство и непростительно долѣе коснѣть въ невѣжествѣ. Пора и здѣшнимъ матерямъ понять это. Но чтобы дѣло пошло въ ходъ, надо сплотить здѣшнихъ женщинъ, а для этого нужно уважаемое въ округѣ имя. Мы разсчитываемъ на тебя. Надѣюсь, ты не откажешься открыть подписку и первой подпишешься сама?

— Прости меня, Текла, но я принуждена отказаться. У меня тоже были маленькія дѣти и есть свои взгляды на воспитаніе; при-

томъ я могла пользоваться многолѣтней опытностью моего мужа... Не могу сказать, чтобы идеи господина Стенвига казались мнѣ разумными, и все, что онъ говоритъ, представляется мнѣ черезчуръ книжнымъ... Во всякомъ случаѣ, не мнѣ устраивать оваціи доктору Стенвигу!

— Я тоже нахожу, вмѣшался Челій, — что этотъ парень, этотъ докторъ положительно удивляетъ меня своей беззастѣнчивостью. Согласитесь, что по меньшей мѣрѣ нагло съ его стороны просить, чтобы его рекламировали въ округѣ жена и родственники его коллеги, его конкурента... Это тоже самое, какъ еслибы я обратился къ женѣ стараго директора сберегательной кассы съ просьбой собрать сходку въ мою пользу, чтобы провалить ея мужа. Фу, чортъ возьми, до чего нынче доходитъ безстыдство! Развѣ ты не видишь этого, Текла?

— Я вижу только придирки, придирки и крючкотворство! возразила она съ сердцемъ.—Ни малѣйшаго отклика чему-либо свѣтлому и новому!

— Постой, постой, Текла! Развѣ ты не понимаешь, что онъ пользуется твоимъ увлеченіемъ новѣйшими идеями, чтобы проложить себѣ дорогу въ свѣтѣ? Да, матушка, обернулся онъ къ госпожѣ Барвигъ,—Текла становится значительнымъ лицомъ въ округѣ! А когда я буду богатъ, у нея будетъ еще больше вліянія въ свѣтѣ. Тогда придется же ей согласиться, наконецъ, что только благодаря моимъ дѣламъ она пріобрѣтаетъ власть. Надо тебѣ пояснить, матушка, что положеніе выборовъ вполнѣ выяснилось, и не далѣе, какъ въ субботу, я буду директоромъ сберегательной кассы!

Бента вздрогнула.

— Да, въ этомъ я теперь вполнѣ увѣренъ! прибавилъ онъ, оборачиваясь къ Теклѣ. — И въ эту минуту будетъ кстати напомнить тебѣ, Текла, что все это я дѣлаю столько же для тебя, какъ и для себя. Могла бы и ты выказывать хоть немного уваженія къ труду человѣка, который только и думаетъ, какъ бы создать для тебя прочное положеніе и богатство.

При послѣднихъ словахъ его голосъ задрожалъ, и, поспѣшно вставъ съ мѣста, онъ не оглядываясь вышелъ изъ комнаты.

Въ свою очередь Текла стала собираться домой, но Бента удержала ее.

— Постой, Текла, сказала она. — Разъ ужъ ты здѣсь, посиди еще минуту. Мнѣ надо поговорить съ тобой... Это нѣчто серьезное, и ты не раскаешься, если выслушаешь меня.

Старушка проговорила это почти сурово, и Текла съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Есть вещи, продолжала она, — которыхъ долго гнушаешься касаться, и поневолѣ объясненіе откладывается со дня на день. Но

раньше или позже оно должно состояться, а отъ меня тебѣ легче выслушать такія вещи, не заподозривъ какого-либо недоброжелательства. Дѣло идетъ о Стенвигѣ...

— Такъ я и знала!

— Да, мнѣ пришлось наслушаться столькихъ намековъ и подмѣтить такія нехорошія усмѣшки при упоминаніи твоего имени, что я считаю долгомъ предупредить тебя.

Текла смѣрила ее взглядомъ съ головы до ногъ. Такой смѣлости она никакъ не ожидала отъ благодушной свекрови.

— Я ничуть не забочусь о томъ, что люди говорятъ и думаютъ обо мнѣ!—проговорила она рѣзко.—Дружба между мною и Стенвигомъ основана на слишкомъ возвышенныхъ общихъ стремленіяхъ, чтобы на ней могли отразиться какія-нибудь сплетни. Знаю, что мало еще людей, которые въ состояніи трезво смотрѣть на непонятныя для толпы отношенія между развитыми людьми. Тѣмъ не менѣе такія духовныя отношенія бываютъ даже между мужчинами и женщинами... Не ожидала я услышать здѣсь того, что услышала!

— По-моему, порядочная жена должна заботиться о своей репутаціи нетолько ради себя, но и ради счастья мужа...

— Я не раздѣляю этого мнѣнія! И если это говорится по порученію Челія, то могу отвѣтить только, что прошу избавить отъ вашего вмѣшательства. Извините, что приходится говорить напрямикъ.

— Челій тутъ непричемъ, могу тебя увѣрить въ этомъ. Я сама сочла необходимымъ предупредить тебя и потому только, что въ этомъ случаѣ толпа, какъ ты насъ всѣхъ называешь, по-моему совершенно права.

— Что вы хотите сказать этимъ, мадамъ Барвигъ?

— Изволь, я буду говорить яснѣе. Когда симпатіи и душевныя стремленія замужней женщины относятся не къ ея мужу, а къ другому человѣку, всѣ разсудительные люди находятъ это ненормальнымъ, хотя-бы не было ничего такого, что принято называть невѣрностью. И это понятно, такъ-какъ мужъ, во всякомъ случаѣ, обманутъ въ самомъ существенномъ, въ томъ, что составляетъ основаніе союза. Вотъ почему тебя осуждаютъ, Текла, теперь. Я тоже говорю тебѣ напрямки.

— Стало быть, у меня нѣтъ никакихъ человѣческихъ правъ?—вскричала Текла.—Неужели не видятъ, какъ равнодушенъ, совершенно неотзывчивъ Челій ко всему, что не входитъ въ кругъ его спекуляцій? Мои душевныя требованія онъ не можетъ удовлетворить.

— Зачѣмъ-же ты вышла за него, Текла, если и тогда было ясно, что между вами не можетъ быть общности интересовъ?

— Э, не будемте возвращаться къ этому вѣчному вопросу о борьбѣ за существованіе!

Текла съ досадой тряхнула головой и продолжала раздражительно:

— Во всякомъ случаѣ, я не намѣрена ни у кого спрашивать позволенія въ вопросахъ о моихъ душевныхъ стремленіяхъ. Таковы мои убѣжденія, и я умру съ ними. Скажу вамъ безъ обиняковъ, что я готова ногами топтать всѣ ваши мѣщанскія условности! Я не признаю надъ собой ничьей власти, кромѣ своего собственнаго сознанія своего достоинства! Во всякомъ случаѣ, объ этомъ говорить нечего! И такъ, вы отказываетесь исполнить мою просьбу относительно подписки? Что-же, приходится этимъ удовлетвориться.

Она встала, простилась очень холодно и вышла.

Въ эту ночь свѣча снова долго мелькала въ желтой залѣ...

Послѣ разговора съ невѣсткой Бента никакъ не могла успокоиться. Въ свое время она не съумѣла идти противъ теченія и раскрыть глаза ослѣпленному сыну на дѣйствительныя достоинства Теклы, и это несмотря на то, что она и тогда, такъ-же ясно, какъ теперь, сознавала, насколько они не подходятъ одинъ къ другому. Теперь дѣло было сдѣлано, и ничего нельзя уже было поправить... Его личное счастіе было безвозвратно потеряно, потому что такой разладъ могъ только усиливаться и усиливаться подъ вліяніемъ теоретическихъ разсужденій Теклы. Бѣдный Челій! Эта спекуляція во всякомъ случаѣ не удалась, и за нее ему придется заплатить счастьемъ всей своей жизни!

Но даже эти печальныя мысли подавляло собой нѣчто еще болѣе страшное, цѣлый день пугавшее Бенту, какъ что-то ужасное и позорное для всей семьи. Это была высказанная Челіемъ увѣренность въ томъ, что онъ будетъ избранъ директоромъ кассы.

Это извѣстіе поразило ее, какъ ударъ грома.

Вѣдь она ясно предвидѣла, что должно было случиться потомъ. Необузданныя спекуляціи сына, которыя и теперь выражались десятками тысячъ, должны были вздуться, какъ рѣка въ половодіе, и превратиться въ сотни тысячъ... сотни тысячъ чужихъ денегъ, брошенныхъ на безумныя предпріятія. А потомъ: разореніе, цѣлое море всякихъ несчастій и позоръ, позоръ...

Имя Барвиговъ, это уважаемое въ странѣ имя, будетъ произноситься съ омерзеніемъ и проклятіями...

Она стояла неподвижно передъ свѣчей, которую поставила на край стола, и тупо смотрѣла передъ собой, а губы ея шевелились, точно она беззвучно разсуждала съ кѣмъ-то. Передъ нею всплывалъ точно въ туманѣ прежній Челій, веселый, широкоплечій мальчикъ, первый во всякихъ играхъ и въ катаньи на конькахъ, но неособенно прилежный и всегда умѣвшій отдѣлываться отъ уроковъ, не уча ихъ. Теперь это былъ какой-то помѣшанный на своихъ спекуляціяхъ че-

ловѣкъ, съ какимъ-то непонятнымъ довѣріемъ шедшій къ своей гибели, точно раскормленное до водянки добродушное животное... Во всѣхъ своихъ наивныхъ плутняхъ больше всего онъ обманывалъ самого себя. Онъ разорялся, а воображалъ и убѣждалъ себя и другихъ. что находится на гладкомъ пути къ богатству и хвастался своими торговыми способностями...

Съ годами измѣнилась и его наружность. Она вспоминала, что когда-то онъ былъ точь-въ-точь теперешняя Масси, которая спитъ теперь въ своей комнаткѣ и такъ твердо уповаетъ на непогрѣшимость родителей и всѣхъ старшихъ, кромѣ Берты, конечно... Какъ она восторгается всегда Миной и пытается подражать ей. У Челія было ея круглое довѣрчивое лицо. Теперь у него какое-то добродушно-лукавое, плутоватое выраженіе глазъ, которое безобразитъ его... Бѣдный Челій!

Просто хотѣлось плакать, кровавыми слезами плакать надъ нимъ! Несчастный Барвигъ, который ничего не подозрѣвалъ...

Но нѣтъ! Этого не должно случиться, чтобы Челій получилъ въ свои руки сберегательную кассу, которая ушла бы на его спекуляціи... Этого не должно случиться, хотя бы ей пришлось выйти для этого на площадь и кричать, что ея сынъ банкротъ!

Все горе въ томъ, что Челію удалось какъ-то залучить въ свое общество лѣсопромышленниковъ стараго, честнаго Арне Бергерсена, котораго считали въ округѣ олицетвореніемъ осторожности. Этимъ именемъ привлекались всѣ остальные спекуляторы, и только благодаря этому имени Челію удалось стать во главѣ всѣхъ новыхъ предпринимателей, которые сдѣлали его теперь своимъ главаремъ...

И вотъ въ умѣ несчастной матери зародилась злополучная мысль...

Долго она сидѣла и обдумывала что-то, совершенно забывъ о свѣчѣ, которую держала въ рукахъ, и съ которой стеаринъ капалъ на подсвѣчникъ.

Нельзя было сомнѣваться, что Арне Бергерсенъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей въ округѣ, голосъ котораго рѣшаетъ дѣло на выборахъ...

Что, если она съѣздитъ къ нему и откровенно объяснитъ ему, въ какое отчаяніе повергло бы ее избраніе Челія въ директоры сберегательной кассы?..

Какія же она дастъ объясненія?

Никакихъ, кромѣ того, что она считаетъ сына настолько неспособнымъ къ этой должности, что для него было бы несчастіемъ добиться избранія.

„Нечего скрывать отъ себя,—прошептала она съ какимъ-то окаменѣлымъ выраженіемъ въ лицѣ,—это предательство! Но я мать и я

не могу не сдѣлать всего для спасенія своихъ дѣтей. Если бы не стыдъ не страшный стыдъ—прибавила она, направляясь къ спальнѣ и раскачивая свѣчей,—я должна была-бы кричать всѣмъ и каждому, что мой сынъ безумный спекулянтъ, котораго слѣдуетъ опасаться"...

Всю первую половину зимы Берта открыто поощряла ухаживанья одного молодого сосѣда, смотрителя станціи Тольдъ. Но съ Рождества она порвала съ нимъ, влюбилась въ красавца Шельберга, простого нотаріальнаго писца, и уже была съ нимъ тайно помолвлена...

Вообще, у нея былъ свой собственный кругъ знакомствъ, значительно болѣе широкій, чѣмъ кругъ знакомствъ ея родителей. Она очень интересовалась всѣмъ, что случалось въ семействахъ сосѣдей, принимала участіе во всѣхъ увеселеніяхъ, и безъ нея не обходилась ни одна свадьба, ни одна крупная ссора въ округѣ. Даже въ такихъ общественныхъ дѣлахъ, какъ выборы Челія, она принимала живое участіе, по крайней мѣрѣ разносила соотвѣтственныя дѣлу сплетни и агитировала, какъ могла.

О братѣ Эндрикѣ, который теперь жилъ въ городѣ и разучивалъ Шекспировскія роли, также какъ о Минѣ, она знала черезъ своихъ пріятельницъ гораздо больше, чѣмъ они сообщали въ своихъ письмахъ къ родителямъ. Такъ, ей было извѣстно, что Мина положительно водитъ стариковъ за носъ, толкуя о своей музыкѣ. Въ дѣйствительности она проводила время очень весело въ обществѣ Финсланда и разныхъ артистовъ. Съ нея писали портреты, ей посвящались стихи. Всѣ находили ее такой интересной съ ея мистическими наклонностями, которыя не мѣшали ей бывать въ театрахъ и на всякихъ увеселеніяхъ.

Объ этомъ ничего не бывало въ письмахъ, конечно, а Берта въ этихъ случаяхъ умѣла молчать, потому что сама имѣла секреты.

Шультейсъ получалъ свои свѣдѣнія, и поневолѣ ему приходилось теперь довѣряться Бертѣ.

— Видите-ли, Берта,—говорилъ онъ таинственно,—ваша сестра не рождена для отрицательныхъ качествъ. Это позитивная натура, большая сила. Все, за что она берется, получаетъ отпечатокъ талантливости, прихотливости, энергіи и полноты... Эге-ге! Это яркая противоположность госпожи Теклы... Прежде она увлекалась другими; теперь она проявляетъ силу и влечетъ другихъ за собой... Теперь, она поднялась выше другихъ и пробуждаетъ въ людяхъ дремлющія силы, играя ихъ чувствами, какъ клавишами рояля. Не думайте, чтобы она отдалась кому бы то ни было! Нѣтъ, она хочетъ только, чтобы въ каждомъ были затронуты всѣ струны его души и чтобы

все оживало вокругъ нея, отдаваясь своему естественному призванію. А она остается недосягаема!.. Въ этомъ вся прелесть, весь смыслъ ея дѣятельности! Не правда-ли, это дивно прекрасно, Берта?

Онъ смотрѣлъ на нее пытливо.

— Вѣдь вы тоже понимаете, что не можетъ быть, чтобы она отдалась кому-нибудь? Вѣдь это немыслимо? Не правда-ли?

Въ его вопросахъ слышалась мольба подтвердить его увѣренность, и онъ съ мучительнымъ сомнѣніемъ заглядывалъ Бертѣ въ глаза.

— Для этого она слишкомъ развита!—получался наконецъ полунасмѣшливый отвѣтъ, и Шультейсъ поспѣшно уходилъ отъ Берты.

Оставалось лишь нѣсколько дней до общаго собранія участниковъ кассы.

Докторъ Барвигъ тоже находился въ нѣкоторомъ напряженіи, ожидая развязки выборовъ и чувствуя, что не обойдется безъ войны. Никогда въ жизни онъ не вмѣшивался въ такія дѣла, и всегда держалъ себя въ домахъ, которые посѣщалъ въ качествѣ врача, только врачемъ. Таковъ былъ его принципъ, и онъ не сочувствовалъ нововведеніямъ, которыя вносили смѣшеніе во всѣ дѣятельности. Но надо было имѣть каменное сердце, чтобы оставаться равнодушнымъ къ нынѣшнимъ выборамъ! И это не только потому что дѣло шло о Челіи... Нельзя было не пожелать, чтобы сберегательный банкъ оказывалъ больше поддержки нарождающимся въ округѣ полезнымъ предпріятіямъ и не принуждалъ мѣстныхъ предпринимателей искать кредита въ городѣ за несравненно большіе проценты. Докторъ искренно раздѣлялъ мнѣніе тѣхъ, которые утверждали, что пора отдать дѣла кассы въ руки энергичнаго человѣка, какъ напримѣръ Челій, который съумѣлъ бы направить эти дѣла на общую пользу... Ну, дастъ Богъ такъ и будетъ!

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, въ сотый разъ заключая свои размышленія такой надеждой, когда вошелъ Челій блѣдный и совсѣмъ запыхавшійся.

Онъ бросился въ кресло и остался въ немъ неподвиженъ, не произнося ни слова.

— Что, пошло неудачно съ выборами?—спросилъ отецъ.

Челій продолжалъ молчать.

— Ну, чего такъ... Никогда не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на удачу.

Челій поднялъ голову.

— Да, не могу сказать, чтобы шло хорошо!—заговорилъ онъ.— Точно самъ чортъ вмѣшался въ дѣло!.. Все было въ порядкѣ, боль-

шинство голосовъ безусловное... Дѣло было такое вѣрное, что я могъ считать избраніе обезпеченнымъ, и это до сегодняшняго дня, когда я вдругъ получаю это письмо... Арне Бергерсенъ не хочетъ возобновлять своихъ обязательствъ, не желаетъ больше участвовать въ обществѣ лѣсопромышленниковъ... Онъ просто-на-просто отрекается отъ насъ и отказывается отъ всякаго ручательства за насъ! Да-съ! И если мы не найдемъ теперь, сейчасъ-же другого, не менѣе сильнаго поручителя, мы окажемся въ субботу несостоятельными должниками передъ сберегательной кассой, которая выдала намъ ссуды подъ ручательство Бергерсена и не возобновитъ условія... Тогда прощай директорство! Глупо и неприлично даже было-бы предлагать меня въ кандидаты!..

Онъ сжалъ кулаки и простоналъ отъ досады.

— И какова низость!—продолжалъ онъ.—Подстроили это въ самую послѣднюю минуту, такъ что мнѣ не остается времени пріискать кого-нибудь на мѣсто Бергерсена... Тонко и подло обдуманная интрига! Понимаютъ, небось, что мнѣ нельзя теперь броситься на поиски новаго поручителя, такъ какъ это подорвало-бы кредитъ нашего общества. А вѣдь представлялись отличные случаи, и знай я объ измѣнѣ Бергерсена днемъ раньше, я нашелъ-бы хоть трехъ поручителей вмѣсто него... Но въ томъ-то и дѣло, что стряслось именно теперь...

Челій мрачно установился глазами въ полъ и продолжалъ глухо:

— И хоть-бы случилось что... Никакого риска не предвидится; по самому скромному разсчету ожидается въ этомъ году дивидендъ въ пятьдесятъ процентовъ на пай... Насъ было одиннадцать человѣкъ, связанныхъ круговой порукой... Да, теперь выхода нѣтъ и я не виноватъ, что все пойдетъ прахомъ!—А вѣдь было-бы достаточно одного уважаемаго въ округѣ имени, чтобы все спасти... Мнѣ-бы это имя нужно было только на два, на три дня, до понедѣльника; потомъ нашли-бы другого... Но что объ этомъ говорить, когда я теперь лишенъ даже возможности пріискивать такого человѣка! Пропало, все пропало... Однако, нельзя мнѣ терять времени. Надо ѣхать предупредить компаньоновъ... О директорскомъ креслѣ нечего и думать, но можетъ быть можно спасти мое общество.

Онъ тяжело вздохнулъ и хотѣлъ подняться, но задумался, какъ-бы соображая, что теперь надо дѣлать.

Въ комнатѣ водворилась тишина. Докторъ стоялъ у окна и въ раздумьи барабанилъ пальцами по стеклу.

— Да, это тяжелый ударъ, Челій,—проговорилъ онъ наконецъ.— Вполнѣ сочувствую тебѣ...

Челій досталъ носовой платокъ, украдкой вытеръ глаза и громко высморкался.

— Однако, вотъ что, Челій,—продолжалъ старикъ.—Если-бы... Жаль, что ты никогда не исполняешь того, что обѣщаешь мнѣ...

— О! Развѣ ты не знаешь, отецъ, что будь хоть малѣйшая возможность, я-бы давно возвратилъ тебѣ...

— Я не о томъ, Челій. Скажи, не можетъ-ли такое имя, какъ мое, выручить тебя?

— Еще-бы! Гораздо менѣе уважаемое имя спасло-бы насъ всѣхъ...

— Такъ вотъ что. Дай мнѣ твое честное слово, какъ сынъ, что ты не подведешь меня... Дай мнѣ честное слово, что дѣйствительно освободишь меня отъ всякихъ обязательствъ въ понедѣльникъ или во вторникъ! Въ такомъ случаѣ я подпишусь... Это противно моимъ убѣжденіямъ, но тѣмъ не менѣе я подпишусь, мой мальчикъ, чтобы выручить тебя и чтобы ты могъ сдѣлаться директоромъ...

Челій вторично высморкался и утеръ глаза.

— Если ты это сдѣлаешь, отецъ... Это такое великодушіе... Никогда я не забуду этого...

— Только, ничего не скажемъ объ этомъ матери... Ни слова ей, Челій!.. Она слишкомъ... слишкомъ разстраивается въ такихъ случаяхъ... И скорѣе принеси бумагу, такъ дѣло будетъ сдѣлано... Не то я еще одумаюсь,—заключилъ онъ, не глядя на сына.

IX.

Былъ уже сентябрь. Погода стояла тихая, воздухъ казался особенно прозрачнымъ и чистымъ. Листва на деревьяхъ порѣдѣла. У рѣки, которая ярко отражала солнечные лучи и какъ-то особенно торжественно катила свои воды, желтѣли прихваченныя морозомъ березы и краснѣли осины.

Въ тиши послѣобѣденнаго времени слышался только громкій стукъ колесъ, доносившійся съ большой дороги.

Это подъѣзжалъ Челій въ своей каріолкѣ. Онъ остановился у докторскаго подъѣзда, бросилъ возжи выбѣжавшему дворнику и поспѣшилъ къ отцу.

— Сегодня ты четыре раза присылалъ за мной!—вскричалъ онъ, входя въ кабинетъ.—На заводѣ люди должны подумать, что здѣсь случилось Богъ знаетъ что. Знаю я въ чемъ дѣло; ты добиваешься, чтобы тебѣ вернули твое обязательство, твою подпись... Но нельзя-же, отецъ, дѣлать это такъ вдругъ... Ты получишь, непремѣнно получишь обратно. Дай только срокъ, потому что я могу-же дѣлать чудеса.

— Чудеса?—загремѣлъ раздраженный докторъ.—Ты просилъ у меня подпись на два, на три дня, а теперь прошло больше двухъ

мѣсяцевъ и я не получаю обратно моего добраго имени. Подумай, два мѣсяца, въ продолженіе которыхъ каждый день, каждый часъ были для меня мукой. Каждый часъ. Челій! Понимаешь-ли ты это?

— Выслушай меня, отецъ...

— Ничего не хочу слушать. Давай обратно мою подпись—вотъ и все! Два мѣсяца, какъ я не смѣю показываться въ людяхъ съ поднятой головой! Не могу выѣхать изъ дому безъ того, чтобы не явилась эта проклятая мысль, что докторъ Барвигъ пустился въ спекуляціи, отдалъ свое имя на рискованныя предпріятія, погнался за легкой наживой... Всякій долженъ думать это...

— Хорошъ рискъ! Ты рискуешь только заработать нѣсколько тысячъ кронъ въ теченіе года!

— Не смѣй этого говорить, Челій! вспылилъ докторъ, наступая на сына. — Замолчи, иначе будетъ худо!.. Шестьдесятъ-три дня и столько же ночей—небось, я веду счетъ этимъ днямъ — я не смѣлъ смотрѣть твоей матери въ глаза... Я избѣгаю ея... А вѣдь тридцать-четыре года мы не имѣли съ нею тайнъ одинъ отъ другого и могли жить хоть въ стеклянномъ домѣ... Подавай сюда мою подпись, или...

Барвигъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и поднялъ руку.

— Чортъ возьми! разсердился Челій и поставилъ стулъ между собой и старикомъ.—Ты точно съума сошелъ, отецъ... Говорю и повторяю тебѣ, что ты получишь свою подпись обратно. Именно замѣстителя тебѣ я и пріискивалъ сегодня, чтобы развязаться наконецъ съ этимъ... съ твоими страхами и ежедневными приставаніями ко мнѣ...

— Ну-съ? Когда? когда? когда же я развяжусь съ тобой? Срокъ!

— Если ты не хочешь слушать меня спокойно, я лучше уйду домой и отвѣчу тебѣ письмомъ.

— Какъ бы не такъ! Говори сейчасъ же... Въ чемъ дѣло.

— Чортъ побери меня, если я видѣлъ подобную горячность! Я пріѣхалъ съ самыми лучшими извѣстіями, на какія не смѣлъ даже надѣяться, и вдругъ: подавай сюда имя обратно! Изъ за чего прижимать человѣка въ стѣнѣ? Развѣ я виноватъ, что это твое имя, именно потому, что оно такъ уважаемо, такъ трудно замѣнить другимъ? Будь увѣренъ, что иначе мы бы давно освободили тебя, потому-что не ради удовольствія имѣть съ тобой дѣло держимся мы за тебя.

— Къ дѣлу, къ дѣлу! Когда же?

— Я пріѣхалъ сообщить тебѣ, что общество лѣсопромышленниковъ рѣшилось сегодня купить остальную часть Чорнаго лѣса, около тридцати тысячъ деревьевъ, причемъ собственники лѣса входятъ съ нами въ компанію и раздѣлятъ съ нами, какъ прибыль, такъ и

убытки. Главное то, что по условію опять весь срубленный лѣсъ долженъ пилиться на моемъ заводѣ. И такъ, общество разростается, барыши увеличиваются, а для меня предстоитъ разрѣшить самую простую и пріятную задачу на тройное правило, а именно: если одинадцать тысячъ бревенъ дали мнѣ столько-то и столько-то дохода, сколько дастъ мнѣ распиловка тридцати тысячъ такихъ же бревенъ? Просто вѣдь?.. Что же касается твоего удаленія изъ общества, то имѣется въ виду человѣкъ, которымъ мы замѣнимъ тебя. Кстати, сколько требовать съ него отступного, такъ какъ предпріятіе считается очень выгоднымъ?

— Ничего. Ни гроша, Челій! Слышишь?—ни единаго гроша! Я желаю только получить обратно мою подпись. Безъ этого мнѣ нѣтъ покоя. Въ тотъ день, когда я снова буду спокоенъ за свое имя, я буду тебѣ прежнимъ отцомъ... Но пока... Да проститъ тебѣ Богъ, что ты рѣшился запутать меня въ такія непривычныя для меня дѣла, которыя не согласуются даже съ моими принципами! Когда же я буду свободенъ?

— Кажется, можно будетъ устроить это въ теченіе недѣли, отвѣтилъ Челій, соображая.

Старикъ вздохнулъ и отошелъ къ письменному столу, а Челій усѣлся въ кресло и заговорилъ съ обычнымъ своимъ добродушіемъ:

— Да, отецъ, съ этого дня открывается для меня цѣлая блестящая будущность! Уже теперь я не въ силахъ равнодушно смотрѣть на тесъ, который сплавляется съ завода Волера мимо моихъ оконъ. Съ расширеніемъ дѣла я добьюсь, что все будетъ пилиться только у меня! Знаешь ли, меня разжигаютъ такіе грандіозные проекты, что самому становится даже страшно...

— Ну, дай Богъ, дай Богъ тебѣ! Очень радъ, что все идетъ хорошо и вѣрю, что будетъ еще прекраснѣе. Но все-таки—мое имя, мое имя. Отдай мнѣ мое имя, мальчикъ! Я буду чувствовать себя, точно выпущенный на свободу въ тотъ день, когда бумага будетъ въ моихъ рукахъ.

— Никогда бы я не подумалъ, что ты способенъ преувеличивать, отецъ. Во всякомъ случаѣ, твоя подпись будетъ тебѣ возвращена, да еще съ величайшей благодарностью. Только благодаря этой подписи я выбранъ директоромъ сберегательной кассы, да и все сегодняшнее случилось благодаря тому же.

— Ну... это во всякомъ случаѣ очень утѣшительно! пробормоталъ отецъ.

— Да, и директоромъ кассы я останусь, потому-что никто уже не въ силахъ низвергнуть меня. Дѣло въ томъ, что всякому ясно, что чѣмъ больше мнѣ угождаютъ, тѣмъ шире становится кредитъ.

Со мной участники поднимаются, а еслибы я пошелъ книзу, рухнули бы и всѣ новые предприниматели. Я именно таковъ, какой имъ нуженъ, и рѣшительно некѣмъ замѣнить меня. Потому-то я и проченъ, какъ домовой, усѣвшійся имъ на шею! закончилъ онъ смѣясь и надѣвъ шляпу, направился изъ кабинета.

— А вотъ и почта! крикнулъ онъ отцу изъ передней, завидѣвъ приближавшагося почтальона.

Докторъ просмотрѣлъ свою корреспонденцію и немного позже появился въ саду съ какими-то бумажками въ рукахъ.

Тамъ Бента съ помощью Масси сбирала яблоки съ деревьевъ. Нельзя было портить плоды, роняя ихъ на землю, и потому Бента, взобравшись на лѣстницу, сбирала яблоки по одному и осторожно опускала ихъ на подвѣшенный коверъ. Внизу Масси поддерживала лѣстницу.

— Можешь-ли угадать, Бента, что я получилъ?.. Положительно, я начинаю извлекать для себя выгоды изъ популярности Челія! Я только получилъ отъ лѣсопромышленника Гарстада двѣсти кронъ гонорара всего за нѣсколько визитовъ... Ха, ха! Можетъ быть я сильно ошибаюсь, но сдается мнѣ, что этотъ человѣкъ желаетъ угодить не доктору, а отцу директора сберегательнаго банка. Однако, нельзя же ему возвратить деньги съ извѣстіемъ, что такія штуки не имѣютъ вліянія на разрѣшеніе кредита въ банкѣ...

Бента сдѣлала нетерпѣливое движеніе и большое яблоко съ шумомъ упало на коверъ.

— Да, обижать его я не имѣю права; все это однѣ догадки... Кстати есть куда дѣть эти деньги: ихъ можно отправить Минѣ...

— Такими вещами нельзя шутить, Барвигъ. Если твоя догадка основательна, это нехорошія деньги.

— Пустяки, Бента! Это не подкупъ, и такую невинную выгоду я могу съ спокойной совѣстью извлечь изъ всего, что я сдѣлалъ для нихъ... Наконецъ, неизбѣжно нѣкоторое измѣненіе въ отношеніи людей къ родителямъ человѣка, который быстро поднимается и пріобрѣтаетъ власть, потому-что невольно начинаютъ больше преклоняться передъ ними. А Челій, дѣйствительно, взобрался на порядочную высоту.

— Не надо забывать, Барвигъ, что въ такихъ дѣлахъ можно такъ же легко опуститься, какъ удалось подняться. Точь въ точь, какая-то бѣшеная пляска на канатѣ!—проворчала она.

— Такъ! Непремѣнно надо сдѣлать все, чтобы увидѣть вещи въ черномъ цвѣтѣ. У насъ всегда такъ: чѣмъ лучше идутъ дѣла, тѣмъ печальнѣе становятся лица! Весь Чорный лѣсъ будетъ пилиться на заводѣ Челія; мальчикъ не успѣваетъ исполнять заказы и принужденъ

расширять свое дѣло... Такъ нѣтъ же, надо вздыхать и поглядывать на мальчика такими глазами, что становится тошно! — Просто непонятно, какъ не порадоваться тому, что у Челія расширяется заводъ, а не рискованныя предпріятія, какими я считаю всѣ эти спекуляціи лѣсопромышленниковъ.

— Дай Богъ, чтобы было такъ!—проговорила Бента.—Все у него устраивается въ такихъ большихъ размѣрахъ... Увѣренъ ли ты, Барвигъ, что намъ нечего опасаться?

— Фу, ты Господи! Просто какой-то пунктъ помѣшательства! Все тебѣ кажется, что заводъ Челія стоитъ точно на порохѣ, и все тебѣ представляется шиворотъ на выворотъ... Я просто началъ опасаться приходить къ тебѣ съ какой-нибудь радостной новостью, потому что ты всегда съумѣешь омрачить мою радость. Сколько разъ я приходилъ сообщить, что дѣло начинаетъ принимать хорошій оборотъ...

— И все оказывалось иначе!—невольно вырвалось у нея.

— Фу! Положительно, ты сидишь на этой яблони и каркаешь оттуда, какъ зловѣщая ворона! Очень пріятно и ободрительно слушать!

— Да, пока не исчезнетъ опасность, угрожающая нашему благополучію и твоему доброму имени...

— О замолчи, Бента! Какъ ты можетъ до такой степени недовѣрять твоему сыну, твоему собственному сыну!

— Папа, атмъ ѣдутъ!—вскричала вдругъ Масси, замѣтившая на дорогѣ приближавшіеся къ дому два экипажа.—Въ переднемъ экипажѣ управляющій Лундъ, а сзади кабріолетка инспектора...

Лицо доктора прояснилось и онъ направился къ садовой калиткѣ встрѣчать гостей. Ему нравилось, что представлялась возможность провести вечеръ за картами и забыть „карканье" жены. Вѣдь что-бы она ни говорила, извѣстія были утѣшительныя и стоило ихъ запить стаканомъ тодди.

Между тѣмъ Масси, побывавшая въ этотъ день на заводѣ, возобновила съ матерью прерванный отцомъ разговоръ о маленькомъ Бардѣ, который по ея мнѣнію, развивался слишкомъ медленно.

— А знаешь, что —замѣтила она неожиданно,—я низачто не хотѣла бы выйти замужъ за маніака.

— Въ этомъ ты совершенно права, Масси.

— Да. А вѣдь Челій маніакъ!

— Гм-мъ...

Масси не умѣла объяснить, почему она считала брата маніакомъ, но твердо стояла на томъ, что онъ маніакъ.

— Оттого и Бардъ такой!—продолжала она размышлять.—Когда

я выйду замужъ, я хочу чтобы изъ моихъ дѣтей вышли изобрѣтатели, или ученые, или вообще великіе люди, которые управляютъ цѣлыми государствами... Вѣдь это возможно, мама?

— Богъ съ тобой, Масси! Откуда у тебя такія мысли? Не взвинчивай себя такими вещами—это безумно...

— А что-жъ тутъ невозможнаго? Я вѣдь высказываю только мечту. Мало ли что бываетъ... Мать Цезаря и мать Лютера не могли знать впередъ, что у нихъ будутъ такіе замѣчательные сыновья. А мать Наполеона, которой пришлось сдѣлаться матерью императора!

— Оглянись вокругъ себя, Масси,—серьезно возразила мать,—много ли на свѣтѣ Наполеоновъ и Цезарей? Подумай, какъ были бы разочарованы всѣ матери въ своихъ дѣтяхъ, еслибы онѣ мечтали только о Наполеонахъ и Мартинахъ Лютерахъ. А что пришлось бы мнѣ думать о васъ всѣхъ? Вѣдь вы-то ужъ ни въ какомъ случаѣ не изъ Цезарей! Дѣло въ томъ, что мать должна благодарить Бога, если ея дѣти хоть просто порядочные люди.

— Однако, въ этомъ не было бы ничего сверхъестественнаго, мама!—упрямилась Масси.—Я говорю только о возможности...

— Нѣтъ, нѣтъ, Масси. Такія мечты приводятъ только къ огорченіямъ. Кто ожидаетъ малаго—бываетъ счастливѣе, потому что получаетъ больше, чѣмъ ждалъ, и крѣпче любитъ своихъ...

— Значитъ, ты ждала отъ насъ немногаго, мама! Ты вѣдь довольна нами и любишь насъ.

Госпожа Барвигъ улыбнулась.

— Нѣтъ, милая Масси,—возразила она,—я не могу сказать, чтобы твоя мать въ свое время не представляла себѣ жизнь какой-то прекрасной сказкой. Но пришлось очень скоро образумиться. Въ то время люди бывали чаще довольны своей судьбой, и я примирилась съ дѣйствительностью, какъ и другіе. Теперь не то; теперь всѣ пути представляются каждому очень легкими и ничто не считается невозможнымъ...

Она помолчала и продолжала съ горечью.

— Забываютъ только, что недостаточно желанія, а нужны еще силы и трудъ, Масси. Вотъ почему теперь столько неудачниковъ, которые остаются при однѣхъ мечтахъ и одномъ воображеніи о своемъ величіи.—Нынче вообще мечтаютъ о недостижимыхъ вещахъ, и это называется имѣть возвышенныя идеи. Но сколько я ни смотрю, сколько ни присматриваюсь, я вижу только, что изъ этого ничего, кромѣ горя и несчастій, не выходитъ. Остерегись хоть ты, Масси, и не воображай, что ты какое-то исключеніе на свѣтѣ.

— Но это вѣдь возможно, мама! Значитъ, я не мечтаю о невозможномъ!

— Нѣтъ, по моему это даже невозможно, милое дитя. Навѣрное, отецъ и мать Аннибала чувствовали въ себѣ породу. Не можетъ быть, чтобы такія вещи случались совсѣмъ неожиданно.

Масси задумалась. Разсужденія матери не казались ей убѣдительными, но возражать она не хотѣла. Свои возраженія она приберегла для Шультейса, съ которымъ всегда могла начать соотвѣтственный разговоръ подъ предлогомъ размышленій о Минѣ.

— Я унесу, мама, корзину и все остальное, — сказала она. — Дождусь только, чтобы ты благополучно сошла съ лѣстницы. На деревѣ нѣтъ больше ни единаго яблока...

Когда яблоки были снесены наверхъ, въ желтую залу, и разложены на столѣ, Масси поспѣшила къ Шультейсу. Онъ стоялъ у большого окна въ передней и слѣдилъ за камнедробительными работами, которыя производились у бесѣдки подъ наблюденіемъ Арнта. Какъразъ рвали скалу, и два глухихъ динамитныхъ взрыва раздались одинъ за другимъ въ тиши осенняго вечера.

— Шультейсъ,—сказала Масси,—мнѣ хотѣлось спросить васъ. что-бы вышло, еслибы Мина вышла тамъ въ городѣ за глупаго человѣка?

Шультейсъ вздрогнулъ.

— Есть что-нибудь? Ты что-нибудь слышала, Масси?—спросилъ онъ съ тревогой.

— Нѣтъ-же! Я говорю только *еслибы*. Что-бы вышло изъ этого?

— Поистинѣ, Масси, это очень странное съ твоей стороны предположеніе, совсѣмъ невозможная фантазія, выходящая изъ рамокъ всякаго вѣроятія!—началъ онъ спокойнѣе, но вдругъ снова заподозрилъ. что случилось что-нибудь, и лицо его снова приняло испуганное выраженіе.—У тебя, вѣроятно, есть что-нибудь, Масси? Какой-нибудь намекъ или ничтожный дѣйствительный фактъ, на которомъ построено твое странное предположеніе?.. Никакого? Правда? Рѣшительно ничего? Ну, конечно, нѣтъ... Эге-ге!

Онъ засмѣялся, совершенно успокоенный.

— И ты все-таки хочешь составить разсужденіе? Еслибы она вышла... за глупаго... за глупаго мужа? Право, какая-то чудовищная и совершенно невозможная мысль!

— Ну, а все-таки! Предположимъ, что она вышла-бы за глупаго человѣка, за глупца, котораго она сочла-бы почему-нибудь умнымъ. Развѣ нельзя сдѣлать такого предположенія?..

— Нельзя... Положительно, невозможно!

— Видите-ли, Шультейсъ, я всегда разсчитывала на то, что Мина выйдетъ замужъ и будетъ имѣть замѣчательныхъ дѣтей, которымъ я буду тетей. Но вотъ мнѣ пришло въ голову, что если она выйдетъ за глупаго человѣка...

— Очень странный разговоръ, Масси!—перебилъ ее учитель.— У тебя, можно сказать, какія-то чудовищно-невозможныя предположенія, о которыхъ мнѣ просто нестерпимо разсуждать. Пожалуйста, избавь меня, Масси. Эге-ге! Наивность молодыхъ дѣвушекъ просто сбиваетъ съ толку иногда...

— Постойте, Шультейсъ. Я спрашиваю очень просто: могутъ-ли у глупаго отца быть умныя дѣти?

— Да... то есть... ну, конечно, да!.. Вѣдь мать можетъ быть настолько одарена, что это уравновѣситъ, пожалуй... Впрочемъ, такой вопросъ очень сложенъ...

— Ну, а если Мина полюбитъ умнаго, гордаго человѣка?

— Мина? прошу тебя, Масси, оставь это... Ты говоришь объ этомъ такъ, что морозъ проходитъ по кожѣ.

— Вы сами говорите, Шультейсъ, что Мина замѣчательно одаренная дѣвушка. Что, если ея мужъ будетъ не менѣе замѣчательный человѣкъ?

Съ минуту Шультейсъ стоялъ молча; видно было, что онъ старался подавить въ себѣ волненіе. Наконецъ, онъ заговорилъ, какъ говорилъ въ классѣ:

— Твое разсужденіе очень странно, Масси, и едва можетъ быть оправдано неясностью и спутанностью понятій такой молодой дѣвушки, какъ ты. Но даже для твоихъ шестнадцати лѣтъ, у тебя еще слишкомъ много тумана въ головѣ, Масси! Уже одна возможность высказаннаго тобою предположенія доказываетъ это!

Онъ встряхнулъ головой и вдохновленно откинулъ ее назадъ.

— Мина!—эта гордая, сильная дѣвушка съ возвышенными стремленіями, съ великими надеждами на будущее—она не возьметъ себѣ прекраснаго мужа, какъ-бы „замѣчателенъ“ онъ ни былъ! На что ей замѣчательный красавецъ, или замѣчательный талантъ, или замѣчательный ученый? Онъ ей ненуженъ! Потому-что—слушай и пойми меня, дѣвочка, сохрани это въ глубинѣ твоей еще невполнѣ пробудившейся души!—потому что она безсознательно несетъ въ своемъ чудномъ сердцѣ великую идею возвышенной любви. Да, ее не удовлетворили-бы ни богатство, ни писанная красота, ни геніальность, ибо ея возвышенной и стремящейся къ самому благородному душѣ нужны не прелести, а истинная любовь, сильная, какъ жизнь и смерть! Только на такую любовь отзовется она, когда познаетъ себя, и тогда она не посмотритъ на наружныя несовершенства человѣка. Такая любовь безконечна, какъ вселенная; такая любовь поднимаетъ и согрѣваетъ душу, какъ ничто другое... Такой союзъ...—онъ пріостановился и весь поблѣднѣлъ отъ волненія,—такой союзъ... Да, я не смѣю

отрицать, что въ такомъ союзѣ могутъ быть созданы геніи... Ибо такая любовь выше всякой геніальности... выше всего...

Масси не безъ испуга смотрѣла на его закатившіеся зрачки и поспѣшила уйти отъ него, когда голосъ его постепенно замеръ въ порывѣ экстаза.

Въ тотъ-же вечеръ Шультейсъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ письмо, которое докторъ передалъ ему изъ-за ломбернаго столика.

Это было давно обѣщанное Миной письмо, котораго онъ ожидалъ столько времени! Бумага синяя, очень изящная и надушенная тонкими духами... Надпись на конвертѣ: „господину магистру философіи Ананію Шультейсу". Притомъ, склеенъ вѣдь конвертъ былъ самой Миной! Ея губы прикасались къ бумагѣ...

„Дорогой учитель!

„Кому, какъ не вамъ одному, Шультейсъ, я могла-бы написать вполнѣ откровенно! На всемъ бѣломъ свѣтѣ вы одни понимаете и всегда понимали меня".

Въ глазахъ Шультейса потемнѣло отъ волненія. Онъ съ трудомъ овладѣлъ собой и долженъ былъ вторично перечесть прочитанное, чтобы убѣдиться, что дѣйствительно Мина обращалась къ нему съ такими ласковыми и довѣрчивыми словами.

„Испытанный другъ мой, вамъ я могу представиться таковой, какова я въ дѣйствительности, не опасаясь быть осужденной, потому что вы знаете мою цѣль: я хочу будить чувства прекраснаго и призывать къ идеалу дѣятелей нашего времени.

Начинаю съ описанія моей наружности. Коричневый костюмъ, отдѣланный краснымъ и желтымъ; шляпа съ широкими полями и вуалетка, настолько прикрывающія мои глаза, что нельзя разглядѣть ихъ сразу и приходится угадывать ихъ оттѣнокъ. Высокія, очень изящныя ботинки—вы знаете, что у меня красивая нога, Шультейсъ...

„Но то, что я особенно тщательно изучила и въ чемъ достигла искусства, это манера держать себя, осанка и движенія. Не разъ мнѣ приходилось слышать насмѣшки мужчинъ надъ женщинами, не обладающими изящной походкой. Требуется не только грація, но и естественность, особая свобода движеній...

„Перчатки самаго высшаго достоинства, или же безъ перчатокъ. Зонтикъ очень нарядный, съ художественно изваянной ручкой. Зонтикъ очень важный предметъ; за нимъ скрывается какая-то притягательная, таинственная сила... На поклоны улыбка, но улыбка легкая и загадочная, какъ бы своимъ собственнымъ мыслямъ и не сопровождая ее прямымъ взглядомъ..."

— Да, да! Ея чудная, божественная улыбка!—вздохнулъ Шультейсъ.

„Иногда удивленный, смѣлый взглядъ. И тысячи, тысячи ухищреній женскаго кокетства—цѣлый арсеналъ оружія.

„Таковъ пиратъ въ полномъ его вооруженіи, вышедшій изъ вашей тихой гавани, Шультейсъ.

„Я полагаюсь на ваше пониманіе моей души. Не можетъ быть, чтобы вы допустили темную мысль, что я отдамся кому-нибудь въ порывѣ малодушія, что я способна на что-нибудь въ родѣ обыкновеннаго увлеченія.

„Я чувствую, что я уже близка, очень близка къ моей цѣли. Финсландъ, напримѣръ, почти вполнѣ въ моей власти, и на него я имѣю вліяніе, которому онъ почти не въ силахъ противостоять. Будь онъ окончательно плѣненъ, такъ что только мои мысли и мой огонь овладѣли бы его стихомъ — о, какой-бы это былъ успѣхъ, Шультейсъ. Воодушевлять такой талантъ, блистать въ его стихахъ, которые говорили бы о Минѣ и отъ лица Мины!.. Но есть какое-то препятствіе, затемняющее мое торжество, и цѣль все еще не достигнута.

„Я очень, очень откровенна съ вами, Шультейсъ. Боюсь даже, какъ бы вы ни обронили или не забыли гдѣ-нибудь это письмо, а не то насъ можетъ предать выраженіе вашего лица... Тѣмъ не менѣе, сдѣлаю еще одно признаніе:

„Лѣто я провела не въ городѣ! Я была въ продолжительномъ путешествіи по странѣ въ обществѣ нѣсколькихъ литераторовъ и артистовъ. Мы исходили всѣ лучшія мѣста нашего прекраснаго горнаго хребта; мы жили въ горныхъ деревушкахъ; я была одѣта крестьянкой, и съ меня писали тамъ картины.

„Я чувствовала себя царицей, окруженной прекраснымъ дворомъ, и была счастлива... Но вдругъ и совсѣмъ неожиданно, Финсландъ оставилъ насъ...

„Почему? Съ чего? — Это тѣнь, омрачившая все путешествіе.

„Мнѣ вдругъ сдѣлалось скучно, точно вынута была душа изъ того, что опьяняло и радовало меня. Я не могла успокоиться, пока не вернулась въ городъ, гдѣ я опять со вчерашняго дня...

„Я хотѣла дописать это письмо вечеромъ. . Но представьте себѣ, что случилось. Въ сумерки, когда я шла по улицѣ, неожиданно остановился передо мной человѣкъ... Онъ наклонился и пристально заглянулъ мнѣ въ лицо... О, его глаза, его ужасные глаза и теперь мерещатся, стоятъ передо мной!.. Вы угадываете, конечно, что былъ этотъ страшный человѣкъ, котораго я не хочу называть“...

— Варбергъ!—Господи, какое несчастіе!—въ ужасѣ вскричалъ горбунъ.

Онъ опустилъ голову на руки и громко застоналъ, а послѣдній лучъ заходившаго солнца на мгновеніе освѣтилъ и затѣмъ какъ бы погасъ на немъ.

X.

Текла быстро вбѣжала на крыльцо докторскаго дома, укрываясь отъ дождя подъ раскрытымъ зонтикомъ. Она видимо торопилась и, не давъ себѣ даже труда снять въ передней калоши и пальто, бросила мокрый зонтъ и, какъ была, вошла въ кабинетъ Барвига.

— Я хотѣла поговорить съ тобой, дѣдушка Барвигъ! — сказала она, обращаясь къ тестю, котораго, съ рожденія маленькаго Барда, всегда называла „дѣдушкой".

— Что нибудь случилось съ мальчикомъ?

Она покачала головой и сѣла на диванъ. Видно было, что въ ней кипѣло что-то, и ей пришлось помолчать съ минуту, чтобы овладѣть собой.

— Я пришла посовѣтоваться съ тобой... Цѣлую ночь обдумывала я дѣло, но прежде, чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, желала бы знать мнѣніе главы семейства. Я очень хорошо знаю свои человѣческія обязанности, но надо выяснить, насколько онѣ согласуются съ обязанностями жены. Вопросъ въ томъ, насколько я связана узами брака.

— Постой, постой, милѣйшая Текла! Ты говоришь такія вещи, точно между тобой и Челіемъ произошло что-то совсѣмъ неладное...

Текла горько усмѣхнулась и откинулась на спинку дивана.

— Нѣтъ, тутъ не то! — возразила она. — Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего новаго. Мы женаты — и все тутъ!

— Однако, прошу тебя прежде всего обдумать, Текла, слѣдуетъ ли вмѣшивать родителей твоего мужа въ ваши домашнія дѣла? Я очень хорошо знаю, что Челій любитъ тебя до слабости, и вполнѣ увѣренъ, что ты ему не только искренній другъ, но и вѣрная жена. Я уважаю твою силу воли и самостоятельность характера... Но нужны-ли вообще излишнія объясненія?

— Да, я прошу объясненія отъ единственнаго человѣка, которому могу теперь довѣриться, отъ отца моего мужа. Я спрашиваю, каковы дѣйствительныя обязанности жены и какъ далеко эти обязанности простираются. Должна ли я, напримѣръ, ѣсть, пить, одѣваться, вообще жить на деньги мужа, если мнѣ извѣстно, что онъ добываетъ эти деньги спекуляціями на чужой счетъ?

— Господь съ тобой, Текла! Что ты говоришь?

— Да, это для меня несомнѣнно.

— Надо полагать, что ты ошибаешься, — сказалъ докторъ съ

внезапной холодностью.—Потрудись объяснить, какія у тебя основанія говорить это. Есть у тебя какія-нибудь факты, доказательства?

— Именно для того я пришла, чтобы высказать это.—Вчера я неожиданно для Челія вернулась съ засѣданія Общества распространенія нравственныхъ сочиненій. Меня не замѣтили, и я невольно услышала изъ моей комнаты, какъ Челій старался уговорить и успокоить кого-то въ гостиной. Разговоръ шелъ о послѣдней покупкѣ Чорнаго лѣса и говорилось ни болѣе ни менѣе, какъ о возможности банкротства. Тогда я рѣшилась прислушиваться, такъ какъ Челій совсѣмъ не то разсказывалъ мнѣ объ этомъ дѣлѣ. Гость былъ одинъ изъ компаніоновъ Челія и казался совсѣмъ обезкураженнымъ. Оказывалось, что пресловутыхъ тридцати тысячъ бревенъ въ лѣсу вовсе не было, участокъ былъ сильно вырубленъ, и его владѣльцы съумѣли просто-на-просто надуть компанію лѣсопромышленниковъ, сваливъ на Челія и его товарищей собственную бѣду. Челій успокоивалъ компаніона и говорилъ, что неудачное предпріятіе надо поправить удачнымъ, а для этого слѣдуетъ продолжать скупать лѣса, хотя бы пришлось жить нѣкоторое время одними долгами. Прежде всего надо позаботиться, говорилъ онъ, чтобы никто не узналъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ и чтобы общество не осталось безъ лѣса, пока не представится случай вывернуться изъ бѣды. Объявить себя несостоятельнымъ мы всегда успѣемъ!—добавилъ онъ.—Теперь ты понимаешь, почему я спрашиваю о предѣлахъ обязанностей жены относительно мужа,

Лицо доктора сдѣлалось землистаго цвѣта.

— Вѣроятно, Челію просто приходилось успокоивать панически испуганнаго компаньона!—проговорилъ онъ съ усиліемъ.—Во всякомъ случаѣ, Текла, по моему, обязанность жены въ этомъ случаѣ очень ясна: это молчать о дѣлахъ мужа и не прибавлять затрудненій, если дѣла дѣйствительно пошатнулись.

Текла кивнула головой и горько разсмѣялась.

— Понимаю,—сказала она.—Я отдалась однажды за золотого тельца, и приходится мириться съ послѣдствіями!..

— Извини меня, Текла,—прервалъ ее докторъ неожиданно,—но я долженъ попросить тебя оставить меня теперь одного... Я... я...

Онъ не могъ договорить и схватился за столъ, точно чувствовалъ, что падаетъ.

Текла поднялась съ дивана.

— Ну,—сказала она со вздохомъ,—приходится признаться, что я ухожу съ чѣмъ пришла; диллемма остается неразрѣшенной!.. Да, такъ кланяйтесь, пожалуйста, госпожѣ Барвигъ и передайте ей мои извиненія, что у меня духу не хватаетъ повидать ее...

Оставшись наединѣ, докторъ началъ безпокойно шагать по комнатѣ. Ему было душно и холодный потъ выступалъ у него на лбу. Онъ бросился къ окну и открылъ его настежь. Но это не помогало и онъ попрежнему задыхался... Всякое волненіе вызывали у него такіе припадки удушья.

Но постепенно онъ успокоился.

— Послать за Челіемъ!—крикнулъ онъ дворнику въ окно.

Челій собирался ѣхать на внезапно сознанное общее собраніе лѣсопромышленниковъ и садился уже въ экипажъ. когда ему передали приглашеніе отца.

— Скажи, что могу пріѣхать не ранѣе четырехъ часовъ!—отвѣтилъ онъ посланному и уѣхалъ крупной рысью.

Въ четыре часа, когда Челій, наконецъ, пріѣхалъ къ отцу, онъ его засталъ неподвижно сидящимъ у письменнаго стола. Старикъ имѣлъ жалкій, пришибленный видъ и даже не поднялъ головы, когда вошелъ Челій.

— Въ чемъ дѣло, отецъ?

Молчаніе.

— Ты чего такъ притихъ? А? Опять случилось что-нибудь?

— Челій,—тихо проговорилъ старикъ,—тебѣ слѣдовало быть со мной правдивѣе. Покупка Чорнаго лѣса была плоховата, чтобы не сказать...

— Откуда ты узналъ, отецъ? Развѣ уже болтаютъ объ этомъ?—обезпокоился сынъ.

— Нѣтъ... Но... я вѣдь всюду бываю и слышу сужденія... Напримѣръ, рабочихъ.

— А! Ты говоришь правдивѣе, правдивѣе... Развѣ я нарочно? Могу теперь откровенно сознаться, что лѣсъ дѣйствительно неважный... пока, конечно. Принужденъ признаться въ этомъ всякому, кто коснется вопроса. А тебѣ могу сказать больше. а именно, что насъ надули, безстыдно надули съ этимъ лѣсомъ! Однако, дѣло оказывается не такъ безнадежно плохо, какъ я полагалъ сначала. Вѣдь мы вообразили было, что тамъ вовсе не оказалось строевого лѣса, ни бревна! Оказывается, однако, что это вздоръ. Кое-что годится и теперь, а съ остальнымъ придется только подождать нѣсколько лѣтъ, пока деревья подростутъ. Все сводится къ вопросу, можемъ-ли мы выдержать столько времени, оставляя капиталъ неподвижнымъ. Разумѣется, это тяжело. Но насъ много и, по моему, силъ хватитъ.

Докторъ слушалъ разсѣянно, не поднимая головы.

— Челій, не можешь-ли ты хоть какъ-нибудь... какъ нибудь освободить меня?—попросилъ онъ кротко.—Это убиваетъ меня, видишь-ли... Я не въ силахъ оставаться съ вами! Право. неужели ты

не можешь сдѣлать этого для твоего отца, мой мальчикъ? Ты такой находчивый, когда берешься энергично... А я... не стою-же я, чтобы меня держались такъ упорно... Найди средство высвободить меня, Челій!..

— Ей Богу, слушать тебя больно!—проговорилъ Челій и принялся взадъ и впередъ ходить по кабинету. — Повѣрь, отецъ, что будь хоть малѣйшая возможность освободить тебя, я не сталъ-бы мучить тебя съ самаго лѣта и давно-бы возвратилъ тебѣ твое поручительство. Но какъ было все предусмотрѣть? А тутъ еще обрушилась на насъ эта мерзкая плутня... Вотъ и приходится тратить на все больше времени, чѣмъ предполагалось...

— Челій,—сказалъ докторъ измѣнившимся голосомъ и вдругъ поднялся съ кресла.—Я согласенъ откупиться... Предлагаю все, что у насъ осталось, около двухъ тысячъ кронъ. Ты получишь наличными деньгами...

— Какъ жаль, какъ ужасно жаль этихъ денегъ!—пробормоталъ Челій.—Надо-же было, чтобы дѣло пошло такъ худо. Лучше-бы я, кажется, отдалъ послѣднюю рубашку...

— Неужели ты думаешь, что ничего нельзя сдѣлать теперь... даже за двѣ тысячи?—настаивалъ докторъ умоляющимъ голосомъ.— Неужели нельзя, Челій?

— Не только можно, отецъ, но непремѣнно будетъ сдѣлано! Дай только немного времени. Я возьму чорта за рога, если нужно, и во всякомъ случаѣ пріищу замѣстителя... Тѣмъ легче это сдѣлать, когда можно смазать дѣло двумя тысячами...

— Да, да—двѣ тысячи. Ты ихъ получишь въ руки, какъ только доставишь мнѣ обратно поручительство!

— Будь спокоенъ, отецъ. Съ двумя тысячами въ теперешнее безденежное время это пустое дѣло...

Челій погрузился въ размышленіе и прошелся раза два по комнатѣ.

— Мнѣ кажется,—прибавилъ онъ подумавъ,—что я нашелъ подходящаго человѣка! Очень уважаемъ въ дирекціи, славится аккуратностью въ выполненіи обязательствъ; притомъ многимъ мнѣ обязанъ... Поступлю съ нимъ, какъ пруссаки со своими войсками: спереди ободренія и приманки, сзади—заряженныя картечью пушки... Ха, ха! А все-таки досадно, что тебѣ приходится уходить отъ насъ съ убыткомъ! Ты передашь мнѣ эти двѣ тысячи?..

— Будутъ лежать здѣсь, на этомъ столѣ. когда ты принесешь мнѣ бумагу!

— Гм... Досадно, что столько денегъ лежитъ у меня въ товарѣ. Одинъ тесъ на заводѣ застрахованъ въ сорока пяти тысячахъ,

не считая плахъ, запасъ которыхъ измѣняется. Еслибы этотъ капиталъ былъ у меня свободенъ! Или будь хоть какая-нибудь возможность теперь-же получить тридцать пять тысячъ подъ залогъ моихъ досокъ!.. Я былъ-бы теперь Крезъ, потому что могъ-бы купить лѣсъ въ Оресалѣ, который мнѣ предлагаютъ письменно за эти деньги... Да, это настоящій лѣсъ, который я осматривалъ собственными глазами! Мачтовый, нерубленъ десятки лѣтъ... цѣлое богатство! И всего тридцать пять тысячъ, тридцать пять! Да, будь это въ прошломъ году! Будь это даже всего лишь передъ Рождествомъ, я шутя раздобылъ-бы деньги. Но теперь!..

Онъ махнулъ рукой и взялся за шапку, собираясь уйти.

— Кстати, Челій,—сказалъ нѣсколько ободрившійся докторъ,—тебѣ-бы слѣдовало нѣсколько посвятить Теклу въ твои дѣла. Иначе, женщины легко поддаются фантазіямъ. Не понимая дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣла, она можетъ вообразить Богъ знаетъ что и невольно повредитъ тебѣ своими опасеніями. Вотъ, напримѣръ, это дѣло съ Оресальскимъ лѣсомъ могло-бы заинтересовать и ободрить ее. Вѣдь и она тревожится изъ-за разныхъ слуховъ—я въ этомъ увѣренъ; не мѣшаетъ ее успокоить...

Однажды, весной Эндрикъ неожиданно появился въ отцовскомъ домѣ. Онъ пріѣхалъ провести у родителей лѣто, „погостить", какъ онъ выразился.

Ему пришлось выдержать въ отцовскомъ кабинетѣ очень тяжелое объясненіе, причемъ его поразила какая-то несвойственная доктору безнадежность, съ какой старикъ отнесся къ нему. Посидѣвъ затѣмъ съ матерью, которой тоже было нечѣмъ утѣшить его, онъ отправился въ садъ и, встрѣтивъ тамъ Масси, сталъ прогуливаться съ нею, разспрашивая о семейныхъ дѣлахъ.

Оказывалось, что Арнтъ мечталъ сдѣлаться инженеромъ путей сообщенія и только и бредилъ о желѣзныхъ дорогахъ. Теперь онъ забавлялся устройствомъ новой дорожки къ бесѣдкѣ и по цѣлымъ днямъ возился съ динамитомъ, взрывая скалы. Шультейсъ надѣялся подготовить его къ осени для поступленія въ технологическій институтъ.

Сама Масси могла сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости хоть сейчасъ. О, она очень торопилась съ этимъ, потому-что намѣревалась продолжать занятія! Она разсчитывала попасть въ академію, чтобы изучать архитектуру. Ея страсть была рисовать дома и придумывать въ нихъ расположеніе комнатъ одно лучше другого. Въ черченіи и математикѣ она была особенно сильна... У нея уже былъ готовый планъ ея собственнаго будущаго дома... Впрочемъ, будущее зависѣло

отъ того, выйдетъ-ли она замужъ, а это въ свою очередь обусловливалось, удастся-ли ей встрѣтить человѣка, котораго она полюбитъ очень, очень сильно.

Эндрикъ вставилъ монокль въ глазъ и пристально посмотрѣлъ на сестру.

— Всѣ, всѣ одинаковы! замѣтилъ онъ. — Строите-ли вы изъ камня или воздушные замки, въ концѣ-концовъ дѣло непремѣнно сводится къ замужеству.

И что это было съ Бертой? Зачѣмъ ей понадобилось ѣхать сегодня въ Люстадъ на аукціонъ? Обручена она съ этимъ деревенскимъ франтомъ Шельбергомъ или нѣтъ?

Масси не могла дать на эти вопросы удовлетворительнаго отвѣта, и Эндрикъ мысленно обозвалъ ее телкой, которая не въ состояніи справиться съ чѣмъ-нибудь хоть сколько-нибудь запутаннымъ.

Въ это время изъ дому появился Шультейсъ. Онъ издали сталъ помахивать Эндрику шляпой и громко привѣтствовалъ его.

— Да, опять дома, въ этомъ нравственномъ хлѣву, въ которомъ дѣти выкармливаются иллюзіями! проговорилъ Эндрикъ, здороваясь съ учителемъ. — Не правда-ли? Вѣрнѣе даже, откармливаются на убой! А все-таки тянетъ сюда отъ времени до времени отдохнуть отъ вѣчной войны изъ-за поприща, котораго все еще нѣтъ!.. Вотъ я опять и пріѣхалъ! Однако, какъ посмотришь со стороны, что это за плотно задѣланный и законопаченный ящикъ, такая семья. Ни одной здравой, ни одной свѣтлой и правдивой мысли не проникаетъ къ дѣтямъ. Нельзя придумать болѣе дьявольски утонченнаго надувательства, какъ этакое домашнее развитіе дѣтей! Они привыкаютъ носиться со своими иллюзіями, которыя нисколько не мѣшаютъ имъ находить въ свое время пищу въ столовой и постланную постель въ спальнѣ и которыхъ некому разсѣивать. А потомъ ихъ отправляютъ прямо въ житейскую борьбу, вооруженныхъ лишь тѣми же иллюзіями, той же телячьей довѣрчивостью къ жизни!

Онъ договаривалъ свою рѣчь, когда на верандѣ появилась горничная, принесшая кофе, и вмѣстѣ съ нею вышла Бента. Она услышала послѣднія слова сына.

— Ахъ, Эндрикъ, сказала она, — по-моему хорошо бы никогда не лишаться такихъ вещей. Развѣ не довѣріе къ жизни поддерживаетъ въ человѣкѣ необходимое мужество.

— Вотъ, вотъ, развѣ это не звуки молотка, заколачивающаго семейный ящикъ! вскричалъ Эндрикъ.—Довѣріе къ чему? Къ тому, что въ жизни все идетъ благополучно и справедливо?

Онъ громко расхохотался.

— Да, да, смѣйся, сколько хочешь! осталась она при своемъ.—

Есть, конечно, въ жизни довольно горя. Но есть и нѣчто, что поддерживаетъ правыхъ...

— Такъ, заколачивай, заколачивай ящикъ плотнѣе, матушка! иронизировалъ сынъ.—Дома мы всѣ очень справедливы... спору нѣтъ! Но тамъ, въ общей борьбѣ! Развѣ я не возвращаюсь къ вамъ оттуда точно ошпаренная собака? А все моя наивность, плоды домашняго воспитанія! Но, видно, опыты ничему не учатъ. Въ семьяхъ продолжается усиленное производство наивности, должно быть, чтобы не переводились на свѣтѣ люди, которыхъ всякій можетъ водить за носъ. Надо полагать, таковъ мудрый законъ природы.

— Я не выношу такихъ разговоровъ, Эндрякъ! гнѣвно остановила его госпожа Барвигъ.

— Хорошо, хорошо, матушка. Я молчу...

— По твоему выходитъ, что я воспитывала васъ въ нравственномъ хлѣву, въ душевной грязи? Такъ, что-ли?

— О, нѣтъ! Я говорю только, что немножко свѣжаго воздуха, немножко понятія о дѣйствительности ничему-бы не помѣшали. Хорошо-бы намъ было раньше познакомиться съ этой пресловутой „справедливостью" въ жизни. Я не говорю, что сознательно обманываютъ и коверкаютъ; обманываются иногда сами и коверкаютъ дѣтей, не замѣчая того. Но дѣла вѣдь это не измѣняетъ... Однако, не буду разстраивать вашей идилліи, матушка!

Эндрикъ перекинулъ одну ногу черезъ другую и приготовился пить кофе.

— А знаете, почему мнѣ не удалось дебютировать на сценѣ? снова заговорилъ онъ, вспомнивъ больное мѣсто. — Интриги и пролазничанье, лесть и низость, сплетни и мелочные расчеты — вотъ чѣмъ берутъ тамъ! А развѣ меня учили дома пользоваться хоть однимъ изъ этихъ искусствъ? Небось, съ этимъ и я-бы прошелъ! Иначе, будь геніаленъ, какъ Шекспиръ и Гете, владѣй самымъ возвышеннымъ умомъ, самымъ глубокимъ чувствомъ—ходу нѣтъ! А знаете, что нужно режиссеру? Ему нуженъ особенный носъ, характерный подбородокъ, глаза, которые могутъ закатываться такъ, что видны одни бѣлки; словомъ, ему нужна *кулиса*, а не человѣкъ. Мало того, кулиса должна обладать такой-то, а не другой какой-нибудь улыбкой, такимъ-то и такимъ-то голосомъ, такой-то способностью плакать. Пусть кулиса-актеръ глупъ, какъ пробка, если у него есть излюбленныя режиссеромъ свойства, ему позволяется коверкать Шекспира и Шиллера! Онъ подходящій человѣкъ! Такова житейская справедливость...

— Правда, господинъ Эндрикъ,—это вѣчное соревнованіе между наружностью и душевными достоинствами.—замѣтилъ Шультейсъ.

— Охъ, какъ я изучилъ ихъ пріемы! продолжалъ Эндрикъ. — Мнѣ-бы слѣдовало быть критикомъ. Не безъ критическаго-же призванія поднимается во мнѣ такое страшное негодованіе при видѣ калѣченья искусства. Давно пора показать людямъ, что такое настоящая критика! А положеніе критика довольно заманчивое... Вмѣсто того, чтобы быть однимъ изъ тѣхъ, кого критикуютъ - однимъ изъ объектовъ—превратиться въ одного изъ вершителей судебъ, въ одного изъ тѣхъ, которые рѣшаютъ, поднимется-ли свистъ или рукоплесканія, которые могутъ погубить несчастнаго актера простымъ зѣвкомъ. Право, это идея!.. Иначе, прибавилъ онъ брюзгливо, жизнь такъ опротивѣла, что померель хочется. Чего она стоитъ? Будь хоть эти подлыя деньги—съ ними еще можно устроиться въ этомъ справедливомъ мірѣ!— а то и того нѣтъ! Кстати, не можете-ли вы дать мнѣ удовлетворительное объясненіе, Шультейсъ, стоитъ-ли тревожиться, ради житейскихъ благъ? Китайцы, напримѣръ, находятъ, что для этого жизнь слишкомъ коротка...

Шультейсъ посмотрѣлъ на Эндрика вопросительно. Онъ думалъ въ это время, какъ-бы навести разговоръ на извѣстія о Минѣ, и не понялъ вопроса.

— Да,—продолжалъ Эндрикъ,—мы рѣдко задаемъ себѣ такіе вопросы и, несмотря на то, что хорошо живется на свѣтѣ однимъ проходимцамъ, у которыхъ порядочные люди находятся въ полной зависимости, тянемъ да тянемъ лямку жизни. А не проще-ли было-бы подумать объ одномъ изъ тѣхъ динамитныхъ патроновъ, съ которыми Арнтъ возится теперь въ саду? А? Этакій моментикъ мужества, горячаго негодованія и гнѣва?.. Нѣтъ, нѣтъ, матушка, я говорю это только ради разсужденія. Вѣдь непонятно, почему мы должны влачить такое мучительное, жалкое и унизительное существованіе, да еще добиваясь этого такой высокой цѣной? Зачѣмъ мы цѣпляемся за эту жизнь всѣми силами, сами себя прибиваемъ къ ней точно гвоздями, когда одного легонькаго удара по шляпкѣ патрона достаточно, чтобы расквитаться со всѣмъ и взорвать ворота другого міра, навѣрное лучшаго, чѣмъ этотъ, надоѣвшій намъ до тошноты? Гордый человѣкъ не захочетъ...

— Гордый человѣкъ не захочетъ продолжать такого дрянного и трусливаго размышленія, Эндрикъ!—гнѣвно перебила его госпожа Барвигъ.—Извини меня на правдивомъ словѣ, но если существуетъ на свѣтѣ человѣкъ, которому я смѣло могла-бы довѣрить динамитные патроны, не опасаясь, что онъ пойдетъ дальше жалкихъ словъ надъ ними, такъ это ты!

Она взяла со стола кофейникъ и вошла въ домъ.

Съ минуту царило молчаніе.

— Господинъ Эндрикъ,—заискивающимъ голосомъ проговорилъ

учитель вѣжливо склоняясь въ сторону Эндрика,—а какъ поживаетъ ваша сестра? Все-ли благополучно, если смѣю спросить?

Мина? Могу передать вамъ поклонъ отъ нея. Шультейсъ. Просила кланяться... Да, да... все новыя поприща! Съ нею что-то дѣлается... Пусть это останется между нами, Шультейсъ: недавно ее нашли въ глубокомъ гипнотическомъ снѣ. Непонятно!.. Она нервна до послѣдней степени; притомъ въ ней появилась какая-то двойственность. Многіе очень заинтересованы ею и ея странностями. Говорятъ, Финсландъ написалъ цѣлое психологическое изслѣдованіе о ней и намѣренъ сдѣлать изъ нея главное дѣйствующее лицо въ большой драмѣ.

Лицо Шультейса прояснилось.

— Да, да! Въ высшей степени интересный характеръ!—вскричалъ онъ.—Онъ думаетъ, что она предметъ его холодныхъ изученій, а между тѣмъ въ дѣйствительности она вдохновительница его сочиненій и душа его пьесы... Такъ, такъ! Никому не отдастся, никому! Свободная, сознательная сила... Поистинѣ крупные результаты!

Докторъ ѣхалъ домой съ практики. Онъ побывалъ у бѣдняковъ, въ глухихъ хуторкахъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, и теперь, въ сумерки, выбрался наконецъ обратно на почтовый трактъ.

Давно онъ не чувствовалъ себя такъ хорошо и бодро, какъ сегодня! Кто-бы подумалъ, что онъ проѣхалъ сегодня двѣ мили по проселочнымъ дорогамъ и не меньше полумили прошелъ пѣшкомъ! Не хуже двадцатилѣтняго молодого бродяги!

Онъ усмѣхнулся и вслѣдъ затѣмъ пощупалъ въ боковомъ карманѣ, тамъ-ли его бумажникъ.

Это движеніе онъ то и дѣло повторялъ съ сегодняшняго утра, когда Челій встрѣтилъ его на дорогѣ у завода и вручилъ ему документъ—тотъ злополучный документъ, подписанный именемъ доктора Барда Барвига и стоившій ему столькихъ минутъ полнаго отчаянія! Да, этихъ минутъ онъ не желалъ-бы пережить вторично, низачто въ мірѣ! Онъ старѣлъ не по днямъ, а по часамъ изъ-за проклятаго документа и замучился-бы до смерти, еслибы не получилъ его обратно. Но теперь документъ тутъ, на груди, въ сохранности!

Докторъ позволилъ себѣ удовольствіе еще разъ дотронуться до бумажника.

— Молодецъ Челій! Выручилъ-таки!..

Все это время докторъ прожилъ точно въ чаду, такъ его угнетала мысль о документѣ. Ни о чемъ онъ не могъ толкомъ подумать; всѣ домашнія дѣла предоставлялись на произволъ судьбы... Но теперь! Съ какимъ восторгомъ онъ встрѣтится дома съ Бентой!

— Да, да, кажется опять можно будетъ сдѣлаться старымъ Барвигомъ!—пробормоталъ онъ усмѣхаясь.—Пора привести въ порядокъ свои дѣла. Нечего говорить, въ послѣднее время надзоръ за дѣтьми порядкомъ ослабѣлъ... Очень, очень не мѣшаетъ присмотрѣться, что дѣлаютъ Мина и Берта! Надо-же подумать и о будущемъ...

А Эндрикъ? Опять онъ болтается дома безъ дѣла! Совсѣмъ нервнобольной человѣкъ! Болѣзненная самомнительность, взвинченная фантазія, свое ненаглядное „я“ вѣчно передъ собой, точно въ транспарантѣ... Такого нельзя приспособить ни къ чему серьезному! Онъ рѣшительно ни къ чему не способенъ, потому что становится на дыбы, какъ только отъ него требуется регулярный трудъ...

Разумѣется, ошибка воспитанія... Полное исчезновеніе силы воли... Болѣзненная замѣна дѣятельности одной игрой воображенія... При такихъ условіяхъ понятно, что трудъ сдѣлался ему невыносимъ

А тутъ еще этотъ культъ „призваній“. Чорта-ли ему работа, когда онъ находитъ болѣе свойственнымъ своей натурѣ стоять и проповѣдывать о самомъ себѣ, о своемъ возлюбленномъ „я!“

Чувствуется, что тутъ что-то ненормальное, точно повальное разжиженіе мозга, выражающееся въ общемъ распространеніи нервныхъ болѣзней и расшатанности силы воли у людей. Жаль, что нельзя вернуть молодыя силы, чтобы изучить предметъ какъ слѣдуетъ и вывести правду на свѣтъ Божій! Можетъ быть, втеченіе жизни одного поколѣнія мы шагаемъ слишкомъ быстро впередъ на пути развитія, и человѣческій мозгъ не въ состояніи безнаказанно переваривать неимовѣрное количество дѣлаемыхъ открытій... Нужно-же постепенное примѣненіе, и только слѣдующее поколѣніе могло-бы справиться съ новой цивилизаціей. А то мы отвыкаемъ даже вдумываться въ то, что совершается вокругъ насъ! Появись у насъ почтовое сообщеніе съ планетой Марсомъ, мы удивлялись-бы нововведенію не болѣе получаса и привыкли-бы къ нему втеченіе недѣли. Но подумать о значеніи явленія и насколько новое усложненіе посильно нашимъ душевнымъ свойствамъ—на это у насъ нѣтъ времени!

Докторъ погрузился въ размышленія, какъ въ тѣ времена, когда въ немъ кипѣло молодое честолюбіе, и былъ вопросъ, не останется-ли онъ при университетѣ, чтобы всецѣло посвятить себя наукѣ?

Совсѣмъ стемнѣло. На небѣ, надъ макушками деревьевъ, засверкали звѣзды. Приходилось ѣхать тише, такъ-какъ то и дѣло встрѣчались на дорогѣ обозы досокъ, отправляемыхъ на желѣзно-дорожную станцію.

Когда докторъ приблизился къ заводу и своротилъ на дорожку прямикомъ, между штапелями досокъ, гнѣдой побѣжалъ полной рысью. Небось, онъ хорошо зналъ этотъ путь домой, къ докторской конюшнѣ, которая уже виднѣлась вдали,

Барвигъ оглядѣлся по сторонамъ. Наверху, на склонѣ горы, въ его домѣ виднѣлся огонекъ. Внизу свѣтились бѣлесоватымъ свѣтомъ многочисленныя окна завода.

Въ первый разъ послѣ цѣлаго тревожнаго года докторъ могъ ѣхать черезъ заводскіе дворы съ спокойной душой! Теперь у него, у доктора Барвига, ничего нѣтъ общаго съ дѣлами завода! Ничего! Никакихъ обязательствъ, никакихъ поручительствъ! Какое ему дѣло до завода?

Гмъ! Не совсѣмъ-то такъ... Развѣ онъ не прижималъ Челія, какъ только могъ, чтобы получить обратно документъ? Положимъ, это было его право, и могъ-же сынъ сдѣлать хоть столько, для успокоенія своего отца... Но что, если ему, бѣдному, пришлось принять на себя всевозможныя обязательства и надавать разныхъ обѣщаній, кромѣ тѣхъ двухъ тысячъ, чтобы выручить документъ? Не даромъ-же онъ былъ сегодня какой-то озабоченный и такъ торопился домой... Бѣдный мальчикъ зналъ, что дѣло шло о жизни отца и ничего не пожалѣлъ, чтобы выручить...

— А я только и думаю о себѣ! Каково ему теперь выпутываться изъ этой бѣды съ Чорнымъ лѣсомъ... Векселя на векселяхъ, ежедневныя затрудненія... Ему-же приходится поддерживать бодрость въ трусливыхъ компаньонахъ... Вотъ, еслибы у него было тридцать-пять тысячъ на покупку Оресальскаго лѣса!..

Да, нелегко ему! Дома эта Текла... Она положительно несносна со своими теоріями, а въ такое трудное время, когда и безъ того чувствуется нервное напряженіе, съ нею просто пытка!

Тридцать-пять тысячъ... Тридцать-пять тысячъ, и мальчикъ былъ бы опять веселъ и счастливъ! Такой же веселый и счастливый, какъ я сегодня...

Докторъ опять пощупалъ бумажникъ на груди. Подковы лошади громко застучали на мосту, уже у самаго завода. Здѣсь было совсѣмъ свѣтло отъ заводскихъ лампъ, бросавшихъ черезъ окна яркій свѣтъ на землю, сплошь заваленную кругомъ опилками, обрѣзками досокъ и кучами стружекъ.

Хо, хо! Попади искра въ эти сухія стружки, всѣ штапели въ мигъ оказались бы въ огнѣ, и мальчикъ былъ бы спасенъ...

— Господи помилуй!

Испугавшись мелькнувшей въ головѣ черной мысли, докторъ стегнулъ гнѣдого и понесся впередъ во всю прыть. Каріолка снова потонула въ темнотѣ и остановилась только наверху, у подъѣзда докторскаго дома.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЖОРЖЪ ЗАНДЪ.

(Глава изъ исторіи новаго французскаго романа *).

Очеркъ I.

Тому, кто желалъ бы познакомиться съ французскимъ романомъ (въ собственномъ значеніи этого термина) со времени его возникновенія, пришлось бы обратиться къ литературѣ конца XVII и начала XVIII в., когда появляются уже такія *жизненныя* произведенія, какъ «Манонъ Леско», аббата Прево, «Жиль-Блазъ» Лесажа и др.,—и затѣмъ, передъ переходомъ собственно къ *новому* роману, остановиться на романахъ Вольтера, Руссо (особенно Руссо), Дидро...

Мы—по чисто внѣшнимъ условіямъ—избираемъ изъ всего этого собственно *новый* романъ, говоря точнѣе романъ *современный*, съ его, впрочемъ, ближайшими родоначальниками каковыми они являются и для французской новой литературы вообще.

Современный французскій романъ—непосредственный продуктъ того сильнаго движенія во французской литературѣ, которое началось съ конца двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда, послѣ переворотовъ революціи, войнъ Имперіи и общаго истощенія въ царствованіе Людовика XVIII выступила на сцену молодежь, страстно посвятившая себя служенію культурѣ и искусству. Въ предшествовшую эпоху молодымъ французамъ было не до того, такъ какъ лучшія силы народа были невольно вовлечены въ политику, военную службу, администрацію. Теперь большое количество той энергіи, той духовной жизненности,

---

*) Настоящая статья составляетъ извлеченіе изъ моихъ публичныхъ лекцій «О новомъ французскомъ романѣ». Все, что говорилось на нихъ о предшественникахъ этого романа *до* Ж.-Зандъ и Бальзака, здѣсь представлено въ самомъ сокращенномъ видѣ, исключенъ разборъ романовъ В. Гюго, и только говорившееся о Ж.-Зандъ печатается почти въ неизмѣненномъ объемѣ. При этомъ прошу читателя не упускать изъ виду первое назначеніе этого очерка,—т. е., для публичныхъ лекцій,—чѣмъ обусловливаются характеръ и тонъ его. *П. В.*

которыя такъ долго оставались въ оковахъ, вырвалось на свободу. «На развалинахъ міра—говоритъ намъ въ своихъ «Confessions d'un enfant du siécle» поэтъ Мюссе, одинъ изъ крупнѣйшихъ и характеристичнѣйшихъ представителей этого поколѣнія—на развалинахъ міра сѣла озабоченная молодежь. Всѣ эти дѣти были каплями жгучей крови, наводнившей землю; они были рождены въ нѣдрахъ войны для войны... Въ головѣ у нихъ заключался цѣлый міръ; они смотрѣли на небо, на землю, на улицы, дороги: все это было пусто, и только колокола изъ приходскихъ церквей звенѣли въ отдаленіи.. Три элемента раздѣляли на части жизнь, которая въ ту пору представлялась молодымъ людямъ: *позади* ихъ прошедшее, навсегда разрушенное, еще шевелящееся на его развалинахъ, со всѣми ископаемыми вѣковъ абсолютизма; *впереди* ихъ—заря на безпредѣльномъ горизонтѣ, первые просвѣты будущаго; и между этими двумя мірами—нѣчто подобное океану, отдѣляющему старый материкъ отъ новой Америки, что-то смутно очерченное и пловучее, волнующееся море и полное кораблекрушеніе...» Не трудно догадаться, что это говоритъ одинъ изъ новыхъ такъ называемыхъ «романтиковъ», что здѣсь мы въ періодѣ «романтизма», или—чтобы оставить въ сторонѣ этотъ, столь различно, столь смутно и часто столь безтолково объясняемый терминъ—въ періодѣ полнаго движенія, вѣрнѣе, броженія новыхъ силъ, въ періодѣ своего рода «бури и натиска» (Sturm und Drang), которые, всего за полстолѣтія до того, пережила, только съ иными *національными* оттѣнками, литература нѣмецкая. Это время во Франціи—время той «священной литературой весны», о которой говоритъ одинъ изъ переживавшихъ ее (Поль Сенъ-Викторъ) и которая, по его словамъ, доносится до насъ еще до сихъ поръ сквозь созданыя ею творенія... Идеаломъ этой новой литературы становится искусство, но искусство въ его свободнѣйшемъ проявленіи, съ такимъ же безусловнымъ и—можно сказать—необузданнымъ презрѣніемъ къ господствовавшимъ до того времени въ литературѣ и искусствѣ правильности, безцвѣтности и сухой разсудительности, какъ злоупотребленному наслѣдію XVIII столѣтія. Начинается и неутомимо продолжается то, что въ исторіи литературы обозначается, какъ борьба классицизма съ романтизмомъ. Съ одной стороны съ гордой чопорностью выставляются неподвижные столбы съ начертанными на нихъ именами Аристотеля, Буало, Лагарпа; съ другой—во всѣ стороны развѣваются пестрыя знамена, на которыхъ огненными буквами сверкаютъ слова: Данте, Кальдеронъ, Шекспиръ... «Правильность, приличіе и почтительное слѣдованіе старымъ образцамъ!» сурово и величаво вѣщаютъ одни. «Натура и правда!» избираютъ своимъ побѣдоноснымъ лозунгомъ другіе... Въ 1823 г. англійскихъ актеровъ, выступившихъ на одной изъ парижскихъ сценъ съ пьесами Шекспира, публика встрѣчаетъ криками: «A bas Shakespeare!

c'est un aide-de-camp de Wellington!»—въ 1827 г. на тѣхъ же сценахъ возбуждаетъ удивленіе и восторгъ тотъ-же самый Шекспиръ, воспроизводимый Кемблемъ, Кинонъ, Макреди... Въ этомъ же 1827 г. появляется предисловіе Гюго къ его «Кромвелю»—этотъ манифестъ крестового похода новой поэзіи, а три года спустя наши крестоносцы одерживаютъ блистательнѣйшую — и скандальнѣйшую по своей внѣшней формѣ—побѣду представленіемъ «Эрнани»—однимъ изъ самыхъ любопытныхъ и знаменательныхъ литературныхъ эпизодовъ...

Но извѣстно, что никакія «движенія», «вѣянія» и т. п. не падаютъ готовыми съ неба, что въ литературной жизни, какъ и въ исторической, все развивается послѣдовательно, такъ сказать органически, что исторія литературы есть прежде всего, главнымъ образомъ—исторія человѣческой мысли въ ея послѣдовательномъ ходѣ, правда, со скачками и отступленіями, съ движеніемъ то прогрессивнымъ, то реакціоннымъ, но всегда въ непрерывной, хотя часто и незамѣтной, неподозрѣваемой преемственности... И хотя немножко картинно, но въ сущности очень вѣрно сравниваетъ талантливый историкъ «Нѣмецкой Пѣсни» (Шюре) исторію поэзіи съ «шествіемъ великихъ тѣней—поэтовъ—которыя изъ столѣтія въ столѣтіе воодушевляютъ и понимаютъ другъ друга; подобно молодымъ грекамъ на факельныхъ бѣгахъ, передаютъ они одинъ другому священный факелъ, который порою, кажется, угасаетъ, чтобы опять сильнѣе разгорѣться: Виргилій слѣдуетъ по пути Гомера, Дантъ по пути Виргилія, Шекспиръ привѣтствуетъ ихъ издалека, а Гете соединяетъ ихъ въ своемъ Пантеонѣ...» Такъ и здѣсь, въ занимающемъ насъ французскомъ движеніи тридцатыхъ годовъ стóитъ всмотрѣться попристальнѣе немного назадъ, менѣе чѣмъ за столѣтіе — и передъ нами возвысится во всей своей поэтической грандіозности и во всемъ своемъ нравственно-поэтическомъ обаяніи тотъ, кто есть собственно, если можно такъ выразиться, первичная душа, *ближайшій* животворный источникъ этого движенія, какимъ онъ былъ и для большей части остальной Европы. Это «женевскій гражданинъ», какъ принято называть его, а на самомъ дѣлѣ—гражданинъ всего міра. Жанъ-Жакъ-Руссо. Онъ-то и есть первый и по времени и по значенію изъ тѣхъ *ближайшихъ* родоначальниковъ новаго французскаго романа, о которыхъ я упомянулъ выше—постольку, поскольку этотъ романъ связанъ былъ съ литературнымъ движеніемъ вообще, на почвѣ котораго онъ собственно выросъ...

Уже давно было замѣчено, что съ какой-бы точки зрѣнія ни оцѣнивали вещи, должно признать, что XVIII в. во Франціи распадается на два, очень отличающіеся другъ отъ друга, періода: *до* Руссо и *послѣ* Руссо—и правъ Вильменъ, замѣчая, что съ появленіемъ первой статьи его «Discours sur les sciences et les arts» всѣ почувствовали, что тутъ

«выступила на сцену совсѣмъ новая личность, и съ нею—совсѣмъ новое сословіе съ болѣе сильными страстями; подъ ослѣпительнымъ языкомъ Руссо скрывалась демократическая ненависть»... Въ дѣятельности этого необычайнаго человѣка—даже въ ея отрицательныхъ, фальшивыхъ сторонахъ—заключались почти всѣ элементы, какіе были необходимы для подготовленія, для созданія «новаго времени»; уже то оружіе, съ которымъ онъ выступилъ на борьбу—отчасти систематическую, отчасти безсознательную—съ идеями, нравами, учрежденіями своей эпохи, было въ высшей степени знаменательно и само по себѣ, а еще болѣе—по сравненію съ тѣмъ, что̀ собирало подъ свои боевыя знамена дѣтей осьмнадцатого вѣка... Религія и любовь — вотъ съ чѣмъ вышелъ на поле сраженія Руссо: религія, построенная на фундаментѣ *чувства*, чрезъ посредство котораго онъ вообще входитъ въ тайникъ самыхъ глубокихъ истинъ и вопросовъ жизни, и представляющая собою полнѣйшее соединеніе всего того, что̀ образуетъ собою такъ называемый христіанскій спиритуализмъ; любовь—совершенно обновленная и возрожденная сравнительно съ тою ролью, которую она играла въ обществѣ и литературѣ XVII и XVIII в., очищенная у него отъ «рафинированной развращенности и вычурной аффектаціи», которыя онъ замѣняетъ «естественною чувственностью и нравственною экзальтаціею» и которой возвращаетъ ея страстную серьезность, ея пламенный энтузіазмъ... Прибавимъ къ этому субъективность Руссо, важное мѣсто, которое онъ отводитъ собственному *я*, — его «романтическую» мечтательность, его одухотвореніе природы, наконецъ (что̀ для насъ, въ настоящемъ случаѣ, всего важнѣе), его внутренній разладъ, являющійся во Франціи, какъ первый явственный симптомъ той болѣзни вѣка, которой скоро суждено было найти себѣ широкое проявленіе въ поэзіи «міровой скорби»—и передъ нами будутъ всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ сложилась дѣятельность Руссо, какъ писателя вообще и романиста въ частности и которые съ этихъ поръ на долгое время пріобрѣли себѣ господство во французской поэзіи. «Новая Элоиза», съ ея героемъ, одержимымъ тою *новою* болѣзнью, которая уже незамѣтно проникала въ кровь и плоть зачитывавшагося этимъ романомъ поколѣнія, съ тою новою одеждой, въ которой, впервые во Франціи, явилось здѣсь чувство любви, съ ея индивидуальнымъ и интимнымъ характеромъ, съ ея соединеніемъ въ себѣ воображаемаго и дѣйствительнаго, пережитаго, другими словами—идеалистическаго и реалистическаго «теченій»—эта «Новая Элоиза» надолго сдѣлалась, если не въ деталяхъ, то въ коренной сущности, своего рода путеводною звѣздой для послѣдующихъ писателей—беллетристовъ.

И это вліяніе не замедлило обнаружиться. Немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась «Новая Элоиза», и французская публика, по

крайней мѣрѣ та часть ея, которая болѣла «сентиментализмомъ», плакала уже надъ «Дельфиной» м-мъ Сталь. Эта знаменитая женщина—прямая послѣдовательница Жанъ-Жака, его ученица, его поклонница, поставившая ему памятникъ своего восторженнаго сочувствія въ своихъ «Lettres sur Jean Jacques Rousseau». «Онъ ничего не открылъ—выразилась она о женевскомъ философѣ—но онъ все зажегъ» (il n'a rien découvert, mais il a tout enflammé); точно также онъ «зажегъ» и ее, натура которой была во многомъ сходна съ натурой автора «Новой Элоизы» (при многихъ и существенныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличіяхъ). И она—представительница христіанскаго спиритуализма; и для нея религія—вся чувство (въ соединеніи однако съ умомъ), и ничто, кромѣ религіи и чувства, не должно лежать въ основаніи поэзіи «Будьте добродѣтельны,—завѣщаетъ она поэтамъ, — вѣрующи, свободны; чтите то, что̀ вы любите, ищите безсмертіе въ любви и божество въ природѣ, святите вашу душу, какъ святите храмъ». И она полагаетъ «святилище христіанства въ глубинѣ человѣческой души»; И для нея, еще въ большей степени, потому что она женщина, сила любви—высшая сила, которой должны быть подчинены всѣ остальные интересы человѣка, и только тотъ исполняетъ свое призваніе на землѣ, только тотъ освобождается отъ всякихъ угрызеній совѣсти, кто весь уходитъ въ свои сердечныя привязанности, въ нихъ сосредоточиваетъ все свое существо, изъ-за нихъ разрываетъ связь со всѣмъ остальнымъ міромъ. Такова героиня ея романа—романа, который стоитъ уже на почвѣ «женскаго вопроса», потому что выдвигаетъ впередъ и вопросъ брачный. Любовь, какъ понимаетъ ее авторъ и какъ заставилъ онъ смотрѣть на нее свою героиню, *такая* любовь находитъ себѣ—по крайней мѣрѣ должна находить — полнѣйшее проявленіе и полнѣйшую санкцію въ *бракѣ*: «всѣ привязанности женщины—говоритъ Дельфина—должны исходить изъ брака... судьба женщины покончена, когда она не вышла за того, кого любитъ». Роль женщины такимъ образомъ—роль семейная, но современный строй брака, тѣ условія, въ которыя поставлена обществомъ жена, мѣшаютъ осуществленію этого идеала, точно также, какъ находитъ онъ себѣ преграду во многихъ общественныхъ предразсудкахъ — и вотъ въ «Дельфинѣ» является первый протестъ, первое предлагаемое рѣшеніе рокового вопроса... Уже изъ этихъ нѣсколькихъ словъ видно, на какой новый путь круто повернулъ, подъ вліяніемъ новыхъ «вѣяній», французскій романъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ и теоретическія воззрѣнія автора «Дельфины», который признаетъ высшими образцами романа такія произведенія, какъ «Новая Элоиза», Ричардсоновская «Кларисса», Фильдинговскій «Томъ Джонсъ», Гетевскій «Вертеръ», и по идеальному представленію котораго романъ «будущаго» долженъ обнимать всѣ человѣческія страсти—любовь, гордость, ревность, честолюбіе, долженъ быть

произведеніемъ «страстнымъ и меланхолическимъ», въ которомъ прорывается во всей силѣ «всемогущество сердца», которое есть «голосъ въ пустынѣ жизни»,—и т. д., и т. д.

Другимъ преемникомъ Руссо и товарищемъ м-мъ Сталь въ дѣлѣ открытія для французскаго романа (и тоже для французской литературы вообще) новаго пути является Шатобріанъ. Чтобы убѣдиться, что и онъ—духовный вскормленникъ женевскаго мизантропа, прочтите его «Рене», посмотрите, какъ этотъ странникъ, ни въ чемъ не находящій себѣ удовлетворенія, наслаждается однако дѣвственными лѣсами Америки и первобытными нравами ея жителей, послушайте, какъ онъ восклицаетъ: «Блаженны дикіе! Они всегда среди вѣчнаго мира, жизнь ихъ безмятежно проходитъ подъ тѣнью дубовъ, среди ихъ игръ и ихъ грезъ, предъ ними всегда истина!..» Этотъ Рене, кромѣ того, и потомокъ героя «Новой Элоизы», шевалье де С. Пре; но потомокъ—и этимъ Шатобріанъ дѣлаетъ огромный шагъ впередъ въ одномъ изъ зарождающихся «теченій» французской поэзіи — очень умножившій, расширившій наслѣдство, полученное отъ отца, и къ которому присоединились въ значительной степени собственная натура автора и другія постороннія литературныя вліянія (напр. «Вертера»). Если С. Пре носилъ въ себѣ явные зачатки «литературной скорби», то въ Рене зачатки эти развились уже въ настоящее растеніе, приняли совершенно опредѣленную форму, будущій байронизмъ нашелъ себѣ въ немъ достойнаго предтечу. «Подобно азіатской чумѣ, выдыхаемой парами Ганга—писалъ Мюссе по поводу этого романа—страшное Отчаяніе шло быстрыми и большими шагами по всей землѣ. Уже Шатобріанъ, царь поэзіи (prince de la poésie), окутавъ ужасный идолъ плащемъ пилигрима, поставилъ его на мраморномъ алтарѣ среди благоуханій и священныхъ куреній...» Рене - продуктъ этого «отчаянія»—отчаянія, такъ сказать, специфическаго, въ соединеніи съ нѣсколькими другими, по однороднымъ съ нимъ ингредіентами; онъ—несомнѣнный прототипъ байроновскихъ Чайльдъ-Гарольдовъ, Корсаровъ, Ларръ, а слѣдовательно и тѣхъ лицъ, которыхъ мы скоро увидимъ, въ разнообразныхъ оттѣнкахъ, господствующими во французской поэзіи вообще и французскомъ романѣ въ частности. «Рене—такъ характеризуетъ его авторъ—въ самомъ себѣ и какъ-бы внѣ міра, его окружавшаго, едва замѣчалъ, что̀ происходило вокругъ него. Замкнувшись въ кругѣ своихъ страданій и мечтаній, онъ въ этихъ оковахъ нравственнаго одиночества дѣлался все болѣе и болѣе дикимъ и нелюдимымъ; не вынося никакого ига, тяготясь всякимъ долгомъ, онъ неохотно принималъ заботы, которыми его окружали, уставалъ отъ привязанностей другихъ; удовольствіе доставляли ему только безцѣльныя блужданія... Что̀ онъ дѣлаетъ и куда идетъ — этого онъ не говорилъ никому, потому что самъ не зналъ этого. Мучили-ли его угрызенія со-

вѣсти или страсти? Скрывалъ ли онъ свои пороки или добродѣтели? Этого никто не зналъ. О немъ все можно было подумать, но угадать истину было невозможно..» Шатобріанъ однако не ограничивается *этимъ* новаторствомъ въ области повѣствовательной литературы. Подъ вліяніемъ Руссо, онъ еще больше развиваетъ и утверждаетъ господство «чувствительнаго» элемента (разсказъ «Атала), а независимо отъ него вноситъ въ эту область элементъ историческій («Мученики»)—если не въ истинномъ значеніи этого слова, то въ томъ смыслѣ, въ какомъ, си лою поэтическаго чутья, поэтической эвокаціи прошедшаго, создаются такія историческія произведенія, какъ «Юлій Цезарь», «Коріоланъ», «Эгмонтъ», «Борисъ Годуновъ». И все это авторъ «Рене» (въ чемъ тоже его заслуга, какъ новатора, чѣмъ тоже онъ оказывалъ могущественное вліяніе на послѣдующихъ французскихъ беллетристовъ), все это онъ облекаетъ въ истинно-художественную форму, давая читателю въ своихъ произведеніяхъ образцы прозы высокопоэтической по величинѣ и полнотѣ описаній, обилію и богатству сравненій, шири и красотѣ фантазіи...

Вотъ на этой то подготовленной всѣми, выше очерченными въ самыхъ бѣглыхъ штрихахъ, явленіями и условіями, и возникъ *новый* французскій романъ, т. е. романъ, берущій свое начало въ третьемъ десятилѣтіи нынѣшняго столѣтія. Почти одновременно является онъ въ трехъ формахъ: фантастически-романтической (первые романы Гюго), исторической (Гюго, Дюма, Виньи) и современной, гдѣ авторъ обращается уже къ современному обществу, принимается за психологическое и физіологическое изученіе его, вводитъ однимъ словомъ читателя въ дѣйствительную жизнь съ ея разнообразными интересами и «вопросами...»

Въ этой послѣдней формѣ предъ нами романъ уже вполнѣ *современный*, по отношенію и къ нашей, теперешней эпохѣ, и онъ-то, изъ только что упомянутыхъ трехъ формъ, и составитъ предметъ настоящей бесѣды

Припомнимъ прежде всего политическія и общественныя обстоятельства того времени,—припомнимъ потому, что безъ нихъ представится недостаточно понятнымъ, мало мотивированнымъ многое въ произведеніяхъ тѣхъ писателей, которые взяли въ свои руки эту отрасль французскаго романа.

Іюльская революція только что кончила свое существованіе, и на ея развалинахъ самодовольно усѣлась монархія Людовика-Филиппа. Говорю «развалинахъ», потому что всѣ свѣтлыя надежды, порожденныя этимъ бурнымъ переворотомъ, все то, что̀ вызывало клики ликованія толпы, восторженные гимны поэта, серьезные планы общественнаго и государственнаго дѣятеля — не въ одной Франціи, но и почти повсюду въ Европѣ—все это не только осталось не осуществленнымъ, но было даже отчасти насильственно, отчасти лицемѣрно разрушено

новымъ режимомъ, все отдавшимъ въ руки эгоистической, корыстной, духовно ограниченной буржуазіи. Интересы чисто матеріальные, денежные быстро выдвинулись на первый планъ и гордо подняли голову, потому что почувствовали подъ собой вполнѣ благопріятную почву,—тогда какъ, по тѣмъ же самымъ «почвеннымъ» причинамъ, всѣ лучшіе принципы, высшія стремленія боязливо и безсильно стушевались, и всякое мало-мальски свободное движеніе почувствовало на себѣ тяжелыя оковы. Знаменитая система juste-milieu, система сдѣлокъ съ совершившимся фактомъ, легли въ основаніе всего государственнаго механизма. «Исторія осьмнадцати лѣтъ (т. е. съ 1830 г. по неменѣе знаменательный 1848 годъ) во Франціи—говоритъ историкъ, у котораго я заимствую часть этой характеристики [1])—есть ничто иное, какъ развращающая попытка взаимнаго ослабленія всѣхъ враждебныхъ между собой элементовъ, борьба лжи и безсилія, извнѣ же—малодушная и коварная игра дипломатіи». А Гейне, изъ груди котораго іюльская революція, въ первые дни ея взрыва, извлекла чисто дифирамбическія пѣсни восторга и упоенія. нѣсколько времени спустя съ негодованіемъ писалъ: «Люди мысли, въ XVIII ст. такъ неутомимо подготовлявшіе революцію, покраснѣли бы, еслибы увидѣли, какъ себялюбіе и своекорыстіе строятъ свои жалкія хижины на мѣстѣ ниспровергнутыхъ дворцовъ, и какъ изъ этихъ хижинъ выползаетъ *новая* аристократія, которая, будучи еще неутѣшительнѣе первой, не старается даже оправдать себя идеею, идеальной вѣрой въ несокрушимость добродѣтели, а находитъ конечныя условія своего существованія только въ стяжаніяхъ, во владѣніи деньгами»... Общимъ лозунгомъ становится продажность; честь и достоинство обращаются въ пустыя слова, и грубый матеріализмъ, «который съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени лежитъ тяжелымъ гнетомъ на обществѣ», получаетъ теперь свое формальное и систематическое развитіе, отражаясь самымъ тяжелымъ образомъ на положеніи рабочаго класса, и естественно вызывая въ этомъ послѣднемъ чувство энергическаго—хотя покамѣсть и пассивнаго — сопротивленія... Такую же естественную оппозицію нашелъ новый порядокъ вещей въ умахъ кружка передовыхъ людей, принявши преимущественно «соціальный» (въ самой слабой степени—политическій) характеръ, выразившись въ развитіи, разработкѣ, видоизмѣненіи тѣхъ вопросовъ, которые уже до того нашли себѣ мѣсто въ такихъ соціалистическихъ и коммунистическихъ ученіяхъ, какъ с.-симонизмъ, фурьеризмъ и т. п. Въ 1834 г. пронеслись по Франціи, точно огненная рѣчь вдохновеннаго пророка, «Paroles d'un croyant» аббата Ламнэ, уже до того сурово возставшаго противъ общаго невѣрія и общей безнравственности въ «Essai sur l'indifférence en matière

---

[1]) Гонеггеръ въ «Исторіи культуры XIX ст.».

de religion». Во главѣ всего поставилъ Ламнэ *народъ*; только народъ считалъ онъ призваннымъ исполнить законъ евангелія, разрушить царство лжи и на развалинахъ ея построить христіанское единодушіе и братство всѣхъ людей. Пессимистъ по отношенію къ существующему порядку вещей, онъ, какъ всѣ *такіе* пессимисты, радужно и бодро смотрѣлъ въ будущее. «Когда послѣ долгой засухи — восклицалъ онъ на своемъ языкѣ, напоминавшемъ рѣчь библейскаго пророка—на землю падаетъ тихій дождь, она жадно пьетъ небесную воду, которая ее освѣжаетъ и оплодотворяетъ... Точно также мучимые жаждой народы будутъ жадно пить слово Божье, когда оно снизойдетъ на нихъ, какъ теплая струя... И справедливость съ любовью, и миръ и свобода зачнутся въ ихъ сердцѣ... И будетъ все какъ въ то время, когда всѣ были братья, и не будутъ больше слышны голоса ни господина, ни раба, стоны бѣдныхъ, вздохи угнетенныхъ, — но всюду пѣсни радости и благословенія...» Главное дѣйствующее лице у Ламнэ—«солдатъ будущаго» (soldat de l'avenir), который идетъ «сражаться за Бога и алтари отечества, за справедливость, за святое дѣло народовъ, за священныя права человѣческаго рода; сражаться *противъ* неправедныхъ *за* тѣхъ, кого они опрокидываютъ и попираютъ ногами, противъ господъ за рабовъ, противъ тирановъ за свободу; сражаться за бѣднаго, чтобъ онъ не былъ навсегда лишенъ своей части въ общемъ наслѣдіи; сражаться съ цѣлью изгнать изъ хижинъ голодъ, возвратить въ семьи изобиліе, безопасность и радость; сражаться для освобожденія отъ тиранніи человѣка мысли, слова, совѣсти..» Тоже самое въ сущности, только съ иными оттѣнками, въ иной формѣ, съ новыми по своимъ деталямъ рѣшеніями вопроса, говорили Пьеръ Леру, нѣсколько позже Прудонъ, многіе другіе — и рѣчи эти, не смотря на обильное присутствіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ метафизичности, ультра-отвлеченности, совершенной утопичности, падали однако — благодаря своей сущности, фундаменту, на которомъ строилось это шаткое зданіе—падали на благодарную почву, все глубже и глубже пуская свои ростки...

Само собой разумѣется, что въ серцахъ молодого литературнаго поколѣнія, выдвинутаго впередъ именно іюльскими днями, тою «священною весною», о которой уже говорилъ намъ Поль Сенъ-Викторъ—эта оппозиція сѣрому, туманно-неподвижному, ограниченному порядку вещей должна была найти самый сочувственный отголосокъ, — и дѣйствительно, французская беллетристика, французскій романъ этой поры какъ нельзя явственнѣе отразилъ въ себѣ это новое движеніе. При всѣхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, писателей этой поры соединяетъ одна общая связь — рѣзкій протестъ противъ реакціоннаго періода двадцатыхъ годовъ и озлобленная ненависть противъ буржуазной монархіи Людовика-Филиппа. Очень естественно, что при такихъ усло-

віяхъ все, выходящее изъ-подъ ихъ пера, принимаетъ пессимистическую окраску. «Народъ (которому отводится первенствующее мѣсто) является вездѣ въ этихъ произведеніяхъ безнадежно страдающимъ рабомъ развращенныхъ силъ тогдашняго абсолютизма, развращенной французской іерархіи, феодальныхъ владѣтелей и царей промышленности. Состояніе общества является темной загадкой, разрѣшить которую можно только пріемомъ съ Гордіевымъ узломъ. Бѣдность всегда мать преступленія»... И рисуя такія картины, авторъ натуральнымъ путемъ приходитъ къ идеямъ реформы, между которыми главное мѣсто начинаютъ занимать вопросы объ улучшеніи быта рабочихъ классовъ и «освобожденіи» женщины.

Два такъ называемыхъ теченія сразу обнаружились въ основномъ характерѣ этого новаго романа — идеалистическое и реалистическое. Въ этомъ, впрочемъ, не было ничего новаго: теченія эти искони существовали во всѣхъ литературахъ, искони шли рука объ руку—конечно всегда съ очень рѣзко опредѣленными, присущими своему времени и мѣсту оттѣнками. Уже въ уста Софокла преданіе вложило такой отзывъ о собратѣ и современникѣ его Эврипидѣ: «Эврипидъ изображалъ людей такими, какіе они на самомъ дѣлѣ, я — такими, какими они должны быть». И это одновременное и равноправное существованіе двухъ такихъ теченій объясняется очень просто полнымъ сходствомъ между ними по отношенію къ коренной сущности, при кажущейся рѣзкой противоположности, благодаря способу изображенія. Мы только что слышали слова древне-греческаго поэта, произнесенныя много вѣковъ тому назадъ; послушаемъ теперь, что̀ говорилъ во Франціи, въ занимающее насъ на этихъ страницахъ время, главный представитель реалистическаго теченія въ романѣ такому же главному представителю теченія противоположнаго—Бальзакъ Ж. Занду. «Вы—говорилъ авторъ «Человѣческой Комедіи» автору «Леліи»—вы ищете человѣка такимъ, какимъ ему слѣдовало бы быть; я его беру такимъ, какимъ онъ есть. Вѣрьте мнѣ, мы оба правы. Обѣ эти дороги ведутъ къ одной цѣли. Я люблю исключительныя существа; самъ я такое существо. Впрочемъ, они мнѣ и нужны для того, чтобы рельефнѣе выставлять мои существа повседневныя (mes êtres vulgaires), и я никогда не жертвую имъ безъ необходимости. Но эти повседневныя существа интересуютъ меня больше, чѣмъ васъ; я ихъ увеличиваю въ размѣрѣ, я ихъ идеализирую въ смыслѣ обратномъ — въ ихъ безобразіи или ихъ глупости. Я даю ихъ уродствамъ размѣры ужасающіе или гротесковые. *Вы* не умѣли бы это дѣлать; вы хорошо поступаете, не желая смотрѣть на вещи и личности, отъ которыхъ у васъ дѣлался бы кошмаръ. Идеализируйте въ сторону красиваго и прекраснаго (dans le joli et le beau); это работа женщины»... И точно такой же смыслъ имѣли слова Ж. Зандъ

Бальзаку: «Вы творите Человѣческую Комедію; мнѣ хотѣлось бы создать Человѣческую Эпопею, Эклогу (Vous faites la Comédie Humaine; moi, je voudrais faire l'Epopée, l'Eglogue Humaine)».—Слѣдовательно, и въ одномъ, и въ другомъ теченіи одинъ и тотъ же фундаментъ—человѣческая немощь, человѣческіе пороки, человѣческая глупость; только въ одномъ—мизантропическая или меланхолическая безнадежность, въ другомъ—вѣра въ обновленіе, въ улучшеніе, въ осуществленіе идеала, по крайнеймѣрѣ—пламенное желаніе всего этого... фундаментъ, повторяю, вездѣ пессимистическій; разница только въ формѣ зданій, на немъ возводящихся...

Я только что назвалъ двухъ главныхъ, первыхъ—какъ по времени, такъ и по значенію — представителей реалистическаго и идеалистическаго романа. Второй изъ нихъ, т. е. Жоржъ Зандъ, будетъ здѣсь предметомъ нашего разсмотрѣнія.

Остановлюсь сперва въ бѣгломъ очеркѣ на тѣхъ фактахъ изъ жизни великой писательницы, которыми въ значительной степени мотивируются и объясняются направленіе и характеръ ея дѣятельности, особенно въ первые періоды этой послѣдней (которые собственно и имѣемъ мы здѣсь въ виду, какъ хронологически совпадающіе съ общимъ литературнымъ движеніемъ этой новой эпохи).

Аврора Дюпенъ—таково ея дѣвическое прозваніе, родилась въ Парижѣ, въ 1804 г. По отцу она аристократка, потому что ведетъ свой родъ отъ знаменитаго Морица Саксонскаго; по матери — плебейка, потому что эта мать—простая модистка, и прибавимъ уже здѣсь—женщина страстная, вспыльчивая, прихотливая, чувственная. Эти два «элемента» продолжали идти рядомъ и въ первоначальномъ воспитаніи Авроры, такъ какъ все свое дѣтство и первые юношескіе годы прожила она въ домѣ бабушки (по отцу), въ тоже время часто видаясь съ матерью. Отъ этой послѣдней переходили въ душу молодой дѣвочки демократическіе, отчасти даже соціалистическіе принципы, выражавшіеся, главнымъ образомъ, въ оппозиціи противъ высшаго свѣта, празднаго барства, эксплуатаціи труда капиталомъ. Бабушка стремилась насаждать въ сердцѣ и умѣ своей питомицы строгій аристократизмъ стараго режима; но эта бабушка была вмѣстѣ съ тѣмъ дочь XVIII в., проникнутая его «волтеріанствомъ», относившаяся, по словамъ самой внучки, «строго и безпощадно къ католицизму», далекая, правда, отъ атеизма, но признававшая деизмъ за высшую религію человѣчества и потому «презрительно смотрѣвшая на всѣ догматы и церемоніи». Къ натурѣ будущаго автора «Грѣха г. Антуана» менѣе всего могли привиться аристократическія воззрѣнія и стремленія; за то демократическо-соціалистическія и деистическія сѣмена падали здѣсь какъ на нельзя болѣе благодарную почву. Уже десятилѣтней дѣвочкой,—от-

части подъ этими посторонними вліяніями, отчасти по врожденнымъ задаткамъ—строитъ она планы общенія имущества и общаго братства; и съ другой стороны, въ эту же самую пору, создаетъ сама себѣ особаго бога—Корамбé, «бога—какъ она опредѣляла его впослѣдствіи—ея религіи, форму ея религіознаго идеала». Дѣлая изъ него какую-то фантастическую смѣсь христіанскаго величія и христіанской доброты съ языческою чувственною красотой и надѣляя его только однимъ порокомъ, добродушною слабостью, за что его вѣчно гонятъ, преслѣдуютъ, Аврора не довольствуется только внутреннимъ представленіемъ объ этомъ высшемъ существѣ; она находитъ нужнымъ проявлять свое чувство, давать ему опредѣленное выраженіе и во внѣшнемъ культѣ. Читавшіе автобіографію Гете не забыли конечно знаменательнѣйшаго разсказа этого великаго человѣка о томъ, какъ у него, шестилѣтняго мальчика, явилась мысль «непосредственно приблизиться къ великому *Богу природы*, создателю и хранителю земли и неба», и какой путь избралъ онъ для этого сближенія: устройство алтаря «по ветхозавѣтному образцу», на которомъ продукты природы (минералы, металлы и т. п.), сложенные въ извѣстномъ порядкѣ, должны были «символически представлять міръ», а возженное надъ ними пламя—«стремящійся вознестись къ своему Создателю—духъ человѣка». Почти тоже самое, по своей сущности, если не по подробностямъ, видимъ мы во внѣшнемъ культѣ бога Корамбé. Десятилѣтняя дѣвочка тоже сооружаетъ ему алтарь, какъ Богу *въ природѣ*; она строитъ этотъ алтарь въ одномъ изъ самыхъ уютныхъ, поэтическихъ мѣстъ парка; она приноситъ здѣсь въ жертву цвѣты, плоды, вообще *неодушевленныя* вещи; она выпускаетъ тутъ же на свободу птичекъ, бабочекъ, жучковъ, которыхъ ловили для нея ея подруги; она жарко молится и поэтически грезитъ предъ лицомъ этого «добраго духа свободы».

Но опытный наблюдатель, конечно, замѣтилъ-бы въ этихъ своего рода деистическихъ стремленіяхъ задатки мистицизма—и они дѣйствительно не замедлили обнаружиться, когда бабушка-аристократка нашла нужнымъ помѣстить свою внучку (кстати сказать — выказывавшую самый необузданный нравъ, уже теперь рѣзко шедшую наперекоръ условнымъ въ обществѣ требованіямъ и приличіямъ) въ парижскій «Couvent des Anglaises» — монастырь, гдѣ воспитывались дочери самыхъ знатныхъ семействъ. Фантастическая сторона католической религіи въ ея внѣшнихъ, обрядовыхъ проявленіяхъ сразу и весьма сильно повліяла на вполнѣ удобную для такихъ вліяній натуру этой дѣвушки; для нея наступило теперь состояніе, которое она впослѣдствіи называла «священною болѣзнію»—состояніе неудержимаго экстаза, «лихорадочное, которое не обращалось ни къ какимъ доводамъ разума» и въ которомъ ей было даже «пріятно не разсуждать». Дѣло дошло даже до самобичева-

ній... Но здоровая въ своихъ основаніяхъ натура съ одной стороны, и вліяніе разумнаго духовника съ другой одержали побѣду надъ временною болѣзненностью. Аврора возвратилась въ деревенскую обстановку бабушкинаго имѣнья Ноганъ, и здѣсь вся предалась заботамъ о своемъ тѣлесномъ и умственномъ развитіи; средствомъ къ первому служили всевозможныя физическія упражненія, часть которыхъ гораздо больше подходила къ мальчику, чѣмъ къ дѣвушкѣ; средствомъ ко второму—чтеніе. Но, какъ это случалось неоднократно со многими выдающимися писателями—у будущаго автора «Леліи» не было никого, кто могъ бы и желалъ бы руководить ею въ выборѣ книгъ для чтенія—и вотъ мы видимъ въ одно и то-же время въ ея рукахъ—рукахъ осьмнадцатилѣтней, нисколько не подготовленной дѣвушки — Шатобріана и Локка, Монтескье съ Бекономъ и Боссюэ, Аристотеля и Лейбница! Но самымъ понятнымъ для нея между всѣми этими авторами, а потому и имѣвшимъ на нее самое значительное вліяніе, оставался все тотъ-же Ж. Ж. Руссо, какъ поэтъ природы и правды и какъ провозвѣстникъ тѣхъ великихъ доктринъ братства и равенства, подъ вліяніями которыхъ Аврора выросла; при этомъ глотала она уже и ядъ «міровой скорби», упиваясь такими произведеніями, какъ «Рене» Шатобріана и поэмы Байрона, въ эту пору уже проникнувшія во французское молодое поколѣніе, и несомнѣнно, что имъ, если не вполнѣ, то въ значительной степени была она обязана тѣми мыслями о самоубійствѣ, тѣми припадками скептическаго отчаянія, которые стали все чаще и чаще приходить въ ея голову... Скоро послѣ того Аврора сдѣлалась мадамъ Дюдеванъ, и мотивъ выхода ея замужъ, обыкновенный и понятный вообще, для будущаго автора «брачныхъ» романовъ довольно характеристиченъ; это—просто желаніе измѣнить свое положеніе, свергнуть съ себя зависимость отъ матери, съ которою у нея въ послѣднее время—послѣ смерти бабушки—были большія непріятности, сдѣлаться, однимъ словомъ, совершенно самостоятельнымъ существомъ. За такого человѣка, какъ этотъ Дюдеванъ, такая дѣвушка, какъ Аврора, и не могла выйти исключительно по влеченію чувства. Человѣкъ онъ былъ хорошій въ смыслѣ честности, буржуазной порядочности и т. п., и съ этой стороны, пожалуй, могъ нравится той, на которую выпалъ его выборъ: но по міровозрѣнію, по стремленіямъ, по идеаламъ это были двѣ натуры, рѣзко противоположныя одна другой,—и если мы прибавимъ къ этому обстоятельству быстро возроставшую въ молодой женщинѣ жажду шума, волненія, однимъ словомъ потребность полной духовной-же реакціи, если прибавимъ и возникшее въ ея душѣ и умѣ стремленіе къ литературной дѣятельности, благодаря сознанію въ себѣ таланта и уже достаточнаго знанія людей — то не найдемъ нисколько удивительнымъ, что скоро послѣ брака встрѣтимъ ее уже не въ дере-

венской обстановкѣ, а въ Парижѣ—куда соглашался отпускать ее мужъ отъ времени до времени, и на извѣстный срокъ.

Это было въ 1831 г.,—а мы уже знаемъ, какое это было время во Франціи. Сблизившись съ извѣстнымъ романистомъ Жюлемъ Сандо (это ея первая «связь», и отсюда ея псевдонимъ), Аврора Дюдеванъ вошла въ то-же время въ кружокъ такихъ людей, такъ Бальзакъ, Листъ, Мейерберъ, Шопенъ—съ одной стороны, и Ламнэ, Пьеръ Леру, Мишель Буржъ (адвокатъ. пользовавшійся огромнымъ авторитетомъ въ республиканской лѣвой партіи)—съ другой. Тутъ-же началась и ея литературная дѣятельность: въ 1831 г. появился романъ «Rose et Blanche»—произведеніе слабое, хотя уже заключающее въ себѣ довольно явственные зачатки будущихъ идей этой писательницы; скоро послѣ него — «Valentine», и въ 1833 г.—«Lélia», романъ, съ котораго собственно и установилась знаменитость Ж. Занда и который заставилъ всѣхъ почувствовать, что явилось нѣчто весьма новое, весьма оригинальное и весьма сильное... Но она не ограничилась—и не могла, какъ по своей натурѣ, такъ и по подчинившимъ ее себѣ вліяніямъ, ограничиться—работой литературной; соціально политическое движеніе той поры вовлекло ее и въ свой активный водоворотъ. Общеніе съ Ламнэ и Мишелемъ Буржемъ послужило къ тому главнымъ стимуломъ. До того времени, собственно говоря, она была въ фактическомъ отношеніи далека отъ подобныхъ увлеченій — по складу своей жизни, по характеру своего воспитанія. «Склонность ея къ соціализму находила себѣ до тѣхъ поръ выраженіе только въ больше поэтическомъ, чѣмъ экономическомъ сочувствіи къ поселянамъ-работникамъ. Со вступленіемъ въ парижскіе литературные круги, она, конечно, не могла не подчиниться заразительному вліянію распространеннаго тамъ глубокаго неудовольствія противъ Людовика Филиппа и господствовавшей вмѣстѣ съ нимъ буржуазіи. Прирожденная склонность, воспоминанія и привычки оттолкнули отъ этой буржуазной среды писательницу, сперва аристократически воспитанную, потомъ вступившую въ личную вражду съ общественными условіями и наконецъ попавшую въ кругъ необузданно пылкихъ, всѣмъ рискующихъ писателей и художниковъ. Буржуазія сдѣлалась ей противна своими узкими, несвободными формами... Какъ истая французская республиканка, она стала искать свои идеалы на ароматныхъ высотахъ или въ таинственныхъ глубинахъ общества...» И вотъ мы видимъ ее философствующею съ Ламнэ о такихъ предметахъ, какъ обновленіе христіанскаго общества, съ Мишелемъ де-Буржъ — о возстановленіи наилучшей республики и о пагубности богатства и роскоши, насильно добывающихъ себѣ господство; видимъ ее среди обстановки, которая какъ нельзя болѣе благопріятствовала широкому развитію въ *такомъ* умѣ *такихъ* теорій и которую сама Ж. Зандъ изобразила позже

въ слѣдующихъ словахъ: «Минута, въ которую у меня открылись глаза, была торжественнымъ отдѣломъ въ исторіи. Республика, о которой грезили въ іюлѣ, разрѣшилась событіями въ Варшавѣ и бойнею въ улицѣ С. Мери (5 и 6 іюня 1832 г.). Холера унесла большую часть человѣчества. С.-симонизмъ, на минуту сообщившій нѣкоторый подъемъ сердцамъ, подвергся преслѣдованіямъ и оказался выкидышемъ, не приведя къ рѣшенію великаго вопроса любви... Ужасъ и иронія, смятеніе и безстыдство наполняли время. Одни плакали на развалинахъ своихъ благородныхъ иллюзій, другіе смѣялись въ началѣ нечистаго тріумфа. Никто больше не вѣрилъ во что-бы то ни стало—одни по малодушію, другіе изъ атеизма...» Въ этомъ соціально-политическомъ движеніи Ж. Зандъ приняла участіе не только теоретически, но и фактически: она является въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ республиканскою мятежною партіею во время процесса противъ ліонскихъ инсургентовъ (1834 г.) и ихъ соучастниковъ въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ; она выступаетъ авторомъ весьма энергической прокламаціи къ арестованнымъ въ этомъ дѣлѣ; она идетъ тѣмъ-же путемъ и позже: такъ, въ 1841 г. основываетъ съ Ламнэ, Леру и Мицкевичемъ журналъ «Revue Indépendante»; въ дни февральской революціи 1848 г. (которая, какъ извѣстно, возбудила такія-же надежды, какъ и іюльская 1830 г.) пишетъ введеніе къ «Bulletins de la République» Ледрю-Роллена, обращается къ толпѣ двумя «Lettres au peuple»; основываетъ—въ интересахъ того-же народа—газету «La Cause du peuple»; вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ такими людьми, какъ Мадзини... Подъ впечатлѣніями такой жизни шла непрерывно и въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какіе едвали найдешь у какого-нибудь другаго писателя, чисто-литературная, беллетристическая производительность этой удивительной женщины, производительность, которая естественно имѣла и рѣзко-тенденціозный, съ разнообразными оттѣнками характеръ. То былъ періодъ, когда изъ-подъ пера Ж. Зандъ одинъ за другимъ выходили «Le Compagnon du tour de France», «Le Meunier d'Angibault», «Le péché de M. Antoine», «Horace», «Lucrèce Floriani», «Consuelo...» Но время неминуемо должно было взять свое. Ж. Зандъ, какою мы знали ее до сихъ поръ, или устала, или сознала практическую непроизводительность и непримѣнимость своихъ тенденцій и теорій, или сочла свою работу законченною, путь, проложенный ею, достаточно широкимъ, чтобы по немъ пошли другіе, или, наконецъ, благодаря возрасту и опытности, взяла въ ней верхъ другая сторона ея натуры—сторона не менѣе въ ней существенная и коренная, чѣмъ первая,—какъ-бы то ни было, но сотрудница Леру и Ламнэ, чувствовавшая себя въ парижскомъ водоворотѣ, какъ рыба въ водѣ, удалилась отсюда въ свое деревенское уединеніе и здѣсь, въ создававшихся среди этой невозмутимо-мирной обстановки произведе-

ніяхъ, съ трогательною любовью идиллически рисовала, безъ малѣйшаго слѣда прежняго бурнаго и протестующаго элемента, своихъ милыхъ поселянъ, въ лицѣ «Маленькой Фадетты», «François le Champi» и т. п. Только однажды вышла она изъ этого патріархальнаго житья снова на поприще общественной дѣятельности. Это было въ 1870 г., во время франко-прусской войны. Старая «прокламаціонистка» проснулась въ ноганской «помѣщицѣ», и она обратилась къ своимъ соотечественникамъ съ воззваніемъ, правда, написаннымъ въ миролюбивомъ тонѣ и духѣ, но въ сути котораго не трудно было узнать прежнюю Ж. Зандъ: «Только возстановленіе мира—воскликнула она—дало-бы возможность разрѣшить соціальныя проблемы и освободить человѣчество отъ двойнаго политически-религіознаго ига, тяготѣющаго на немъ!..» Но съ тѣхъ поръ уже до самой смерти, 9 іюня 1876 г., не покидала она своей деревенской обстановки, широко благотворя бѣднымъ и относясь съ теплымъ радушіемъ къ поселянамъ вообще, отдавая на благотворительныя цѣли весь доходъ съ своего имѣнія и оставляя себѣ на жизнь только свой литературный заработокъ, прекрасно оправдывая то прозвище «наша добрая женщина», которымъ украсило ее, какъ лучшимъ изъ лавровыхъ вѣнковъ, все окрестное населеніе...

Въ этомъ біографическомъ очеркѣ я ничего не упомянулъ о любовныхъ связяхъ нашей писательницы, а между тѣмъ ихъ непремѣнно надо имѣть въ виду для существеннаго дополненія ея физіономіи какъ женщины, и слѣдовательно также физіономіи литературной, ибо онѣ обѣ тѣсно соединены между собою. Оставлю въ сторонѣ всѣ факты и укажу только на общую черту. Предметы этихъ связей—Ж. Сандо, Альфредъ Мюссе, Шопенъ—особенно два послѣдніе. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ очень явственно выступаетъ на первый планъ тотъ чисто мужской складъ, которымъ вообще отличаются характеръ и умъ Ж. Зандъ. Какъ въ жизни вообще она особенно покровительствовала и помогала бѣднымъ мечтателямъ, существамъ слабымъ и болѣзненнымъ, такъ и сердечныя свои привязанности направляла она именно въ эту сторону, и въ этомъ отношеніи не безъ основанія, думаю, придаютъ автобіографическій характеръ ея роману «Лукреція Флоріани». Какъ это ни странно кажется, если принимать во вниманіе ея произведенія, особенно тѣ, въ которыхъ главную роль играетъ любовь, и многія обстоятельства ея жизни,—но несомнѣнно, что авторъ «Леліи» и «Консуэло» была въ своей сущности натура уравновѣшенная, разумно-разсудительная, на которую никогда не дѣйствовали совершенно захватывающимъ образомъ упоеніе физической страсти, чисто чувственное увлеченіе. Сама она, напримѣръ, сознавалась, что къ Альфреду Мюссе ее привязало, какъ любовницу, только чувство матери, сестры, заботливаго друга: ей достаточно было знать, что бѣдный, больной поэтъ па-

ходитъ около нея миръ и спокойствіе своей души, и если она, по истеченіи нѣкотораго времени, отдалась ему, уступила его страстнымъ настояніямъ, то сдѣлала это только по зрѣломъ обсужденіи, сдѣлала, по ея собственнымъ словамъ, «par un acte de ma volonté, après les nuits de méditations douloureuses». «Ты—говорила она послѣ того, какъ стала принадлежать ему—пресытился моею дружбой; если когда либо пресытишься и моею любовью, то не забывай, что въ объятія твои кинула меня не минута отрѣшившагося отъ земли безумія, а болѣе благородное движеніе моего сердца и чувство нѣжнѣе и прочнѣе сладострастнаго упоенія...» Свои отношенія къ Мюссе сама она характеризовала, какъ «задачу, которую она себѣ поставила, какъ долгъ, который она холодно исполняла». То же самое видимъ мы и въ ея связи съ слабымъ, болѣзненнымъ Шопеномъ: и тутъ опять, по ея собственному заявленію, на первомъ планѣ стояли, главнымъ стимуломъ, состраданіе, сознаніе, что такая любовь спасетъ человѣка, и тому подобныя чувства... Недавно вышли воспоминанія о Ж. Зандъ одного изъ очень близкихъ къ ней людей, Г. Амика; въ нихъ, между прочимъ, передаетъ онъ слѣдующія слова ея: «Моею господствующею страстью въ жизни было материнское чувство (la maternité). Во всѣхъ моихъ чувствахъ, во всѣхъ привязанностяхъ моей жизни есть доля страсти материнской, доля той покровительствующей страсти (passion protectrice), которая заставляетъ насъ думать, что тѣ, кого мы любимъ, принадлежатъ намъ больше и сильнѣе»...

Перехожу теперь къ обзору ея писательской дѣятельности.

Петръ Вейнбергъ.

НЕГОДОВАНІЕ.

Душою чистой и незлобной
Тебя Создатель надѣлилъ,
Душой, мерцанью звѣздъ подобной
Иль дыму жертвенныхъ кадилъ.

Хотя дыханьемъ чуждой злобы
Не разъ мрачился твой удѣлъ,—
Нѣтъ человѣка на кого-бы
Ты темной злобою кипѣлъ.

Но каждый день огнемъ страданья
Вѣнчала жизнь твое чело,—
Въ твоей душѣ негодованье,
Какъ сѣмя въ почвѣ, проросло.

О. Сологубъ.

НА РАЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.

Романъ въ трехъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVII.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Зима уже сковала все кругомъ. Безлистныя деревья въ саду у Надежды Сергѣевны Таранецкой грустно протягивали въ холодномъ воздухѣ свои голые сучья. Точно громадная толпа чудовищныхъ скелетовъ просила чего-то своими истлѣвшими костями рукъ и остуженная пронзительнымъ сѣвернымъ вѣтромъ трепетала съ сухимъ и зловѣщимъ шорохомъ, чуя приближеніе страшныхъ полярныхъ морозовъ. Снѣгъ все покрылъ — и тихую улицу передъ окнами Натальи Григорьевны, и кровли домовъ — и бѣлыми однообразными, скучными сугробами наметался у длинныхъ заборовъ. Все было пустынно, печально, безнадежно. Потомъ налетала мятель—скелеты въ саду трещали и трепались во всѣ стороны подъ ея безпощадными порывами. Съ сугробовъ взметывались къ самому небу чьи-то бѣлые призраки, до сихъ поръ спавшіе подъ ними, широкими рукавами своихъ бѣлыхъ одеждъ колыхались надъ деревянною крышею, подъ которой жила Свѣтлинъ-Донецкая, и съ злобнымъ и дикимъ воемъ уносились дальше. Тѣмъ не менѣе—все время у Натальи Григорьевны и теперь было полно. Надежда Сергѣевна не могла оставаться безъ дѣла. Ея живая любовь ко всему, что кругомъ дышало—до такой степени захватывала старуху, что и близкіе къ ней люди не могли оставаться спокойными. Ихъ досуги наполнялись вѣчною заботою то о дѣтяхъ, то о больныхъ, то, когда тѣхъ и другихъ не оказывалось, хлопотами по „чужимъ“ дѣламъ, если бы всякое дѣло Таранецкая

не считала своимъ. Радужныя воспоминанія и сказочныя были недавняго прошлаго воскресали передъ Натальей Григорьевной только по вечерамъ, когда усталая она ложилась въ постель. Воскресали, трепетали свѣтомъ и жизнью и незамѣтно переходили въ такіе же сны—яркіе, чудные, полные неуловимыхъ образовъ и нѣжныхъ красокъ... Она уже давно,—почти двѣ недѣли, — не получала писемъ отъ Марго де Франсъ. Самсоновъ сообщилъ ей на дняхъ, что онъ уѣзжаетъ за границу на Женевское озеро, гдѣ и будетъ ждать окончанія процесса и ея свободы. Въ Веве есть русская церковь, — во избѣжаніе толковъ и пересудовъ, неизбѣжныхъ въ ихъ положеніи, имъ лучше всего, разумѣется, вѣнчаться за границей. Документы, необходимые для этого, будутъ высланы прямо туда—и священникъ изъ Женевы исполнитъ все, что нужно. Такимъ образомъ безоблачному счастью ихъ, этому голубому царству любви не станутъ грозить ни какія случайности... Дѣловая часть письма была коротка, но Наталья Григорьевна почувствовала, что онъ, Левъ Самойловичъ, весь теперь полонъ заботою о ней, объ ея покоѣ, о томъ, чтобы ничья другая и чужая рука не коснулась ея чуткой души. Она почти не обратила вниманія на то, что любимый человѣкъ писалъ ей о Приглядовѣ. Тамъ нуженъ будетъ кто нибудь изъ русскихъ—лучше-жъ взять для этого своего, чѣмъ чужого. Иванъ Николаевичъ не слѣпой, вѣдь, онъ отчасти посвященъ былъ въ тайну ихъ любви. При немъ, вѣдь, у синихъ водъ Атлантическаго океана воскресла она и захватила ихъ обоихъ. Какъ бы онъ ни относился къ этому—помѣшать, вѣдь, не можетъ, да и не зачѣмъ, когда все уже будетъ кончено! Маргарита Францовна его не долюбливаетъ и, разумѣется, преувеличиваетъ опасность, грозящую отсюда. Да и притомъ—противу всякой такой опасности, противу малѣйшей боязни передъ нею—подымалась вся гордость Свѣтлинъ-Донецкой. Чего бояться, о чемъ тревожиться? Все складывается такъ, что ни ея совѣсть, ни ея чувство не могутъ быть ничѣмъ затронуты. Она не пошла ни на какія уступки. Она—чиста и передъ Богомъ, и передъ людьми, и передъ собою. Ей незачѣмъ и нечего будетъ краснѣть. Она можетъ также высоко держать голову, какъ держала ее до сихъ поръ. Ея мужъ умретъ для нея. Приглядовъ ли будетъ у Самсонова или кто другой—все равно. Разъ это необходимо—пусть лучше этотъ, чѣмъ совсѣмъ незнакомые ей люди. Послѣдніе дни здѣсь такимъ образомъ она вся отдавалась нарочно съ головою дѣлу своей тетки. Это не давало мѣста тревогамъ и трепету ожиданія, лихорадочной тоскѣ, съ которою встрѣчаешь даже большую радость, если она долго не давалась въ руки. Просыпаясь подъ утро и не открывая глазъ, Свѣтлинъ-Донецкая чувствовала часто ознобъ этой лихорадки, приступы какой-то странной печали, боязнь

чего-то новаго, приближавшейся къ ней второй полосы жизни. Она боялась мечтать и думать о ней. Ей страшно было бы обмануться въ своихъ ожиданіяхъ. Она давно уже разсказала обо всемъ теткѣ — и та сама не вѣрила въ близкую возможность „перемѣны судьбы“, какъ по своему называла это Надежда Сергѣевна. Только когда была, наконецъ, получена телеграмма отъ Кленовской: „берите немедленно паспортъ за границу, чтобы потомъ васъ не задержали формальности“ — Таранецкая поколебалась и задумчиво проговорила: „Можетъ быть, теперь это и легко, Богъ васъ знаетъ, нынѣшнихъ! Въ наше время мы про этакое и не слышали“.—Но обдумавъ положеніе племянницы, и она стала за нее радоваться. „Въ самомъ дѣлѣ, пора и тебѣ быть счастливой—а то ни мужья жена, ни вдова, ни дѣвица. Самсоновъ, судя по твоимъ же разсказамъ—хорошая душа. Коли у него характера нѣтъ—у тебя на двоихъ хватитъ. Станешь его державить—и будетъ онъ у тебя ходить по стрункѣ. Тогда и меня не забудь!“ Что касается до послѣдняго, то хотя Надежда Сергѣевна и не совсѣмъ высказывала племянницѣ, но Наталья Григорьевна давно уже знала, что у великодушной и самоотверженной старухи нѣтъ ничего. Она только и держалась, благодаря евангельскому: „рука дающаго не оскудѣваетъ“. Имѣніе ея было давно заложено въ третьи руки, домъ тоже. Она для того, чтобы помогать другимъ, сама просила „ходила по людямъ“—и отказа ей не было только потому, что всѣ знали: „мірская печальница не для себя христарадничаетъ. Ей не дать все равно, что Богу не дать“. Случалось, что у нея за обѣдомъ не было мяса, вечеромъ она оставалась безъ чая... Не на что было купить—Наталья Григорьевна давала свои деньги кухаркѣ, и Таранецкая даже не замѣчала этого. Ей было все равно. Она настолько отдавалась чужой тяготѣ и печали, что и сама не имѣла времени поѣсть и отдохнуть, какъ слѣдуетъ. Перекусывала на ходу, „клевала“, какъ говорили про нее ея горничныя. Свадьбѣ Натальи Григорьевны, разъ она повѣрила этому событію, старуха обрадовалась, потому что разомъ почувствовала почву подъ ногами. „Милліонершей станешь—не забудь моихъ. Они за твое счастье Бога помолятъ, теперь тебѣ нельзя было у него взять—потому что, какъ ни крути, ни верти, а пока „Исаія ликуй“ не споютъ вамъ, всё вы другъ другу чужіе люди. Ну а съ чужого дамѣ брать не годится, особливо если она къ нему въ червонномъ интересѣ“. Наталья Григорьевна цѣловала ее, смѣясь, и обѣщала ей все... И, въ самомъ дѣлѣ,—ни на одну минуту ее не увлекала мечта объ эгоистическомъ счастьѣ вдвоемъ. А для великодушныхъ плановъ ихъ общей молодости, почти забытыхъ имъ, но не ею, Надежда Сергѣевна Таранецкая была бы незамѣнимой помощницей. Хлопоты съ заграничнымъ паспортомъ заняли только нѣсколько

дней. Пришлось посылать за нимъ въ губернскій городъ, и когда документъ былъ ей доставленъ—Наталья Григорьевна разомъ узнала всю муку ожиданія. Теперь уже и дѣла Надежды Сергѣевны ея не занимали. Она въ нихъ разбиралась, какъ сонная, очевидно, душа уже не принимала въ этомъ участія. Свѣтлинъ-Донецкая считала минуту за минутою, тревожилась, что это Марго не пишетъ ничего. Два раза послала ей телеграмму съ оплаченнымъ отвѣтомъ: „въ какомъ положеніи дѣла?“ и раздосадовалась, узнавъ, что положительно все будетъ извѣстно только на-дняхъ. Она ходила по комнатамъ изъ угла въ уголъ, „слонялась“, не замѣчая старыхъ горничныхъ и наступая на копошившихся вездѣ дѣтей, не впопадъ отвѣчала теткѣ и, оставаясь одна, заложивши руки, бросалась въ кресло и, не боясь, что ее могутъ услышать другіе, восклицала: „должно быть, неудача!.. Вѣрно отказали—и ничего изъ этого не вышло“. Ночи теперь она проводила, засыпая урывками; просыпалась—точно кто-то толкалъ ее и, широко открывъ глаза, пристально смотрѣла во тьму, будто допрашиваясь у нея о чемъ-то. Но и ночь молчала—мистическая и таинственная въ своемъ загадочномъ покоѣ. Свѣтлинъ-Донецкую охватывало холодомъ. Она напрасно куталась въ теплое одѣяло—оно давило ее, не согрѣвая. Отъ ея неприступности и сдержанности теперь не оставалось и слѣда. Она вся горѣла жаждою счастія, она чувствовала, что случилось что-то такое, положившее непереходимый предѣлъ между ея прошлымъ и настоящимъ. Какъ-бы ни кончилось дѣло—возврата къ тому, что было, нѣтъ. Въ самомъ дурномъ исходѣ его—она не найдетъ въ своей душѣ силъ, удержавшихъ ее отъ всякаго ложнаго шага. Эта вѣчная борьба съ самой собой уничтожила всю ея твердость, истощила эти силы. Еслибы онъ пришелъ сейчасъ къ ней, еслибы онъ засталъ ее въ такія минуты, она сама бы упала къ его ногамъ, какъ спѣлый плодъ съ дерева. Возврата къ прошлому нѣтъ, а будущее все еще въ тучахъ, въ туманѣ, и ни одного просвѣта. Оно ея не пугало, она, эта смѣлая и до сихъ поръ спокойная женщина, не знала страха ни передъ чѣмъ. Но ей казалось, что всѣ ея нервы въ ней,—какъ туго натянутыя струны,—вотъ-вотъ оборвутся; а мука ожиданія, сомнѣнія—играютъ на нихъ безпощадно, и онѣ трепещутъ съ болью, ноютъ отъ каждаго прикосновенія этихъ невидимыхъ перстовъ, и долго потомъ дрожатъ, наполняя всю ее своею отраженною мукою. Въ сравненіи съ этимъ ожиданіемъ, съ неизвѣстностью—густыми, непроглядными сумерками охватившею ее отовсюду—ея безрадостное, холодное, неподвижное прошлое казалось ей почти счастьемъ. Она стала сама на себя не похожа, осунулась, поблѣднѣла. Тетка ея негодовала на нее. „Ты смотри — жениха испугаешь. Вся желтыми пятнами пошла—на что это похоже, Богъ съ тобою!“ Но Наталья Григорьевна

даже не слышала этого. Она точно все время боялась упустить голоса, невѣдомо изъ какой дали звучавшіе ей—ей одной... Послѣ нѣсколькихъ дней такой муки, явилось письмо отъ Льва Самойловича. По тону его—она ничего не поняла. Оно было преувеличенно нѣжное; не вѣрь ему она—назвала бы даже „виноватымъ". Точно онъ оправдывался въ чемъ-то спѣшно, на-скоро, обрывками. Она только на томъ и успокоилась, что и онъ теперь испытываетъ то-же, что и она, мѣста себѣ не находитъ и не знаетъ самъ, что пишетъ... Онъ ей сообщалъ, что поселился пока въ Glion sur Territet, пускался при этомъ въ описаніе природы, обрывалъ ихъ на полусловѣ и, Богъ вѣдаетъ, зачѣмъ, увѣрялъ ее въ своей любви, хотя она и безъ того въ ней не сомнѣвалась. Потомъ вдругъ она наткнулась на фразу: „въ Веве вѣнчаться будетъ неудобно. Получивъ телеграмму объ окончаніи процесса, я сію минуту напишу вамъ, гдѣ намъ встрѣтиться". И опять шли безсвязныя и безпорядочныя ламентаріи о томъ, что всякая минута ожиданія мучительна, что онъ, Левъ Самойловичъ, считаетъ мгновенія, и еслибы не разныя обстоятельства—выѣхалъ бы, не глядя ни на что, къ ней. Вдвоемъ все было бы легче... Эти „разныя обстоятельства" (она сама не понимала, почему) будто рѣзнули ее по сердцу. Какія у него могутъ быть разныя обстоятельства? Развѣ есть человѣкъ свободнѣе его? Что ему можетъ мѣшать сдѣлать то или другое? Еще болѣе удивила ее приписка: „я долженъ былъ прогнать негодяя Приглядова, — жалѣю, что ему довѣрялся". Что все это значило? Почему у него только теперь открылись глаза на Ивана Николаевича? Натальѣ Григорьевнѣ послѣ этого стало еще тяжелѣе. Она совсѣмъ ужъ, какъ потерянная, ходила по комнатамъ маленькаго домика. Ей было душно, точно здѣсь не хватало воздуха. Что тамъ случилось?.. А что случилось нѣчто—было ясно. Такъ это письмо не походило на другія, раннія... Или и онъ совсѣмъ сбился съ толку отъ ожиданія,—и нервничаетъ, какъ и она? Свѣтлинъ-Донецкая показала письмо Льва Самойловича теткѣ, но чистая и святая душа той не допускала никакихъ сомнѣній въ любимомъ человѣкѣ. „Не пойму я васъ," говорила она. „Что вы другъ друга со вчерашняго дня узнали! Экія горы сдвинули — а тутъ вдругъ передъ чѣмъ-то, словно дѣти, застытесь. И ничего въ этомъ письмѣ такого нѣтъ. Одурѣлъ твой Самсоновъ отъ любви, — что пишетъ — и самъ того не знаетъ. Тоже сердце поди, какъ овечій хвостъ дрожитъ. Я старуха— и то понимаю. А Приглядовъ? Чему-жъ удивляться! Сама ты говоришь—дрянь человѣчишко. Поссорились, можетъ быть... Я не знаю, издали-то не видно, не разсмотришь сразу..." —Нѣтъ, тамъ что-нибудь да случилось! упорно повторяла Наталья Григорьевна. „Именно случилось — и онъ боится написать мнѣ... Ахъ, какъ бы мнѣ надо было

теперь въ эти же минуты быть съ нимъ; ему, бѣдному, такъ тяжело одному... Слѣдовало бы выѣхать въ Веве теперь же и тамъ ожидать, что принесетъ намъ „завтра".—Къ вечеру, перечитавъ это письмо опять Наталья Григорьевна остановилась на странной мысли: все рухнуло, имъ отказали—и любимый человѣкъ только своимъ письмомъ хочетъ ее подготовить къ этому страшному удару. Оттого ей не надо ѣхать въ Веве, иначе съ чего бы онъ сталъ ее удерживать отъ этой поѣздки? Утромъ придетъ, вѣрно, другое письмо, болѣе опредѣленное, и всѣ ея надежды рухнутъ, и она останется—хуже, чѣмъ прежде—одна въ какомъ-то безвоздушномъ просторѣ. Ни впереди, ни позади, ни по сторонамъ!.. Всю ночь она не смыкала глазъ. У нея, дѣйствительно, начиналась лихорадка... Утромъ, только-что она заснула, къ ней въ двери постучали. Надежда Сергѣевна спрашивала ее оттуда: „Спишь, что ли?"—Нѣтъ, тетя... А что?—„Телеграмма тебѣ!.."—Вотъ *оно*... Вотъ она—эта страшная разгадка. Свѣтлинъ-Донецкая сорвалась съ постели, кинулась къ дверямъ, забывши, что она не одѣта совсѣмъ, а вдали, въ дверяхъ другой комнаты, стоитъ телеграфистъ,—выхватила у Надежды Сергѣевны листокъ депеши и, не зная, что дѣлать, приложила его къ сердцу. Оно колотилось у нея съ такой силой и быстротой, что у нея кружилась голова, и ее тошнило даже. Рука, хотѣвшая разорвать конвертъ, дрожала. Она не могла совладать съ нимъ.—Да, полно тебѣ... успокойся! убѣждала ее старуха. Наталья Григорьевна протянула къ ней телеграмму. —Вы... вы... Вы сами! только и могла проговорить она. Таранецкая, тоже вся взволнованная, вскрыла конвертъ. — Отъ кого, отъ него?—Нѣтъ... отвѣтила та. Подписано „Кленовская"...—Скорѣе... Ну... ну?—Сейчасъ... Дай очки найти... Но тутъ ужъ Наталья Григорьевна сама взяла себя въ руки, выхватила телеграмму и прочла:

„Поздравляю! Сейчасъ состоялось рѣшеніе. Вы свободны. Бумаги высылаю прямо въ Веве. Совѣтую ѣхать туда... Не медлить!.. Цѣлую васъ. Желаю отъ всей души долгаго счастія. Не забудьте и насъ".

— Свободна... я... я свободна... Все кончено, кончено...

И, какъ подкошенная, она упала опять въ кресло, не зная, гдѣ она, что съ нею, и чувствуя только, что комната, со всѣмъ что въ ней, кружится со страшною быстротой и, кружась, заволакивается въ какой-то сѣрый туманъ!

— Ну, вотъ видишь, изъ какой-то темноты звучалъ ей радостный и дрожащій голосъ Надежды Сергѣевны, — ну, вотъ видишь... Все и вышло по-моему. И чего ты только мучилась?.. И теперь тоже—на себя не похожа...

Старушка не забыла, что она первая не вѣрила благополучному исходу этого дѣла. Она принесла племянницѣ стаканъ съ холодною

водой. Стекло его стучало о ея зубы — и она отодвинула воду отъ себя; все еще не могла проглотить и одной капли. Что-то сжимало ей горло, что-то росло въ груди неудержимымъ порывомъ—а выхода не было, спазмы мѣшали. Хорошо, что дряхлая Марья Савишна догадалась, что дѣлать. „По старой модѣ“ взяла воды въ ротъ и прыснула ею въ самое лицо Натальѣ Григорьевнѣ! Та вздрогнула, Марья Савишна повторила еще разъ... Свѣтлинъ-Донецкая повела на всѣхъ еще, повидимому, ничего не разбиравшимъ взглядомъ.

— Христосъ съ тобой! радоваться тебѣ, а не обмирать надо...

— Помолитесь, да хорошенько, вставила Марья Савишна,—угоднику; молебенъ заказать бы... Я живо слетаю къ батюшкѣ.. А?..

— Да, да, — опомнилась первая тетка.—Да, да. Именно, молебенъ... Такое дѣло нельзя безъ Бога начинать...

Наталья Григорьевна, точно боясь, что вотъ-вотъ эти буквы, все еще дрожавшія передъ ея глазами, разомъ исчезнутъ—еще перечитала депешу и вдругъ, въ нежданномъ порывѣ счастья, уже вся обливаясь слезами, кинулась на шею къ Надеждѣ Сергѣевнѣ...

XVIII.

Вечеромъ поѣзда отсюда не было, утренній отошелъ ранѣе, чѣмъ Наталья Григорьевна получила телеграмму. Иначе она не стала бы ждать другого дня. Она рѣшила не придавать значенія письму Льва Самойловича. Теперь оно для нея потеряло всякое значеніе. Загадки, которыя она почувствовала въ его безпорядочныхъ строчкахъ, лучше всего разрѣшить лично, на переписку нѣтъ времени, да и всякій лишній день здѣсь теперь доставался ей слишкомъ дорого!.. Она такъ измучила Надежду Сергѣевну своимъ нетерпѣніемъ, что та сначала смѣялась надъ нею, потомъ сама разнервничалась и, стараясь все обратить въ шутку, предложила племянницѣ: „Ужъ, пожалуйста, хоть экстренный поѣздъ закажи, только уѣзжай къ нему“. Зато на другой день старушка искренно расплакалась. „Телеграфируй, когда будешь вѣнчаться—мы за васъ здѣсь помолимся“. Хорошо, что во время явилась какая-то больная подгородная крестьянка, и Таранецкую отвлекли ея обычныя дѣла отъ Натальи Григорьевны. Зато въ минуту отъѣзда, когда та обняла ее—Надежда Сергѣевна почувствовала, что будто что-то у нея оторвали отъ сердца.

— Мама умерла, благословите вы меня за нее.

Таранецкая пошла къ кіоту, взяла оттуда старый фамильный образъ Спасителя—едва ли не единственное, что у нея осталось отъ прожитаго состоянія, и уже серьезно сказала Натальѣ Григорьевнѣ:

— Ну, стань на колѣни.

Та послушно, какъ дѣлала это маленькою, исполнила.

— Да спасетъ тебя Христосъ. Живите счастливо. Вы долго ждали другъ друга, сумѣйте же и любить такъ, какъ слѣдуетъ... Голосъ ея дрогнулъ. Должно быть, свою судьбу вспомнила. Не всякому дается это... Судьба часто бываетъ жестока. А можетъ быть, и Господь посылаетъ намъ испытаніе...—Не мнѣ бы „старой дѣвѣ“ благословлять тебя... Да поможетъ тебѣ Пречистая. Будь же счастлива—не забудь и тѣхъ, кому тяжело живется. Отъ тебя теперь больше спросится, потому что ты имѣешь возможность помочь людямъ. Вѣрьте другъ другу—гдѣ нѣтъ взаимнаго довѣрія, тамъ одна мука... адъ... А впрочемъ, что я знаю объ этомъ?.. Мнѣ, вѣдь, самой не пришлось!..

И, благословивъ ее образомъ, она передала его Натальѣ Григорьевнѣ.

— Телеграфируй намъ... Мы будемъ далеко теперь другъ отъ друга—но помни, что здѣсь никогда не перестанутъ тебя любить. Прощай, голубка!

— До свиданія?.. поправила та.

— Нѣтъ. Въ наши годы вѣрнѣе говорить „прощай“—скорѣе не ошибеться.

— Пріѣду, такой же васъ найду—бодрой, здоровой, сильной.

— Ну, какъ Богъ!..

Когда поѣздъ отошелъ отъ маленькой станціи этого города—высунувшаяся въ окно Наталья Григорьевна долго еще видѣла все становившуюся меньше и меньше милую старушку—благословлявшую ее издали. Что то говорило уѣзжавшей, что онѣ уже не увидятся больше. Что это было: предчувствіе, или такъ—нервы шалили, только ей казалось, что лицо ея тетки сегодня было почему то восковымъ совсѣмъ и сквозило, какъ воскъ, и въ глазахъ у той дѣвушка отличала серьезное и строгое выраженіе, кототорое показывается у людей уже отмѣченныхъ смертью. „Пустяки“! успокаивала себя Наталья Григорьевна, и, чтобы разсѣяться, начала рисовать себѣ часъ за часомъ, минуту за минутою, какъ они встрѣтятся, что скажетъ ей Левъ Самойловичъ, и какимъ счастьемъ будутъ дышать его взгляды, лицо, слова! Какъ онъ будетъ смущенъ—и какъ небо ихъ голубой любви, безоблачно чистое, откроется скоро... скоро!.. Только отъѣхавъ на нѣсколько станцій, она вспомнила, что сегодня не успѣла телеграфировать Льву Самойловичу. Впрочемъ, къ чему это.. Черезъ три дня она будетъ тамъ... Еще лучше обрадовать его неожиданностью, да и вчера тоже, вѣрно, Калиновская послала ему депешу обо всемъ.

Снѣга̀, снѣга̀ и снѣга̀... Надъ ихъ однообразнымъ саваномъ стоялъ сѣрый туманъ, въ сѣромъ туманѣ, точно карандашомъ, были намѣчены жалкія глухія деревни за приземистыми чахлыми ветлами. Неоживленно и скудно смотрѣли города, сиротливо затерявшіеся посреди

безжизненныхъ пустырей. Она, эта счастливая женщина, ужъ успокоившаяся отъ волненій и вся полная предчувствія ожидавшаго ее счастья, не глядѣла на нихъ. А если и глядѣла—ничего не видѣла. „Какъ онъ обрадуется, какъ обрадуется", думала она... Разумѣется... Я ему должна это! Онъ слишкомъ измучился въ вѣчныхъ ожиданіяхъ—съ моей стороны это только уплата за всѣ его тревоги. Я должна, должна была сама ему написать. Станціи мѣнялись станціями, города—городами. Въ одномъ какая то счастливая молодая парочка сѣла въ вагонъ къ Натальѣ Григорьевнѣ и въ слѣпотѣ своего эгоизма даже не замѣтила, сколько радости отразилось въ лицѣ этой красивой и высокой блондинки, слѣдившей за ними изъ угла. „И мы съ *нимъ* тоже уѣдемъ куда нибудь... далеко, далеко—туда, на тотъ блаженный сказочный островъ, о которомъ они мечтали вдвоемъ у романическихъ синихъ волнъ безсоннаго океана, на его скалахъ, омытыхъ его волною, надъ черными безднами, гдѣ кишмя кишѣло столько жизни... Сказочный островъ! Какъ скоро—эта сказка, казавшаяся такою несбыточною—стала дѣйствительностью. Неужели тѣ золотые недвижные виды ея чуднаго сна ждутъ ее, и лодка вся въ яркихъ цвѣтахъ стоитъ у берега и неродившіеся звуки тоже замерли въ наполненномъ ихъ благоуханіемъ воздухѣ, замерли въ предчувствіи сладкой минуты своего воплощенія... Какъ хорошо, какъ хорошо! Она случайно уловила поцѣлуй двухъ „молодыхъ". Они думали, что она заснула—и не замѣтили, что ея вѣки только полусмежились. Она вспыхнула... Неужели и онъ ее осмѣлится такъ поцѣловать въ вагонѣ, при свѣтѣ дня. Нѣтъ, нѣтъ... Счастье должно быть цѣломудренно, какъ и горе. Нельзя ихъ выносить въ толпу... Ихъ надо чувствовать, а не видѣть... Черезъ нѣсколько станцій новобрачные вышли. Стемнѣло... Наталья Григорьевна закрыла глаза. Ей хотѣлось заснуть—но ея грезы были такъ волшебны и очаровательны, что она скоро не жалѣла ужъ о томъ, что сонъ бѣжитъ отъ нея. Шумъ поѣзда казался грохотомъ волнъ, разбивавшихся о скалы, она отличала даже глухіе стоны тѣхъ, которыя убѣжали умирать въ черные глубокіе гроты... Онъ около нея... Она почти чувствуетъ, какъ его рука обвиваетъ ее... Но теперь она уже не говоритъ ему:—нельзя! Она знаетъ, что имъ некого бояться. Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ никого, кто бы помѣшалъ имъ любить другъ друга, кого бы они могли стыдиться. То счастье, о которомъ она мечтала именно. Честное, чистое, прекрасное, счастье голубого дня, голубого неба, голубой любви! Она вышла въ таможню за Подволочискомъ. Чужая молвь окружила ее. Днемъ она увидѣла — иную страну, иной народъ. Засыпанныя снѣгами горы мерещились вдали, синія тѣни мягко ложились на нихъ. Подъ Вѣною она заснула, и и проснулась только тогда, когда безчисленные огни города засверкали

кругомъ, шумною волной оживленіе и суета ворвались къ ней, подняли ее и вынесли на людныя платформы, въ кипѣвшій толпою дебаркадеръ. Она собрала вещи и переѣхала въ другой вокзалъ—и радовалась, что ей совсѣмъ не пришлось ждать. Поѣздъ на Тироль и на Цюрихъ, а значитъ и на Женевское озеро—только что собирался отходить. Она не видѣла, кто ей помогъ вскочить въ вагонъ, какъ за нею захлопнули его дверцу. Теперь скоро-скоро... Завтра... только одинъ день еще—и они будутъ вмѣстѣ. Она вспомнила, что все-таки не послала ему вѣсточки. Ей стало неловко. Но когда же! Оправдывалась Наталья Григорьевна сама передъ собой. Вѣдь, и въ Вѣнѣ поѣздъ не ждалъ... Пусть ужъ будетъ такъ, какъ будетъ...

Ночью была луна. Черезъ нѣсколько часовъ—поднялись новыя бѣлыя горы, казавшіяся серебрянными, и только скалы, чернѣе агата взрѣзывали эту свѣтлую пелену... Потомъ снѣга стали сѣрыми... Сползли и остались на однѣхъ вершинахъ. Черными падями—намѣтились бездны, но мимо нихъ поѣздъ пролеталъ съ бѣшеною быстротою, отбросивъ назадъ черное искрившееся знамя... Тяжело дыша огнемъ взбѣгалъ онъ на мостъ, исчезалъ въ тунеляхъ и снова вылеталъ на лунный свѣтъ, снова отважно выносился на карнизы, подъ которыми глухо шумѣли какія-то спрятавшіяся далеко внизу воды... Тутъ зима уже сознавала свое безсиліе. Она не могла спускаться къ долины, и подъ мѣсяцемъ онѣ казались очаровательными въ серебряномъ кольцѣ ледяныхъ вершинъ... Кое гдѣ гремѣли водопады... Сказочный край счастья приближался, заранѣе чаруя Наталью Григорьевну первыми строфами своей дивной поэмы... Убаюканная ими она заснула, наконецъ, но утро, вставшее въ чудномъ великолѣпіи надъ этимъ заколдованнымъ краемъ, разбудило ее. Неужели скоро? Думала Наталья Григорьевна и пристально всматривалась впередъ, точно насквозь черезъ эти горы она могла угадать черты любимаго человѣка и не ждавшаго ее въ своемъ тихомъ убѣжищѣ надъ Женевскимъ озеромъ... Неужели скоро! И точно въ отвѣтъ ей—одни за другими картины этой несравненной природы мѣнялись по сторонамъ. Бирюзовыя озера бѣжали мимо, съ крошечными городками, разъ навсегда заглядѣвшимися въ ихъ прозрачныя глубины. Ледяные глетчеры ярко горѣли отраженнымъ свѣтомъ надъ ними, длинными голубыми мантіями, точно расшитыми серебромъ, падали скаты горъ со снѣговыми прослоинами, лежавшими въ ихъ ущельяхъ. Иной разъ въ черныхъ трещинахъ шумѣли и бѣсились рѣченки въ вѣчной борьбѣ своей съ перегородившими ихъ путь скалами. Онѣ то перебѣгали направо и пыжились и пѣнились рядомъ съ желѣзною дорогой, то откидывались въ лѣво и тамъ вдругъ уносились въ какую нибудь тихую и свѣтлую долину, чтобы, сдѣлавъ по ней капризный извивъ вернуться опять и зашумѣть и загремѣть ря-

домъ съ быстро-быстро мчавшимися по ней вагонами. Они, эти потоки, родившіеся въ горахъ, веселые и кипучіе, мчались—ныряли въ перегонку съ желѣзной дорогой. Кто кого... И потомъ, когда имъ надоѣдало это—они отставали, разливались вдругъ въ тихое полное свѣтлыхъ грезъ озеро и замирали въ своей котловинѣ, тѣсно обнятыя сильными и могучими руками—скалистыхъ горныхъ хребтовъ. Близко-близко падали съ утесовъ каскады, точно въ бѣломъ облакѣ сверху стремились въ непроглядныя бездны какіе-то грозные духи... И вдругъ — опять тишина, опять улыбка—голубая улыбка большого спокойнаго озера... Фирвальдштатское, Тунское—уже остались позади... На гребни горъ вползали деревеньки, будто для того, чтобы посмотрѣть, кто это окутанный дымомъ и паромъ быстро-быстро уносится черною змѣею вагоновъ. Чьи это лица глядятъ и не наглядятся въ ихъ окна на вѣчную красоту природы... Тѣснѣе сдѣлались горы, глубже въ свои норы уходили озера, выше и грознѣе скучивались голыя скалы. Бернскіе альпы точно на минуту пріостановились, чтобы собрать всѣ свои силы—двинуться и раздавить все передъ собою... Но и тѣ остались позади поѣзда...

На одной изъ станцій—только что Наталья Григорьевна выглянула въ окно и откинуться не успѣла, замѣтивъ Ивана Николаевича Приглядова, какъ тотъ уже высоко поднялъ надъ головою шляпу и по своему обыкновенію прищуривъ глаза и сдѣлавъ умильное лицо, несся къ ней на встрѣчу.

— Матушка... королевишна вы моя брульянтовая — васъ ли я вижу!

Какъ Натальѣ Григорьевнѣ ни было это непріятно, она должна была протянуть ему руку.

— Далеко ли?..

— Такъ... Она хотѣла, было, уклониться отъ отвѣта, но ей вдругъ что-то въ голову ударило.—На Женевское озеро... Въ Гліонъ! подчеркнула она.

Глаза Ивана Николаевича совсѣмъ ушли куда то,—только и можно было на этомъ лицѣ различить вѣки безъ рѣсницъ.

— Въ Гліонъ... вымурлыкалъ онъ.—Хорошая сторонка! Очень хорошая. Рай земной!.. И даже съ Адамомъ и Евой!—И онъ вдругъ засмѣялся, окинулъ Наталью Григорьевну почти враждебнымъ взглядомъ и вдругъ, уже и не стѣсняясь, поставилъ ей вопросъ прямо: — Къ Льву Самойловичу?..

— Да! покраснѣла она.—Именно... къ нему.

— Счастливецъ!.. Ахъ кабы мнѣ десятка три съ плечъ долой!.. Этакую цапу да упустить... То-есть я бы, кажется, за васъ зубами... Да нѣтъ ихъ,—всѣ на сладкихъ кусочкахъ проѣлъ... А вставными-то

ничего не сдѣлаешь... Можно, можно позавидовать!.. И та къ нему, и эта... И обѣ—какъ свѣчки горятъ...

— О чемъ вы это?..—не поняла ничего Наталья Григорьевна.

— Цыцъ! И онъ ударилъ себя ладонью по рту.—То-есть горе мое—языкъ мой. Сколько я изъ-за него — подлеца — „давальцевъ" потерялъ. Давно бы мнѣ въ собственныхъ каретахъ разъѣзжать — еслибы не онъ... Люблю правду... Что дѣлать... Такъ, значитъ, можно васъ поздравить: однѣ цѣпи разорваны, и вы теперь спѣшите надѣть на себя другія?.. Владиміра Петровича-то—адью! Въ безвоздушное пространство шваркнули. Такъ ему дураку и надо. Теперь онъ, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена... Ловко вамъ это Маргарита Францовна справила! Въ лучшемъ видѣ. Чистая работа. Поди — въ здоровую деньгу обошлось? Вы, матушка, не хмурьте ваши бархатныя бровки. Меня во всѣ эти тайны мадридскаго двора никто иной посвятилъ, какъ Левъ Самойловичъ. Онъ, вѣдь, меня и везъ сюда съ спеціальною цѣлью—участвовать въ торжествѣ любви...

— И потомъ прогналъ?—грубо вырвалось у Натальи Григорьевны. Она уже не могла болѣе переносить этого надоѣвшаго ей художника.

— Что дѣлать... Только, вѣдь, и волку-то отлились овечьи слезки. И самъ онъ не ждалъ, какой изъ-за этого самаго камуфлетъ случился. Не хотѣлъ со мною въ миръ—теперь вертись враже, якъ панъ каже... Такой у него danse macabre вышелъ. Увидите — удивитесь. Совсѣмъ онъ въ растрепанныхъ чувствахъ обрѣтается, нашъ Левъ Самойловичъ. И васъ боится, и съ другой стороны ему... Молчу, молчу... Сами увидите...

— Я не понимаю васъ...

— И понимать-то вамъ моего свинскаго языка незачѣмъ...

Онъ пріостановился, пытливо взглянувъ на Наталью Григорьевну. Замѣтно было, что ему сейчасъ пришла какая-то мысль.

— Вотъ что... давайте въ серьезъ... Хотите?..

— Что въ серьезъ?

— Вы одни сидите, да?

— Одна.

— Ну вотъ, до Лозанны сяду я съ вами, и устроимъ съ вами, какъ говорилъ мой знакомый дьяконъ (образованный человѣкъ) — тете-а-тете. Такъ согласны тете-а-тете?.. Да?.

И, не ожидая ея отвѣта, онъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ перекатился къ ней въ ея купэ и сѣлъ напротивъ. Она вопросительно посмотрѣла на него...

— Желаете начать конфиденціальную бесѣду?.. Только сначала вотъ что. Какъ по вашему, Иванъ Николаевичъ Приглядовъ подлецъ или не подлецъ?

— То-есть... я... право...

— Подлецъ, значитъ?.. Превосходно! Совершенно правильно изволили заключить. Именно—подлецъ собственной души! А посему—я прямъ буду... Желаете, чтобы рука руку мыла? Я—вамъ, вы—мнѣ?.. Положимъ, съ подлецомъ благородной дамѣ, совлекшей съ себя узы и пріуготовляющейся къ новымъ, не совсѣмъ благовидно союзы оборонительные и наступательные заключать... Но вы о томъ подумайте, madame, что, вѣдь, и всѣ люди подлецы. Исключеній нѣтъ. Если таковые и есть—ищите ихъ въ сумасшедшихъ домахъ. Только одни подлецы—какъ, напримѣръ, Приглядовъ—самочувственные, въ твердой памяти и здравомъ умѣ, а другіе подлецы себя истуканами благородства воображаютъ... И потомъ у каждаго человѣка два бока—однобокихъ-то нѣтъ. Это, вѣдь если Горбунову вѣрить, такъ у лѣшихъ одна ноздря, и больше ничего... Такъ и мы, подлецы откровеннаго направленія. Съ одного боку то — на насъ наплевать, да за хвостъ на солнце, а съ другого — вдругъ у насъ совѣсть оказывается... А?.. Вы какъ думаете? Я это правильно?..

— Не понимаю, къ чему все ведетъ...

— У меня своя линія, не безпокойтесь. Я съ вами только иносказательно. Желаете билетъ съ меня?—вдругъ обернулся онъ къ остановившемуся передъ нимъ кондуктору.—А билета-то я не взялъ. Нихтсъ билетенъ. Форштеенъ-зи?.. Ихъ хабе нихтъ... Ихъ хабе гехабтъ хабенъ!.. Нечего сказать, музыкальный языкъ!.. Деньги—воленъ зи?... Двойные со штрафомъ? Правильно... Получай, твое счастье... Вотъ и я такъ, Наталья Григорьевна, желаю съ нашего Еруслана Лазаревича двойные со штрафомъ за безчестіе... Ну, мейнъ-хэръ, получилъ свое удовольствіе—десять франковъ слупилъ съ меня и убирайся, не мозоль глаза и не нарушай нашего тете-а-тете!.. Понимаешь...

Кондукторъ удивленно повелъ на него глазами, оторвалъ отъ книжки какую-то квитанцію, отдалъ ему и ушелъ.

— Исправная шельма. Ограбилъ православнаго христіанина и сейчасъ ему фитанецъ въ ручку. Не въ свою-де пользу граблю, а на пользу общества. И такъ, Наталья Григорьевна... вотъ что: дозвольте мнѣ васъ Александрой Македонской звать?..

— Что вы шута строите, Иванъ Николаевичъ!

— Не сердитесь, значитъ. Поцѣловалъ-бы я васъ въ ручку, да губы у меня слюнявыя. Боюсь вы отвращеніе выразите, а я гордъ и обидчивъ... Когда-то и мы были... подъ нозѣ покорители... Впрочемъ, не о томъ. И такъ, Александра Македонская вы моя,—желаю я съ вашего Еруслана Лазаревича свой процентъ получить. У него деньги бѣшеныя, вѣдь... Вытащилъ онъ меня за жабры изъ Питера сюда, а здѣсь вслѣдствіе непредвидѣннаго визита къ нему одной парижской персоны, озлился и вышвырнулъ меня, какъ щенка... Слѣдуетъ мнѣ

по этому штрафъ за безчестіе съ него. Такъ вотъ угодно вамъ помочь мнѣ въ этомъ?

— Нѣтъ не угодно!—брезгливо поморщилась она.—Я въ разсчеты Льва Самойловича...

— Не входите? Благородно! Только вѣдомо-ли вамъ, сударыня, что безъ подлеца Приглядова вамъ никакъ въ законный бракъ съ Еруслановъ Лазаревичемъ не вступить?

— Иванъ Николаевичъ!..

— Погодите блѣднѣть. Разсердиться вы всегда успѣете и обругать меня можете, когда вамъ будетъ угодно... Вѣдь, не безъизвѣстно вамъ, что у Самсона, у вашего, шея такъ устроена, чтобы на ней кто-нибудь сидѣлъ и ноги свѣсилъ? Такъ вотъ и въ настоящую минуту на этой шеѣ...

— Послушайте, уже не могла удержаться Наталья Григорьевна.—Прекратимте этотъ разговоръ. Между мною и моимъ женихомъ никто не имѣетъ права вмѣшиваться... Тѣмъ менѣе вы!.. Я даже вамъ должна сказать—еслибы я когда-нибудь и позволила себѣ вмѣшаться въ денежныя дѣла своего мужа, я-бы его удержала отъ такихъ тратъ. Слишкомъ много на свѣтѣ настоящей нужды и горя, чтобы...

— Не продолжайте, понимаю. Это, вѣдь, клише-съ... Вотъ что, вопросъ ребромъ къ вамъ: угодно вамъ уплатить мнѣ (на слово-съ, безъ документа вѣрю) пятьдесятъ тысячъ? Вамъ угодно—будете черезъ три дня женою Льва Самойловича. Я сумѣю удалить отъ него нѣкое *особое обстоятельство*, и даже открою вамъ оное. Если вамъ не угодно:—помните (хотите, перекрещусь—ахъ, образа-то здѣсь нѣтъ), никогда, никогда не быть вамъ госпожей Самсоновой...

— Довольно, Иванъ Николаевичъ. Оставимъ это...

— Не угодно, значитъ! Ну что-жъ... Будемъ вѣрны первой любви, которая тоже меня надуваетъ, да съ нея я зато въ свое время натурой получилъ... Давай Богъ вамъ... нашему теленку да волка съѣсть... Можетъ быть чудо и случится... Пришлите тогда хоть карточку съ приглашеніемъ на свадьбу. Я этотъ билетикъ въ плюшевую рамку и на стѣну... Вотъ-де какъ ты былъ глупъ Приглядовъ. Вообразилъ, что безъ тебя ничего нельзя устроить... Да!.. Пропали, значитъ, мои десять франковъ за билетъ. Одна желѣзная дорога въ выигрышѣ ото всего этого пассажа осталась!

Онъ уже не притворялся и глядѣлъ на Наталью Григорьевну съ плохо скрытою враждою. Она смотрѣла въ окно—хотя ничего тамъ и не видѣла. Ей не хотѣлось только встрѣчаться глазами съ Иваномъ Николаевичемъ. Онъ былъ ей донельзя противенъ въ эту минуту... Поѣздъ подъѣзжалъ къ станціи. Приглядовъ понялъ ея настроеніе и поднялся самъ.

— И такъ, до скораго свиданія-съ... Ухожу въ другой компартиментъ, чтобы не мѣшать вамъ предаваться сладостнымъ мѣчтаніямъ... Тутъ я лишній! Оставайтесь при своемъ благородствѣ.

Въ дверяхъ онъ еще остановился.

— Вотъ что-съ. До Лозанны—часъ. Подумайте. Ой, не теряйте такого союзника, какъ я... Вѣдь, ужъ я не такъ плохъ... Мой пріятель говоритъ—нѣмецъ онъ—„не такъ страшный шортъ, какъ его малютка“. И я ужъ не такой противный.

— Мнѣ нечего думать, Иванъ Николаевичъ.

— Значитъ, война!.. Берегитесь, Наталья Григорьевна. Вы сами не ожидаете, что найдете... и, нахмурясь, онъ вышелъ вонъ.

XIX.

Все въ голубыхъ горахъ Женевское озеро сегодня тонуло въ яркомъ свѣтѣ зимняго солнца. Dent du Midi только-что сбросилъ туманы и тучи, возносясь къ небесамъ причудливымъ серебрянымъ гребнемъ. Утесы другихъ горъ воздушными массами точно плыли надъ темными безлистными лѣсами. Снѣга лежали на ихъ вершинахъ и склонахъ, тѣни—совсѣмъ синія, ложились на ихъ бѣлую парчу. Воды Лемана, зеленовато-молочныя въ складкахъ, отливали нѣжнѣйшею бирюзою. Широкая долина Роны вся млѣла съ своими городками, рощами и садами подъ щедрыми лучами. Красиво вдвинувшійся въ спокойное озеро, весь цѣльный и художественный Шильонскій замокъ, далеко внизу невольно останавливалъ на себѣ самые равнодушные взгляды. Казалось, весь міръ, съ его тревогами и волненіями, отошелъ далеко-далеко. Надъ этимъ благословеннымъ уголкомъ Швейцаріи царило благоволящее вѣяніе вѣчнаго міра. Даже ужасы прошлаго казались здѣсь только трагическою строкой, случайно попавшей въ убаюкивающую слухъ идилію. Когда поѣздъ остановился въ Террите, и Наталья Григорьевна вышла изъ вагона—ее отовсюду обняло такое ласковое и кроткое дыханіе этой полной цѣломудрія и чистоты природы, вѣчная зелень въ Hôtel des alpes такъ ясно и хорошо улыбнулась ей издали, что всѣ сомнѣнія, возбужденныя недавнею бесѣдою съ Приглядовымъ, ушли куда-то, не оставивъ за собою и слѣда. Она спросила себѣ комнату. Ей отвели окнами на озеро. Казалось отсюда, что все кругомъ утопало въ голубомъ царствѣ. Остальные оттѣнки, краски сливались съ этимъ преобладающимъ, радостнымъ, побѣдоноснымъ голубымъ свѣтомъ, заполонявшимъ, кутавшимъ и насквозь проникавшимъ и озеро, и горы, и скалы. Небо было такъ благоговѣйно, такъ прекрасно, что становилась дикою самая мысль о какой-нибудь скорби. Тутъ можно было умереть—и подъ окнами мраморные кресты кладбища говорили о смерти

но не страдать, не волноваться, не плакать!.. Она, Наталья Григорьевна, долго стояла, вглядываясь въ даль, въ горы Савойскаго берега громадныя, скомканныя, легкія, легкія до того, что несмотря на свою высоту, онѣ казались почти прозрачными... Ей вдругъ стало и хорошо, и легко. Отсюда для нея начиналась новая жизнь, и точно на рубежѣ ся стали позади величавыя царственныя Альпы. Новая жизнь!.. Та „голубая“ любовь, о которой столько разъ они писали другъ-другу... А эта жизнь вся утонетъ въ свѣтѣ, и ее, и всѣхъ, кого узнаетъ Наталья Григорьевна, согрѣетъ и воскреситъ... Вонъ, подъ ея окнами, прошелъ Приглядовъ, увидѣлъ ее и еще выше вздернулъ на лобъ шляпу... Хамъ! Даже не поклонился. Только на лицѣ его показалась злая и насмѣшливая улыбка. Но въ эту минуту Натальѣ Григорьевнѣ даже его было жаль, съ его вѣчной гоньбой за мѣднымъ грошомъ, съ его низменными инстинктами!.. Иванъ Николаевичъ повернулъ въ телеграфное бюро и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда, уже не стѣсняясь и насмѣшливо глядя прямо въ глаза не уходившей отъ окна женщинѣ. Только отойдя шаговъ на сто, онъ вдругъ повернулся и отвѣсилъ ей „нижайшій“ поклонъ, на который она не отвѣтила.

Какая-то лодочка, раскинувъ два крыла—бѣлыя, чистыя, вправо и влѣво, плыла по озеру... Именно „по лону водъ“. Казалось, что ей, бездушной, доставляетъ сознательное наслажденіе скользить по немъ, оставляя за собою серебряный слѣдъ Пароходъ отъ Савойскаго берега шелъ сюда, и тонкая полоска дыма тянулась за нимъ. Облако всползло на скалу. Дальше, было, двинулось—да, вѣрно, жаль ему стало оставлять эту благодать, или лѣнь охватила—оно и замерло, прижалось къ лиловатому камню. Замерло и блещетъ, и отливается перламутромъ подъ солнцемъ... Минуты шли за минутами. Коляска проѣхала съ какою-то крашеною француженкой въ такой шляпѣ, которая какъ будто только что служила крышею швейцарскому шалэ. Англичанинъ въ нелѣпомъ мѣшкѣ прошелъ мимо, припадая на ноги... Мальчишка пронесъ куда-то букетъ съ цвѣтами, толстая, затянутая въ корсетъ, точно сидящая верхомъ на собственномъ животѣ, нѣмка проковыляла въ подъѣздъ отеля, въ chaise-long вывезли подъ солнце больного съ блѣднымъ, безкровнымъ, апатичнымъ лицомъ, которое при этомъ яркомъ свѣтѣ казалось еще мертвѣе... „Что-же это я!“ вспомнила, наконецъ, Наталья Григорьевна—и позвонила:

— Можно-ли послать телеграмму въ Glion?

— О, да...

— Такъ, пожалуйста, дайте мнѣ бумаги и чернила.

— Простите, но не лучше-ли послать вамъ кого-нибудь туда.

— Развѣ это скорѣе?

— Всего десять минутъ отъ насъ въ Glion идетъ фуникулярная дорога. Вамъ какой отель нуженъ?

— Righi-Vandvis.

— Это у самой станціи тамъ.

„Еще лучше—сообразила Наталья Григорьевна. Телеграмма была-бы слишкомъ суха и незначуща... Она присѣла къ столу и написала всего одну строчку: „Я здѣсь, милый, и вся измучена ожиданіемъ... Жду тебя!“ Запечатала и отдала лакею...

— Вѣрно сейчасъ вы и отвѣтъ получите...

И онъ вышелъ вонъ.

Наталья Григорьевна опять осталась одна—лицомъ къ лицу съ все больше и больше чаровавшимъ ее Женевскимъ озеромъ. Пароходъ, который она видѣла издали, теперь уже подходилъ къ Террите. Вся его верхняя палуба была занята нарядными путешественниками. Часть ихъ сошла внизъ на пристань и торопливо потянулась къ отелю. Пыхтя и свистя, пароходъ (она даже различила его названіе „La Suisse“) отвалилъ прочь и быстро двинулся къ Монтре, щеголеватыя виллы и отели котораго точно повернулись лицомъ къ солнцу и такъ и горѣли подъ его лучами своими окнами, кровлями. Русскій говоръ снизу долетѣлъ до Наталіи Григорьевны, она нагнулась и разсмотрѣла растрепанную даму съ невозможною шляпой, съѣхавшей на бекрень и подоткнутымъ подоломъ, изъ подъ котораго видна была грязная кружевная юбка. Съ ней шелъ какой-то старикъ.

— Ну, матушка, и безъ цвѣтовъ обойдешься. Къ лицу-ли тебѣ цвѣты! Цвѣты-то, вѣдь, кусаются, донеслось вверхъ.. —За цвѣты-то, знаешь, какія деньги дерутъ?

— Съ тобой, дуракомъ, ничего къ лицу не будетъ. Этакая кикимора!

— Да и тебѣ, вѣдь, сорокъ-пять лѣтъ!

— Кричи больше! Ты-бы еще въ газетахъ объ этомъ объявилъ... Каждому столько лѣтъ, сколько онъ чувствуетъ самъ...

И опять все тихо и пустынно, только блещетъ и искрится озеро.

Однако, сколько уже времени прошло?.. Наталья Григорьевна взглянула на часы и вспомнила, что въ дорогѣ она еще не приводила себя въ порядокъ. А, вѣдь, онъ можетъ сейчасъ-же пріѣхать, и, навѣрное, пріѣдетъ и застанетъ ее въ дорожномъ костюмѣ, въ пыли, въ грязи. Она приказала, если кто будетъ ее спрашивать,—просить подождать, а сама пошла въ другую комнату къ туалетному столу. Черезъ часъ она была готова, и у нея сердце дрогнуло, когда къ ней въ двери тихонько постучали. „Онъ! Лева, милый!“ Она бросилась туда—но въ дверяхъ стоялъ коммисіонеръ изъ отеля.

— Madame изволили посылать въ Glion, въ Hôtel Vandvis...

— Да... да... Вы ѣздили?

— Я... Отдалъ письмо. Сказали „хорошо!"

— Какъ хорошо? шатнуло ее въ сторону.—Онъ сейчасъ, вѣрно, ѣдетъ сюда.

— „Онъ?.."—удивился коммиссіонеръ.—Я видѣлъ даму, которая у меня взяла письмо... Взяла—вышла черезъ минуту и сказала „хорошо".

— Какую даму?

— Я не знаю, какая... Она взяла письмо... Я сказалъ къ monsieur Самсонову...

„Вѣрно, горничная или хозяйка отеля, сообразила Наталья Григорьевна.—Кому-же больше... Вѣрно, онъ сейчасъ, сейчасъ пріѣдетъ. Она передала ему. Или его не было—ушелъ куда-нибудь гулять и не ждетъ меня, дорогой, хорошій мой, милый... Надо мнѣ быть дома и ждать его. Онъ будетъ въ отчаяніи, если не застанетъ меня, я, вѣдь, въ долгу у него. Сколько онъ изъ-за меня мучился, страдалъ, чудный мой Лева!" Ей страстно захотѣлось, чтобы онъ, сейчасъ, сію минуту былъ около нея. Какъ-бы она кинулась къ нему, и не ждала-бы его поцѣлуя, сама-бы припала къ нему... Теперь, вѣдь, ужъ все равно. Черезъ нѣсколько дней будутъ получены документы, онъ, вѣрно, все устроилъ тутъ, и имъ безъ всякихъ отсрочекъ можно будетъ обвѣнчаться. Они здѣсь не останутся. Еще дальше куда-нибудь—найдутъ себѣ уголокъ пустыннѣе, гдѣ-бы не встрѣчаться съ Приглядовымъ, и вообще никого-никого. Имъ обоимъ на первыхъ порахъ никого не нужно. Можно взять у жизни хоть одинъ такой праздникъ... Еще-бы!.. А тамъ начнется настоящее дѣло. Вдвоемъ рука-объ-руку имъ будетъ всякая трудная задача легка. Она сумѣетъ такъ направить его, чтобы его нетолько всѣ уважали, но чтобы его любили, благословляли. Она будетъ гордиться имъ, она всему міру докажетъ, что выше ея избранника нѣтъ человѣка въ мірѣ, что для того, чтобы обладать имъ, стоило одолѣть и не такія препятствія. Но пока, пока—вонъ отсюда куда-нибудь въ глушь... въ даль... Въ Пиринеи, что-ли. Тамъ, вѣдь, есть такіе уголки... Къ ихъ сказочному, видѣнному ею во снѣ, острову. Она сѣла въ кресло и зажмурилась. Какъ непростительно медленно идетъ время. Эти часы точно въ ея сердцѣ отдаются каждымъ движеніемъ своихъ стрѣлокъ. Нервы ея тянутся съ болью за ними. Теперь-бы ему сидѣть тутъ, около, вмѣстѣ съ ней... Заснуть-бы пока и проснуться, когда онъ будетъ ужъ въ ея комнатѣ... Она, вѣдь, мало спала на желѣзной дорогѣ! Измучилась. Онъ самъ удивится, когда увидитъ ее такою блѣдною.

Тишина кругомъ, точно все умерло, и она одна здѣсь... Она одна.

Сколько времени прошло—она сама въ томъ не дала себѣ отчета—часа два, три?.. Только подойдя къ окну, она изумилась—до какой степени измѣнилось все кругомъ. По ту сторону Женевы изъ-за Монблана наплыли на небо грузныя сѣрыя тучи. Вершины горъ всѣ утонули въ нихъ. Сѣрою марью затянуло ихъ скалы, точно между ними и Натальей Григорьевной опустили какую-то непроницаемую завѣсу. Dent du Midi не видно. Горы того берега тоже мало по малу отходятъ куда-то, вотъ и совсѣмъ отошли, ни слѣда отъ нихъ. Точно на ихъ мѣстѣ былъ какой-то миражъ. Разсѣялся—и нѣтъ его вовсе... Шильонскій замокъ тоже потускъ, какъ и всѣ краски будто полиняли, сплылись, слились въ какія-то грязныя пятна. Тучи съ ближайшихъ горъ этого берега все ниже и ниже спускаются къ Террите. Изъ мглы на озерѣ вынырнула лодочка и опять пропала въ ней... Только его воды не теряютъ своего изумительнаго молочно-зеленоватаго цвѣта. Онѣ еще гуще даже при этомъ тускломъ освѣщеніи... Гдѣ-то загремѣло—стороной гроза идетъ, должно быть. Да—вотъ и молнія ударила въ туманѣ, зловѣщая, мелькнувшая тусклымъ огнистымъ пятномъ... Однако, что же это нѣтъ его? Она позвонила опять.

— Никого не было у меня?

— Никого.

— Сверху, изъ Glion, не присылали?

— Нѣтъ.

— Вы говорите, что туда недалеко?

— Десять минутъ всего. Вамъ лучше всего самой подняться.

Она отослала лакея. Прошлась. Неужели онъ уѣхалъ? Что все это значитъ? Слова Приглядова, странное послѣднее письмо Льва Самойловича... Сердце у нея захолонуло, точно отъ предчувствія близкой бѣды. Разумѣется, давно надо было самой съѣздить туда и узнать все. Если же уѣхалъ—тамъ остался адресъ. Какъ глупо все это вышло. Нужно было сначала снестись телеграммами. Можетъ быть, она совершенно напрасно пріѣхала сюда. Не слѣдовало вовсе дѣлать этаго!.. Ахъ, какъ вышло, такъ пусть и будетъ. Вѣдь, главнаго препятствія ихъ счастія нѣтъ уже. А все остальное — пустяки. Разумѣется, ей надо самой подняться и узнать. Глупые лакеи путаютъ все...

Она надѣла пальто, взяла дождевой зонтикъ и вышла.

До станціи фуникулярной желѣзной дороги было два шага. Маленькій вагончикъ точно ждалъ внизу, чтобы Наталья Григорьевна сѣла. Зубчатая рельсовая нитка круто шла вверхъ и тонула тамъ въ туманѣ, будто въ поднебесье самое. По ней двинутъ ея вагонъ. Кромѣ Натальи Григорьевны здѣсь никого не было. Стуча и слегка покачиваясь, онъ быстро всползалъ на отвѣсъ скалы. Террите, Женевское озеро, Шильонъ—все, что еще не было затянуто туманомъ, про-

валивалось въ бездну. Скала росла по мѣрѣ того, какъ дѣвушка подымалась на нее. Черезъ нѣсколько минутъ съ этимъ вагончикомъ поровнялся другой, спускавшійся сверху внизъ. Наталья Григорьевна мелькомъ опять увидѣла тамъ Приглядова. Ей постоянно было суждено встрѣчаться съ нимъ. И надоѣло ей это жирное, потное, лукавое лицо своимъ высокомѣріемъ. Что его туда носило? Иванъ Николаевичъ опять улыбнулся ей и преувеличенно высоко поднялъ шляпу, обнаруживъ во всемъ великодушіи свою лысину... Вагоны разъѣхались, и Наталья Григорьевна минуты черезъ двѣ попала въ сѣрое царство мглы. Очевидно, Гліонъ былъ въ тучѣ.

Вагончикъ, рѣзко вздохнувъ, остановился.

Она вышла.

— Гдѣ тутъ Hôtel Righi Vandvis?

— Vous y etez, madame!

Въ туманѣ видно было большое зданіе, поникшая зелень великолѣпнаго сада, не облетающая зимой. Жалко было видѣть цвѣты въ этомъ маревѣ. Они какъ-то опустили свои головки, поблекли, умирали!..

— Кого вамъ угодно?

— М-r Самсонова.

— Въ шалэ—около отеля... Видите, вонъ, тамъ.

Во мглѣ, за отелемъ, намѣчивалось остальное зданіе.

— А самъ Самсоновъ дома?

— Д-а... Они все время здѣсь.

— И никуда онъ не уѣзжалъ сегодня?

— Нѣтъ.

Она удивленно повела глазами на portier... Тотъ счелъ это за вопросъ.

— Я это знаю... Утромъ пили чай на террасѣ, потомъ завтракали въ столовой отеля. Теперь они у себя.

— Ничего не понимаю!—вслухъ вырвалось у нея по-русски.

— Вонъ ихъ окна.

Въ окнахъ были опущены занавѣси, должно быть, Льву Самойловичу надоѣло видѣть эту мглу кругомъ.

Наталья Григорьевна быстро прошла туда.

Въ подъѣздѣ шалэ никого не было. Но портье объяснилъ, что первая дверь направо ведетъ къ monsieur le prince...

Она постучалась. Тишина. Вѣрно ее не слышатъ.

Наталья Григорьевна вошла... Пустая комната... Въ дали слышны голоса. Она различаетъ Льва Самойловича. Это онъ говоритъ... Съ кѣмъ?.. Она тихо двинулась туда. Стала въ дверяхъ. Что это, Господи! Грезится ей или нѣтъ?.. Кто это... Левъ Самойловичъ въ креслѣ. На колѣняхъ у него красивая женщина и говоритъ съ нимъ о чемъ-то,

обнявъ его шею полною, нѣжною, мягкою рукою. Наталья Григорьевна точно приросла къ мѣсту... Та наклонилась, поцѣловала его въ губы. Откинулась—отвернулась къ дверямъ—замѣтила въ нихъ какую то гостью, но нисколько не удивилась, только повыше приподняла брови. Опять поцѣловала Самсонова и засмѣялась.

— Лева! Я тебѣ сюрпризъ готовлю. Сиди такъ и не оборачивайся.

Онъ былъ спиною къ дверямъ.

— Зачѣмъ?—засмѣялся онъ.

— Такъ... Я такъ хочу... Вѣдь, ты любишь меня, да?

— Люблю...

— Одну, одну меня?—подчеркнула она.

— Ну, да, одну... Отстань...

— Ну, такъ погоди, такъ... Я сейчасъ вернусь. Она медленно встала, чисто по кошачьи потянулась и, засунувъ руки за голову, пошла въ двери. Тутъ она затворила ихъ за собою—и направилась уже къ Натальѣ Григорьевнѣ.

Та и не чувствовала, что совершается съ нею.

Въ ней точно чудомъ какимъ билось сердце... Глаза горѣли, въ горлѣ знакомыя спазмы мѣшали дыханію, воздухъ изъ груди вырывался съ трудомъ и болью, хрипло... Калерія Алексѣевна подошла къ ней... Она была совсѣмъ маленькая въ сравненіи съ Натальей Григорьевной, но глаза ея теперь округлились — совсѣмъ совиными стали. Въ нихъ было столько ненависти и злости, что оцѣпенѣвшая женщина точно отъ удара хлыста вздрогнула отъ этого взгляда...

Калерія Алексѣевна взяла ее за руку.

Наталья Григорьевна хотѣла вырвать свою и не могла. Та ее держала, точно желѣзными клещами.

Держала не отпуская, вывела—за двери въ садъ...

— Что вамъ здѣсь надо?..

И, не дождавшись отвѣта, продолжала:

— Вы меня знаете, да?... Нѣтъ?.. Ну, такъ я *та самая* Калерія Алексѣевна .. Понимаете, *та самая*, которую только и любитъ Левъ Самойловичъ... Съ вами у него была ошибка... Понимаете, только ошибка. И онъ въ ней покаялся, и я ему простила. Идите отсюда. Вамъ здѣсь мѣста нѣтъ...

Она слегка толкнула ее.

Наталья Григорьевна машинально подалась впередъ.

— Разводка!

Презрительно кинула ей вслѣдъ соперница.

Но та и болѣе грубаго слова теперь-бы не слышала...

Она, не отдавая себѣ отчета, что случилось, безъ сознанія пошла. сама не зная куда .. Калерія Алексѣевна еще минуту смотрѣла ей

вслѣдъ, пока та не пропала въ туманѣ и потомъ, улыбаясь, вернулась назадъ.

Туча, лежавшая на Glion'ѣ, скучилась... Откуда-то брызнуло дождемъ... Загремѣло... У самыхъ ногъ Натальи Григорьевны ударилась молнія въ скалу. Дѣвушка даже не отшатнулась. Что я? Гдѣ я? Что со мной?.. Еще немного спустя ливень точно ударами своихъ сильныхъ сплошныхъ струй погналъ ее. Она прибавила шагу... Вверху гремѣло, гремѣло внизу... Молніи рѣзали мглу... Казалось, конца нѣтъ ея царству. Въ немъ совсѣмъ затерялась Наталья Григорьевна. Она вся промокла насквозь—но ноги ея все двигались помимо ея воли. Какая-то бездна... Мокрый карнизъ надъ нею. Дѣвушка идетъ по этому карнизу. Какъ она не оступится, какая воля бережетъ ее? Карнизъ кончился... Тропинка въ горы пошла... Безлюдье... Пустой лѣсъ... Безлистный... Лѣсъ уперся въ снѣга... Холодно стало... Лихорадочный ознобъ обхватилъ Наталью Григорьевну, но не вернулъ ей сознанія... Вечеръ ее засталъ еще въ горахъ... Шелъ мимо пастухъ—увидѣлъ ее, спросилъ о чемъ то, та повела на него безумными глазами и засмѣялась. Онъ кинулся прочь отъ нея, вспомнивъ легенду о „темной женщинѣ", въ грозу выходящей изъ нѣдръ тумана... Ночь наступила—холодная, сырая, дождливая... Все утонуло во мракѣ. Тѣ же сплошные, рѣзкіе удары ливня гнали Наталью Григорьевну все выше и выше... Куда, зачѣмъ? Ноги ея тонули въ снѣгахъ. Она, сама не зная, зачѣмъ, разстегнула пальто. Оно ей мѣшало идти—лежало игомъ на плечахъ все промокшее... Бросила его... Снѣгъ подъ скалой окончился. Вверхъ шли ступени, выбитыя въ камнѣ... Наталья Григорьевна пошла по этимъ ступенямъ...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Къ дикой и мрачной скалѣ прижался длинный, изогнувшійся по ея карнизу домъ. И не только прижался, но и глаза зажмурилъ, точно его пугала бездна подъ ногами, вся заполненная туманомъ. По крайней мѣрѣ, именно такое впечатлѣніе производили его закрытыя ставни. Вверхъ подымались расщелившіеся отвѣсы. Они уходили въ тучи своими зубчатыми вершинами. Внизъ падали головокружительныя кручи—въ чащу густого лѣса. Теперь, впрочемъ, не было видно ни этого лѣса, ни этихъ тучъ. Только когда сильными порывами вѣтра раскидывало мглу—изъ ея сплошного царства на мгновеніе показывался одинъ этотъ домъ, какъ ласточкино гнѣздо прилѣпившійся

къ утесу, и вновь пропадалъ въ ней. Надъ домомъ была крохотная вышка съ темнымъ колоколомъ и крестомъ. Монастырь не монастырь, скитъ не скитъ. но, во всякомъ случаѣ, что-то, говорившее объ отрицаніи земли, объ исканіи не здѣ пребывающихъ градовъ... Въ ясную погоду далеко-далеко, внизу, разстилалось дышавшее несравненнымъ покоемъ бирюзовое Женевское озеро. Въ выси голубѣло небо... Казалось, что среди этой безконечности, бѣлый домъ долго-долго носился воздушнымъ кораблемъ, пока его вѣтромъ не принесло на выступъ дикаго камня. Сегодня въ бѣшеныхъ порывахъ бури онъ вздрагивалъ, ливнемъ его хлестало отовсюду; пѣнистыми струями вода сбѣгала съ его аспидныхъ крышъ на утесы и тонкими каскадами падала въ пропасть. Подъ ударами внезапно налетавшаго урагана просыпался колоколъ, и тогда въ торжественныхъ и страшныхъ голосахъ непогоды слышался и его недовольный и важный гулъ. Странно, кому могло придти въ голову поселиться здѣсь, подъ отвѣсомъ, надъ кручей? Для бѣжавшаго отъ міра пустынника домъ былъ слишкомъ великъ, для обители аскетической братіи — малъ, хотя то и дѣло окутывавшійся туманомъ желѣзный крестъ надъ нимъ именно и свидѣтельствовалъ о томъ, что подъ нимъ нашли пріютъ люди, искавшіе спасенія внѣ жизни и ея суеты. Одинокое жилье было монастыремъ, хотя въ окрестности его и не считали такимъ. Когда въ сосѣдней Италіи были уничтожены монашескіе ордена, а каменныя твердыни, воздвигнутыя ими на горныхъ вершинахъ, отобраны правительствомъ, крошечная община „сестеръ“ изъ Павіи ушла сюда, купила себѣ мѣсто надъ Женевскимъ озеромъ и поселилась тамъ, гдѣ до нея только орлы гнѣздились въ расщелинахъ скалъ, да по утрамъ ползали нагорные туманы. Долгое время они ютились въ маленькой крестьянской хижинѣ, къ ней по извилинѣ карниза пристроилась другая, третья—пользуясь прямымъ, какъ стѣна, отвѣсомъ утеса. Къ этимъ черезъ нѣсколько лѣтъ присоединились четвертая и пятая; не прошло и четверти вѣка, какъ скала точно обросла внизу скромными кельями. Недавно надъ нимъ подняли вышку съ крестомъ и къ благоговѣйному говору небольшого колокола стали прислушиваться безмолвныя долины и снѣговыя верхушки горъ. Отсюда въ хорошія погоды видна была счастливая долина Верхней Роны, вся заласканная и измученная страстными поцѣлуями солнца, тѣсно обнятая каменными руками высокихъ горъ, исходящая благоуханіями. Направо въ дали тонуло озеро съ безчисленными выступами своихъ береговъ, оканчивавшихся гдѣ-то въ воздухѣ, гдѣ бирюзовая поверхность водъ блѣднѣла, сливаясь съ обезцвѣченнымъ у горизонта небомъ. Рядомъ съ монастыремъ изъ лѣсной темени, словно задыхавшіеся въ чащѣ, вырывались и стремились въ недосягаемую высоту утесы.

Сегодня, разумѣется, еслибы сестрамъ вздумалось выйти изъ своего убѣжища — онѣ бы ничего не увидѣли передъ собою, кромѣ ежеминутно мѣнявшихъ свои формы тучъ, несшихся то вровень съ обителью, то ниже ея. Въ этомъ однообразномъ царствѣ тумана—онѣ, точно какіе-то зловѣщіе образы, неуловимые, незаконченные, полувоплощенные, въ слѣпомъ страхѣ стремились къ далекому югу, цѣпляясь по пути за утесы и горные скаты, обрываясь на нихъ и снова сплываясь съ другими такими-же. Иныя минуты сестрамъ казалось, что ихъ жалкія постройки находятся въ нѣдрахъ грома, что отъ нихъ молніи падаютъ внизъ, въ мглистыя бездны, или скрещиваются въ высотѣ съ другими... Точно огненныя искры отъ встрѣчавшихся въ туманѣ невидимыхъ мечей сыпались онѣ кругомъ; одна даже ударила въ темный колоколъ, и онъ, какъ живой, простоналъ изъ самаго сердца этой бури... Сестры молились у простенькаго алтаря, нисколько не напоминавшаго тяжелой и безвкусной роскоши ихъ Павійской обители. Черное распятіе съ бѣлымъ Христомъ, статуя Богородицы въ порыжѣломъ атласномъ платьѣ, простиравшая къ нимъ благословляющія руки изъ сѣрой ниши—вотъ и все,—если-бы не было подъ ними цѣлой массы искусственныхъ цвѣтовъ, сдѣланныхъ отшельницами. Розы и лиліи покрывали алтарь, но и онѣ давно уже полиняли, какъ потускло и выцвѣло все кругомъ. Здѣсь, въ этой казавшейся послѣ Италіи такою негостепріимною странѣ, заржавѣли даже серебряныя сердца, висѣвшія у креста, точно какимъ-то налетомъ покрылись тяжелыя лампады, спасенныя монахинями отъ общаго погрома, и только свѣжесть своихъ чудныхъ красокъ хранила „Mater dolorosa“ кисти Карло Дольче, спрятанная игуменьей и перевезенная ею сюда... Въ залѣ рефекторіи—крошечная комната, носившая это великолѣпное названіе—сидѣло пять сестеръ, вздрагивавшихъ отъ грозы, но не перестававшихъ работать. Это было едва-ли не единственнымъ средствомъ жизни для обители. Внизъ къ Женевскому озеру съѣзжались десятки тысячъ праздныхъ или больныхъ туристовъ. Обитель славилась своими вышивками, и щеголихи охотно покупали ихъ для себя. Сестра Вероника вотъ уже третій мѣсяцъ чуть не слѣпла надъ удивительною отдѣлкою розоваго шелковаго пеньюара всевозможными пестрыми цвѣтами для старой и безобразной англичанки, не утратившей съ годами надежды выйти, наконецъ, замужъ. Сестра Вероника не досыпала ночей надъ этимъ. Еще-бы: то, что она должна была получить отъ нея—дало-бы обители возможность выбѣлить алтарь, переодѣть Мадонну въ другое платье, а можетъ быть даже и замѣнить старый, покривившійся и жалобно подъ ударами вѣтра скрипѣвшій крестъ на другой... Сестра Инноченція рисовала на фарфорѣ все одни и тѣ-же виды Шильонскаго замка, Монтрё, лодочекъ, распустившихъ

на бирюзовомъ озерѣ свои бѣлыя крылья, скалы, утонувшія въ чащѣ тополей и кипарисовъ. Она за безцѣнокъ отдавала ихъ внизу въ магазины, тѣмъ не менѣе это вносило свою лепту въ монастырскій обиходъ. Сестра Беата, молоденькая и живая,—она недавно пріѣхала сюда изъ Италіи—проворно и быстро лѣпила своими маленькими и тоненькими пальчиками восковые цвѣты, расписывала ихъ дешевенькими красками, въ ожиданіи покупателей изъ мѣстныхъ крестьянъ, очень любившихъ украшать этими скромными гирляндами свои распятія. Сестра Тереза, сидя у единственно окрытаго бокового окна, пропускавшаго сюда достаточно свѣта, читала „Житіе“ своей патронессы, св. Терезы Авильской. Въ рефекторіи только ея голосъ, нѣсколько глухой и монотонный, наполнялъ благоговѣйную тишину... Дѣло шло о томъ, какъ угодница въ безжалостный зной кастильскаго лѣта, стоя подъ невыносимымъ огнемъ солнца, на вершинѣ башни ея отца, молилась за мрачный средневѣковый городъ, пораженный за грѣхи его жителей какою-то эпидеміей. „Люди падали на улицахъ, какъ-бы убитые молніями, матери умирали, кормя дѣтей своихъ грудью, дѣти въ объятіяхъ матерей... Небеса даже не хотѣли молитвы, потому что священники падали у алтарей и богомольцы у чудотворныхъ мощей, заключенныхъ въ золотыя, сверкавшія драгоцѣнными каменьями, раки. Св. Тереза, прислонясь къ зубцамъ своей башни, полными слезъ глазами смотрѣла внизъ, что въ тѣни стараго собора, тамъ, гдѣ его каменные львы сидятъ на бронзовыхъ, отнятыхъ у мавровъ, цѣпяхъ, лежала семья бѣдняковъ, мучившихся въ смертныхъ корчахъ... Какъ вдругъ святую точно что-то откинуло въ сторону, и она увидѣла на своемъ мѣстѣ ангела, сіявшаго такъ, будто онъ весь былъ одѣтъ бронею изъ солнечнаго свѣта. Тереза упала на колѣни“...

— Что это? бросила работу сестра Беата.—Гдѣ это?

Сестры приподняли головы...

— Я ничего не слышала,—недовольно отозвалась сестра Тереза.

— Мнѣ показалось, что кто-то крикнулъ у самыхъ стѣнъ здѣсь...

Монахини прислушались... Ревѣлъ вѣтеръ. Точно сорвавшаяся съ цѣпи бѣсилась гроза. Ливень стучался въ ставни и крышу. Съ громкимъ шумомъ сбѣгала вода по ней на карнизъ утеса.

— Если тебѣ „кажется“, перекрестись, сестра, и прочти молитву! И Тереза спокойно продолжала: „упала на колѣни, но посланникъ неба сказалъ ей: не бойся—я къ тебѣ съ миромъ. Молитва твоя...“

— Опять!..

На этотъ разъ чтеніе прервала Инноченція, такъ чего то испугавшаяся, что фарфоровая тарелка, которую она расписывала, упала на каменный полъ и съ рѣзкимъ звономъ разсыпаласъ въ дребезги...

— Теперь и я слышала!—подняла свою усталую голову сестра Веро-

ника, съ усиліемъ всматриваясь своими полуослѣпшими глазами въ читавшую.

— Что именно? строго спросила та.

— Не то крикъ, не то стонъ.

— Это вамъ чудится. Это—буря.

— Если не что нибудь похуже ея! И Беата перекрестилась съ суевѣрнымъ ужасомъ.

— Намъ бояться нечего!.. Нашу обитель берегутъ теперь тьмы темъ невидимыхъ крылъ. Онѣ отведутъ отъ нея удары грома и отгонятъ нечистыхъ духовъ... Здѣсь сатанѣ дѣлать нечего... И такъ, сестры мои, слушайте дальше, какія во времена оны были угодницы, въ тѣ времена, когда...

— Тамъ положительно кто-то у нашихъ дверей...

— Теперь и я слышу!—торопливо встала Тереза...

Въ налетѣвшемъ порывѣ урагана донеслось чье-то рыданіе...

— Это не нечистая сила... Это человѣкъ, которому нужна помощь...

Она крѣпко прижала къ груди висѣвшее на позолоченной цѣпи серебряное распятіе и рѣшительно пошла къ дверямъ. Казалось, что тысячи чьихъ-то невидимыхъ рукъ стучатся въ нихъ, схватываютъ и стараются сорвать ихъ съ петель. Другія такія же руки, прятавшіяся въ быстро проносившихся тучахъ, мимолетомъ пробовали, крѣпко ли держатся деревянные ставни... Будто какія-то гибкіе прутья, ливень хлесталъ по стѣнамъ и по кровлѣ, жалобно скрипѣлъ крестъ. Казалось, и его буря раскачивала, торопясь вмѣстѣ съ мясомъ вырвать изъ крыши. Чу, шатнуло колоколъ, и онъ опять загудѣлъ.

— Да воскреснетъ Богъ! начала читать сестра Тереза...

Не успѣла она отодвинуть щеколду — какъ дверь рвануло назадъ, хлопнуло ею о стѣну, чья-то невидимая рука вмѣстѣ съ вихремъ и ливнемъ отбросила монахиню куда-то въ сторону, разметала волосы и большіе бѣлые чепцы съ крыльями другихъ монахинь, выглянувшихъ вмѣстѣ съ нею... Вѣтеръ, точно этого и ждавшій, завылъ въ рефекторіи, засвисталъ въ коридорѣ, куда выходили двери келій, забился неистово и бѣшено подъ потолкомъ...

— Господи! Не видать ничего...

Сестра Тереза крѣпко схватилась за косякъ. Кто-то изъ самыхъ нѣдръ этого урагана сталъ рвать прочь ея руку, но она другою смѣло подняла свое серебряное распятіе и, точно угрожая имъ невидимому врагу, двинулась подъ ливень. Загрохотало вверху, загремѣло въ переполненной и клубившейся туманомъ безднѣ, уныло и протяжно зарыдало въ сторонѣ, захлестало длинными и сильными прутьями ливня... Въ сѣровато-сизомъ облакѣ родилась молнія, на минуту ослѣпила монахиню, но она, не оставляя своего креста, перешагнула порогъ обители.

— Инноченція... Беата... Скорѣе сюда.

Крикъ ея отнесло, было, въ сторону, но сестры его уловили и кинулись къ ней. Чепцы ихъ сорвало, платья заметало, лица обдало сразу какими-то клубами воды и пѣны...

— Помогите мнѣ.

Недалеко отъ порога, въ выемкѣ скалы, куда такъ легко было подскользнуться на бѣгу—лежала какая-то женщина. Ее совсѣмъ прибило грозою къ утесу. Она, должно быть, въ послѣднемъ проблескѣ сознанія схватилась за окраину этой выемки, и ея рука такъ и закостенѣла... Она лежала лицомъ въ землю, и только смоченные ливнемъ волосы ея носило по сторонамъ, великолѣпные бѣлокурые волосы, спутавшіеся теперь какими-то клубами...

— Св. Тереза—патронесса моя! Помоги намъ своею молитвою!..

— Madonna Santissima!—шептали побѣлѣвшими отъ страха губами другія монахини.

Тереза, едва держась на утесѣ, наклонилась, подняла голову несчастной... Беата—она была и моложе и сильнѣе другихъ—едва справилась съ ея ногами... Вѣтеръ на мгновеніе утихъ. Вероника и Инноченція—подъ безчувственною женщиной соединили свои руки и приподнятое ими тѣло только покачивалось надъ полною водою выбоиною утеса. Съ волосъ и платья его бѣжали струи .. Сестры были мокры насквозь.

— Теперь только бы не оступиться... Беата, иди впередъ.

Беата, поддерживая ноги незнакомки, пошла медленно и осторожно къ дверямъ. Остальныя, едва одолѣвая ношу, слѣдовали за нею.

— Кто бы это могла быть? спросила Вероника.

— Не все ли равно намъ!—остановила ее Тереза.—Несчастная, которой нужна наша помощь...

Буря, казалось, на одно мгновеніе утихла, но, когда монахини уже внесли къ себѣ тѣло, она вдругъ заметалась, забѣсилась, застучалась во всѣ ставни, въ каждую аспидную ладонь крыши, закачала крестъ, точно требуя назадъ отнятую у ея вихря, ливня и грома жертву... Но теперь обитель уже заперлась. Дверь ея стонала, но желѣзный затворъ былъ надеженъ и крѣпокъ... Налетѣла темная, темная туча, захватила отовсюду утесъ съ монастыремъ, попробовала, было, сорвать это жалкое гнѣздо, но, не осиливъ, разразилась ударомъ грома, опоясала его молніей и, сорванная вихремъ, прочь понеслась черезъ бездну на просторъ Женевскаго озера.

— Осторожнѣе, осторожнѣе, Беата... Не такъ торопись.

— Я тихо, сестра, оправдывалась та. — Тѣло раскачивается... Трудно...

Всего теплѣе было въ кухнѣ. Старая монахиня Анунціата, возившаяся у печи, ахнула, увидѣвъ своихъ сестеръ.

— Что это?.. Что это... Дѣва Пречистая...

— Бурей къ намъ бросило... Надо отогрѣть скорѣе...

Анунціата живо сообразила, что слѣдуетъ сдѣлать. Она, тяжело кряхтя, притащила большую скамью... Тѣло положили на нее... Разомъ на каменномъ полу кругомъ набѣжала цѣлая лужа сочившейся съ его платья воды.

— Отогрѣть? Еще жива ли она.

— Какая, должно быть, красавица.

— Да, только вся въ синякахъ... Должно быть ее сильно било о скалы...

— Падала вѣрно... Ишь вся избита.

— Какіе волосы... Чудо просто.

Сестры живо сняли съ несчастной платье. На посинѣвшей груди лежалъ на тонкой золотой цѣпочкѣ крестъ...

— На какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ надпись. Наклонилась Беата, читая слова, вырѣзанныя на крестѣ.

— А тебѣ какое дѣло? Видишь христіанка.

— У христіанъ должна быть одна и та-же душа, хотя языкъ и разный! наставительно проговорила старая Анунціата. Раздѣвай несчастную...

Та вдругъ открыла глаза, обвела ими голыя стѣны кухни, простонала и, опять уронивъ голову на скамью, потеряла сознаніе.

II.

Строгая и серьезная сестра Тереза не отходила ни на минуту отъ Натальи Григорьевны. Откуда въ этой, повидимому, такой суровой женщинѣ нашлось столько мягкости и нѣжности. Она сама раздѣла больную, какъ ребенка, уложила ее въ постель; на случай, когда та проснется, приготовила ей укрѣпляющее питье, — настой изъ горныхъ травъ, едва пробивающихся у самыхъ вершинъ альпійскихъ великановъ. Потомъ она затопила маленькую желѣзную печурку, стоявшую здѣсь, и на нѣсколько минутъ противный запахъ каменнаго угля наполнилъ келію. Она тотчасъ-же ее вывѣтрила, постоянно оглядываясь на больную—не шевельнется-ли она, не позоветъ-ли ее. Усталая, сестра Тереза подходила къ кровати, садилась около, клала на голову Натальѣ Григорьевнѣ свою руку— большую и сильную — когда это было надо. а теперь нѣжно прикасавшуюся къ ея лбу... Монахинѣ доставляло невыразимое наслажденіе видѣть, какъ—подъ этою скромною и простою лаской—лицо у той успокоивалось, прояснялось, выраженіе страданія сбѣгало съ него и грудь начинала дышать легче и свободнѣе. Уже не слышались въ ней хриплые звуки, Наталья Григорьевна не стонала, не вскрикивала... Прямо изъ забытья она погрузилась въ долгій сонъ—и, прислушиваясь къ ней, сестра Тереза сама успокоилась. Все шло хорошо. Она взяла любимую

свою книгу—„Житіе св. Терезы“ и вся ушла въ сіявшія горячимъ свѣтомъ легенды старо-кастильской старины. Забѣжала молоденькая Беата и торопливо заговорила о чемъ-то; старая монахиня, не отвѣчая ни слова, поднялась, вывела ее за плечи въ корридоръ и оставила тамъ изумленную и растерянную. Вероника, заботившаяся также и о хозяйствѣ крошечной обители, рылась въ кладовой, отыскивая въ ней, среди убогихъ и жалкихъ запасовъ, все, что было лучшаго и самаго лакомаго у монахинь. Когда случайная гостья проснется, она подастъ ей обѣдъ, очень рѣдко появлявшійся въ ихъ трапезной. Сестра Инноченція бросила свое рисованіе на фарфорѣ и сидѣла теперь передъ ярко пылавшимъ очагомъ въ кухнѣ, старательно просушивая платье и бѣлье Натальи Григорьевны. Все оно было изодрано — въ этомъ горячечномъ бѣгѣ по альпійскимъ стремнинамъ. Инноченція заштопывала и зашивала его, горюя о томъ, что въ цѣломъ монастырѣ не оказывалось такихъ нитокъ, которыми-бы можно было починить шелковую юбку Натальи Григорьевны. Съ дѣтскимъ любопытствомъ монахиня щупала эту юбку и никакъ не могла понять, какъ такую прелесть можно носить подъ платьемъ. Высохшая матерія ярко отливала подъ огнемъ очага, и Инноченція думала о томъ, что у нихъ въ ихъ бѣдномъ алтарѣ—нѣтъ даже покрова такого, какъ эта, по ея мнѣнію, полная соблазна и грѣха прихоть женщины изъ совсѣмъ другого, столь чуждаго обители міра. Еслибы эту матерію вышить шелками—какъ умѣетъ это дѣлать сестра Беата—какое-бы чудное вышло платье на маленькую статую св. Перфекты, что въ ихъ церковкѣ стоитъ направо, у самаго входа, и какъ бы должна была св. Перфектѣ завидовать св. Изабелла, у которой до сихъ поръ, вмѣсто платья, красуется коленкоровый чахолъ. Бѣдный монастырекъ не сбился еще на то, чтобы одѣть, какъ слѣдуетъ, своихъ патронессъ. У него, случалось, не хватало денегъ даже на масло для лампадъ, и были такіе вечера, и ночи, когда сходившія сюда по удару колокола монахини молились въ полномъ мракѣ. Можетъ быть, именно потому, неотвлекаемая ничѣмъ постороннимъ, внѣшнимъ—ихъ молитва была такъ горяча, ихъ слезы такъ искренни... Взглядъ, не встрѣчавшій кругомъ ничего—уходилъ у каждой въ надзвѣздныя высоты и весь тамъ утопалъ въ незримомъ тѣлеснымъ очамъ сіяніи и блескѣ... Выходя изъ церкви въ темнотѣ, монахини сталкивались въ дверяхъ—и только тогда возвращались къ міру съ его ощущеніемъ... Въ обычномъ теченіи ихъ жизни такія лишенія не значили ничего. Онѣ даже смѣялись надъ ними. Варя изъ овощей супъ и ограничиваясь этимъ, они говорили, что у пророка Иліи въ пустынѣ не было и такого блюда, а св. Францискъ, случалось, питался сырыми овощами и по цѣлымъ годамъ. Скромныя дѣвушки, вышедшія изъ среды народа, привыкшаго въ Ломбардіи ко всевозможнымъ лишеніямъ, считали послѣднія за самое ничтожное изъ испытаній. Имъ приходилось зимою—

суровою на этихъ вершинахъ—оставаться безъ огня въ комнатахъ, безъ угля въ печахъ. Въ залѣ рефекторіи, прижавшись одна къ другой, онѣ проводили такъ цѣлые часы, стараясь не шевелиться, чтобы не тратить по-пусту тепла, не холодѣть въ этомъ морозномъ воздухѣ до тѣхъ поръ, пока колоколъ не звалъ ихъ въ церковь. Разъ поднявшіеся сюда путешественники застали ихъ полуокоченѣвшими — не приди неутомимымъ туристамъ въ голову сумасбродная идея забраться сюда въ декабрѣ— монахини навѣрное-бы замерзли, и ихъ монастырекъ обратился-бы такимъ образомъ въ ихъ общую гробницу. Въ нынѣшнемъ году зима была мягкая. Снѣгъ подползалъ по скалѣ къ нимъ, но кругомъ обители его не было вовсе. Мать Тереза съ ужасомъ думала о томъ, что денегъ у нихъ нѣтъ опять, что угля осталось на два дня, дровъ не больше. Припасы вышли, а эта буря должна вызвать зиму со всѣми ея ужасами. Завтра пойдетъ снѣгъ и завалитъ обитель отовсюду. Еще имъ самимъ все-равно, не привыкать стать—но несчастной, такъ спокойно спавшей теперь передъ нею, понадобится и тепло, и горячая пища... Откуда взять это? Можно было-бы послать внизъ сестеръ съ ихъ работами, но ни одна изъ нихъ еще не кончена. Попросить въ долгъ? И это не вѣрно—могутъ отказать. Она въ печальномъ недоумѣніи развернула на-удачу свое неизмѣнное „Житіе св. Терезы“, будто у нея прося совѣта и указанія о томъ, что ей дѣлать, и случайно наткнулась на самое подходящее мѣсто:

...И когда бѣднякъ спросилъ у Терезы, какъ я могу помочь лежащему на дорогѣ, когда у меня у самого ничего нѣтъ? Святая отвѣтила ему: „Господь, посылающій тебѣ страдальцевъ, пошлетъ и хлѣба напитать ихъ...“

Сестрѣ стало вдругъ весело. Она уже спокойно смотрѣла теперь на Наталью Григорьевну. Терезѣ нечего было думать о завтрашнемъ днѣ. Господь послалъ имъ эту несчастную — Онъ дастъ монастырю и хлѣба, чтобы накормить, и угля—согрѣть ее... Наивная вѣра строгой и суровой, обыкновенно, монахини пошла дальше.

Она уже видѣла въ совершившемся событіи—переломъ, счастливый для монастыря. Съ этого дня судьба его, вѣрно, измѣнится. Вѣдь эта бѣдная женщина пришла-же сюда невѣдомо откуда. Можетъ быть, также невѣдомо откуда посыплются на бѣдную обитель великія и богатыя милости. Надо только ждать терпѣливо!..

Наталья Григорьевна пошевельнулась и тотчасъ-же, какъ вспугнутыя птицы, всѣ мысли и надежды сестры Вероники разлетѣлись во всѣ стороны. Она заботливо обратилась къ ней, но больная, пролежавъ съ минуту съ широко открытыми глазами, опять устало сомкнула ихъ и вся ушла въ какое-то мертвое царство потемокъ. Монахиня только замѣтила, сколько ужаса и боли сказалось во взглядѣ лежавшей... Она наклонилась надъ Натальей Григорьевной и пристально стала вглядываться въ ея

черты. „Какая красавица! думала она,—и какъ за такими ходитъ бѣсъ... Сколько, должно быть, вынесла она!.. Какъ ввалились ея глаза, какіе черные круги подъ ними!.. Господи, помоги ей!" Тереза перекрестила ее и опять ушла вся въ свои безотвязныя мысли. Часы—простые, деревянные, привезенные въ обитель однимъ изъ скромныхъ богомольцевъ.—мирно отбивали въ слѣдующей комнатѣ секунды. Точно кто-то тамъ рѣзкою поступью ходилъ изъ угла въ уголъ. По ночамъ сестрѣ Беатѣ, дѣйствительно, казалось, что тутъ ходятъ, но, заглядывая сюда со свѣчей, она видѣла, что это неугомонный маятникъ въ своемъ тѣсномъ ящикѣ считаетъ что-то, не переставая. Какая тишина! Онъ ей не мѣшаетъ нисколько. Такъ тихо, что глубокое дыханіе больной наполняетъ всю эту комнату. За ея окномъ—сестра Вероника, провѣтривая ее, открыла ставень—несется какая-то сѣрая марь. Должно быть, вѣтеръ гонитъ тучи черезъ этотъ утесъ, и онѣ на бѣгу охватываютъ его отовсюду своими влажными объятіями. Гроза прошла, больше уже не гремитъ, молнія не сверкаетъ, ливень не стучитъ въ ставни окна и крышу. Только эта густая мгла, эти тучи, и каждая пристально заглядываетъ сюда на неподвижно лежащую женщину и отходитъ прочь, оставляя, точно слезы, свой влажный слѣдъ на стеклѣ. Монахинѣ, привыкшей одушевлять въ своемъ вѣчномъ уединеніи всѣ эти слѣпыя силы природы, дѣйствительно, въ этой марѣ, чудятся слабо намѣченные, одни въ другіе переходящіе облики. Но она не боится ихъ, у нея есть на груди нѣчто, передъ чѣмъ безсильны всѣ эти фантомы и призраки. Она и теперь, заглянувъ въ окно, тронула сухимъ и тонкимъ пальцемъ распятіе. Не прошло и двухъ часовъ, какъ сестра Инноченція внесла сюда и повѣсила на гвоздь, вбитый въ дверь, платье Натальи Григорьевны. Она глазами показала Терезѣ на шелковую юбку... „Это онѣ подъ платьемъ носятъ! прошептала Инноченція съ нѣкоторымъ ужасомъ!—Вѣдь, никто не видитъ, а сколько на это пошло шелку! Я зашила ее бѣлыми нитками, другихъ не было... Вотъ это у нея въ карманѣ!" И она подала Терезѣ порт-монэ. Та его спокойно положила около больной.

— А это, — подошла Инноченція къ постели, — настоящій? — И она показала на золотой браслетъ съ большою бирюзой.

— Прахъ!..

— Прахъ-то прахъ... Я знаю... А только дорого стоитъ, вѣрно... Хоть и прахъ!.. Ишь у нея бѣлье какое?.. Тонкое... И въ кружевахъ... Кружева-то настоящія. Я знаю, вся наша семья—кружевницы...

На вышкѣ ударили въ колоколъ.

Глухо прокатился въ тучахъ его звонъ... Еще и еще... Казалось, эта мгла сама заговорила о чемъ-то съ утесомъ, и тотъ изъ самыхъ каменныхъ нѣдръ своихъ отвѣчаетъ ей... Звуки колокола—и сюда медленно и торжественно пронеслись своими круглыми и широкими невиди-

мыми волнами. Тереза заботливо взглянула на спавшую, но у той только дрогнули рѣсницы, длинныя рѣсницы, казалось, кидавшія свою тѣнь на лицо. Да красивая рука съ одѣяла свѣсилась внизъ. Монахиня поправила ее, на минуту удержавъ въ своей ея тонкіе пальцы съ длинными выхоленными миндалинами ногтей.

— Пора въ церковь—молиться!.. Сегодня у насъ будетъ пѣть сестра Франсиска.

— Я не знаю, какъ ее бросить?..—указала она на спавшую.

— Ей, вѣдь, хорошо здѣсь... Если проснется...

— Нарѣжь лимонъ и положи въ воду... Если захочетъ пить...

Она подбросила каменнаго угля въ печурку, накалившееся желѣзо которой уже распространяло здѣсь пріятную теплоту.

Двѣ монахини тихо вышли изъ комнаты.

Теперь она казалась совсѣмъ мертвою. Дыханія Натальи Григорьевны не было слышно вовсе. Она неподвижно лежала въ постели, вытянувъ изъ одѣяла свои красивыя блѣдныя руки. Изъ церкви бѣднаго монастыря сюда отголосками долетало пѣніе монахини, печальное, словно оплакивавшее кого-то... Такъ прошелъ часъ, сестра Вероника на одну минуту зашла сюда, но, замѣтивъ, что больная не пробуждалась, благословила ее и опять вернулась въ церковь. Та-же мгла смотрѣла въ окно. Вокругъ утеса, къ которому прилѣпилась обитель, непогода стихла, зато туманъ осѣлъ еще гуще. Утомленный вѣтеръ не разгонялъ его никуда. Только одинъ маятникъ въ сосѣдней комнатѣ говорилъ о жизни и движеніи... Минута за минутою безслѣдно падали въ таинственную бездну вѣчности, какъ вдругъ на вышкѣ опять зазвонилъ колоколъ. Должно быть, сонъ Натальи Григорьивны сталъ тоньше и слабѣе, потому что при первомъ ударѣ его она вдругъ проснулась и поднялась на кровати. Она еще ничего не понимала, что такое съ нею, гдѣ она и какъ она попала сюда. Бѣлая комната съ голыми стѣнами. Вверху балки. Прямо напротивъ аналой съ чернымъ большимъ распятіемъ. Что это такое? Наталья Григорьевна оглянулась. Каменный полъ слегка у постели прикрытъ цыновкой. Большое, но простое старое кресло у ея изголовья. Позади окно— въ него смотритъ прямо въ глаза Натальи Григорьевны какая-то сѣрая, тусклая, безнадежная, непроглядная безконечность. Въ этой сѣрой безконечности едва, едва намѣчивались и опять смывались неопредѣленныя очертанія. Что-то медленно-медленно наползало и опять уходило... Въ комнатѣ что-то затрещало. Наталья Григорьевна съ усиліемъ поняла, что это въ печуркѣ каменный уголь раскалился, разгорѣвшись во-всю. Гдѣ-то поютъ. Какъ тоскливо!.. Не хоронятъ-ли кого? Не въ больницѣ-ли она?.. И главное, гдѣ, гдѣ? Сердце сжимало какимъ-то страшнымъ предчувствіемъ. Должно быть, совершилось что-то страшное, безповоротное, разбившее всю жизнь... Дыханіе останавливалось въ груди, но

въ головѣ не было никакой опредѣленной мысли. Ни одного яснаго воспоминанія. Она горѣла. Въ вискахъ стучали молотки, только какъ-то извнутри. Въ мозгу то-же шевелилось что-то... съ болью! Глаза были сухи и воспалены. Они болѣли отъ жару. Наталья Григорьевна медленно приподняла руки, схватилась ими за голову и старалась что-то припомнить. Но что?.. Если припомнить — только одинъ мигъ... Только одинъ—и все разомъ выяснится. Она пойметъ, и гдѣ она, и что съ нею... Давно ли лежала она въ своей постели у тетки... Такъ хорошо было, спокойно... А впереди свѣтилось еще лучше, точно въ блѣдно-голубыхъ небесахъ намѣчивались первые лучи разсвѣта, розовые, такъ ласково и нѣжно пробуждающіе землю... Да, вчера... Вчера! Нѣтъ, раньше!.. Потомъ была эта дорога... Длинная, утомительная дорога... Кто-то говорилъ съ нею! Что именно и кто... Она безпомощно оглянулась. Чѣмъ сильнѣе старалась она припомнить, тѣмъ больнѣе ворочалось въ ея головѣ что-то, тѣмъ быстрѣе и невыносимѣе стучали молотки въ виски, точно это круглое было какимъ-то валикомъ, и молотки двигались имъ... Она слабо простонала, но чувствовала, что, во что бы то ни стало, ей нужно припомнить, припомнить все... Изъ какой-то мглы выплываютъ, едва едва колыхаясь на ея волнахъ, смутные образы... Надежда Сергѣевна. Тетя! Она цѣлуетъ Наталью Григорьевну—даетъ ей образокъ. Затѣмъ?.. Марго за нею... Какъ Маргарита Францовна попала въ это захолустье? Да, Марго! Она самая... Смѣется, шутитъ... Нѣтъ, это не то, не то, что ей нужно. Все это мелочи, мелочи, а главное, самое главное не дается ей въ руки никакъ... Вотъ тутъ скользитъ около головы, вертится передъ глазами, а ни нащупать его, ни поймать нельзя. Дѣти какіе-то—бѣгаютъ, шумятъ. Одинъ съ вихромъ на лбу... Это у Надежды Сергѣевны. Ея казанскія сироты, какъ назвалъ ихъ кто-то... Старуха—подходитъ къ ней, оправляетъ одѣяло... Марья Савишна! И Марью Савишну вспомнила, а главнаго настоящаго нѣтъ... Нѣтъ. Да! Буря!.. Именно буря... Эта буря снизу вверхъ гонитъ ее на какую-то гору. Вихремъ наноситъ на нее цѣлыя волны ливня, сбиваетъ на карнизы, подъ которыми клубится надъ безднами паръ. Какіе-то кремни рѣжутъ ноги... Платье ея рвется то въ одну, то въ другую сторону, то оно заворачивается отъ этого вѣтра вокругъ ея ногъ и не даетъ ей двигаться. Вверху ползутъ тучи. Внизу тоже. Посреди этихъ тучъ она, она—одна. Громъ гдѣ-то... Надъ нею или подъ ней?.. Или и тамъ, и тамъ въ одно и то-же время?.. Молніи падали съ страшнымъ трескомъ на каменную тропинку—кажется у самыхъ ногъ. А она все бѣжитъ и бѣжитъ, выше и выше, не останавливаясь ни на одну минуту. Въ груди болитъ, ноги ноютъ. Холодно... Дождемъ насквозь ее пробило, точно эти сильныя струи ливня проникаютъ ея тѣло, а она все вверхъ, все вверхъ... Дальше, дальше отъ земли. Утесы, когда она ихъ видитъ

сквозь тучи, кажутся все грознѣе и грознѣе,—стѣнами, отвѣсами, пропастями. Въ нихъ ливень низвергается водопадами, каждая струйка которыхъ можетъ смыть ее въ бездну, а она все бѣжитъ и бѣжитъ, точно у нея позади крылья, и эти крылья ее поддерживаютъ. Кажется, бросься она внизъ, онѣ ее понесутъ надъ этимъ таинственнымъ міромъ грозы, родившейся и бушующей въ туманѣ и мракѣ. Отъ кого, отъ чего она бѣжитъ? Кто ее гонитъ. Зачѣмъ? Вѣдь, ей надо домой! Вѣдь, Владиміръ Павловичъ ждетъ ее обѣдать! Какой Владиміръ Павловичъ? Его нѣтъ—совсѣмъ нѣтъ. Она припомнила, Владиміръ Павловичъ—чужой ей теперь, совсѣмъ чужой... И все это связано, страшно связано съ чѣмъ-то, чтó она должна, во что бы то ни стало, должна припомнить. Опять колоколъ... Странно. Гдѣ рождаются его удары въ этомъ туманѣ? Или это въ ея головѣ звучитъ глухо, медленно, тяжело... Еще и еще... Она безнадежно взглянула на черное распятіе... Наклоненная впередъ голова Божественнаго Страдальца въ терновомъ вѣнкѣ—не видѣла ее. Откуда это распятіе здѣсь?.. Куда пригнала ее буря съ ливнемъ? Какъ она попала сюда?.. Точно склепъ, куда ее замуровали съ ея муками, съ неизмѣннымъ отчаяніемъ, неопредѣляющимися воспоминаніями. Она попробовала встать, спустила на цыновку ноги, но, не удержавшись на нихъ, опять упала на постель и поняла, что она слишкомъ слаба еще. Заперта она кѣмъ-нибудь или... И вдругъ точно молнія прорѣзала ея мозгъ на одно мгновеніе, разорвавъ сгустившіяся тамъ потемки. Вѣдь, она ѣхала къ Самсонову, именно къ нему... Вѣдь, еще сегодня она должна была его видѣть. Гдѣ она, что съ нею? Она уже не боясь все увеличивавшейся въ головѣ боли, собрала послѣднія усилія, крѣпко-крѣпко сжала виски руками... Да именно сегодня утромъ. Позади дорога... Длинная дорога... Серебряныя вершины снѣговыхъ горъ, голубыя долины, бирюзовыя озера. Поѣздъ быстро-быстро несется черезъ все это сказочное царство. Кто-то къ ней входитъ въ вагонъ... Приглядовъ... Да, да, онъ .. Еще одно усиліе, и она узнáетъ и вспомнитъ все... О чемъ говорилъ ей Приглядовъ?.. И когда это было?.. Потомъ она опять одна. Солнце бьетъ въ окна вагона, золотыми блестками играетъ на стѣнахъ ея купэ. Ей жарко, она опустила занавѣску. Направо ласковое-ласковое озеро, налѣво горы въ деревенькахъ, занѣженныя небомъ... Ахъ какъ болитъ, какъ болитъ голова! Но нельзя-нельзя не думать, надо до всего добраться. Именно до того, что было послѣ того купэ, послѣ этой дороги подъ солнцемъ... Вѣдь, поѣздъ остановился... Да, да въ Террите... Въ Hôtel des Alpes—большая комната... Громадныя комнаты въ какомъ-то зеленовато-голубомъ просторѣ... Она чего-то волнуется. Да, вѣдь, и Самсоновъ долженъ быть тамъ же. Гдѣ же? Почему она его не видитъ въ своихъ воспоминаніяхъ?.. Онъ не около нея. Онъ не съ нею... Она—одна. Одна, но, вѣдь, она ѣхала къ нему. Отчего онъ ее не встрѣтилъ?.. Ахъ! Боже — какъ

она благодарна Твоему лучу, охватившему ея голову, ея мысли, ея память. Вѣдь, она свободна, свободна, какъ птица. Вѣдь, она бросила позади всю темень, всю скуку, всю невыносимую мертвечину своего прошлаго. Разводъ?.. Да... Именно разводъ. Вѣдь, ихъ свадьба—на дняхъ, а тамъ счастье, безконечное, ясное, какъ небо въ полдень, безъ единой тучки, жаркое-жаркое, именно такое, какое надо, чтобы отогрѣть ея бѣдную охолодѣвшую душу... Да... Чего-жъ она здѣсь... Разводъ... И вдругъ—„разводка“... кто бросилъ ей въ лицо это оскорбленіе?.. Кто, зачѣмъ она истерзанная очутилась здѣсь въ незнакомомъ уголкѣ чужаго жилья, передъ этимъ чернымъ распятіемъ, прикованною къ постелѣ, съ которой ей нельзя подняться? „Розводка“—это у нее до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ. И вслѣдъ за этимъ словомъ смутно, едва-едва проступая изъ сумрака, чуть-чуть опредѣляется передъ нею темноволосая красивая женщина... Какъ она больно ей жметъ руку, какъ она смотритъ на Наталью Григорьевну. Врагъ, врагъ настоящій, безжалостный, безпощадный... Именно врагъ... А голова... Ей кажется, что, отними она отъ висковъ свои руки, и голова разлетится отъ этой мучительной боли. Теперь все въ темени—тяжестью давитъ-давитъ мозгъ... Откуда онѣ вышли съ этою женщиной? Откуда?.. Кто она?.. И вдругъ Наталья Григорьевна разомъ почувствовала, что у нея сердце разорвется—вся кровь къ нему отхлынула. Память прошлаго вернулась до послѣдней черточки. Теперь все оно передъ нею. Эта женщина силою вывела ее изъ дому Самсонова, куда она думала придти своею, желанною, безконечно любимой... Та—сидѣла у него на колѣняхъ, ласкала, цѣловала его, и онъ ей повторялъ, что онъ любитъ только ее, ее одну... Или и это кошмаръ, сонъ? Она сейчасъ проснется... Нѣтъ!.. Это правда-правда... О, какой ужасъ! Она еще не почувствовала его во всемъ его безконечномъ страданіи, холодѣ, одиночествѣ... Все разбито, все колеблется подъ ней. Зачѣмъ ее вырвали изъ того міра, гдѣ жила она?.. Зачѣмъ?.. Глаза ея сдѣлались еще суше... Умереть бы! Какъ хорошо умереть - какъ спокойно... Какъ тихо въ могилѣ... Господи, пошли ей смерть, скорѣе! Вѣдь, жизни нѣтъ больше, нѣтъ ничего впереди. Послѣдній лучъ погасъ, идти некуда и незачѣмъ. . И, вѣдь, такъ легко умереть. Стоитъ только... И она опять вдругъ приподнялась...

Двери тихо отворились, въ нихъ показались монахини.

Призраки это, или она, дѣйствительно, видитъ большія бѣлыя крылья чепцовъ, черныя длинныя платья, перехваченныя въ поясѣ шнурами? Эти блѣдныя-блѣдныя лица... Съ какимъ любопытствомъ они вглядываются въ нее... Впереди—такая худая, изможденная...

Наталья Григорьевна попробовала приподняться и опять упала въ постель.

— Лежите, лежите...

Она съ трудомъ разбираетъ слова.

— Да будетъ благословенъ Богъ!.. Мы страдали за васъ... Вы очнулись, къ счастію, и скоро опять будете здоровы... Дай вамъ провидѣніе возможность сдѣлаться спокойною!..

Сестра Вероника перекрестила ее... Сколько ласки, простодушной и чистой на этомъ сухомъ лицѣ, какъ матерински смотрятъ ея глаза...

— Пока мы молоды—страсти мучатъ и терзаютъ насъ... Но онѣ уходятъ вмѣстѣ съ красотою! . За ними слѣдуетъ раскаяніе и говоритъ: вспомни о небесахъ, гдѣ тебя ждетъ твоя блаженная родина. Мы всѣ живемъ для страданія и умираемъ для радости!

Молоденькая сестра Беата поправила ея постель и остановилась у нея въ ногахъ.

Сестра Тереза сѣла въ кресло около и взяла руку Натальи Григорьевны.

— Вы понимаете насъ? Если нѣтъ, то сестра Инноченція говоритъ по-французски.

— Да... понимаю... Но... но вы, мать моя, даже не спрашиваете, кто я? Что меня привело сюда?

— Зачѣмъ? И св. Тереза, моя несравненная патронесса,—никогда не спрашивала объ этомъ. И напрасно ты думаешь, что̀ тебя сюда привело! Ты несчастна и нуждаешься въ нашей помощи, а привелъ тебя сюда самъ Богъ, безъ воли Котораго не можетъ упасть и волосъ съ твоей головы. И, какъ посланныя Богомъ, мы можемъ тебѣ сказать только: сестра наша, кто-бы ты ни была—добро пожаловать! Насъ указалъ тебѣ Господь, и мы благодаримъ Его за это... Ты въ монастырѣ, правда, убогомъ и жалкомъ. Но все, что у насъ есть—твое!.. Правда, этого немного, но это все! Зато мы можемъ предложить тебѣ нашу любовь, нашу молитву...

— Я не принадлежу къ вашей вѣрѣ.

— Нѣтъ, принадлежишь. Если ты вѣришь, что Господь послалъ на смертную муку Своего Сына, для нашего спасенія—ты наша! Да если-бы ты и не вѣрила этому—все равно! Богъ не хочетъ смерти грѣшника!.. Вѣры—это платья. Сними одно и надѣнь другое. Правда есть лучше и хуже, но душа-то, вѣдь, одна во всѣхъ этихъ нарядахъ .. Сестра Инноченція, готово питье?..

— Да! и она поспѣшно вышла изъ комнаты.

— Не думай, что ты насъ стѣсняешь. Ты у насъ ничего не отымаешь, потому что у насъ и нѣтъ ничего... Вотъ это наши сестры... Беата, такъ же молода, какъ и ты. Она тебѣ будетъ хорошей подругой. Я смотрю за всей обителью, мнѣ не всегда можно быть съ тобою, а она не занята ничѣмъ.

Беата радостно улыбнулась.

Наталья Григорьевна протянула ей свободную руку. Монахиня застѣнчиво взяла ее.

— Я, вѣрно, завтра буду здорова,..

— Не думай объ этомъ. О завтрашнемъ днѣ за тебя позаботится Богъ... Если ты еще останешься съ нами, хотя-бы это продлилось и годы, мы будемъ счастливы!..

И сестра Тереза, еще разъ перекрестивъ ее, пошла въ двери.

III.

Эта ночь была безконечно длинна.

Наталья Григорьевна спала до тѣхъ поръ, пока туманъ за ея окномъ не порозовѣлъ. Точно слабая улыбка показалась на блѣдномъ лицѣ умирающаго. Но лучи заходящаго солнца ненадолго могли оживить эту мглу. Они погасли въ ней, и тучи, обложившія утесъ, сначала потемнѣли, а потомъ все изчезло тамъ. Ночь холодная и мрачная, даже и у нихъ отняла ихъ слабыя и медленно мѣнявшіяся очертанія. Мать Инноченція внесла свѣчу и спросила у Беаты:

— Спитъ?

— Да! чуть-чуть прошептала молоденькая монахиня, не отходившая отъ больной.

— Ѣла она?

— Нѣтъ! еще тише отвѣтила та.—Не ѣла, только пила.

— Что-жъ не вкусно было? обидѣлась Инноченція.

— Не могла, пробовала и не могла. Еще не пришла въ себя. Съ ней случилось, вѣрно, что-то страшное.

— Ахъ, міръ, міръ!..

Дверь скрипнула за нею, и Наталья Григорьевна открыла глаза. Беата не замѣтила ея пробужденія. Она задумалась о томъ, что дѣлается дома, на ея милой родинѣ. Ее давно манила къ себѣ солнечная Италія изъ этой неоглядной области швейцарскихъ тумановъ. Даже когда больная повернула голову, Беата не замѣтила этого. Наталья Григорьевна такъ и осталась. Ей трудно было-бы говорить пока. Она боялась разспросовъ молоденькой монахини. Ночь сдѣлала еще болѣе мрачною эту келью. Слабый свѣтъ не могъ бороться съ темнотою и въ ней еще больше казалось черное распятіе. Голова Христа, казалось, еще болѣе отодвинулась отъ креста. Онъ—этотъ безсильно наклонившійся Страдалецъ—теперь какъ-будто весь отходилъ отъ стѣны и надвигался на больную. Ей хотѣлось молиться, но въ измученной душѣ еще не было ни прощенія, ни умиленія, и, вмѣсто молитвъ, уста ея беззвучно шептали Ему вопросъ: за что? Будь слезы—явилась-бы молитва, но глаза Натальи Григорьевны были, попрежнему, сухи и горячи, и источники этихъ слезъ еще таились въ сердцѣ, не пробиваясь на свѣтъ. Она даже зажмурилась, такъ ей было легче думать...

Какъ тяжело, какъ тяжело.

Неужели это съ нею случилось все, неужели это ее, безстрастную и гордую красавицу, которой такъ удивлялись всѣ на далекой и холодной родинѣ, неприступную, ни разу до этого лѣта не отозвавшуюся на могучіе инстинкты жизни—бросили въ грязь и затоптали въ ней?.. И когда! Когда впереди такъ ярко, такъ блаженно засіяла заря счастія и радости. Боже мой, Боже! И кто насмѣялся надъ нею? Человѣкъ, которому она отдала всѣ упованія своей жизни, единственный такъ давно и долго любимый ею!.. За что онъ ее такъ оскорбилъ, такъ унизилъ, и сдѣлалъ ее такою жалкою, беззащитною, несчастною, одинокой? За что?.. Чѣмъ-то уродливымъ, безсмысленнымъ было все это. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, тамъ у голубыхъ волнъ Біарица, послѣ этой встрѣчи въ Петербургѣ, когда онъ ползъ безсильно къ ея ногамъ и плакалъ тамъ, раздавленный своею безконечною любовью къ ней, своимъ горемъ и отдаленнымъ смутнымъ предчувствіемъ надвигавшагося на него счастія. Послѣ этихъ писемъ, дышавшихъ такимъ благоуханіемъ любви, такою чудною вѣрою въ ихъ будущее, такимъ упоеніемъ, писемъ, каждое слово которыхъ и мучилось, и трепетало, и грѣло, и въ сердце ей стучалось... Безмолвный океанъ, по которому быстро уже двигалась ея окрыленная лодка къ сказочному острову любви, *его* острову — остался безмолвнымъ навсегда для нея. Сонъ ея, такъ смутившій тогда ея цѣломудренную душу и зажегшій въ ней впервые жизнь и страсть, сонъ, разбудившій въ ней женщину,—долженъ пройти только сномъ, хотя его пророчество уже сбывалось, и сказка становилась действительностью. Какъ-бы она была счастлива, еслибы могла умереть въ тотъ день, когда получила телеграмму отъ Маргариты Францовны о томъ, что она — Наталья Григорьевна—свободна. Она погасла-бы въ радостномъ порывѣ къ любимому человѣку, съ вѣрою въ него, ничѣмъ не поколебленною, счастливою уже тѣмъ, что ее избралъ такой, какъ онъ... Что-же случилось въ этотъ день, въ эти нѣсколько дней, отдѣлившіе такою роковою чертою ея прошлое, безцвѣтное, но холодное, отъ этого страшнаго, безнадежнаго „сегодня“? Что могло случиться, что она, такъ любившая этого человѣка, провинилась передъ нимъ? Вѣдь, не она звала и молила его—она-бы никогда не измѣнила своей гордости. Вѣдь, не она задумала и исполнила все это! Совѣсть ея чиста передъ всѣми, а передъ нимъ—она является святой! И вдругъ пришла другая женщина—подлая, низкая, жадная—и, какъ свое, безъ труда взяла его, оскорбила и унизила ее и выбросила, какъ падаль, на улицу! Кто она, что она? Какими адскими силами та могла добиться этого, подчинить его себѣ, вырвать у него, горѣвшаго такою безумной любовью къ Натальѣ Григорьевнѣ, съ такимъ страданіемъ переживавшаго часы, отдалявшіе его отъ исполненія его завѣтной мечты, у него, именно у него вырвать признаніе, что она — эта

отвратительная продажная куртизанка—одна только и дорогá ему на всемъ свѣтѣ. Развѣ онъ не зналъ, что убиваетъ этимъ чистую душу, жившую для него и имъ однимъ! Нѣтъ, это чудовищно, это непонятно, это не мирится ни съ чѣмъ. И ее охватило такою истомою, такою мукою, что ей казалось—вотъ-вотъ сейчасъ сердце ея разорвется, и желанная смерть положитъ конецъ всему, что разразилось надъ нею нежданно-негаданно, что не даетъ ей возможности опомниться и понять свое положеніе. Ее всю точно закружило и закачало, приподняло и унесло куда-то, и, услышавъ ея легкій стонъ, сестра Беата кинулась къ ней и нашла ее почти въ обморокѣ. Монахиня стала растирать ей грудь и виски, повернула ея тѣло головою внизъ, чтобы кровь опять пришла къ ней...

— Зачѣмъ вы опять вызвали меня къ жизни, — мнѣ такъ хорошо было и легко! — съ упрекомъ сказала ей очнувшаяся Наталья Григорьевна.

И опять эта ночь—нестерпимая, безконечная—длится и длится! Съ дыханіемъ сидящей около сестры Беаты, со стукомъ маятника за стѣною... Отвратительнымъ стукомъ! Кажется, что онъ бьетъ и отсчитываетъ секунды въ головѣ у Натальи Григорьевны,—въ живомъ, чуткомъ, страдающемъ мозгу ея...

Кому вѣрить, во что вѣрить? Чѣмъ, какою мыслью, какимъ чувствомъ, какою привязанностью жить? Гдѣ свѣтъ въ этихъ потемкахъ, гдѣ дорога?.. Кругомъ пустота какая-то и вверху и внизу... Если она и наполнена чѣмъ-нибудь, то однимъ безконечнымъ, невыносимымъ страданіемъ. Даже въ себѣ не осталось вѣры. Все и въ прошломъ, и въ настоящемъ—гадко, подло, отвратительно. Впереди—безконечный ужасъ. Обманъ, обманъ вездѣ. И зачѣмъ ее обманывали, чего хотѣли добиться этимъ. Почему ее не оставили такою, какъ она была? Господи, Господи! Да гдѣ-же твоя правда? Ее швырнули, какъ уличную дѣвку какую-то, какъ грязь, присохшую къ сапогамъ, и весь міръ теперь будетъ продолжать жить своею жизнью, своими радостями—только она одна останется въ сторонѣ со своею вѣчною мукою, неисцѣлимою, безнадежной. И они, тѣ—такъ низко, такъ отвратительно оскорбившіе ее люди—тоже будутъ счастливы! Имъ радость, имъ солнечный свѣтъ, имъ весь блескъ, вся красота жизни—имъ все, все, что отнято у нея,—у нея, у которой было такъ мало! Всего одна радость, только одна,—но она бы согрѣла ее, дала ей рай—и она куда-то ушла, какъ дымокъ, утонувшій въ тучахъ. И слѣда нѣтъ отъ нея. Нѣтъ, слѣдъ есть, — онъ въ ея вѣчной мукѣ. Облачко сползло съ утеса и оставило свои слезы на его холодномъ камнѣ. Но ихъ высушитъ теплый день. А этой раны въ ея сердцѣ не залѣчитъ ничто, ничто!.. Съ каждымъ днемъ она будетъ болѣть все больше и больше, какъ трещина расти. Сквозь нее просочится кровь... Не будетъ ночи безъ терзаній, даже безъ муки. Каждый часъ, каждую

минуту передъ нею это „сегодня“ — страшное, безсмысленное, непонятное!

Куда она пойдетъ? Куда ей дѣваться?

Теперь всѣ дороги, вѣдь, одинаково недоступны ей. Ни вправо, ни влѣво, ни впередъ, ни назадъ... И холодно, такъ холодно... Она закуталась въ одѣяло. Печь стала простывать... Ночной мракъ смотрѣлъ въ окно слѣпыми очами; онъ-же густился теперь и въ ея душѣ. Куда идти? Назадъ въ Россію?.. Зачѣмъ, къ кому?.. Здѣсь остаться тоже нельзя. Къ теткѣ,—что она скажетъ ей, раззоренной, доброй старушкѣ, столько упованій полагавшей на замужество племянницы. Въ Петербургъ? Незачѣмъ. Какъ она покажется тамъ ея знакомымъ, всѣмъ, кто встрѣчалъ ее такою гордою, спокойною, блестящею? Она стала басней, надъ ней только посмѣются. Какъ высоко прежде была она, такъ она низко упадетъ теперь въ ихъ глазахъ. Нѣтъ, туда заказана дорога... Неужели-же на всемъ этомъ громадномъ свѣтѣ нѣтъ для нея ни одного крохотнаго уголка! И даже смерти нѣтъ, и въ ней отказываетъ безпощадная судьба! Куда дѣться, куда?.. Что она знаетъ, къ чему она готова? Какое безполезное, низкое существованіе! Всякая горничная лучше ея, она не растеряется, она станетъ работать изо всѣхъ силъ, а она—Наталья Григорьевна—даже и этого не можетъ... Уйти въ монастырь? Съ ея неперебολѣвшею мукой въ сердцѣ, съ ея воспоминаніями?.. Да и туда надо сдѣлать вкладъ, а, вѣдь, у нея ничего, ничего. Если она продастъ все, что у нея есть, она проживетъ мѣсяца два, и только. Ея цѣнности, ея ривьера — все это было чужое, купленное мужемъ и, разставшись съ нимъ (для жизни, радости, счастья! Хорошо это счастье!), она отдала ему, вернула до послѣдней тряпки... Она не только нищая, — она нищая, опозоренная, прибитая вихремъ и грозой въ придорожную грязь, обезсиленная!

И ей уже казалось, что весь міръ узналъ объ ея отъѣздѣ, указываетъ на нее милліонами пальцевъ, смѣется надъ нею, коритъ ее...

Въ чемъ? Что она сдѣлала? У кого она хотѣла отнять свое счастье?

Охъ, эта проклятая встрѣча въ Біаррицѣ!

И ей теперь казались отвратительными всѣ эти счастливые дни, которые она на тѣхъ влажныхъ утесахъ грозоваго моря проводила съ Львомъ Самойловичемъ, ей было стыдно за вырывавшіяся у нея признанія, за всю эту чудную поэму любви, такимъ жаромъ вѣявшую на нее въ холодной тишинѣ ея петербургскихъ комнатъ. Она теперь чувствовала себя будто-бы опозоренной прикосновеніями и поцѣлуями этого человѣка, въ которомъ для нея еще вчера сосредоточивался свѣтъ цѣлаго міра. Она вся въ краскѣ негодованія, въ трепетѣ неистребимаго срама, вспоминала, какъ, поддаваясь чувству, котораго не могла осилить, она цѣловала ему руки. И какъ онъ лгалъ, какъ лгалъ! Еще чудовищнѣе его ложь ка-

залась этой женщинѣ, никогда во всю свою жизнь не сказавшей ни одного слова неправды. Зачѣмъ онъ дѣлалъ это, и кому нужна была ихъ встрѣча? Его голосъ теперь опять звучалъ въ ея ушахъ со всѣми своими нѣжными модуляціями, съ дрожью сдерживаемой страсти, съ плохо скрытою лаской. Еще недавно, въ этихъ воспоминаніяхъ было для нея столько блаженства, но теперь, чѣмъ дальше, тѣмъ ей становилось противнѣе. Она начинала чувствовать ненависть къ себѣ самой, къ своему тѣлу, рукамъ, губамъ, глазамъ, которые онъ цѣловалъ. Она точно вся была захватана грязною и подлою рукой и знала, что долгихъ лѣтъ недостаточно для того, чтобы смыть съ себя все это... А какъ она ему вѣрила! Богу, развѣ, такъ вѣрятъ, какъ она ему. Какъ она его любила, сколько счастья хотѣла дать ему—служить ему каждою своею мыслью, чувствомъ, движеніемъ. Каждое біеніе ея пульса принадлежало ему, и только ему. Неужели онъ лгалъ и тогда, когда безмолвно смотрѣлъ на нее, восторженнымъ взглядомъ погружаясь въ ея душу. Неужели можно такъ искренно обманывать, клясться—что слова! Такъ глядѣть, такъ думать, такъ горѣть безпредѣльною преданнностью, и въ то-же время... И что такое эта женщина? Та самая, о которой онъ говорилъ ей, въ которой ей каялся, какъ въ презрѣннѣйшемъ изъ грѣховъ своихъ. Чѣмъ она оболокла, околдовала ее? Наталья Григорьевна стала припоминать Калерію Алексѣевну, и въ этомъ въ ней сказалась женщина. Съ ревнивою мелочностью она начала сравнивать себя съ нею, ей хотѣлось понять, въ чемъ сила у той. Она, Наталья Григорьевна—и выше и статнѣе. И волоса ея лучше. И она сама моложе, красивѣе. Душа! Но развѣ бываютъ души у такихъ! Значитъ, и съ этой стороны она выше, лучше и должна-бы быть сильнѣе. Въ чемъ-же разгадка всего этого? Правда—и она вдругъ приподнялась на постели,—тотъ, Левъ Самойловичъ, не видѣлъ ее, не замѣтилъ, какъ Наталья Григорьевна вошла къ нему, иначе онъ-бы гадливо выгналъ Калерію Алексѣевну... Вѣдь, стоитъ ей только вторично встрѣтиться съ Самсоновымъ... Ахъ, нѣтъ-нѣтъ! Она чувствовала, что въ эти нѣсколько часовъ все, что было въ ея сердцѣ, вся эта любовь къ нему, сгорѣло, оставивъ обожженное, мучительно болѣвшее мѣсто. Какое примиреніе возможно теперь? Она вѣрила ему, какъ Богу—и богъ ея оказался простымъ идоломъ, и только;—простымъ жалкимъ идоломъ. Послѣ тѣхъ ласкъ, которыя онъ отдавалъ той, другой, на ея глазахъ, послѣ того поцѣлуя, видѣннаго ею, стоявшею около въ оцѣпенѣніи—развѣ еще возможенъ какой-нибудь разговоръ, извиненіе, оправданіе? Во всякомъ случаѣ, не она—Наталья Григорьевна найдетъ такое въ своей душѣ. Онъ ей гадокъ теперь, отвратителенъ. Его прикосновеніе было-бы невыносимо для этой чистой дѣвушки. Она никогда не могла-бы позабыть всего, что случилось, и даже если-бы ей удалось на мгновеніе одурманить себя—тотчасъ-же изъ-за его плечъ поднялся-бы обликъ той

другой женщины—продажной, скверной, и она, Наталья Григорьевна, задохнулась-бы отъ сознанія позора, отъ глубокаго отвращенія!..

Еслибы онъ умеръ, ей было-бы легче.

Осталась-бы не тронутою вся вѣра ея молодости — ея любовь, какъ святыню, хранила-бы память о безконечно миломъ и дорогомъ человѣкѣ. Она бы молилась этимъ призракамъ прошлаго. Даже обманувшись въ осуществленіи своихъ надеждъ, она бы плакала, она бы кляла его смерть, но она бы гордилась тѣмъ, что онъ въ свою могилу унесъ цѣльною и нетронутою любовь къ ней. Она бы мечтала о томъ, что онъ не разстается съ нею, что его душа тутъ, около нея, что ей стоитъ только умереть, чтобы вновь соединиться съ нимъ. Она, если-бы ей привелось жить еще десятки лѣтъ, не переставала-бы думать о немъ. Онъ бы наполнялъ все ея существованіе поэтическою, чистою печалью, цѣломудреннымъ сожалѣніемъ о несбывшемся счастьи. Она бы, какъ реликвію, носила его портретъ, и его черты были-бы живы всегда передъ нею. Она бы могла сама себѣ сказать, что онъ любилъ ее и только ее, что онъ принадлежалъ ей одной каждымъ своимъ дыханіемъ. Для нея не было-бы уже будущаго, она бы вся жила въ прошломъ. А теперь ни впереди, ни позади—все загажено, запятнано, обезславлено, обезстыжено! Для нея бы не было будущаго, потому что она ему и мертвому оставалась-бы вѣрною до могилы. Ей не пришло бы въ голову о томъ, что можно искать опять другого счастья и отдать свои поцѣлуи чужому, не ему. Для нея, будь это тысячу разъ освящено, чѣмъ бы то ни было, такая измѣна мертвецу являлась-бы развратомъ, паденіемъ. А онъ! Не могъ дождаться, не могъ вытерпѣть двухъ мѣсяцевъ, чтобы опять не запутаться въ сѣтяхъ у женщины, которую, по его собственному признанію, онъ не любилъ, не уважалъ, которую видѣлъ насквозь со всей ея грязною, подлою душонкой, жадностью, звѣринымъ разсчетомъ и звѣриною хитростью. И ради этой гадины разбить ихъ счастье, швырнуть въ слякоть ее, Наталью Григорьевну!

Ахъ какъ душно, какъ душно!.. Какъ жарко опять... Выйти-бы на холодъ, на стужу подъ рѣзкій вѣтеръ, дующій смертью съ альпійскихъ вершинъ, подставить ему свою грудь, сердце, всю себя, чтобы остудилъ все... Пусть оно не бьется, пусть оно замерзаетъ тутъ-же, легче, вѣдь, чѣмъ жить, жить теперь обезславленной, брошенной, одинокой... Вѣдь, развѣ хоть когда-нибудь можетъ настать такая ночь, въ которую она бы не вспомнила, что онъ теперь покоится въ объятіяхъ у той, и развѣ такой кошмаръ не станетъ жечь ее, Наталью Григорьевну, адскимъ огнемъ ревности, муки, горя о несбывшемся, стыда о своихъ мечтахъ въ прошломъ.

Куда ей уйти, гдѣ спрятаться?..

Жизнь велика, правда, но что она будетъ дѣлать одна здѣсь, въ

этомъ мірѣ? Къ кому ей придти и сказать: помоги мнѣ... Одно прибѣжище, разумѣется, и оно ее не обманываетъ. Оно не обманываетъ никого. Если есть правда на землѣ—она только у смерти. Смерть одна держитъ свои обѣщанія! Да, разумѣется, умереть! Пусть они будутъ счастливы спокойны. Пусть ея бѣдная тѣнь не является передъ нимъ—тревожить ихъ благополучіе! Да, именно—умереть, умереть. Какъ хорошо умереть. Ни о чемъ, ни отъ чего не страдать... А тамъ... За этимъ рубежомъ... О, она скажетъ: вотъ что они сдѣлали со мною! Развѣ я могла жить, надѣяться, дышать послѣ этого? Развѣ мнѣ оставалось иное прибѣжище? И Богъ не накажетъ ее. Она, вѣдь, страдала—она страдала... Будьте счастливы... Будьте счастливы и забудьте, забудьте обо мнѣ. Прости меня, Боже, какъ я прощаю ихъ. Оставь мнѣ, какъ я оставляю должникамъ моимъ...

Слегка задремавшая сестра Беата проснулась въ своемъ креслѣ отъ какого-то шума. Она всполохнулась, наклонилась надъ больною, а та, глядя на нее широко открытыми глазами, шептала что-то на невѣдомомъ ей языкѣ. Что—она не понимала, но монахинѣ было ясно одно, что лежавшая передъ нею женщина не видитъ ее и не слышитъ.

Молодая инокиня опустилась на колѣни, рядомъ съ постелью и, поднявъ на Распятіе свои большіе печальные глаза, начала: „да воскреснетъ Богъ“...

Вас. Немировичъ-Данченко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СТАРЫЙ САДЪ.

(Изъ посмертныхъ стихотвореній **П. Свободина.**)

Заглохшій старый садъ, пріютъ былыхъ свиданій,
Тебя на склонѣ дней я снова увидалъ!
Ты повѣсть юныхъ лѣтъ, надеждъ и ожиданій
Мнѣ шелестомъ листвы знакомымъ разсказалъ...

Гдѣ ласки дней былыхъ, гдѣ сладкія рыданья,
Гдѣ муки страстный часъ и вы, часы свиданья
Въ укромномъ уголкѣ, въ тѣни, въ саду глухомъ,
При шепотѣ листвы подъ голубымъ шатромъ?..

Я помню этотъ взглядъ и поцѣлуй украдкой.
И рѣзвый вѣтерокъ, что будто ревновалъ,
Когда къ груди младой тебя въ истомѣ сладкой
Въ объятія свои я страстно привлекалъ!

Рѣзвяся между насъ, играя волосами,
Онъ тихо съ плечъ твоихъ покровы поднималъ,
То щеки холодилъ, то пышными косами
Невидимой рукой насмѣшливо игралъ!

Все время унесло и лишь былыя тѣни
Въ мечтаньяхъ предо мной изъ прошлаго встаютъ...
Пріюта мнѣ весной ужъ больше не даютъ
Для сладостныхъ часовъ увядшія сирени...

МЕЧЕТЬ ВЕЛИКАГО КАЛИФА.

Изъ путеваго альбома русскаго туриста [1]).

Историческія реликвіи Гарамъ-эшъ-Шерифа.—Былой храмъ Соломоновъ и современная мечеть калифа Омара.—Мусульманскія святыни: Куббетъ-эсъ-Сакрагъ, Эль-Берарегъ,—судилище Давида, Эль-Акса.—Храмъ Введенія Богоматери.—Подземелья Гарама.—Великія предсказанія и факты исторіи.

I.

Въ хаотическомъ лабиринтѣ тѣсно сплоченныхъ домиковъ Іерусалима, узкихъ, извилистыхъ улицъ, каменныхъ квадратовъ, то приподнятыхъ выше общаго слоя плоскихъ кровель, то какъ-будто-бы провалившихся въ низину—ярко выдѣляется историческая площадь-терраса *Гарамъ-эшъ-Шерифа* [2]). Когда глядишь на нее съ уступовъ горы Масличной, съ паперти русскаго храма св. Магдалины, невольная грусть закрадывается въ душу... Въ общемъ контурѣ застланнаго пыльнымъ туманомъ города глазъ съ трудомъ различитъ святыню христіанства—Голгоѳу... Она, какъ и все христіанское здѣсь, затерта въ грудахъ неприглядныхъ руинъ, какъ будто не смѣя подняться надъ уровнемъ безпорядочно столпившихся зданій современнаго Іерусалима. Скромный

---

[1]) См. «Сѣверн. Вѣстн.» №№ 6 и 7, за 1894 г.

[2]) Топографія Іерусалима слагаясь въ теченіи многихъ вѣковъ, мѣняла постепенно и свои прежнія очертанія. Расположенный на высокомъ плато горъ Іудейскихъ, древній *Салемъ* Мельхиседека находится подъ 31° 46' с. ш. и 33° с. д. Занимая библейскіе холмы *Сіонъ*, *Акру*, *Везеѳу и Морія*. постепенно примыкавшихъ другъ къ другу и теперь образовавшихъ одну общую возвышенность, столица Іудеи сохранила, однако, эти исторически сложившіяся грани. Изъ нихъ Морія, холмъ на которомъ возвышался нѣкогда храмъ Соломоновъ, носитъ теперь названіе Гарамъ-Эшъ-Шерифа, т. е. «священнаго двора» и занятъ великолѣпными постройками, занимающими первое мѣсто послѣ извѣстныхъ мечетей Каира.

алтарь величайшаго изъ пророковъ — храмъ, посвященный человѣчествомъ Воскресенію Искупителя, затерянъ въ убогомъ отдаленномъ кварталѣ Гареба, а на первомъ планѣ, широко раздвинувъ домики и башни, гордо высится сказочно-великолѣпный чертогъ воинственнаго калифа. Онъ царитъ, онъ господствуетъ надо всѣмъ Іерусалимомъ, подавляетъ все остальное своими мощными формами, какъ и самъ исламъ, поработившій родину Христа, страну Іеговы.

Обширная терраса Гарама—это художественная игрушка, блестящая по выполненію, оригинальная по плану, смѣло схваченная по комбинаціямъ [1]). По бѣломраморному помосту, правильно чередуясь, встали изящныя галлереи-аркады. Гдѣ порвалась ихъ цѣпь, тамъ художникъ изъ каменной глыбы источилъ прихотливый кіоскъ *мимбара*, высоко поднявъ его легкій перистель на сквозныхъ мавританскихъ аркахъ. Сарацинскимъ куполомъ осѣнилъ онъ молитвенный домъ Магомета и заткалъ его стѣны восточнымъ ковромъ причудливой мозаики. Съ массивныхъ помостовъ, приподнимающихъ мечеть Омара надъ уровнемъ исторической площади, къ югу, сѣверу, востоку и западу, спускаясь, легли широкія ступени. Изящныя полукруглыя арки на граціозныхъ колоннахъ, столпились у парапета, осѣненныя зеленью миртъ и стройныхъ задумчивыхъ кипарисовъ. Пылкій художникъ, арабскій зодчій, умѣло скомбинировалъ свои мавританскіе портики, часовни, *мирабы*, пріятно скрадывая для глазъ поражающіе размѣры пустынной площади Моріа. Онъ пробилъ броню каменныхъ плитъ и на высотѣ господствующей надъ всѣмъ Іерусалимомъ, выросли и прижились единственные образцы роскошной флоры Востока. Между ними засверкали, забили прозрачной струей въ мраморныхъ чашахъ фонтаны. И вотъ, предъ изумленнымъ взоромъ паломника-туриста, на ярко-желтомъ фонѣ сливающихся въ общую массу однотонныхъ зданій Іерусалима, донынѣ первымъ бросается въ глаза мусульманскій Гарамъ, блистая ослѣпительной бѣлизной своихъ мечетей. Яркость причудливыхъ красокъ, ихъ легкій изящный абрисъ еще издалека привѣтствуетъ усталаго, измученнаго путника на Яффской дорогѣ, дразнитъ его какъ волшебный миражъ среди пустынныхъ окрестностей Іерусалима. Гордо вонзается темный куполъ Омаровой мечети въ голубой пологъ небеснаго свода, опавшаго надъ зубчатой грядой убѣгающихъ въ даль городскихъ построекъ. Граціозно поднятый, изящный

---

[1]) Стройность формъ, линій и пластичность каждаго зданія Гарамъ-эшъ-Шерифа, легкость, причудливость стиля отводитъ имъ первое мѣсто послѣ Альгамбры, причисляя къ высшимъ образцамъ арабской архитектуры. Верхняя стѣна Гарама, соединяя въ себѣ удивительную прочность съ изяществомъ очертаній, является образцомъ сарацинскаго искусства, лучшей его эпохи, создавшей знаменитыя стѣны Севильи и Кадикса.

по контурамъ, осѣняя мраморный шатеръ магометанскаго пророка— онъ какъ-будто самодовольно озираетъ придавленную нищету близь лежащихъ армянскаго и еврейскаго кварталовъ. При взглядѣ на сверкающую причудливыми аркадами террасу исторической Моріа, на ея великолѣпную мечеть, павильоны, арки, фонтаны—мнѣ чудится въ ихъ свободно-изогнутыхъ формахъ властное сознаніе творческой силы художника-завоевателя. Воцарившись здѣсь послѣ многихъ вѣковъ борьбы и кровопролитій, водрузивъ свой золотой полумѣсяцъ въ легендарномъ центрѣ земли [1]), Исламъ является только одной изъ стадій постоянной смѣны роковыхъ силъ, давно уже гнетущихъ Палестину. Вихрь событій сметалъ здѣсь, развѣивалъ въ прахъ алтари трехъ великихъ религій. На священныхъ высотахъ Моріа каждый пластъ есть слѣдъ исчезнувшей культуры, постепенно крѣпнувшаго и снова мельчавшаго религіознаго сознанія человѣка. Еврейство, христіанство, Исламъ послѣдовательно слагаютъ на этихъ мхомъ поросшихъ мраморныхъ плитахъ свои вѣковые устои. Прослѣдить этотъ историческій ростъ фатальную смѣну событій, равныхъ которымъ не дастъ ни одна страна міра, крайне любопытно.

Несмотря на все великолѣпіе современныхъ чертоговъ ислама, Іерусалимъ нашихъ дней, по сравненію съ прошлымъ,—«городъ мертвыхъ», убогій побѣгъ отъ скрытаго въ нѣдрахъ земли полуистлѣвшаго корня. Гдѣ отыскать зачатки его возникновенія и первобытной исторіи? Во времена Авраама, крохотный Салемъ управляется первосвященникомъ. Книга Іисуса Навина впервые именуетъ его *Ерушалемомъ*, т. е. наслѣдіемъ мира. За тысячу лѣтъ до Р. Х., Давидъ изгоняетъ евусеянъ съ Сіонскихъ высотъ. Антіохъ Епифанъ воздвигаетъ крѣпость на нижнемъ Іерусалимскомъ холмѣ, назвавъ ее Акрой. Позднѣе, мудрый царь Іудеи Соломонъ, строитъ храмъ—чудо искусства и роскоши на юговосточномъ холмѣ Моріа, прирѣзавъ для своей обширной постройки узкія, обрывистыя долины Геннома и Іосафата, пролегавшія между историческими холмами. Со дна ихъ возводятся широкія стѣны и, сложенныя до уровня господствующей террасы, онѣ своимъ каменнымъ поясомъ образуютъ одинъ обширный фундаментъ Іерусалима. Раздѣленіе царствъ дѣлаетъ городъ центромъ Іудеи. Монографія еврейской столицы—это кровавая лѣтопись, полная грабежей и насилій, начиная съ

---

[1]) По укоренившемуся убѣжденію св. эпохи, средневѣковый старый Іерусалимъ считался міровымъ городомъ, стоящемъ въ центрѣ земли, что графически изображено на извѣстной картѣ Палестины, составленной въ 1860 году Кипертомъ (изданной военно-топографич. депо генералъ-маіоромъ Чириковымъ). Въ храмѣ Воскресенія Господня, въ новомъ придѣлѣ грековъ, богомольцамъ показываютъ до сихъ поръ знаменитый «пупъ земли»—низенькій каменный столбикъ предъ царскими вратами въ формѣ выпуклой чаши.

набѣговъ Сезака, разбоевъ филистимлянъ и ассиріянъ, осадъ Іоасса, кончая кровавымъ погромомъ Навуходоносора. Киръ и Александръ Македонскій, Птоломеи и Селевкиды постепенно возрождаютъ городъ изъ развалинъ, но не надолго. Въ 170-мъ году до Р. Х. Антіохъ-Епифанъ наноситъ ему новый ударъ, обращая храмы Іеговы въ капища Юпитера. Маккавеи даютъ сильный толчокъ въ жизни Израиля, пробуждая въ немъ творческій духъ возрожденія. Лихорадочная работа закипаетъ вокругъ Сіона, холмы Акры и Моріа сливаются, поглотивъ Теропеонскую долину. Иродъ Агриппа присоединяетъ къ нимъ новый холмъ—Везеѳу. Близятся великіе дни пришествія Мессіи... Украшенный великолѣпными зданіями Іерусалимъ, гордый богатствомъ, «возносится до небесъ», презирая грядущую близкую гибель за то, что отвергъ своего вождя, «не позналъ своего часа». Сперва Титъ а потомъ Адріанъ обрушиваются на св. городъ, подавляя возстаніе Іудеи. Самое имя Іерусалима замѣняется римскимъ названіемъ Aelia Capitolina. Только въ IV вѣкѣ по Р. Х., городъ, погребенный въ развалинахъ, начинаетъ проявлять слабые признаки жизни. Царь Константинъ и въ особенности мать его Елена разыскиваютъ священныя для христіанъ мѣста, увѣковѣчивая ихъ постройкою храмовъ. Съ этой эпохи борется съ перемѣннымъ счастьемъ за обладаніе Іудеей христіанская Европа съ нехристіанскими завоевателями. Персидскія полчища Хозроя, несмѣтныя орды Омара, одни за другими берутъ приступомъ городъ. Султанъ Хакимъ сжигаетъ храмъ гроба Господня и все время владычества фатимидовъ и сельджукскихъ турокъ Палестина трепещетъ предъ грознымъ владычествомъ ислама. Страстный призывъ Петра Аміенскаго открываетъ собою эру крестовыхъ походовъ. Средневѣковая Европа подъ стягомъ Готфрида Бульонскаго и Танкреда, освобождаетъ св. Гробъ отъ власти невѣрныхъ, но сто лѣтъ спустя Іерусалимъ снова взятъ Саладиномъ. Съ XVI вѣка онъ принадлежитъ высокой Портѣ и это господство Ислама кладетъ теперь неизгладимую печать на все въ Палестинѣ, начиная отъ языка и одежды, кончая золотымъ серпомъ полумѣсяца, осѣнившемъ бѣломраморные шатры воинственнаго арабскаго пророка.

Но попасть въ этотъ центръ мусульманства, получить доступъ къ заповѣднымъ святынямъ Ислама, до сихъ поръ весьма затруднительно. Приходится за нѣсколько дней хлопотать чрезъ консула о пропускѣ, выдаваемомъ іерусалимскимъ пашой. Но и доставъ «пропускную грамату», туристъ далеко не обезпеченъ, что ему покажутъ *все* въ стѣнахъ Гарама. Фанатизмъ турокъ до сихъ поръ настолько силенъ, что никакія предписанія высшихъ властей не могутъ примирить ихъ съ такимъ поруганіемъ святыни со стороны гяура. Несмотря на то, что право это куплено европейцами цѣною крови съ восточной войны, низшіе слои мѣстнаго населенія (особенно религіозныя касты, напр. дервишей)

до сихъ поръ крайне враждебно относятся къ льготѣ, данной иностранцамъ фирманомъ султана [1]). И теперь входъ въ мечеть Омара воспрещается христіанамъ на вербной и страстной недѣляхъ, такъ какъ одновременно у турокъ совпадаютъ праздники, приходящіеся въ мѣсяцы Рамадзана и Шабана.

Знакомый читателямъ Марко съ консульскимъ кавасомъ, хлопотавшимъ о разрѣшительной грамотѣ у іерусалимскаго паши черезъ посредство нашего консула г. Максимова, приготовляли насъ къ осмотру Омаровой мечети, какъ къ чему-то необычайному, выходящему изъ ряда обычныхъ палестинскихъ экскурсій. Когда мы явились въ назначенный день раннимъ утромъ, эти блюстители общественной безопасности, добродушные и симпатичные, встрѣтили меня съ озабоченнымъ видомъ. Я былъ не мало удивленъ, когда всю компанію изъ пяти человѣкъ пересчитали, осмотрѣли съ ногъ до головы, тщательно свѣряя выданную бумагу, какъ будто въ ней были прописаны наши примѣты. Милѣйшій докторъ французъ, къ немалому ужасу и негодованію, вынужденъ разстаться съ любимой палкой и поклясться, что не будетъ дымить безконечныхъ сигаръ, безъ которыхъ онъ не въ силахъ прожить и минуты. Меня просятъ не заносить слишкомъ явно своихъ впечатлѣній на бумагу, чтобы не возбуждать подозрѣній въ шпіонствѣ. Коллега-археологъ долго не соглашается разстаться съ фотографическимъ аппаратомъ. Поднимается шумъ и гамъ, въ воздухѣ четко разносятся самыя скверныя пожеланія притѣснителямъ-туркамъ. Потерпѣвъ полное фіаско съ камерой, расходившійся археологъ отвоевываетъ себѣ право на бинокль, съ яростью доказывая кавасамъ свою близорукость. Мы размѣщаемся въ коляскѣ сердитые и заранѣе недовольные этой экскурсіей, а милѣйшій докторъ

---

[1]) Еще вначалѣ текущаго столѣтія всякій христіанинъ, переступившій порогъ священнаго двора, карался смертью. Попытки проникнуть тайно въ это святилище Ислама вызывали страшную народную ярость. Ожесточенная толпа однажды убила англичанина, вошедшаго переодѣтымъ и узнаннаго стражей. Въ 30-хъ годахъ за такую-же попытку поплатился жизнью грекъ, отказавшійся принять магометанство по требованію разъяренныхъ турокъ. Даже представители великихъ державъ, европейскіе послы и лица изъ царственныхъ династій могли видѣть Омарову мечеть только изъ оконъ, прилегающихъ къ Гараму зданій. Шатобріанъ, Муравьевъ и другіе путешественники первой половины нашего вѣка довольствовались осмотромъ исторической площади Моріа и ея построекъ съ высоты ближайшей колокольни церкви Іоакима и Анны.

Порабощенный Израиль цѣлыми столѣтіями не имѣлъ доступа на священную площадь, цѣною золота и глумленія покупая право глядѣть хотя издали на то мѣсто, гдѣ высился нѣкогда блестящій храмъ Соломоновъ. И донынѣ, несмотря на послѣдовавшее разрѣшеніе, онъ не входитъ въ ограду, боясь наступить на зарытый здѣсь пророкомъ Іереміей ковчегъ завѣта. Преданіе это настолько живуче въ народѣ, что еврей предпочитаетъ молиться и плакать у древней *наружной* стѣны Моріа, не переступая былыхъ заповѣдныхъ пороговъ дорогой, утраченной святыни.

взбирается верхомъ на осла и съ сигарой въ зубахъ уносится куда-то галопомъ къ немалому ужасу кавасовъ и драгомана. У нихъ не хватаетъ теперь одного человѣка по числу лицъ, упомянутыхъ въ пропускѣ іерусалимскаго коменданта.

— И что это «они» дѣлаютъ?—съ укоризной говоритъ огорченный Марко, тоскливымъ взглядомъ провожая галопирующую фигуру француза, окутанную облакомъ пыли.

Мы трогаемся въ путь. Я смотрю на часы—половина восьмаго. Лошади идутъ дружной рысью, плавно покачивая экипажъ. Предъ глазами все время мелькаютъ расшитыя серебромъ спины кавасовъ, возсѣдающихъ на козлахъ въ полномъ блескѣ своего вооруженія. Кучеръ-арабъ помѣстился сзади, какъ груммъ, на старомодномъ сидѣньи. Дорога бѣжитъ желтоватой каймой отъ зданій русскихъ построекъ къ воротамъ Давида. Чудное утро въ полномъ разгарѣ. Золотистые лучи солнца мягко стелятся въ розовыхъ волнахъ быстро тающаго тумана. Это послѣ жгучаго дня, изнурительно-жаркой ночи поднялись отъ нагрѣтой земли испаренья. Тамъ, вдали, встаетъ, разростаясь все шире и шире св. городъ. Поясъ каменныхъ стѣнъ, приближаясь, плыветъ къ намъ навстрѣчу. Голубой небосклонъ убѣгаетъ все дальше и дальше за причудливымъ гребнемъ изломанныхъ линій крышъ-террасъ отдаленнаго Сіона. Лишь мѣстами сквозятъ одинокіе обелиски минаретовъ. Слѣва смотритъ на насъ Элеонъ своей желто-зеленой вершиной, а надъ бѣлою лентой разбѣжавшихся дорогъ слабо клубится мѣстами пыль подъ копытами лихого арабскаго наѣздника. Темныя точки скользятъ по каменистымъ тропамъ вдоль уклоновъ горы Масличной — это движется рабочій людъ, встающій съ первыми лучами солнца. Воздухъ еще напоенъ пріятной свѣжестью. Нѣтъ въ немъ той томительной сухости, что къ полдню опалитъ грудь знойнымъ дыханіемъ пустыни. Еще оттуда, изъ далекой «мертвой страны», отъ береговъ Лотова моря, не успѣли примчаться горячія струи, отраженныя растрескавшейся отъ жары почвой и скалами Содомской долины. Мы испытывали какую-то особенную бодрость. Не успѣвшее распылиться шоссе почти не покрываетъ насъ известковымъ налетомъ. Прохожіе съ любопытствомъ останавливаются, провожая глазами европейцевъ, встающихъ такъ рано. На улицахъ Іерусалима въ эти часы преимущественно снуютъ арабы, турки и евреи. Мы сворачиваемъ влѣво и вотъ къ намъ навстрѣчу выступаетъ изъ массива стѣны полукруглый типичный аркадъ воротъ *Нэби-Дауда*. Коляска въѣзжаетъ подъ темные каменные своды. Турецкій солдатъ, при видѣ кавасовъ, беретъ на караулъ и минуту спустя мы уже въ городѣ, внутри стѣнъ, въ самомъ бойкомъ и оживленномъ уголкѣ Іерусалима. Справа гомонъ и шумъ азіатскаго базара; слѣва провожаютъ васъ каменныя лавки европейскихъ магазиновъ. Ѣзда въ экипажахъ здѣсь по-

чти немыслима, такъ какъ улицы быстро съуживаются, все гуще запружаясь народомъ. Наконецъ дышло нашей коляски упирается въ одну изъ зазѣвавшихся правовѣрныхъ головъ, и мы вынуждены остановиться. Выйдя изъ экипажа, приходится буквально пробиваться съ кавасами во главѣ черезъ чащу людскихъ спинъ и бритыхъ затылковъ, протискиваться между осликами и овцами, ежеминутно рискуя раздавить ногами посуду горшечника или опрокинуться въ лавку и завалить лотки съ зеленью и мясомъ. Подъ археологомъ визжитъ искалѣченная собака. Его англійская каска съ вуалью давно напоминаетъ помятый котелокъ, а кисея изъ зеленой обратилась въ желтую подозрительнаго оттѣнка. Добросовѣстно проработавъ четверть часа локтями и колѣнями, мы выбираемся наконецъ изъ безконечныхъ тунелей, именуемыхъ улицами. Шумная людская толчея осталась позади и мы можемъ, вздохнувъ полною грудью, расправить измятые члены.

Лабиринтъ корридоровъ затрудняетъ точно опредѣлить направленіе. Минутъ десять ходьбы по грязнѣйшимъ кварталамъ, сплошь заселеннымъ армянами и евреями —и вотъ вы у сѣверо-восточныхъ воротъ таинственнаго, оберегаемаго массивной стѣной, Гарамъ-эшъ-Шерифа. Тяжелыя двустворчатыя двери окованы желѣзомъ. Темный аркадъ съ полуготическимъ изломомъ пріютилъ ихъ въ своей каменной нишѣ [1]). Турецкая стража самаго свирѣпаго вида, но безобиднаго вооруженія злобнымъ взглядомъ встрѣчаетъ насъ еще издали. Турецкій жандармъ, назначенный сопровождать европейцевъ при осмотрѣ мечети, что-то силится объяснить веселому доктору, прикатившему на осликѣ ранѣе всѣхъ къ мѣсту осмотра. Завязываются переговоры жандарма съ солдатами. Интонація съ обѣихъ сторонъ все возвышается; очевидно насъ вовсе не торопятся пустить, какъ этого требуетъ начальническій фирманъ. Наконецъ жандармъ догадался постучать въ плотно запертыя ворота. Тяжелая рама одной изъ половинокъ слегка отошла и въ образовавшуюся щель съ трудомъ пролѣзъ сѣдовласый мулла, сверкая изъ подъ нависшихъ бровей какимъ-то тускло-металлическимъ взглядомъ. Намъ становилось ужасно неловко. Пока этотъ стражъ, ревнитель Магометова закона, вертѣлъ въ рукахъ оффиціальный пропускъ, мы переминались съ ноги на ногу, какъ будто какіе-то заговорщики, уличенные на мѣстѣ преступленія. Тщетно наши кавасы пытались внушить ему уваженіе, поочередно водя перстами по бумагѣ и приглашая муллу слѣдовать обычаямъ гостепріимства. Но тотъ презрительно и свысока отворачивался отъ «проклятыхъ гяуровъ». Однако, съ одной стороны приказъ паши

---

[1]) Крѣпостныя стѣны, которыми отовсюду обнесена обширная площадь Омаровой мечети, признаваемой мусульманами за священнѣйшее мѣсто на землѣ послѣ Мекки и Медины, охранялись въ старину особой стражей изъ нубійскихъ негровъ, день и ночь сторожившихъ съ саблями на-голо входныя ворота.

былъ, вѣроятно, достаточно категориченъ, такъ что спорить не приходилось, а съ другой—правовѣрный жандармъ коварно смущалъ старика бакшишами. Послѣ оживленнаго обмѣна мыслей на эту тему, тяжелыя ворота наконецъ заскрипѣли на ржавыхъ петляхъ, и мы переступили черезъ священный порогъ былого святилища Соломона [1].

Никогда не забуду я того впечатлѣнія, той поразительной картины, которая открылась предъ нашими глазами... Недаромъ площадь *Гарамъ-эшъ-Шерифа* съ незапамятныхъ временъ служила «дворомъ молитвы» для цѣлаго ряда племенъ, вереницѣ народностей, прошедшихъ по священной землѣ и исчезнувшихъ въ туманахъ вѣчности... Еще въ младенческую эпоху человѣческой исторіи, когда слагалось и крѣпло зерно высшаго духовнаго познанія — маленькій пастушескій народъ избралъ холмъ Моріа центромъ своего поклоненія Вѣчному Единому Богу. И съ тѣхъ поръ въ быстрой смѣнѣ вѣковъ, въ ряду промчавшихся тысячелѣтій, человѣкъ послѣдовательно слагалъ здѣсь свои алтари отъ временъ ветхозавѣтнаго Мельхиседека до позднѣйшаго Саладина. Царь солимскій и Авраамъ возжигали здѣсь Богу молитвенный ѳиміамъ, «Святая Святыхъ» Моисея осѣняла шатромъ эту первобытную скалу. Здѣсь же построилъ Давидъ свой жертвенникъ Іеговѣ и позднѣе на той-же обширной террасѣ Гарама выросъ блистающій великолѣпіемъ храмъ Соломоновъ [2]. Новый храмъ, современный Спасителю, еще болѣе обширный, затмившій грандіозностью и богатствомъ своихъ предшественниковъ, созидается трудами великаго Ирода, но сокрушительный ударъ римскаго полководца обращаетъ его въ развалины. И на мѣстѣ исчезнувшихъ святынь еврейства императоръ Адріанъ воздвигаетъ свой пышный языческій чертогъ, посвященный Юпитеру. Неумолимая судьба наводитъ новый ударъ—падаютъ римскіе храмы, а на мѣстѣ блестящихъ алтарей Юстиніанъ кладетъ стѣны базилики Богоматери... Новый вихрь—и вотъ изъ далекихъ аравійскихъ пустынь уже движутся полчища новаго проповѣдника—Маго-

---

[1]) Подлинность мѣстонахожденія Моріа, быть можетъ единственнаго изъ всѣхъ историческихъ мѣстъ Палестины, твердо и точно опредѣлена источниками. Библія, Талмудъ, Коранъ, еврейскіе классики, Святые Отцы, греческіе и римскіе пилигриммы язычники, христіане, мусульмане, ученые богословы и поклонники Св. мѣстъ признаютъ въ *Гарамъ-эшъ-Шерифѣ* то мѣсто, на которомъ Авраамъ собирался заклать своего первенца. Оно находилось именно между Элеономъ и садами Офеля надъ памятниками Іосафатовой долины. (Дик. IV—209).

[2]) Возвышенная площадка, на которой Соломонъ возвелъ свой храмъ, была куплена Давидомъ у Эвусеянина Орнана по указанію пророка Гада за 50 сиклей серебра, съ цѣлью спасти Іерусалимъ отъ страшной моровой язвы. («Паралип.» XII, 18—30) 3 кн. Царствъ (VI—VII) излагаетъ подробности этой грандіозной работы, длившейся семь лѣтъ при участіи 180 тысячъ рабочихъ, руководимыхъ 3,300 надсмотрщиками.

мета. Мусульманскіе калифы, фанатическіе миссіонеры ислама, обращаютъ въ мечети христіанскіе храмы, и на мѣстѣ притворовъ Соломонова храма выростаетъ изящное зданіе современной мечети Омара [1]). Интересно, какъ преемственно сохранялись условія мѣстности, типическая особенность создававшихъ эти алтари народовъ. Храмъ Іеговы унаслѣдовалъ основной колоритъ палатки номада, передавъ характеръ постройки и позднѣйшимъ зодчимъ. Площадь Гарама только закрѣпила на опредѣленномъ мѣстѣ тотъ «священный дворъ», гдѣ привыкъ молиться первобытный человѣкъ, кочевавшій со стадами. Израиль перенесъ на скалу Эсъ—Сакргъ (т. е. глава скалы) свои сокровенныя святыни: скинію и ковчегъ завѣта. Великолѣпный мраморный шатеръ Соломонова храма—все тотъ же первобытный шатеръ, но только болѣе обширный и роскошный. Вокругъ стѣны этого святилища толпами стоитъ умиленный народъ, прислушиваясь къ вдохновенному пѣнію левитовъ. Голубой шатеръ небосклона, какъ теперь, одѣваетъ притворы и галлереи Соломонова святилища. Храмъ Великаго Ирода повторилъ основной образецъ, увеличивъ сокровища матеріала, дополнивъ изяществомъ линій простыя формы. Страстная фантазія чуждаго пришельца тоже подчинилась, несмотря на свою самобытность, удивительному вліянію исторической мѣстности. Его смѣлый рѣзецъ изваялъ художественную мечеть, еще болѣе изумительной и тонкой работы, но храмъ мусульманскаго пророка удивительно однороденъ съ своими предмѣстниками по замыслу и композиціи. Тѣ-же портики, колоннады, водоемы, фонтаны для омовенія. Та-же разбросанность зданій на обширномъ «дворѣ молитвы». Широкія лѣстницы, изукрашенныя арками, какъ и въ дни Спасителя, ведутъ съ баллюстрады *Куббетъ-эсъ-Сакрага* на обширную площадь, устланную каменными плитами. Какъ и въ древности, на ней разбросаны отдѣльные алтари для молитвы, кіоски, мимбары [2]), осѣненные зеленью миртъ и кипариса. Тѣ-же «дворы» священниковъ, язычниковъ и левитовъ сохранила невольно и мусульманская площадь, разбитая постройками на ярко очерченныя грани. Только теперь—это навѣсы для юношей софтъ, молитвенные мирабы [3]), высокія кафедры, каменные павильоны и кіоски для чтенія

---

[1]) По взятіи Іерусалима, калифъ Омаръ приказалъ очистить отъ мусора заброшенную *скалу эсъ-Сакрага*, но не имъ возведена та мечеть, которая по странному недоразумѣнію носитъ названіе его имени. Ее возвелъ калифъ Абдъ-Эль-Меликъ-Ибнъ-Меруанъ въ 68—71 годахъ Гиждры. (Въ VII в. по Р. Хр.).

[2]) Мимбаръ—высокая каѳедра съ крутой лѣстницей—существуетъ во всѣхъ мечетяхъ и служитъ мѣстомъ для произнесенія проповѣдей муллою. Въ обширныхъ молитвенныхъ дворахъ устраиваются также крытыя каѳедры, откуда имамъ въ особо-важныхъ случаяхъ обращается къ народу.

[3]) Мирабъ—центральная молитвенная ниша, безусловная принадлежность каждой мечети, обращенная въ сторону Мекской Каабы, высшаго святилища мусульманъ.

корана. И какъ теперь у воротъ великой мечети прижался крикливый рынокъ, типическая особенность Востока,—такъ и у храма евреевъ ютились торговцы съ жертвенными животными, мѣновщики и купцы, вызывавшіе справедливое негодованіе «ревнующаго о домѣ своемъ», божественнаго Учителя [1]). Распавшійся храмъ порабощеннаго Израиля въ глубокихъ нѣдрахъ земли сохранилъ и донынѣ свой несокрушимый фундаментъ... На немъ, на этомъ историческомъ корнѣ, обновляясь въ дни возрожденія, сквозь мусоръ и щебень, пробивались побѣги, унаслѣдовавшіе типическій колоритъ исчезнувшаго могучаго дерева. На цоколѣ Соломонова храма расцвѣлъ теперь пышный цвѣтокъ, но въ строеніи его лепестковъ, его изящнаго стебля нетрудно прослѣдить и отмѣтить первичную культуру восточной роскоши, необычайно оригинальныхъ формъ и блестящей окраски.

II.

Переступивъ широкій порогъ таинственныхъ воротъ Гарамъ эсъ-Шерифа, очутившись въ священной оградѣ, мы остановились, невольно пораженные волшебной картиной. Передъ нами высится великолѣпная мечеть имени Омара. Описать ея дворъ, группы кіосковъ, фонтановъ, передать на бумагѣ безконечную смѣну колоннадъ и арокъ, уловить удивительную гармонію ослѣпительныхъ красокъ—это значитъ развернуть фантастическое полотно сказочныхъ картинъ восточныхъ легендъ и сказаній. Когда глядишь на эту царственную мечеть, на ея высоко-приподнятый куполъ, чернымъ шатромъ осѣнившій нѣжно-голубой осьмигранный фонарь—арабеску, трудно представить себѣ что-либо болѣе изящно-волшебное. Пестрый поясъ широкой оправой одѣлъ снизу базисъ мечети. Онъ поднялъ на значительную высоту безконечный рядъ стрѣльчатыхъ оконъ, сплошь затканныхъ разноцвѣтными стеклами въ филиграновой рамѣ. А надъ ними сомкнулся блестящій парапетъ ярко-бѣлыхъ и голубыхъ фаянсовыхъ изразцовъ, испещренныхъ золотыми строками куфическихъ надписей. Стоишь очарованный, не сводя глазъ съ пластичной мечети, этого удивительнаго памятника, едва-ли не единственнаго въ мірѣ по смѣлости замысла и художественности выполненія. Силъ нѣтъ оторваться отъ пестрой восточной паутины, заткавшей мозаичными коврами драгоцѣннѣйшей работы даже наружныя стѣны этой святыни Ислама. На кругломъ, широ-

[1]) Евангеліе Матѳея, гл. XXI ст. 12, 13; Марка XI. 15, 16, 17; Луки XX, 45, 46. Впрочемъ обычай торговли у храмовъ не чуждъ былъ средневѣковой и даже современной Европѣ. Въ Англіи, Франціи и Италіи рынки устраивались часто на церковныхъ кладбищахъ, а въ Руанѣ и Ахенѣ до сихъ поръ, говорятъ, торговцы ютятся въ самыхъ воротахъ церкви.

комъ барабанѣ гармонично сведенной крыши покоится громадный, выпуклый куполъ съ золотымъ турецкимъ полумѣсяцемъ. Но онъ не давитъ великолѣпнаго зданія своимъ изогнутымъ полушаріемъ, слегка заостреннымъ у вершины. Чѣмъ дольше глядишь на изящный силуетъ Куббетъ-эсъ-Сакрагъ, тѣмъ ярче будитъ фантазія сказочныя страницы «Тысячи одной ночи», пылкой страстью изваянные образцы волшебныхъ чертоговъ Шехеразады. Только подъ этимъ знойнымъ небомъ, среди величаваго пейзажа, подъ ропотъ волнъ теплаго моря, среди богатѣйшей флоры, способна черпать фантазія эти живописные узоры, это удивительное сочетаніе красокъ! Оригинально подобранный мраморъ всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ, карнизы сплошныхъ арабесокъ, сквозные бордюры, одѣвшіе сверху до низу фундаментъ и стѣны — да, это единственный неподражаемый памятникъ восточной архитектуры и вдохновеннаго творчества! Съ трудомъ вѣрится, что простой зодчій слагалъ это чудное зданіе... Какъ будто художникъ-поэтъ знойнаго юга стремился излить въ его чудныхъ формахъ весь пылъ своей блестящей, остроумной фантазіи, избалованнаго природой кипучаго воображенія.

Современная *площадь Гарама* сплошь устлана мраморными плитами.

Едва мы успѣли подняться по каменнымъ ступенямъ черезъ *ворота Бабъ-эль-Джина*, т. е. ворота рая [1]), на высокій постаментъ, въ центрѣ котораго стоитъ великолѣпная мечеть, какъ насъ окружили сѣдовласые муллы, злобно сверкая глазами. Пока драгоманъ вмѣстѣ съ Марко успокаиваютъ возмущенныхъ нашимъ появленіемъ правовѣрныхъ, я стою очарованный, не сводя глазъ съ живописной панорамы. Веселый докторъ, мало восхищающійся красотами архитектуры, горитъ нетерпѣніемъ проникнуть поскорѣе во внутренность мечети, а коллега-археологъ весь ушелъ въ свой объемистый гидъ и никого не замѣчаетъ. Преспокойно расхаживая по двору, жестикулируя и разговаривая самъ съ собой, онъ привлекъ къ себѣ цѣлую кучу мальчишекъ, съ изумленіемъ провожающихъ его по пятамъ задорнымъ смѣхомъ. Негодующій мулла, потрясая въ въ воздухѣ кулакомъ, что-то съ ожесточеніемъ, объясняетъ своему правовѣрному собрату-жандарму, поминутно указывая на наши ноги. Я понимаю въ чемъ дѣло. Обычай Востока велитъ намъ или снять сапоги или надѣть широкія «бабуши», такъ какъ нечестивая нога гяура не

---

[1]) На каменную баллюстраду мечети Омара, высокоприподнятую надъ общимъ уровнемъ Гарама, ведутъ четыре широкія лѣстницы, обращенныя къ четыремъ сторонамъ свѣта. Изящныя аркады опираются на граціозныя колонки, образуя надъ ними четверо воротъ, утопающихъ въ темной зелени кипарисовъ. Южныя «ворота молитвы» извѣстны подъ именемъ Бабъ-эль-Кибля. Съ востока возвышаются «ворота Давида» съ запада Бабъ-эль-Хаубъ — «ворота войны», а съ сѣвера упомянутыя уже «ворота рая».

должна прикасаться къ священнымъ плитамъ. Пока худощавый прислужникъ наматываетъ намъ на ноги эти неизбѣжные кожанные лапти, весельчакъ докторъ любезно предлагаетъ ему сигару, къ ужасу драгомана и негодованію турокъ. Вслѣдъ за муллой въ зеленой чалмѣ и пестромъ халатѣ мы подходимъ къ дверямъ Омаровой мечети. Готовясь вступить въ эту святыню Ислама, я мысленно перебиралъ то историческое прошлое, что наросло вѣками, сгруппировало столько интересныхъ, таинственныхъ событій вокругъ знаменитой скалы Авраама.

Когда переступишь мраморный порогъ масульманскаго храма, странное чувство охватитъ васъ—чувство удивленія, смѣшаннаго съ восторгомъ. Тамъ, снаружи, на обширномъ дворѣ, жгучее солнце льетъ неустаннымъ потокомъ ослѣпительные лучи свѣта, накаляя воздухъ и плиты... Утомительная истома разслабляетъ члены. Яркій блескъ, отраженный отъ изразцовыхъ стѣнъ, рѣжетъ глазъ, слѣпитъ зрѣніе сочетаніемъ, какъ-будто расплавленныхъ, огненныхъ красокъ. Силъ нѣтъ долго смотрѣть на этотъ разноцвѣтный кристаллъ, на гладко отшлифованныя грани изящнаго зданія мечети. А здѣсь—вы невольно остановитесь, пораженные неожиданнымъ контрастомъ... Мягкій розовый сумракъ стелется отовсюду. Какъ-будто въ золотистомъ туманѣ сквозятъ колоннады высокой, круглой галлереи. Стрѣльчатыя арки изъ темно-краснаго порфира и бѣлаго мрамора образуютъ мавританскій шатеръ, а надъ нимъ поднялся сверкающій куполъ, чудно затканный извнутри яркой мозаикой всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Безконечный рядъ оконъ прорѣзалъ темныя стѣны, и сквозь ихъ прихотливый разноцвѣтный переплетъ мягко льются смягченные лучи на полъ, устланный циновками. Разбиваясь на тонкія свѣтовыя нити, лучи эти то сквозятъ вамъ рубиномъ, то, какъ опалъ, отливаютъ всѣми цвѣтами причудливой радуги. Каждое окно чудо искусства, верхъ изящества и красоты, до которой только могла додуматься архитектура [1]. Каждое цвѣтное стеклышко, вставленное въ тонкую, едва замѣтную оправу, примыкаетъ къ другому. Цвѣта подобраны удивительно гармонично, образуя своимъ узоромъ прихотливое сочетаніе какъ-будто драгоцѣнныхъ каменьевъ, блистающихъ самоцвѣтными гранями. Едва-ли не въ нихъ основная прелесть таинственнаго магометова храма. Окна кладутъ на его царственную обстановку какой-то сказочный колоритъ, производящій подавляющее впечатлѣніе. Какъ очарованные двигались мы въ разноцвѣтномъ туманѣ по круглой верандѣ, невольно останавливаясь то предъ той, то

---

[1]) Говорятъ, что американцы предлагали милліонъ долларовъ только за то, чтобы одно изъ этихъ оконъ было привезено на выставку въ Чикаго. Правительство Соединенныхъ Штатовъ обязывалось доставить раму въ цѣлости на прежнее мѣсто, довольствуясь тѣмъ, что выставитъ его въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но турки отказались отъ предложенія, найдя его оскорбительнымъ для своей святыни.

другой колонной—этими удивительными образчиками различныхъ эпохъ, культуръ и зодчества [1]). Двѣ концентрическія круглыя колоннады образуютъ широкую галлерею. Ея стѣны и потолки какъ будто обиты роскошными восточными коврами, то темно-зелеными, то ярко-багряными, то золотистыми, удивительно успокаивающими глаза мягкой, изящной композиціей рисунка. Тамъ, гдѣ массивный аркадъ оперся на порфировыя и мраморныя колонны, выступаетъ карнизъ изумительной филигранной работы. Золотая вязь арабскихъ письменъ пестритъ разноцвѣтные своды. Расписныя рамы тончайшей мозаики чередуются съ прихотливымъ узоромъ одна въ другую вплетенныхъ строкъ мудрыхъ изреченій Корана. Съ высоты потолковъ на тонкихъ цѣпяхъ спустились безчисленныя люстры—лампады, отражая въ своихъ граненныхъ хрусталяхъ разноцвѣтныя сіянія оконъ. Здѣсь, что ни шагъ, то останавливаешься удивленный, не зная, бредишь-ли на яву, или видишь сны дѣтства, полные сказочной прелести.

Но взгляните на середину мечети. Темно-бронзовая рѣшетка отдѣляетъ васъ отъ той священной скалы, что тысячелѣтіями служитъ предметомъ поклоненія и почитанія различнымъ народамъ. Не безъ трепета подошли мы вплотную къ сквозной оградѣ, ревниво оберегающей массивную темно-сѣрую каменную глыбу. Это и есть историческая вершина горы Моріа, осѣненная блестящимъ цвѣтнымъ куполомъ Омаровой мечети. Двѣнадцать яшмовыхъ колоннъ окружили ее стройной баллюстрадой, а пролеты ихъ забраны сквозной сѣткой оригинальной рѣшетки. Знаменитая скала Эсъ-Сакрагъ, давшая имя мечети, несомнѣнно ровесница младенческаго Салима [2]). Пока мы обходимъ природную вершину Моріа, тщательно осматривая ее сквозь рѣшетку, драгоманъ переводитъ намъ то, что бормочетъ турецкій мулла, успѣвшій смягчиться отъ бакшиша, предусмотрительно сунутаго кавасомъ. Онъ указываетъ намъ на сѣромъ камнѣ отпечатокъ пальцевъ архангела Гавріила, удержавшаго эту скалу на воздухѣ, когда она захотѣла по-

---

[1]) Арабскій зодчій собралъ здѣсь, не подозрѣвая, драгоцѣннѣйшую коллекцію уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія матеріаловъ. Въ веренпцѣ колоннъ и пилястръ перемѣшаны камни давно исчезнувшаго Іерусалимскаго храма временъ царя Хирама и изящные пилястры храма Юпитера, воздвигнутаго Адріаномъ надъ святилищемъ евреевъ.

[2]) Сказанія древнѣйшихъ временъ пріурочиваютъ къ ней жертвоприношеніе Мельхиседека, современника потопа. Здѣсь-же Авраамъ готовился принести въ жертву своего сына Исаака. Іевудсеянинъ Орна располагаетъ на той же скалѣ свое гумно, выкупленное Давидомъ изъ рукъ нечестивца. Моисей хранитъ здѣсь ковчегъ Завѣта. Позднѣе надъ ней же разросся храмъ Соломоновъ, замѣненный храмомъ Великаго Ирода, а въ дни римскаго Цезаря та-же скала служитъ пьедесталомъ мѣдной статуи императора Адріана. Калифъ Омаръ отыскалъ священную скалу въ грудѣ мусора, и съ тѣхъ поръ она благоговѣйно почитается магометанами, утверждающими, что именно отсюда Магометъ вознесся на небо.

слѣдовать на небо за вознесшимся пророкомъ. Зеленый шелковый пологъ виситъ надъ скалою, закрывая отверстіе, сквозь которое исчезъ проповѣдникъ ислама на своей бѣлой кобылицѣ [1]). Мнѣ пришлось наблюдать удивительный способъ прикладыванія къ святынѣ мусульманскихъ пилигриммовъ. Не имѣя возможности черезъ рѣшетку прикоснуться губами къ священному отпечатку—турокъ просовываетъ длинную палку, упираясь однимъ концомъ въ слѣды «рукъ Гавріила», къ другому-же концу, торчащему наружу, благоговѣйно прикладываются вѣрующіе. Sapienti sat!

Обойдя нѣсколько разъ обширную галлерею мечети, мы осмотрѣли достопримѣчательности, долго бывшія недоступными для иностранцевъ [2]). Марко указываетъ намъ обломокъ скалы, такъ называемый «камень Магомета». Онъ охраняется рѣшеткой; на немъ стоитъ серебряный сосудъ съ двумя волосами изъ бороды Пророка. Въ особомъ шкафу справа, близъ спуска въ пещеру, находящуюся подъ священной скалой, виденъ рѣзной шкафчикъ, въ которомъ хранится подлинный коранъ Магомета, его щитъ, мечъ Али и шелковое знамя Омара. Но лицезрѣть ихъ не могутъ очи гяура. Мы спускаемся по ступенямъ въ пещеру скалы, которую мусульмане считаютъ *висящей* на воздухѣ. Стѣны ея, выбѣленныя известью, однако наглядно доказываютъ, что скала покоится на весьма прочномъ основаніи. Металическія люстры прикрѣплены къ своду, слабо озаряя внутренность подземелья. Въ немъ насчиталъ я четырнадцать шаговъ, пока археологъ тщательно изслѣдовалъ стѣну. Любознательный докторъ допытывается, «гдѣ стопа Магомета», и почтенный мулла покорно обнажаетъ ему святыню, тщательно прикрытую металлическимъ футляромъ. Но пещера Куббетъ-Эсъ Сакрагъ не лишена и христіанскихъ воспоминаній. Здѣсь по преданію былъ убитъ пророкъ Захарія; близъ нея-же жила въ храмѣ Святая Дѣва. Сохранился даже каменный помостъ, служившій ей дѣвственнымъ ложемъ. Мусульмане указываютъ въ той же пещерѣ мѣста, гдѣ молились Авраамъ, Давидъ, Ааронъ, братъ Моисея и св. Георгій. Въ храмѣ обращаютъ вниманіе двѣ колонны изъ желтаго мрамора, оригинально свитыя въ жгутъ будто-бы сверхъ-естественной силой. Мулла показалъ намъ кусокъ мрамора, вдѣланный въ стѣну съ природными жилами, напоминающими своимъ очертаніемъ контуръ кувшина, поддерживаемаго дву-

---

[1]) Магометанское преданіе говоритъ, что пророкъ въ одну ночь перенесся сюда изъ Мекки, чтобы помолиться Аллаху. Здѣсь-же въ послѣдній день онъ возсядетъ судить народы вмѣстѣ съ Суди-Аисомъ, т. е. Іисусомъ Христомъ. Одна молитва на этой скалѣ стоитъ тысячи другихъ, по указанію Корана.

[2]) Первыми, вступившими въ эту мечеть, были герцогъ и герцогиня Брабантскіе и впослѣдствіи принцъ Вэльскій. Доступъ же остальнымъ путешественникамъ былъ открытъ во 2-й половинѣ текущаго столѣтія.

мя горлицами. Почти въ центрѣ пещеры есть каменная плита, издающая глухой звукъ при ударѣ ногою. Все заставляетъ думать, что внутри скалы находится глубокая впадина, которую турки называютъ *Биръ-Эль-Аруагъ, колодеземъ душъ*, дверью, ведущею въ подземное царство [1]). Крестоносцы одѣли священную скалу богатой мраморной оправой, учредивъ особый орденъ монаховъ тампліеровъ, блюстителей храма, и только со времени Саладина, изгнавшаго христіанъ, скала приведена была въ первобытный видъ, какой она и представляетъ теперь. Чѣмъ дольше остаетесь вы въ этой чудной сказочной обстановкѣ, тѣмъ больше она манитъ васъ къ себѣ, и вамъ долго не хочется уходить изъ подъ прохладныхъ сводовъ, изъ мягкаго сумрака, удивительно успокоивающаго нервы, на шумную, ярко освѣщенную, кипящую жизнью площадь Гарамъ-Эшъ-Шерифа.

III.

Дворъ великой мечети весь обставленъ непрерывными рядами самыхъ изящныхъ построекъ. Залитыя яркими лучами полуденнаго солнца, онѣ производятъ очаровательное впечатлѣніе. Глазъ съ трудомъ привыкаетъ различать въ этой изящной амфиладѣ отдѣльныя художественно выполненныя зданія. Очарованные, медленно бродимъ мы одинокой кучкой вслѣдъ за кавасами, которые поминутно торопятъ насъ, прося не отставать другъ отъ друга. Но какъ оторваться отъ этихъ волшебныхъ картинъ, уйти отъ живописной панорамы?.. Вотъ справа встаетъ передъ нами изящный фонтанъ Кэтбея, какъ-будто ушедшій подъ тѣнь развѣсистыхъ сикоморъ своей причудливой, испещренной выпуклыми арабесками, куполообразной вершиной. Стволы столѣтнихъ деревьевъ пробились сквозь каменную раму плитъ, одѣвшихъ непроницаемою бронею широко-разросшійся холмъ Морія. Мы огибаемъ восточную его часть, и Марко останавливаетъ насъ предъ прелестнымъ павильономъ, именуемымъ *Куббетъ-Эль-Берарегъ*, т. е. *глава судилища*. Сквозная многогранная колоннада прикрыта двѣнадцатиугольнымъ куполомъ. Она горитъ изразцами, сквозитъ тонкой художественной мраморной рѣзьбой на темномъ фонѣ окружающихъ ее зданій. Сказанія сѣдой древности пріурочили къ этому мѣсту *судилище псалмопѣвца царя*, лично разбиравшаго жалобы своего народа. Золотая цѣпь, говорятъ, соединяла съ священнымъ храмомъ

[1]) Мусульмане увѣряютъ, что каждую пятницу души праведниковъ собираются сюда для общей молитвы Всевышнему. Научныя изслѣдованія заставляютъ предполагать, что Биръ-Эль-Аруагъ служилъ нѣкогда стокомъ для жертвенной крови изъ храма Соломонова. Вѣроятно подземная труба выводила массу отбросовъ, неизбѣжныхъ при жертвоприношеніи, въ долину Кедронскаго потока.

Іеговы этотъ алтарь правосудія, и лишь только рука виновнаго прикасалась къ ней, какъ тотчасъ же изъ золотой цѣпи выпадало звено, обличая преступника [1]). Неумолимый драгоманъ спѣшитъ вести насъ дальше. Ему, очевидно, надоѣло въ сотый разъ показывать иностранцамъ одно и то же, повторять саги, въ которыя едва-ли онъ вѣритъ. Мы проходимъ мимо группы турокъ, застывшихъ въ своихъ живописныхъ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ вдоль навѣсовъ, въ тѣни мраморныхъ портиковъ, у подножья гигантскихъ кипарисовъ. Они провожаютъ насъ холодно-надменнымъ взоромъ, но все это молодежь, уже привыкшая къ посѣщеніямъ европейцевъ. А вотъ справо, почти у самой лѣстницы сквознаго мимбара, застылъ неподвижно въ молитвенномъ экстазѣ сѣдой старичекъ съ желто-пергаментнымъ лицомъ, еще сильнѣе оттѣненнымъ зеленою чалмою. Онъ полусидитъ, полустоитъ на колѣняхъ на маленькомъ коврикѣ, вдохновенно устремивъ глаза на дискъ золотого полумѣсяца, осѣняющаго завѣтный куполъ. Мы проходимъ отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, но онъ не удостоиваетъ насъ даже презрительнымъ взглядомъ. Вообще, христіанамъ, въ умѣньи вести себя на молитвѣ въ нашихъ храмахъ и часовняхъ, далеко не лишнимъ было-бы поучиться у мусульманъ благоговѣйному отношенію къ святынѣ. Мы огибаемъ теперь площадь съ западной стороны, и Марко указываетъ намъ здѣсь молельню Соломона и красивый мимбаръ *Борганъ-Эдъ-Динъ-Кади*. Но право не знаешь, на что смотрѣть больше: на отдѣльныя-ли художественныя бездѣлушки Гарама, или на всю очаровательную понараму, невольно приковывающую ваше вниманіе. Остановитесь на мигъ, оглянитесь... Вотъ вдали, изъ общей массы строеній, встаетъ предъ вами изящный Куббетъ-Эсъ-Сакрагъ. Высокій минаретъ, вонзаясь въ голубой небесный шатеръ, сверкаетъ сквозною розеткой, прикрѣпленной на самой вершинѣ. Безконечныя колоннады уходятъ справа и слѣва, оттѣняя своей бѣлизной зеленыя аллеи кипариса. Вправо, тусклымъ пятномъ чернѣютъ провалы *Виѳезды*, купели овчей, а далѣе глазъ едва различаетъ полуразрушенную башню Антонія. Желтый поясъ оградъ какъ-будто отодвинулъ на третій планъ крутые подъемы горы Масличной, и она тонетъ въ дали, въ темныхъ купахъ оливъ, увѣнчанная русской колокольней. А сзади васъ городъ... Какъ-будто сползая, надвигаются съ пологаго ската, безглазые домики-башни, угрожая засыпать грудами руинъ этотъ сказочный дворъ Эшъ-Шерифа. Въ голубой выси неба ни облачка. Жаръ палитъ невыносимо. Раскаленныя плиты Гарама испускаютъ теплоту, чувствительную даже черезъ толстую подошву. Мы спѣшимъ укрыться отъ зноя въ изящ-

[1]) Турки вѣрятъ, что именно здѣсь, въ день послѣдняго страшнаго суда, будутъ находиться вѣсы, на которыхъ Архангелъ будетъ взвѣшивать все доброе и злое, совершенное человѣкомъ при жизни.

ной *мечети Эль-Акса*, художественно задрапированной пышно разросшеюся зеленью деревьевъ.

Прекрасная аллея темныхъ кипарисовъ соединяетъ зеленой колоннадой мечеть Омара съ другой замѣчательной постройкой—мечетью-эль-Акса, *бывшаго храма Введенія Богоматери.* Темные неподвижные конусы ихъ задумчиво провожаютъ насъ, навѣвая меланхолическія грезы. Каменный парапетъ окаймляетъ устланную плитами широкую аллею. Мраморный фонтанъ углубленъ своимъ бассейномъ въ общій уровень плитъ и къ нему сходятъ четыре круглыя ступени. Холодными кристальными струями бьетъ вода, переполняя чашу и оттуда серебрянымъ дождемъ, тихо журчащимъ каскадомъ спадаетъ въ круглую цистерну. Мы подходимъ все ближе ко второй святынѣ Ислама. Вотъ она встаетъ предъ нами, выступаетъ изъ зелени бѣлыми готическими аркадами изящнаго фронтона. Надъ главною аркой входныхъ дверей, надъ стрѣльчатымъ выпуклымъ изломомъ сплошное кружево мраморовъ самой художественной отдѣлки. Тонкія колонки красиво драпируютъ углы пиллястръ. Зубчатою гранью сквозитъ баллюстрада, опоясывающая крышу. Надъ ней, въ самомъ центрѣ, три полукруглыхъ окна прорѣзываютъ каменный фронтонъ съ четырехгранной крышей. А за нимъ протянулось низкое зданіе самой мечети, только сзади осѣненное неизбѣжнымъ, высокимъ куполомъ. Паперть современной мечети византійскаго стиля должна быть отнесена къ VII вѣку. Ранѣе существовала здѣсь древняя базилика Юстиніана, обращенная крестоносцами въ церковь *Введенія Пресвятой Дѣвы.* Длинный нефъ этого храма напоминаетъ собою преддверіе Виѳлеемскаго вертепа, однороднаго по типу съ постройками временъ византійскихъ императоровъ. Саладинъ, отнявъ у христіанъ Іерусалимъ, тотчасъ установилъ въ немъ мусульманское богослуженіе [1]). Впрочемъ судьбы этой мечети крайне разнообразны. На ряду съ византійцами въ ней хозяйничали и крестоносцы, учредившіе здѣсь *царскія палаты* такъ называемаго «Соломонова дворца». Короли іерусалимскіе раздавали ее по частямъ различнымъ монашествующимъ орденамъ [2]).

Снова подвязавъ надоѣдливыя бабуши, мы вступаемъ во внутренность этой осиротѣлой церкви. Шесть рядовъ круглыхъ колоннъ византійскаго стиля поддерживаютъ стрѣльчатыя арки, а надъ ними въ поразительной вышинѣ семи проходовъ идутъ въ два ряда узкія

---

[1]) Мечеть эта была художественно отдѣлана калифами Абдъ-эль-Меликомъ и Абу-джафаръ-эль-Мансуромъ. Эль-Магди реставрировалъ ее послѣ бывшаго замлетрясенія, и она долго носила названіе *Меджидъ-эль-Акса.* Особенно замѣчателенъ въ ней потолокъ изъ стариннаго кедроваго дерева. Конструкція его сходна съ такимъ-же потолкомъ въ Виѳлеемскомъ храмѣ Рождества Христова.

[2]) Напримѣръ, Балдуинъ II тампліерамъ, рыцарямъ храма, и эль-Акса извѣстна была тогда подъ именемъ храма Соломонова. Какъ храмъ Введенія Богоматери онъ полонъ библейскихъ и христіанскихъ воспоминаній.

окна. Проходы эти постепенно понижаются вправо и влѣво. Потолка нѣтъ; толстыя балки безконечными рядами налегаютъ на длинныя стѣны, грубо выбѣленныя известью. Мѣстами на нихъ намалеваны незатѣйливыя арабески, но, вообще, послѣ мечети Омара убранство эль-Аксы кажется убогимъ. Готическая арка въ южной части храма образуетъ молитвенный мирабъ, священный алтарь мусульманства. Она вся блещетъ яркой позолотой и какъ будто задрапирована складками прихотливо подобранныхъ матерій. Надъ нею двѣ картины, писанныя масляными красками, изображаютъ какія-то зданія, но у сѣдовласаго муллы я не могъ добиться объясненія. Справа изящный мимбаръ, весь точеный изъ дерева и подлѣ него, на кускѣ грубаго камня, вамъ укажутъ отпечатокъ стопы Спасителя [1]). Въ числѣ священныхъ реликвій эль-Аксы, Марко подробно указываетъ намъ гробницы сыновъ Аарона и молельню Омара. Каменный порогъ обозначаетъ то мѣсто, гдѣ праведный Симеонъ принялъ на свои руки Божественнаго Младенца, отпускавшаго изъ міра суеты и скорби «раба, по глаголу Своему съ миромъ». Вблизи главной галлереи находятся знаменитыя *колонны испытанія*. Близко поставленныя одна къ другой, онѣ обладаютъ, по увѣренію турокъ, чудесною силой отличать праведныхъ отъ злыхъ—преданіе извѣстное еще крестоносцамъ [2]). Въ узкій пролетъ между ними легко пролезалъ каждый честный мусульманинъ, какой-бы толщины онъ ни былъ, а порочный, несмотря на свою худобу, застревалъ тотчасъ-же, какъ недостойный будущаго рая. Фанатизмъ турецкихъ женщинъ, особенно часто и охотно прибѣгавшихъ къ этимъ колоннамъ испытанія для скорѣйшаго разрѣшенія отъ бремени, побудилъ правительство султана задѣлать пролетъ металлической рѣшеткой. Но колонны отъ постоянныхъ опытовъ поразительно вытерлись съ внутренней стороны, несмотря на удивительную прочность мрамора.

Подробно осмотрѣвъ мечети Эль-Акса, мы рѣшили спуститься въ обширныя подземелья, идущія, говорятъ, подо всей площадью Гарама. При спускѣ у лѣстницы, провожавшій насъ мулла, видимо довольный размѣрами бакшиша, указалъ намъ углубленіе, въ которомъ виднѣется какъ-бы каменная колыбель съ широкой скамьею. Поклонникамъ этотъ уединенный уголокъ мечети выдается за мѣсто обрѣзанія Спасителя,

---

[1]) Другой оттискъ находится въ мечети Вознесенія на горѣ Елеонской. По преданію, камень раскололся пополамъ, и одна его половина, по какой-то странной случайности, попала именно сюда, но кто перенесъ ее и когда — объ этомъ нѣтъ никакихъ указаній.

[2]) Рыцари храмовники, заподозрѣнные въ преступленіяхъ и не хотѣвшіе сознаться въ своей винѣ, должны были подвергаться этому Божескому Суду въ присутствіи братіи и начальника ордена. Трудно однако прослѣдить зародышъ такого страннаго обычая, такъ какъ онъ появляется только со времени господства крестоносцевъ въ Палестинѣ.

куда принесла своего первенца Св. Дѣва. Мы спустились по сырымъ влажнымъ ступенямъ въ темную утробу земли. Глазъ съ трудомъ различаетъ громадныя колонны, безконечные аркады сомкнувшихся надъ головою сводовъ. Хорошо отшлифованные камни поражаютъ васъ своимъ размѣромъ [1]). Таинственное подземелье Гарама это поистинѣ циклопическая постройка. Но оно кажется ничтожнымъ по сравненію съ другимъ, еще болѣе обширнымъ подземнымъ чертогомъ, куда провелъ насъ Марко и которое извѣстно подъ именемъ *подземелья трехъ тысячъ колоннъ*. Оно находится въ юго-восточномъ углу Гарама, и древность его не подлежитъ сомнѣнію. Очевидно, что происхожденіемъ своимъ эти безконечные корридоры и арки обязаны Соломону, мудрому устроителю Моріа. Чтобы сравнять крутой спускъ къ Іосафатовой долинѣ, приходилось воздвигать обширные своды на каменныхъ столбахъ, что расширяло поверхность холма, предназначавшагося служить фундаментомъ великому храму [2]). Марко обращаетъ наше вниманіе на желѣзныя кольца, ввинченныя въ каменныя колонны почти у самаго основанія. Онъ указываетъ нѣчто похожее на каменныя корыта, служившія, по его увѣренію, для корма лошадей, такъ какъ крестоносцы, занявъ Іерусалимъ, устроили здѣсь конюшни. Въ дни Ирода и во время господства римлянъ сюда заключали преступниковъ, а позднѣе, при осадѣ Іерусалима Титомъ, здѣсь же укрывалось цѣлое населеніе съ своими дѣтьми и имуществомъ. На существованіе подземныхъ погребовъ Іерусалима указываютъ и древнѣйшіе историки, какъ Іосифъ, Тацитъ, Деонъ, Кассій и др. Извѣстенъ эпизодъ изъ исторіи осады, когда Іоаннъ Гисхала и Симонъ Гіоръ, долго скрывавшіеся въ этихъ катакомбахъ, вынуждены были голодомъ выйти на свѣтъ Божій къ немалому ужасу римскихъ воиновъ [3]). Спертый удушливый воздухъ этой темной, земной утробы начинаетъ непріятно давить грудь, голова кружится, васъ тянетъ на воздухъ. Съ рѣзкой болью въ глазахъ вышли мы на террасу Гарама. Золотистымъ поясомъ убѣгаетъ зубчатая гряда крѣпостныхъ стѣнъ, мѣстами порванныхъ четырехгранными башнями. Марко ведетъ насъ къ отверстію, пробитому въ толщѣ стѣны, надъ ко-

[1]) Гидъ пріурочиваетъ къ этимъ аркамъ древнія ворота пророчицы Гульды, существуетъ преданіе, что здѣсь-же не разъ проходилъ Спаситель на молитву въ Іерусалимскій храмъ.

[2]) По изслѣдованію Катервуда и Берклея, колонны, на которыхъ покоятся своды, составляютъ пятнадцать параллельныхъ рядовъ, постепенно уменьшающихся въ высоту по мѣрѣ подъема почвы. Трудно точно опредѣлить пространство этихъ безконечныхъ катакомбъ, но приблизительно онѣ занимаютъ метровъ 60 къ сѣверу, до 40 къ западу и 50 къ востоку. Большая часть ихъ завалена мусоромъ, перегорожена стѣнами новѣйшей кладки, но, по указаніямъ Тацита, подъ ними должны находиться еще огромныя цистерны, снабжавшія Іерусалимъ водою при осадахъ. (Смыш. 117).

[3]) См. «Разореніе Іерусалима» Эрнеста Ренана, стр. 67. изд. 1886 г.

торымъ торчитъ обломокъ гранита. Это и есть знаменитое *окно судилища*, гдѣ, по убѣжденію турокъ, возсядетъ Магометъ въ день Страшнаго Суда вмѣстѣ со Спасителемъ [1]).

Изъ библейскихъ святынь нельзя пройти молчаніемъ священной *стѣны іудейскаго плача*, куда вѣками собирается израиль изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ міра. Въ узкомъ, тѣсномъ, грязномъ переулкѣ, примыкающемъ къ юго-западной сторонѣ Гарама, изъ-подъ пластовъ позднѣйшихъ наслоеній ярко проступаетъ фундаментъ стѣны — подножіе священной Моріа, современницы Соломона. Сажень шесть въ высоту идутъ огромныя тесанныя плиты, проросшія по трещинамъ мхомъ, источенныя вѣками. Сюда-то собираются разсѣянные по лицу земли потомки Авраама, чтобы плакать, изливать свою скорбь у священной ограды — свидѣтельницы былаго величія и славы ихъ предковъ. Была пятница, и мы застали здѣсь группу евреевъ въ типичныхъ халатахъ, съ длинными пейсами, съ завитками, выбивающимися изъ-подъ полей широкихъ шляпъ, картузовъ и ермолокъ. Нѣсколько женщинъ въ бѣлыхъ покрывалахъ сидѣли, прильнувъ лбами къ холоднымъ камнямъ и жалобно причитали, цѣлуя со слезами холодную стѣну. Порабощенный израиль ждетъ своего Мессію. Онъ все еще надѣется воскресить былую славу, утраченную навѣки. Онъ не хочетъ признать ужасныхъ пророчествъ, свершившихся на мѣстѣ его «Святая святыхъ», не хочетъ примириться съ судьбою, предначертанною отвергнутымъ Учителемъ. Когда глядишь на массивы одинокаго фундамента, на этотъ жалкій остатокъ царственнаго великолѣпія чертоговъ великаго Ирода, невольно вспоминаешь слова, полныя грустной укоризны: «Истинно говорю вамъ, что все сіе прійдетъ на родъ сей. Видите-ли все это? Истинно говорю вамъ, не останется здѣсь камня на камнѣ, все будетъ разрушено» [2]). Это пророчество сбылось дословно. Исполнитель неумолимой судьбы, римскій полководецъ, тщетно стремится спасти отъ разрушенія храмъ съ его царственнымъ великолѣпіемъ и роскошью [3]). Несмотря на строжайшій приказъ Тита, разъяренные сопротивленіемъ солдаты, оберегающіе огонь, «безъ всякаго приказанія и какъ-бы по сверхъественному

[1]) Поэтическая легенда иллюстрируетъ такъ эту страшную минуту: черезъ Геенну отсюда, надъ обрывомъ долины Суда Божьяго, протянется тонкій паутиновый мостъ на вершину горы Елеонской. Трубный гласъ Архангела созоветъ души праведныхъ и грѣшныхъ и они пойдутъ со стѣны черезъ мостъ къ мѣсту Вознесенія Спасителя. Только праведные достигнутъ священной вершины, а грѣшниковъ поглотитъ адъ, раскроющій свои черныя бездны на днѣ долины Іосафата.

[2]) Еванг. Матѳ. гл. XXIII, 36, гл. XXIV, 2—17.

[3]) Впрочемъ источники расходятся во взглядахъ. Іосифъ говоритъ, что Титъ стоялъ за спасеніе храма; по Тациту-же, онъ будто-бы настаивалъ на необходимости его разрушенія, чтобы уничтожить въ евреяхъ суевѣріе о возрожденіи царства, пока цѣлъ священный алтарь Іеговы (Ренанъ. «Разореніе Іерусалима», стр. 59).

побужденію», бросаютъ горящую головню въ одно изъ оконъ храма, и обреченный на гибель чертогъ Іеговы тонетъ въ морѣ огня. Даже личное присутствіе Тита, ради Агриппы, Іосифа и Вероники готоваго сохранить и спасти святыню евреевъ, не помогаетъ затушить пламени разбушевавшейся стихіи. Позднѣе римскій полководецъ открыто высказываетъ мысль, что онъ исполнялъ только миссію, возложенную на него Провидѣніемъ. Историкъ Іосифъ утверждаетъ, что Титу «пріятны были цитируемыя мѣста пророчествъ, гдѣ говорилось объ окончательныхъ судьбахъ св. града», и онъ открыто приписывалъ свою побѣду Богу, какъ знакъ особаго, высшаго къ себѣ благоволенія [1]). Такъ погибъ одинъ изъ блестящихъ алтарей, посвященныхъ Единому Богу на высотахъ Моріа.

Борисъ Коржепевскій.

---

[1]) Филостратъ въ своей «Vie d'Apollo», VI. 29, утверждаетъ, что Титъ отказался отъ тріумфальныхъ вѣнковъ, такъ какъ побѣда надъ Іерусалимомъ принадлежала не ему, а разгнѣванному Богу, орудіемъ воли котораго онъ явился для іудеевъ.

*
* *

Надъ угрюмой далью лѣса
Съ пожелтѣвшею листвой —
Мутно сѣрая завѣса
Капель влаги дождевой.

Лишь осеннее ненастье
Громко плачетъ за окномъ —
О потерянномъ-ли счастьи,
Промелькнувшемъ свѣтлымъ сномъ;

О красѣ-ль недавней лѣта,
О веснѣ-ли молодой,—
Но звучитъ рыданье это
Безконечною тоской.

И подъ свистъ осенней бури
Жадно въ сумракѣ глухомъ
Ищешь проблесковъ лазури
Съ прежнимъ свѣтомъ и тепломъ.

И въ мечтахъ неисполнимыхъ
Ждешь и ждешь ихъ безъ конца,
Какъ улыбки устъ любимыхъ,
Какъ любимаго лица!

Н. Соколовъ.

СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ.

Романъ Генриха Сенкевича.

(Переводъ съ польскаго **М. Кривошеева**).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XV.

На слѣдующій день, когда Маринfamiліяя совершенно одѣтая вышла къ мужу, онъ почти не узналъ ея. Въ черномъ платьѣ и съ черной кружевной косынкой на головѣ она казалась куда выше, тоньше, стройнѣе и старше. Но ему понравилась въ ней какая-то особенная серьезность, напомнившая ему торжественную минуту ихъ вѣнчанія. Спустя полчаса, они сѣли въ экипажъ и поѣхали. По дорогѣ Маринья призналась ему, что испытываетъ какой-то безотчетный страхъ и что сердце у нея сильно бьется; онъ, шутя, успокоивалъ ее, хотя и самъ былъ нѣсколько взволнованъ, а когда они вскорѣ въѣхали въ гигантскій полукругъ передъ храмомъ св. Петра, Поланецкій почувствовалъ, что и у него пульсъ бьетъ не такъ, какъ обыкновенно, ему стало казаться, будто онъ вдругъ сталъ какъ-то меньше ростомъ, сталъ какъ-то меньше обыкновеннаго. У подъѣзда, гдѣ стояло нѣсколько великолѣпныхъ швейцаровъ, какъ-бы композиціи Микель-Анджело, Поланецкіе встрѣтили поджидавшаго ихъ Свирскаго, который провелъ ихъ наверхъ среди цѣлой толпы бельгійцевъ. Нѣсколько растерявшаяся Маринья, незамѣтно для самой себя, очутилась въ обширной залѣ, въ которой толпилось еще больше народу, занимая всю ее, кромѣ середины, составлявшей широкій свободный проходъ, охраняемый разставленными шпалерами швейцарами. Толпа, въ которой раздавался французскій и фламандскій говоръ, перешептываясь между собой пониженнымъ голосомъ, направляла и глаза и головы къ этому проходу,

гдѣ время отъ времени появлялись изъ сосѣдней залы фигуры въ странныхъ одѣяніяхъ, при видѣ которыхъ Поланецкій мыслями переносился въ антверпенскія и брюссельскія галлереи. Ему казалось, что вдругъ ожили и воскресли давно канувшіе въ вѣчность средніе вѣка: въ залѣ то появлялся словно средневѣковый рыцарь со стальнымъ панцыремъ на груди, но только не въ такомъ шлемѣ, какъ на старинныхъ картинахъ; то величаво проходилъ герольдъ въ короткой красной далматикѣ и съ краснымъ беретомъ на головѣ; часто мимо полуоткрытыхъ дверей мелькали пурпуровыя мантіи кардиналовъ или фіолетовыя епископовъ, страусовыя перья, бѣлыя кружева на черномъ бархатѣ, престарѣлыя головы съ побѣлѣвшими волосами, или лица, которыя можно встрѣтить только на древнихъ саркофагахъ. Однако, видно было, что взоры толпы какъ-бы лишь мимоходомъ скользили по этимъ страннымъ одеждамъ, по этимъ яркимъ цвѣтамъ и лицамъ, что глаза ихъ ждутъ чего-то другого, высшаго, и сердца ихъ такъ-же ждутъ чего-то другого,—что вниманіе сосредоточивается въ умахъ, а чувство въ сердцахъ, въ ожиданіи такой минуты, которая переживается въ жизни только разъ, но остается въ памяти навсегда. Поланецкій, держа Марыню за руку, чтобы не потеряться въ толпѣ, чувствовалъ, какъ эта рука дрожитъ отъ охватившаго ее волненія, а самъ онъ, среди этой онѣмѣвшей отъ волненія толпы, среди этихъ бьющихся сердецъ, среди этого историческаго величія и словно воскресшихъ древнихъ временъ, среди этой напряженности и ожиданія--снова испытывалъ странное ощущеніе: ему все казалось, что онъ съ каждой минутой становится все меньше и меньше, становится такимъ маленькимъ, какимъ не бывалъ еще никогда въ жизни.

Вдругъ около нихъ раздался тихій, задыхающійся голосъ:

— Я искалъ васъ и еле нашелъ. Кажется, что скоро...

Но оказалось, что нескоро. Къ Свирскому подошелъ знакомый его кардиналъ и, сказавъ ему что-то, ввелъ ихъ небольшое общество въ сосѣднюю залу, обитую красною матеріей. Поланецкій съ удивленіемъ замѣтилъ, что и здѣсь было полно народу, кромѣ одного угла залы, ревниво охраняемаго почетной стражей, гдѣ на возвышеніи стояло кресло, а передъ нимъ нѣсколько прелатовъ и епископовъ, дружно бесѣдовавшихъ между собой. Здѣсь ожиданіе и напряженность выступали еще рѣзче. Такъ и видно было, что всѣ кругомъ удерживаютъ дыханіе. на всѣхъ лицахъ читалось выраженіе торжественности и таинственности. Синеватая прозрачность дня, сливаясь съ пурпуровымъ отблескомъ обоевъ, наполняли залу какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ, въ которомъ врывавшіеся въ окно солнечные лучи казались красноватыми, почти багряными.

Прошло еще нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія. Наконецъ. въ первой залѣ послышалось словно жужжаніе, потомъ шопотъ, потомъ крикъ, наконецъ, въ открытыхъ боковыхъ дверяхъ появилась бѣлая фи-

гура, несомая почетными гвардейцами. Рука Марини нервно сжала руку Поланецкаго, онъ отвѣтилъ ей такимъ-же пожатіемъ и, какъ въ торжественную минуту ихъ вѣнчанія, предъ Поланецкимъ начала проноситься цѣлая вереница различныхъ впечатлѣній, сливавшихся въ одно общее сознаніе какой-то исключительной и торжественной грандіозности этого момента.

Одинъ изъ кардиналовъ началъ говорить рѣчь, но Поланецкій не слыхалъ и не понималъ ее. Его глаза, его мысли, вся его душа ушли въ эту одѣтую въ бѣлое фигуру. Ничто не ускользнуло отъ его вниманія. Его поразило крайнее истощеніе, миніатюрность, худоба этой фигуры и ея лицо, такое блѣдное и прозрачное, какъ лица покойниковъ. Въ ней было что-то безсильное и ему, по крайней мѣрѣ, она показалась на половину только тѣломъ, остальное-же показалось ему видѣніемъ, свѣтомъ, просвѣчивающимъ сквозь алебастръ, духомъ, воплощеннымъ въ какой-то прозрачной матеріи, звеномъ между двумя мірами, — звеномъ, въ которомъ, кромѣ человѣческаго, было уже и сверхчеловѣческое, кромѣ земного,—было уже и неземное. И по какой-то странной антитезѣ, матерія въ этой фигурѣ казалась чѣмъ-то призрачнымъ, духъ чѣмъ-то вполнѣ реальнымъ.

А потомъ, когда всѣ стали приближаться къ ней за благословеніемъ, когда Поланецкій увидалъ у стопъ ея свою Мариню, когда онъ почувствовалъ, что къ этимъ наполовину уже мощеобразнымъ колѣнамъ можно склониться, какъ къ отцовскимъ, его охватило невыразимо сильное, потрясающее волненіе, глаза его закрылись словно въ туманѣ—и дѣйствительно!—онъ никогда еще въ жизни не чувствовалъ себя такой крошечной, такой малой песчинкой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ почувствовалъ себя песчинкой, въ которой бьется благодарное сердце ребенка.

Затѣмъ они вышли молча, словно не смѣя заговорить. У Марини глаза были такіе, точно она только пробудилась отъ сна, а у профессора Васковскаго руки такъ и дрожали. Букацкій притащился къ завтраку, но онъ чувствовалъ себя нездоровымъ и ему не удалось оживить разговоръ и даже Свирскій во время сеанса говорилъ очень мало и, постоянно возвращаясь къ тому-же самому предмету, повторялъ иногда:

— Да, да! Нужно это видѣть, чтобы получить объ этомъ хоть малѣйшее понятіе! Это никогда не изгладится изъ памяти...

Вечеромъ Поланецкій съ Мариней отправились смотрѣть на закатъ солнца изъ Trinitá dei Monti. День тихо и ясно клонился къ вечеру. Городъ весь тонулъ въ блескѣ золотистой пыли; у ногъ ихъ, внизу, на Piazza d'Espagna, начинали уже спускаться сумерки, но сумерки еще свѣтлы. Въ ихъ мягкихъ тонахъ видны были въ окнахъ цвѣточныхъ магазиновъ по обѣ стороны Condotti сирень, ирисы и бѣлыя лиліи. Вся картина была проникнута какимъ-то великимъ и ненарушимымъ спокойствіемъ,

словно тихая предвѣстница ночи и сна. Потомъ Испанская площадь начала все глубже и глубже уходить въ тѣнь, только Trinitá все продолжала горѣть пурпуромъ.

И Поланецкій, и Маринія чувствовали это спокойствіе въ себѣ. Они спускались теперь съ гигантской лѣстницы, проникнутые до самой глубины души какимъ-то удивительнымъ спокойствіемъ. Всѣ впечатлѣнія дня укладывались въ нихъ такими великими и спокойными линіями, какъ полосы вечерней зари, еще свѣтившійся надъ ними.

— Знаешь, что у меня врѣзалось въ памяти еще съ дѣтскихъ лѣтъ?— сказалъ, наконецъ, Поланецкій.—У насъ въ домѣ вечерняя молитва всегда читалась всѣми вмѣстѣ.

И онъ вопросительно посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Ахъ, мой Стахъ,—отвѣтила она дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ,—я только не смѣла тебѣ предложить,—дорогой мой!

— „Служба Божія!" помнишь?—спросилъ онъ.

Гдѣ ей было теперь помнить объ этомъ,—она сказала это когда-то въ простотѣ сердечной, какъ вещь, которая сама собою такъ понятна...

XVI.

Поланецкій, какъ былъ, такъ и продолжалъ быть въ немилости у пани Основской. Встрѣчаясь съ нимъ у Свирскаго въ промежуткахъ между ея сеансомъ и сеансомъ Марини, она обращалась къ нему настолько, насколько этого требовали вѣжливость и благовоспитанность. Поланецкій отлично видѣлъ это и только иногда задавалъ себѣ вопросъ: „чего отъ меня эта баба хочетъ?" не обращая на это особаго вниманія. Но онъ обращалъ-бы его еще меньше, будь „этой бабѣ" не двадцать восемь, а пятьдесятъ восемь лѣтъ, не будь у нея глазъ, какъ фіалки, и губъ, какъ вишни. Такова ужъ человѣческая природа, что, не желая и не ожидая отъ нея ровно ничего, онъ все-же не могъ воздержаться отъ мысли о томъ, что было-бы, еслибы онъ въ самомъ дѣлѣ заискивалъ ея расположенія и до чего она способна была-бы дойти.

Они совершили вчетверомъ еще одну прогулку въ катакомбы св. Каликста, такъ какъ Поланецкій не хотѣлъ остаться въ долгу и заплатилъ любезностью за любезность, точнѣе экипажемъ за экипажъ. Но прогулка эта не принесла примиренія. Они обращались другъ къ другу лишь настолько, чтобы не обратить на себя вниманія,—и это, наконецъ, начинало его злить. Дѣйствительно, поведеніе пани Основской установило между ними какія-то особыя отношенія, правда, несовсѣмъ доброжелательныя, но за то никому, кромѣ нихъ, неизвѣстныя, нѣчто такое, что касалось только ихъ обоихъ, нѣчто вродѣ тайны, въ которую никто посторонній не былъ посвященъ. Поланецкій думалъ, что навѣрное всему

этому наступитъ конецъ, когда портретъ ея будетъ оконченъ; но оказалось, что хотя лицо на портретѣ было уже совершенно готово, оставалась еще масса деталей, для которыхъ присутствіе прелестной модели было весьма и весьма необходимо.

Свирскій, не желая терять времени, просилъ Поланецкихъ приходить раньше и они, такимъ образомъ. всегда заставали Основскихъ еще въ мастерской художника. Иногда они оставались нѣсколько лишнихъ минутъ, чтобы поздороваться и поболтать о впечатлѣніяхъ вчерашняго дня, иногда-же пани Основская посылала мужа за какимъ-нибудь порученіемъ— и тогда онъ, уходя раньше, оставлялъ ей экипажъ, который ждалъ ее передъ мастерской художника.

Разъ случилось такъ, что Марыня сѣла позировать еще до ухода пани Основской; послѣдняя, узнавъ о томъ, что Поланецкіе были вчера въ театрѣ, заговорила, надѣвая уже передъ зеркаломъ шляпку и застегивая перчатки, объ оперѣ и о пѣвцахъ.

— А теперь,—обратилась она къ Поланецкому,—попрошу васъ провести меня до экипажа.

И накинувъ на плечи пальто, она стала искать лентъ, пришитыхъ къ подкладкѣ сзади у пояса.

— Я въ перчаткахъ не могу найти этихъ противныхъ лентъ,—сказала она остановившись въ передней.—Сжальтесь надо мной!

Поланецкій началъ искать лентъ, и при этомъ долженъ былъ чуть-ли не обнять ее.

Одно мгновеніе отъ страсти у него чуть не потемнѣло въ глазахъ, тѣмъ болѣе, что она наклонилась къ нему такъ, что онъ чувствовалъ теплоту ея тѣла.

— За что вы на меня сердитесь?—спросила тихо она.—Это не хорошо! Я такъ нуждаюсь въ сочувствіи къ себѣ... Что я вамъ сдѣлала?

Онъ между тѣмъ нашелъ ленты, отступилъ назадъ, и уже овладѣвъ собою, съ грубымъ самодовольствіемъ человѣка рѣзкаго, желающаго подчеркнуть свой тріумфъ и дать почувствовать, что онъ вышелъ цѣлъ и невредимъ, рѣзко отвѣтилъ:

— Вы ничего мнѣ не сдѣлали и ничего не можете сдѣлать.

Но она отразила его дерзость, какъ мячикъ въ лаунъ-теннисѣ:

— Я иногда такъ мало обращаю вниманія на людей, что почти ихъ не замѣчаю.

И они молча дошли до экипажа.

„Вотъ оно что!—думалъ Поланецкій, возвращаясь въ мастерскую.— Значитъ, тамъ способны дойти до всего, до чего только вздумается!..“

И снова дрожь пробѣжала по его тѣлу съ головы до самыхъ пятокъ.

— ...Дойти до всего, до чего только вздумается,—повторилъ онъ.

И онъ нисколько не сознавалъ, что онъ дѣлаетъ ту-же ошибку, ка-

кую дѣлаютъ каждый день десятки мужчинъ, любителей охотиться на чужой землѣ. Пани Основская, правда, была кокетка съ сухимъ сердцемъ и уже развращеннымъ умомъ, но сотни миль отдѣляли ее еще отъ полнаго физическаго паденія.

Поланецкій вернулся въ мастерскую съ сознаніемъ какой-то огромной жертвы, принесенной имъ Маринѣ, и искреннимъ сожалѣніемъ, что, во-первыхъ, Мариня никогда объ этой жертвѣ не узнаетъ и, во-вторыхъ, что узнай она даже объ этомъ, она отнесется къ его геройскому поступку, какъ къ чему-то совершенно естественному. Сознаніе это злило Поланецкаго, и глядя на нее, на ея чистые глаза, на ея лицо, полное спокойствія и благородной красоты, онъ мысленно сравнилъ этихъ двухъ женщинъ, и подумалъ:

„О, Мариня!.. такая скорѣе-бы сквозь землю провалилась! Ей вѣрить можно!“

И удивительно! Въ этомъ несомнѣнно было признаніе за Мариней великаго ея качества, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, была въ этомъ и доля пренебрежительнаго состраданія и даже нѣчто вродѣ раздраженія. Душа Марини была теперь настолько его, что онъ даже считалъ лишней обязанностью признавать ея достоинства.

И во время остальныхъ сеансовъ мысли его всегда кружились на пани Основской. Онъ думалъ, что она просто перестанетъ подавать ему руку, но оказалось, что онъ снова ошибся. Наоборотъ, желая показать ему, что она не придаетъ ровно никакого значенія ни ему, ни его словамъ, она даже стала относиться къ нему любезнѣе чѣмъ прежде. Только у пана Основскаго лицо стало такое, точно Поланецкій его кровно обидѣлъ, и онъ становился къ нему все холоднѣе и холоднѣе, вѣроятно, вслѣдствіе разговоровъ съ „Анеткой“.

Но обстоятельства послѣднихъ дней совершенно изгладили изъ памяти Поланецкаго всѣ эти впечатлѣнія. Букацкій послѣднее время все хворалъ, сильно жаловался на головную боль въ затылочной части и на такое странное чувство, точно его цѣликомъ выварили и переварили. Юморъ его время отъ времени еще проявлялся, но онъ, воспламеняясь, сразу-же потухалъ, какъ фейерверкъ. Онъ все рѣже и рѣже сталъ появляться на общихъ обѣдахъ въ отелѣ. Наконецъ, какъ-то разъ утромъ Поланецкій получилъ отъ него записку, написанную нетвердой рукой, которая гласила:

„Дорогой мой, кажется вчера ночью я сталъ уже собираться въ далекій путь. Если хочешь присутствовать при отъѣздѣ, то приходи ко мнѣ, разумѣется, если тебѣ не предстоитъ ничего лучшаго“.

Поланецкій скрылъ отъ Марини записку и немедленно отправился. Онъ нашелъ Букацкаго въ постели, а при немъ и доктора, котораго, впрочемъ, Букацкій сейчасъ-же отпустилъ.

— Ты меня ужасно напугалъ,—сказалъ Поланецкій.—что съ тобой?

— Ничего страшнаго: маленькій параличикъ лѣвой части тѣла.

— Побойся Бога!

— Твоя рѣчь—истина святая! Если когда-нибудь и пора была объ этомъ подумать, то именно теперь. Я не владѣю ни лѣвой рукой, ни лѣвой ногой и не могу двинуться съ мѣста. Въ такомъ положеніи я проснулся сегодня утромъ. Сначала думалъ, что я лишился и языка и началъ декламировать:

„Per me si va...“ И, какъ видишь, ничего. Языкъ дѣйствуетъ—только теперь хочу еще вернуть себѣ полное сознаніе.

— Развѣ ты навѣрно знаешь, что это параличъ? Можетъ быть, это только временное онѣмѣніе.

— „Что жизнь?—одно лишь мгновенье!..“—началъ декламировать Букацкій.—Я не могу двинуться—значитъ, все кончено—или, если хочешь: началось!

— Это было-бы ужасно, но мнѣ вѣрить не хочется. У каждаго можетъ случиться временное онѣмѣніе.

— „Бываютъ иногда въ жизни непріятности“, сказалъ карась, съ котораго кухарка снимала ножемъ чешую. Признаюсь тебѣ, въ первую минуту мною овладѣлъ страхъ. Испыталъ-ли ты когда-нибудь, что у тебя волосы дыбомъ становятся на головѣ? Нельзя сказать, чтобы это чувство было изъ пріятныхъ. Но теперь вернулось ко мнѣ мое равновѣсіе, прошло всего три часа, а мнѣ такъ и кажется, что я съ моимъ параличомъ живу уже цѣлыхъ десять лѣтъ. Это вопросъ только привычки!—какъ говорилъ грибъ, когда его жарили на сковородѣ. Я много болтаю потому, что у меня осталось немного времени. Ты знаешь, мой дорогой? Я черезъ два дня умру.

— Ужъ дѣйствительно болтаешь! Паралитики живутъ по тридцати лѣтъ.

Букацкій отвѣтилъ:

— Даже по сорока! Параличъ, это такая роскошь, какую могутъ себѣ позволить другіе, но не такіе, какъ я. Для здороваго человѣка, у котораго крѣпкая спина, крѣпкія плечи и крѣпкія ноги, это, можетъ быть, даже своего рода отдыхъ, своего рода покой послѣ веселой молодости, удобное время для размышленія, — но не для меня... Помнишь, какъ ты подтрунивалъ надъ моими ногами? Такъ скажу тебѣ, что тогда у меня было elefantiasis въ сравненіи съ тѣмъ, что у меня теперь. Это неправда, что человѣкъ представляетъ собой твердое тѣло; я—только линія и къ тому-же линія, идущая, безъ всякихъ шутокъ,—*въ безконечность.*

Поланецкій началъ спорить, пожимать плечами, ссылаться на знакомые ему примѣры, но Букацкій отвѣтилъ:

— Оставь, пожалуйста! Я чувствую и знаю, что черезъ нѣсколько дней наступитъ параличъ мозга. Я никому не говорилъ, что ужъ годъ цѣлый ждалъ этого изо дня на день и много прочелъ въ этотъ годъ медицинскихъ книжекъ... Еще одинъ припадокъ и тогда конецъ.

Онъ замолчалъ, но черезъ минуту снова заговорилъ:

— А ты думаешь, что я этого не хочу? Подумай только, я одинокъ какъ перстъ. У меня нѣтъ никого... И тутъ, и даже въ Варшавѣ, за мной могутъ ухаживать только люди чужіе, которымъ надо за это платить. Ужасно подлая жизнь: безъ движенія, а кругомъ ни одного близкаго существа! Когда я лишусь языка, какъ я лишился рукъ и ногъ, то любая сидѣлка или любой фельдшеръ, если захотятъ, будутъ бить меня по лицу, сколько душѣ ихъ будетъ угодно. А надо тебѣ знать одну вещь. Въ первую минуту я дѣйствительно испугался паралича, но въ моемъ жалкомъ тѣльцѣ сидитъ гордая душа; вспомни только, что я тебѣ когда-то говорилъ, что я смерти не боюсь. И не боюсь ея!

Въ глазахъ Букацкаго блеснулъ огонекъ отваги и энергіи, укрытой гдѣ-то на днѣ его свихнувшейся, размякшей души.

Но Поланецкій, у котораго было доброе сердце, заговорилъ съ трогательной искренностью, положивъ свою руку на его омертвѣвшую ладонь:

— Мой Адзя! только не думай, что мы тебя такъ оставимъ и что ты такъ одинокъ, какъ тебѣ кажется, и не говори, что у тебя нѣтъ никого. Гдѣ же я? моя жена? Свирскій? Васковскій? Бигели? Ты для насъ не чужой. Я перевезу тебя въ Варшаву, помѣщу тебя куда-нибудь въ лечебницу и мы будемъ ухаживать за тобой, и смѣю тебя увѣрить, что ни одинъ фельдшеръ, ни одна сидѣлка тебя бить не станутъ, во-первыхъ, потому, что я-бы всѣмъ шею свернулъ, а, во-вторыхъ, у насъ тамъ сестры милосердія, а между ними и пани Эмилія.

Букацкій замолчалъ и слегка поблѣднѣлъ. Онъ былъ больше взволнованъ, чѣмъ онъ хотѣлъ это показать. Глаза его затуманились на минуту. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ сказалъ:

— Ты парень добрый. Ты самъ не знаешь, какое ты совершилъ чудо: ты убѣдилъ меня, что мнѣ еще чего-то хочется... Да, мнѣ ужасно хочется въ Варшаву, поближе ко всѣмъ вамъ. Я ужасно былъ-бы радъ...

— Необходимо, чтобы ты пока перевелся въ какую-нибудь лечебницу, гдѣ уходъ былъ-бы хорошій. Свирскій, вѣроятно, знаетъ гдѣ лучше. А теперь отдайся мнѣ въ лапы. Хорошо? Позволишь мнѣ заняться этимъ?

— Дѣлай, что хочешь,—отвѣчалъ Букацкій, у котораго, при видѣ новыхъ плановъ и энергіи Поланецкаго, снова явилась надежда.

Поланецкій написалъ къ Свирскому и Васковскому и тотчасъ же отправилъ письма. Черезъ полчаса явился Васковскій, а за нимъ и Свирскій въ сопровожденіи мѣстнаго знаменитаго доктора, и въ это-же утро

Букацкій былъ помѣщенъ въ лучшей лечебницѣ, въ свѣтлой и веселой комнатѣ.

— Какой мягкій и теплый тонъ!—сказалъ онъ, смотря на золотистый цвѣтъ стѣнъ и бревенчатаго потолка.—Красиво!..

Потомъ онъ обратился къ Поланецкому:

— Приходи ко мнѣ вечеромъ, а теперь ступай къ женѣ.

Поланецкій простился съ нимъ и ушелъ. Маринѣ онъ разсказалъ о случившемся, скрывъ, однако, передъ ней грозившую опасность изъ боязни, что неожиданная вѣсть можетъ неблагопріятно отразиться на ея положеніи, въ которомъ онъ, впрочемъ, не былъ еще увѣренъ. Мариня начала просить его взять ее въ лечебницу къ Букацкому, если не вечеромъ, то, по крайней мѣрѣ, завтра утромъ, что̀ онъ, наконецъ, обѣщалъ исполнить. На другой день они отправились туда сейчасъ послѣ завтрака.

Профессоръ Васковскій не отходилъ отъ Букацкаго ни на минуту. Когда больной расположился въ лечебницѣ на новой кровати, старикъ сталъ разсказывать ему, какъ онъ самъ разъ думалъ, что уже умираетъ, но, послѣ принятія святыхъ тайнъ ему сразу, словно чудомъ, стало лучше.

— Старая метода, дорогой мой профессоръ, замѣтилъ Букацкій съ улыбкой,—знаю, куда вы мѣтите, отлично знаю...

Профессоръ такъ смутился, словно его накрыли съ поличнымъ при совершеніи какого-нибудь преступленія, и сложилъ руки:

— Держу пари, что это тебѣ поможетъ, сказалъ онъ.

Букацкій-же отвѣтилъ съ оттѣнкомъ своего прежняго юмора:

— Хорошо. Черезъ два дня я съумѣю убѣдиться, насколько это мнѣ поможетъ,—только ужъ по ту сторону рѣки.

Приходъ Марини обрадовалъ его тѣмъ болѣе, что онъ былъ для него настоящимъ сюрпризомъ. Онъ началъ говорить, что по эту сторону рѣки онъ уже не разсчитывалъ болѣе встрѣтить ни одной женщины, а тѣмъ болѣе кого-либо изъ своихъ. При этомъ онъ не преминулъ немного поворчать на всѣхъ, но не безъ замѣтнаго волненія.

— Какіе вы, однако, романтики! говорилъ онъ.—Вѣдь, заниматься такимъ калѣкою, какъ я, — значитъ проявлять полнѣйшее отсутствіе здраваго смысла. Вы никогда не исправитесь и не станете разсудительнѣе. Къ чему это? на что? Вотъ, изволите видѣть, мнѣ передъ смертью приходится быть благодарнымъ—и я вамъ очень благодаренъ—искренно благодаренъ...

Но Мариня не дала ему говорить о смерти, а съ замѣчательнымъ спокойствіемъ заговорила о томъ, что необходимо скорѣе переселиться въ Варшаву къ своимъ. Она говорила объ этомъ съ такимъ убѣжденіемъ, точно въ этой возможности не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и съумѣла мало-по-малу убѣдить въ этомъ Букацкаго. Она давала ему совѣты, какъ это устроить, и онъ кончилъ тѣмъ, что съ жадностью сталъ

прислушиваться къ ея словамъ. Мысли его перешли въ состояніе какого-то спокойствія, въ которомъ онѣ, не сопротивляясь, позволяли управлять собой. Онъ чувствовалъ себя, словно ребенкомъ, и къ тому-же слабымъ ребенкомъ.

Въ этотъ-же день его навѣстилъ панъ Основскій и выказалъ столько вниманія и сердечности, сколько могъ-бы выказать только родной братъ. Букацкій совершенно этого не ожидалъ и ни на что подобное не разсчитывалъ. Когда Поланецкій позднимъ вечеромъ зашелъ къ нему еще разъ и они остались одни, Букацкій сказалъ ему:

— Теперь я тебѣ скажу откровенно: никогда еще не чувствовалъ я такъ ясно, какъ теперь, что обратилъ всю мою жизнь въ глупый фарсъ и растопталъ ее, какъ собака какая-нибудь.

И черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Еслибъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ-бы хоть нравилась метода, по которой я жилъ, а то даже и этого нѣтъ. Какое глупое теперь время! Человѣкъ раздваивается: все, что въ немъ есть лучшаго, онъ прячетъ и засовываетъ въ какіе-то углы, а самъ становится не то обезьяной, не то шутомъ гороховымъ, да еще скворнымъ шутомъ, и, вдобавокъ, очень часто неискреннимъ. Странно,—охота-же вбивать себѣ въ голову, что жизнь гроша мѣднаго не стоитъ, именно вбивать себѣ это, а не чувствовать. Одно только меня утѣшаетъ, что въ жизни есть, по крайней мѣрѣ, хоть одно дѣйствительное, настоящее—это смерть.—Хотя, съ другой стороны, вовсе не резонъ, чтобы до тѣхъ поръ, пока она не придетъ, говорить, какъ дуракъ, про настоящее вино, что это уксусъ.

— Голубчикъ, отвѣтилъ Поланецкій,—ты вѣдь всегда только то и дѣлалъ, что мучился вѣчнымъ наматываніемъ мысли на первую попавшуюся катушку. Хоть теперь-то перестань.

— Ты правъ. Но я не могу не думать объ этомъ, потому-что пока я ходилъ и былъ здоровъ, я шутилъ надъ жизнью, а теперь, — скажу тебѣ по секрету,—мнѣ хочется жить.

— И будешь жить.

— Ахъ, оставь! Твоя жена вбила мнѣ это въ голову, но теперь я снова не вѣрю. Мнѣ тяжело. Я самъ себя загубилъ. Слушай, мнѣ необходимо съ тобой объ этомъ поговорить. Не знаю, ждутъ-ли меня какіе-нибудь счеты, или нѣтъ? Положа руку на сердце, скажу тобѣ: не знаю! Но все-таки, я переживаю какое-то странное безпокойство, я словно боюсь чего-то... и скажу тобѣ, чего именно: того, что я тамъ, для своихъ, ничего не сдѣлалъ... и могъ-бы сдѣлать, даже очень-бы могъ! Эта именно мысль вызываетъ во мнѣ страхъ, даю тебѣ слово! Скверное положеніе! Ничего я не сдѣлалъ, даромъ только ѣлъ хлѣбъ, а теперь... смерть. Если тамъ есть плети и онѣ ждутъ меня, то только въ наказаніе за это. Тяжко мнѣ, Стахъ, охъ! какъ тяжело!

Хотя Букацкій говорилъ своимъ обычнымъ небрежнымъ тономъ, но лицо его обличало неподдѣльную тревогу, — губы немного поблѣднѣли, на лбу выступило нѣсколько капель пота.

— Оставь, пожалуйста, сказалъ Поланецкій, — вздоръ мелешь. Ты только вредишь себѣ.

Но Букацкій продолжалъ:

— Подожди, слушай! У меня довольно значительное состояніе, пусть хоть оно, по крайней мѣрѣ, сдѣлаетъ за меня что-нибудь. Часть оставлю тебѣ, но остальное ты употреби на что-нибудь полезное. Ты человѣкъ практичный и Бигель тоже. Подумайте,—потому-что я не знаю, будетъ-ли у меня время. Ты сдѣлаешь это?

— И это, и все, что ты хочешь.

— Спасибо! Какъ странно такое безпокойство, какъ странны такіе упреки! Но я не могу избавиться отъ сознанія, что я все-таки виноватъ. Условія такія, а потому такъ дѣлать не годится! Необходимо сдѣлать что-нибудь полезьое, хотя-бы передъ смертью. Вѣдь это не шутка! Смерть!.. Еслибъ это было что-нибудь такое, что можно видѣть, а то вѣдь мракъ!.. И нужно разлагаться, нужно портиться и гнить во *мракѣ*... А ты вѣрующій?

— Да.

— Я-же—ни да, ни нѣтъ. Я тѣшился нирваной, какъ тѣшился и другими вещами. Знаешь, еслибъ не сознаніе этой вины, я былъ-бы теперь куда спокойнѣй. Я никогда даже не допускалъ, чтобъ это такъ сильно угнетало. Я испытываю ощущеніе пчелы, ограбившей свой-же улей, а это подло и мерзко. Хорошо еще, что послѣ меня останется состояніе. Что? не правда-ли? Я много тратилъ, но больше всего на картины, которыя также останутся,—не правда-ли? Ахъ, какъ хотѣлъ-бы я прожить хотя-бы одинъ еще годъ, хотя-бы столько, чтобъ не умереть тутъ...

Онъ немного задумался, а потомъ продолжалъ:

— Одно только теперь понимаю: жизнь сама по себѣ можетъ быть плоха, потому-что человѣкъ самъ можетъ ее испортить, но за то бытіе—вещь безусловно хорошая.

Поланецкій ушелъ отъ него поздно ночью. Въ продолженіи всей недѣли здоровье больного то улучшалось, то снова ухудшалось. Доктора не могли сказать ничего опредѣленнаго, полагая, однако, что переѣздъ не повлечетъ за собой никакой опасности. Свирскій и Васковскій вызвались отвезти больного, который тосковалъ все больше и больше, и чуть не каждый день вспоминалъ пани Эмилію, какъ сестру милосердія. Но какъ-разъ наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда, онъ лишился языка. У Поланецкаго сердце обливалось кровью, когда онъ глядѣлъ въ его глаза, въ которыхъ отражалась то страшная тревога, то какая-то

нѣмая, великая просьба. Онъ пробовалъ писать, но не могъ. Вечеромъ случился припадокъ, наступило пораженіе мозга—и онъ умеръ.

Похоронили его на Campo Santo. Похоронили временно, потому-что Поланецкій догадался, что его умоляющій взоръ выражалъ просьбу перевезти его въ родной край, а Свирскій подтвердилъ эту догадку.

Такъ лопнулъ этотъ мыльный пузырь, отливавшій иногда всѣми цвѣтами радуги, но всегда пустой и жалкій, какъ настоящій пузырь.

Смерть Букацкаго крайне огорчила Поланецкаго и онъ по цѣлымъ часамъ размышлялъ о его странной жизни. Онъ не дѣлился этими мыслями съ Мариной, потому-что до сихъ поръ онъ какъ-то не могъ привыкнуть дѣлиться съ ней тѣмъ, что происходило въ немъ. И какъ это часто случается съ людьми, которые думаютъ о близкихъ имъ покойникахъ, онъ изъ своихъ размышленій выводилъ такія заключенія, которыя большей частью говорили въ его пользу.

„Букацкій, думалъ онъ,—никогда не могъ справиться со своимъ-же умомъ; ему не хватало житейскаго опыта, онъ не умѣлъ оріентироваться въ этомъ лѣсу и шелъ всегда ощупью подъ впечатлѣніемъ минутной фантазіи. И еслибъ ему еще было хорошо при этомъ, еслибы онъ еще что-нибудь выжалъ изъ жизни, я призналъ-бы за нимъ, по крайней мѣрѣ, умъ. Но ему было плохо. Дѣйствительно, ужасно глупо вбить себѣ въ голову, еще до наступленія смерти, что настоящее вино — не вино, а уксусъ. Я смотрю на вещи куда трезвѣе и, кромѣ того, я былъ куда искреннѣе съ самимъ собою. Какъ-бы тамъ ни было, но я уже почти въ порядкѣ по отношенію къ Богу и къ жизни“.

Въ этомъ была отчасти правда, но было и заблужденіе. Поланецкій не былъ въ порядкѣ по отношенію къ своей женѣ.

Онъ думалъ, что взявъ ее подъ свою опеку, давъ ей домъ, хорошее обращеніе и покрывая время отъ времени ея уста поцѣлуями, онъ исполнялъ всѣ обязанности, принятыя имъ на себя по отношенію къ ней. Между тѣмъ, отношенія ихъ другъ къ другу все яснѣе и яснѣе устанавливались такъ, что онъ только соглашался любить и милостиво принималъ любовь. Присматриваясь къ окружающей жизни, онъ часто поражался тѣмъ страннымъ явленіемъ, въ силу котораго стоитъ кому-нибудь изъ людей порядочныхъ и честныхъ совершить какой-нибудь благородный поступокъ, всѣ лишь небрежно махнутъ рукой и небрежно-же скажутъ: „Ахъ, это тотъ... панъ Иксъ! Что-жъ — это естественно!“ Когда-же кто-либо изъ подонковъ общества случайно сдѣлаетъ что-нибудь порядочное, тѣ-же самые люди непремѣнно скажутъ чуть-ли не съ величайшимъ почтеніемъ: „Однако, въ немъ что-то есть!“ Сотни разъ Поланецкій замѣчалъ, что грошъ, данный скрягой, производитъ несравненно больше впечатлѣнія, чѣмъ червонецъ, данный щедрой рукой. И, однако, самъ не замѣчая, онъ примѣнялъ по отношенію къ Маринѣ то-же

самое мѣрило. Она отдавала ему все свое существо, всю свою душу, а онъ только небрежно замѣчалъ: „А! это Мариня! Это вполнѣ естественно!“ — и небрежно махалъ рукой. Еслибы ея любовь не была такъ безусловна, еслибы она доставалась ему съ бо̀льшимъ трудомъ, еслибы она, признанная сокровищемъ, отдавалась-бы ему только какъ сокровище, еслибъ она, признанная божествомъ, требовала-бы поклоненія и почитанія, Поланецкій принялъ-бы ее со склоненной головой и чтилъ-бы ее. Такова, вообще, натура человѣческая; только избранныя, сотканныя изъ свѣтлыхъ лучей натуры, умѣютъ подниматься выше общаго уровня. Мариня отдала Поланецкому свою любовь, какъ нѣчто ему принадлежащее, какъ его право, — и онъ принималъ ее, какъ свое право. Его-же любовь она считала счастьемъ, и онъ давалъ ей свою любовь, какъ счастье, чувствуя себя божкомъ въ ея кумирнѣ. Одинъ изъ его лучей падалъ на сердце женщины и согрѣвалъ его, остальные-же лучи божокъ приберегалъ для себя. Онъ, беря все, отдавалъ только часть. Въ его любви не было тревоги, вытекающей изъ почитанія, не было того, что̀ говоритъ любимой женщинѣ въ каждой ласкѣ: „Къ твоимъ стопамъ!“...

Но они оба еще этого не понимали.

XVII.

— Я даже и не спрашиваю—сказалъ Бигель Поланецкому по возвращеніи его въ Варшаву:—счастливъ-ли ты. Съ такой женщиной, какъ твоя жена, невозможно не быть счастливымъ.

— Да,—отвѣтилъ Поланецкій,—Мариня такая славная у меня бабенка, что, право, лучшей и не надо.

Потомъ, обратившись къ пани Бигель, онъ прибавилъ:

— Намъ обоимъ хорошо, и иначе быть не можетъ. Вы помните наши разговоры о супружествѣ и любви? Вы помните, какъ я тогда боялся, чтобы не попасть какъ-нибудь на женщину, которая-бы вздумала заслонить передъ своимъ мужемъ весь остальной свѣтъ, занять всѣ его мысли, всѣ его чувства, стать единственною и исключительною цѣлью его жизни? Вы помните, какъ я тогда доказывалъ и вамъ, и пани Эмиліи, что любовь къ женщинѣ не можетъ и не должна стать единственной цѣлью въ жизни человѣка и что на свѣтѣ, кромѣ нея, существуетъ еще нѣчто.

— Да, помню; но помню также, какъ я вамъ тогда говорила, что мнѣ, напримѣръ, хлопоты по хозяйству нисколько не мѣшаютъ любить своихъ дѣтей. Какъ-бы вамъ это сказать, но мнѣ такъ и кажется, что это вещи совершенно различныя, что это не коробки какія нибудь, что когда поставишь нѣсколько штукъ на столъ, то для другихъ уже мѣста нѣтъ.

— Жена моя совершенно права, — вмѣшался Бигель. — Я не разъ

уже замѣчалъ, что люди часто ошибаются, примѣняя къ чувствамъ или идеямъ мѣрило внѣшнихъ физическихъ условій. Когда рѣчь идетъ о чувствахъ или идеяхъ, то мѣсто для нихъ всегда найдется...

На это Поланецкій весело замѣтилъ:

— Молчи ужъ лучше, „завоеванный край!“

— А если мнѣ такъ хорошо—еще веселѣе возразилъ Бигель.—Подожди только, и тебя завоюютъ.

— Меня?

— Да! Смотри, завоюютъ тебя, а знаешь чѣмъ?—благородствомъ, добротой и сердцемъ.

— Это статья другая. Можно быть завоеваннымъ, но не находиться подъ башмакомъ. Пожалуйста, не мѣшайте мнѣ хвалить мою Мариню. Я такъ удачно попалъ, что о лучшемъ даже и не мечталъ, а именно потому, что она вполнѣ довольствуется тѣмъ чувствомъ, какое я къ ней питаю, нисколько не желая стать моимъ единственнымъ божкомъ, кумиромъ. Вотъ за это я ее и люблю! Благодарю Бога, что Онъ наградилъ меня такой женой, которая не требуетъ, чтобы ей посвятили всю душу, весь разумъ, все существо и т. д. и т. д., я-бы такой жены не снесъ. Я понимаю, что все это скорѣе можно дать добровольно, но только тогда, когда этого не требуютъ.

— Вѣрьте мнѣ, панъ Станиславъ,—отвѣтила пани Бигель,—что въ этомъ отношеніи мы всѣ безъ исключенія одинаково требовательны, только мы сначала часто принимаемъ ту частицу, которую намъ даютъ, за цѣлое, за то потомъ...

— А потомъ что?—прервалъ ее не безъ ироніи Поланецкій.

— Потомъ тѣ, которыя носятъ въ своемъ сердцѣ истинное благородство, доходятъ до чего-то такого, что для васъ является звукомъ пустымъ, а для насъ, женщинъ, становится часто основой всей нашей жизни.

— Что жъ это за талисманъ?

— Кротость.

Поланецкій расхохотался.

— Покойникъ Букацкій иногда говорилъ,—сказалъ онъ,—что женщины часто одѣваютъ на себя личину кротости, точно новую шляпку, только потому, что это имъ иногда бываетъ къ лицу. Шляпка изъ кротости, вуалька изъ легкой меланхоліи,—развѣ это не красиво?

— Да, если хотите, это и красиво. Не спорю, можетъ быть, это тотъже туалетъ, но въ такомъ туалетѣ гораздо легче попасть въ рай, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ.

— Въ такомъ случаѣ, моя Мариня обречена на адъ кромѣшный, потому что, надѣюсь, она этого туалета никогда не надѣнетъ. Впрочемъ, вы сами скоро ее увидите,—она обѣщалась зайти сюда какъ-разъ въ это время. Копается она, должно быть, по обыкновенію, а потому и опоздала.

— Ее, вѣроятно, отецъ задержалъ. Но вы останетесь у насъ обѣдать, только безъ церемоніи, не правда-ли?

— Останемся обѣдать. Идетъ!

— Будетъ еще кое-кто, такъ заодно и вы съ нами. А я пока пойду, распоряжусь, чтобы накрыли на столъ и для васъ.

Сказавъ это, пани Бигель вышла въ другую комнату, Поланецкій въ это время спросилъ Бигеля:

— Кого вы ждете сегодня къ обѣду?

— Завиловскаго, будущаго корреспондента нашего торговаго дома.

— Какой это Завиловскій?

— Да тотъ,—извѣстный,—этотъ поэтъ!

— Изъ Парнаса прямо къ конторкѣ? какъ-же это?

— Кто то сказалъ—не помню только кто, что современное общество держитъ своихъ геніевъ на строгой діэтѣ. Говорятъ, Завиловскій человѣкъ очень способный, но со стихами далеко не уйдешь. Знаешь, нашъ Цисковскій перешелъ въ страховое общество, мѣсто оказалось вакантнымъ, вдругъ является этотъ Завиловскій. Мнѣ было немного неловко, но онъ мнѣ заявилъ, что для него это вопросъ хлѣба и возможность труда. Къ тому-же, онъ мнѣ понравился тѣмъ, что откровенно сознался, что, хотя пишетъ на трехъ языкахъ, но ни на одномъ изъ нихъ не говоритъ хорошо, и что ни малѣйшаго понятія не имѣетъ о торговой корреспонденціи.

— Ну, это пустяки—отвѣтилъ Поланецкій,—въ недѣлю и научится. Вопросъ только: надолго-ли будетъ это мѣсто и не застрянетъ-ли работа... Поэты ужъ такой народъ!..

— Тогда и распростимся. Но ты самъ понимаешь, что когда онъ явился, я предпочелъ предоставить это мѣсто такому Завиловскому, чѣмъ кому-либо другому. Черезъ три дня онъ приступитъ къ занятіямъ, а пока я ему выплатилъ жалованье за мѣсяцъ впередъ,—это было необходимо.

— Онъ очень нуждался?

— Должно быть. Тутъ есть старый Завиловскій, тотъ, у котораго дочка,—человѣкъ очень богатый. Я спросилъ нашего,—не родственникъ-ли онъ ему? Онъ отвѣтилъ, что нѣтъ, но при этомъ онъ такъ покраснѣлъ; думаю, что онъ, вѣроятно, ему родственникъ. Но у насъ всегда такъ! Нѣтъ равновѣсія, да и только: одни отрекаются отъ своихъ родственниковъ потому, что бѣдны, другіе потому, что богаты. Все это изъ-за какихъ-то глупыхъ фантазій и чертовской гордости. Впрочемъ, онъ тебѣ понравится. Женѣ моей онъ очень понравился.

— Кто понравился твоей женѣ?—спросила пани Бигель, входя въ комнату.

— Завиловскій.

— Потому что я прочла его прелестное стихотвореніе: „На порогѣ“. Къ тому же, у Завиловскаго такой видъ, точно онъ что-то прячетъ отъ людей.

— Онъ прячетъ нужду, вѣрнѣе, однако, что нужда его запрятала.

— Нѣтъ, у него такой видъ, точно онъ пережилъ какое-то великое горе.

— Какъ тебѣ нравится такой романтизмъ?—обратился Бигель къ Поланецкому.—Она и мнѣ уже говорила, что ея поэтъ, должно быть много выстрадалъ на своемъ вѣку, и она даже обидѣлась на меня, когда я позволилъ себѣ усомниться, допуская, впрочемъ, что онъ въ дѣтствѣ, должно быть, много страдалъ... глистами или золотухой, но это, изволишь-ли видѣть, для нея не достаточно поэтично.

Но Поланецкій сталъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ посматривать на часы.

— Отличается же моя Мариня, нечего сказать,—волновался онъ, — вотъ копается...

Въ эту минуту какъ-разъ пришла, вѣрнѣе, пріѣхала Мариня. Встрѣча была спокойная, безъ особыхъ порывовъ, такъ-какъ молодые женщины видѣлись уже наканунѣ на вокзалѣ, куда пани Бигель пріѣхала ее встрѣчать. Поланецкій сообщилъ женѣ, что ихъ просятъ остаться обѣдать, на что она охотно согласилась, и стала здороваться съ дѣтьми, гурьбой ввалившимися въ комнату.

Между тѣмъ, пришелъ Завиловскій, котораго Бигель представилъ Поланецкому. Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-семи, и Поланецкій, внимательно посмотрѣвъ на него, замѣтилъ, что съ виду онъ менѣе всего похожъ на человѣка много выстрадавшаго въ жизни. Онъ, очевидно, немного смутился, очутившись почти въ незнакомомъ ему обществѣ. Лицо у него было нервное съ сильно выступающей бородкой a la Wagner, съ веселыми сѣрыми глазами и съ чрезвычайно нѣжнымъ лбомъ, который былъ гораздо бѣлѣе всего лица и на которомъ выступавшія жилы образовали букву ижицу; при всемъ томъ онъ былъ довольно вѣсокъ и довольно мѣшковатъ.

— Я слышалъ,—обратился къ нему Поланецкій,—что черезъ нѣсколько дней мы начнемъ вмѣстѣ работать.

— Да, господинъ принципалъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ,—вѣрнѣе, начну служить въ конторѣ.

Поланецкій засмѣялся:

— Только, пожалуйста, безъ этого чинопочитанія. У насъ не принято величать по чину или по начальству... Не знаю, развѣ только женѣ моей понравился-бы такой титулъ, который придалъ-бы ей особую важность въ ея собственныхъ глазахъ.

И обратившись къ Маринѣ, онъ спросилъ:

— Послушай, госпожа принципальша: не хочешь-ли, чтобы тебя отнынѣ величали „принципальшей?“ Это будетъ очень интересно!

Завиловскій смутился, но тоже началъ смѣяться, когда Мариня отвѣтила:

— Нѣтъ! не хочу, потому что мнѣ такъ и кажется, что „принципальша“ должна носить вотъ такой чепецъ (тутъ она развела руками, какъ-бы показывая величину его), а я терпѣть не могу чепца.

Завиловскій вдругъ почувствовалъ себя легко среди этихъ веселыхъ, добродушныхъ людей, но все-жъ онъ смутился, когда Мариня къ нему обратилась:

— А вы мой старый знакомый. За послѣднее время я ничего новаго вашего не читала,—мы только-что вернулись; много новаго прибавилось за это время?

— Нѣтъ, пани, — отвѣтилъ онъ; — я этимъ занимаюсь точно такъ-же, какъ панъ Бигель занимается музыкой:—въ свободное время и для собственнаго же развлеченія.

— Позвольте мнѣ вамъ не повѣрить, — отвѣтила пани Поланецкая.

И она была вполнѣ права, не повѣривъ ему. Въ отвѣтѣ Завиловскаго чувствовалось отсутствіе простоты, но онъ этимъ хотѣлъ дать почувствовать, что онъ явился сюда исключительно въ качествѣ корреспондента ихъ торговаго дома, желая вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы на него смотрѣли какъ на служащаго, а не какъ на поэта. Въ подчиненномъ тонѣ его обращенія къ Бигелю и Поланецкому не было напускного смиренія, а только желаніе показать, что, разъ взявшись за конторскую работу, онъ ее считаетъ такой-же хорошей, какъ и всякую другую, что онъ входитъ въ свою роль и что въ будущемъ изъ нея не выйдетъ. Было тутъ такъ-же и нѣчто другое. Завиловскій, хотя сравнительно былъ еще очень молодъ, успѣлъ, однако, подмѣтить смѣшную черту современныхъ поэтовъ, которые, написавъ одно или два стихотвореньица, принимаютъ позы какихъ-то пророковъ, передъ которыми все должно падать ницъ. Его болѣзненное самолюбіе содрогалось при одной мысли, что и онъ можетъ быть смѣшонъ, и онъ впалъ въ другую крайность: онъ почти стыдился своего поэтическаго дара. Въ послѣднее время, когда онъ терпѣлъ сильную нужду, это дошло у него до чудачества и чей-либо малѣйшій намекъ на то, что онъ поэтъ, приводилъ его чуть ли не въ бѣшенство.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что крайне не логиченъ, такъ какъ самое лучшее было-бы перестать писать стихи и печатать ихъ, но это было выше его силъ. Ореолъ еще не окружалъ его голову, но на нее упало уже нѣсколько лучей, которые то озаряли его лицо, то снова гасли по мѣрѣ того, какъ онъ творилъ или бездѣйствовалъ.

Послѣ каждаго новаго стихотворенія лучи снова начинали дрожать— и Завиловскій, столь-же способный, какъ и честолюбивый, въ сущности цѣнилъ блестки этой славы выше всего на свѣтѣ. Онъ, однако, хотѣлъ, чтобы люди говорили о немъ за глаза, а не въ глаза. Когда онъ чувствовалъ, что о немъ начинаютъ забывать, его страданіямъ не было конца. Въ немъ жило словно какое-то раздвоенное самолюбіе, которое съ одной стороны жаждало славы, съ другой-же—отталкивало ее, благодаря гордости и опасенію, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что она ему не по заслугамъ. Кромѣ того, онъ полонъ былъ весь множества противорѣчій, какъ человѣкъ молодой и впечатлительный, воспринимающій и чувствующій все чрезвычайно горячо и часто не умѣющій среди этихъ чувствованій найти своего собственнаго *я*. По этому-то, именно, артисты поражаютъ насъ очень часто какой-то неестественностью, какой-то искусственностью.

Между тѣмъ подали обѣдъ, во время котораго разговоръ шелъ объ Италіи и, очевидно, о знакомыхъ, которыхъ Поланецкіе тамъ встрѣтили. Поланецкій разсказалъ о Букацкомъ и о его послѣднихъ минутахъ, а также о его послѣдней волѣ, благодаря которой онъ унаслѣдовалъ довольно значительное состояніе. Еще болѣе значительная сумма была предназначена на дѣла благотворительныя, — о чемъ и предстояло ему посовѣтоваться съ Бигелемъ. Букацкаго все-таки любили и теперь о немъ вспоминали съ большимъ сочувствіемъ, а на глазахъ пани Бигель навернулись даже слезы, когда Маримя разсказала, что онъ исповѣдался и умеръ по христіански. Но это сочувствіе было такого рода, что можно было продолжать обѣдъ и, если Букацкій когда-то дѣйствительно мечталъ о Нирванѣ, то онъ теперь, именно достигъ того, чего такъ желалъ, потому что даже въ тѣхъ, которые его любили, и были близки ему, онъ оставилъ о себѣ лишь легкое, скоро преходящее воспоминаніе. Еще недѣля, мѣсяцъ или годъ—и имя его станетъ звукомъ безъ эха. И дѣйствительно, онъ ничьей болѣе глубокой любви не заслужилъ, не испыталъ—и жизнь его протекла такъ, что даже послѣ смерти такого ребенка, какъ Литка, осталось не только во сто разъ больше сожалѣнія и любви, но и памятныхъ слѣдовъ. Завиловскій, который не зналъ его, сначала заинтересовался его жизнью, но выслушавъ до конца все, что Поланецкій разсказалъ, онъ, подумавъ немного, сказалъ: „Да, копія и къ тому-же плохая!“ Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ такой эпитафіи стало-бы больно даже и Букацкому, который всю жизнь свою надъ всѣмъ шутилъ, надъ всѣмъ насмѣхался.

Но Маримя, желая придать разговору другой оборотъ, начала разсказывать объ ихъ прогулкахъ по Риму и его окрестностямъ, совершавшихся ими иногда самостоятельно, иногда-же въ обществѣ Свирскаго

или Основскихъ. Бигель, старый товарищъ Основскаго, съ которымъ онъ иногда еще встрѣчался, замѣтилъ:

— Основскій питаетъ одну только любовь—это къ своей женѣ—и одну только ненависть—это къ своей толщинѣ, или вѣрнѣе — къ предрасположенію къ ней. Помимо этого, это милѣйшій человѣкъ на свѣтѣ.

— Да онъ выглядитъ совершенно худымъ—сказала Мариня.

— Два года тому назадъ онъ былъ порядочно толстъ, но какъ сталъ ѣздить на велосипедѣ, заниматься фехтованіемъ, лечиться по методѣ Беттинга, лѣтомъ пить карльсбадскія воды, а зиму проводить въ Италіи или въ Египтѣ,—вотъ онъ и похудѣлъ. Впрочемъ, я не точно выразился: — это не онъ питаетъ ненависть къ толщинѣ, — а жена его!—онъ же все это продѣлываетъ только для того, чтобы нравиться ей. Онъ даже по цѣлымъ ночамъ безъ устали танцовалъ на всѣхъ балахъ, все для того, чтобы плѣнить ея сердце.

— Это „sclavus saltans“, — сказалъ Поланецкій. — Намъ Свирскій объ этомъ разсказывалъ.

— Я отлично понимаю, что можно жену уважать, — снова началъ Бигель,—что ее можно даже любить, какъ говорится, какъ зѣницу ока. Все это отлично. Я слышалъ, даю вамъ честное слово, что онъ своей дражайшей половинѣ стихи пишетъ, что онъ съ закрытыми глазами раскрываетъ книжки, ногтемъ отмѣчаетъ какую-нибудь строчку, а потомъ гадаетъ по ней любимъ-ли онъ или нѣтъ? Если у него не выходитъ, то на него нападаетъ страшная меланхолія. Онъ влюбленъ какъ гимназистъ какой-нибудь. Постоянно смотритъ ей въ глаза, ловитъ ея взоры, интересуется каждымъ ея словомъ, раздумывая потомъ, какое оно могло имѣть значеніе; онъ не только цѣлуетъ у нея руки и ноги, но даже перчатки, если ему кажется, что никто его не видитъ... Богъ знаетъ что! и это представьте себѣ столько ужъ лѣтъ.

— А за то, какой онъ милый!—сказала Мариня.

— А ты бы хотѣла, чтобы я былъ такимъ? — спросилъ Поланецкій.

Она съ минуту подумала, потомъ отвѣтила:

— Нѣтъ, ты бы вѣдь тогда ужъ не былъ такимъ, каковъ ты теперь.

— Это сказано по макіавельски,—сказалъ Бигель.—Право, стоило-бы записать такой отвѣтъ, тутъ все, что хотите: и похвала, и немного критики, и нѣчто вродѣ заявленія, что такъ какъ есть—самое лучшее, и что вмѣстѣ съ тѣмъ можно было-бы желать чего-нибудь еще болѣе лучшаго. Извольте тутъ разобраться.

— Я принимаю это какъ похвалу,—сказалъ Поланецкій,—хотя

вы, пани (тутъ онъ обратился къ пани Бигель), навѣрно скажете, что это одна лишь кротость.

Пани Бигель отвѣтила, смѣясь:

— Верхъ изъ любви, покорность-же можетъ явиться со временемъ, какъ подкладка, когда настанетъ холодъ.

Завиловскій смотрѣлъ на Мариню съ большимъ любопытствомъ; она казалась ему и красивой, и симпатичной, а отвѣтъ ея просто изумилъ его. Онъ, однако, подумалъ, что такъ можетъ отвѣтить только женщина сильно влюбленная, для которой это чувство всегда кажется еще недостаточнымъ. И онъ началъ поглядывать на Поланецкаго не безъ чувства зависти, и ему, человѣку всегда одинокому, вдругъ вспомнились слова пѣсни: „У сосида жинка мила...“ Втеченіе всего обѣда онъ молчалъ, не проговоривъ и двухъ словъ, и теперь почувствовалъ необходимость вмѣшаться въ разговоръ. Но его удерживала какая-то робость и страшная зубная боль, которая, послѣ сильнаго пароксизма, по временамъ схватывала его очень сильно. Это отнимало у него последнюю храбрость—однако, собравшись съ силами, онъ, наконецъ, спросилъ:

— А пани Основская?

— У пани Основской,—отвѣтилъ Поланецкій,—есть мужъ, который любитъ за двоихъ, а потому ей нечего трудиться. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ Свирскій. Къ тому-же, зовутъ ее Анетой, глаза у нея китайскіе, въ верхнихъ зубкахъ вставлены золотыя пломбы, которыя видны, когда она смѣется, — а потому она предпочитаетъ только улыбаться—и, вообще, производитъ впечатлѣніе какой-то горлицы, которая вертится на одномъ мѣстѣ и кричитъ: „цу-кру!“, „цу-кру!“...

— Вотъ злой человѣкъ!—отозвалась Мариня.—Она мила, жива, ловка, а панъ Свирскій не можетъ знать, насколько она любитъ своего мужа, потому что онъ навѣрно съ ней никогда объ этомъ не говорилъ. Это только одни предположенія.

Поланецкій подумалъ, что это, во-первыхъ, отнюдь не предположенія, а что во-вторыхъ, жена его столь же благородна, сколько и наивна.

А Завиловскій замѣтилъ:

— Интересно, что было-бы, если-бы она была бы такъ-же влюблена въ своего мужа, какъ онъ въ нее.

— Это былъ-бы тогда такой рѣдкій эгоизмъ двухъ существъ, какого свѣтъ не видалъ,—отвѣтилъ Поланецкій.—Они были-бы такъ заняты собой, что не видѣли-бы ровно ничего изъ того, что вокругъ нихъ дѣлается.

Завиловскій улыбнулся и отвѣтилъ:

— Свѣтъ не мѣшаетъ теплотѣ, онъ только ее рождаетъ.

— Строго говоря, это сравненіе скорѣе поэтическое, чѣмъ научное—отвѣтилъ Поланецкій.

Но обѣимъ дамамъ отвѣтъ Завиловскаго очень понравился и обѣ онѣ начали отстаивать его очень горячо; когда-же къ нимъ присоединился и Бигель, то Поланецкій былъ разбитъ по всей линіи.

Потомъ начали говорить о Машко и его женѣ. Бигель, между прочимъ, разсказалъ, что въ руки Машко попало теперь большое дѣло о милліономъ наслѣдствѣ по духовному завѣщанію старой Плошовской, которое оказалось не совсѣмъ въ порядкѣ, чѣмъ воспользовались дальніе родственники покойной и возбудили процессъ. Панъ Плавицкій писалъ Маринѣ объ этомъ въ Италію, но она считала это дѣло такой-же химерой, какъ нѣкогда милліоны кременевскаго рухляка и какъ-то мимоходомъ сообщила объ этомъ мужу, который такъ-же на все махнулъ рукой. Теперь дѣло это приняло другой оборотъ, если Машко за него взялся. Бигель выражалъ мнѣніе, что, вѣроятно, въ завѣщаніи пропущены нѣкоторыя формальности и утверждалъ, что если Машко выиграетъ, то сразу поднимется на ноги, сорвавъ громадный кушъ. Поланецкій сильно заинтересовался этимъ дѣломъ.

— У Машко, однако, замѣчательная кошачья упругость,—сказалъ онъ,—какъ не упадетъ, всегда станетъ на ноги.

— На сей разъ и вы должны помолиться Богу, чтобы онъ не свернулъ себѣ шеи, потому что для васъ, пани Поланецкая, и для вашего отца это дѣло далеко не шуточное. Одинъ только Плошовъ со всѣми фольварками оцѣненъ въ семьсотъ тысячъ рублей. А, кромѣ того, наличными тоже очень порядочно,—отвѣтилъ Бигель.

— Было-бы не дурно вдругъ нежданно-негаданно получить такой подарочекъ,—отозвался Поланецкій.

На Марину непріятно подѣйствовало извѣстіе, что отецъ ея вмѣстѣ съ другими наслѣдниками выступилъ противъ завѣщанія покойной. Ея „Стахъ“ былъ человѣкомъ состоятельнымъ и она слѣпо вѣрила, что стоитъ ему только захотѣть и у него будутъ милліоны; у отца ея была рента, а кромѣ того она уступила ему пожизненно весь доходъ съ Магерувки,—значитъ никому нужда не угрожала. Правда, ей было-бы очень пріятно имѣть возможность откупить Кремень и возить туда на лѣто своего „Стаха“, но отнюдь не на такія деньги.

И она начала говорить съ большимъ оживленіемъ:

— Меня это только сильно огорчаетъ. Помилуйте, эти деньги были распредѣлены такъ благородно! Не хорошо идти противъ воли покойниковъ, не хорошо лишать хлѣба бѣдныхъ или отнимать отъ школъ. Племянникъ покойной Плошовской застрѣлился: быть можетъ,

она хотѣла спасти его душу, вымолить для него милосердіе у Бога. Это противно!.. Нужно иначе думать, иначе чувствовать!..

И она вся раскраснѣлась отъ волненія.

— Какая ты, однако, рѣшительная!—сказалъ Поланецкій.

Но она выставила впередъ свой немного широкій ротикъ и начала повторять съ выраженіемъ насупившагося ребенка:

— Ну, Стахъ, скажи, что я права, скажи-же, что я права!.. Ты долженъ это сказать!

— Безъ сомнѣнія,—отвѣтилъ Поланецкій, — но Машко можетъ дѣло выиграть.

— Отъ души желаю ему, чтобы онъ проигралъ,—отвѣтила она.

— Однако, ты рѣшительная!—повторилъ Поланецкій.

„И какая честная, какая благородная натура“,—подумалъ Завиловскій, въ вображеніи котораго доброта и благородство рисовались теперь въ образѣ молодой женщины съ темными волосами, голубыми глазами, съ гибкимъ станомъ и нѣсколько широкимъ ротикомъ.

Послѣ обѣда Бигель и Поланецкій вышли курить въ кабинетъ хозяина; имъ подали туда кофе, за которымъ они приступили къ вопросу о распредѣленіи части наслѣдства, оставленнаго Букацкимъ на цѣли благотворительныя. Завиловскій, какъ некурящій, остался съ дамами въ гостиной. Тогда Мариня, которая въ качествѣ „принципальши“, считала своей обязанностью обласкать будущаго сослуживца ихъ „торговаго дома“, приблизилась къ нему и сказала:

— И я, и пани Бигель очень-бы хотѣли, чтобы мы всѣ считали себя членами одной большой семьи, а потому прошу считать насъ вашими добрыми знакомыми.

— Съ большимъ удовольствіемъ, если только позволите,—отвѣтилъ Завиловскій.—Я и такъ засвидѣтельствовалъ-бы вамъ свое почтеніе...

— Я только на свадьбѣ познакомилась со всѣми служащими, а послѣ мы уѣхали, но теперь я непремѣнно постараюсь ближе познакомиться. Мужъ мой говорилъ, что онъ бы очень хотѣлъ, чтобы мы всѣ, чередуясь, собирались разъ въ недѣлю у насъ, другой у Бигелей. Это чудная идея, только я ставлю одно непремѣнное условіе.

— Какое?—спросила пани Бигель.

— Чтобы на этихъ журфиксахъ не смѣть говорить о конторскихъ дѣлахъ. Будетъ немного музыки,—полагаю, что объ этомъ позаботится панъ Бигель;—а иногда и чтеніе чего-нибудь такого, какъ „На порогѣ“.

— Но это ужъ развѣ въ моемъ отсутствіи,—сказалъ Завиловскій, принужденно улыбаясь.

Посмотрѣвъ ему прямо въ глаза, она со свойственной ей простотой спросила:

— Почему-же не при васъ? Вѣдь будутъ только люди искренно вамъ преданные? Мы и прежде до нашего еще знакомства часто и много говорили и думали о васъ, а тѣмъ болѣе теперь...

Завиловскій чувствовалъ себя совершенно обезоруженнымъ. Ему казалось, что онъ очутился въ средѣ людей исключительныхъ, и что по крайней мѣрѣ пани Поланецкая женщина безусловно исключительная. Жгучія, какъ раскаленный уголь, опасенія казаться со всей своей поэзіей, съ длинной шеей, и съ остроконечными локтями смѣшнымъ начали понемногу проходить. Ему вдругъ стало какъ-то особенно легко. Онъ чувствовалъ, что она не говорила только для того, чтобы что-нибудь сказать и потому, что это требуется салоннымъ этикетомъ, а говорила только то, что вытекало изъ ея доброты и впечатлительности. Къ тому-же онъ былъ въ восторгѣ отъ ея лица и фигуры, которыми такъ восторгался Свирскій въ Венеціи. Имѣя привычку давать каждому впечатлѣнію надлежащее опредѣленіе, онъ сталъ и теперь придумывать соотвѣтственныя выраженія—и чувствовалъ, что онѣ должны быть не только искренни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изящны, красивы и естественны, такъ какъ красота ея была изящна и естественна. Она явилась передъ нимъ какъ новая тема—и въ немъ проснулся художникъ.

Между тѣмъ она съ большимъ участіемъ стала распрашивать его о семейныхъ отношеніяхъ, но къ счастію приходъ Бигеля и Поланецкаго освободилъ его отъ дальнѣйшихъ объясненій, которыя были-бы ему крайне непріятны. Отецъ его, нѣкогда извѣстный картежникъ и виверъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сошелъ съума и теперь содержался въ домѣ умалишенныхъ.

Музыка положила конецъ этому щепетильному разговору. Поланецкій съ Бигелемъ столковались уже по интересовавшему ихъ вопросу о распредѣленіи наслѣдства. Бигель, приближаясь къ мѣсту, гдѣ стояла віолончель, сказалъ какъ-бы про себя:

— Кажется, проектъ хорошій, но надо будетъ еще подумать.

Потомъ, опершись на віолончель, онъ нѣсколько задумался и замѣтилъ:

— Удивительно! Когда я играю, тогда точно ни о чемъ другомъ не думаю, а между тѣмъ, это не такъ. Какая-то частица моего мозга останавливается на постороннихъ предметахъ и, что всего удивительнѣе, самыя удачныя мысли мнѣ тогда именно приходятъ въ голову.

И сказавъ это, онъ сѣлъ, обхватилъ віолончель колѣнами, закрылъ глаза и началъ играть „Весеннюю пѣсню“.

Въ тотъ день Завиловскій ушелъ домой, весь охваченный восторгомъ, который произвели на него и домъ, и люди, и ихъ простота, и „Весенняя пѣсня“, а въ особенности пани Поланецкая.

Она же и не подозрѣвала, что можетъ современемъ обогатить поэзію „новымъ душевнымъ трепетомъ“.

XVIII.

Супруги Машко посѣтили Поланецкихъ черезъ недѣлю по ихъ пріѣздѣ. Она, въ сѣромъ платьѣ, отороченномъ такого же цвѣта „марабу“, казалась очень интересной. Воспаленіе глазъ, которымъ она прежде страдала, совершенно прошло. Лицо ея носило выраженіе прежняго, безразличнаго, почти соннаго спокойствія, но теперь оно только придавало лицу какую-то особую поэтичность. Прежняя панна Креславская была старше Маринн на цѣлыхъ пять лѣтъ и, какъ барышня она смотрѣла старше, теперь же казалась словно помолодѣвшей. Ея гибкая и дѣйствительно очень изящная фигурка, въ ловко обтянутомъ платьѣ, казалась почти дѣтской. Удивительное дѣло, Поланецкій не любившій ея, каждый разъ находилъ въ ней что-то притягивающее и сколько разъ онъ ее не видѣлъ, ему всегда приходила одна и та же самая мысль: „въ ней все-таки что-то есть“. Даже въ ея монотонномъ, почти дѣтскомъ голосѣ онъ находилъ для себя какую-то особую прелесть. Теперь онъ прямо сказалъ себѣ, что она сегодня особенно хороша и что измѣнилась къ лучшему, гораздо больше Марини.

Самъ Машко также разцвѣлъ, словно подсолнечникъ. Въ каждомъ его движеніи чувствовалось какое-то величіе, наряду съ полнѣйшей самоувѣренностью и отчаянной гордостью, смягченной любезностью. Такъ и написано было у него на лицѣ, что ему теперь въ одинъ день не объѣхать всѣхъ своихъ селъ и деревень—словомъ онъ „притворялся“ гораздо больше, чѣмъ когда либо. Онъ только не притворялся по отношенію къ женѣ и не игралъ роли влюбленнаго; видно было изъ каждаго его взгляда, что онъ дѣйствительно ее полюбилъ. И въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы найти другую женщину, которая такъ сотвѣтствовала бы его понятіямъ о хорошемъ тонѣ, изысканности и великосвѣтскомъ лоскѣ

Ея холодное равнодушіе, ея словно леденящее замороженное обхожденіе съ людьми онъ считалъ за нѣчто высшее, непостижимое. Она никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не теряла этого „величія“, даже когда они оставались только вдвоемъ. Онъ же, какъ настоящій выскочка, обладающій принцессой, полюбилъ ее именно потому, что она казалась ему принцессой и что онъ ею обладалъ.

Мариня стала распрашивать ее, гдѣ они провели медовые мѣсяцы, на что пани Машко отвѣтила: „въ имѣніи мужа“ и то такимъ тономъ, точно это „имѣніе мужа“ пришло къ нему какъ маіоратъ отъ его прапрадѣдовъ,—причемъ прибавила, что за-границу они собираются лишь въ будущемъ году, когда мужъ покончитъ съ дѣлами, а пока лѣтнее время они снова проживутъ въ „имѣніи мужа“.

— Вы любите деревню?—спросила Мариня.

— Мама любитъ деревню—отвѣтила пани Машкò.

— А Кремень понравился вашей мамѣ?

— Да, понравился. Только въ домѣ окна точно въ оранжереѣ; такая масса стеколъ.

— Это отчасти необходимо—отвѣтила смѣясь пани Поланецкая, — такія оконныя стекла, если они разобьются, можетъ вставить любой стекольщикъ, а большія стекла приходилось бы развѣ выписывать изъ Варшавы.

— Мужъ говоритъ, что выстроитъ новый домъ.

Пани Поланецкая тихо вздохнула и перемѣнила предметъ разговора. Онѣ заговорили объ общихъ знакомыхъ. Оказалось, что пани Машкò брала когда-то уроки танцевъ у того же учителя, что и „Анетка" Основская и ея младшая родственница Линетта Кастелли, что онѣ хорошо знакомы и что Линетта еще куда красивѣе Анеты и къ тому же отлично рисуетъ и даже пишетъ стихи, которые собраны у нее въ одномъ большомъ альбомѣ. Пани Машкò слышала, что Анетка уже вернулась и что Линетта поселится на той же самой дачѣ вмѣстѣ со своей теткой, съ пани Броничевой, гдѣ проживетъ до іюня... „и это будетъ очень хорошо, потому что онѣ такія милыя!"

Поланецкій же съ Машкò вышли незамѣтно въ другую комнату, и завели разговоръ о завѣщаніи покойной Плошовской.

— Одно могу тебѣ сказать, что я почти выплылъ—говорилъ Машкò.— Я стоялъ уже надъ пропастью, но это дѣло сразу поставило меня на ноги ужъ тѣмъ самымъ, что я его возбудилъ. Ужъ сколько лѣтъ у насъ ничего подобнаго не было. Дѣло это милліонное. Самъ Плошовскій былъ куда богаче своей тетки; онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ, но предварительно записалъ все свое состояніе матери пани Кромицкой, а когда та отказалась отъ этого наслѣдства, то все перешло къ старой паннѣ Плошовской. Можешь себѣ теперь представить, сколько оставила эта старушенція.

— Бигель говорилъ о какихъ-то семи стахъ тысячъ рублей.

— Скажи твоему Бигелю, который такъ любитъ все считать, что тамъ чуть ли не вдвое больше. Однако, я долженъ отдать себѣ справедливость въ томъ, что я умѣю еще спасаться и что легче меня бросить въ воду, чѣмъ утопить. Больше, скажу еще: знаешь кому я обязанъ?—твоему тестю. Онъ когда-то вспоминалъ объ этомъ, но я махнулъ тогда рукой. Потомъ я очутился въ этомъ отвратительномъ положеніи, о которомъ я писалъ тебѣ. Такъ пристали съ ножемъ къ горлу, хоть ложись и умирай. И вотъ вообрази себѣ, три недѣли тому назадъ случайно встрѣчаю твоего тестя, начинаю разговаривать съ нимъ о чемъ то и онъ, между прочимъ, начинаетъ ругать покойную Плошовскую на чемъ

свѣтъ стоитъ. Вдругъ приходитъ мнѣ мысль. Потерять, думаю, ничего не потеряю. Дай попробую! Зашелъ къ нотаріусу Вышинскому, потребовалъ завѣщаніе — смотрю есть неформальности. Правда, небольшія, но есть. Черезъ недѣлю у меня была уже довѣренность отъ всѣхъ наслѣдниковъ и дѣлу былъ данъ ходъ. И представь себѣ? — одинъ слухъ о предстоящемъ гонорарѣ сразу вернулъ людямъ довѣріе, кредиторамъ терпѣніе, а мнѣ кредитъ — и вотъ держусь... Помнишь, было уже время, когда я спустилъ тонъ, когда возымѣлъ благородное намѣреніе предаться муравьиной работѣ, и видѣлъ спасеніе свое въ ограниченіи расходовъ. Пустяки! Это немыслимо, дорогой мой! Ты упрекалъ меня, что я притворяюсь; но у насъ это необходимо. Сегодня, напримѣръ, я долженъ притворяться, я долженъ изображать изъ себя человѣка, который вѣритъ въ себя, въ свое богатство и въ благополучный исходъ процесса.

— Скажи мнѣ откровенно: дѣло это хорошее?

— Что значитъ хорошее?

— Т. е., не слишкомъ ли оно рискованное, не придется ли его просто тащить за уши?

— Да будетъ тебѣ извѣстно, что въ каждомъ дѣлѣ всегда найдется нѣчто, что можетъ служить въ его пользу, и порядочность адвоката состоитъ именно въ томъ, чтобы это сказать. Въ сущности тутъ весь вопросъ въ томъ, кто долженъ явиться наслѣдникомъ и вполнѣ-ли законно составлено завѣщаніе—а законъ, вѣдь, не я выдумалъ.

— Надѣешься выиграть?

— Когда дѣло идетъ объ уничтоженіи завѣщанія, то надѣяться всегда можно, потому что атака ведется обыкновенно во сто разъ энергичнѣе, чѣмъ оборона. Кто выступитъ противъ меня? Выступятъ институты, точнѣе—тѣла, падающія подъ бременемъ собственной тяжести, мало способныя, представители которыхъ, сами лично, ничѣмъ не заинтересованы въ успѣхѣ этого дѣла. Онѣ возьмутъ адвоката, отлично! пусть берутъ, но что они ему дадутъ? Что они могутъ ему дать? Столько, сколько слѣдуетъ по закону. Очень можетъ быть, что тому адвокату будетъ гораздо выгоднѣе, если я выиграю—это будетъ зависѣть отъ нашихъ личныхъ условій. Вообще, скажу тебѣ, что въ судахъ, точно также какъ въ жизни, выигрываетъ та сторона, которая больше хочетъ выиграть.

— Но общественное мнѣніе сотретъ тебя въ порошокъ, если ты станешь уничтожать такія записи. Видишь, жена моя отчасти заинтересована...

— Какъ это: отчасти?—прервалъ его Машкò.—Вѣдь я буду истиннымъ благодѣтелемъ вашимъ.

— Отлично, тѣмъ болѣе. А жена моя все-таки возмущалась и продолжаетъ возмущаться этимъ дѣломъ.

— Жена твоя составляетъ исключеніе.

— Не скажи этого. И мнѣ оно не по вкусу.

— Это что! И изъ тебя уже сдѣлали романтика?

— Перестань, любезный. Мы вѣдь не со вчерашняго дня знакомы. Выкладывай это кому либо другому, а не мнѣ.

— Хорошо, буду говорить объ общественномъ мнѣніи. Во-первыхъ, скажу тебѣ, что человѣку истинно „comme-il-faut“ нѣкоторая популярность скорѣе помогаетъ, чѣмъ вредитъ. Во-вторыхъ, нужно знать обстоятельства. Меня стерли бы въ порошокъ, какъ ты говоришь, если бы я проигралъ дѣло, но выиграй я его — и я увѣряю тебя, меня будутъ считать великимъ адвокатомъ—а я это дѣло долженъ выиграть!

И черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Что касается вопроса экономическаго, то въ чемъ же тутъ дѣло? Деньги останутся въ краѣ и, ей Богу,—еще большой вопросъ — не будутъ ли онѣ употреблены съ бо̀льшей пользой? Какъ хочешь, а краю будетъ ни тепло, ни холодно отъ того, что на эти деньги будетъ воспитано нѣсколько десятковъ золотушныхъ дѣтей, которыя, когда выростутъ, будутъ своимъ худосочіемъ содѣйствовать только вырожденію расы, или нѣсколько швеекъ получатъ швейныя машины, а нѣсколько старыхъ бабъ и дѣдовъ протянутъ, благодаря этимъ деньгамъ, еще нѣсколько лѣтъ своей жалкой жизни. Это все цѣли непроизводительныя. Намъ необходимо научиться наконецъ экономіи... Впрочемъ, скажу тебѣ коротко и ясно: ножъ былъ уже приставленъ къ самому моему горлу. Я считаю своимъ первымъ долгомъ обезпечить себя, свою жену, и свою будущую семью. Ты поймешь меня только тогда, если самъ когда-нибудь очутишься въ такомъ положеніи, въ какомъ очутился я. Я предпочелъ выплыть на верхъ, чѣмъ утонуть—а на это каждый имѣетъ право.—Жена моя, какъ я тебѣ писалъ, имѣетъ значительную ежегодную ренту, но состоянія никакого или почти никакого, къ тому же она изъ этой ренты посылаетъ еще и отцу своему. Жалованіе пришлось ему увеличить, потому что онъ угрожалъ явиться сюда, а этого я бы никакъ не хотѣлъ.

— Значитъ, ты теперь уже навѣрно знаешь, что панъ Краславскій еще существуетъ. Помнишь, ты мнѣ когда то объ этомъ говорилъ.

— Какъ-же, помню, потому-то я передъ тобой и не скрываю. Впрочемъ, знаю, что уже объ этомъ говорятъ далеко не въ пользу моей тещи и моей жены, что разсказываютъ, Богъ знаетъ, какіе ужасы, поэтому разскажу тебѣ, какъ другу, все какъ есть. Панъ Краславскій живетъ теперь въ Бордо; прежде онъ состоялъ агентомъ по продажѣ сардинокъ и хорошо зарабатывалъ, но лишился мѣста, потому что сталъ запивать, а теперь пьетъ въ горькую и обзавелся къ тому же нелегальной семьей. Барыни мои высылаютъ ему три тысячи франковъ въ годъ, но этого ему не хватаетъ и, между одной и другой получкой онъ терпитъ нужду, которую заливаетъ алкоголемъ и тогда мучаетъ этихъ несчаст-

ныхъ женщинъ своими посланіями, въ которыхъ угрожаетъ объявить въ газетахъ о томъ, какъ съ нимъ поступаютъ. А поступаютъ онѣ съ нимъ гораздо лучше, чѣмъ онъ этого заслуживаетъ. Сейчасъ послѣ свадьбы онъ и ко мнѣ обратился письмомъ, въ которомъ просилъ объ увеличеніи ему пенсіи на тысячу франковъ въ годъ. Онъ жалуется, что эти женщины его „заѣли“, что во всю жизнь онъ не испыталъ ни капельки счастья, что его подточилъ ихъ страшный эгоизмъ — и предостерегаетъ меня отъ нихъ.

Тутъ Машко̀ не выдержалъ и, начавъ смѣяться, продолжалъ:

— А у него, шельма этакая, фантазія богатая. Какъ-то разъ съ нужды онъ рѣшилъ было взяться за продажу театральныхъ афишъ, но ему предложили какую-то шапку съ какимъ-то значкомъ и, это остановило его. Вотъ что онъ пишетъ мнѣ объ этомъ: „Все-бы хорошо было, если бы только не этотъ киверъ!! Какъ мнѣ дали киверъ—такъ ни съ мѣста, хоть убей!..“ И онъ предпочелъ умирать съ голоду, чѣмъ надѣть этотъ киверъ! Нравится мнѣ мой тесть да и только!—Я когда-то былъ въ Бордо, но никакъ не могу припомнить, какіе кивера носятъ афишеры, я бы очень хотѣлъ посмотрѣть такой киверъ... Ты конечно понимаешь, что я охотно согласился прибавить ему тысячу франковъ, лишь бы онъ былъ подальше со своимъ алкоголемъ и со своимъ киверомъ... Что мнѣ досаднѣе всего, это то, что тутъ толкуютъ о томъ, что будто бы онъ и здѣсь былъ не то швейцаромъ, не то писаремъ, а это одинъ поклепъ, не больше, потому что стоитъ раскрыть любую геральдику, чтобы убѣдиться, кто такіе были Краславскіе. Родственники Краславскихъ тутъ всѣмъ извѣстны и ихъ, слава Богу, не занимать стать. Человѣкъ опустился, это правда, но фамилія всегда была и останется одной изъ лучшихъ. У этихъ барынь родственниковъ тутъ наберется не одинъ только десятокъ и не шушера какая нибудь—и если я тебѣ всю эту исторію разсказываю, то только потому, чтобы ты зналъ настоящую правду.

Но вся эта настоящая правда, касавшаяся рода Краславскихъ, очень мало интересовала Поланецкаго и онъ вернулся къ дамамъ, тѣмъ болѣе, что пришелъ Завиловскій, котораго онъ пригласилъ на чашку чаю, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ показать ему тѣ фотографическіе снимки, которые онъ привезъ изъ Италіи. Цѣлая масса ихъ была разложена на столѣ, но Завиловскій держалъ въ рукахъ фотографію Литки и такъ былъ восхищенъ ею, что, пожавъ руку Машко̀, которому онъ былъ представленъ, онъ снова сталъ разсматривать фотографію, не переставая говорить о ней.

— Я думалъ, что это скорѣе фантазія художника, а не портретъ живого ребенка—сказалъ онъ.—Что за чудная головка, что за выраженіе! Это сестрица ваша?

— Нѣтъ,—отвѣтила пани Поланецкая.—Этотъ ребенокъ недавно умеръ.

Въ глазахъ Завиловскаго, поэта по душѣ, этотъ трагизмъ смерти окружилъ это дѣйствительно ангельское личико ореоломъ сочувствія и восторга. Нѣкоторое время онъ разсматривалъ фотографію молча, то отодвигая, то приближая ее къ глазамъ, а затѣмъ сказалъ:

— Я спросилъ не сестра ли это ваша потому, что есть какое-то сходство... въ чертахъ лица, скорѣе въ глазахъ... право, есть!

Завиловскій, казалось, говорилъ совершенно искренно, но Поланецкій хранилъ въ душѣ своей чувство такого благоговѣнія къ покойной, что, хотя онъ признавалъ за Мариней и красоту, и изящество, однако, сравненіе это показалось ему какой-то профанаціей и, взявъ фотографію изъ рукъ Завиловскаго, онъ поставилъ ее на прежнее мѣсто, замѣтивъ при этомъ съ нѣкоторой рѣзкостью:

— Никакого сходства! рѣшительно никакого. Ничего общаго! Какъ можно даже сравнивать? Рѣшительно ничего общаго!

Мариню немного покоробила эта рѣзкость.

— И я тоже нахожу—сказала она.

Но ему, видно, мало было еще ея согласія.

— Вы знали Литку?—сказалъ онъ, обратившись къ пани Машко.

— Да.

— Правда, вы ее видѣли у Бигелей?

— Да.

— Неправда-ли, нѣтъ ни малѣйшаго сходства?

— Нѣтъ.

Завиловскій, искренно восторгавшійся пани Поланецкой, посмотрѣлъ на Поланецкаго съ нѣкоторымъ удивленіемъ, послѣдній-же сосредоточилъ въ эту минуту все свое вниманіе на тонкой таліи пани Машко, изящно обрисованной сѣрымъ, ловко обтянутымъ платьемъ и думалъ:

— Какъ она, однако, изящна!

Черезъ минуту супруги Машко стали прощаться. Машко, цѣлуя руку у пани Поланецкой, сказалъ:

— Мнѣ, быть можетъ, скоро придется уѣхать въ Петербургъ; пожалуйста, не забывайте тутъ о моей женѣ.

За чаемъ Мариня напомнила Завиловскому, что онъ въ прошлый разъ обѣщался принести съ собою свою поэму „На порогѣ“ и прочесть ее, и онъ сразу такъ привязался къ Поланецкимъ, что не только прочелъ свою поэму, но еще и нѣсколько другихъ стихотвореній. Видно было, что онъ самъ удивлялся своей храбрости и своему расположенію, а когда по прочтеніи посыпались похвалы, безусловно искреннія, онъ сказалъ:

— Я также говорю совершенно искренно, что съ вами послѣ

третьей встрѣчи чувствуешь себя такъ, точно мы съ вами уже Богъ вѣсть сколько времени знакомы. Это даже удивительно.

Поланецкій вспомнилъ, что онъ когда-то сказалъ нѣчто въ этомъ родѣ Маринѣ при первомъ ихъ знакомствѣ въ Кременѣ, но теперь принялъ это какъ нѣчто должное и по своему адресу.

Завиловскій-же имѣлъ въ виду одну лишь ее: онъ былъ въ восторгѣ отъ ея простой доброты и отъ ея чуднаго лица.

Когда онъ ушелъ, Поланецкій сказалъ:

— Дѣйствительно, способный человѣкъ. Ты замѣтила, у него какая-то перемѣна произошла въ лицѣ?

— Онъ волосы остригъ—сказала Мариня.

— Да, да! поэтому-то и борода у него теперь такъ торчитъ.

Говоря это, Поланецкій всталъ и началъ укладывать свои фотографіи на висѣвшую надъ столомъ полку, потомъ, забравъ карточку Литки, сказалъ:

— Я поставлю ее у себя въ кабинетѣ.

— Тамъ-же у тебя есть эта раскрашенная, съ березками?

— Да, но я не хочу, чтобы она тутъ стояла у всѣхъ на виду. Каждый смотритъ, дѣлаетъ замѣчанія, а это меня иногда раздражаетъ. Можно?

— Хорошо, мой Стахъ!—отвѣтила Мариня.

XIX.

Бигель сильно уговаривалъ Поланецкаго, чтобы онъ не ликвидировалъ „торговаго дома“ и не бросался безъ оглядки на другія предпріятія. „Мы создали приличный купеческій домъ (говорилъ онъ), какихъ у насъ мало и поэтому мы несомнѣнно полезны“. Онъ утверждалъ, что они должны продолжать операціи „дома“, хотя-бы изъ чувства благодарности, такъ какъ, благодаря ему, они почти удвоили свое состояніе, при чемъ высказалъ убѣжденіе, что они поступятъ чрезвычайно умно, если станутъ теперь вести дѣло осторожно и основательно и если ихъ первая смѣлая спекуляція, хотя и вполнѣ удаво шаяся, не только не заохотитъ ихъ къ новымъ спекуляціямъ, но останется первой и послѣдней. Поланецкій вполнѣ соглашался съ тѣмъ, что при успѣхѣ нужно быть вдвойнѣ осторожнымъ, но жаловался, что въ „Домѣ“ ему тѣсно, что ему негдѣ развернуться и что ему очень хочется взяться за что-либо широкое, продуктивное. Онъ былъ настолько практиченъ, что отлично понималъ, что думать о собственной фабрикѣ еще преждевременно. „Открыть небольшую фабрику не стоитъ—думалъ онъ часто,—потому что большія фабрики, производящія *en gros*, проглотятъ меня; для большой-же—средствъ нѣтъ, а

связаться съ акціонерами—значитъ работать не для себя, а для другихъ". Онъ также понималъ, что о мѣстныхъ предпринимателяхъ нечего и думать, а съ чужими онъ не хотѣлъ, хорошо зная, что трудно разсчитывать на ихъ довѣріе, и что ужъ одна его фамилія скорѣе ему повредитъ, чѣмъ поможетъ. Бигель, дорожившій больше всего „Домомъ", отъ души былъ радъ, что Поланецкій такъ трезво смотритъ на вещи.

Въ Поланецкомъ проснулось еще другое желаніе, а именно: все тоже вѣчное, старое, какъ міръ, желаніе обладанія. Благодаря удачной спекуляціи и значительному наслѣдству послѣ Букацкаго, онъ сталъ человѣкомъ довольно богатымъ, но при всей своей трезвости, онъ не могъ отрѣшиться отъ какого-то страннаго чувства, что все это богатство, которое заключается въ самыхъ солидныхъ бумагахъ, запертыхъ въ несгораемомъ шкафѣ, является, всетаки, какимъ-то бумажнымъ богатствомъ и останется такимъ до тѣхъ поръ, пока въ обладаніи его не будетъ что либо реальное, о чемъ-бы онъ могъ сказать: „вотъ это мое!".

Это странное желаніе охватывало его все сильнѣе и сильнѣе. Ни о чемъ грандіозномъ онъ не мечталъ, желая только собственнаго угла, гдѣ онъ могъ-бы чувствовать себя дома. Долго размышлялъ и философствовалъ онъ объ этомъ, и объяснялъ Бигелю, что эта страсть къ обладанію, скорѣе всего, у него врожденная, которую, правда, можно заглушить, но которая въ извѣстномъ возрастѣ сказывается съ новой силой. Бигель не спорилъ съ нимъ и соглашался, говоря:

— Это вполнѣ понятно. Ты женатъ, а поэтому хочешь имѣть собственное гнѣздо, а такъ какъ ты при своихъ средствахъ можешь себѣ это позволить, то самое лучшее позаботиться о такомъ гнѣздышкѣ.

Поланецкій сначала думалъ выстроить въ городѣ большой домъ, который, удовлетворяя его страсти къ обладанію, явился бы вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ дохода. Но въ одно прекрасное утро онъ убѣдился, что въ этомъ практическомъ намѣреніи есть одно большое неудобство—а именно: отсутствіе всякой иллюзіи,—вѣдь то, о чемъ можно-бы было сказать: „вотъ это мое"—нужно любить, а какже можно любить громадный, многоэтажный каменный домъ, въ которомъ каждый можетъ поселиться, нанявъ тамъ квартиру? Сначала онъ самъ стыдился этой мысли, находя ее романтичной, но потомъ сказалъ себѣ: „Нѣтъ, если я обладаю средствами, то израсходованіе ихъ съ пользой и пріятностью ничуть не являются романтизмомъ, а лишь доказательствомъ извѣстной практичности и разсудительности". Теперь онъ сталъ больше думать о небольшомъ домѣ въ городѣ или за городомъ, гдѣ-бы могъ поселиться только самъ съ женой. Но ему хотѣлось,

чтобы при домѣ былъ кусокъ земли, и чтобы на ней была-бы какая-нибудь растительность. Онъ чувствовалъ, что, напримѣръ, видъ деревьевъ, которыя росли-бы въ *его* саду, передъ *его* домомъ на *его* землѣ, доставилъ-бы ему громадное удовольствіе. Онъ самъ удивлялся этому, но такъ было на самомъ дѣлѣ. Наконецъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что лучше всего было-бы пріобрѣсти себѣ небольшую дачку, гдѣ-нибудь за городомъ, такую, какъ у Бигеля, только съ кускомъ земли, кускомъ лѣса и десятиной-другой огорода и небольшимъ садомъ съ гнѣздомъ аистовъ гдѣ-нибудь на старой липѣ.

— Если я могу себѣ это позволить, то, разумѣется, лучше найти то, что мнѣ нравится, будетъ и красиво, и пріятно—думалъ онъ часто.

И онъ сталъ обдумывать дѣло очень обстоятельно. Онъ отлично понималъ, что когда рѣшается такой важный вопросъ, какъ выборъ гнѣзда для себя и семьи, гдѣ придется прожить всю свою жизнь, то торопиться не слѣдуетъ—и онъ не торопился. Между тѣмъ, размышленія эти наполнили все его свободное время, и это доставляло ему истинное удовольствіе. Кто-то пронюхалъ, что Поланецкій ищетъ не то дачи, не то имѣньица, которое хочетъ купить на наличныя, и со всѣхъ сторонъ посыпались разныя предложенія, часто безсмысленныя и абсурдныя, нѣкоторыя, однако, довольно подходящія. Приходилось иногда ѣздить и осматривать разныя дачи въ самомъ городѣ или въ окрестностяхъ его. Поланецкій часто послѣ обѣда запирался у себя въ кабинетѣ, разсматривая письма и планы, и показывался только вечеромъ. У Мариня было тогда масса свободнаго времени; она, наконецъ, замѣтила, что его что-то сильно занимаетъ, она пробовала-было разспрашивать его, но онъ всегда почти отвѣчалъ ей одно и то-же:

— Милая, когда что-нибудь изъ этого выйдетъ, тогда и скажу, а теперь, что болтать зря. Ужъ у меня такая натура...

Но она, всетаки, узнала въ чемъ дѣло отъ пани Бигель, которая, въ свою очередь, узнала отъ своего мужа, имѣвшаго обыкновеніе совѣтоваться съ женой даже о самыхъ мелочахъ. Для пани Поланецкой было-бы тоже чрезвычайно пріятно разговаривать съ мужемъ о всѣхъ его планахъ, а въ особенности о томъ, что касалось выбора гнѣзда. При одной мысли объ этомъ въ глазахъ ея засвѣтилась улыбка, но разъ „натура Стаха“ являлась этому препятствіемъ, то она изъ чувства деликатности предпочитала лучше не разспрашивать его.

Онъ это дѣлалъ безъ всякой задней мысли, просто ему никогда не приходило въ голову посвящать ее въ вопросы, гдѣ дѣло касалось денегъ. Быть можетъ, онъ поступилъ-бы иначе, еслибы она принесла ему значительное приданое и ему-бы пришлось распоряжаться

ея состояніемъ: въ такихъ дѣлахъ онъ былъ до-нельзя щепетиленъ. Но онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только свой капиталъ и поэтому онъ, какъ и до свадьбы, не чувствовалъ никакой надобности отдавать кому-либо отчетъ въ томъ, что намѣренъ былъ дѣлать. Только съ однимъ Бигелемъ онъ говорилъ о своихъ планахъ и то лишь по старой своей привычкѣ совѣтоваться съ нимъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ.

Съ женой онъ говорилъ только о такихъ дѣлахъ, которыя, по его мнѣнію, „до нея касались“, а къ такимъ дѣламъ, между прочимъ, принадлежалъ вопросъ о составленіи приличнаго кружка знакомыхъ. За послѣднее время своей холостой жизни Поланецкій нигдѣ почти не бывалъ и знакомствъ не поддерживалъ, но теперь онъ чувствовалъ, что такъ дольше не можетъ продолжаться. Они сдѣлали поэтому визитъ Машко и какъ-то разъ вечеромъ начали обсуждать, нужно-ли имъ сдѣлать визитъ Основскимъ, которые недавно вернулись изъ-за границы и останутся въ Варшавѣ до послѣднихъ чиселъ іюня. Мариня высказалась, что имъ необходимо побывать у нихъ, мотивируя это тѣмъ, что имъ придется встрѣчаться съ ними у пани Машко, и очень хотѣла поддержать это знакомство, такъ какъ очень симпатизировала пану Основскому. Поланецкій не выказалъ особаго желанія и въ тотъ-же вечеръ на семейномъ совѣтѣ вопросъ былъ рѣшенъ согласно его желанію; но черезъ нѣсколько дней Основскіе встрѣтили Мариню, поздоровались съ ней съ такимъ радушіемъ, пани Основская такъ часто повторяла: „мы римлянки“, оба и мужъ, и жена такъ подчеркивали, что они надѣются видаться и встрѣчаться съ ней, что невозможно было не сдѣлать имъ визита.

Однако, когда Поланецкіе явились къ Основскимъ, радушіе, любезность и вниманіе были больше всего направлены по адресу Марини. И хозяинъ, и хозяйка такъ усердствовали въ любезностяхъ по отношенію къ гостьѣ, точно они хотѣли щегольнуть другъ передъ другомъ. Къ Поланецкому они также были любезны и внимательны, какъ подобаетъ людямъ благовоспитаннымъ, но зато куда холоднѣе. Онъ понялъ, что Мариня играетъ тутъ первую роль, онъ-же — второстепенную, и это немного его раздражало. Пану Основскому, впрочемъ, не приходилось выжимать изъ себя любезностей для пани Поланецкой, потому-что, чувствуя ея искреннюю симпатію къ себѣ, онъ только отплачивалъ ей той-же монетой, да еще съ излишкомъ, хотя онъ далеко не былъ мастеръ на это.

Онъ показался Маринѣ еще болѣе влюбленнымъ въ свою жену, чѣмъ прежде. Такъ и видно было, что какъ только онъ на нее посмотритъ, сердце у него начинаетъ сильно биться. Говоря съ ней, онъ, казалось, подыскивалъ выраженія, точно опасаясь обидѣть ее лиш-

нимъ словомъ. Поланецкій смотрѣлъ на него не безъ чувства жалости,—но это все-таки было очень трогательно. Въ борьбѣ со своей толщиной онъ одержалъ такую блестящую побѣду, что даже платье казалось на немъ теперь слишкомъ широкимъ и точно висѣло. Красныя пятна, выступавшія прежде на его лицѣ совершенно исчезли и, вообще, онъ казался теперь куда красивѣе, чѣмъ онъ былъ прежде.

А у пани Основской были все тѣ-же несравненные, немного косые глаза цвѣта фіалокъ и все тѣ-же мысли, которыя, словно райскія птички, вѣчно порхали въ небесахъ.

Но Поланецкіе завели у Основскихъ новое знакомство, а именно: они познакомились съ пани Броничевой и ея племянницей, панной Кастелли, которыя пріѣхали въ Варшаву на „весенній карнавалъ" и поселились на той-же самой дачѣ, которую покойный панъ Броничъ продалъ пану Основскому, за исключеніемъ одного павильона, оставленнаго имъ для жены. Пани Броничева была вдовой покойнаго пана Бронича, о которомъ она говорила, какъ о послѣднемъ изъ потомковъ князей Острогскихъ и такъ-же, какъ и о послѣднемъ изъ Рюриковичей. Она извѣстна была въ городѣ такъ-же подъ именемъ „сахара-медовича". Прозвали ее такъ потому, что она умѣла такъ сладко говорить, въ особенности съ тѣми, передъ кѣмъ она заискивала, что такъ и казалось, будто она держитъ во рту кусочекъ сахара, черезъ который процѣживаетъ каждое свое слово. Она такъ мастерски врала, что объ этомъ разсказывали просто чудеса. Панна Кастелли была дочерью ея сестры, которая, въ свое время, къ великому ужасу родныхъ и свѣта, вышла за итальянца, бывшаго ея учителя музыки, и умерла отъ родовъ, произведя на свѣтъ дочку. Когда, черезъ годъ, и панъ Кастелли утонулъ въ Лидо, пани Броничева взяла къ себѣ племянницу и воспитала ее.

Панна Линета была совершенствомъ красоты, съ очень правильными чертами лица, съ голубыми глазами, съ золотистыми волосами и чуднымъ, почти фарфоровымъ, цвѣтомъ лица. Вѣки у нея были немного тяжелыя, что придавало ей сонное выраженіе, но это сонное выраженіе можно было принять отчасти и за какую-то замкнутость въ самой себѣ. Можно было подумать, что это существо живетъ какой-то особой внутренней жизнью и потому такъ равнодушно, почти индифферентно относится ко всему, что ее окружаетъ. Впрочемъ, кто-бы объ этомъ самъ не догадался, могъ быть вполнѣ увѣренъ, что объ этомъ постарается пани Броничева и не преминетъ раскрыть передъ нимъ эту загадку. Пани Основская, которая переходила всѣ фазы восхищенія своей кузиной, говорила теперь о глазахъ панны Линеты, что „они глубоки, какъ озера"; являлся только вопросъ,

что было тамъ на днѣ этихъ „озеръ“, но эта, именно, таинственность придавала паннѣ Линетѣ какую-то особую прелесть.

Основскіе пріѣхали въ Варшаву съ намѣреніемъ повеселиться и хорошо провести время, но пани Анета не даромъ была въ Римѣ. „Искусство и искусство,—говорила она пани Поланецкой,—ни о чемъ другомъ и знать не хочу“. Ея явнымъ намѣреніемъ было открыть „аѳинскій“ салонъ, тайнымъ-же ея намѣреніемъ было — стать Беатричей какого-нибудь Данта, Лаурой какого-нибудь Петрарки, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь вродѣ Цитторіи Колонна для какого-нибудь Микеля Анджело.

— У насъ на дачѣ отличный садъ,—говорила она,—вечера будутъ прелестные и мы будемъ собираться, чтобы пріятно поговорить о Римѣ, о Флоренціи... Вы знаете (тутъ она подняла свои ладони въ уровень съ плечами и начала слегка ими помахивать), сумерки, немного вечерней зари, немного луны, нѣсколько лампъ, тѣни, падающія отъ деревъ: сидишь себѣ и говоришь вполголоса обо всемъ: о жизни, о чувствахъ, объ искусствѣ,—вѣдь это, право, куда интереснѣе, чѣмъ всякія сплетни! Мой Юзя, тебѣ, быть можетъ, будетъ скучно, но не взыщи, пожалуйста, голубчикъ, не сердись, сдѣлай это для меня,—увѣряю тебя, что это будетъ хорошо.

— Ради Бога, Анета, развѣ для меня можетъ быть скучно то, что тебѣ можетъ доставить удовольствіе? отвѣтилъ панъ Основскій.

— Особенно теперь, когда мы имѣемъ эту Линету, эту настоящую артистку до мозга костей.

Тутъ она обратилась къ ней:

— Что роится теперь въ этой чудной головкѣ? Что ты скажешь о нашихъ римскихъ вечерахъ?

Панна Линета вяло улыбнулась, а „послѣдняя изъ Рюриковичей“ заговорила, обращаясь преимущественно къ Поланецкимъ, точно собираясь излить на нихъ цѣлое море своей слащавой любезности.

— Вы знаете, ее вѣдь благословилъ Викторъ Гюго, когда она была еще ребенкомъ.

— Вы знали Виктора Гюго? спросила Мариня.

— Мы? Нѣтъ! Я-бы и знать его не хотѣла, ни за что-бы на свѣтѣ! Но мы разъ проѣзжали черезъ Пасси, когда онъ стоялъ на балконѣ, — не знаю, было-ли это предчувствіемъ, или вдохновеніемъ, — но какъ увидѣлъ Линету, то вознесъ онъ руку горѐ и перекрестилъ ее...

— Тетя! сказала панна Кастелли.

— Вѣдь эти правда, дитятко, а что правда, то правда! Я сейчасъ тогда воскликнула: смотри! смотри! онъ руку поднимаетъ! — и панъ Кардинъ, консулъ, который сидѣлъ впереди, тоже видѣлъ, что

онъ поднимаетъ руку и крестится. Наоборотъ, я разсказываю объ этомъ охотно, потому-что, кто знаетъ, быть можетъ, Господь-Богъ за это крестное знаменіе отпустилъ ему всѣ грѣхи, а у него ихъ вѣдь было не мало. И даже онъ, такой атеистъ, такой испорченный умъ, увидѣвъ Линетку, не выдержалъ и перекрестилъ ее!

Во всемъ этомъ правдой было то, что онѣ, проѣзжая черезъ Пасси, дѣйствительно видѣли на балконѣ Виктора Гюго. Что-же касается благословенія, посланнаго имъ будто-бы Линеткѣ въ видѣ крестнаго знаменія, то варшавскіе злые языки утверждаютъ, что онъ поднялъ руку потому, что какъ-разъ въ это время зѣвнулъ.

А пани Основская, между тѣмъ, продолжала:

— Мы устроимъ тутъ маленькую Италію; если-же намъ нашъ опытъ не удастся, то мы въ будущую зиму удеремъ въ большую Италію. У меня ужъ была мысль открыть въ Римѣ свой домъ. Между тѣмъ, мой Юзя привезъ нѣсколько копій хорошихъ картинъ и статуй. Это очень мило съ его стороны, онъ вѣдь очень мало интересуется ими и привезъ ихъ исключительно для меня. Тамъ есть очень хорошія вещи, потому-что мой Юзя былъ настолько разсудителенъ, что не довѣрилъ своему вкусу и обратился за совѣтомъ къ пану Свирскому. Жаль, что его тутъ нѣтъ. Жаль такъ-же, что Букацкій, какъ на зло, умеръ, онъ былъ-бы теперь незамѣнимъ. Онъ иногда бывалъ очень милъ. У него было что-то гибкое, змѣиное, а это придаетъ разговору много жизни. Кстати (тутъ она обратилась къ пани Поланецкой), знаете, ma chère, вы совершенно побѣдили пана Свирскаго. Послѣ вашего отъѣзда онъ только вами и бредилъ, а теперь пишетъ Мадонну, совершенно похожую на васъ. Вотъ вы и Форнарина. Вы, должно быть, имѣете особое счастье у артистовъ,—а когда начнутся мои флорентійскіе вечера, мнѣ съ Линетой придется держать ухо востро, иначе вы насъ въ уголъ забьете.

А пани Броничева, недружелюбно посмотрѣвъ на Марыню, сказала:

— Если рѣчь зашла о лицахъ, которыя производятъ впечатлѣніе на артистовъ, то разскажу вамъ, что со мной разъ случилось въ Ниццѣ...

— Тетя! прервала ее панна Кастелли.

— Вѣдь это правда, дитятко; а что правда, то правда... Годъ тому назадъ... Нѣтъ! два года тому назадъ... Какъ время, однако, летитъ...

Но пани Основская, которая, вѣроятно, не разъ уже слышала о томъ, что случилось съ ней въ Ниццѣ, стала разспрашивать пани Поланецкую:

— А у васъ много знакомыхъ въ артистическомъ мірѣ?

— У мужа моего, навѣрное, много, — отвѣтила Мариня, — а у меня почти никого; но мы знакомы съ паномъ Завиловскимъ.

Пани Основская пришла отъ этого извѣстія въ неописанный восторгъ. Ея постоянной мечтой было познакомиться съ Завиловскимъ, и пусть Юзя скажетъ, не было-ли это ея постоянной мечтой? Она недавно еще читала вмѣстѣ съ Линетой его стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Ex imo“—и Линета, которая такъ умѣетъ однимъ только словомъ охарактеризовать впечатлѣніе, какъ рѣдко кто, сказала тогда... Что она тогда сказала такое характерное, такое мѣткое?..

— Что въ этомъ есть что-то словно бронзовое,—подсказала пани Броничева.

— Да, да, что-то словно бронзовое. Я рисую себѣ пана Завиловскаго такимъ мощнымъ, точно изъ чугуна вылитымъ. Какъ онъ выглядитъ?

— Низкій, толстый, лѣтъ пятидесяти съ хвостикомъ, а на головѣ ни одного волоска,—сказалъ Поланецкій.

При этомъ на лицахъ пани Основской и панны Линеты выразилось вдругъ такое разочарованіе, что Мариня не выдержала, разсмѣялась и сказала:

— Не вѣрьте вы ему, этому злому человѣку, онъ нарочно любитъ огорчать. Панъ Завиловскій еще молодой человѣкъ, немного дикенькій и немного напоминаетъ собой Вагнера.

— Это значитъ, что у него бородка точно у полишинеля,—не выдержалъ Поланецкій.

Но пани Основская ужъ не слушала Поланецкаго и умоляла Мариню, чтобы она познакомила ее съ Завиловскимъ—и поскорѣй, „какъ можно скорѣй, потому-что лѣто ужъ на носу!“...

— Мы постараемся, чтобы ему было хорошо тутъ, между нами, и чтобы онъ пересталъ дичиться, — хотя, если онъ немного дикъ, то это нисколько не мѣшаетъ, — онъ долженъ быть немного дикъ и долженъ немного ежиться, когда люди къ нему приближаются... словно орелъ въ клѣткѣ! Впрочемъ, они съ Линеткой поймутъ другъ друга, потому-что и она вся замкнута въ себѣ и загадочна, какъ сфинксъ.

— Мнѣ кажется, что всякая высшая натура...—начала „сахаръ-медовичъ“, послѣдняя изъ Рюриковичей.

Но Поланецкіе стали прощаться. Въ передней они встрѣтили обворожительнаго Коповскаго, которому лакей обтиралъ пыль съ желтыхъ ботинокъ, и который въ это время приглаживалъ волосы на своей мраморной, твердой какъ у статуи, головѣ. Очутившись на улицѣ, Поланецкій сказалъ:

— Этотъ имъ также пригодится для ихъ „флорентійскихъ“ вечеровъ. Это также сфинксъ своего рода.

— Поставить бы его въ только въ нишу!—сказала Мариня.— Однако, эти женщины очень красивы.

— Удивительная вещь,—отвѣтилъ Поланецкій,—пани Основская безусловно красивая женщина, но мнѣ, напримѣръ, гораздо больше нравится красота пани Машко. Что же касается пани Кастелли, то она дѣйствительно хороша, хотя ростомъ она черезчуръ высока. Ты замѣтила, тамъ только и разговору, что о ней, а она хоть бы слово, ни гу-гу!..

— Говорятъ, что она дѣвушка очень интеллигентная, — сказала Мариня,—но, должно быть, немного застѣнчива, какъ и Завиловскій. Надо будетъ подумать объ этомъ знакомствѣ.

Между тѣмъ, произошелъ случай, который помѣшалъ всѣмъ этимъ планамъ. Пани Поланецкая, на другой день послѣ визита, поскользнулась по лѣстницѣ и такъ несчастливо упала, что разбила себѣ колѣно и должна была лечь на нѣсколько дней въ постель. Поланецкій, вернувшись изъ конторы и узнавъ о происшедшемъ, сначала не на шутку испугался, а потомъ, успокоенный врачемъ, порядкомъ таки пожурилъ жену:

— Ты должна помнить, что тутъ грозитъ опасность не только тебѣ одной!—сказалъ онъ ей.

Она сильно страдала и отъ боли въ ногѣ, и отъ его словъ, которые показались ей крайне жестокими, сознавая, что мужу слѣдовало бы, прежде всего, заботиться о ней и ею интересоваться, тѣмъ болѣе, что другія опасенія лишены пока еще всякаго основанія. Онъ, однако, казался очень разстроеннымъ и нѣсколько дней подъ-рядъ не выходилъ изъ дому, ни на шагъ не отходя отъ больной жены. По утрамъ онъ читалъ ей вслухъ, а послѣ завтрака занимался въ сосѣдней комнатѣ при открытой двери, чтобы быть на-готовѣ явиться къ ней по первому зову. Она, тронутая его вниманіемъ и заботами, горячо благодарила его, на что онъ, поцѣловавъ ее, сказалъ:

— Милая, да это простая обязанность. Видишь, люди даже совершенно чужіе провѣдываютъ тебя чуть-ли не ежедневно.

И дѣйствительно, чужіе провѣдывали ее почти ежедневно. Завиловскій въ конторѣ нѣсколько разъ на день все спрашивалъ: „какъ здоровье?“. Пани Бигель приходила днемъ, а Бигель по вечерамъ и, не входя въ комнату больной, онъ изъ сосѣдней комнаты игралъ на рояли, чтобы развлечь ее. Машко—и онъ, и она,—а также пани Броничева заѣзжали нѣсколько разъ и оставляли свои карточки. Пани Основская, оставивъ мужа ждать въ экипажѣ, почти ворвалась въ комнату Марини и просидѣла у нея битыхъ два часа, все время безъ устали говорила, перескакивая съ одного предмета на другой, то о Римѣ, то о своихъ „флорентійскихъ“ вечерахъ, о Свирскомъ, о мужѣ,

о Линетѣ и о Завиловскомъ, который ей просто спать не давалъ. Къ концу посѣщенія она заявила пани Поланецкой, что онѣ отнынѣ должны говорить другъ другу „ты“—и что она настоятельно проситъ ее помочь ей въ одномъ планѣ, то есть не въ планѣ, а скорѣе въ заговорѣ, или что-то въ этомъ родѣ, что̀ недавно пришло ей въ голову, а какъ оно пришло, то оно тамъ и горитъ, и горитъ до такой степени, что вся голова просто горитъ...

— Такъ мнѣ этотъ Завиловскій засѣлъ въ голову, что даже мой Юзя сталъ ревновать меня къ нему, но гдѣ ему, бѣдному моему Юзѣ постичь такія дѣла. Я увѣрена, что они съ Линетой созданы другъ для друга, то-есть не Юзя съ Линетой, а Завиловскій. И тутъ поэзія, и тутъ поэзія! Не смѣйся Мариня и не думай, что я свихнулась. Ты Линету не знаешь. Ей нуженъ человѣкъ необыкновенный. Она за такого Коповскаго, напримѣръ, ни за что въ свѣтѣ не вышла бы, хоть Коповскій и смотритъ херувимомъ. Такого лица, какъ у Коповскаго, я право, никогда въ жизни еще не видѣла... Можетъ быть, гдѣ-нибудь въ Италіи, на какой-нибудь картинѣ—и то сомнѣваюсь. А знаешь, какъ Линета о немъ отзывается! „c'est un imbecile!“ — Очень можетъ быть, но и она на него засматривается. Подумай только, какъ бы это было хорошо, если бы они познакомились, полюбили бы другъ друга и поженились,—то есть не Коповскій съ Линетой, а Завиловскій! Вотъ была-бы пара! А Линета, со своими стремленіями, кого она возьметъ? Гдѣ она найдетъ себѣ мужа? Ужъ насмотрѣлись бы мы, охъ, какъ-бы насмотрѣлись! Воображаю себѣ, какъ бы они другъ друга любили. Кругомъ такъ скучно, что, право, стоитъ потрудиться, чтобы увидѣть что-нибудь подобное. Впрочемъ, полагаю, что все пойдетъ какъ по маслу, такъ какъ и тетя Броничева просто руки ломаетъ, гдѣ ей найти мужа для Линеты.—Я ей-ей, боюсь, не замучила-ли я тебя, и навѣрное замучила, но какъ это пріятно поболтать, въ особенности когда что нибудь задумаешь...

И дѣйствительно, Мариня, по выходѣ пани Основской, чувствовала нѣчто вродѣ головокруженія. Однако, когда пришелъ Поланецкій, она подробно разсказала ему о планахъ и видахъ, которые, имѣются на Завиловскаго, немного посмѣялась, и наконецъ сказала:

— У нея, должно быть, доброе сердце и она мнѣ очень нравится, только какая она экзальтированная! Чего ей только въ голову не придетъ.

— Она скорѣе сумасшедшая, чѣмъ экзальтированная — отвѣтилъ Поланецкій—и въ этомъ громадная разница, потому что экзальтація идетъ почти всегда рука объ руку съ добрымъ сердцемъ, а сумасшествіе часто уживается съ сухостью сердца и даже нерѣдко является послѣдствіемъ того, что голова горитъ, а сердце спитъ.

— Ты просто не долюбливаешь пани Основской—сказала Мариня.

Поланецкій дѣйствительно не долюбливалъ ея, но въ эту минуту, вмѣсто того, чтобы подтвердить или отрицать это, онъ сталъ смотрѣть на Мариню съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ. Красота ея его просто поразила. Волосы ея разсыпались въ безпорядкѣ по подушкѣ и ея небольшое личико смотрѣло изъ этой темной волны какимъ-то чуднымъ цвѣткомъ. Глаза ея казались голубѣе и глубже обыкновеннаго, изъ полуоткрытыхъ устъ виднѣлась узкая ленточка мелкихъ и бѣлыхъ зубовъ. Поланецкій подошелъ къ ней ближе и произнесъ, немного задыхаясь:

— Какъ ты хороша сегодня!

И склонившись надъ ней съ измѣненнымъ отъ страсти лицомъ, онъ сталъ цѣловать ее въ лицо и въ губы.

Но каждый поцѣлуй потрясалъ ее, а каждое потрясеніе вызывало сильную, щемящую боль. Кромѣ того, ей стало крайне непріятно, что онъ, словно случайно, замѣтилъ ея красоту. Ей непріятно было выраженіе его лица и его невниманіе—и она отвернула немного голову.

— Стась, не цѣлуй меня такъ крѣпко, ты вѣдь знаешь, что я больна.

Тогда Поланецкій вдругъ выпрямился и процѣдилъ со сдержаннымъ гнѣвомъ:

— Правда—виноватъ!

И онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ занялся разсмотрѣніемъ плана какой-то дачи съ садомъ, присланнаго ему сегодня утромъ.

XX.

Болѣзнь пани Поланецкой скоро прошла, и не прошло недѣли, какъ они уже оба поѣхали къ Бигелямъ, которые поселились уже на своей загородной дачѣ. Погода, не смотря на раннюю весну, стояла прекрасная, а въ городѣ было уже невыносимо жарко. Завиловскій, успѣвшій уже немного освоиться, также пріѣхалъ и привезъ съ собою бумажный змѣй громадныхъ размѣровъ, который собирался пустить вмѣстѣ съ Поланецкимъ и съ дѣтьми. Маленькіе Бигелята очень полюбили его, потому что онъ былъ человѣкъ простой, по натурѣ веселый и, несмотря на всю свою дикость, не прочь былъ иногда поребячиться. Пани Бигель при этомъ утверждала, что у него голова какая-то необыкновенная, но въ этомъ правдой было лишь то, что на вѣкѣ былъ у него небольшой шрамъ, а торчащая бородка придавала ему выраженіе энергіи, которая совершенно отсутствовала въ верхней части его лица, до того нѣжнаго, что оно скорѣе похоже было на женское. Сначала пани Бигель искала въ немъ оригинала,

но какъ она ни старалась, ничего подобнаго въ немъ найти не могла. Онъ былъ робокъ и потому часто неровенъ, большой энтузіастъ и къ тому же человѣкъ съ большимъ самомнѣніемъ и не безъ скрытой гордости.

За обѣдомъ разсказали ему объ Основскихъ, о предполагаемыхъ „аѳинско-римско-флорентійскихъ“ вечерахъ, о паннѣ Кастелли и о нетерпѣніи, съ какимъ онѣ ожидаютъ познакомиться съ нимъ. Услыхавъ объ этомъ, онъ сказалъ:

— Хорошо, что теперь знаю,—не пойду къ нимъ ни за что на свѣтѣ.

— Вы раньше съ ними познакомитесь у насъ,—сказала Мариня.

Онъ умоляюще сложилъ руки:

— Я удеру изъ передней.

— Почему?—спросилъ Поланецкій,—нужно имѣть храбрость не только отстаивать свои убѣжденія, но и свои стихи.

— Въ самомъ дѣлѣ,—сказала пани Бигель.—Чего тутъ стыдиться! Вы должны всѣмъ смѣло смотрѣть въ глаза и прямо сказать имъ: „пишу, потому-что пишу“.

— Пишу, потому-что пишу, — повторилъ Завиловскій, поднявъ голову и улыбаясь.

Но Мариня продолжала:

— Вы раньше познакомитесь съ ними у насъ, потомъ вы какъ-нибудь заѣдете къ нимъ и оставите визитную карточку, а затѣмъ мы когда-нибудь вечеркомъ всѣ вмѣстѣ туда и поѣдемъ.

Онъ-же отвѣтилъ:

— Я не могу запрятать голову въ снѣгъ, потому-что снѣга теперь нѣтъ, но я все-таки куда-нибудь да скроюсь.

— А если я васъ объ этомъ попрошу?

— Тогда пойду,—отвѣтилъ Завиловскій, помолчавъ немного и слегка покраснѣвъ.

И онъ посмотрѣлъ на нее. Личико ея, поблѣднѣвшее немного послѣ болѣзни, казалось еще меньшимъ, точно личико шестнадцатилѣтней дѣвочки. Завиловскому она показалась до того прелестной, что онъ рѣшительно ни въ чемъ не могъ ей отказать.

Обратно въ городъ всѣ собирались только вечеромъ. Поланецкіе предложили Завиловскому мѣсто у себя въ экипажѣ. Передъ этимъ Мариня сказала ему:

— Это только теперь приходится употребить силу, потому-что вы не видѣли еще Линеты Кастелли, но какъ увидите ее, такъ и влюбитесь.

— Я-то!? — воскликнулъ Завиловскій, приложивъ руку къ груди.—Я въ панну Кастелли?..

И въ возгласѣ его зазвучала такая искренность, что онъ снова немного смѣшался, но на этотъ разъ смѣшалась и пани Поланецкая.

Между тѣмъ, Поланецкій покончилъ свой разговоръ съ Бигелемъ о неудобствѣ въ настоящее время помѣстить капиталъ въ недвижимое имущество — и всѣ поѣхали. Мариня вспомнила, какъ она когда-то съ отцомъ, съ пани Эмиліей, Литкой и Поланецкимъ возвращалась такъ-же отъ Бигелей въ такую-же лунную ночь. Какъ тогда этотъ самый „панъ Стахъ“ былъ влюбленъ въ нее и какъ онъ былъ тогда несчастенъ; какъ она была жестока съ нимъ — и сердце ея забилось чувствомъ жалости къ тому „пану Стаху“, который тогда столько выстрадалъ. Ей хотѣлось теперь такъ прижаться къ нему и извиниться передъ нимъ за тѣ давнія нехорошія минуты — и еслибы не присутствіе Завиловскаго, она-бы навѣрно это сдѣлала.

Но тотъ прежній панъ Станиславъ сидѣлъ теперь рядомъ съ нею, совершенно спокойный и самоувѣренный, и курилъ сигару. Вѣдь она была теперь его, онъ взялъ ее и обладаетъ ею,—значитъ, все кончено...

— О чемъ ты такъ задумался, Стахъ?—спросила она.

— Тамъ о дѣлахъ, о которыхъ я говорилъ съ Бигелемъ.

И, стряхнувъ пепелъ съ сигары, онъ затянулся ею такъ, что красный огонекъ освѣтилъ ему усы и часть лица.

А Завиловскій, смотря на лицо Марини, подумалъ, что еслибы она была его женой, то онъ-бы не курилъ теперь сигары и не думалъ-бы о дѣлахъ, о которыхъ говорится съ Бигелемъ, а стоялъ-бы теперь передъ нею на колѣняхъ и восхищался-бы ею.

И мало-по-малу, подъ вліяніемъ этой ночи и этого чуднаго женскаго лица, которое онъ обоготворялъ, его охватила сильная экзальтація. Черезъ нѣсколько минутъ онъ началъ декламировать, сначала тихо, какъ бы про себя, потомъ все громче и громче, свое стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Снѣгъ въ горахъ“. Въ этомъ стихотвореніи вылилась какая-то глубокая тоска о чемъ-то недосягаемомъ, о чемъ-то чистомъ и возвышенномъ. Завиловскій самъ не замѣтилъ, какъ они очутились въ городѣ и какъ фонари замигали по обѣямъ сторонамъ улицы. Прощаясь, Мариня сказала ему:

— И такъ, послѣ завтра, на „five o'clock“?

— Да!—отвѣтилъ онъ, цѣлуя ея руку.

Пани Поланецкая, подъ впечатлѣніемъ поѣздки, этой чудной ночи, а можетъ быть и прочитаннаго стихотворенія, впала въ мечтательность. Съ тѣхъ поръ какъ они вернулись изъ Рима они каждый вечеръ вмѣстѣ читали молитву на сонъ грядущій. И послѣ этой молитвы ее сегодня вдругъ охватило чувство безграничной нѣжности, точно это чувство вдругъ освободилось отъ всѣхъ другихъ впечатлѣ-

ній, совершенно заслонявшихъ его. Она подошла къ нему близко-близко, охватила руками его шею и стала шептать:

— Стахъ, дорогой мой, вѣдь намъ хорошо? не правда-ли?..

Онъ притянулъ ее къ себѣ и отвѣтилъ съ какимъ-то небрежнымъ высокомѣріемъ:

— А, развѣ я жалуюсь?..

И ему въ голову не пришло, что въ этомъ вопросѣ скользила какая-то тѣнь сожалѣнія и сомнѣнія, которымъ она не хотѣла дать мѣста въ своемъ сердцѣ—и что она ждала съ какимъ-то нетерпѣніемъ, что онъ успокоитъ и разсѣетъ ея сомнѣнія.

На другой день Завиловскій передалъ Поланецкому въ конторѣ старую газетную вырѣзку, гдѣ было напечатано стихотвореніе: „Снѣгъ въ горахъ“. Поланецкій прочелъ его за обѣдомъ, но, при стукѣ ножей и вилокъ, оно показалось не такъ красиво, какъ вчера, среди ночной тишины, при лунномъ освѣщеніи.

— Завиловскій говорилъ—сказалъ Поланецкій,—что въ скоромъ времени выйдетъ новый томикъ его стихотвореній. Онъ обѣщалъ собрать все, что было въ разныхъ журналахъ, и принести тебѣ.

На это Мариня отвѣтила:

— Нѣтъ; пусть лучше спрячетъ для Линеты.

— Ахъ! завтра ихъ первая встрѣча. Вы непремѣнно хотите основать эпоху въ жизни Завиловскаго.

— Хотимъ,—отвѣтила съ нѣкоторою рѣшительностью Мариня.— Сначала Анета меня этимъ удивила,—но почему же нѣтъ?

И на другой день произошла эта первая встрѣча. Супруги Основскіе, пани Броничева и панна Кастели пріѣхали ровно въ пять, но Завиловскій пришелъ еще раньше, чтобы избѣгнуть непріятной минуты появленія въ салонъ, когда общество будетъ въ полномъ сборѣ. Онъ не только оробѣлъ, но былъ куда неуклюжѣе обыкновеннаго и никогда еще его собственныя ноги не казались ему такими длинными, какъ теперь. Однако, въ его неуклюжести было особое благородство и пани Основская не могла этого не замѣтить. Началась первая сцена человѣческой комедіи, въ которой всѣ три женщины, какъ подобаетъ особамъ благовоспитаннымъ, остерегаясь всякой излишней нескромности по части осматриванія Завиловскаго, не дѣлали, однако, ничего другого, какъ только безцеремонно его оглядывали; онъ-же, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ этого, не думалъ, однако, ни о чемъ другомъ, какъ о томъ, что его оглядываютъ съ ногъ до головы и что надъ нимъ производится судъ. Это крайне его стѣсняло и онъ старался заглушить въ себѣ эту неловкость искусственной свободой, въ немъ заговорило его самолюбіе и онъ хотѣлъ, чтобы рѣшеніе суда было благопріятное. Но всѣ эти

три женщины были такъ настроены, что о неблагопріятномъ рѣшеніи не могло быть и рѣчи—и еслибы Завиловскій былъ и глупъ, и плосокъ, то его, всетаки, приняли-бы за образецъ мудрости и поэтической оригинальности. Равнодушѣе всѣхъ вела себя панна Линета, которой, отчасти, казалось страннымъ, что въ эту минуту не она является солнцемъ, а Завиловскій луной, но какъ разъ наоборотъ. Первое впечатлѣніе, какое произвело на нее лицо Завиловскаго, выразилось фразой: „какое сравненіе съ этимъ дуракомъ Коповскимъ!“ И несравненное, чудное лицо этого „дурака“ стало передъ ея глазами словно живое, вслѣдствіе чего вѣжды ея казались еще болѣе сонными, а выраженіе лица еще болѣе обыкновеннаго напоминало собою сфинкса... изъ фарфора. Ее, однако, раздражало то, что Завиловскій не обращалъ почти ни малѣйшаго вниманія ни на ея фигуру Юноны, ни на „что-то таинственное и поэтическое“, что, по утвержденію пани Броничевой, такъ и приковывало къ себѣ съ перваго взгляда. Мало-помалу, она начала на него поглядывать и, обладая, рядомъ съ поэтическимъ дарованіемъ, сильно развитымъ чувствомъ свѣтской наблюдательности, она замѣтила, что лицо у него очень выразительное, но что сюртукъ на немъ отвратительно сидитъ, что онъ одѣвается вѣроятно не у лучшихъ портныхъ и что шпилька его галстуха просто „mauvais genre“. Между тѣмъ, онъ, изрѣдка бросая взглядъ свой на Маринію, какъ на единственную, близкую и родственную ему душу, бесѣдовалъ съ пани Основской, которая, считая высшимъ тактомъ не касаться въ первомъ ихъ разговорѣ поэзіи и узнавъ, что Завиловскій провелъ дѣтство свое въ деревнѣ, защебетала о своемъ влеченіи къ деревенской жизни. Мужъ ея, молъ, предпочитаетъ всегда городъ, разумѣется, въ городѣ больше развлеченій, знакомыхъ, но что касается до нея!.. „Охъ, я вполнѣ искренна и признаюсь вамъ откровенно, что терпѣть не могу ни деревенскаго хозяйства, ни разсчетовъ, за которые мнѣ такъ часто попадало... Притомъ я большая лѣнтяйка, но я очень любила тѣ работы, гдѣ можно было немного полѣнтяйничать; вотъ что я тогда такъ любила...“

Тутъ она разставила свои длинные пальцы, чтобы сосчитать по нимъ, какія занятія приходились ей тогда по вкусу:

— Во-первыхъ, я страшно любила гусей пасти!

Завиловскій разсмѣялся: она показалась ему вполнѣ естественной, но его разсмѣшила эта интересная картина, какъ пани Основская пасетъ гусей.

Ея глаза цвѣта фіалокъ начали тоже смѣяться и она сейчасъ-же впала въ тонъ молодой, веселой и шаловливой дѣвочки, которая говоритъ обо всемъ, что ей на умъ взбредетъ.

— А вамъ это нравится?—спросила она вдругъ Завиловскаго.

Онъ-же отвѣтилъ:

— Очень!

— А! видите!.. что еще? Да! Я очень хотѣла-бы быть рыбачкой. Утромъ, въ водѣ заря, должно быть, чудесно отражается. Притомъ тутъ мокрыя сѣти предъ избушкой рыбака, свѣжія капли воды такъ и сверкаютъ на петляхъ сѣтей... это такъ красиво. Если уже не рыбакомъ, то по крайней мѣрѣ хотѣла-бы быть цаплей, стоящей на одной ногѣ на берегу или чайкой надъ лугами. Впрочемъ, нѣтъ, чайка это скучная птица, не правда-ли? она словно въ траурѣ.

Тутъ она обратилась къ паннѣ Кастелли:

— А ты чѣмъ хотѣла-бы быть въ деревнѣ?

Панна Кастелли подняла немного вѣжды своихъ глазъ и черезъ минуту сказала:

— Паутиной.

Воображеніе Завиловскаго, какъ поэта, благодаря этому отвѣту, вдругъ зашевелилось, заработало. Вдругъ передъ его глазами открылись точно на яву большія поля со жнивомъ, а надъ ними серебряныя нити, которыя словно плаваютъ въ спокойной лазури и въ солнцѣ.

— А какая это чудная картина!—сказалъ онъ.

И онъ серьезно посмотрѣлъ на панну Линету. Она же улыбнулась ему точно выражая благодарность за то, что онъ почувствовалъ всю красоту этой картины.

Но тутъ пришли Бигели. Пани Броничева окончательно завладѣла Завиловскимъ и такъ заслонила его своимъ стуломъ, что онъ почти не могъ тронуться съ мѣста. Не трудно было догадаться что именно служило предметомъ ихъ разговора, потому что Завиловскій время отъ времени внимательно посматривалъ на панну Кастелли, какъ бы желая провѣрить, дѣйствительно выглядитъ-ли она такъ, какъ о ней разсказываютъ. Наконецъ, хотя разговоръ велся довольно тихо, въ гостиной довольно явственно раздались слова, точно процѣженныя черезъ кусочекъ сахару:

— Вы знаете, что ее Наполеонъ... то есть, я хотѣла сказать Викторъ Гюго благословилъ!..

Вообще Завиловскій услышалъ въ этотъ вечеръ столько необыкновеннаго о паннѣ Кастелли, что ему оставалось только присматриваться къ ней съ большимъ любопытствомъ. По этимъ разсказамъ она рисовалась какимъ-то чрезвычайно страннымъ ребенкомъ, всегда очень спокойнымъ, но и очень замкнутымъ. Когда ей было десять лѣтъ, она была опасно больна. Ей посовѣтовали поѣхать подышать морскимъ воздухомъ и онѣ долго жили въ Стромболинѣ...

— Ребенокъ смотрѣлъ на вулканъ и на море и, хлопая въ ла-

доши повторялъ: „ахъ! какъ красиво, какъ красиво!“ Мы заѣхали туда совершенно случайно, путешествуя на нанятомъ нами пароходѣ, безъ всякой опредѣленной цѣли; дольше оставаться тамъ нельзя было, потому что это островокъ совершенно необитаемый, не было гдѣ жить, даже пищу неособенно легко было доставать, но она не хотѣла оттуда выѣхать, предчувствуя, что она тамъ поправится и выздоровѣетъ. И правда,—черезъ мѣсяцъ, а, можетъ быть, и черезъ два, она начала приходить въ себя—и посмотрите только, какъ она у меня выросла, словно тростиночка.

Дѣйствительно, панна Кастелли, хотя очень стройная и изящная, была даже немного выше пани Основской. Завиловскій смотрѣлъ на нее съ возрастающимъ любопытствомъ. Предъ уходомъ гостей, освобожденный, наконецъ, изъ плѣна, онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Я никогда не видѣлъ вулкана и понятія не имѣю, какое онъ производитъ впечатлѣніе.

— Я видѣла только Везувій,—отвѣтила она,—но когда мы были, изверженія не было.

— А Стромболи?

— Не видѣла.

— Въ такомъ случаѣ я должно быть не понялъ, потому что— ваша тетя...

— Да,—отвѣтила панна Кастелли,—не помню! Я, должно быть, была тогда еще очень маленькой.

И на лицѣ ея отразилось замѣшательство и неловкость.

Пани Основская, не выходя изъ своей роли очаровательной трещотки, пригласила къ себѣ Завиловскаго, „когда нибудь вечеркомъ, безъ церемоніи, безъ фрака, потому что весна теперь такая, точно лѣто, а самое пріятное лѣтомъ—это свобода“. И заявила при этомъ, что отлично понимаетъ, что такіе люди, какъ онъ, не любятъ новыхъ знакомствъ, но противъ этого есть простое средство, а именно: считать ихъ своими старыми знакомыми. По большей части, онѣ сидятъ дома: Линетка что-нибудь читаетъ или говоритъ, что ей въ голову взбредетъ, а ей въ голову взбредаютъ иногда такія вещи, что, право, стоитъ ихъ послушать, въ особенности тому, кто въ состояніи лучше понять и постичь ее, чѣмъ кто либо другой.

На прощаніи панна Кастелли крѣпко пожала ему руку, какъ-бы подтверждая, что они могутъ и должны понять другъ друга. Завиловскій, не привыкши къ обществу, былъ немного опьяненъ и разговоромъ, и шелестомъ платьевъ, и глазами, и запахомъ ириса, который эти барыни оставили послѣ себя. Но онъ чувствовалъ, однако, какую-то усталость, потому-что въ этомъ разговорѣ, съ виду такомъ свободномъ и полномъ простоты, отсутствовало то спокойствіе, кото-

рымъ отличались бесѣды пани Поланецкой и пани Бигель. У Завиловскаго осталось впечатлѣніе точно послѣ безпорядочнаго сна.

Бигели остались къ обѣду. Поланецкій задержалъ и Завиловскаго. Между тѣмъ, стали говорить объ этихъ барыняхъ.

— Какъ вы находите панну Кастелли?—спросила Маримя.

— У нихъ богатое воображеніе, — отвѣтилъ, подумавъ съ минуту, Завиловскій.—Вы замѣтили, какъ онѣ легко говорятъ образами.

— Но не правда-ли, панна Линета очень интересная барышня?

Поланецкій, на котораго панна Кастелли не производила особаго впечатлѣнія и который, проголодавшись, спѣшилъ обѣдать, замѣтилъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ:

— Что вы тамъ въ ней находите? Интересная, пока не опошлится.

Пани Поланецкая отвѣтила:

— Нѣтъ, Линета не опошлится; опошлиться могутъ обыкновенныя, простыя натуры, которыя ничего больше не умѣютъ, какъ только любить.

Завиловскому, посмотрѣвшему на нее въ эту минуту, показалось, что по ея лицу пробѣжала легкая тѣнь грусти. Быть можетъ, она еще не совсѣмъ оправилась послѣ болѣзни, потому-что лицо ея было прозрачно-блѣдно, какъ лилія.

— Вы устали?—спросилъ онъ.

— Немного,—отвѣтила она, улыбаясь

Его молодое, впечатлительное сердце забилось сильнѣе, полное искренняго сочувствія къ ней. „Это настоящая лилія“, подумалъ онъ и, въ сравненіи съ ея чарующей прелестью, пани Основская показалась ему какой-то крикливой сойкой, а панна Кастелли—мертвой головой статуи. Прежде, послѣ каждой встрѣчи съ пани Поланецкой, онъ долго мечталъ о такой женщинѣ, какъ она; въ этотъ-же вечеръ онъ ужъ мечталъ не о такой, какъ она, а только о ней самой. И, сознавая все, что въ немъ происходитъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что она становится для него не только „полевымъ“ цвѣткомъ, но дорогимъ и любимымъ.

Встрѣтившись съ нимъ на другой день въ конторѣ, Поланецкій спросилъ его:

— Какъ-же ваша спящая королева? Снилась она вамъ?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Завиловскій, краснѣя.

Поланецкій, замѣтивъ выступившій румянецъ на его щекахъ, началъ смѣяться, сказавъ:

— Ничего не подѣлаешь! Каждый долженъ черезъ это пройти: и я прошелъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Часовня.

„Богъ все и во всѣхъ“...
Изъ дневника Амiеля.

Часовня старая, заброшена, забыта,
Съ поломаннымъ крестомъ, вся плѣсенью покрыта,
Стоитъ за городомъ—въ кругу нѣмыхъ полей;
И путники идутъ спокойно передъ ней,
Никто не сотворитъ молитвенно креста:
Всѣ знаютъ, что она забыта и пуста...
Но ты въ нее вошелъ и подъ холоднымъ сводомъ
Молился горячо, невидимый народомъ...
И двѣ-три ласточки, ютившiяся тамъ,
Въ разрушенную дверь умчались къ небесамъ.
И таяли, какъ воскъ, на сумрачной стѣнѣ
Вечернiе лучи... Ты плакалъ въ тишинѣ...

А. Лукьяновъ.

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.

(Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.).

Планы о заграничномъ путешествіи Гоголя.—Пушкинъ въ роли управляющаго.—Пушкинъ о Бейлѣ, Наполеонѣ и французской буржуазіи.—Разговоръ о музыкѣ и воспоминанія Н. Смирнова.

Обсуждали планы Хохла. Онъ хочетъ ѣхать въ Германію, а Николай совѣтовалъ ему ѣхать въ Италію, провести часть зимы въ Римѣ, послѣ того какъ Тибръ войдетъ въ свои берега; онъ даже составилъ ему маршрутъ: изъ Вѣны въ Венецію черезъ Тироль и Верону, затѣмъ города Ломбардіи, Болонья, изъ Милана въ Геную, Пизу, Флоренцію, Сіенну, Умбрію, тамъ въ Римъ и въ концѣ мая въ Неаполь. Мужъ говорилъ ему, что такимъ образомъ онъ увидитъ все съ птичьяго полета и можетъ вновь осмотрѣть, въ бо̀льшихъ подробностяхъ, то, что особенно его поразитъ. Въ Венецію можно ѣхать въ августѣ, для морскихъ купаній въ Лидо. Мужъ обѣщалъ Гоголю дать ему письмо къ знаменитому падуанскому доктору Малфатти, который помнитъ Байрона и познакомитъ Хохла съ профессорами университета; въ Падуѣ имѣется знаменитый ботаническій садъ, а Гоголь любитъ ботанику. Во Флоренцію мужъ снабдитъ его письмами въ нашу миссію и къ своимъ друзьямъ: Бутурлинымъ, Воронцовымъ, а также къ Орлову, къ художникамъ и къ Аффендульево, великому знатоку картинъ и оригиналу, какихъ мало.

Пушкинъ отъ души хохоталъ, слушая разсказы Николая объ одиссеѣ этого Аффендульево, Корфіота, ученаго, великаго чудака, близкаго друга послѣдняго венеціанскаго дожа Марино, Аффендульево, который ненавидѣлъ Наполеона за то, что тотъ уничтожилъ всепресвѣтлѣйшую венеціанскую республику. Марино сдѣлалъ Аффендульево вице-королемъ Кипра, а впослѣдствіи королемъ Кандіи. Пушкинъ сказалъ: «Такъ это одинъ изъ королей, которыхъ Кандидъ встрѣтилъ въ Венеціи!» На вѣнскомъ конгрессѣ было рѣшено, что Австрія и Россія должны про-

изводить пенсію этому низверженному королю, такъ какъ у него отобрали все его собственное состояніе, ему и производятъ австро-русскую пенсію на которую онъ и живетъ во Флоренціи. Одно время онъ жилъ въ Испаніи. Это страстный охотникъ до составленія коллекцій и большой знатокъ, онъ отказываетъ себѣ во всемъ, чтобы покупать эстампы, камеи, всякіе objets d'art, онъ разыскиваетъ ихъ на чердакахъ различныхъ палаццо; онъ-то и нашелъ въ Перуджіи прекрасную Мадонну, которую Николай купилъ у однихъ decavati [1]); это произведеніе Перуджино никогда не выходило изъ палаццо этого семейства, которое наконецъ впало въ бѣдность и Николай купилъ картину очень дешево, за 35,000 франковъ, что для картины Перуджино, самой лучшей эпохи, за подлинной подписью художника, даже и безъ старинной рамы, сущіе пустяки. Орловъ познакомилъ мужа съ Аффендульево, онъ почти всякій день обѣдалъ у Орлова, съ тѣхъ поръ какъ тотъ узналъ, что эксъ-король питается оливками. Видѣть Аффендульево чрезвычайно интересно и черезъ него Гоголь основательно ознакомится со страной и художниками, съ профессорами академій Флоренціи и Рима, куда онъ часто ѣздитъ. Въ Римѣ Гоголь увидитъ Жиро, драматурга, съ которымъ Николай знакомъ. Пушкинъ дастъ Хохлу письмо къ княгинѣ Зинаидѣ Волконской. Репнины также снабдятъ его письмами. Мой мужъ часто видалъ княгиню Зинаиду, которая хорошо знала его мать, онъ тоже будетъ рекомендовать ей Гоголя, который получитъ и письмо къ директору нашей академіи, а также въ нашу миссію. Въ Неаполѣ Николай будетъ его рекомендовать нашей миссіи и археологамъ, изъ коихъ одинъ другъ сэра Вильяма Пелль, который указалъ англійскому правительству на эллинскіе мраморы, сказавъ, что ихъ должно спасти отъ разрушенія.

Натали, ея сестры и дѣти переселились in's Grüne, Пушкинъ обѣдаетъ у насъ запросто съ Жуковскимъ, который всякій разъ повторяетъ комедію фрака [2]) и забавляется ею какъ ребенокъ. Соболевскій возвратился изъ Москвы и вчера они всѣ трое явились обѣдать чѣмъ Богъ послалъ, или, по выраженью Мятлева, котораго Николай также привелъ «попробовать гастрономическихъ сюрпризовъ Русселе». Вечеръ мы провели очаровательный, но немного грустный, потому что когда собираешься уѣзжать, всегда задаетъ себѣ вопросъ: когда-то свидимся?

---

[1]) Decavati — семейства, впавшія въ нищету.

[2]) Жуковскій являлся обѣдать въ сюртукѣ, передъ нимъ шелъ лакей, который несъ его фракъ. Жуковскій объявлялъ: «Я при фракѣ, это въ честь матроны» и затѣмъ онъ справлялся о чепцѣ моей матери, у которой были дивные волосы, а такъ какъ отъ чепчиковъ ей было жарко головѣ, она ихъ рѣдко носила, хотя въ то время молодыя женщины торопились возложить на себя этотъ почтенный головной уборъ.

Послѣ игры на бильардѣ, доставившей мнѣ бесѣду съ глазу на глазъ съ Жуковскимъ, во время которой мы подробно обсуждали дѣла его «Сверчка», игроки возвратились и Пушкинъ, вынувъ изъ кармана бумажку, сказалъ мнѣ: «Отгадайте, что здѣсь заключается?»

Я никогда не отгадываю загадокъ. Николай сказалъ, что это стихи для Его Величества; Жуковскій, что это элегія на мой отъѣздъ; Мятлевъ, что это ода на мое возвращеніе; Соболевскій, что это объясненіе въ любви, написанное гекзаметрами. Пушкинъ наконецъ отвѣтилъ: «Это списокъ поэмъ и стихотвореній, которыя эта прекрасная особа давала читать Государю, ранѣе чѣмъ ихъ видѣлъ Катонъ, уже около восьми лѣтъ она мой фельдъегерь. Здѣсь господинъ Онѣгинъ, изящный Евгеній, и дерзкій графъ Нулинъ, Тарквиній новый; здѣсь есть стихи изъ моего Мѣднаго всадника, котораго она особенно любитъ, есть Моя Родословная и Родословная моего Героя, есть одинъ изъ моихъ Поэтовъ или, вѣрнѣе, совѣты поэту [1]); здѣсь же «Въ началѣ жизни» и слова Пилата, и стихи Н. когда Его Величество ѣздилъ въ Москву, во время холеры, и стихи Н. когда Государь читалъ Иліаду передъ баломъ. Этотъ послѣдній фактъ я разказалъ Гоголю, который записалъ его, такъ онъ былъ имъ пораженъ. Есть здѣсь и стихи Герою [2]), отъ которыхъ плакала моя вѣрная Элиза, есть Бородино, и стихи на взятіе Варшавы и «Клеветникамъ Россіи», изъ за котораго мой фельдъегеръ даже поспорилъ съ Вяземскимъ, который сказалъ, что это «шинельная поэзія». Я отвѣчала: «Это была одна изъ капризныхъ выходокъ Вяземскаго, который фрондировалъ потому, что былъ не въ духѣ, но я нашла ее неумѣстной именно въ тотъ моментъ, когда приступъ намъ стоилъ 6,000 человѣкъ, и въ особенности потому, что въ Варшавѣ находились иностранные агенты [3]), и что Европа, освобожденная отъ Наполеона, сначала преклонялась передъ нами, а вскорѣ затѣмъ начала интриговать противъ насъ. Поклоненіе Мицкевичу не оправдываетъ подобныхъ выходокъ да и этотъ самый Мицкевичъ тогда кричалъ противъ насъ. Пушкинъ послалъ ему чудные и великодушные стихи».

Соболевскій отвѣтилъ мнѣ: «Прекрасно сказано и Хомяковъ долженъ написать вамъ стихи, въ которыхъ уже больше не скажетъ, что вы иностранка». Я возразила: «Мой отецъ былъ французъ, моя бабушка грузинка, мой дѣдъ Лореръ былъ родомъ изъ Гольштейна и служилъ

---

[1]) Поэтъ не дорожи и пр.

[2]) Стихи Кутузову: «Передъ гробницею святой»...

[3]) Между прочимъ Ромарино и другой агентъ, который выкралъ дипломатическіе документы изъ канцеляріи Цесаревича Константина Павловича. Они впослѣдствіи были изданы подъ заглавіемъ Portofolio; въ рѣчахъ англійскихъ и французскихъ депутатовъ и полякофиловъ постоянно цитируется Portofolio. У меня имѣется нѣсколько нумеровъ этого изданія.

Россіи на Кавказѣ, а я родилась въ Одессѣ, въ Новороссіи, въ Малороссіи была ребенкомъ, а съ тѣхъ поръ въ Петербургѣ, съ гордостью говорю, что я такая-же русская, какъ мой мужъ, который родился и до 15-ти лѣтъ воспитывался въ Москвѣ. Скажите это отъ меня Хомякову; стихи его, впрочемъ, очень лестны, только онъ воображаетъ, что необходимо имѣть фамиліи на *овъ,* чтобы быть истинно русскимъ».

— Браво, сказалъ Пушкинъ, а теперь скажите мнѣ почему, вы настаивали на томъ, чтобы тотчасъ показать Государю стихи Н. по поводу Иліады? Я всегда хотѣлъ спросить у васъ причину и хочу наконецъ ее знать.

— Потому, что они прекрасны и доставили ему удовольствіе, да вы и отлично знаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ.

Соболевскій. А что онъ отвѣтилъ?

Я. Я и не подозрѣвалъ, чтобы Пушкинъ до такой степени за мною наблюдалъ и, чтобы это даже могло поразить его. Это не поразило никого болѣе изъ бывшихъ на балѣ.

Мятлевъ. Потому, что остальные помышляли о собственной, драгоцѣнной и знатной особѣ.

Пушкинъ. Помните-ли вы одинъ изъ нашихъ разговоровъ въ фельдмаршальской залѣ и въ залѣ 12-го года? Я вамъ прочту стихи, которые посвятилъ партизану Денису Давыдову и другіе, которые только что написалъ на Барклая-де-Толли. Угодно ли вамъ будетъ и ихъ дать прочесть Государю? Я прочту вамъ эти два стихотворенія».

Стихи Давыдову хороши, но стихи Барклаю великолѣпны. Когда онъ ихъ прочелъ, мой мужъ, который поклоняется характеру Барклая, будучи въ тоже время горячимъ приверженцемъ Кутузова, сказалъ Пушкину: «Я съ тобой согласенъ, Барклай въ 1812 году обнаружилъ величье души, ему еще до сихъ поръ не воздали должнаго. Ты одинъ умѣешь говорить публикѣ правду по своему, посредствомъ геніальнаго произведенія». Я убѣждена, что стихи эти понравятся Государю, который чрезвычайно справедливъ. Я даже разъ слышала изъ его устъ похвалу Барклаю, въ разговорѣ о 12-мъ годѣ съ княземъ Петромъ (Волконскимъ—начальникомъ Штаба въ 12-мъ году).

Пушкинъ прочелъ намъ *Молитву Ефрема Сирина*, которую переложилъ въ стихи, онъ все еще ею недоволенъ. Жуковскій пришелъ отъ нея въ восторгъ до такой степени, что поцѣловалъ Пушкина, сказавъ ему: «Ты, ты—мое неоцѣненное сокровище!» Хотя эта похвала и доставила удовольствіе Сверчку, онъ, по своей привычкѣ, обратилъ все въ шутку и отвѣтилъ: «Твое неоцѣненное сокровище», ты у меня укралъ этотъ эпитетъ: такъ я называлъ Таню, цыганку Языкова, которой онъ написалъ такіе дивные стихи, называя ее въ нихъ своей поэтической ложью. Чтожь я также твоя поэтическая ложь?»

Соболевскій вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ ему: «Пушкинъ, ты невыносимъ! Да подозрѣваешь ли ты чего ты стоишь, знаешь ли ты, что ты геній, будь-же посерьезнѣе».

Пушкинъ состроилъ насмѣшливую гримасу: «Геній, это не шутка, геній! У меня въ головѣ всегда все лучше выходитъ, я никогда не доволенъ. Два хорошихъ стихотворенія, лучшихъ, какія я написалъ, я написалъ во снѣ, только ихъ я могъ припомнить по утру».

Соболевскій заговорилъ съ нимъ о Кларѣ Гузуль, о Проспeрѣ Мериме, для котораго онъ перевелъ «Анчаръ» и который произвелъ на него такое сильное впечатлѣніе. Пушкинъ прервалъ его, сказавъ:» Чтожь это доказываетъ? Этотъ французъ также находитъ во мнѣ геніальность? право, онъ слишкомъ любезенъ! Къ несчастью, вся моя геніальность пассуетъ передъ отчетами старосты. Я не алхимикъ».

Я думаю, что у него много денежныхъ непріятностей, много заботъ изъ-за милаго семейства. У бѣдной Натали ихъ также довольно, ей довѣрили сестеръ, чтобы выдать ихъ замужъ. Это легко сказать. Въ провинціи и въ Москвѣ воображаютъ, что въ Петербургѣ женихи валятся съ неба, потому что здѣсь такъ много гвардейскихъ офицеровъ, но невѣстъ не меньше на Невѣ, чѣмъ на Москвѣ-рѣкѣ. Соболевскій разсказывалъ моему мужу, что онъ какъ-то засталъ Пушкина, совсѣмъ блѣднаго, за счетами управляющаго, а рядомъ семейство, на которое онъ уже началъ писать стихи, набросавъ подъ ними карикатуру въ которой изобразилъ себя, сидящаго за таблицей умноженія и окруженнаго пустыми мѣшками изъ подъ хлѣба! Соболевскій говорилъ: «Ему поручили водворить порядокъ въ этомъ хаосѣ; это привело меня въ негодованіе, онъ не годится въ конторщики.»

Николай отвѣтилъ: «Я того же мнѣнія, нельзя впречь арабскаго коня въ плугъ. Я сильно безпокоюсь на его счетъ, я бы желалъимѣть возможность увезти его заграницу. Онъ по временамъ смертельно грустенъ и очень озабоченъ. Если его журналъ пойдетъ, онъ можетъ все уладить, но на это нужно время. Ему также необходимо разсѣяться, узнать иныя впечатлѣнія, видѣть что-нибудь, что могло-бы его развлечь».

Пушкинъ опять былъ у насъ съ Соболевскимъ, на этотъ разъ болѣе веселый. Они обѣдали у насъ и мы снова говорили о Мериме и о Бейлѣ, который пишетъ подъ именемъ Стендаля. Я спросила Пушкина, что онъ объ немъ думаетъ. Соболевскій говорилъ ему, что Мериме очень высоко его цѣнитъ, но самъ Соболевскій ставитъ его значительно ниже Бальзака, у котораго болѣе мыслей, болѣе ума и болѣе возвышенныя цѣли. Пушкинъ мнѣ отвѣтилъ: «Его лучшее произведеніе: La Chartreuse de Parme, тамъ есть очень интересный характеръ—итальянскій

дипломатъ, но мнѣ, однако, кажется, что это отчасти типъ итальянца, какой создаешь себѣ по Макьявелю... Во всякомъ случаѣ, по моему мнѣнію, ихъ лучшіе дипломаты находятся въ Ватиканѣ, они это доказали даже съ Наполеономъ и просто потому, что ватиканскіе дипломаты никогда не измѣняли своимъ принципамъ. они неустанно и въ силу традиціи боролись противъ деспотовъ. Они думали о народѣ, когда другіе о немъ вовсе не думали, а народъ—это большинство. Они видѣли конецъ столькихъ режимовъ и остались несмѣняемыми, это тоже мудрость змія, а она писаніемъ не воспрещается. У дипломата, изображеннаго Бейлемъ, бываютъ извороты и ухищренія чисто-канцелярскіе, крайне мелкая политика. Онъ, кажется, консулъ, онъ также займется мелкой политической стряпней, если къ тому представится случай. Но итальянцы, въ прежнія времена, занимались очень серьезной политикой, а отнюдь не политикой дипломатическихъ канцелярій. Смирновъ говорилъ мнѣ, что «Итальянскія Новеллы» Бейля по-просту заимствованы изъ старыхъ, семейныхъ хроникъ, во всякомъ случаѣ его Ченчи ниже той, что написалъ Шелли. Эти хроники онъ переложилъ на французскій языкъ XVIII вѣка. Мнѣ онъ представляется чрезвычайно буржуазнымъ, согласно модѣ, которая царила во время его молодости.

Соболевскій. Онъ дѣлалъ русскую кампанію, онъ служилъ въ интендантствѣ и его отправили вглубь Германіи, чтобы производить поборы».

Пушкинъ улыбнулся: «Значитъ это провіантскій офицеръ, чиновникъ въ военномъ мундирѣ. Между тѣмъ онъ хорошо описываетъ Ватерло, хотя каждый видитъ битву своими собственными глазами и съ своими личными чувствами; есть страницы, которыя производятъ впечатлѣніе истины, или даютъ иллюзію ея. Вся буржуазія временъ революціи и имперіи ненавидѣла духовенство, весь старый порядокъ, поклонялась Бонапарту, такъ какъ онъ въ сущности революціонеръ, хотя и душилъ то, что эти добрые французы торжественно зовутъ *гидрой анархіи.* Замѣтьте, что даже у классиковъ временъ имперіи звучитъ буржуазный тонъ; *гидра-революціи*—архи-буржуазное выраженіе; ихъ романтики романичны, какъ этотъ буржуа Жанъ-Жакъ и они-же еще убѣждены, что убиваютъ буржуазность! Мериме кажется мнѣ очень оригинальнымъ, такъ какъ онъ не принадлежитъ ни къ какой школѣ; у Бейля романтическія фразы смѣняются циническими и наоборотъ».

Я. Вы превосходно охарактеризовали Наполеона и какіе это дивные стихи!

Пушкинъ. Восхищенъ вашимъ одобреніемъ. Наполеонъ быть можетъ и любилъ Францію, но онъ смѣшивалъ ее съ собственной особой, Франція—это былъ онъ. Вотъ почему онъ не понялъ патріотизма испанцевъ, русскихъ, нѣмцевъ, англичанъ, того патріотизма, который, наконецъ, побѣдилъ и уничтожилъ его. Во всякомъ случаѣ, онъ никогда не *съумѣлъ*

сказать своимъ солдатамъ того, что Петръ I сказалъ своимъ подъ Полтавой [1]). Это существенное различіе между ними, между ихъ характерами и есть истинная причина, упрочившая дѣло Петра, тогда какъ все, что завоевалъ Наполеонъ, отъ него ускользнуло, Франція ничего изъ этого не сохранила».

Соболевскій замѣтилъ: «Онъ оставилъ Франціи сводъ законовъ и конкордатъ».

Пушкинъ. Сводъ законовъ, который созданъ не имъ, такъ какъ въ этомъ Code Napoléon очень многое принадлежитъ конвенту, а прочее является видоизмѣненіемъ римскаго права, но онъ оставилъ Франціи администрацію, за то она и организована, словно по какому военному уставу, но чрезвычайно сложна. Я много разъ говорилъ объ этомъ съ Барантомъ, это машина и она не измѣнилась ни при реставраціи, ни во времена іюльской монархіи. Онъ оставилъ блистательную страницу въ военной исторіи и ни одно изъ его завоеваній не удержалось за Франціей. Островъ Эльба, Корсика да они должны были *роковымъ образомъ стать французскими*, даже Савойя въ сущности французская провинція, а она принадлежитъ королю Сардиніи, это древніе графы Савойскіе владѣютъ Сардиніей, Шамбери, Ниццой, Пьемонтомъ, Аннеси; они *округлились*. Конкордатъ долженъ былъ состояться, такъ какъ Наполеонъ чувствовалъ, что духовенство будетъ ему полезно. Это также извѣстный родъ галликанизма, а республиканцы имѣли нѣчто въ родѣ церкви и даже государства. Робеспьеръ пошелъ дальше, онъ хотѣлъ основать оффиціальную, государственную религію, поклоненіе Высшему Существу, основать посредствомъ декрета, какъ устраиваютъ смотръ или какую-нибудь гражданскую церемонію. Все это нравится Бейлю потому, что это не старый порядокъ да и Наполеонъ обладалъ даромъ очаровывать всѣхъ, кто ему служилъ, это одинъ изъ даровъ генія, а военнымъ геніемъ онъ безспорно былъ. Во всякомъ случаѣ, у него было во сто разъ болѣе идей, чѣмъ у всѣхъ дѣятелей революціи, и онъ былъ очень силенъ именно въ итальянской дипломатіи. Съ религіозной точки зрѣнія Бейль—ничтожество, это буржуа-вольтерьянецъ; А. Тургеневъ говорилъ мнѣ, что ихъ еще во Франціи порядочно. Мериме также вольтерьянецъ, но все, что я читалъ изъ его произведеній, кажется мнѣ, съ литературной точки зрѣнія, болѣе современнымъ, чѣмъ все, что написалъ Бейль. Бальзакъ настолько выше ихъ по своимъ идеямъ, что тутъ и сравненія быть не можетъ. Бальзакъ даже предугадалъ будущее въ особенности тѣмъ, что понялъ, что высшей властью въ обуржуазившемся обществѣ станутъ деньги». Затѣмъ Соболевскій

---

[1]) «Сегодня не думайте о царѣ, а думайте о Россіи». Историческія слова Петра Великаго, обращенныя къ войскамъ подъ Полтавой.

сказалъ, что Бейль сильно увлекался Лафайетомъ и революціей 1830 г. Пушкинъ на это отвѣтилъ: «Увлекался буржуазной арміей послѣ императорской арміи, значитъ онъ долженъ восхищаться Беранже какъ мой дядя Василій. Вотъ такъ буржуазная поэзія». Я спросила, что онъ думаетъ о *Прогулкахъ по Риму*. Онъ отвѣтилъ: «Четыре строки Байрона стоятъ всѣхъ прогулокъ этого буржуа-диллетанта; тутъ и видна разница между мыслителемъ, поэтомъ и человѣкомъ, который ни мыслитель, ни поэтъ». Я разсказала ему, что Віельгорскій со смѣхомъ читалъ мнѣніе Бейля о Россини, что онъ допускаетъ, что Чимароза можетъ считаться очень хорошимъ композиторомъ въ лирико-комическомъ родѣ, что у него есть оригинальныя мелодіи, но дѣлать изъ Россини величайшаго музыкальнаго генія въ мірѣ — это доказываетъ только, что г. Бейль воспитался на «Деревенскомъ Колдунѣ» и на музыкѣ Деларока и Гретра. Для него музыка была лишь искусствомъ нѣжно ласкать слухъ».

— Что вы думаете о Россини?—спросилъ меня Пушкинъ.

— Что увертюра «Вильгельма Телля» прекрасна, а также тріо заговорщиковъ, въ «Моисеѣ» молитва съ хорами, хорошъ и траурный маршъ въ «Сорокѣ-Воровкѣ», но его шедевръ—«Севильскій Цирюльникъ», это его настоящій жанръ, въ которомъ онъ дѣйствительно хорошъ».

Мой мужъ фанатическій поклонникъ итальянской музыки, изъ любви къ Италіи; мой братъ Аркадій также, они очень увлечены итальянцами и объявили, что «Норма» дивно хороша.

Мужъ видѣлъ Каталани, во Флоренціи, гдѣ у нея есть вилла, а также знаменитаго князя Крешентини, уже состарѣвшагося, который былъ у нея. Мужъ слышалъ Малибранъ, ея сестру Полину, Паста и Зонтагъ, совсѣмъ молодую, въ Фрейшюцѣ, отчего онъ и сохранилъ симпатію къ этой оперѣ, впрочемъ онъ цѣнитъ и Донъ-Жуана и Свадьбу Фигаро. Слышалъ онъ и обѣихъ Гризи, старшая Джудитта иногда пѣла Норму, а сестра ея, Джулія—Адалгизу. Я думаю, что онъ и Норму-то любитъ изъ-за этого воспоминанія. Онъ разсказалъ намъ забавный анекдотъ о дебютѣ Пизарони, у которой былъ лучшій контральто, чѣмъ у Альбани. Она была необыкновенно безобразна, съ короткими и толстыми ногами, длинной и плоской таліей, ужасными ступнями и руками, безконечной головой, огромнымъ носомъ. Дебютировала она въ Семирамидѣ, въ роли Арзаса. Когда она появилась въ кирассѣ, въ каскѣ, съ ногами обтянутыми трико, вся зала разразилась громкимъ смѣхомъ...

Я стала унимать его: «Перестань, Николай».

Мужъ. Арзасъ входитъ и долженъ произнести фразу речитативомъ: «Ecco alfin io son in Babilonia» [1]). Пизарони начала «Ecco», а зала еще

[1]) Наконецъ я въ Вавилонѣ.

сильнѣе хохочетъ. Она скрестила руки на груди и стала ждать. Когда публика досыта нахохоталась, она подошла къ рампѣ, бросила зрителямъ такую фразу: «Signori, siete venuti per udirmi e non per guardarmi» [1]) и ушла. Ее вызовами заставили вернуться, апплодировали ей и она сказала свой речитативъ; голосъ ея, даже когда она говорила, поразилъ публику, а когда она кончила свою арію, вся зала встала, хлопала, стучала ногами, кричала. Фразировала она съ несравненнымъ искусствомъ, а контральто ея былъ дивный, съ одного конца регистра до другого. Публика отправилась ждать ее на подъѣздъ артистовъ опернаго театра Перголла и ей устроили чисто-итальянскую овацію, *con delirio*. Легко можетъ быть, что пѣвцы играютъ большую роль въ прелести итальянской оперы, оркестръ тутъ почти ни при чемъ, въ каждой оперѣ есть отрывки, которые публика слушаетъ: соло, дуэты, тріо, бравурныя аріи или morceaux d'ensemble. Въ Италіи даютъ одну и ту же оперу каждый вечеръ, туда ходятъ, чтобы разговаривать, дѣлаютъ визиты дамамъ въ ихъ ложахъ—это ихъ салонъ, такъ какъ итальянки мало принимаютъ у себя, за исключеніемъ старухъ, у которыхъ есть свои обычные посѣтители. Этотъ народъ прирожденный музыкантъ. Какъ только появится новая опера, весь городъ ее поетъ, на другой же день ее слышишь на улицахъ.

Я. Это быть можетъ и повредило ихъ музыкѣ — эта мода превращать оперу въ салонъ, а между тѣмъ ихъ духовная музыка—дивная. Они были учителями контрапункта нѣмцевъ, которые превзошли своихъ учителей въ церкви и въ театрѣ. Да и завѣдывавшіе нашей капеллой, Березовскій и Бортнянскій, учились въ Болоньѣ, у отца Мартини и у Боккерини; Березовскій былъ даже членомъ Болонской музыкальной академіи. Моцартъ провелъ тамъ нѣсколько времени. Былъ въ Россіи и Галуппи, его музыку поютъ великимъ постомъ, за преждеосвященной обѣдней.

Пушкинъ. А я думалъ, что эта музыка исключительно Бортнянскаго или древніе напѣвы.

Я. Ничуть и даже Березовскій отличался бо́льшей оригинальностью, чѣмъ Бортнянскій. Галуппи приспособилъ древне-русскія церковныя пѣсни кіевскаго напѣва, который не есть грегоріанскій напѣвъ. Марія Федоровна любила одинъ изъ этихъ хоровъ, это была великопостная пѣснь, которую мы пѣли въ институтѣ. Не считая Сальери, въ Россіи былъ еще Сарти.

Пушкинъ. Я искалъ біографію Сальери для своей драмы и бесѣдовалъ съ Улыбышевымъ о Моцартѣ. Я также желалъ-бы найти біографію Бомарше, но Белизеръ ничего для меня не нашелъ.

---

[1]) Господа, вы пришли меня слушать, а не смотрѣть на меня.

Я. Вы-бы хорошо сдѣлали, попросивъ Николая Киселева, который теперь въ Парижѣ и обожаетъ музыку, розыскать для васъ сочиненія о Моцартѣ, Сальери, Бомарше. Онъ видитъ Листа, который могъ-бы дать ему всевозможныя свѣдѣнія о музыкантахъ. Сальери написалъ музыку къ Торэре Бомарше, а также къ трагедіямъ Метастазіо, котораго вы прозвали присяжнымъ либреттистомъ.

Пушкинъ. Смирновъ, ты какъ-то говорилъ, что видѣлъ Крешентини у сеньоры Каталани, сохранилъ онъ голосъ?

Николай. Отчасти и въ особенности методу, но Фаринелли, любимецъ королей неаполитанскаго и испанскаго, былъ еще болѣе знаменитъ. Всѣ первыя партіи, въ продолженіи почти двухъ столѣтій, писались для мужскихъ сопрано, изъ коихъ одни были очень высоки, другіе-же меццо-сопрано, каковыя партіи теперь исполняются женщинами (контральто), такъ какъ мужскіе меццо-сопрано также обладали очень низкими нотами.

Пушкинъ много разспрашивалъ его о папской капеллѣ, въ особенности о сопранахъ, про которыхъ Николай говорилъ, что у нихъ иногда бываютъ сверхъестественные голоса, примѣненіе же сопрано къ свѣтской музыкѣ было дѣломъ обычнымъ съ самаго XVII вѣка. Пушкинъ разспрашивалъ меня о музыкѣ, которую поютъ въ папской капеллѣ, о знаменитыхъ композиторахъ, я назвала ему Палестрину, Аллегри, Страделлу, Боени, кромѣ испанцевъ и Аркадета, капельмейстера кардинала Лотарингскаго, наконецъ венеціанскую школу: Марчелло, Лоти, Порпору, Перголезе, Сассане, саксонца Госсе, который жилъ въ Италіи и разсказала ему, что Моцартъ въ сикстинской капеллѣ записалъ Miserere, такъ какъ частнымъ лицамъ не давали нотъ. Пушкинъ спросилъ:

— А это очень трудно?

Я отвѣчала: «Это подвигъ записать каждую часть, па четыре голоса, лишь слушая пѣніе; только музыкальный геній и человѣкъ основательно знающій генералъ-бассъ можетъ сдѣлать это съ перваго раза. Моцартъ былъ въ Болоньѣ именно съ цѣлью изучить контрапунктъ и генералъ-бассъ, тогда итальянцы еще были учеными музыкантами.

Пушкинъ спросилъ:—Вы изучали исторію музыки?».

Я. Благодаря Одоевскому, Віельгорскому и M-me Гиртъ, ученицѣ Бетховена. Когда мой мужъ и Аркадій отправляются восхищаться итальянцами я по вечерамъ играю въ четыре руки съ доброй Гиртъ, мы разбираемъ классическую музыку, я хоть и плохо играю, но хорошо читаю ноты.

Пушкинъ. Что думаете вы о Глинкѣ?

Я. Онъ очень даровитъ, очень музыкаленъ, ему слѣдуетъ забыть Россини, изучать Глюка для речитатива, Моцарта и Вебера, чтобы научиться хорошо оркестрировать. Въ Вѣнѣ онъ нашелъ-бы хорошихъ

учителей контрапункта. Его романсы—шедевры; нѣкоторые такъ-же хороши, какъ романсы Шуберта, это именно его конекъ, ему-бы слѣдовало изучить нѣкоторые романсы Бетховена.

Пушкинъ. Онъ писалъ романсы?

Я. Чудные, вообще lied, нѣмецкій романсъ, не похожъ на французскую пѣсню или итальянскую канцону, онъ гораздо красивѣе по акомпанименту, и романсы Глинки отличаются тѣмъ-же достоинствомъ.

Пушкинъ. Я перечелъ «Племянника Рамо» Дидерота, у него были музыкальныя идеи и даже Жанъ-Жакъ не былъ имъ чуждъ.

Я. Можетъ быть, но написать онъ съумѣлъ только: «Деревенскаго Колдуна», въ сущности слабую музыку.

Пушкинъ спросилъ Николая: правда, что Паганини разъ игралъ на одной струнѣ.

Николай. Да, это истинный фактъ и даже это была «Чортова соната» Тартини.

Пушкинъ. Отчего чортова?

Николай. Потому, что разсказываютъ, что Тартини, знаменитый скрипачъ своего времени, которому заказали сонату, никакъ не могъ написать ее по своему вкусу. Онъ вышелъ изъ терпѣнія и легъ спать, съ головой, переполненной этой сонатой, которую онъ посылалъ къ чорту. Во снѣ ему явился сатана, взялъ у него скрипку и сыгралъ сонату. Она очень трудна, играть ее слѣдуетъ очень быстро con furia, затѣмъ идетъ очень нѣжная и тихая мелодія, а тамъ снова furia до самаго конца. Тартини проснулся, схватилъ скрипку, сыгралъ чортову сонату и затѣмъ записалъ ее. На другой день онъ пошелъ исповѣдываться и патеръ сказалъ ему: «дьяволъ не можетъ внушить ничего прекраснаго, я хочу испытать сонату, прежде чѣмъ дать вамъ отпущеніе». Услыхавъ сонату, онъ тотчасъ же далъ Тартини отпущеніе. Этотъ анекдотъ чисто въ итальянскомъ вкусѣ; искусство, музыка все оправдываетъ.

Пушкинъ. Кто знаетъ, можетъ быть онъ видѣлъ эту музыку во снѣ, я часто вижу во снѣ стихи, но Мефистофель мнѣ ихъ не диктуетъ.

Соболевскій сказалъ ему: хотѣлъ-ли бы ты встрѣтиться съ Анри Бейлемъ? Мериме былъ-бы очень радъ представить тебѣ Бейля.

Пушкинъ. Нисколько, онъ мнѣ не нравится, такъ какъ въ этомъ человѣкѣ есть какое-то фатовство, что-то напоминающее сердцеѣда — жанръ, который я терпѣть не могу. Я его не назову художникомъ, этого чувства ему не достаетъ, хотя онъ и толкуетъ объ искусствѣ. Я желалъ-бы бесѣдовать съ Мериме и Сентъ-Бевомъ, который умѣетъ разобрать книгу, онъ дѣйствительно ее анализируетъ. Гюго, Альфредъ де Виньи, Ламартинъ, ими я довольствуюсь въ печати. Альфредъ де Мюссе меня болѣе интересуетъ. Я бы хотѣлъ видѣть Жоржъ Зандъ, вотъ это

художница. Дюма позабавилъ-бы меня своимъ добродушнымъ юморомъ, нѣкоторая экцентричность меня не пугаетъ.

Соболевскій сказалъ ему, что Жоржъ Зандъ вообще очень мало разговариваетъ. Пушкинъ продолжалъ: «Я желалъ видѣть Гете и Байрона. онъ хотѣлъ пріѣхать въ Россію, она его интересовала. Я также хотѣлъ-бы видѣть Бальзака, его задачи меня интересуютъ, это ихъ будущій великій романистъ. Онъ видитъ личности помимо типовъ, а Бейль видитъ лишь типы, онъ всего болѣе занятъ своей особой, онъ когда пишетъ, не отрѣшается отъ себя. Мнѣ кажется, что Бальзакъ гораздо болѣе живетъ въ своихъ дѣйствующихъ лицахъ.

Соболевскій. Ты предпочитаешь Сенъ-Бева другимъ критикамъ: Жюль Жаненъ, Сенъ-Маркъ, Жирарденъ, Гюставъ Планшъ?

Пушкинъ. Жаненъ болѣе журналистъ, чѣмъ критикъ, Сенъ-Бевъ имѣетъ нѣкоторые предразсудки, но умъ его тонокъ, наблюдателенъ, онъ, какъ-бы то ни было, хорошо разбираетъ книгу, ему прощаешь его предразсудки, никто ихъ не чуждъ. Я надняхъ перевелъ нѣсколько страницъ Курье и убѣдился, что памфлетъ быстро отживаетъ. Надо быть Ювеналомъ, чтобы пережить вѣка.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Extraits des carnets de souvenirs d'Alexandrine Smirnoff née de Rosset de 1826 a 1845.

On a discuté les projets du Hohol, il veut aller en Allemagne, et Nicolas lui a conseillé d'aller en Italie, de passer une partie de l'hiver à Rome quand les inondations du Tibre seront finies. Il lui a même fait une marcheroute: de Vienne à Venise par le Tirol et Vérone, ou par le Sömmering, de là les villes de la Lombardie et la Vénitie, Bologne aussi, de Milan à Gênes, Pise, Florence, Sienne, l'Ombrie, puis Rome et fin Mai à Naples. Il lui disait qu'il verrait alors le tout à vol d'oiseau et pourrait revoir plus en détail ce qui le frappait surtout. On peut aller à Venise en Août pour les bains de mer au Lido, et il lui a promis des lettres pour le célèbre dr. Malfatti de Padoue qui se souvient de Byron et il lui fera connaître des savants à l'Université, il y a un célèbre jardin botanique à Padoue et Gogol aime la botanique. A Flórence mon mari lui donnera des lettres pour la Légation et ses amis, les Boutourline, les Woronzow et pour Orloff, pour des artistes aussi et Affendoulieff, grand connaisseur de tableaux et un original de première force.

Pouschkine riait à belles dents en entendant Nicolas raconter l'Odyssée de cet Affendoulieff, un *corfiate,* savant, érudit, éxcentrique, l'ami intime du dernier Doge de Venise Macine et qui exécrait Napoleon parce qu'il a détruit la Sérénissima Respublica Veneziana. Macine avait créé Affendoulieff vice-roi de Chypre et ensuite roi de Candie! Et Pouschkine disait: «C'est donc un des rois que Candide a rencontrés à Venise!» Au congrès de Vienne on a décidé que l'Autriche et la Russie devaient à ce roi dépossédé une pension car on l'avait dépouillé de toute sa propre fortune, et on lui fait une pension austro-russe dont il vit à Florence; il a aussi vécu en Espagne un temps. C'est un collectioneur enragé et un grand connaiseur, au point qu'il se laisse manquer de tout pour acheter des estampes, des pierres gravées, des objets d'art, il les découvre dans des greniers de Palazzo et c'est lui qui a trouvé à Perugia la belle Ma-

donc que Nicolas a achetée chez des Decaduti [1]); ce Perugin n'a jamais quitté le Palazzo de cette famille, qui est tombée dans la misère enfin et Nicolas l'a acheté à très bonmarché, 35,000 frs, ce qui pour un Pérugin de la plus belle époque, signé, authentique même dans le cadre du temps est une misère. C'ést Orloff qui lui a fait connaître Affendoulieff, il dinait presque tous les jours chez Orloff dès qui celui-ci a appris que l'ex-roi vivait d'olives et de *bracalli.* D'ailleurs Affendoulieff est très intéressant à voir et par lui Gogol connaitra à fond le pays et les artistes, les savants des académies de Florence et Rome, où il va souvent.

A Rome Gogol verra Girault, l'écrivain dramatique, que Nicolas connait. Pouschkine lui donnera une lettre pour la P-sse Zénéide Wolhonsky et les Repnine le muniront de lettres; mon mari voyait souvent la P-sse Zénéide qui a beaucoup connu sa mère, il lui recommandera aussi Gogol et il aura une lettre pour le directeur de notre Académie et notre Légation. A Naples Nicolas le recommandera à la legation et à des archéologues dont l'un est l'ami de Sir William Gell.

Nathalie, ses soeurs et les enfants ont déménagé *ins Grüne*, Pouschkine vient diner chez nous sans cérémonie avec Joukowsky, qui repète la comédiu du frac [2]) toutes les fois et s'en amuse comme un enfant. Sobolewsky est revenu de Moscou et hier ils ont paru tous pour diner à la fortune du pot, ce que Miatleff, que Nicolas a ramené aussi, appelle: «Les surprises gastronomiques de Rausselet». La soirée a été charmante mais un peu triste parce qu 'au moment de partir on se demande toujours quand on ce retrouvera. Aprés le billard, qui m'a procuré un tête à tête avec Joukowsky pendant lequel nous avons parlé des affaires de son Grillon longuement, les joueurs de billard ont reparu et Pouschkine a tiré un papier de sa poche et m'a dit: «Devinez ce qu'il contient?»

Je ne devine jamais les énigmes. Nicolas a dit que c'étaient des vers pour S. M. Joukowsky a dit que c'est une Elégie sur mon départ. Miatleff que c'était une Ode sur mon retour, Sobolewsky que c'était une déclaratiou en héxamètres. Pouschkine a enfin répondu; «C'est la liste des poésies que cette belle dame a fait lire à l'Empereur avant que Caton les voie; depuis prés de huit ans déjà elle est mon *feldjäger*. Il y a dedans Mr. Onéguine, l'élégant Eugéne, et

---

[1]) Decaduti, familles tombées dans la misère.

[2]) Joukowsky venait diner en redingote et se faisait précéder d'un domestique portant son habit, il déclamait alors: «Je suis auprès d'un frac!» (я при фракѣ) c'est pour honorer la matrone». Il demendait ensuite des nouvelles du bonnet de ma mère qui avait des cheveux admirables et les bonnets lui échauffant la tête elle en portaient peu, quoiqu, 'à cette dâte les jeunes femmes s'empressaient d'arborer ce couvre-chef honorable.

l'impertinent C-te Nouline, le Tarquin moderne; il y a des vers de mon Cavalier de Bronze, qu'elle aime tout particulièrement, il y a ma Généologie et celle de mon héros, il y a un de mes poêtes, ou plutôt des conseils à un poête, il y a «Au début de la vie», et le mot de Pilate, et les vers à N. quand S. M. est allé à Moscou, lors du choléra, et les vers à N. quand il lisait l'Illade avant le bal. J'ai raconté le fait à Gogol qui l'a inscrit, il en a été si impréssionné. Il y a les vers au Héros, qui ont fait pleureur ma fidèle Eliza, il y a Borodino et les vers sur la prise de Varsovie et «Aux calomniateurs de la Russie», même à ce propos mon feldjäger s'est disputé avec Wiasemskoy, qui avait dit que ce sont des vers de capote de soldat!» (sic). J'ai répondu: «C'était une des boutades de Wiasemskoy qui frondait parcequ 'il était de mauvaise humeur; mais je l'ai trouvée deplacée a ce moment, quand l'assaut nous a couté 6,000 hommes et surtout parcequ'il avait des agents [1]) étrangers à Varsovie, et que l'Europe, débarrassée de Napoléon, s'était prosterné devant nous et intriguait contre nous peu de temps après. L'admiration pour Mieczkéwiz n 'excuse pas des boutades, et ce même Miéczkéwiz alors criait contre nous. Pouschkine lui a envoyé des vers admirables et généreux».

Sobolewsky m 'a répondu: «Très bien dit, et Chomiakoff doit vous faire des vers où il ne dira plus que vous êtes une étrangère». J'ai ripòsté: Mon père était français, ma grand'-mère géorgienne, mon grand-père Lohrer du Holstein et il a servi la Russie au Caucase et moi jè suis née à Odessa en Nouvelle-Russie, j'ai été en Petite Russie enfant, à Pétersbourg depuis, et je me vante d'être aussi russe que mon mari, né et élevé à Moscou jusqu'à 15 ans. Dites cela a Chomiakoff de ma part; ses vers sont très-flatteurs du reste, seulement il croit qu 'on doit avoir un nom en *off* pour être russe en effet».

«Bravo», a dit Pauschkine, «et à présent dites-moi pourquoi vous avez insisté pour montrer les vers à N. au sujet de l'Illiade aussitôt à l'Empereur; j'ai toujours voulu vous demander la raison et je veux enfin la savoir».

«Parcequ' ils sont beaux et lui ont fait plaisir, et vous savez bien ce qu'il m'a répondu».

Sobolewsky. «Qu 'a-t-il repondu?»

Moi. «Je ne me doutais pas que Pouschkine m'observe autant et que cela ait pu le frapper même. Cela n'a frappé personne d'autre au bal» (sic).

Miatleff. Parceque les autres pensaient à leur chère et illustre personne».

Pouschkine. Vous souvenez-vous d'une de nos conversations dans la salle des Maréchaux et dans la salle de 1812. Je vais vous lire des vers que j'ai fait pour Denis Davydow le Partisan et des vers que je viens de faire pour

---

[1]) Ramorino entre autre et un agent qui a volé les archives diplomatiques de la chancellerie du Tzésarevitch Constantin Pawlowich et qu'on publia plus tard sous le titre de Portofolio; les discours des députés et des polonophiles anglo-français ont cité le Portofolio sans cesse. Je possède, quelques numéros de cette publication.

Barclay-de-Tolly. Voulez—vous les lire à l'Empereur ceux-là? Je vais vous lire ces deux poésies».

Ceux qu 'il a fait pour Davydow sont bons, mais les vers à Barrclay sont splendides: quand il a fini de lire, mon mari qui admire le caractère de Barclay tout en étant un des grands partisans de Koutouzow, a dit a Pouschkine. «Je suis de ton avis, Barclay a montré de la grandeur d'âme en 1812, on ne lui a pas encore rendu justice. Il n 'y a que toi qui puisse dire la verité au public à ta façon, au moyen d'un chef d'oêuvre». Je suis convaincu que ces vers plairont à l'Empereur qui est très équitable et je lui ai entendu faire l'éloge de Barclay une fois, en parlant de 1812 avec le Prince Pierre (Wolhonsky chef d'Etat-major en 1812). Pouschkine nous a lu la *Prière de St. Euphrême* qu'il a paraphrasée; il n'en est pas encore content. Joukowsky en a été charmé au point qu 'il l'a embrassé en lui disant: «Toi, tu es mon trésor sans prix!» Quoique cette louange ait fait plaisir au Grillon, selon son habitude il a tourné la chose en plaisanterie et il a répondu: «Ton trésor sans prix, tu m'as volé cet épithète, c'est ce que je disais à Tania la Tzigane de Jasykoff à laquelle il a fait de si beaux vers en l'appelant son mensonge poétique, suis-je aussi ton mensonge poétique?»

Sobolewsky s'est impatienté et lui dit: «Pouschkine tu es insupportable, sais-tu seulement ce que tu vaux, sais-tu que tu as du génie, sois donc plus sérieux!» Pouschkine a fait une grimace ironique: «Du génie! c'est beaucoup, le génie! Dans ma tête c'est toujours mieux, jamais je ne suis satisfait, j'ai fait deux bons vers, mes meilleurs, en rêve, les seuls que j'ai pu rattrapper le matin!» Sobolewsky lui a parlé de Clara Guzul, Mr. P. Merimé, pour lequel il a traduit l'Antchar et dont il avait été si impréssionné, Pouschkine l'a interrompu: «Qu'est ce que cela prouve, ce français me trouve aussi du génie. En vérité il est bien obligeant! Malheureusement mon génie échoue devant les comptes rendus du starosta et je ne suis pas alchimiste». Je crois qu'il a beaucoup d'ennuis d'argent, de soucis avec la chère famille et la pauvre Nathalie en a aussi; on lui a confié ses soeurs pour les marier, c'est facile à dire, en province et à Moscou on se figure que les fiancés pleuvent du ciel à Pétersbourg parcequ 'il y a tant d'officiers de la garde, mais les demoiselles à marier ne manquent pas plus sur la Néva que sur la Moskwà. Sobolewsky a raconté à mon mari qu 'il avait trouvé Pouschkine palissant devant les comptes de l'intendant, et à coté une famille, sur laquelle il avait commencé des vers et dessiné dessous sa propre caricature devant la table de multiplication, entouré de sacs de ble vides! Sobolewsky disait: «On l'a chargé de remettre de l'ordre dans un chaos; cela m'a indigné il n'est pas fait pour ce métier de kontorchik.

Nicolas a répondus: «Je suis du même avis, on n'attèle pas un cheval arabe à une charrue. Je suis trés tourmenté à son sujet, je voudrais pouvoir l'emmener à l'ètranger, il est mortellement triste parfois et très soucieux. Si sa revue réussit il pourra s'arranger, mais il faut du temps. Il a aussi besoin

de se distraire, d'avoir d'autres impréssions, de voir quelque chose qui puisse le distraire».

Pouschkine est revenu avec Sobolewsky plus gai, ils ont diné chez nous et on a reparlé de Merimé et de Beyle, qui écrit sous le nom de Stendahl. J'ai demandé à Pouschkine ce qu'il pensait de lui.—Sobolewsky lui a dit que Merimé en fait grand cas, mais Sobolewsky lui trouve bien moins de valeur qu'a Balzac, qui a plus d'idées, plus d'intelligence et des buts plus élevés. Pouschkine m'a répondu: «La Chartreuse de Parme est ce qu'il a fait de mieux. Il y a un caractère trés curieux, c'est un italien diplomate, mais il me parait pourtant que c'est un peu le type qu'on *se fait* des italiens d'après Machiavel. En tous cas, à mon avis, leurs meilleurs diplomates sont au Vatican, ils l'ont prouvé avec Napoleon même, et simplement parceque les diplomates de Vatican n 'ont jamais varié dans leurs principes; ils ont sans cesse combattu des dispotes et par tradition. Ils ont pensé au peuple quand on n'y pensait nullement. Et le peuple c'est la majorité. Ils ont vu la fin de tant de régimes et sont restés inamovibles; c'est aussi la sagesse du serpent et elle n'est pas défendue dans l'Ecriture. Il y a des finasseries de chancellerie chez le diplomate de Beyle, de la très petite politique. Il parait qu il est consul, il fera de la petite cuisine politique aussi, s'il en a l'occasion. Mais les italiens ont fait de la très grande politique autrefois et nullement de chancellerie. Smirnoff m'a dit que les Nouvelles Italiennes de Beyle sont simplement empruntés à de vieilles chroniques de famille, en tous cas sa Cenci ne vaut pas celle de Shelly. Il a mis ces chroniques en français de XVIII siècle. Il me fait l'éffet d'être très bourgeois selon la mode de son temps de jeunesse».

Sobolewsky. «Il a fait la campagne de Russie, il était dans l'intendance et on l'a envoyé bien avant en Allemagne pour faire des réquisition». Pouschkine a souri: «C'est donc un militaire d'intendance, un tchinownik en uniforme des *proviantskié*! Cependant il décrit bien Waterloo, quoique chacun voit la bataille de ses propres yeux et avec ses sentiments, il y a des pages qui ont l'aspect de la vérité, ou qui en donnent l'illusion... Toute la bourgeoisie de la Révolition et de l'Empire a détesté le clergé, l'ancien régime, admiré Bonaparte parcequ' il est au fond un révolutionaire tout en étouffant ce que ces braves français appellent majestueusement l'hydre de l'anarchie. Remarquez même que les classiques de l'Empire ont le ton bourgeois, hydre de la révolution est une expréssion archi-bourgeoise; leurs romantiques sont romanesques comme ce bourgeois I. I. et ils sont convaincus qu' ils tuent le bourgeoisisme! Merimé me parait trés original parcequ'il n'est d'aucune école; Beyle a des phrases romantiques et des phrases cyniques á tour de rôle».

Moi. «Vous avez très bien caractérisé Napoléon et quels beaux vers ce sont».

Pouschkine. «Enchanté de l'approbation. Napoléon a peut-être aimé la

France, mais il l'a confondue dans sa personne: la France—c'était lui. Et c'est pourquoi il n'a pas compris le patriotisme des espagnols, des russes, des allemands, des anglais, ce patriotisme qui l'a vaincu et brisé enfin. En tous cas il n'a jamais *su dire* à ses soldats ce que Pierre I a dit aux siens à Poltava [1]. Cette différence radicale entre aux, entre leur caractère, est la cause véritable qui a fait vivre l'oeuvre de Pierre et tout ce que Napoléon a conquis lui a échappé, la France n'en a rien gardé».

Sobolewsky lui a dit: «Il a laissé le côde et le concordat á la France».

Pouschkine. «Le côde qui n'est pas le sien, car il y a bien des choses qui sont de la convention dans ce côde, et d'autres des modifications du droit romain, mais il a laissé l'administration, aussi est-elle reglée comme un côde militaire, mais trés compliquée. J'en ai parlé avec Barante plusieurs fois, c'est une machine et elle n'a pas changé à la restauration, ni avec la monarchie de Juillet. Il a laissé une page militaire superbe et aucune de ses conquêtes n'est restée á la France. L'île d'Elbe, la Corse, mais elles *devaient être françaises fatalement*, même la Savoie est française après tout et elle est au roi de Sardaigne; ces anciens C-tes de Savoie ont la Sardaigne, Chambéry, Nice, le Piémont, Annécy, ils se sont *arrondis*. Le concordat devait le faire, car Napoléon sentait que le clergé lui serait utile, c'est une espèce de gallicanisme aussi et les républicains ont eu une façon d'Eglise et d'Etat même. Robespierre est allé plus loin, il a voulu fonder une religion d'Etat, officielle, le culte de l'Etre suprême, décreté et reglé comme on décreterait une revue ou une cérémonie civile. Tout cela plait à Beyle parce que ce n'est pas l'ancien régime et puis Napoléon a eu le don de fasciner ceux qui l'ont servi; ceci est un des dons du génie, et génie militaire il l'a été sans contredit. Il avait en tous cas cent fois plus d'idées que tous les faiseurs de la révolution, et en fait de diplomatie *italienne* il était trés fort justement. Au point de vue religieux Beyle est nul, c'est un voltairien bourgeois; A. Tourgueneff m'a dit qu'il y en a encore pas mal en France. Merimé est aussi un voltairien, mais ce que j'ai lu de lui, au point de vue littéraire me semble plus moderne que tout ce que Beyle a' écrit. Balzac leur est si supérieur par les idées qu'il n'y a pas à les comparer; Balzac a deviné l'avenir même et surtout ce qui deviendra le roi suprême dans une societé devenue bourgeoise—l'argent».—Sobolewsky disait ensuite que Beyle s'était enthousiasmé pour Lafayette et la révolution de 1830, Pouschkine a répondu: «Pour l'armée bourgeoise après l'armée impériale, il doit donc admirer Béranger comme mon oncle Basile. Voilà une poésie bourgeoise!» J'ai demandé ce qu'il pense des Promenades dans Rome? Il a répondu: «Quatre lignes de Byron valent toutes les promenades de ce bourgeois dilletante; c'est la différence entre un penseur, un poête et un homme qui n'est ni penseur, ni poête». Je lui ai dit que Wielhorsky avait lu en riant l'opinion de Beyle sur Rossini, qu'il admettait que Ci-

[1] «Aujour'hui ne pensez pas au Tzar, pensez à la Russie». Mot historique de Pierre le Grand à sa troupe à Poltava.

morosa puisse être admis comme trés bon compositeur dans le genre lyrico bouffo, et qu'il a des mélodies originales, mais faire de Rossini le plus grand génie musical du monde prouvait que Mr. Beyle a été élevé au moyen du dévin de village et de la musique de Dalayroc au Grétry. Pour lui la musique n'était que l'art de flatter l'oreille doucement».— «Que pensez-vous de Rossini?» m'a demandé Pouschkine.

«Que l'ouverture de Guillaume Tell est belle, et le trio des hommes; dans Mosé la prierè avec choeurs, la marche funêbre de la Gazza ladra est bonne, et son chef d'oeuvre est le Barbier, c'est le genre veritable où il est vraiment bon». Mon mari est fanatico per la musica italiana par tendresse pour l'Italié. Et mon frère Arcade aussi, ils sont trés engoués des italiens et ils ont dit que la Norma est admirable.

Mon mari a vu M-me Catalani à Florence, où elle a une Villa, et Crescantini, le fameux soprano déjà vieux qui est venu chez elle. Il a entendu la Malibran, sa soeur Pauline, la Pasta et la Sonntag toute jeune dans le Freïschütz et il en a conservé de l'amour pour cet opéra, du reste il apprécie Don Juan et les Nozzé. Il a vu les deux Grisi; l'aineé Juditta chantait la Norma et sa soeur Julia était Adalgiza alors. Je crois qu'il aime la Norma à cause de ce souvenir; faîtes vous raconter une anecdote amusante sur le début de la Pisarani, qui avait un plus beau contralto que la Albani. Elle était d'une laideur extraordinaire, les jambes courtes, épaisses, la taille longue et carrée, des pieds, des mains, des bras affreux, une tête sans fin, le nez énorme. Elle débutait dans la Sémiramide dans le rôle d'Arzaco. Quand on l'a vue paraître en cuirasse, en casque, les jambes en tricot, la salle est partie d'un éclat de rire.

— Finissez, Nicolas».

Mon mari. «Arzace entre et doit dire une phrase du récitatif: «Ecco al fin io son in Babilonia». La Pisarani lance «Ecco», et la salle rit de plus belle. Elle se croise les bras et attend, quand on a ri assez, elle est venue à la rampe et a lancé au public: «Signore, siete venuti per udirmi e non per guardarmi». Et elle est sortie; on l'a rappelée, on a applaudi, et elle a débité son recitatif; déjà son organ en parlant a frappé le public, et quand elle a achevé son air, toute la salle s'est leveé, a battu des mains, trépigné, crié. Elle phrâsait avec une maestria incomparable et son contralto était admirable d'un bout à l'autre du régistre. On est allé l'attendre à la porte des artistes de la Pergola et on lui a fait une ovation à l'italienne *con delirio*. Il est possible que ce sont les chanteurs qui sont pour beaucoup dans le charme de l'opéra italien. L'orchestre compte peu, dans chaque opéra il y a des morceaux que l'on écoute, solis, duos, trios, morceaux de bravoura ou d'ensemble; en Italie on donne le même opéra tous les soirs, et on y va pour causer, on fait des visites aux femmes dans leurs loges, c'est leur salon, car les italiennes ne reçoivent pas beaucoup chez elles

excepté des douanières qui ont leurs habitués. Ce peuple est né musicien; dès que parait un opéra toute la ville le chante, le lendemain on l'entend dans les rues».

Moi. Ceci a peut-être nui à leur musique, cette façon de faire de l'opéra un salon, et ils ont pourtant la plus admirable musique sacrée; ils ont appris le contrepoint et la fugue aux allemands, qui ont eu Bach, Händel, Hayden, Béethoven, Mozart, Glück, Wéber, qui les ont surpassés à l'église et au théatre. Et mêmes nos maitres de chapelle, Bérézowsky et Bortniansky ont étudié à Bologne chez le Père Martini et Baccherini; Bérézowsky était même membre de l'Académie de musique de Bologne, Mozart y a passé quelque temps. Galuppi est venu en Russie, on chante sa musique aux Messes du grand carême».

Pouschkine. «Je croyais que toute cette musique est de Bartniansky seulement ou d'anciens chants».

Moi. «Du tout et même Bérézowsky avait plus d'originalité que Bartniansky; Galuppi a fugué d'anciens mottifs russes du chant de Kiew, qui n'est pas le plain chant grégorien. Maria Feodorowna aimait un de ces choeurs fugués, un chant du grand carême que nous chantions à l'Institut. Et autre Salieri, Sarti est venu en Russie».

Pouschkine. J'ai cherché une vie de Salieri pour mon drame et j'ai causé de Mozart avec Oulibicheff, je voudrais trouver une vie de Beaumarchais aussi, mais Bélizard [1]) n'a rien trouvé pour moi».

Moi. «Vous feriez bien de demander à Nicolas Kisseleff qui est à Paris à présent et qui adore la musique, de vous trouver des livres sur Mozart, Salieri, Beaumarchais. Il voit Lizt qui pourrait le renseigner sur les musiciens. Salieri a fait la musique du Tarare de Beaumarchais outre Sargine et il a fait la musique des tragédies de Métastasio, que vous appelez l'homme des libretti; il y avait un autre abbate à Vienne, da Parte, qui a fait la libretto de Don Juan et des Nozze»

Nicolas. «Très spirituels, celui de Don Juan tout autant que celui du Mariage de Figaro».

Pouschkine. «Smirnoff, tu disais un jour que tu as vu Crescantini chez M-me Catalani, avait il conservé de la voix?»

Nicolas. «Un peu et de la méthode surtout, mais Farinelli, le favori des rois de Naples et d'Espagne, était plus célèbre encore. Tous les premiers rôles pendant près de deux siècles furent écrits pour des soprani masculins, les uns trés aigus, les autres des mezzo-soprani que les femmes chantent à présent, des contralti, parceque les mezzo-soprani masculins ont des notes très basses aussi».

Pouschkine. «Je ne te savais pas si savant au sujet de la musique, Smirnoff».

---
[1]) Libraire français de St. Pétersbourg.

Nicolas a ri et a répondu: «Cela *s'entend* en Italie, *c'est dans l'air*; ma femme est une savante en musique classique, moi je suis seulement fanatico pour l'opéra italien, pour Mozart en fait d'allemands et Wéber, parce que j'ai entendu la Sonntag à Vienne, dans le Freischütz».

J'ai inscrit cette conversation au long pendant qu'ils causaient, ce sera une des dernières avant notre départ.

Le bon Pletneff est venu me voir, je lui ai raconté ce qui s'était passé l'autre soir et il disait: «Nicolaï Mihaïlovitch [1]) a raison, Pouschkine intendant—c'est Pégasus im Ioche» [2]).

Ce matin j'ai rencontré le pauvre Pégase au Magasin anglais où j'étais venue acheter un sac de voyage anglais. Il m'a dit: «Enlevez-moi dans vos malles. C'est votre Boyar Nicolaï qui me donne des tentations. Même hier il m'a conseillé de parler à l'Empereur, de lui faire part de mes ennuis, de lui demander un congé pour aller à l'étranger. Mais toute la famille jettera les hauts cris. Je regarde la Néva et j'ai de folles envies de nager jusqu'à Cronstandt, de me cacher à bord d'un pyroscaphe; si je le faisais que dirait-on? On dirait: il singe Byron! Je crois que j'ai plus envie de m'en aller *très*, *très* loin, que dans ma verte jeunesse quand je suis resté tout seul avec Arina pour toute société deux ans à Mihaïlowskoé. Du reste j'ai des préssentiments, je crois que je ne vivrai plus longtemps, depuis la mort de ma mère je pense beaucoup à la mort et j'y pensais beaucoup dans ma première jeunesse déjà». J'ai répondu: «Quelle folie, vous vous portez comme le pont neuf et vous vivrez assez pour voir toute l'Europe en détail».

Pouschkine l'a beaucoup questionné sur la chapelle papale, sur les soprani surtout, dont Nicolas disait qu'ils ont des voix surhumaines parfois, et l'usage de ces soprani pour la musique profane était chose adoptée, acceptée, des le XVII siècle. Pouschkine m'a questionnée sur la musique qu'on chante à la chapelle papale, sur les compositeurs célèbres, je lui ai nommé Palestrina, Allegri, Stradella, Boëni, outre des espagnols et Arcadett, le m. de ch. du cardinal de Lorraine, enfin l'école de Venise, Marcello, Lotti, Porpora, Pergolèse, il Sassane. un allemand saxon appellé Hosse, qui a vécu en Italie et je lui ai raconté que Mozart à la chapelle Sixtien avait annoté le Miserere, parce qu'on ne donnait pas la musique ecrite au public. Pouschkine a demandé: «Est-ce que c'est très difficile?»

J'ai répondu: «Un haut fait d'inscrire chaque partie, à 4 voix, en écoutant seulement le chant; seul un génie musical peut faire cela dès la première fois, et un homme qui connait la générale-basse à fond; Mozart a été à Bologne pour étudier le contre point justement et la basse générale. Alors les italiens etaient de savants musiciens encore.

Pouschkine a observé: «Vous avez fait des études sur la musique».

[1]) Mon père.

[2]) Pégase sous le joug, poésie de Schiller.

Moi. «Grâce à Odoéwsky, Wielhorsky et m-me Hirt, l'élève de Béethoven. Quand mon mari et Arcady vont admirer les italiens, je joue le soir à 4 mains avec la bonne Hirt, nous déchiffrons la musique classique allemande, car je joue mal, mais je lis bien la musique».

Pouschkine. «Que pensez-vous de Glinka?»

Moi. «Trés doué, très musicien, il doit oublier Rossini, étudier Glück, pour le recitatif, Mozart et Wéber pour apprendre à bien orchestrer. A Vienne il trouverait de bons maîtres de contrepoint. Ses romances sont des chefs d'oeuvres et quelques unes aussi belles que celles de Schubert, c'est *son fort* justement. Et il devrait étudier certaines romances de Béethoven».

Pouschkine. «Il a fait des romances?»

Moi. «Superbes, car en général le Lied, la romance allemande, n'est pas celle de France, ou le canzone italien; elles sont bien plus belles comme accompagnement et celles de Glinka ont ce mérite».

Pouschkine. «J'ai relu le neveu de Rameau de Diderot, il avait des idées sur la musique et même J. J. en eut».

Moi. «Peut-être, mais il n'a su écrire que le Dévin du Village, une pauvre musique aprés tout».

Pouschkine a demandé à Nicolas si en effet Paganini a joué sur une seule corde une fois?»

Nicolas. «Oui, c'est un fait vrai, et même c'était la sonate du diable de Tartini».

Pouschkine. «Pourquoi du diable?»

Nicolas. «Parcequ'on raconte que Tartini, le grand violon de son temps, auquel on avait commandé une sonate, ne parvenait pas à la composer à son goût. Il s'est impatienté et s'est couché la tête pleine de sa sonate et l'envoyant au diable. En rêve satan lui a apparu, lui a pris son Amati et a joué une sonate, elle est tres difficile, on doit la jouer très vite, *con furia*, puis il y a un air très doux et très lent et la *furia* reprend de plus belle jusqu'à la fin. Tartini s'est réveillé, a saisi son violon chéri d'Amati et a joué la sonata del diavolo, il l'a annotée ensuite. Le lendemain il est allé se confesser et le Padre lui a dit: «Le diable ne peut pas inspirer de belles choses. Je veux entendre la sonate avant de vous absoudre». Quand il l'a entendue il a absous le père Tartini aussitôt. Cette anecdote est tout à fait dans le goût italien, l'art, la musique absout tout».

Pouschkine. «Qui sait ... il a peut-être revé cette musique! Je rêve des vers souvent, mais Mephisto ne me les dicte pas».

Sobolewsky lui a dit ensuite: «Voudrais-tu rencontré Henri Beyle? Mérimé serait enchanté de te présenter Beyle».

Pouschkine. «Du tout, il me déplait parce qu'il y a dans cet homme de la fatuité, de l'homme à bonnes fortunes, le genre que je déteste, tout ce que tu m'as raconté de lui me déplait et je ne le trouve pas artiste, c'est un sens qui

lui manque quoiqu'il parle d'art. Je voudrais causer avec Mérimé et S-te Beuve, qui sait critiquer un livre, qui l'analyse en effet. Hugo, A. de Vigny, Lamartine me suffisent imprimés, A. de Musset m'intéresse bien plus et je voudrais voir Georges Sand, celle-là est artiste. Dumas m'amuserait par sa verve bonne enfant et un peu d'extravagance ne m'éffarouche pas».

Sobolewsky lui a dit que Georges Sand cause trés peu en général. Pouschkine a repris: «C'est Goëthe que je souhaitais voir et Byron. Il a voulu venir en Russie, elle l'intéressait. Je voudrais voir Balzac aussi, car ses buts m'intéressent, ce sera leur grand romancier. Il voit des individus outre les types et Beyle ne voit que des types, il est surtout préoccupé de lui même, il ne s'oublie pas en écrivant. Balzac me parait vivre dans ses personnages beaucoup plus».

Sobolewsky. «Tu préfères S-te Beuve aux autres critiques, à Jules Janin, S-t Marc-Girardin, Gustave Planche?»

Pouschkine. «Janin est un journaliste plus qu'un critique, S-te Beuve a certains préjugés, mais il a l'esprit fin, observateur et il analyse bien un livre quand même; on lui fait la part de ses préjugés, tout le monde en a. J'ai relu quelques pages de P. L. Courier l'autre jour et j'ai constaté que le genre pamphlet s'use vite, il faut être Juvénal pour traverser des siècles.

(*A suivre*).

Изъ Стеккети.

Гдѣ-то пѣсня грустно таетъ —
Плачетъ нѣжная рояль.
Тихо вечеръ наступаетъ,
На душѣ моей печаль.
Въ нѣгѣ сладостныхъ мечтаній
У раскрытаго окна
Я стою. Благоуханій
Вешнихъ комната полна...
Отчего былыя грезы
Снова душу шевелятъ?
Отчего невольно слезы
На глазахъ моихъ дрожатъ?
Грустно мнѣ. Въ тоскѣ глубокой
О тебѣ мечтаю я,
О тебѣ, мой другъ далекій,
Незабвенная моя!

Г. Работниковъ.

Женитьба Кабуса.

Разсказъ Г. Ольдена.

Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Р.**

Докторъ Людеманъ, съ которымъ мы были друзья съ юныхъ лѣтъ, любезно пожертвовалъ цѣлыхъ три дня, чтобы показать мнѣ Іену со всѣми ея достопримѣчательностями. Каждое утро, ровно въ половинѣ девятаго, онъ заходилъ за мною въ Чорный Медвѣдь,—и мы усердно бѣгали до наступленія мрака, чтобы не пропустить ничего заслуживающаго созерцанія.

Людеманъ почти десять лѣтъ служитъ доцентомъ при alma mater въ Іенѣ, и во все это время, кажется, ни разу не выѣзжалъ изъ города.—«Внѣ его я какъ то теряюсь,—говорилъ онъ мнѣ: То же можно сказать и о многихъ другихъ изъ здѣшнихъ жителей. Древняя Іена заперта въ узкой котловинѣ: это для нея имѣетъ символическое значеніе. Холмы и небольшія горы — ограда, которая замыкаетъ меленькій мірокъ и отдѣляетъ его отъ большого свѣта. Зато въ этомъ микрокосмѣ живутъ допотопные человѣческіе экземпляры, подобныхъ которымъ въ большомъ свѣтѣ уже не водятся».

Такъ философствовалъ Людеманъ въ то время, какъ мы, не переводя духа, бѣгали отъ одной достопримѣчательности къ другой. Тутъ на ратушѣ—голова, которая шевелится, когда часы бьютъ; тамъ—остовъ дракона, который состряпали проказники-студенты въ семнадцатомъ вѣкѣ; тамъ—чудо зодчества—Камсдорфскій мостъ, Лисья башня; исконно древній домъ Вейгеля, Ара, проходъ подъ хорами городского собора, словомъ—семь мировыхъ чудесъ Іены, какъ тутъ выражаются совершенно серьезно:

«Ara, caput, draco, mons, pons, vulpecula turris; Veigelidna domus: septem miracula Jenae».

Да, всѣ эти на весь міръ прославленныя вещи я осмотрѣлъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ; но лучшаго чуда, которое мнѣ было показано въ Іенѣ, въ этомъ перечнѣ еще нѣтъ.

Послѣ обѣда, на третьи сутки, Людеманъ говоритъ мнѣ:

— Теперь я тебя поведу къ профессору Кабусу, къ старому Фридриху Кабусу: собирайся, жалѣть не будешь.

А мнѣ было пріятно, уже то, что послѣ всѣхъ ископаемыхъ достопримѣчательностей я увижу достопримѣчательность съ плотью и кровью.

Итакъ, мы пустились въ путь, которой оказался цѣлымъ путешествіемъ. Солнце поднялось высоко на небосклонѣ. Мы шли внизъ по теченію Заалы въ прелестной мѣстности, по дорогѣ, усаженной цвѣтущими деревьями, все болѣе приближаясь къ окружающей городъ цѣпи холмовъ. Наконецъ мы пересѣкли небольшой лѣсокъ, и когда мы изъ него вышли, Людеманъ вдругъ остановился.

— Видишь ты его? — спросилъ онъ, показывая внизу, направо, на незначительную впадину между двумя покрытыми лѣсомъ холмами.— Видишь его?

Я увидалъ домикъ старинной постройки, съ зелеными ставнями и обросшими мхомъ черепицами, въ садикѣ, огороженномъ терновникомъ. Направо отъ дома—громадный старый дубъ, а подъ нимъ...

— Теперь видишь ихъ?—спросилъ Людеманъ снова, когда я сталъ всматриваться внимательнѣй.

Мы приближались потихоньку, и я мало-по-малу сталъ различать то, что было подъ дубомъ. Тамъ за садовымъ столомъ сидѣла старая чета, мужъ и жена.

Мужъ читалъ маленькую, переплетенную въ свиную кожу книжку, которая лежала передъ нимъ на столѣ. Онъ сидѣлъ облокотясь, подперши рукой свою безбородую ширококостную голову, по временамъ кивалъ и улыбался, и видимо весь былъ погруженъ въ пріятное чтеніе. На немъ была легкая куртка, бѣлый галстухъ, намотанный во всю длину шеи, и маленькая желтая соломенная шляпа, изъ—подъ которой торчали клочья бѣлыхъ волосъ. По другую сторону стола, на которомъ стоялъ кофейный приборъ, сидѣла жена, полненькая старушка. Она уронила вязанье свое на колѣни; сонное, круглое, старенькое лицо ея припадало къ груди, а солнечный лучъ, прокравшись между вѣтвями дуба, игралъ на ея темени въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, гладко причесанныхъ волосахъ. Къ стволу дуба была прибита жестянная дощечка, на которой полинялыми буквами значилось: Memoriae Edmundi Schulzis.

— Это они,—сказалъ Людеманъ:—профессоръ Кабусъ и жена его.— Съ минуту мирная группа была совершенно неподвижна, и мы стояли, молча созерцая ее. Потомъ она зашевелилась: профессоръ Кабусъ

потянулся, взялся рукой за спинку стула, досталъ длинную трубку, которая къ ней была прислонена, и поднесъ ее ко рту, между тѣмъ какъ другую, спокойно продолжая читать, онъ засунулъ въ сахарницу, взялъ кусочекъ сахару и быстро черкнулъ имъ по столу. Повторивши это нѣсколько разъ въ разныхъ направленіяхъ, онъ съ досадой бросилъ его въ сторону и взялъ изъ сахарницы другой кусочекъ, которымъ снова, но сильнѣе, сталъ царапать по столу. Онъ бросилъ бы и этотъ кусокъ, но профессорша во время открыла глаза, увидала странные поступки своего супруга, всплеснула руками и, повидимому, задала ему головомойку въ полной формѣ, сопровождая свою рѣчь очень понятнымъ покачиваньемъ головы и оживленными жестами. Она взяла изъ рукъ профессора пострадавшій кусокъ сахару, тщательно обтерла его салфеткой и положила обратно въ сахарницу. Затѣмъ съ помощью спички зажгла сложенный клочекъ бумаги и наклонилась къ трубкѣ мужа. Кабусъ спокойно сталъ сосать свой чубукъ. Онъ ни на минуту не прерывалъ чтенія, кивалъ отъ удовольствія, и только одинъ разъ, въ досадѣ на помѣху, нетерпѣливо мотнулъ головой.

Людеманъ, сдерживая смѣхъ, отвелъ меня немного въ сторону.

— Вотъ тебѣ Кабусъ и его отличительная черта. Уже пятьдесятъ лѣтъ онъ пытается добыть огня кусочками сахара, утирается рукописью, мокаетъ перо въ чашку кофе, а чернильницу подноситъ ко рту, старается нагрести изъ-подъ часовой крышки понюшку табаку и пять минутъ смотритъ, выпуча глаза, на табакерку, чтобы узнать, который часъ. Всѣ анекдоты о разсѣянности профессоровъ, всѣ до единаго, этотъ человѣкъ испыталъ на себѣ, продѣлалъ, пережилъ. Когда я говорилъ съ нимъ въ послѣдній разъ, онъ пресерьезно разсказывалъ, что онъ до недавняго времени дурно спалъ, потому что храпѣлъ такъ громко, что самъ отъ этого просыпался. «Но теперь я нашелъ средство противъ этого зла: я теперь ложусь спать въ сосѣднюю комнату». Когда онъ еще былъ доцентомъ, студенты разсказывали, будто онъ однажды, вернувшись вечеромъ домой, уложилъ собаку въ свою постель, а самъ растянулся передъ дверью, и будто только тогда замѣтилъ ошибку, когда на другое утро вздумалъ завязать ссору съ кошкой сосѣда и не съумѣлъ залаять. Когда до него дошла эта злая выдумка, то онъ публично объявилъ, что въ ней нѣтъ ни слова правды, что онъ подобную ошибку навѣрно-бы раньше замѣтилъ и исправилъ. Онъ всегда самъ досадовалъ на свою разсѣянность, потому что все-же былъ человѣкъ очень остраго ума. Я еще у него слушалъ курсъ логики, а его «теорія познанія» цѣнится очень высоко.

Мы вошли въ садъ Кабуса. Профессоръ вскинулъ глазами и тотчасъ нетвердой припрыжкой бросился къ намъ навстрѣчу. Въ своемъ узкомъ пиджачкѣ, въ коротенькихъ панталонахъ на длинныхъ ногахъ, въ со-

ломенной шляпѣ, усѣвшейся на его головѣ, какъ-бы въ насмѣшку, онъ имѣлъ видъ стараго школьника.

— Ай-ай, — вскричалъ онъ: — вотъ это любезно, что вы, господа, опять заглянули ко мнѣ, радъ, радъ... да!.. что я хотѣлъ сказать? Взгляни-ка, Зусхенъ, господинъ... господинъ... и съ нимъ господинъ... это, право, мило!

— Моя фамилія Людеманъ, господинъ профессоръ, — сказалъ мой пріятель, — вашъ бывшій ученикъ. А это—господинъ У. изъ Берлина, который въ первый разъ имѣетъ честь васъ видѣть.

— Большая честь мнѣ,—перебилъ онъ:—мнѣ соверш... Что-же ты, Зусхенъ, не подойдешь поздороваться съ ними?.. А, да ужъ ты здѣсь; ну, тогда тебѣ подходить не нужно!.. Такъ вотъ онъ, докторъ Людеманъ! Ну, господа, не угодно-ли вамъ садиться? Пожалуйте, любезный Людеманъ, садитесь тамъ, а на этотъ стулъ сядетъ докторъ Пфейферъ.

Говоря это, онъ любезно взялъ меня за руку.

Людеманъ, улыбаясь, перебилъ его:

— Это господинъ У. изъ Берлина, а не...

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ!—вскрикнулъ Кабусъ, смѣясь.—Вѣрно, вѣрно... я потому сказалъ, что вы намедни съ докторомъ Пфейферомъ...

— Намедни?—отвѣчалъ Людеманъ:—этому тоже ужъ два года, господинъ профессоръ, и бѣдный Пфейферъ вскорѣ потомъ отправился въ качествѣ военнаго врача въ Африку и палъ въ схваткѣ съ Вагеге.

— Такъ, такъ, такъ...—замѣтилъ Кабусъ:—ну, такъ онъ еще долго тамъ пробудетъ, но только приведите его когда нибудь опять ко мнѣ; любезный господинъ У., я всегда очень радъ...

Мы всѣ четверо усѣлись вокругъ стола. Профессорша велѣла подать Людеману и мнѣ пару бутылокъ пива, а профессоръ усердно поддерживалъ разговоръ. Онъ интересовался всѣмъ: политикой, университетомъ, семейными дѣлами.

— Ну, что подѣлываетъ ваша любезная супруга, дорогой Людеманъ?—спросилъ онъ.

— Да вѣдь я не женатъ, господинъ профессоръ, — сказалъ Людеманъ.

— Не женаты? Не женаты?!. Такъ, такъ, такъ... давно-ли, дорогой мой?

— Съ самой ранней молодости,—смѣясь отвѣтилъ Людеманъ.

И профессоръ задумчиво покачалъ головой:

— Еще съ молоду... странно, странно!

Мы, улыбаясь, переглядывались далеко не въ первый разъ въ продолженіе часовой нашей бесѣды.

Тутъ наконецъ вмѣшалась въ разговоръ госпожа Сусанна. Она вязала молча и только изрѣдка качала милой головкой по поводу сум-

бура въ мысляхъ своего супруга, или ворчала чуть слышно. Теперь она не могла не высказать своего рѣшительнаго неодобренія.

— Кабусъ,—сказала она,—у меня, право, силъ нѣтъ слушать. Собери-же немножко свои мысли. Ты сегодня опять ужасно разсѣянъ. Что подумаютъ о насъ эти господа! Человѣкъ старый, а все еще такъ разсѣянъ!

— Сдѣлай милость, Зусхенъ,—отвѣчалъ Кабусъ, усмѣхаясь, и его старые глаза съ трогательнымъ, любящимъ выраженіемъ остановились на сѣдовласой женѣ:—Сдѣлай милость, Зусхенъ: уже намъ-то съ тобой,—свидѣтель Царь Небесный, — намъ-то съ тобой не резонъ сѣтовать на мою разсѣянность,—пускай посторонніе надо мной смѣются, а намъ, согласись Зусхенъ, не подобаетъ. Ибо, еслибъ я тогда не былъ разсѣянъ, то не состоялась бы и... и...

Щечки профессорши вспыхнули алымъ румянцемъ.

— Замолчишь-ли ты, Фридрихъ!?—сказала она, кокетливо сердясь:—замолчи! ни слова!

— А?! Такъ вотъ-же нарочно разскажу!—весело возразилъ Кабусъ.—Теперь эти господа узнаютъ все—за то, что ты ворчишь!

Госпожа Сузанна наклонилась къ своему вязанью. Мы глядѣли, полные ожиданія, на профессора, который, видимо наслаждаясь смущеніемъ своей жены, состроилъ самую злорадную, злодѣйскую гримасу.

— Взгляните на этотъ домикъ, господа,—началъ Кабусъ:—здѣсь я живу съ тысяча семьсотъ сорокъ второго года...

— Кабусъ!—вскрикнула жена его съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ.

— Постой, постой!—Кабусъ совершенно спокойно продолжалъ свою рѣчь:—я опять проговорился; я хотѣлъ сказать: въ этомъ домикѣ живу я съ своей гораздо... гораздо лучшей половиной уже съ тысяча девятьсотъ сорокъ второго года!..

Госпожа Кабусъ ломаетъ себѣ руки.

— Съ тысяча восемьсотъ... господинъ профессоръ,—тихо подсказалъ ему Людеманъ.

— Ну, ну, съ тысяча восьмисотаго, любезный Людеманъ. Но вѣдь это не существенно, потому что само собою разумѣется. Я-бы могъ сказать: съ сорокъ второго года нашего столѣтія; это былъ-бы, конечно, необычный оборотъ, да главное тутъ, во всякомъ случаѣ,—сорокъ второй годъ; это вѣрно, да и правильно. У меня, видите-ли, это число получилось въ результатѣ отъ простого вычитанія, ибо вотъ уже почти пятьдесятъ лѣтъ, какъ мы, дорогая жена моя и я, живемъ въ этомъ самомъ домѣ. А живемъ мы здѣсь со времени нашего бракосочетанія, изъ чего соблаговолите заключить, что мы приближаемся къ золотой свадьбѣ.

Профессорша молча кивнула головой. Профессоръ вперилъ открытые, ясные глаза въ даль.

— Была Святая недѣля сорокъ перваго года. Я шатался по Іенѣ, дожидаясь каѳедры приватъ-доцента. Выѣхать изъ города мнѣ не было резона, и я въ немъ проводилъ вакаціонное время. Всѣ другіе разбрелись, Іена опустѣла, а лѣса и горы сіяли первой весенней зеленью... Однажды, около десяти часовъ утра, я вышелъ изъ дому, хотѣлъ навѣстить Edmundum, Edmundum Schulzem, навѣстить и пригласить съ собой прогуляться къ зàмку близъ Лобеды. Этотъ Edmundus Schulz былъ человѣкъ дюжинный, съ которымъ у меня было мало общаго; его можно было переваривать только въ каникулярное время. Но этотъ самый Edmundus Schulz... онъ уже давно въ сырой землѣ,—ибо этотъ самый Edmundus,—не правда-ли, Зусхенъ?—этотъ Edmundus—виновникъ нашего брака. Онъ связалъ наши жизненные кораблики и направилъ ихъ въ эту мирную гавань. Вотъ за это ему посвящено сіе дерево и надпись—Кабусъ, поднявъ дрожащую руку, указалъ пальцемъ вверхъ.—А бѣдный Edmundus отошелъ въ вѣчность, не подозрѣвая, что его будутъ поминать добрымъ словомъ; не подозрѣвалъ онъ потому, что ничего не зналъ о своемъ громадномъ, рѣшающемъ вліяніи на жизнь двухъ человѣческихъ существъ, никогда ничего не вѣдалъ. Такія странныя отношенія между причиной и слѣдствіемъ нерѣдко бываютъ въ жизни. Кто, говоря о себѣ, можетъ сказать положительно: я-де въ томъ или другомъ событіи не послѣдняя, или не первая, не малѣйшая, или не безусловная причина? Мои дѣти, еслибы они у меня были, должны-бы чтить Edmundum, какъ виновника своихъ дней, какъ первоначальнаго виновника. Спи мирно, Edmunde! Выпьемъ, господа, въ тишивѣ въ память Edmundi Schulzis!»

Мы исполнили его желаніе.

Кабусъ продолжалъ:—Итакъ, въ вышесказанное весеннее утро я собрался зайти за Эдмундомъ. Я отлично зналъ домъ и улицу... но странно, въ тотъ день я, вѣроятно, былъ немножко разсѣянъ, потому что изъ своей квартиры я съ перваго шага принимаю ложное направленіе: иду на западъ, а Edmundus жительствуетъ на востокѣ. Отъ этой ложной посылки произошелъ, совершенно логично, рядъ ложныхъ умозаключеній: я попадаю въ кварталъ, діаметрально противуположный Эдмундову. Я поворачиваю на улицу, которая, правда, симметрично соотвѣтствуетъ Эдмундовой, но является совершенно невѣрной, и вхожу въ домъ, который на ложной улицѣ занимаетъ мѣсто, аналогичное тому, которое на надлежащей улицѣ занимаетъ Эдмундовъ домъ. Итакъ я, вслѣдствіе одного ложнаго предложенія, продолжая логично, пришелъ къ совершенно ложному конечному выводу: заблужденіе, конечно, понятное всякому мыслящему человѣку.

Мы съ Людеманомъ изъявили полное свое согласіе.

— Поднимаюсь по лѣстницѣ,—вѣдь Edmundus жилъ во второмъ

этажѣ,—звоню; въ этотъ моментъ я замѣчаю ошибку, которой руковожусь съ самаго начала, именно: наружная дверь Edmundi темнобураго цвѣта, въ щеляхъ и источена червями; а эта—новая и сіяетъ ослѣпительной бѣлизной. Меня внезапно осѣнило и поразило, какъ громомъ; вся система, которая привела меня сюда, зашаталась и рухнула. Хочу бѣжать, но тутъ дверь вдругъ отворяется, появляется мужчина съ длинной сѣдою бородой и ставитъ мнѣ очень понятный вопросъ:—«что вамъ угодно, милостивый государь?» И вотъ стою я подъ впечатлѣніемъ разбитаго цикла представленій, не чувствуя себя способнымъ пробиться въ другой. Логическое основаніе, по которому я сюда попалъ, рухнуло, а обломки въ хаотическомъ безпорядкѣ еще катятся вокругъ меня. За что уцѣпиться въ этомъ ураганѣ? Въ первый моментъ я инстинктивно заношу ногу на одинъ изъ обломковъ и отвѣчаю: «я не ошибся? Имѣю честь быть у господина Шульца?» Само собою разумѣется я ожидалъ услышать: «нѣтъ» и думалъ, что можно потомъ съ честью отретироваться подъ открытое небо. Но грозная туча ростетъ. Мужчина съ выраженіемъ невозмутимаго спокойствія отвѣчаетъ убійственно любезно: «да, конечно!» и принимаетъ меня въ свои покои. Онъ твердымъ шагомъ шествуетъ впередъ; я слѣдую за нимъ, шатаясь духомъ. Двигаясь по своей обычной жизненной колеѣ, онъ, въ сравненіи со мною, занималъ безконечно выгоднѣйшую позицію; я же, блуждая безъ твердой точки опоры, перескакивалъ съ одной проваливающейся кочки на другую и былъ осужденъ на то, чтобы притворяться, будто чувствую подъ собою почву.

Кабусъ на минуту замолчалъ; я невольно представлялъ себѣ какъ онъ скакалъ съ одной проваливающейся кочки на другую и изъ груди моей судорожно рвался наружу страшный хохотъ.

Онъ продолжалъ:

— Мужчина, сознавая цѣль, направляетъ стопы свои, безъ малѣйшаго физическаго или нравственнаго отклоненія, прямо въ гостиную. Я слѣдую за нимъ. Остатокъ парализованной воли, который еще шевелится во мнѣ, не въ состояніи проявиться въ самопроизвольномъ дѣйствіи. По истеченіи девятнадцати секундъ я достигъ красной софы, а еще черезъ три секунды я, сидя на ней, ощущалъ ее подъ собой. Я, можетъ быть, ошибаюсь въ опредѣленіи числа секундъ; потому что, хоть и считалъ, все же надо думать, что душевное волненіе, которое, конечно, должно быть принято въ соображеніе, какъ дѣятельный факторъ, мѣшало точному размѣренію продолжительности секунды. Такія мысли роились въ моемъ мозгу, когда я усѣлся на красномъ диванѣ. Я никакъ не могъ выяснить себѣ своего положенія. Подробности, изъ которыхъ оно составилось, были такъ сложны, что я не былъ въ состояніи въ короткій срокъ свести ихъ къ чистому идейному содержанію. О прак-

тикѣ и думать было нечего! Я пытался покуда добиться хотя теоретическаго рѣшенія. Вѣроятно была же возможность найти формулу, которую затѣмъ было бы нетрудно примѣнить къ даннымъ величинамъ. Я назвалъ круглый красный диванъ—P, хозяина квартиры—B, а себя—A, и былъ уже на вѣрной стезѣ, чтобы овладѣть казусомъ. Но тутъ вступили въ дѣло непредусмотрѣнныя вопросительныя предложенія величины B, непринужденно стоявшей передо мною, и внесли величайшее замѣшательство... Я на время оставилъ безъ вниманія побочные моменты, имѣя въ виду примѣнить ихъ послѣ, для видоизмѣненія имѣющаго получиться результата. Я не хотѣлъ дать себя сбить съ толку, и потому на каждый вопросъ, обращенный ко мнѣ, какъ заведенная машина, отвѣчалъ: «да». Я не предусматривалъ въ этомъ опасности и надѣялся своими выкладками догнать копившіяся событія, догнать прежде, чѣмъ произойдетъ что нибудь рѣшительное. Это была роковая ошибка! Чрезъ нѣсколько минутъ, — я произнесъ свое «да» много пять-шесть разъ,—ситуація совершенно измѣнилась. Изо всѣхъ получившихся отношеній ни одно уже не согласовалось съ другими. Мужчина съ бородой садится со мной рядомъ, очень фамильярно пододвигается все ближе; нѣтъ-нѣтъ, назоветъ меня, съ милой улыбкой: «любезный господинъ Веемейеръ»; говоритъ о домикѣ далеко за городскими воротами, который-де, навѣрно, мнѣ очень понравится, сообщаетъ, что его дорогая супруга съ дочкой какъ разъ тамъ...

— Я напрягалъ свои мыслительныя способности до крайней степени, хотѣлъ внести въ вычисленія все, что представлялось новаго. Домикъ обозначилъ я чрезъ M, дорогую супругу чрезъ Q, дочку чрезъ J. Тщетно, все тщетно! Обиліе все вновь выступавшихъ величинъ и отношеній разбивало всякую возможность составить объединяющую формулу. Я былъ вынужденъ окончательно отказаться отъ теоретическаго анализа этого случая и безпомощно отдался влеченію потока: сталъ поддакивать, помахивать утвердительно головою, улыбался и огорчался, изъявлялъ согласіе, принималъ на себя обязательства. Мы,—изволите-ли видѣть — вели съ нимъ переписку; меня давно ждали; у меня есть дядя, состояніе, наслѣдство; родомъ я изъ Регенсбурга, но предпочелъ Заалу Дунаю; я оказываюсь дальнимъ родственникомъ сѣдобородаго господина, или, вѣрнѣе—не очень дальнимъ, даже очень недальнимъ, но и не слишкомъ близкимъ... притомъ отецъ мой былъ его лучшій другъ. Самъ я, изволите видѣть, сельскій хозяинъ, родителей у меня нѣтъ, здоровъ, благовоспитанъ, пользуюсь хорошей репутаціей; лѣсоводство мое любимое занятіе. Глупая исторія о моей первой помолвкѣ, конечно, давно забыта: молодость должна-же перебродить; я какъ-то еще мальчикомъ переломилъ себѣ ногу...

На все, на все я соглашался. Отступленіе было совершенно невоз-

можно. Мужчина съ сѣдой бородою сталъ для меня непреоборимой силой; онъ деспотически распоряжался всею жизнью, всѣмъ существомъ моимъ, помыслами, міросозерцаніемъ, всѣмъ моимъ духовнымъ развитіемъ. Его слова имѣли силу обязательную, притомъ дѣйствующую заднимъ числомъ на отдаленное прошлое, на цѣлыя поколѣнія. Онъ перемѣнилъ мнѣ родителей, прародителей. Я былъ всецѣло въ его власти. По мимолетной его прихоти, я могъ бы оказаться послѣдователемъ Магомета. отправлялся-бы въ Мекку и Медину... вотъ и верблюды мои пасутся у Лисьей башни... Или хоть молодымъ китайцемъ изъ Пекина, смѣлымъ, косоглазымъ искателемъ приключеній... матери моей Мамамингъ такъ трудно было разставаться со мной... Или согбеннымъ глубокой старостью бонзой... вотъ бѣлая коса, длинная, почтенная бѣлая коса вьется по моей изогнутой спинѣ,—да, господа, было время—все было иначе: коса была блестящаго чернаго цвѣта и круто сплетена, и желтыя манджурскія дѣвы съ тоскливымъ вожделѣніемъ косились на мою косу; да, жизнь бонзы тоже не бездѣлица: постоянное лежаніе на брюхѣ и нескончаемое чаепитіе этой бурды,—плохое пиво здѣсь въ Іенѣ, въ сравненіи съ нимъ, живительный напитокъ... Или бы я появился съ луны, и скверный климатъ земного шара причиняетъ мнѣ головныя боли... Боже, чего бы изъ меня тогда не сдѣлалъ сѣдобородый магъ своими чарами?! Но онъ своей власти во зло не употребилъ; онъ воздержался отъ всякихъ чрезвычайностей. Все, что онъ натворилъ изъ меня и около меня, было довольно складно. Подобный Веемейеръ, со всей обстановкой, могъ отлично быть и въ дѣйствительности. Этотъ Веемейеръ, самъ по себѣ, представлялся существомъ, построеннымъ совершенно послѣдовательно. Мужчина съ бородой, между прочимъ, окрестилъ меня именемъ Альбертъ; и въ данный моментъ я долженъ былъ согласиться въ душѣ, что это само по себѣ противорѣчія не заключаетъ: Веемейеръ совершенно логично могъ именоваться Альбертомъ Веемейеръ...

Однако, подобные проблески самостоятельнаго сужденія во мнѣ приходили все рѣже, и наконецъ совсѣмъ изсякли. Я впалъ въ переходное состояніе; я пересталъ думать, я болѣе не существовалъ. Я предался руководству сѣдого господина безъ малѣйшаго ощущенія своего собственнаго бытія. Но это небытіе, это отрицаніе всякаго самостоятельнаго существованія составляло, какъ я уже сказалъ, только короткій переходъ; ибо какъ только мы были на улицѣ, — да, мы вдругъ очутились на мостовой; какъ это случилось, я никогда не могъ возстановить въ своей памяти, и если я скажу: надѣвши, каждый изъ насъ свою шляпу, мы спустились съ лѣстницы,—это будетъ только моя догадка. Словомъ, мы оба на улицѣ, идемъ бодро въ опредѣленномъ направленіи. Сѣдобородый все время замѣчательно отчетливо сознавалъ, чего хотѣлъ и къ какой цѣли стремился; а я,—я жилъ, жилъ жизнью

правильной, прочно обоснованной и многосторонней; но это было не прежнее мое существо, которое утромъ отправилось за Эдмундомъ... Куда дѣвалось то существо? Оно, быть можетъ, гуляло съ Эдмундомъ, а тотъ, кто теперь съ высокимъ господиномъ шагалъ твердо на прочномъ основанiи, былъ Альбертъ Веемейеръ.

Путь былъ далекiй, но бесѣда наша катилась прiятно и живо. Я обо всемъ говорилъ лучшее, что мнѣ приходило въ голову; я былъ смѣлъ и уменъ,—просто выросъ! Мнѣ надо было выкроить для Альберта возможно привлекательное обличiе. И успѣхъ былъ выше ожиданiя. Спутникъ мой смѣялся, соглашался и становился все довольнѣе и сердечнѣй. Онъ взялъ меня подъ руку, порой ласково трепалъ меня по рукѣ пониже локтя, называлъ «милый Альбертъ», наконецъ «Альбертхенъ», словомъ,—онъ полюбилъ меня, а я—его.

Такъ пришли мы къ цѣли. Цѣль наша,—Боже мой!—этотъ, вотъ этотъ домикъ былъ цѣлью нашего путешествiя. Вонъ у той калитки мы остановились; терновая изгородь тогда была еще не такъ густа, а это толстое дерево было—хоть не хворостинкой, а очень молодымъ, здоровенькимъ деревцомъ. Вотъ мы и у домика,—сказалъ мой сѣдой другъ. Я опять смутился духомъ. Гм! гм! промычалъ я про себя. Что вы говорите, любезный Альбертъ?—Ничего, я только откашлялся, гм! гм! Не страдаете-ли вы грудью?—О нѣтъ, нисколько!

Тутъ изъ сада вышли къ намъ навстрѣчу двѣ женщины — старая и молодая.

«Q и J»,—молнiей мелькнуло въ моей головѣ.

Q приняло меня потокомъ привѣтствiй и тотчасъ отмѣнно мнѣ понравилось; J смотрѣла на меня подозрительно и упорно молчала, какъ рыба.

Тутъ меня еще разъ подробно разспросили о всѣхъ моихъ дѣлахъ и отношенiяхъ, о родинѣ, о покойныхъ родителяхъ, о живомъ дядюшкѣ,—вѣдь я уже совершенно обжился съ веемейерскимъ обиходомъ и потому безъ запинки давалъ прекрасныя, самыя подходящiя реплики. И отвѣчалъ я совершенно непринужденно, отнюдь не играя роли,—это было бы безсовѣство, этого я, конечно, никакъ бы не сдѣлалъ. Разспросивши меня еще разъ обо всемъ, они заговорили о домикѣ и садѣ: мнѣ показали, объяснили и расхвалили каждый уголокъ. А затѣмъ—родители вдругъ исчезли, убрались въ домъ, и я остался съ глазу на глазъ съ величиной J, съ молчаливой дочкой, вонъ тамъ у шпалеры на зеленой лавочкѣ.

Мы оба сѣли и абсолютно ничего не имѣли другъ другу сказать. Вокругъ насъ тоже царила глубокая тишина. Солнце сквозь шпалеру рисовало на газонѣ свѣтлыя пятнышки, воздухъ былъ неподвиженъ; только разъ прозвучали съ улицы тяжелые шаги почтальона, который

съ сумкой и суковатой палкой направился къ дому. Я опять смутился духомъ и сталъ тростью чертить по песку. Только что пріобрѣтенная веемейерская увѣренность вновь пошатнулась. Я почувствовалъ ясно, что при величинѣ J у меня выходило что-то не то. Это меня тѣмъ болѣе смущало, что съ Q и B все такъ легко ладилось. Безсознательно пишу опять выкладки на пескѣ.

Покуда требовалось производить дѣйствія только съ M, B и Q, все вело къ ясному, пріятному исходу; но въ тотъ моментъ, какъ выводъ пришлось распространить на J, всѣ формулы оказались не подходящими. Одно мнѣ было ясно: между данными A, — Альбертомъ Веемейеромъ, и J, дочкой Schulzis, существуетъ соотношеніе—неизвѣстная величина, которую я старался опредѣлить, и никакъ не могъ. Задача приводила меня въ совершенное отчаяніе. Я рѣшился прежде всего выяснить величину J. Но въ этомъ-то и представлялась главнѣйшая трудность. Величина J совершенно сбивала съ толку, и сознаніе это причиняло мнѣ величайшее огорченіе. Она была не такой факторъ, который можно вносить въ вычисленіе, какъ простыя числовыя данныя. Осязательность и близость величины J противились внесенію ея въ холодную формулу. Вокругъ личика величины J вились каштановые локончики; у нея были пухленькія щечки и кареныкіе глазки, которые легко было представить себѣ веселенькими и плутовскими, но которые въ данный моментъ были какъ-то особенно влажны и блистали печалью. Притомъ, отъ времени до времени около носика что-то подергивало и по всему лицу бѣгало нѣчто въ родѣ страданія, то какъ будто гнѣвъ, а потомъ словно покорность судьбѣ и презрѣніе.

Какая это была сложная исторія! Я счелъ за лучшее сдѣлать практическое движеніе впередъ. Прежде всего я рѣшился снять съ величины J печаль; тогда, думаю себѣ, она будетъ пояснѣе.

И я повелъ рѣчь о прекрасныхъ вещахъ, о германскомъ фатерландѣ вообще и о прелестномъ путешествіи изъ Регенсбурга въ Іену въ особенности; о холодной зимѣ, только что миновавшей, и о разцвѣтающей веснѣ, которая составляетъ очень благотворный контрастъ... Я говорилъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ; сдѣлалъ предлинное сложеніе многихъ радостныхъ данныхъ, изложилъ наконецъ выводъ и доложилъ, что въ суммѣ получается: жизнь, разсматриваемая въ цѣломъ и общемъ, есть нѣчто очень пріятное.

И вотъ сижу и жду результата. И результатъ получился, но какой?! Моя милая собесѣдница вдругъ начинаетъ насмѣшливо хохотать. Потомъ у нея кровь разомъ бросается въ лицо, она вскакиваеть, и... я какъ теперь слышу каждое слово, которое она выкрикиваетъ съ дрожью отъ внутренняго гнѣва:—«Ну-съ, приходится мнѣ вамъ сказать, что я воображала себѣ васъ совсѣмъ другимъ... Фи! Стыдитесь!»

Я совсѣмъ опѣшилъ. Чего, скажите на милость, было стыдиться Веемейеру? Я тотчасъ, съ небывалою дотолѣ находчивостью, парировалъ ударъ. Я считалъ своимъ долгомъ до конца защищать репутацію Веемейера.—Ахъ, барышня!—воскликнулъ я,—чего мнѣ стыдится? Стыдъ есть чувство рефлективное, такъ-же какъ раскаяніе, только болѣе непосредственное; но такъ-же, какъ и послѣднее, предполагаетъ нѣчто, въ чемъ надо каяться, о чемъ можно сожалѣть...

— Чего тутъ! — закипѣла вновь ея рѣчь: — дѣло не въ красивыхъ словахъ! Никакъ не ожидала этого отъ васъ! Я всегда думала: когда до этого дойдетъ, онъ скажетъ, какъ я: «нѣтъ, нѣтъ тысячу разъ нѣтъ!» Тогда посмотрѣли-бы мы, чего они добьются своимъ тиранствомъ! Вѣдь мы люди, а не куклы, которыхъ ради порядка кладутъ безъ церемоній въ одну коробку. Слыхано-ли, чтобы два почтенные папашечки, потому только, что они въ свое время были пріятелями, просватали и сговорили дѣточекъ своихъ еще въ колыбели?! Когда, видите-ли, одной минетъ двадцать лѣтъ, а другому двадцать пять, то изъ нихъ выйдетъ парочка? И это впослѣдствіи должно имѣть обязательную силу для милыхъ дѣтокъ, когда они будутъ взрослыми людьми?.. Тутъ убѣжишь изъ дому, какъ ни будь кротокъ и благонравенъ...

Я хотѣлъ, въ интересахъ Веемейра, что нибудь возразить, но потокъ рѣчей понесся дальше.

— А вы, вы!... Клянусь Царемъ Небеснымъ! отъ васъ я никакъ этого не ожидала! Я думала, если у него есть хоть немного сердца, ума и чувства собственнаго достоинства, то онъ къ намъ не явится. Тогда онъ поступитъ, какъ я, будетъ отбиваться руками и ногами. Если же онъ препожалуетъ, то онъ рѣшительно безхарактерный субъектъ, матушкинъ сынокъ, держится за юбку...—Она говорила это съ такимъ презрѣніемъ съ такой ѣдкой насмѣшкой, что мнѣ въ эту минуту Веемейеръ казался совсѣмъ жалкимъ человѣкомъ.—И вотъ вы являетесь: на видъ высокій, красивый мужчина, умный и смѣлый, съ огнемъ въ движеніяхъ и рѣчахъ, какъ истый мужъ, какъ мужъ, которому можно ввѣриться, котораго полюбить можно... А что вы дѣлаете? Упираетесь руками и ногами, кричите: «никогда, никогда, ни во-вѣки»? Боже сохрани! Вы послушно плететесь пѣшкомъ сюда за папашей, садитесь и разсказываете, какъ прелестно путешествіе изъ Регенсбурга въ Іену... Ну, такъ, конечно, и обратный путь не будетъ непріятенъ: что скажете, господинъ Веемейеръ? Вѣдь вы меня поняли? Да-съ, такъ вотъ поэтому-то вамъ должно быть стыдно въ глубинѣ души».—И, о Боже, Боже, слезки, слезки, слезки!.. Зато я добился ясности, и въ значительной степени. Но какъ-же задача была трудна, какъ сложна! Я старался дѣлать вычисленія осторожно, не смѣшивать частей. Такъ именно потому что Веемейеръ іотѣ нравится, что Веемейеръ такъ praeter propter

и in toto прекрасный молодой человѣкъ, поэтому самому Веемейеру слѣдуетъ стыдиться до глубины души?! Въ этомъ заключался ускользавшій моментъ, въ эту сторону и слѣдовало направить дѣйствіе. Веемейера ни подъ какимъ видомъ не слѣдовало выдавать; онъ сталъ предметомъ болѣзненной заботы моего сердца. Его надо было защитить во чтобы-то ни стало.

Итакъ, я сталъ возражать, сперва спокойно, потомъ все горячѣе. Я говорилъ объ уваженіи къ старшимъ, о сыновней любви; я цитировалъ слова, что благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ; доказывалъ, что упрямо настаивать на независимости—дѣло... того... сомнительное; что безусловное самоопредѣленіе вѣдь тоже обманчивый призракъ, котораго люди достигнуть не могутъ, если сами себя обманывать не будутъ; я высказалъ убѣжденіе, что изъ любящаго дальновиднаго отеческаго сердца часто истекаетъ больше житейской мудрости, чѣмъ сколько ея можетъ накопить юношеское мудрованіе; затѣмъ я, въ пылу ревности въ пользу бѣднаго Альберта Веемейера, заключилъ, что вѣдь совершенный абсурдъ и сумасшествіе для насъ возненавидѣть другъ друга, бѣжать, разстаться навсегда—единственно изъ стремленія къ самостоятельности, доведеннаго до безумія, только потому, что отцы наши назначили насъ другъ для друга.

У меня у самого навернулись на глазахъ слезы, а дочка Шульцъ стояла передо мной въ страшной борьбѣ между разнороднѣйшими чувствами. Моя высокопарная логика была готова выгнать изъ ея сердца всѣ предвзятыя идеи и пріуготовить несчастному Альберту Веемейеру тріумфальное вступленіе въ него. Но тутъ произошло нѣчто столь неожиданное, отчаянно-странное, нѣчто настолько выходящее изъ области удобовычисляемаго... Но съ этого момента даже память моя путается: съ этой поры въ ней царятъ ночь и сумбуръ.

Ибо въ ту минуту, какъ я готовился заключить рѣчь за Веемейера полными аккордами, изъ дома послышались быстрые, гнѣвные шаги, раздался возмущенный голосъ и въ садъ вбѣжалъ мой привѣтливый мужчина, съ багровымъ лицомъ, съ развернутымъ письмомъ въ рукѣ, и прямехонько къ намъ: «Господинъ Веемейеръ», кричалъ онъ еще издали и, задыхаясь, повторялъ: «Господинъ Веемейеръ!» Это звучное имя разносилось долгимъ, страшно растянутымъ рокотомъ. Я быстро оглянулся. Я былъ разгоряченъ и взволнованъ защитою Альберта Веемейера. Но я уже шолъ прямѣйшимъ путемъ къ торжественному соглашенію. Къ какимъ пермутаціямъ предстоитъ мнѣ приготовиться, притомъ въ одно мгновеніе?

И въ самомъ дѣлѣ, казусъ, въ который я попалъ былъ уже черезъчуръ запутанный. Ужели не будетъ этому конца? Альбертъ Веемейеръ становился мнѣ крайне антипатиченъ. Вотъ Шульцъ передо мной. «Го-

сподинъ Веемейеръ», вновь со стономъ вырвалось изъ его устъ. При этомъ привѣтливые глаза его выдвинулись изъ своихъ орбитъ. «Почему онъ не называетъ меня Альбертомъ или Альбертхеномъ?» промелькнуло въ смущенной головѣ моей. Но недолго я оставался въ невѣдѣніи. Бородатый мужчина опять овладѣлъ собой; онъ смѣрилъ меня взоромъ съ головы до ногъ и сказалъ твердымъ голосомъ: «Господинъ Веемейеръ, я знаю все!» Маленькая пауза. Потомъ, тономъ побѣдителя: «А! вы блѣднѣете?!»

Я, дѣйствительно, тотчасъ сталъ блѣднѣть: положительно не могъ не исполнить въ точности категорически высказаннаго желанія этого человѣка. Совершенно ясно чувствую, что становлюсь бѣлъ, какъ мѣлъ.

— И такъ, вы уличены... Вотъ!—При этомъ онъ подалъ мнѣ большой листъ, который держалъ, комкая, въ рукѣ.—Письмо отъ вашего дядюшки»

Машинально беру рукопись. «Читайте!»

Спѣшу исполнить его волю и читаю приблизительно слѣдующее: «Любезнѣйшій, дражайшій господинъ Шульцъ! Съ сокрушеннымъ сердцемъ беру перо въ руки... Мой племянникъ Альбертъ... неблагодарный!... Увы, приходится вамъ сообщить!.. Прекрасный планъ, который мой покойный братъ и вы, дражайшій господинъ Шульцъ, лелѣяли относительно дѣтей вашихъ, уничтоженъ неблагодарнымъ... Вы, вѣрно, помните Золотую звѣзду, прекрасную гостинницу въ прекрасномъ нашемъ Регенсбургѣ. Бѣда, приближаясь, бросила свою тѣнь впередъ: незадолго передъ симъ умерла ея хозяйка, отличная женщина. Оставшійся послѣ нея вдовецъ вынужденъ былъ взять для буфетнаго отдѣленія распорядительницу... Ну, шелковыя платья, туфельки, интересныя локончики... Словомъ, съ этой поры Альбертъ сталъ совсѣмъ другой. Мои совѣты и упреки не были въ силахъ удержать его. Съ недѣлю тому назадъ оба они исчезли... Замѣтьте,—онъ наслѣдникъ отцовскаго состоянія. Говорятъ, они бѣжали съ родины, чтобы открыть новую гостинницу въ гессенской землѣ. Съ нѣмою горестью жму вашу руку. Какъ-то фрейленъ Сусанна перенесетъ этотъ ударъ?! Я бы предложилъ монастырь... Вашъ Веемейеръ».

Письмо выпало изъ рукъ моихъ. Я не былъ въ состояніи соображать... Этотъ послѣдній элементъ никакъ уже нельзя было согласовать съ предыдущими. Несостоятельность была объявлена,—несостоятельность существа, которое я съ отчаяннымъ мужествомъ провелъ чрезъ цѣлый міръ утесовъ. Теперь-же—конецъ всему, всему!.. Послѣдняя точка опоры была утрачена. Весь свѣтъ вертѣлся вокругъ меня, почва подо мной кружилась, домикъ, садикъ, деревья, лавки и изгороды, какъ очумѣлые, плясали круговую... а затѣмъ мнѣ чудилось, что я стою на страшно длинномъ, гибкомъ шестѣ и то взлетаю высоко къ небу, то

опускаюсь глубоко подъ поверхность земли, а на другой сторонѣ стоитъ мужчина съ сѣдой бородой. Когда онъ наверху,—я внизу, и наоборотъ. «Ну-съ? Что вы можете сказать въ свое оправданіе?» слышу я вдругъ его громовый голосъ.

— Что я могу сказать? что я могу сказать?—понесъ я запинаясь:— могу сказать, что этотъ Альбертъ Веемейеръ, этотъ хамелеонъ во образѣ человѣка, эта изкрасна-зеленая съ синимъ отливомъ кукла изъ трянья... что я его ненавижу... этого молодца, этого регенсбургскаго племянника своего дядюшки, похитителя буфетной мамзели... что проклинаю ту минуту, когда взялъ подъ свое покровительство этого моллюска, изгоняю его изъ своего головного мозга, что я, гдѣ-бы ни встрѣтилъ проклятый призракъ... изловлю... разнесу... разложу на составныя атомы, потому что я.,. потому что я...

Я вскрикнулъ и почти безъ чувствъ упалъ на скамью. Когда я очнулся, вокругъ меня стояло все семейство Шульцъ: отецъ, мать и Сусанна. Я былъ истомленъ до смерти; и все-таки принялся разсказывать, въ хронологическомъ порядкѣ излагать имъ всѣ пережитые ужасы дня, съ ранняго утра... Я высказался со всею своей честностью и слабостью... и наконецъ глубоко-глубоко вздохнулъ. Я опять—Кабусъ, во мнѣ возстановился мой прежній прекрасный базисъ; я вновь—я,— опредѣленная величина, которая поддается вычисленію, мое собственное бытіе—чистенькая логическая прогрессія, отъ рожденія до настоящаго момента.

Что вамъ дальше разсказывать? Добрые, милые люди старались слѣдить по всѣмъ блужданіямъ и дебрямъ ужасной экскурсіи моей мысли; и если это имъ не удалось чисто аналитически и въ совершенствѣ, то глубокое и сердечное мое покаяніе было аргументомъ болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ всѣ посылки и умозаключенія. Въ концѣ-концовъ меня гуманно поняли и гуманно простили. Старикъ даже нѣсколько заразился моею лихорадкой сумбура, потому что сказалъ нѣсколько минутъ спустя: Единственное, что я въ васъ не могу не оцѣнить, это то, что вы въ дѣйствительности не проклятый Альбертъ; ибо если-бы еще и это...

Ну, да въ этомъ величайшемъ изъ преступленій я вѣдь повиненъ не былъ; а добраго во мнѣ нашлось, повидимому, и еще многое,—фрейленъ Сусанна тутъ развила особенную находчивость, ибо...

И вотъ меня, послѣ претерпѣнныхъ невзгодъ, прежде всего подкрѣпили чашкой кофе, потомъ in corpore проводили назадъ въ городъ, притомъ до самыхъ дверей моего жилища, изъ предосторожности, чтобы я опять какъ-нибудь не вторгся въ чужія семейныя отношенія. Они просили меня навѣщать ихъ «запросто, когда случится». При подобныхъ случайныхъ посѣщеніяхъ, правду сказать, довольно частыхъ, меня

всегда принимали любезно,—не такъ-ли, Зусхенъ? да, да, и... и... Тутъ мои воспоминанія опять блѣднѣютъ... Но однажды я, въ ужасной разсѣянности, обратился къ господину съ сѣдой бородой... видно теорія моя опять забѣжала далеко впередъ, и обратился къ нему съ словами:

— Ну-съ, какъ вы себя чувствуете сегодня, любезный тесть?

Это опять чрезвычайно озадачило всѣхъ. Но на этотъ разъ я былъ въ своемъ правѣ; практика вступила въ союзъ съ теоріей, а Зузель—со мной.

Вотъ этотъ домикъ былъ намъ предоставленъ, какъ основаніе нашего супружескаго счастья; ежедневныя прогулки въ alma mater и обратно поддерживали свѣжесть тѣла. По вечерамъ приходили родители. Мой добрый тесть съ сѣдой бородой всегда былъ для меня строгимъ, но справедливымъ руководителемъ по извилистымъ тропамъ жизни; отъ таинственнаго вліянія, которое онъ надо мною пріобрѣлъ въ тотъ достопамятный день я до конца не могъ отдѣлаться; и это послужило ко благу нашему. Мать всегда была болѣе примиряющимъ элементомъ. А когда старикъ отошелъ въ вѣчность, тогда бразды взяла въ руки Зузель, и—я долженъ сознаться, она унаслѣдовала отъ отца крѣпкую длань, да и править у него научилась, и хотя иной разъ... да объ этомъ нельзя умолчать,—хотя она иной разъ и хватаетъ черезъ край,—не взыщи, Зузельхенъ!—но такимъ родомъ изъ меня все-же вышелъ, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, изрядный парень, и только проклятая разсѣянность не вовсе, не совсѣмъ, по крайней мѣрѣ... Ну, да въ этомъ все-таки стало уже нѣсколько лучше. Да я на себя нисколько не сѣтую, потому что, если-бы я въ то утро вышелъ изъ дому за Эдмундомъ не съ такою безшабашной разсѣянностью...

Кабусъ всталъ и указалъ вверхъ на дубъ, между сучьевъ... Профессорша подошла, переваливаясь съ ноги на ногу, и, моргая влажными глазами, и прижалась къ своему мужу.

— Да, Зузельхенъ, если бы въ вышесказанный день я былъ щепетильно-аккуратенъ и не разсѣянъ, тогда-бы мы, конечно, съ Эдмундомъ не разошлись, но тогда-бъ съ тобою мы разошлись; тогда—да, да—какъ-бы мы стали справлять съ тобою золотую свадьбу? Боже мой, вѣдь мы бы оба были въ самомъ безвыходномъ положеніи...

— Кабусъ!—проговорила госпожа Сусанна съ нѣжнымъ упрекомъ.

ВНѢШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ НАРОДА.

Народныя библіотеки и музеи, народныя чтенія, дѣятельность обществъ по народному образованію въ Россіи и въ другихъ странахъ.

I.

Печальное положеніе начальнаго народнаго образованія въ Россіи стало уже общеизвѣстнымъ, избитымъ мѣстомъ. Отдѣльные голоса, взывающіе о необходимости народнаго просвѣщенія, становятся уже слышны. Вмѣстѣ съ тѣмъ все чаще и чаще раздаются голоса, указывающіе на необходимость широкихъ неотложныхъ мѣръ для содѣйствія внѣшкольному образованію народа въ видѣ устройства безплатныхъ народныхъ библіотекъ, музеевъ, народныхъ чтеній и т. д. Возникновеніе этихъ требованій представляетъ для многихъ очень странное и необъяснимое явленіе. По ихъ мнѣнію, нужда народа въ начальномъ образованіи такъ громадна и такъ настоятельна, что она должна поглощать всѣ силы и всѣ средства и только послѣ ея удовлетворенія часть средствъ и энергіи можетъ быть пересена на дѣло дальнѣйшаго образованія народа. Однако послѣдователи подобной теоріи упускаетъ изъ виду очень многое, совершенно опровергающее ихъ конечные выводы. Они забываютъ прежде всего то, что, какъ ни мало у насъ школъ, какъ ни плохо онѣ поставлены, вопросъ о всеобщемъ начальномъ образованіи есть уже вопросъ вполнѣ назрѣвшій, для разрѣшенія котораго необходимы крупныя мѣры со стороны государства и общественныхъ учрежденій. Печальное экономическое положеніе массы населенія, въ значительной степени опредѣляемое низкимъ уровнемъ его умственной жизни, совершенно исключаетъ возможность правильнаго развитія нашей государственной и общественной жизни и указываетъ на полную невозможность откладывать въ долгій ящикъ широкую организацію народнаго образованія, представляющаго собой единственный прочный фундаментъ

для всего дальнѣйшаго построенія. Сознаніе этой невозможности распространяется въ нашемъ обществѣ все болѣе и болѣе; ее не приходится уже доказывать по существу и на очереди стоитъ только разработка тѣхъ мѣръ, которыя должны быть предприняты для практическаго осуществленія дѣла. Совершенно другое видимъ мы въ болѣе частномъ вопросѣ о внѣшкольномъ образованіи, имѣющемъ своей задачей удовлетвореніе умственныхъ потребностей тѣхъ милліоновъ уже грамотныхъ людей, которыхъ дала намъ народная школа. Въ этой области сдѣлано такъ мало нетолько практически, но даже и теоретически, что она представляетъ собой громадное и еще совершенно не разработанное поле для приложенія частной иниціативы.

Здѣсь предстоитъ еще выполнить нелегкую задачу проведенія въ общественное сознаніе необходимости включенія внѣшкольнаго образованія въ кругъ постоянныхъ, правильно-организованныхъ функцій государства и органовъ самоуправленія. Выполнить эту задачу возможно только послѣ долгой и трудной работы, приняться за которую необходимо какъ можно энергичнѣе, какъ можно скорѣе. Въ эту-то именно сторону и должны быть направлены теперь всѣ силы частной иниціативы, пока вопросъ не назрѣетъ и не наступитъ пора практическаго осуществленія его въ жизни путемъ государственныхъ и общественныхъ мѣръ. Однимъ словомъ частной иниціативѣ предстоитъ теперь съиграть въ этомъ вопросѣ такую-же роль, какую въ дѣлѣ развитія народныхъ школъ она съиграла въ концѣ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ.

Защитники необходимости исключительныхъ заботъ о развитіи начальной народной школы забываютъ далѣе, что, логически развивая ихъ мысль, пришлось-бы потребовать закрытія всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній до тѣхъ поръ, пока весь народъ не получитъ элементарнаго образованія. Ясно, что такой выводъ указываетъ на ложность всей мысли. Разъ мы только сознаемъ, что знаніе и развитіе есть величайшая сила, мы должны признать необходимость работать надъ его распространеніемъ во всѣхъ формахъ, и на всѣхъ ступеняхъ его и вездѣ, гдѣ только къ тому представляется возможность, не создавая въ этомъ отношеніи никакихъ искусственныхъ системъ и ограниченій. Только при такомъ пониманіи задачи возможно будетъ избѣжать множества недоразумѣній и ненормальностей, которые такъ сильно даютъ себя теперь чувствовать въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Враги послѣдняго неоднократно, напримѣръ, указывали на то, что школа вноситъ въ деревню разладъ, что окончившіе ее не удовлетворяются прежней жизнью и массами бѣгутъ изъ деревень въ города, на фабрики и заводы и т. д. Не разбирая, насколько справедливы эти ламентаціи по существу, замѣтимъ только, что представители нашего просвѣщеннаго

общества бѣгутъ изъ деревень чуть-ли не поголовно и предпочитаютъ лучше впроголодь жить въ столицахъ, чѣмъ вести деревенскую жизнь. А между тѣмъ это бѣгство культурныхъ людей изъ деревень ни по размѣрамъ его, ни по серьезности причинъ, нельзя даже и сравнивать съ бѣгствомъ изъ деревень крестьянскаго населенія. Начать съ того, что въ то время, какъ къ услугамъ культурнаго деревенскаго обывателя есть обыкновенно и библіотека и газета и журналы, нарождающейся народной интеллигенціи деревня радушно предлагаетъ только кабакъ, возможность подвергнуться всевозможнымъ издѣвательствамъ надъ человѣческой личностью, да жизнь впроголодь. Можно-ли удивляться, что при такой ужасной обстановкѣ, не дающей пробужденной любознательности никакого удовлетворенія, деревенская молодежь ищетъ въ городахъ и фабричныхъ центрахъ такого-же уголка для своего оскорбленнаго чувства и мысли, какого русская культурная интеллигенція въ недавнее еще время искала заграницей, а теперь ищетъ въ столицахъ? Не ея во всякомъ случаѣ вина, что и внѣ деревень она почти никогда не находитъ желаемаго и въ 999 случаяхъ изъ 1000 попаетъ не въ библіотеку, не на публичвое чтеніе, не въ воскресную школу или театръ, а въ тотъ-же кабакъ, да въ притоны городского и фабричнаго разврата. Какъ ни неприглядны, а иногда даже пагубны бываютъ послѣдствія этого бѣгства деревенской молодежи съ насиженныхъ мѣстъ, мы должны всетаки признать его здоровымъ общественнымъ явленіемъ, доказывающимъ, что народъ нашъ неспособенъ оставаться въ положеніи мертваго неподвижнаго спокойствія, что вездѣ и всюду онъ страстно ищетъ какого нибудь выхода изъ своего положенія. Надѣяться на прекращеніе этого бѣгства можно только тогда, когда будутъ устранены вызывающія его причины, т. е. когда деревенскому населенію будутъ созданы сносныя условія экономической и общественной жизни и когда у себя дома оно будетъ получать то знаніе, котораго такъ настоятельно требуетъ его умъ. Въ этомъ отношеніи на всѣхъ представителяхъ культурнаго общества до сихъ лежитъ громадный, неоплатный долгъ не только передъ народомъ, но и передъ той наукой и тѣмъ искусствомъ, которымъ мы обязаны лучшими минутами нашей жизни. До сихъ поръ еще народъ испытываетъ на себѣ только изнанку цивилизаціи, почти не пользуясь ея благами, а то знаніе, которое ее выработало, мы сдѣлали какъ-бы привилегіей высшихъ и достаточныхъ слоевъ общества, считая его для всего народа слишкомъ большой роскошью.

Однако, среди культурныхъ классовъ непрерывно усиливается стремленіе пріобщить къ своимъ духовнымъ богатствамъ всю народную массу. Сознаніе, что совершенствованіе въ сферѣ знанія, нравственности и художественности требуютъ непрерывнаго обновленія свѣжими силами изъ среды народа, все болѣе и болѣе распространяется. Съ

другой стороны, среди крестьянства происходитъ не менѣе знаменательный процессъ. Искусственно прививаемый ему взглядъ на себя, какъ на существа низшія, неспособныя ни къ какимъ умственнымъ и нравственнымъ запросамъ, сдѣлался уже достояніемъ печальнаго прошлаго и вмѣсто него все болѣе и болѣе крѣпнетъ сознаніе достоинства каждой человѣческой личности, ростетъ потребность духовной жизни. Существованіе этой умственной жажды среди народа неотразимо доказывается какъ тѣми милліонами книгъ, которыя ежегодно среди него расходятся, такъ и повышеніемъ уровня требованій отъ книги, успѣхомъ читаленъ, спектаклей, публичныхъ чтеній, словомъ всѣхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью расширить умственный кругозоръ народа. Быстрый ростъ этихъ знаменательныхъ теченій, происходящихъ въ нашемъ культурномъ обществѣ и въ нашей народной массѣ, заставляютъ признать внѣшкольное образованіе народа однимъ изъ самыхъ важныхъ и настоятельныхъ вопросовъ, къ разрѣшенію котораго общество должно приступить какъ можно скорѣе и какъ можно энергичнѣе.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на различныхъ сторонахъ этого важнаго дѣла.

II.

Вопросъ о внѣшкольномъ образованіи народа возникъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія, въ ту эпоху, которая ознаменовалась многими событіями, имѣвшими на человѣчество сильное и благодѣтельное вліяніе. Но тогда онъ былъ поставленъ только теоретически, для практическаго же его осуществленія не было сдѣлано почти ничего. Причины этого кроются въ томъ невѣжествѣ и въ той массѣ сословныхъ и всякихъ другихъ предразсудковъ, которыми отличались тогда правящіе классы общества, не исключая иногда даже самыхъ великихъ умовъ того времени.

Только въ нашъ вѣкъ было окончательно установлено теоретически не только право всѣхъ на образованіе и обязанность государства и общества дать этому праву самое полное удовлетвореніе, но было приступлено къ практическому осуществленію дѣла. Какъ это ни странно, но именно въ странѣ пауперизма, роскоши и классовыхъ предразсудковъ впервые явились люди, болѣе всего потрудившіеся надъ задачей возвращенія народу того знанія, которое должно принадлежать ему какъ вполнѣ заработанное и заслуженное имъ достояніе. Имена Фарадея, Тиндаля и нѣкоторыхъ другихъ замѣчательныхъ работниковъ на этомъ поприщѣ слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны, чтобы стоило подробнѣе говорить о ихъ великихъ заслугахъ. Возникшее движеніе въ пользу приближенія знанія и науки ко всему народу быстро распространилось во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Девизомъ его сдѣлалась признанная всѣми необхо-

димость «перенести знаніе изъ немногихъ центровъ учености въ жилища и сердца всего народа», необходимость обоюдная—какъ въ интересахъ народныхъ массъ, такъ и въ интересахъ культуры вообще. Во имя этой великой цѣли, повсюду явились не только единичные работники, но и цѣлыя ассоціаціи ихъ, и работа закипѣла, принося съ каждымъ годомъ все бо́льшіе и бо́льшіе результаты, захватывая въ свой кругъ все большія массы людей. Тысячи школьныхъ и общественныхъ музеевъ, десятки тысячъ народныхъ библіотекъ, широкое распространеніе въ народѣ высшаго университетскаго образованія, богатую научно-популярную литературу, рядъ другихъ замѣчательныхъ образовательныхъ учрежденій—вотъ что дала Западная Европа и Сѣверная Америка своему промышленному и земледѣльческому рабочему населенію.

Мы не станемъ описывать подробно, съ цифрами въ рукахъ, положеніе всѣхъ перечисленныхъ нами учрежденій въ различныхъ странахъ, такъ какъ по этому вопросу въ нашей литературѣ есть уже довольно много статей. Сравнивать въ этомъ отношеніи наше отечество съ другими государствами и не приходится: это значило-бы сравнивать между собой великолѣпный дворецъ милліонера и жалкую лачугу нищаго.

Какія же условія вызвали къ жизни это могучее, все болѣе и болѣе распространяющееся и въ ширь и въ глубь движеніе къ повсемѣстному распространенію знанія и создали цѣлый рядъ учрежденій, служащихъ интересамъ народнаго просвѣщенія? Такихъ условій можно насчитать нѣсколько. Во-первыхъ, движеніе въ интересахъ внѣшкольнаго образованія народа вездѣ росло на почвѣ широко развитаго и прекрасно поставленнаго начальнаго образованія. Затѣмъ, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ законодательство относилось и относится къ нему въ высшей степени благожелательно и предупредительно, создавая для его развитія всевозможныя благопріятныя условія. Нельзя не обратить здѣсь слѣднихъ необходимо поставить уничтоженіе предварительной цензуры ная съ нею агитація различныхъ враждующихъ между собой политическихъ и религіозныхъ партій заставляютъ государство стремиться къ тому, чтобы вооружить населеніе всѣми наличными орудіями знанія и этимъ предоставить ему возможность критически относиться къ преподносимымъ ему одностороннимъ или ложнымъ ученіямъ. Наконецъ, на Западѣ и въ Америкѣ представители привиллегированныхъ классовъ общества сознаютъ свои обязанности передъ массой населенія гораздо глубже и полнѣе чѣмъ у насъ, а самосознаніе народа дѣлаетъ быстрые шаги впередъ.

Для того, чтобы получить хотя приблизительное понятіе о достигнутыхъ другими государствами въ разсматриваемомъ отношеніи результатахъ, приведемъ нѣсколько цифръ, относящихся вовсе не къ тѣмъ

передовымъ націямъ, до которыхъ намъ слишкомъ далеко, а къ тѣмъ странамъ, которыя называются цивилизованными далеко не вездѣ и не у всѣхъ. Такъ Викторія въ 1887 году, при 1.036,000 жителей, имѣла 314 публичныхъ библіотекъ съ 400,000 томовъ книгъ; изъ этихъ библіотекъ было произведено 3.700.000 выдачъ, такъ что на каждаго жителя приходится по 3,5 выдачи [1]). Въ Новомъ Южномъ Валлиссѣ существуютъ 200 публичныхъ библіотекъ съ 240,000 томовъ. Всѣ эти библіотеки были основаны правительствомъ и общинами и обошлись въ 2.200,000 рублей. Ихъ бюджетъ равнялся въ 1889 году 335,000 рублямъ, изъ которыхъ 160,000 рублей были ассигнованы государствомъ, а остальные составились изъ разнаго рода пожертвованій и взносовъ. Въ Новой Зеландіи по свѣдѣніямъ 1889 года была 361 публичная библіотека на 607,000 жителей; въ 303 изъ этихъ библіотекъ находилось 292,000 томовъ.

Народная библіотека Мельбурна, основанная въ 1853 году, къ 1891 году имѣла 127,000 томовъ книгъ и 173,000 брошюръ. Ежегодный приростъ ея равенъ 4,000 томовъ книгъ и 20,000 брошюръ. Число ежегодныхъ посѣтителей библіотеки равняется 428,000 человѣкъ [2]). Вмѣстѣ съ библіотекой устроенъ прекрасный публичный музей. На пополненіе обоихъ этихъ учрежденій въ 1891 — 92 гг. было истрачено 180,000, а на содержаніе ихъ сверхъ того 110,000 рублей, итого 290,000 рублей [3]).

Народная библіотека Сиднея, основанная въ 1869 году, къ 1891 г. имѣла 92,000 томовъ книгъ, 173,000 посѣтителей и почти 300,000 пользованій книгами. Расходъ на ея содержаніе и пополненіе простираются до 144,000 рублей.

Народная библіотека Окланда имѣла къ 1891 году 23,000 томовъ книгъ и ежегодно затрачиваетъ на покупку книгъ 5,000 рублей. Этотъ небольшой городокъ, имѣющій всего около 40,000 жителей, на устройство библіотеки и музея собралъ 600,000 рублей; на эту-же цѣль ежегодно поступаютъ довольно крупныя пожертвованія. Общественное образованіе, включая и высшія школы, здѣсь совершенно свободно, а мно-

---

[1]) Эти и слѣдующія за ними свѣдѣнія взяты нами изъ недавно вышедшей книги профессора Рейера «Entwicklung und Organisation der Volksbibliotheken».

[2]) Не безъинтересно сравнить эту цифру съ цифрой дѣятельности крупнѣйшихъ русскихъ библіотекъ—Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ и Публичной Румянцевской Библіотеки въ Москвѣ. Первая выдала въ 1890 г. 11,565 билетовъ для занятій; въ общей читальной залѣ было всего 107,971 читатель. Московская библіотека имѣла за 2-ю половину 1891 года 2,017 читателей, сдѣлавшихъ 22,123 посѣщенія.

[3]) На содержаніе и пополненіе Императорской Публичной Библіотеки истрачено въ 1890 году всего 80,702 руб. 12 коп., а Московскаго Румянцевскаго музея и библіотеки—34,366 руб. 54 коп.

гочисленныя стипендіи позволяютъ всѣмъ желающимъ всецѣло отдаваться научнымъ занятіямъ. Такимъ блестящимъ положеніемъ дѣла народнаго просвѣщенія городокъ обязанъ очень много разумной щедрости своихъ гражданъ и особенно губернатору Георгу Грею, дѣятельность котораго снискала ему громкую и почетную извѣстность далеко за предѣлами его родины.

Замѣтимъ, что во всей Австраліи было въ 1888 году 3.672,000 жителей, то-есть немного только больше, чѣмъ имѣетъ одна наша Кіевская губернія. Легко себѣ представить, какія по истинѣ колоссальныя суммы должна была-бы затрачивать на свои народныя библіотеки Россія, еслибы мы только захотѣли хотя въ самой слабой степени соперничать съ Австраліей, которая, однако, значительно еще отстала въ этомъ дѣлѣ отъ своей метрополіи Англіи. Въ послѣдней, между прочимъ, довольно давно уже дѣйствуетъ законъ, по которому всякій городъ, имѣющій не менѣе 5,000 жителей, можетъ установить у себя спеціальный библіотечный налогъ, если только 10 плательщиковъ потребуютъ открытія библіотеки и большинство плательщиковъ къ этому присоединится. Налогъ этотъ не можетъ превышать 5 пенни на 1 ф. стерлинговъ общаго налога.

Приведемъ еще нѣсколько данныхъ о положеніи библіотечнаго дѣла въ Африкѣ, Японіи и Китаѣ.

Расположенные въ британской южной Африкѣ 17 городовъ и мѣстечекъ устроили у себя общественныя библіотеки, причемъ необходимыя для этого средства были получены частью по подпискѣ, частью путемъ взносовъ, частью при помощи общественныхъ учрежденій. Къ 1890 году всѣ эти библіотеки заключали въ себѣ 220,000 томовъ книгъ и ежемѣсячно выдавали по 25,000 книгъ. Расходы ихъ доходили до 130,000 рублей.

Общее движеніе проникло даже въ Китай, который всѣми считается обыкновенно синонимомъ застоя. Такъ въ 1890 году вице-король Кантонской провинціи оффиціально заявилъ, что всякое хорошее правительство обязано распространять просвѣщеніе посредствомъ библіотекъ во всей странѣ. Въ самомъ кантонѣ правительство устроило народную библіотеку, соединенную съ типографіей, цѣлью которой поставлено печатаніе «хорошихъ полезныхъ книжекъ, которыя помогли-бы сравнить прошедшее съ настоящимъ, дали бы возможность установить законы справедливости и укрѣпили-бы нравственность». Въ пользу этого общеполезнаго учрежденія ревнители народнаго просвѣщенія, съ вице-королемъ во главѣ, собрали путемъ подписки 110,000 рублей и обезпечили ему 20,000 рублей ежегоднаго дохода.

Наконецъ, въ Японіи дѣйствуетъ спеціальный законъ, обязывающій каждую общину нести извѣстный библіотечный налогъ. Изданіемъ этого

закона Японія очень много обязана г. Тонако, главному библіотекарю національной библіотеки въ Токіо, который въ 1888 году былъ посланъ правительствомъ въ Америку и Англію съ спеціальнымъ порученіемъ изучить существующую тамъ постановку народныхъ библіотекъ. Какъ видно, это изученіе не осталось безплоднымъ и опытъ другихъ странъ оказался Японіи въ высшей степени полезнымъ. Это молодая страна, такъ недавно еще вышедшая изъ состоянія долгаго оцѣпененія, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, идетъ по пути прогресса далеко не такими окольными дорогами и не съ такой черепашьей медленностью, съ какой ползетъ вслѣдъ за другими ея колоссальная, грузная сосѣдка.

Чтобы покончить съ цифровыми данными, приведемъ еще только три послѣднія, очень типичныя. Незначительная Швеція еще въ 1879 году имѣла у себя 1880 публичныхъ библіотекъ; Швейцарія имѣетъ теперь свыше 2,000 библіотекъ—Россія-же въ 1887 году имѣла всего-на-всего только 738 библіотекъ [1]), а не принимая въ разсчетъ Царства Польскаго, Кавказа, Сибири и Туркестанскаго края—лишь 591 библіотеку, такъ что на одну библіотеку приходится у насъ около 150,000 жителей.

Прибавлять что нибудь къ этимъ краснорѣчивымъ цифрамъ незачѣмъ. Во всякомъ случаѣ, надъ ними стоило-бы подумать и подумать не мало.

III.

Переходя къ болѣе подробному изложенію дѣла внѣшкольнаго образованія народа у насъ въ Россіи, мы считаемъ необходимымъ оговориться, что вовсе не намѣрены излагать этотъ вопросъ во всей его детальности. Работы гг. Абрамова, Павленкова, Пругавина и нѣк. др. во многомъ уже пролили на него свѣтъ и заключаютъ въ себѣ массу интересныхъ данныхъ, съ очевидностью доказывающихъ наше крайне умственное убожество. Однако, этотъ вопросъ еще очень нуждается въ спеціальномъ, систематическомъ изслѣдованіи, которое должно быть предметомъ особой обширной работы, далеко превышающей размѣры обыкновенной журнальной статьи. Наша задача несравненно скромнѣе и заключается только въ бѣгломъ очеркѣ главнѣйшихъ моментовъ въ развитіи разсматриваемаго вопроса, причемъ мы будемъ говорить только о народныхъ библіотекахъ и музеяхъ, народныхъ чтеніяхъ и народномъ театрѣ.

Вопросъ о необходимости учрежденія публичныхъ библіотекъ для образованныхъ классовъ общества впервые былъ поднятъ у насъ дво-

[1]) «Сборникъ свѣдѣній по Россіи» 1890 г., изд. Центр. стат. комитета.

рянствомъ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія и это начинаніе было встрѣчено правительствомъ очень сочувственно. Вотъ небольшая табличка, показывающая число открытыхъ у насъ публичныхъ библіотекъ, составленная на основаніи данныхъ, заключающихся во Всеподданнѣйшихъ отчетахъ министра народнаго просвѣщенія:

Въ	1835	году	значилось	существующими	20	публичныхъ	библіотекъ.
»	1836	»	»	»	24	»	»
»	1837	»	»	»	31	»	»
»	1839	»	»	»	35	»	»
»	1840	»	»	»	39	»	»
»	1841	»	»	»	41	»	»
»	1842	»	»	»	42	»	»
»	1943	»	»	»	43	»	»
»	1844	»	»	»	44	»	»
»	1845	»	»	»	45	»	»
»	1846	»	»	»	46	»	»
»	1847	»	»	»	46	»	»
»	1848	»	»	»	47	»	»
»	1849	»	»	»	47	»	»
»	1850	»	»	»	48	»	»
»	1851	»	»	»	46	»	»
»	1852	»	»	»	48	»	»
»	1853	»	»	»	49	»	»
»	1854	»	»	»	48	»	»
»	1855	»	»	»	47	»	»
»	1856	»	»	»	49	»	»
»	1857	»	»	»	49	»	»

Любопытно, что первая публичная библіотека въ Россіи устроена въ Тулѣ, при приказѣ общественнаго призрѣнія, еще въ 1778 году [1]). Всѣ эти библіотеки были основаны отчасти на суммы, ассигнованныя мѣстнымъ дворянствомъ, отчасти на пожертвованія, въ числѣ которыхъ значительная часть книгъ была пожертвована Императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ. Содержались онѣ на счетъ добровольныхъ приношеній за исключеніемъ слѣдующихъ трехъ библіотекъ: одесской, получавшей, ежегодно 1,000 рублей отъ города, кишиневской, получавшей ежегодно по 285 р. 17 к. изъ областныхъ суммъ и тифлисской, получавшей ежегодно 1,570 р. по распоряженію намѣстника кавказскаго. Книжное богатство тогдашнихъ публичныхъ библіотекъ было

[1]) Геннади. «Указатель библіотекъ въ Россіи». Отсюда-же взяты нами и послѣдующія свѣдѣнія о библіотекахъ до-реформеннаго періода, за исключеніемъ тѣхъ, при которыхъ приведены особыя ссылки на источники.

крайне незначительно; такъ во всѣхъ 42 библіотекахъ, существовавшихъ въ 1842 году числилось только 93,000 томовъ книгъ.

Однако мы поступили-бы очень опрометчиво, еслибы приняли за нѣчто реальное всѣ эти, показанныя въ вѣдомостяхъ, библіотеки, такъ какъ онѣ не имѣли никакой правильной организаціи, а принадлежавшія имъ книги сплошь и рядомъ валялись безъ всякаго употребленія по разнымъ подваламъ и чердакамъ. Въ газетахъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ постоянно встрѣчаются извѣстія о дѣйствительномъ открытіи такихъ публичныхъ библіотекъ, которыя были уже открыты, если вѣрить оффиціальнымъ отчетамъ, еще въ 30-хъ или 40-хъ годахъ. Такая участь постигла, между прочимъ, харьковскую публичную библіотеку, которая значилась открытой въ 1835 году, а въ 1861 году всѣ принадлежавшія ей книги (около 3,000 томовъ) были найдены на чердакѣ дворянскаго дома [1]). Цѣлый рядъ подобныхъ-же фактовъ приведенъ въ книгѣ Геннади «Указатель библіотекъ въ Россіи» [2]), а также въ статьѣ Рубакина «Книжное оскудѣніе» [3]). Какое отношеніе къ себѣ встрѣчали иногда эти библіотеки, показываютъ намъ хотя-бы слѣдующія два примѣра, къ сожалѣнію далеко не единичные. Противъ открытія публичной библіотеки въ Сумахъ составилась очень плотная и сильная оппозиція, причемъ одинъ изъ ея представителей открыто заявлялъ, что разоритъ библіотеку, а читателей прибьетъ [4]). Точно также при открытіи житомірской публичной библіотеки приходилось преодолѣвать множество препятствій; одинъ предводитель дворянства называлъ пустякомъ самую мысль объ ея открытіи [5]). Впрочемъ, ничего другого невозможно было и ожидать отъ тогдашняго, печальной памяти, времени.

Только въ эпоху освобожденія библіотечное дѣло было впервые поставлено болѣе прочно и серьезно. Очень крупную въ этомъ отношеніи роль съигралъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія Ковалевскаго, отъ 18 ноября 1860 года, которымъ разрѣшалось по мѣрѣ возможности и надобности открывать для всѣхъ жителей города библіотеки уѣздныхъ училищъ, причемъ разрѣшалось брать на эту цѣль изъ училищныхъ суммъ до 300 рублей. Послѣдствіемъ этого циркуляра явилось открытіе публичныхъ библіотекъ при уѣздныхъ училищахъ въ Арзамасѣ, Бобринцѣ, Глуховѣ, Епифани, Ефремовѣ, Звенигородѣ, Калугѣ, Каинскѣ, Коломнѣ, Малоярославцѣ, Можайскѣ, Новосилѣ, Павлоградѣ, Ржевѣ, Сычевкѣ, Тимѣ, Хотинѣ, Шуѣ и т. д.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, необходимо упо-

---

[1]) «Харьк. Губ. Вѣд.» 1861 г., № 1.

[2]) Напр., на стран. 5, 8, 10, 14, 21, 28, 29 и т. д.

[3]) «Русское Богатство» 1893 г., № 11 и 12.

[4]) «Петерб. Вѣдом.» 1860 г., № 205.

[5]) «Основа» 1861, № 7.

мянуть о той роли, которую играло духовенство въ дореформенную эпоху въ дѣлѣ открытія библіотекъ. Еще по Высочайше утвержденному 6 декабря 1829 г. мнѣнію Госуд. Совѣта предписывалось по мѣрѣ возможности заводить при церквахъ духовныя книги для чтенія. Св. Синодъ, указомъ 15 февраля 1839 года, предписалъ всѣмъ церквамъ пріобрѣсти 38 важнѣйшихъ сочиненій по списку, составленному Тверскимъ архіепископомъ Григоріемъ. Однако, всѣ эти предписанія и попытки или совершенно не были исполняемы, или же хотя и исполнялись, но до населенія духовныя книги во всякомъ случаѣ не доходили.

Этими оффиціальными попытками дѣло однако не исчерпывается. Нѣсколько отрывочныхъ, попавшихъ въ печать фактовъ доказываютъ, что и во времена крѣпостничества какъ среди крестьянства, такъ и среди интеллигенціи были, немногія правда, свѣтлыя личности, понимавшія всю важность и необходимость доставленія народу книги и какъ только прояснилась наша общественная атмосфера, сейчасъ же появились попытки основанія народныхъ библіотекъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Такъ еще въ 1859 году, крестьянинъ А. Н. Зыряновъ основалъ народную библіотеку въ с. Иванищевѣ, Шадринскаго у., Пермской губ. При открытіи она имѣла 30 названій книгъ и получала «Русскую Газету» и «Народное чтеніе»; пользовалось ею 35 читателей. Въ слѣдующемъ затѣмъ году эта библіотека имѣла уже 74 читателя, располагала имуществомъ, стоившимъ свыше 600 рублей, и получала «Русское Слово», «Отечественныя Записки», «Современникъ» и еще 6 газетъ и журналовъ.

Сельская библіотека с. Зименки, Ковровскаго у., Владимірской губ., открытая въ 1846 г., къ 1856 году имѣла у себя 700 книгъ и получала «Современникъ», «Русскій Вѣстникъ», «Русскую Библіотеку» и еще 11 другихъ газетъ и журналовъ.

Извѣстія о возникновеніи такихъ сельскихъ библіотекъ дѣлаются гораздо болѣе частыми со времени реформы 19 февраля. Такъ, напримѣръ, крестьяне с. Рожкова, Суздальскаго у., Владим. губ., согласились въ 1861 году ежегодно давать на библіотеку по 5 коп. съ двора, а крестьяне с. Воскресенскаго Юрьевскаго у. и с. Желѣзнова, Владимірскаго у., положили дѣлать между собой сборъ зерновымъ хлѣбомъ, чтобы на вырученныя отъ продажи его деньги покупать книги [1]). Однородныя извѣстія имѣются изъ селъ Грязи и Техмани Липецкаго уѣзда [2]) с. Покровскаго, Саратовской губ., и многихъ другихъ мѣстностей. Особенно замѣчательна Вожгальская народная библіотека Вятскаго уѣзда, открытая въ концѣ 1862 года. Она была устроена совмѣстными усилі-

---

[1]) «Рук. для сельск. пастыр.» 1861. 27. «Мірск. Вѣстн.» 1863. 2.

[2]) «Всеобщ. Газета». 1867. 6.

ями мѣстнаго учителя и сельскаго схода, причемъ крестьяне собрали между собой въ ея пользу 104 рубля. Въ библіотеку выписывались «Русскія Вѣдомости», «Народная Бесѣда», «Мірской Вѣстникъ» и нѣсколько другихъ газетъ и журналовъ. Въ 1864 году библіотека имѣла 100 книгъ; читателей было всего 145 человѣкъ. Для безграмотныхъ была отведена особая комната, въ которой одинъ изъ грамотныхъ читалъ собравшимся слушателямъ вслухъ. Выдача книгъ изъ библіотеки производилась ежедневно, въ будни между 7 и 8 часами утра и 4—5 часами вечера, а въ праздники между 12 и 4 часами дня.

Замѣчательно, что, какъ въ приведенныхъ немногихъ извѣстіяхъ объ организаціи народныхъ библіотекъ, такъ и во всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ случаяхъ, ни однимъ словомъ не упоминается о какихъ бы то ни было ограниченіяхъ въ каталогахъ тѣхъ книгъ, которыя въ нихъ находились. Народныя библіотеки начала шестидесятыхъ годовъ выписывали тѣ же самые журналы и газеты, имѣли у себя тѣ же самыя книги, какія имѣли всѣ другія не «народныя» библіотеки. Существующія теперь въ этомъ отношеніи различія и ограниченія появились гораздо позднѣе.

IV.

Дѣло доставленія народу возможности широкаго и безплатнаго пользованія книгами получило болѣе прочную постановку только со времени открытія земскихъ учрежденій. Послѣдніе хотя и сдѣлали до сихъ поръ въ этомъ отношеніи крайне мало, но зато уже успѣли намѣтить вполнѣ правильный путь для дальнѣйшаго развитія разсматриваемой нами, въ высшей степени важной отрасли заботъ о народномъ просвѣщеніи. Попробуемъ набросить въ самыхъ крупныхъ чертахъ ходъ этой земской работы.

Въ сущности говоря, земская народная библіотека есть ничто иное, какъ дитя земской народной школы. Какъ только учрежденіе и содержаніе школъ было признано земствами одной изъ самыхъ первыхъ и главныхъ своихъ обязанностей, какъ только школьное дѣло начало становиться на прочную почву, сейчасъ же для всѣхъ стало очевиднымъ, что для учащихся недостаточно одной механической грамоты, однихъ сухихъ, скоро пріѣдающихся учебниковъ. Какъ сами учащіеся, такъ и учителя начали настаивать на необходимости имѣть при школѣ достаточный запасъ книгъ для внѣкласснаго чтенія, и вотъ земства повсемѣстно ассигнують на школьныя библіотеки спеціальныя суммы. Однако на этомъ дѣло не могло остановиться. Книги школьныхъ библіотекъ читались нарасхватъ нетолько учащимися, но и вообще всѣми грамотными жителями школьныхъ селеній, достававшими книги чрезъ своихъ родственниковъ школьниковъ, или же и прямо отъ учителей. Съ этимъ

явленіемъ пришлось поневолѣ считаться и оно повело за собой необходимость имѣть въ школьныхъ библіотекахъ нетолько дѣтскія книги, но и книги для взрослыхъ. Такимъ образомъ явились земскія народно-школьныя библіотеки, изъ которыхъ учителя должны выдавать книги для чтенія на домъ учащимся и всѣмъ вообще грамотнымъ, желающимъ читать. Этотъ типъ библіотекъ, представляющій собой зародышъ постоянной народной библіотеки, является господствующимъ и въ настоящее время.

Мы не станемъ останавливаться здѣсь на земскихъ постановленіяхъ, касающихся школьныхъ библіотекъ, такъ какъ для этого намъ пришлось бы перечислить почти всѣ наши уѣздныя и губернскія земства. Относительно народно-школьныхъ библіотекъ также существуетъ множество данныхъ, но мы приведемъ для примѣра только нѣсколько наиболѣе типичныхъ. Предварительно, однако, замѣтимъ, что на практикѣ взрослое сельское населеніе пользуется книгами рѣшительно изъ всѣхъ школьныхъ библіотекъ, даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ земство почему-либо не санкціонировало это пользованіе.

Въ библіотечномъ дѣлѣ наиболѣе дѣятельными и передовыми земствами являются земства нашихъ южныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній (Херсонской, Екатеринославской, Пермской, Вятской и нѣкоторыхъ другихъ), исторія которыхъ представляетъ вообще очень много общихъ чертъ. Такъ Херсонское уѣздное земство открыло 20 народно-школьныхъ библіотекъ еще въ 1875 году, а въ 1892 году такихъ библіотекъ было уже 58 [1]). Бердянское уѣздное земство ассигновало въ 1876 году на народно-школьныя библіотеки 2,460 рублей. Слободское земство постановило въ 1878 году, вмѣсто устройства читаленъ, предоставить всѣмъ желающимъ право читать книги изъ школьныхъ библіотекъ. Вельское земство, въ видѣ опыта, открыло въ 1880 году читальни при 5 школахъ. Камышловское земство ассигновало въ томъ же году 500 рублей на образованіе при училищахъ библіотекъ для народа. Гороховецкое земство назначило даже особое вознагражденіе (15 рублей) тѣмъ учителямъ, которые завѣдывали библіотеками (въ 1884 году). Сарапульское земство въ 1884 г. разрѣшило учителямъ отпускать книги для чтенія всѣмъ крестьянамъ. Бахмутское земство ассигновало на народно-школьныя библіотеки 1000 рублей (1884 году). Старорусское отчислило съ тою же цѣлью по 20 рублей на каждую библіотеку (въ 1886 г.) и т. д.

---

[1]) Какъ это, такъ и всѣ послѣдующія извѣстія о земской дѣятельности взяты нами изъ земскихъ ежегодниковъ, издававшихся Имп. вольно-экон. обществомъ съ 1876 по 1886 годъ, изъ сборниковъ постановленій губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, изъ докладовъ и отчетовъ земскихъ управъ и журналовъ земскихъ собраній. Въ интересахъ сбереженія мѣста, мы не будемъ помѣчать ссылки на источники послѣ каждаго отдѣльнаго извѣстія и ограничимся только этимъ общимъ указаніемъ.

Списокъ этотъ можно бы продолжать еще очень долго, но мы ограничимся только приведенными примѣрами. Упомянемъ въ заключеніе, что народно-школьныя библіотеки учреждались не только одними уѣздными земствами: на помощь къ послѣднимъ иногда приходили и губернскія земства. Послѣднія, впрочемъ, обыкновенно ограничивались тѣмъ, что участвовали въ библіотечныхъ расходахъ въ такой же суммѣ, какую давали уѣздныя земства. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить московское губернское земство, которое въ 1879 году постановило выдавать на каждую школьную библіотеку такую же сумму, какая ассигнована уѣзднымъ земствомъ, однако не свыше 25 рублей въ годъ, причемъ деньги эти выдавались только при томъ условіи, если школа существуетъ не менѣе 3 лѣтъ и имѣетъ не менѣе 60 учащихся. Благодаря такой помощи, къ 1893 году библіотеки были устроены при 402 земскихъ школахъ Московской губерніи изъ общаго числа 525 имѣющихся школъ, т. е. 77% всѣхъ школъ уже обезпечены библіотеками.

Переходя теперь къ вопросу о земскихъ публичныхъ и народныхъ библіотекахъ, мы прежде всего упомянемъ, что земства уже очень рано начали учреждать публичныя библіотеки въ уѣздныхъ городахъ, часто при участіи мѣстныхъ городскихъ думъ. Въ настоящее время такія библіотеки существуютъ въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ, но останавливаться на нихъ мы не будемъ, во-первыхъ, потому, что обыкновенно эти библіотеки платныя и слѣдовательно недоступныя массѣ населенія, а во-вторыхъ потому, что учреждались онѣ исключительно въ интересахъ провинціальнаго интеллигентнаго общества и главнымъ образомъ земскихъ служащихъ (врачей, учителей и т. д.).

Собственно народныя, т. е. публичныя безплатныя библіотеки и читальни представляютъ въ земской жизни явленіе еще довольно рѣдкое, но быстро развивающееся и несомнѣнно имѣющее передъ собой блестящую будущность. Удивляться такому слабому развитію земскихъ народныхъ библіотекъ конечно нечего, такъ какъ самое число грамотныхъ нуждающихся въ книгѣ начало правильно увеличиваться только въ сравнительно недавнее время и вполнѣ понятно, что главныя усилія земства употребляли до сихъ поръ на увеличеніе числа школъ и на ихъ улучшеніе. О достигнутыхъ ими результатахъ можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующее небольшое сопоставленіе имѣющихся у насъ подъ руками цифръ. въ 1841 году % грамотныхъ крестьянъ мужчинъ Саратовской губерніи равнялся едва 2,15%, а къ началу 80-хъ годовъ онъ увеличился до 11,4%. Само собой разумѣется, что для начальнаго народнаго образованія сдѣлана у насъ только небольшая часть той работы, которую намъ еще предстоитъ выполнить, но, несмотря на то, число грамотныхъ, выпущенныхъ народной школой, считается теперь милліонами и вездѣ прорывающаяся наружу потребность этой грамотной

массы въ книгѣ должно быть удовлетворено. Для большинства земствъ вопросъ этотъ представляется вполнѣ яснымъ и потому учрежденіе безплатныхъ народныхъ библіотекъ поставлено ими на ближайшую очередь. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя, конечно далеко не полныя, данныя о дѣятельности различныхъ земствъ въ этой области.

Въ цѣляхъ противодѣйствія пьянству Устьсысольское земство еще въ 1872 году ассигновало на устройство читаленъ и чайныхъ 250 рублей. Тотемское земство въ 1877 году открыло при уѣздной земской управѣ публичную библіотеку, изъ которой могли безплатно пользоваться книгами всѣ крестьяне и всѣ лица другихъ сословій, получающіе въ годъ не свыше 150 рублей содержанія.

Макарьевское земство выдало пособіе мѣстной публичной библіотекѣ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы книги изъ нея безплатно отпускались всѣмъ жителямъ уѣзда (1877 г.).

Суджанское земство, въ виду пожертвованія гласнымъ Давыдовымъ 700 томовъ книгъ, постановило открыть земскую народную библіотеку и ассигновало на нее 100 рублей (1878 г.).

Нижегородское уѣздное земство ассигновало въ 1878 г. 100 рублей на образованіе небольшихъ волостныхъ безплатныхъ библіотекъ.

Въ сосницкой земской публичной библіотекѣ съ 1889 г., введена безплатная выдача книгъ.

Въ 1880 году пронское земство открыло публичную библіотеку въ с. Гулынкахъ, причемъ основаніе этой библіотеки положилъ статсъ-секретарь Головинъ, пожертвовавшій на нее 1,500 томовъ книгъ.

Екатеринбургское земство имѣло къ 1886 году 15 сельскихъ библіотекъ; на ежегодное пополненіе ихъ и на жалованье завѣдующимъ ассигнуются особыя суммы.

Пошехонское земство открыло въ 1884 году 4 сельскія библіотеки.

Тверское и костромское губернскія земства поддерживали своими пособіями мѣстныя народныя читальни.

Въ Никольской земской публичной библіотекѣ съ 1886 года введена безплатная выдача книгъ для всѣхъ сельскихъ жителей и открыта безплатная читальня.

Тверское губернское земство, выслушавъ въ 1886 году ходатайство весьегонскаго уѣзднаго земства, постановило ассигновать на устройство сельскихъ библіотекъ до 200 рублей на уѣздъ, причемъ каждой библіотекѣ можетъ быть выдано до 100 рублей при условіи, если уѣздное земство приметъ на свой счетъ такую-же сумму. Организація и завѣдываніе библіотеками всецѣло предоставлено уѣзднымъ земствамъ.

Извѣстія объ открытіи земскихъ народныхъ библіотекъ имѣются у насъ еще относительно слѣдующихъ земствъ: орловскаго уѣзднаго Вятской губ., оханскаго, симбирскаго уѣзднаго, самарскаго уѣзднаго, ека-

теринославскаго губернскаго (ассигновавшаго въ 1888 году 2,000 руб. на 34 публичныя библіотеки), вятскаго уѣзднаго, ирбитскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ только что истекшую сессію земскихъ собраній вопросу о народныхъ библіотекахъ земскіе дѣятели отвели очень видное мѣсто. Такъ напримѣръ, уфимское губернское земство постановило открыть 129 библіотекъ для учителей и народа. На народныя библіотеки ассигновали также довольно значительныя суммы слѣдующія земства: сызранское (600 руб.), мензелинское (200 руб.), уржумское (900 руб.), слободское (300 руб.), одесское, вятское, пензенское, орловское и т. д. Вятское губернское земство постановило отпускать на народныя библіотеки по 4,000 рублей ежегодно.

Саратовское губернское земство въ 1892 году образовало особую постоянную комиссію по народному образованію и постановило открыть 10-ть публичныхъ сельскихъ библіотекъ. Вопросъ о народныхъ библіотекахъ поднятъ также въ черниговскомъ и многихъ другихъ губернскихъ и уѣздныхъ земствахъ.

Изъ сдѣланнаго нами бѣглаго обзора дѣятельности земствъ по открытію народныхъ библіотекъ можно легко замѣтить, что организація послѣднихъ оставляетъ желать еще очень и очень многаго. Начать съ того, что на народныя библіотеки назначаются обыкновенно такія незначительныя средства, которыя позволяютъ пріобрѣсти очень небольшой комплектъ книгъ, а завѣдующіе библіотеками или совсѣмъ не получаютъ содержанія, или если и получаютъ, то такое незначительное, что существовать на него, не имѣя никакихъ другихъ источниковъ для заработка, совершенно немыслимо. Однако, довольно легко можно прослѣдить, что съ теченіемъ времени земства начинаютъ ассигновывать на библіотеки все болѣе и болѣе значительныя суммы. Это увеличеніе идетъ параллельно съ тѣмъ, какъ земскіе дѣятели мало-по-малу убѣждаются въ томъ, что народная библіотека такъ же необходима населенію, какъ и народная школа и что трудъ завѣдыванія библіотекой такъ великъ и сложенъ, что совершенно не можетъ успѣшно выполняться ни учителями, ни вообще лицами, несущими на себѣ какія-либо другія серьезныя обязанности. Были даже примѣры, когда земства принуждены были убѣждаться въ этомъ путемъ горькаго опыта, такъ какъ учителя, отчасти по небрежности, отчасти по неимѣнію свободнаго времени, нерѣдко исполняютъ свои обязанности по завѣдыванію библіотеками очень неудовлетворительно. Такъ, напримѣръ, екатеринбургское земство вынуждено было въ 1878 году совершенно закрыть устроенныя имъ центральныя библіотеки, потому что надзоръ за ними, порученный учителямъ, велся очень небрежно и библіотеки бездѣйствовали. Рязанскому губернскому земскому собранію губернскій училищный совѣтъ

въ 1878 году также докладывалъ, что даже училищными библіотеками могутъ пользоваться далеко не всѣ желающіе, такъ какъ учителя часто не даютъ книгъ и ихъ даровой трудъ по раздачѣ книгъ не легко поддается контролю.

Вслѣдствіе этихъ и другихъ подобныхъ причинъ, главнымъ же образомъ вслѣдствіе все болѣе растущаго сознанія важности цѣла, земства отчасти уже пришли, а отчасти еще приходятъ къ той мысли, что завѣдываніе народными библіотеками должно поручаться особымъ лицамъ, не несущимъ никакихъ другихъ служебныхъ обязанностей, и что вообще народныя библіотеки должны быть основываемы въ видѣ совершенно самостоятельныхъ, независимыхъ отъ народныхъ школъ учрежденій. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дальнѣйшее развитіе земскихъ народныхъ библіотекъ пойдетъ именно въ этомъ направленіи и недалекому будущему предстоитъ задача выработать для нихъ такія же прочныя основанія и правильную систему, какія уже созданы для народныхъ школъ. Есть много основаній предполагать, что видную роль въ этомъ отношеніи будутъ играть губернскія земства, въ противоположность съ исторіей развитія народной школы, созданной главнымъ образомъ уѣздными земствами,

Чтобы покончить съ дѣятельностью земства въ дѣлѣ устройства народныхъ библіотекъ, необходимо припомнить, что его начинанія въ этомъ направленіи почти всегда встрѣчали къ себѣ среди крестьянскаго населенія и среди мѣстной интеллигенціи самое теплое и сочувственное отношеніе и затѣмъ работа всегда шла здѣсь руки объ руку съ работой самого населенія и общества.

Начиная съ 60-хъ годовъ безплатныя народныя библіотеки постоянно учреждаются нетолько земствами, но также волостными и сельскими обществами, частными лицами, обществами народнаго образованія, коммиссіями для устройства народныхъ чтеній и т. д. Мы не станемъ однако приводить здѣсь относящихся сюда, часто въ высшей степени интересныхъ, данныхъ, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много мѣста и ограничимся только вышеизложенными свѣдѣніями.

V.

Даже и тѣ немногія, отрывочныя свѣдѣнія, которыя мы только что привели, безспорно доказываютъ, что нетолько земство, но и все вообще русское общество все болѣе и болѣе проникаются сознаніемъ важности учрежденія народныхъ библіотекъ и для достиженія намѣченной цѣли не жалѣютъ ни труда, ни матеріальныхъ средствъ. Однако по пути къ широкому развитію этого важнаго дѣла стоитъ у насъ масса очень серьезныхъ препятствій. На первомъ мѣстѣ среди нихъ необходимо

поставить всевозможныя стѣсненія и проволочки, очень часто тормазившія не мало симпатичныхъ начинаній. Нетолько частнымъ лицамъ и обществамъ, но даже и земствамъ приходилось иногда отказываться отъ учрежденія библіотекъ только потому, что ходатайства объ этомъ «не признано было удобнымъ», «не могло быть удовлетворено по независящимъ причинамъ», а иногда оставлялось безъ удовлетворенія и безъ всякаго объясненія причинъ.

Еще болѣе мѣшаетъ дѣлу существованіе ограничительныхъ каталоговъ книгъ, допускаемыхъ въ народныя библіотеки. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ мы уже видѣли, что сельскія библіотеки конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ имѣли у себя не какой либо спеціальный подборъ книгъ, а все лучшее, что тогда можно было найти въ общей литературѣ и эти библіотеки никогда не испытывали недостатка въ читателяхъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи народная библіотека постепенно выростала изъ библіотеки школьной и это происхожденіе положило на нее свой слѣдъ, совершенно искусственный и въ высшей степени вредно отразившійся на ея жизни. Школьная библіотека, въ виду строго опредѣленнаго состава своихъ читателей, дѣйствительно можетъ имѣть ограниченный выборъ книгъ и соотвѣтствующая законодательная нормировка можетъ быть въ этомъ случаѣ подкрѣплена довольно серьезными соображеніями. Само собой разумѣется, что мы говоримъ только о самомъ принципѣ, по которому за государствомъ признается право нормировать составъ школьныхъ библіотекъ, сообразно съ педагогическими потребностями и не входимъ теперь въ обсужденіе этого, во всякомъ случаѣ спорнаго, вопроса по существу. Скажемъ только, что, даже признавая этотъ принципъ, пришлось бы желать очень существенныхъ измѣненій въ дѣйствующихъ у насъ на этотъ счетъ правилахъ.

Не останавливаясь подробнѣе на этомъ вопросѣ, необходимо прибавить, что, при существованіи ограничительныхъ каталоговъ книгъ для школьныхъ библіотекъ, вполнѣ понятно сохраненіе этихъ ограниченій въ приложеніи къ библіотекамъ народно-школьнымъ, хотя и имѣющимъ уже смѣшанный составъ читателей. У насъ однако эти ограниченія примѣнены нетолько къ этимъ библіотекамъ, но и ко всѣмъ вообще народнымъ библіотекамъ, совершенно не входящимъ въ сферу школьнаго образованія. Изданными министромъ внутреннихъ дѣлъ 15 мая 1890 года правилами о безплатныхъ народныхъ читальняхъ, взрослый крестьянинъ-читатель приравнивается къ учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, еще не получившимъ аттестата зрѣлости, раскрывающаго передъ ними ничѣмъ неограниченную возможность пользоваться всѣми пропущенными цензурой книгами. Эти правила заключаютъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе съ общими, дѣйствующими у насъ

законами и съ уставомъ о цензурѣ и печати. Какъ значится въ правилахъ, они «составлены на основаніи пункта 3 примѣчанія къ ст. 175 уст. о цензурѣ и печати». Упомянутый пунктъ гласитъ буквально слѣдующее: «Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется право: а) *указывать* мѣстнымъ начальствамъ *тѣ произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ* [1])». На этомъ основаніи были, какъ извѣстно, изъяты изъ обращенія въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ 125 особо перечисленныхъ названій книгъ и нѣсколько журналовъ. Между тѣмъ, правила 15 мая, не заключая въ себѣ никакого перечисленія книгъ, признанныхъ вредными и потому запрещенныхъ къ употребленію въ библіотекахъ, въ противность ясному и точному смыслу закона, заключаютъ въ себѣ постановленіе, по которому «безплатныя народныя читальни *могутъ имѣть у себя только тѣ книги и повременныя изданія, которыя будутъ одобрены для нихъ ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія*».

Такимъ образомъ, вмѣсто установленнаго закономъ порядка составленія каталога книгъ, могущихъ находиться въ библіотекахъ, согласно которому въ нихъ допускаются всѣ безъ исключенія книги и изданія, кромѣ тѣхъ, которыя (каждая книга и каждое изданіе отдѣльно) будутъ признаны министромъ внутреннихъ дѣлъ вредными, Правила 15-го мая вводятъ другой порядокъ, по которому, во-первыхъ, народныя читальни выдѣляются въ особый разрядъ, подлежащій спеціальнымъ ограниченіямъ, между тѣмъ какъ уставъ о цензурѣ не знаетъ никакихъ подраздѣленій и устанавливаетъ для всѣхъ библіотекъ однѣ общія нормы; во-вторыхъ, въ народныя читальни допускаются только книги, спеціально для нихъ *одобренныя*. Кромѣ того, правила 15-го мая подчиняютъ народныя читальни надзору министерства народнаго просвѣщенія (въ смыслѣ порядка допущенія въ нихъ тѣхъ или другихъ книгъ), между тѣмъ какъ по Высочайшему повелѣнію отъ 12-го іюля 1867 года всѣ городскія общественныя библіотеки переданы изъ министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ. Этимъ важнымъ актомъ законодатель совершенно отдѣлилъ библіотеки отъ школъ и подчинилъ ихъ нормировкѣ и ограниченіямъ не съ точки зрѣ-

[1]) За этимъ исключеніемъ, установленнымъ въ видѣ *временной* мѣры, согласно ст. 179 устава о цензурѣ и печати, «книжные магазины, лавки и кабинеты для чтенія имѣютъ право держать у себя и продавать или давать въ чтеніе всѣ незапрещенныя изданія, напечатанныя въ Россіи на русскомъ или иностранныхъ языкахъ, а изъ числа книгъ, напечатанныхъ за границей на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, всѣ тѣ, кои не значатся въ общемъ *каталогѣ запрещенныхъ книгъ (стр. ст. 175 прим. п. 3)*». Изъ только что приведенной статьи совершенно ясно виденъ тотъ смыслъ временно предоставленнаго м. в. д. права, который имѣлъ въ виду законодатель.

нія педагогическихъ потребностей и интересовъ, забота о которыхъ ввѣрена министерству народнаго просвѣщенія, а только съ точки зрѣнія интересовъ общественнаго спокойствія и безопасности, попеченіе о которыхъ лежитъ на министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ правила 15-го мая возстановляютъ прежній, Высочайше измѣненный порядокъ [1]). Наконецъ, эти правила, искусственно ограничивая выборъ книгъ, могущихъ находиться въ народныхъ читальняхъ, нарушаютъ матеріальные интересы авторовъ и издателей, такъ какъ вслѣдствіе этого сильно уменьшается спросъ на принадлежащія имъ произведенія. Мы уже не говоримъ о томъ, что подобныя ограниченія каталога допускаемыхъ въ народныя читальни книгъ значительно ослабляютъ долю той пользы, которую онѣ могли-бы приносить населенію.

Всѣ указанныя нами противорѣчія между правилами 15-го мая и общими законами объясняются, вѣроятно, простымъ редакціоннымъ недосмотромъ, который легко будетъ исправить, тѣмъ болѣе, что они до сихъ поръ еще не опубликованы въ установленномъ порядкѣ. Статья 175 устава о цензурѣ и печати предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ такое широкое право регулировать чтеніе книгъ изъ библіотекъ вообще, что не представляется никакой надобности въ изданіи спеціальныхъ ограничительныхъ мѣръ для беплатныхъ народныхъ читаленъ, предназначаемыхъ не для учащихся, а для взрослыхъ читателей изъ всѣхъ классовъ общества. Тѣ соображенія, которыми руководствовался законодатель, опредѣляя составъ книгъ въ школьныхъ библіотекахъ, конечно, не могутъ быть переносимы въ сферу внѣ-школьной жизни, такъ какъ мѣры, признанныя полезными и необходимыми для огражденія малолѣтнихъ учащихся отъ всякаго вреднаго вліянія, по отношенію къ взрослымъ людямъ явятся ничемъ не оправдываемымъ и безполезнымъ стѣсненіемъ. Дѣлать-же въ данномъ случаѣ различія между взрослыми людьми въ зависимости отъ того, къ какому классу общества—привиллегированному или непривиллегированному—къ «обществу» или «народу»—они принадлежатъ, такъ-же невозможно. Это противорѣчило-бы нашимъ основнымъ законамъ, которые, послѣ реформы

---

[1]) Въ Высочайшемъ указѣ по поводу передачи цензурныхъ комитетовъ изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ прямо сказано: «Мы, находя *удобнѣйшимъ* въ настоящее время наблюденіе за произведеніями печати возложить на министерство внутреннихъ дѣлъ» (2-е Полн. Собр. Закон. Росск. Имп. т. XXXVIII, 1863 г.), ст. 39162. Точно такъ-же въ Учрежденіи министерствъ (ст. 448 Свода Закон., т. I, ч. 1, изд. 1892 г.) сказано только, что Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія имѣетъ своимъ назначеніемъ разсматривать только «книги, сочиненія и періодическія изданія, которыя предполагаются для распространенія *въ учебныхъ заведеніяхъ*». О надзорѣ за книгами, обращающимися въ библіотекахъ, въ законахъ, опредѣляющихъ дѣятельность Министерства Народнаго Просвѣщенія, нигдѣ не говорится ни слова.

19-го февраля, признали равноправность всѣхъ русскихъ подданныхъ передъ закономъ, признали народъ «свободнымъ», не нуждающимся ни въ какой спеціально для него только назначенной опекѣ.

Разсматриваемыя нами ограниченія не могутъ быть объяснены и съ точки зрѣнія платности или безплатности пользованія библіотекой, такъ какъ наши законы нигдѣ не заключаютъ въ себѣ такихъ постановленій, которыя предоставляли-бы состоятельнымъ лицамъ какія-либо спеціальныя права и преимущества въ занимающемъ насъ теперь отношеніи. Та или другая книга полезна или вредна совершенно одинаково, могу-ли я прочесть ее даромъ или-же долженъ за это что-либо заплатить. Если книга признается вредной, то ее устраняютъ изъ обращенія вообще, но разъ допускается ея обращеніе въ платныхъ библіотекахъ, нѣтъ никакого основанія не допускать ее въ народныя безплатныя библіотеки. Это повело-бы за собой только искуственное ограниченіе круга читателей, что, конечно, не можетъ быть задачей законодательства и правительства, прежде всего обязаннаго заботиться о самомъ широкомъ распространеніи свѣта знанія. Предоставленіе-же всѣмъ и каждому возможности пользоваться какъ можно большимъ числомъ книгъ, распространеніе книгъ и облегченіе доступа къ нимъ— есть одно изъ самыхъ могущественныхъ для этого средствъ.

Ф. Ч.

ГОМОЧКА.

Повѣсть.

I.

Ярко горитъ газъ въ рожкахъ, заливая свѣтомъ большую, высокую комнату, выкрашенную бѣлой масляной краской; воздухъ сильно нагрѣтъ и пропитанъ какимъ-то сильнымъ непріятнымъ запахомъ, отъ котораго кружится голова. Во всю длину комнаты тянутся длинные столы, похожіе на прилавки, со шкафиками; такіе же прилавки у оконъ, завѣшанныхъ сѣрыми парусинными сторами; у противуположной стѣны—шкафы для тяги. Въ комнатѣ двѣ двери: одна плотно притворена, другая раскрыта настежь въ сосѣднюю, также ярко освѣщенную, но совершенно пустую комнату. И тихо,—такъ тихо, что слышно только шипѣніе газа въ рожкахъ, да бульканіе воды изъ водопроводнаго крана. Изрѣдка, впрочемъ, откуда-то донесутся отголоски удушливаго кашля и тяжелыхъ шаговъ; дверь гдѣ-то тяжело и гулко хлопнетъ — и опять тишина, шипѣніе газа и мѣрное бульканіе воды.

Это—лабораторія женскихъ врачебныхъ курсовъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ.

Еще рано,—нѣтъ 6-ти часовъ. Черезъ четверть часа слушательницы начнутъ собираться, и пустынная лабораторія наполнится шумомъ, смѣхомъ, веселымъ женскимъ говоромъ. Но и теперь она не совсѣмъ пуста; за однимъ изъ шкафиковъ сидитъ студентка и внимательно отливаетъ изъ колбы въ пробирку какой-то растворъ. Это высокая, полная дѣвушка съ рѣзкими, но правильными чертами лица и большимъ выпуклымъ лбомъ. У нея широкія черныя брови и черные серьезные глаза; волосы коротко и не совсѣмъ красиво острижены; одѣта она въ черное платье и длинный кожанный фартукъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прожженный кислотой. Предъ нею на столикѣ раскрытая книга — Аналитическая химія Мен-

шуткина,—листъ бумаги, испещренный формулами, химическіе вѣсы, колбы, пробирки въ стойкѣ и цѣлый арсеналъ пузырьковъ, баночекъ и тиглей.

Отливъ раствору въ пробирку, дѣвушка выбрала изъ стоявшихъ передъ нею пузырьковъ одинъ и прилила нѣсколько капель. Изъ раствора выпалъ черный осадокъ; дѣвушка съ видимымъ удовольствіемъ качнула головой, прилила въ пробирку изъ другого пузырька и стала нагрѣвать ее надъ газовой горѣлкой. Черный осадокъ снова исчезъ. Тогда дѣвушка поставила пробирку въ стойку, придвинула листъ бумаги и быстро стала писать формулы. Всѣ движенія ея были замѣчательно тверды и опредѣленны; ни одного лишняго взмаха руки, ни малѣйшей неловкости и ненужной торопливости,—все такъ спокойно, увѣренно и цѣлесообразно, точно дѣвушка весь свой вѣкъ просидѣла въ этой комнатѣ, между тиглями, колбами и ретортами.

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ скрипнула дверь и послышались легкіе торопливые шаги. Въ лабораторію вошла маленькая худенькая дѣвушка, почти дѣвочка на видъ. Маленькая головка на узкихъ плечахъ, маленькое личико, бѣлое и розовое, какъ у ребенка, свѣтлые волосы, заплетенные въ коротенькую и тоненькую косу, большіе голубовато-сѣрые глаза,—свѣтлые, открытые, веселые. Она точно только-что устроила какую нибудь шалость, и вотъ прибѣжала посмотрѣть, — какъ старшіе отнесутся къ этому? Выбранятъ или нѣтъ? И она исподтишка наблюдаетъ за ними, а у самой въ глазахъ такъ и брызжетъ смѣхъ, такъ и хочется ей подпрыгнуть, всплеснуть руками и шумно, неудержимо расхохотаться...

Тихонько она пробралась въ комнату и стала за стуломъ работавшей. Та, не замѣчая ее или дѣлая видъ, что не замѣчаетъ, продолжала писать. Тогда она протянула руку черезъ плечо подруги и... трахъ!.. колба полетѣла на полъ и разбилась въ дребезги, обдавъ брызгами обѣихъ.

Высокая студентка обернулась и долго глядѣла на маленькую, точно не узнавая ее. Голова ея была все еще занята формулами, мысли блуждали далеко. Но мало по малу взглядъ ея прояснился и сталъ сознательнѣе; она нахмурила брови и покачала головой.

— Вы у меня всю смѣсь уничтожили, Гомочка!—сказала она глядя съ сожалѣніемъ на осколки стекла у ея ногъ.

— О Господи, я и сама не знаю, какъ это у меня вышло! Я вѣдь только попугать васъ хотѣла немножко. Но вы такъ углубились въ свои формулы, что, кажется, еслибы потолокъ рухнулъ надъ вами—вы бы и не пошевелились.

Смѣясь Гомочка подобрала осколки, бросила ихъ въ раковину водопровода и вернулась къ столу.

— Ну что за бѣда, Орнотова? Ну разбила и разбила, — никакой бѣды здѣсь нѣтъ. А вы, я вижу, сердитесь.

— Нисколько я на васъ не сержусь, проговорила Орнотова, подвигая къ себѣ листъ бумаги и снова принимаясь за карандашъ.

— Ну да, вѣдь я вижу! Вѣдь эта смѣсь была для васъ дороже отца родного! Что вы улыбаетесь? Правда! Ахъ, Орнотова, Орнотова, чудная вы!

И философію съ правами
И медицину изучилъ. .
И знаю только то, что ничего не знаю,
И..

Что дальше? забыла, а хорошо тамъ сказано,—главная суть въ томъ, что никакая химія, никакая медицина и наука не сдѣлаютъ человѣка счастливѣе. Вы согласны съ этимъ, Орнотова?

— Нѣтъ, отозвалась Орнотова, не поднимая головы отъ бумаги.

— Ну да, конечно,—вѣдь я знаю вашу теорію, что „жизнь—рядъ сложныхъ химическихъ процессовъ,“ что наука рано или поздно „проникнетъ во внутреннюю сущность ихъ“, что она „побѣдитъ природу, заставитъ служить себѣ солнце и звѣзды“ и наконецъ даже... создастъ какого-то „новаго человѣка“, который совсѣмъ неспособенъ будетъ страдать, а будетъ себѣ блаженствовать, да наслаждаться. Вѣдь такъ?

— Да, я въ этомъ увѣрена.

— Ну воображаю, что это будетъ за „новый человѣкъ!“—насмѣшливо воскликнула Гомочка.—Навѣрное какой-нибудь живой автоматъ, надъ которымъ вы, ученые люди, станете продѣлывать всякіе эксперименты въ родѣ того вотъ, какъ вы надъ своей смѣсью. Прильете азотной кислоты—получится осадокъ; прильете ѣдкаго кали, — осадокъ растворится! Или вотъ еще куклы такія бумажныя продаются: дернешь за ниточку—засмѣется; дернешь за другую—заплачетъ. Ну, не желала бы я быть въ шкурѣ этого новаго „счастливаго“ человѣка!

— Да вѣдь вы же желаете, чтобы человѣчество было счастливо?

— Желаю.

— Ну такъ чего же вы волнуетесь? Оно и будетъ счастливо, а *какъ*—до этого уже вамъ нѣтъ дѣла.

— Да вѣдь и устрица, можетъ быть, счестлива, потому что ея ощущенія и потребности сведены до minimum'a. А я не хочу, чтобы человѣкъ превратился въ устрицу.

— Откуда вы взяли, что наука хочетъ превратить человѣка въ устрицу?

— Да вѣдь вы же сами говорили,—помните когда вы со мной спорили?—что всѣ человѣческія чувства и дѣйствія есть результатъ дѣятельности какихъ-то тамъ группъ клѣтокъ; что есть клѣтки „гнѣва“, есть клѣтки „любви“ и что путемъ воспитанія, подбора и еще чего то можно достичь преобладанія однѣхъ клѣтокъ надъ другими. Помните?

— Ну что-жъ, помню, хотя вы по обыкновенію исказили мои слова самымъ смѣхотворнымъ образомъ. Но вѣдь отъ „клѣтокъ любви“ до устрицы еще далеко. Скорѣе, по моей теоріи, всѣ люди превратятся въ ангеловъ, и на землѣ воцарится царствіе небесное, чего вамъ, какъ я вижу совсѣмъ не хочется. Но успокойтесь, вѣдь это еще не скоро будетъ, и на вашу долю останется не мало слезъ, которыя вы такъ любите утирать.

— Такъ по вашему, значитъ, я желаю, чтобы на свѣтѣ было какъ можно больше слезъ? съ негодованіемъ спросила Гомочка.

— Ну, я не скажу, чтобы вы этого желали, но ей Богу увѣрена, что еслибы вдругъ на землѣ прекратились болѣзни, страданія, печали и некого было бы утѣшать, не о комъ заботиться и хлопотать—вы страшно заскучали бы. Признайтесь, вѣдь такъ? Вѣдь тогда вамъ совершенно нечего было бы дѣлать на свѣтѣ? Что, попала я въ вашу слабую струнку?

Орнотова смѣялась, глядя на Гомочку, которая, поджавъ ноги, сидѣла на табуретѣ и задумчиво глядѣла въ потолокъ, по которому бродили какія-то странныя смутныя тѣни. Но при послѣднихъ словахъ Орнотовой она встрепенулась.

— Это неправда и никакой такой слабой струнки у меня нѣтъ. Дѣлаю я тоже, что и другіе, разница только въ томъ, что не могу я спокойно сидѣть и анализировать какую-то идіотскую смѣсь, когда у меня передъ глазами люди мучаются!

— Это что-же,—на мой счетъ?—спокойно спросила Орнотова. Гомочка немножко покраснѣла.

— Ни на чей счетъ,—возразила она сердито.—Я только ненавижу вашу высокомѣрную аристократическую науку, которая смотритъ на человѣка только какъ на объектъ своихъ изслѣдованій. Ничего, кромѣ зла, до сихъ поръ она не сдѣлала и служитъ только тѣмъ, у кого есть деньги.

— Вы опять искажаете истину, Гомочка, и смѣшиваете понятія. Наука никому не служитъ и не продается; продаются люди.

— Ну это все равно, люди такъ люди! Тѣмъ хуже... Вотъ вы сидите въ лабораторіяхъ и препаровочныхъ, ходите на лекціи, изучаете клѣтку, ядро, ядрышко, первичное зернышко и воображаете осчастливить этимъ міръ. А что выйдетъ изъ этого? Многія-ли изъ васъ понесутъ свои знанія туда, куда нужно? Преспокойно себѣ займутъ теплыя мѣстечки, будутъ получать жалованье, пресмыкаться изъ-за трехъ-рублевки передъ богачами, а надъ бѣднякомъ гдѣ нибудь въ Обуховкѣ продѣлывать эксперименты якобы для „пользы науки“, а на самомъ дѣлѣ для того только, чтобы испробовать новое лекарство, которое хотятъ прописать какому-нибудь объѣвшемуся трактирщику. Вотъ она ваша и „наука!“

— Опять-таки наука здѣсь вовсе не причемъ.

— Ну и пусть себѣ будетъ не причемъ! А вотъ на-дняхъ я разговорилась съ Зарудной,—знаете, толстая такая? Еще вездѣ первая лѣзетъ и изъ-за микроскопа чуть не дерется... Ну вотъ, спрашиваю ее: зачѣмъ вы на курсы поступили? Какъ, говоритъ, зачѣмъ? Вотъ кончу курсъ, буду деньги зарабатывать! Надо-же имѣть какое-нибудь орудіе для борьбы за существованіе! Для того чтобы жить, надо имѣть когти, клыки, копыта... И пошла, и пошла; глаза разгорѣлись, толстыя щеки трясутся, зубы оскалились... Мнѣ даже противно стало.

— И мнѣ тоже противно. Но все-таки чѣмъ-же наука-то виновата?

— Или вотъ еще примѣръ!—не слушая ее продолжала Гомочка.— Заболѣла тутъ у меня одна знакомая швея. Я пошла за Кривухиной,— знаете, въ бархатной ротондѣ ходитъ и бактерій отрицаетъ? Ну вотъ прихожу, зову ее, говорю, человѣкъ умираетъ, пойдемте скорѣе. Кто такой? спрашиваетъ. Говорю,—швея, бѣдная, двое дѣтей, доктору заплатить нечѣмъ... расписываю, знаете, чтобы ее разжалобить. А она вдругъ мнѣ отвѣчаетъ: „извините, я по *принципу* даромъ не лечу“. Это хорошо?

— Скверно. Но наука-то бѣдная, наука-то причемъ? А ужъ если пошло на факты, то вѣдь я могу привести и противоположные. Вонъ Самарова—аристократка была, богачка—заразилась тифомъ въ какомъ-то подвалѣ и умерла. Вонъ Муравлина—гдѣ-то въ глуши, въ избѣ, живетъ, лечитъ, чуть не въ чахоткѣ, питается только тѣмъ, что мужики принесутъ, а пишетъ восторженныя письма... Да что,—если захочу, такъ до завтра буду считать такихъ! Что вы на это скажете, Гомочка?

Гомочка молчала, очевидно побѣжденная. Но черезъ минуту она заговорила уже совсѣмъ другимъ, задушевнымъ и примиреннымъ тономъ.

— Нѣтъ, Орнотова, вѣдь меня что злитъ? Вѣдь я ѣхала сюда будто въ рай какой! Думалось мнѣ, что здѣсь-то и есть лучшіе люди, что ужъ разъ человѣкъ выбрался изъ своего родного болота, то онъ навсегда порѣшилъ со всякой пошлостью и гнилью. И что-же вижу? Тѣ-же стремленія къ наживѣ, тотъ же мелочный эгоизмъ, товарищества никакого, ссоры, сплетни, дрязги изъ-за микроскопа, изъ-за перваго мѣста въ аудиторіи, ну и прочее. Что же это такое?

Слова, слова... красивые разсказы
О подвигахъ... а гдѣ-же ихъ дѣла?..

Голосъ Гомочки задрожалъ. Орнотова молчала и чертила на бумагѣ какія-то фигуры... Не могла она возразить Гомочкѣ или не хотѣла?

— Вотъ я сейчасъ была у Шишкиной, начала Гомочка снова, не сводя глазъ съ таинственныхъ тѣней на потолкѣ, въ блужданіи и трепетѣ которыхъ она находила странное успокоеніе.—Боже ты мой, что за ужасъ! Она сама лежитъ больная; дѣти въ рахитѣ, плачутъ, хотятъ ѣсть; мужъ убѣжалъ куда-то занимать, а у насъ хоть-бы что!

— Можетъ быть не знаютъ.

— То-то и скверно, что не знаютъ! Обязаны знать! Не бываетъ человѣкъ на курсахъ,—почему не бываетъ? Сейчасъ-же должны навести справки, депутатка пусть пойдетъ, посмотритъ, разспроситъ. А она уже цѣлую недѣлю больна и ее еще никто не навѣстилъ, даже ея возлюбленная „пара“ *), Травкина. Какъ-же, ей нѣтъ времени! Она каждый день на вечеринкахъ или въ театрѣ, въ итальянской оперѣ упивается. Вотъ и сегодня навѣрное потащится дежурить на цѣлую ночь... нельзя, Мазини поетъ завтра! Ахъ, возмутительныя эдакія... уйду я отъ васъ!

— Это куда?

— Да куда нибудь... совсѣмъ съ курсовъ уйду.

— Ну и глупость сдѣлаете. Со зломъ надо бороться, а не бѣжать отъ него.

— Бороться! Какъ это?—Гомочка помолчала и вдругъ просіяла.— А что, Орнотова, если я для Шишкиной сейчасъ подписку устрою?

— И отлично сдѣлаете,—сказала Орнотова и, вынувъ кошелекъ. достала изъ него десятирублевую бумажку.—Вотъ вамъ пока и моя лепта, начинайте!

Гомочка порывисто вскочила съ тубурета и крѣпко пожала руку Орнотовой.

— Какая вы славная, Орнотова, какая вы милая!—восклицала она, сіяя.—Вѣдь вотъ поглядишь на васъ—сухарь-сухаремъ вы, а вотъ эдакъ сдѣлать что-нибудь, помочь кому-нибудь—Орнотова первая! Главное, то въ васъ хорошо: сейчасъ слово, сейчасъ-же и дѣло. Жаль только всетаки, что клѣтка интересуетъ васъ больше. чѣмъ человѣкъ.

— Вы не послѣдовательны, Гомочка!—сказала Орнотова.—Стоитъ только васъ задобрить,—вы свои прежніе взгляды сейчасъ-же измѣните. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я-бы иначе поступила. Я-бы подумала: „вотъ бросила десять рублей, чтобы отвязаться,—отстань молъ отъ меня, не мѣшай мнѣ своимъ дѣломъ заниматься,—черствятина эдакая!“ И не стала-бы благодарить и совершенно была-бы права, потому—какое-же тутъ доброе дѣло вынуть изъ кармана готовыя деньги? Тутъ ни подвига, ни жертвы, ни даже простого безпокойства—одинъ разсчетъ. Я еще должна васъ благодарить, Гомочка, за то, что вы меня отъ всякихъ хлопотъ избавляете.

Гомочка только-что собиралась возразить, какъ въ корридорѣ послышались голоса, шаги, говоръ, и въ лабораторію румяныя съ мороза и оживленныя вошли три слушательницы.

— Боже мой, кого я вижу? Гомочка здѣсь!—воскликнула одна изъ

*) Для практическихъ занятій слушательницы дѣлятся на «группы», а каждая группа—на «пары».

нихъ, замѣчательно красивая и стройная блондинка съ роскошными волосами и прелестными карими глазами, которыми она немножко играла.

Гомочка нахмурилась, съежилась и всей своей фигурой выразила протестъ противъ красавицы.

— Орнотова, а вы уже кончили? продолжала та, мимоходомъ заглядывая въ развернутую книгу на столикѣ Орнотовой.—Господи, третью группу! Счастливая, а я надъ первой сижу до сихъ поръ и ничего у меня не выходитъ. На-дняхъ И. И. далъ мнѣ какую-то гадость,—ужъ я ее разлагала-разлагала, два дня надъ ней сидѣла, выпаривала, фильтровала, нашла и магній, и стронцій и чортъ знаетъ еще что, а оказывается, это просто-на-просто aqua fontana — H_2O! Вообразите мое положеніе!

Всѣ засмѣялись, исключая Гомочки, которая по прежнему ершилась и молча протестовала. Вошло еще нѣсколько студентокъ, и всѣ разсаживались у своихъ столиковъ, перебрасываясь словами и потирая съ холоду руки.

— Да, вамъ смѣхъ!—сказала красавица, не принимаясь за дѣло.— А мнѣ-то каково? Меня даже Гомочка скоро перегонитъ. Что дѣлать, mesdames, увлеченія, увлеченія, какъ говорила, бывало, наша начальница, когда мы гуляли на праздникахъ подъ-ручку съ гимназистами. Сегодня на вечеринкѣ, завтра въ театрѣ... не могу! Вчера на „Фаустѣ“ была,—ну что это за прелесть такая... „О, позволь, ангелъ мой, на тебя наглядѣться...“ запѣла она и потомъ, схватившись за голову, закружилась на мѣстѣ. Ахъ, ахъ, какъ хорошо... ночь... луна... Маргарита... цвѣты... жить хочется, любить хочется... у-у-у!.. Какой тутъ магній и стронцій...

— Съумасшедшая вы, Травкина!—сказалъ кто-то.

— Ахъ, господа, сама знаю, что съумасшедшая, да что-же сдѣлаешь? Вотъ Орнотова—сидитъ себѣ съ утра до ночи надъ микроскопомъ или въ лабораторіи, ничѣмъ ее не проймешь. Я думаю, она даже не знаетъ что такое опера... Были-ли вы когда-нибудь въ оперѣ, Орнотова?

— Была... разъ.

— Разъ только? Пойдемте завтра—хотите я вамъ билетъ достану? Вѣдь „Гугеноты“ идутъ, понимаете „Гугеноты“, и Рауль—Мазини...

— Богъ съ нимъ,—не пойду.

— Да отчего? Отчего?

— Не хочется.

— Чудеса! Что изъ васъ выйдетъ, Орнотова, не знаю... Клодъ Бернаръ какой-нибудь или Менделѣевъ въ юбкѣ.

Опять всѣ расхохотались, а веселая Травкина продолжала:

— Впрочемъ, Орнотову я еще понимаю,—она наукой увлеклась, и поэтому ей не до театровъ. А вотъ Гомочка? Что она такое дѣлаетъ?

На лекціяхъ ее никогда не увидишь, въ театръ не ходитъ.. Гомочка, что вы дѣлаете? Съ своимъ Грибановымъ міръ на новый манеръ перестраиваете?

Гомочка вспыхнула.

— А вы, Травкина, скажите лучше, что ваша пара, Шишкина, дѣлаетъ? Отчего она на курсахъ не бываетъ?

— А я-же почемъ знаю?—безпечно отвѣчала Травкина.—Съ ребятами своими, должно быть, возится!

— Стыдно, Травкина! Она вамъ другъ, а вы не знаете, что съ нею. Шишкина очень больна, цѣлую недѣлю не встаетъ съ постели, и въ домѣ у нихъ ни гроша денегъ!

Послышались восклицанія. Нѣкоторыя, болѣе впечатлительныя, оставили работу и столпились около Гомочки.

— Надо, господа, ей помочь! — продолжала Гомочка. — Вѣдь вы знаете, ея мужъ теперь безъ мѣста... Какъ они живутъ—ужъ и не знаю! Стипендіи изъ кассы она не получаетъ, уроками ей заниматься некогда. Дѣти сидятъ безъ молока, почти безъ хлѣба.

— Что-же вы, Травкина, молчали?

— Я не знала... — проговорила Травкина совсѣмъ пристыженная и присмирѣвшая.

Даже Гомочкѣ стало ее жаль.

— Ну что-же, Травкина?—заступилась она.—Не одна Травкина виновата.. мы всѣ должны отвѣчать. Между нами совсѣмъ нѣтъ товарищества—вотъ въ чемъ дѣло. Я вотъ что думаю, господа,—пустить завтра на лекціи подписной листъ. Орнотова уже дала 10 рублей,—эти деньги пусть сейчасъ-же Травкина отнесетъ. А остальные завтра собрать.

— Подписной листъ, подписной листъ!..—послышались голоса.

— И стипендію назначить... Кто у нихъ депутатка? Травкина, кто въ вашей группѣ депутаткой?

— Я...—сконфуженно и тихо отвѣчала Травкина, и на ея прелестныхъ глазкахъ даже слезы выступили.

Наступило неловкое молчаніе, которое нарушила Гомочка.

— Нате деньги, Травкина, и идите сейчасъ-же. Докторъ у нея уже былъ и лекарство я отнесла. Теперь вы зайдите къ Денкеру и купите ей бутылку хорошаго портвейна, потомъ надо дѣтей покормить. Докторъ сказалъ, что болѣзнь еще не опредѣлилась, но можетъ быть тифъ. Тогда я думаю, хорошо-бы намъ дежурство около нея устроить...

Травкина взяла деньги и покорно вышла изъ лабораторіи, — навѣрное въ эту минуту она даже позабыла о „Гугенотахъ“ и Мазини. Вслѣдъ за ней стала собираться и Гомочка.

— А вы куда-же? Не будете сегодня работать?—спросила Орнотова.

— Нѣтъ, не буду,—и завтра, и послѣ-завтра не буду.

Она вышла. Лабораторія долго еще гудѣла, словно разворошенный муравейникъ; говорили о Травкиной, о Шишкиной, о Гомочкѣ. И только когда пришелъ лаборантъ, всѣ усѣлись по своимъ столикамъ и закипѣла обычная работа.

II.

Гомочка—или Ольга Павловна Рымская—была дочь одного захолустнаго учителя гимназіи и старшая въ семьѣ. Кромѣ нея было еще четверо дѣтей; послѣ рожденія младшаго—мать ихъ умерла, и вся семья осталась на рукахъ Гомочки. Она въ то время еще училась въ гимназіи и ей приходилось трудненько. Нужно было и уроки готовить, и за дѣтьми смотрѣть, и хозяйство править; отецъ былъ человѣкъ слабый, легкомысленный, а послѣ смерти жены и совсѣмъ растерялся,—даже началъ немножко выпивать. Но Гомочка не унывала и справлялась со своимъ дѣломъ отлично. Окончивъ курсъ 17-ти лѣтъ, она совсѣмъ посвятила себя братьямъ и сестрамъ, которые и звали ее не иначе, какъ „мамашечкой“, и совершенно не помышляла о курсахъ. Ей даже дико казалось покинуть семью, жить гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, съ другими людьми... И вдругъ все рухнуло,—отецъ женился, и въ домъ вошла новая молодая хозяйка. Произошло то, что происходитъ въ пчелиномъ ульѣ, когда тамъ окажутся двѣ царицы. Одна изъ нихъ непремѣнно должна покинуть улей... и эта участь выпала, конечно, на долю Гомочки. Мачиха была женщина не злая, скорѣе даже добрая, но взбалмошная, вспыльчивая и самолюбивая. Самостоятельность Гомочки и ея превосходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ коробили молодую жену учителя; притомъ-же она любила повеселиться, нарядиться, и пуританскія наклонности Гомочки стояли передъ нею живымъ укоромъ. Начались столкновенія... мелочная женская борьба за первенство... мелкіе уколы, шпильки, пошлыя, мѣщанскія сцены... Гомочка не выдержала; ея прямая, благородная натура возмутилась, и она ушла. Отецъ даже радъ былъ, что дѣло такъ хорошо уладилось; Гомочку снарядили въ дорогу, испекли прощальный пирогъ, отслужили напутственный молебенъ; мачиха даже прослезилась и благословила падчерицу образкомъ Казанской Божіей матери, и Гомочка пустилась въ далекій и невѣдомый путь. На душѣ у нея было смутно; въ ушахъ все еще слышались рыданія младшихъ сестеръ и братьевъ, съ отчаяніемъ провожавшихъ свою „мамашечку“, но она чувствовала, что права, и это ее ободряло. Притомъ-же она была не изъ такихъ, которыя могутъ потеряться въ жизни, и будущее ее нисколько не страшило. Вездѣ вѣдь люди живутъ... а Гомочкѣ только люди и нужны, чтобы было на кого излить неистощимый запасъ дѣятельной любви, наполнявшей ея маленькое сердце. Ее нисколько не безпокоило даже и то обстоятельство, что у нея было мало денегъ; отецъ

далъ ей на дорогу только 75 рублей и, конфузясь, объявилъ, что будетъ каждый мѣсяцъ присылать по 15 рублей... а если она напишетъ, что этого мало, то, можетъ быть, и больше.

— Пустяки, папа,—проживу!—увѣренно сказала Гомочка.

И подъѣзжая къ Петербургу, она уже нисколько не думала обо всѣхъ этихъ мелочахъ, а мечтала о томъ, какъ ее встрѣтятъ на курсахъ, какъ она перезнакомится съ курсистками и студентами, которыхъ по книгамъ представляла себѣ необыкновенно хорошими, и какъ онѣ отлично, дружно заживутъ своей студенческой семьей...

Съ Орнотовой онѣ познакомились въ первый-же день вступительныхъ экзаменовъ, на лѣстницѣ Николаевскаго госпиталя, ради торжественнаго случая парадно освѣщенной и устланной ковромъ. Орнотову заинтересовала маленькая, скромная фигурка и дѣтское личико Рымской, вмѣстѣ съ нею поднимавшейся по лѣстницѣ въ третій этажъ.

— Вы то-же экзаменъ держать?—спросила Орнотова.

— Да, — съ самымъ независимымъ видомъ отвѣчало маленькое существо.

— Какъ васъ допустили? Вѣдь вамъ, вѣроятно, лѣтъ 16—не больше, а по правиламъ нужно имѣть 21 годъ.

— Мнѣ уже 22,—сказала Гомочка серьезно.

— Боже мой, неужели?—удивилась Орнотова.—Какая-же вы малюсенькая... Гомункулюсъ настоящій.

Гомочка усмѣхнулась.

— Недодѣлокъ, значитъ?

— Нѣтъ, я не въ этомъ смыслѣ... Я потому это, что вы такая крошечная и въ то-же время—такая серьезная, самостоятельная, точно большая. Гомункулюсъ!.. Вы не сердитесь, что я васъ такъ называю?

Гомочка, конечно, не сердилась, и онѣ уже вмѣстѣ вошли въ аудиторію, гдѣ долженъ былъ происходить экзаменъ, сѣли рядомъ и разговорились. Гомочка разсказала Орнотовой свою исторію, посвятила ее въ свои планы и намѣренія, и разстались онѣ послѣ экзамена совсѣмъ друзьями.

Возвращаясь домой, Орнотова всю дорогу думала о своей новой знакомкѣ и улыбалась, представляя себѣ ея крошечную самостоятельную фигурку. Выросшая въ строгой, суровой семьѣ стараго генерала, Орнотова не отличалась ни особенной впечатлительностью, ни сантиментальностью; но Гомочка, съ своей простой, но трогательной біографіей, съ своей открытой, любящей душой, затронула въ ея сердцѣ какія-то нѣжныя струны, и струны эти не переставали звучать все время, пока она думала о Гомочкѣ.

Экзамены шли, обѣ онѣ выдержали, поступили на курсы и еще болѣе сблизились. Теперь уже Орнотова звала Рымскую не „Гомункулюсомъ“, а „Гомочкой“, и это прозвище осталось за нею навсегда. Орно-

товой очень хотѣлось поселиться съ Гомочкой вмѣстѣ, но Гомочка, узнавъ что Орнотова получаетъ изъ дому много денегъ, отклонила это предложеніе и поселилась самостоятельно, въ какой-то каморочкѣ на Пескахъ, у такихъ-же бѣдняковъ, какъ и сама. Орнотова долго за это не нее сердилась, но Гомочка увѣрила ее, что „такъ лучше" и обѣ онѣ зажили каждая посвоему. Орнотова, какъ только начались лекціи, съ головой погрузилась въ занятія. Она усердно посѣщала лекціи химіи, анатоміи и гистологіи, занималась съ микроскопомъ и накупила себѣ массу книгъ русскихъ и иностранныхъ. Курсовая жизнь шла мимо нея и Орнотову только и видѣли что въ препаровочной, въ гистологическомъ кабинетѣ, на нѣкоторыхъ лекціяхъ. Изрѣдка она заглядывала въ библіотеку, чтобы спросить какую-нибудь книгу, и опять исчезала. Толпа, шумъ, споры ее раздражали; на сходки она не ходила и терпѣть не могла легкой, пустой, какъ она называла „бабьей" болтовни, которою занимались другія студентки въ промежуткахъ между лекціями или до прихода профессора въ аудиторіяхъ и препаровочной. Это былъ тотъ особый типъ такъ называемый „кабинетныхъ" людей, для которыхъ весь міръ заключается подъ стеклышкомъ микроскопа или въ ретортѣ, гдѣ происходитъ какой-нибудь таинственный химическій процессъ, и которые смотрятъ на жизнь, какъ на безсмысленный шумный базаръ, мѣшающій ихъ серьезнымъ занятіямъ.

Гомочкина жизнь была совсѣмъ другая. Побывавъ на двухъ-трехъ лекціяхъ, Гомочка нашла, что наука отъ нея еще не уйдетъ и съ увлеченіемъ отдалась „общественной дѣятельности". Она принимала самое горячее участіе во всѣхъ курсовыхъ дѣлахъ, аккуратно посѣщала всѣ сходки и собранія, ходила къ профессорамъ, ходатайствовала предъ начальствомъ въ случаѣ недоразумѣній, ухитрялась какъ-то доставать деньги, уроки, переводы и перебывала въ переднихъ всѣхъ петербургскихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ филантроповъ обоего пола. Случалось ей иногда нарываться и на непріятности; такъ одинъ редакторъ, къ которому она носила билеты на студенческій вечеръ, прочелъ ей цѣлую нотацію о томъ, что молодежь „изпопрошайничалась", а нѣкоторая дама-патронесса выслала ей съ лакеемъ засаленную рублевую бумажку, но Гомочка не унывала и продолжала свои самоотверженныя похожденія на пользу общую.

— Знаете, для другихъ просить совсѣмъ не стыдно!—говорила она, разсказывая о какой-нибудь новой непріятности.—И притомъ вотъ еще что я замѣтила: непріятно, конечно, получить отказъ, но отказывать — еще непріятнѣе! Это фактъ.

Надъ нею подсмѣивались, но когда что нибудь нужно было—обращались къ Гомочкѣ, и не было случая, чтобы Гомочка отказала.

Знакомыхъ у нея было множество въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества. Были швеи, рабочіе, студенты, художники, купцы, чиновники... На своемъ курсѣ она знала рѣшительно всѣхъ и не только по фамиліи,

но всю подноготную: кто, откуда, сколько получаетъ, есть-ли работа. Въ противоположность Орнотовой, она любила прислушиваться къ интимной „бабьей“ болтовнѣ и ее интересовали разныя житейскія мелочи. Она сейчасъ-же подмѣчала, кто грустить, кто худѣетъ—значитъ, надо къ доктору сводить или узнать, обѣдаетъ-ли, есть-ли деньги, а можетъ быть какая нибудь непріятность случилась и надо дать совѣтъ... „Вопросы“ возникали у нея на каждомъ шагу и немедленно предлагались на общее обсужденіе; ни одного дня не проходило безъ того, чтобы Гомочка не взбиралась на каѳедру и не обращалась къ курсу съ какимъ нибудь предложеніемъ или вопросомъ. То нужно было денегъ для кого нибудь собрать, то выразить порицаніе слушательницѣ, оскорбившей безъ всякаго повода другую, то попросить профессора N. поставить удовлетворительную отмѣтку слушательницѣ, срѣзавшейся у него на экзаменѣ только потому, что въ это время у нея при смерти былъ боленъ отецъ, и она не имѣла времени подготовиться... Разныя дѣла и разные вопросы были у Гомочки!

Бѣгая и хлопоча по „общественнымъ“ дѣламъ Гомочка совершенно забывала о себѣ. Какъ она жила, какъ питалась, да и питалась-ли—этого никто не зналъ. А между тѣмъ дѣла ея были плохи, отецъ часто не высылалъ денегъ въ срокъ, приходилось сидѣть безъ чаю, безъ башмаковъ, часто и безъ обѣда. Однажды Орнотова замѣтила, что у Гомочки совсѣмъ башмаки развалились и она предложила ей денегъ.

— Мнѣ? Деньги? Зачѣмъ?—съ изумленіемъ спросила Гомочка.

— Да вы посмотрите, въ чемъ вы ходите! И калошъ, навѣрное, нѣтъ?

Гомочка поглядѣла на свои башмаки и расхохоталась.

— Батюшки, а я и не замѣтила! Ну давайте денегъ, завтра пойду куплю.

Орнотова давала ей денегъ, но случалось такъ, что Гомочка тутъ-же затѣетъ какую нибудь подписку, отдастъ свои деньги и опять щеголяетъ въ худыхъ башмакахъ. Орнотова сердилась, ворчала и, наконецъ, рѣшила не давать Гомочкѣ денегъ въ руки, а вмѣстѣ съ нею ходить въ лавки и покупать все, что понадобится.

Въ концѣ перваго года своей петербургской жизни Гомочка вдругъ стала задумываться и грустить. Она начала разочаровываться и часто съ горечью повѣряла Орнотовой свои мрачныя мысли. У нея черезчуръ большія требованія были, когда она ѣхала на курсы; то, что она увидѣла, не соотвѣтствовало ея ожиданіямъ. Много встрѣтилось ей мелкой злобы, равнодушія, эгоизма; многія хорошія студенческія традиціи на ея глазахъ разрушались и падали и то тамъ, то сямъ проскальзывали яркія черты новаго типа, который впослѣдствіи окрестили именемъ „бѣлоподкладочника“ и „шинелиста“.

Совсѣмъ было затосковала Гомочка, — сдѣлалась раздражительна, нервна, ея обычная веселость исчезла, и даже съ Орнотовой она начала ссориться. Орнотова добродушно отмалчивалась; хотя Гомочкины душевныя терзанія были ей непонятны, но она любила Гомочку и жалѣла о ней.

Но однажды Гомочка явилась на курсы повеселѣвшая и объявила Орнотовой, что она познакомилась съ замѣчательнымъ человѣкомъ и что еще „стоитъ жить на свѣтѣ“.

Знакомство это произошло слѣдующимъ образомъ.

Дѣло было въ февралѣ, Гомочка уже два мѣсяца не получала отъ отца денегъ (потребовалось къ Новому году обить заново мебель и сшить нѣсколько новыхъ платьевъ для m-me Рымской) и Гомочка страшно бѣдствовала. У ея квартирныхъ хозяевъ, Данилогорцевыхъ, тоже дѣла были плохи, обѣдать совсѣмъ не готовили, и Гомочка изъ экономіи ходила обѣдать въ народную столовую на 2-й улицѣ Песковъ, гдѣ за 6 копѣекъ давали полпорціи щей безъ мяса, кусокъ чернаго хлѣба и пшенную или гречневую кашу съ крошечнымъ кусочкомъ масла; по праздникамъ-же полагался кусокъ пирога съ какою нибудь незатѣйливой начинкой. Это было по средствамъ Гомочкѣ, и она каждый день, прямо съ курсовъ, бѣжала на вторую улицу въ своемъ коротенькомъ, до колѣнъ пальто, съ бѣлымъ шарфикомъ на шеѣ, въ котиковой шапочкѣ. Тамъ она брала марки на кушанья, раздѣвалась и усаживалась за однимъ изъ длинныхъ столовъ, на которыхъ возвышались большія посудины съ квасомъ и съ оловянными, привязанными къ нимъ, кружками. Старенькая старушка въ бѣломъ чепцѣ, бѣломъ передникѣ и полосатомъ холстинковомъ платьѣ подавала ей огромное блюдо съ дымящимися щами или супомъ, деревянную тарелку съ ломтемъ хлѣба, деревянную круглую ложку, и Гомочка принималась за обѣдъ. Ей все здѣсь нравилось: и теплая, насыщенная съѣстными испареніями атмосфера (въ особенности послѣ пронзительнаго петербургскаго вѣтра!), и длинные столы, и прислуживающія старушки въ бѣлыхъ чепцахъ и полосатыхъ платьяхъ, и горячій хлѣбъ, который съ голоду казался необыкновенно вкуснымъ, и кислый теплый квасъ, отъ котораго во рту щипало. Въ особенности Гомочкѣ нравился народъ, посѣщавшій столовую, и она съ большимъ интересомъ къ нему присматривалась. Публика была самая разнообразная: нищіе, рабочіе, монахини-сборщицы, извозчики, иногда заходилъ постовой городовой обогрѣться и закусить. Весь этотъ народъ скромно разсаживался за длинными столами, требовалъ свою порцію и за ѣдой, въ теплѣ, велъ вполголоса разговоры. Темы этихъ разговоровъ были самыя обыденныя и несложныя: нужда, безработица, болѣзни и всякаго рода обиды, которымъ подвергается бѣдный людъ.

Гомочка съ интересомъ прислушивалась къ этимъ разговорамъ, и иногда ей даже жаль было покидать свое мѣсто за столомъ и уходить изъ сто-

ловой опять на улицу, подъ колючій вѣтеръ и снѣгъ. Ежась отъ холода въ своемъ плохенькомъ пальтишкѣ, она бѣжала по Слоновой и по дорогѣ обдумывала—сколько у нея осталось денегъ отъ обѣда и чего бы ей купить къ чаю для Данилогорцевыхъ? Она вспоминала, что старуха, Палагея Дмитріевна, любитъ очень слойки, а ея сынъ, художникъ, Николай Львовичъ,—выборгскіе крендели. Въ карманѣ у нея оставалось 15 копѣекъ—хватитъ на то и на другое. И Гомочка на углу 6-й и Слоновой заходила въ булочную, покупала слойку и выборгскій крендель и торопилась домой, улыбаясь при мысли, какой сюрпризъ она устроитъ Данилогорцевымъ. Ей становилось весело, и въ воображеніи ея рисовались добродушныя лица хозяйки и ея сына, крошечная комнатка съ шумящимъ самоварчикомъ на столѣ, долгія бесѣды о лучшихъ временахъ,—эти освѣжительныя, ободряющія бесѣды, которыя такъ любятъ вести обиженные судьбой люди и которыя немножко скрашиваютъ ихъ бѣдную сѣренькую жизнь...

Такъ шли дни за днями. Гомочка волновалась на курсахъ, спорила съ Орнотовой, обѣдала въ народной столовой, устраивала маленькіе сюрпризы хозяевамъ и по вечерамъ вела съ ними утопическія бесѣды.

Разъ по сосѣдству съ Гомочкой помѣстился молодой рабочій, въ плохомъ вытертомъ пальто, съ мозолистыми руками. Гомочка почему-то сразу обратила на него вниманіе. Ее поразило его лицо,—блѣдное, худое, сосредоточенное, монашескаго типа. И онъ отнесся къ ней съ странною внимательностью, совсѣмъ не входившею въ обычаи народной столовой. Онъ то подвигалъ къ ней соль, то передавалъ тарелку. Но они не сказали другъ съ другомъ ни слова.

На слѣдующій день онъ опять пришелъ и опять имъ пришлось сидѣть рядомъ. У Гомочки съ собою были книжки, взятыя изъ библіотеки, и она положила ихъ рядомъ съ собою на лавку. Сосѣдъ ея всѣ поглядывалъ на эти книжки и наконецъ протянулъ къ нимъ руку.

— Можно посмотрѣть? спросилъ онъ.

Гомочка кивнула головой. Рабочій взялъ ихъ, перелистовалъ и положилъ назадъ. Книжки были все медицинскія.

— Вы медичка?

— Да, отвѣчала Гомочка, съ изумленіемъ взглядывая на рабочаго.

— Глупая вещь эта медицина, т. е. эта ваша латинская кухня!

— Это почему?

— Да потому, что калѣчитъ и искажаетъ человѣческій организмъ. Природа самый лучшій врачъ! Дайте только человѣку хорошее помѣщеніе, свѣжій воздухъ надлежащую пищу и одежду—никакой медицины не нужно будетъ, потому что люди не будутъ хворать.

„Вотъ бы послушала Орнотова!“ подумала Гомочка.

— Большая часть болѣзней происходитъ отчего? — продолжалъ рабочій.—Отъ голода, отъ грязи, отъ истощенія или наоборотъ отъ пьян-

ства, обжорства и ничего-недѣланія. А люди вмѣсто того, чтобы устранить ненормальный порядокъ вещей, при которомъ одни черезчуръ много работаютъ и мало ѣдятъ, а другіе—ѣдятъ много и ничего не дѣлаютъ,—вмѣсто этого, я говорю, люди настроили какихъ-то больницъ, тратятъ пропасть денегъ на разную ненужную дрянь, называемую лекарствами, и еще болѣе на то, чтобы выучить нѣсколько тысячъ человѣкъ приготовлять эти ненужныя лекарства наилучшимъ образомъ и отравлять ими больныхъ.

Гомочка возражала, хотя въ душѣ со многимъ была согласна. Они заспорили и проговорили весь обѣдъ; изъ столовой вышли вмѣстѣ и на улицѣ все спорили. Разстались они уже совсѣмъ какъ знакомые, хотя Гомочка и не знала фамиліи рабочаго.

При встрѣчахъ Гомочка продолжала бесѣдовать съ новымъ знакомымъ. Онъ разсказалъ ей кое-что о себѣ; жизнь его сложилась крайне оригинально и была похожа на какую-то сказку. Грибановъ (такъ его звали) происходилъ изъ духовнаго званія, учился въ семинаріи и готовился быть попомъ. Въ это время своей жизни онъ былъ аскетомъ, постился, проводилъ дни и ночи на молитвахъ, въ религіозномъ экстазѣ, имѣлъ видѣнія и вдругъ, бросивъ семинарію, ушелъ въ монастырь. Но монастырская жизнь его перевернула; онъ пересталъ исправлять монастырскія обязанности, не ходилъ въ церковь и цѣлые дни проводилъ въ своей кельѣ, о чемъ-то глубоко раздумывая. Монахи думали, что онъ одержимъ бѣсомъ, потому что слышали иногда, какъ Грибановъ о чемъ-то самъ съ собою разговаривалъ, размахивая при этомъ руками и посылая кому-то проклятія. Какой душевный процессъ переживалъ онъ въ это время — никто никогда не узналъ, но результатомъ его было то, что Грибановъ оставилъ монастырь, къ великой радости обезпокоенной братіи, и сталъ держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости при гимназіи. Потомъ уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ технологическій институтъ.

Прошло пять лѣтъ, въ теченіи которыхъ Грибановъ посѣщалъ лекціи, читалъ и жилъ такъ, какъ живутъ всѣ студенты. Но монашеская жизнь наложила на него свой отпечатокъ: онъ не любилъ многолюдства, съ презрѣніемъ относился къ разнымъ житейскимъ благамъ и удобствамъ, говорилъ мало, а если и говорилъ, то всегда принималъ какой-то проповѣдническій тонъ, точно онъ не просто разговаривалъ, а училъ. Товарищи его не очень долюбливали, потому что онъ постоянно вооружался противъ пьянства, табаку, кутежей и пошленькаго буржуазнаго развратца, который позволяютъ себѣ даже самые хорошіе и честные молодые люди. Все это онъ называлъ собирательнымъ именемъ „подлости“ и никогда не уставалъ протестовать противъ нея.

Оставалось немного времени до выпускныхъ экзаменовъ, но Грибановъ и тутъ поступилъ по—грибановски,—взялъ вдругъ свои бумаги, вышелъ изъ Института и поступилъ простымъ рабочимъ на какой-то заводъ. Когда Гомочка съ нимъ встрѣтилась,—онъ былъ безъ мѣста; у него

вышли какія-то крупныя непріятности съ хозяиномъ, и онъ ушелъ съ завода. Въ это время онъ сильно бѣдствовалъ, скитался гдѣ день, гдѣ ночь, часто сидѣлъ безъ хлѣба...

Они быстро сошлись другъ съ другомъ, и Гомочка каждый день разсказывала Орнотовой что-нибудь новое о Грибановѣ. У нихъ затѣялись какія-то общія дѣла; то они собирались устроить библіотеку для рабочихъ, и Гомочка бѣгала по всему Петербургу, отыскивая каталоги, выпрашивая у знакомыхъ лишнія книги... Хлопотъ у Гомочки прибавилось, и она на время позабыла свою хандру и разочарованія.

III.

Выйдя съ курсовъ, Гомочка по дорогѣ домой—она жила на Таврической—зашла къ Шишкиной, чтобы удостовѣриться, все ли въ порядкѣ. Дѣйствительно, все было въ порядкѣ. Травкина, хотя и нахмуренная, кислая, кормила дѣтей манной кашкой, что совсѣмъ къ ней не шло; больная спала за ширмами,—ей было лучше послѣ визита доктора;— сконфуженный мужъ Шишкиной, съ виноватымъ видомъ (мужья всегда чувствуютъ себя нѣсколько виноватыми, когда жены ихъ больны)—топилъ печку и шикалъ на дѣтей, чтобы они не шумѣли. Гомочка осталась довольна, дружелюбно распрощалась со всѣми,—Травкина довольно угрюмо протянула ей руку,—и не забывъ купить внизу, въ булочной, обычную слойку и выборгскій крендель, пошла домой.

На ея звонокъ за дверью послышались шаги, и мужской голосъ спросилъ:

— Это вы, Ольга Павловна?

— Я, я!—откликнулась Гомочка весело.

Крюкъ загремѣлъ, и Гомочка очутилась въ полутемной передней, заставленной сундуками, корзинами и шкафами. Дверь на-право была полуотворена, и падавшій оттуда свѣтъ освѣщалъ высокую сутуловатую фигуру мужчины, отворившаго дверь Гомочкѣ.

— Давайте, я вамъ помогу раздѣться,—говорилъ онъ, снимая съ Гомочки пальто.—И пойдемте ко мнѣ въ комнату,—тамъ у меня и самоварчикъ готовъ. Небось, не пили еще чаю?

— Нѣтъ, не пила. А гдѣ-же Палагея Дмитріевна?

— Спать легла.

— Такую рань?

— Она завтра собирается къ Спасителю, а оттуда поѣдетъ за Левой въ училище. Вѣдь завтра воскресенье.

У Данилогорцевой былъ еще сынъ, Лева, мальчикъ лѣтъ 16, слѣпой отъ рожденія. Онъ учился въ Александровскомъ училищѣ слѣпыхъ.

Они вошли въ длинную узкую комнату съ однимъ окномъ, завѣшан-

нымъ ситцевою занавѣской. Эта комната была мастерской, кабинетомъ и спальней для Николая Львовича, и въ ней свирѣпствовалъ самый хаотическій безпорядокъ, потому что художникъ не позволялъ убирать ее. На полу, на стѣнахъ, на стульяхъ, на кровати лежали и висѣли цѣлыя груды полотенъ, картоновъ съ набросками углемъ и карандашемъ, гравюръ свернутыхъ трубками, и на всемъ этомъ хламѣ наслоилась пыль, которая поднималась столбомъ при малѣйшей попыткѣ тронуть что нибудь съ мѣста. Изъ-за этой пыли и грязи между художникомъ и его матерью происходили вѣчныя ссоры и недоразумѣнія: опрятная старушка все порывалась вычистить комнату; Николай Львовичъ протестовалъ. Только одна Гомочка иногда осмѣливалась со щеткой и тряпкой ворваться въ эту „Авгіеву конюшню“, какъ она говорила; ну тогда ужъ Николай Львовичъ молчалъ, морщился или уходилъ совсѣмъ изъ дому.

Въ эту минуту комната имѣла довольно уютный видъ. Передъ диваномъ на столѣ, покрытомъ скатерью—это все было сдѣлано только для Гомочки!—кипѣлъ самоваръ. Въ корзинкѣ была нарѣзана ломтями булка; въ масленкѣ, изображавшей какой-то необычайный фруктъ, желтѣло дешевое масло; на блюдечкѣ лежалъ лимонъ. Въ сторонѣ отъ стола, ближе къ окну, на мольбертѣ стояла неоконченная еще, небольшая картина, изображавшая какую-то совершенно нагую красавицу, раскинувшуюся подъ тѣнью деревьевъ. Это была копія съ французской гравюры, заказанная Данилогорцеву какимъ-то любителемъ обнаженнаго женскаго тѣла.

— Ну что, хорошо у меня сегодня? спросилъ Николай Львовичъ, самодовольно улыбаясь.

— Недурно. Только что-же это вы сегодня такъ раскутились?

— Это для васъ, вѣдь вы любите съ лимономъ. А почему я раскутился, говорите вы? Заказъ получилъ... огромнѣйшій заказъ!.. копію съ Верещагина: „Орфей и Эвридика“—знаете въ академіи художествъ?

— Нѣтъ, не знаю.—Гомочка подошла мъ столу и стала наливать чай.—Копія-то копія...—продолжала она. А вотъ скажите мнѣ, Николай Львовичъ, когда вы копіи-то перестанете писать, а?

Данилогорцевъ ничего не отвѣчалъ, только вздохнулъ и съ стаканомъ чая въ рукахъ отошелъ къ своей картинѣ.

Николай Львовичъ былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 25—27, но на видъ казался еще моложе, потому-что у него былъ необыкновенно нѣжный цвѣтъ лица, и борода едва пробивалась на кругломъ, дѣтскихъ очертаній, подбородкѣ. Густые бѣлокурые волосы были плохо причесаны и торчали безпорядочными вихрами надъ большимъ выпуклымъ лбомъ. Темные глаза глубоко сидѣли въ своихъ впадинахъ, и серьезный, задумчивый взглядъ ихъ былъ страненъ... точно Николай Львовичъ ничего не видѣлъ передъ собою, а глядѣлъ въ какой-то особый, только одному ему видимый міръ. Вѣроятно, этотъ міръ наполненъ былъ чудными, странными образами, то свѣтлыми и прекрасными, потому что глаза художника вдругъ загорались яркимъ блескомъ; то безобразными и мрач-

ными, потому что взглядъ его померкалъ, и по лицу скользили сумрачныя, скорбныя тѣни. Да и въ самомъ дѣлѣ Николай Львовичъ постоянно находился за тридевять земель отъ того, что происходило вокругъ.. Онъ не узнавалъ на улицѣ знакомыхъ и часто не отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы; только когда его окликали и повторяли вопросы черезчуръ уже настойчиво—онъ открывалъ глаза и удивленно произносилъ: „А?“ и потомъ: „а-а!“ Это были его излюбленныя и чаще всего употребляемыя имъ междометія, такъ что бывшіе товарищи его по академіи и нѣкоторые знакомые даже прозвали его „господинъ А“.

— И въ кого эдакій чудакъ уродился?—сѣтовала Пелагея Дмитріевна, когда рѣчь заходила о художникѣ.—Покойникъ мужъ былъ разговорчивый, развязный, а этотъ—Богъ его знаетъ, въ кого онъ? Все молчитъ, все молчитъ, все „а“, да „а“—толку отъ него не добьешся иной разъ. Ужъ я думаю, ужъ не болѣзнь-ли это у него какая?

Тутъ старушка совсѣмъ омрачилась, вспомнивъ, что и младшій сынокъ тоже родился художникомъ... Но Гомочка пускала въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы утѣшить ее, и увѣряла, что всѣ талантливые люди—поэты, художники, музыканты,—такіе странные, потому что и думаютъ, и чувствуютъ совсѣмъ иначе, чѣмъ простые люди. Пелагея Дмитріевна вздыхала, говорила: „такъ-то оно, такъ!“ — Но въ душѣ была такого мнѣнія, что лучше бы Николай Львовичъ былъ и не художникъ, и не талантливый, а служилъ бы, какъ ея покойникъ, въ капитулѣ орденовъ, получалъ бы жалованье и жилъ бы какъ всѣ...

Выпивъ молча стаканъ чаю, Николай Львовичъ поставилъ его на столъ, а самъ усѣлся у своей картины, взялъ карандашъ и принялся накладывать тѣни, совершенно безстрастно и невозмутимо относясь къ соблазнительнымъ линіямъ выпуклостей прекраснаго женскаго тѣла.

Гомочка подошла къ художнику, облокотилась на спинку его стула и смотрѣла какъ онъ работалъ.

— Фу, какая гадость! проговорила она наконецъ.

— А?

— Я говорю, когда вы эту гадость бросите рисовать!

Николай Львовичъ усмѣхнулся, прищурился и продолжалъ накладывать штрихи.

— Я знаю, продолжала Гомочка.—Я знаю, вы сейчасъ свою пѣсню запоете: надо-же чѣмъ-нибудь жить? Вѣдь вы убиваете себя, Николай Львовичъ, когда это пишете!

— Убиваю.

— Такъ зачѣмъ-же это? Ахъ, какъ-бы я хотѣла, чтобы вы написали настоящую картину,—такую картину, чтобы всѣ, глядя на нее, плакали, смѣялись отъ восторга. Вѣдь вы-же можете это,—вѣдь можете?

— Не знаю...

— Не знаю?--воскликнула Гомочка и, живо вскочивъ съ мѣста, порылась въ темномъ углу, гдѣ были свалены въ кучу этюды, эскизы, подмалевки, подняла при этомъ цѣлую тучу пыли и, вытащивъ оттуда какой-то обрывокъ полотна, поднесла его къ самому носу художника.

— А это что? Это что?—спрашивала она грозно.

Художникъ посмотрѣлъ... Съ запыленнаго холста, изъ хаоса темныхъ, небрежно наложенныхъ красокъ, на него взглянуло что-то такое неземное, прекрасное какъ мечта... или сонъ, давно забытый... можетъ быть, одинъ изъ тѣхъ странныхъ и прелестныхъ образовъ, видимыхъ только одному Николаю Львовичу и заставлявшихъ сумрачный взглядъ его, въ самыя тяжелыя минуты жизни, оживляться свѣтлымъ и радостнымъ блескомъ неугаснувшей еще молодости и надежды на лучшее будущее...

Николая Львовича точно кто ударилъ.

— Ахъ зачѣмъ вы это... зачѣмъ? — проговорилъ онъ, болѣзненно морщась, какъ отъ нестерпимой боли. — Оставьте это... бросьте... не мучьте меня. Вѣдь вы меня мучите!

— Ага, то-то!—съ торжествомъ сказала Гомочка, свертывая холстъ въ трубку.—Зачѣмъ-же вы говорите: „не знаю"! Вѣдь это-же вы писали? Вы, да?—продолжала она его мучить.—Нечего морщиться,—я знаю, что вамъ сейчасъ и больно, и непріятно, и плакать хочется. Ну, что-жъ, и плачьте, и мучайтесь—это хорошо, это полезно для васъ!

— Вамъ хорошо говорить, Ольга Павловна! Но вѣдь жить-то, жить-то надо? Лева... мама... что они будутъ дѣлать, когда я перестану писать эти проклятыя копіи? Вы знаете, Ольга Павловна, мою жизнь... Вы знаете, почему я вышелъ изъ академіи... да, все вы знаете,—чтоже вы говорите о томъ, что я раскисъ и опустился?

— А развѣ это неправда? Вотъ еще годъ-другой такой жизни — и знаете, что изъ васъ будетъ? Гоголевскій художникъ, помните? Вы измельчаете; воображеніе угаснетъ, рука привыкнетъ къ однѣмъ и тѣмъже линіямъ... Сколько ни сидѣть вотъ надъ такой мерзостью, какъ эта...

Гомочка сердито подбѣжала къ мольберту, схватила тушъ и начала безцеремонно тыкать въ лицо голой красавицы, которая все такъ-же соблазнительно и нагло улыбалась имъ съ картины.

— Ольга Павловна!—жалобно проговорилъ Данилогорцевъ.—Что-же это вы надѣлали... вы мнѣ всю работу испортили!

— И отлично, и очень рада! — воскликнула разгорячившаяся Гомочка. — Вотъ подождите, когда-нибудь еще возьму, разозлюсь и всѣ ваши скверныя картинки изрѣжу. Вотъ вамъ и сказъ!

Николай Львовичъ помолчалъ, очевидно не находясь, что сказать, и огорченно смотрѣлъ на испорченную картину.

— Ну, хорошо,—произнесъ онъ наконецъ.—Ну вы изорвете ихъ,— а мама что́? Голодная будетъ сидѣть?

— Ну немножко и поголодаетъ—не бѣда! Эка важность! Да вѣдь

за то вы будете великимъ художникомъ, — вы, тряпка вы этакая, безхарактерный вы человѣкъ! Ну что вы на меня смотрите?

Николай Львовичъ терпѣливо переносилъ всю эту бурю, такъ грозно разразившуюся надъ его головой. Когда буря наконецъ утихла, онъ сталъ осторожно снимать съ картины пятна, намазанныя Гомочкой.

— Ну, что-же вы молчите? Сказать что-ли нечего?—спросила Гомочка.

— Да что-же я скажу?—кротко отвѣчалъ художникъ.—Вонъ вы мнѣ всю картину испортили, теперь цѣлую ночь придется надъ нею просидѣть, а я думалъ ее кончить сегодня.

Гомочка взглянула на картину и сразу притихла. Лицо ея приняло сконфуженное выраженіе.

— Простите, голубчикъ! проговорила она тихо.—Я вовсе не хотѣла, чтобы вы цѣлую ночь сидѣли. Простите!

Она тихонько провела рукой по вихрамъ Николая Львовича. Легкая краска выступила у него на щекахъ и взглядъ прояснился.

— Ничего, посижу,—добродушно сказалъ онъ.

— А много вправду я вамъ напортила?

— Нѣтъ, не очень... Вотъ уже одного пятнушка и нѣтъ!

— А все оттого, что я васъ люблю и мнѣ жаль, что вы такъ, задаромъ, пропадаете. Вѣдь у васъ таланту въ тысячу разъ больше, чѣмъ у какого-нибудь тамъ мазилки, который свои картины на выставку посылаетъ! Видала я эти картины! Нарисуетъ какихъ нибудь уродовъ съ челками на лбу, точно у лошадей, въ кружевахъ, въ лентахъ, въ бантахъ и подпишетъ: „барышня въ качалкѣ", или „барышня на качеляхъ". А публика смотри и восхищайся!

— Ну вотъ вы опять браниться!

— Да вѣдь зло беретъ, Николай Львовичъ! Досадно, когда видишь, что у бездарности и время есть, и смѣлость, а настоящій талантъ сидитъ за печкой какъ сверчокъ и на продажу вывѣски малюетъ... Нѣтъ, знаете что, Николай Львовичъ?—воскликнула Гомочка, останавливаясь передъ художникомъ такъ, что вся ея воздушная фигурка была въ свѣту.—Я желала-бы, чтобы надъ вами горе какое-нибудь разразилось... умеръ-бы кто-нибудь близкій у васъ... (Художникъ поблѣднѣлъ). Или влюбились-бы вы что-ли до безумства въ кого-нибудь...

Николай Львовичъ повернулся и взглянулъ на Гомочку. Его глаза засвѣтились... что-то бродило въ его душѣ...

— Ну и что-же было-бы?—спросилъ онъ, снова принимаясь за прерванную на минуту работу.

— Вы бы тогда вдохновились. Есть такія натуры, которымъ непремѣнно нужны сильныя нравственныя встряски, чтобы онѣ очнулись. У васъ именно такая натура. А между тѣмъ что вы видѣли? Что испытали? Сидѣли вы всю жизнь у маменьки подъ крылышкомъ, были сначала смирненькимъ мальчикомъ и голубковъ рисовали, потомъ выросли, а все та-

кимъ-же остались, только вмѣсто голубковъ стали разныхъ нимфъ рисовать. Пристигла васъ нужда—что вы сдѣлали? Развѣ боролись? Есть у васъ заказъ—вы сыты; нѣтъ—сидите и вздыхаете. Вѣдь вѣрно я говорю?

— Вѣрно...—съ печальной улыбкой произнесъ художникъ.

— Вѣдь вы навѣрное даже и не влюблялись никогда?

— Никогда.

— Ну вотъ видите! Вонъ Грибановъ,—совсѣмъ другой человѣкъ...

Николай Львовичъ нахмурился.

— Ну ужь этотъ разстрига вашъ...

— Какой-же онъ разстрига?—смѣясь возразила Гомочка.—Никогда онъ разстригой не былъ.

— Все-равно,—терпѣть я его не могу.

— За что-же это? Великолѣпный человѣкъ! Вотъ человѣкъ, такъ человѣкъ, — настоящій мужъ, а не тряпочка. Какой характеръ, какая сила воли! Вотъ ужь не раскиснетъ, не будетъ сидѣть подъ окошечкомъ, да вздыхать. Не его сломятъ обстоятельства—она самъ все сломитъ!

— Юродивый!

— Да, по вашему, можетъ быть, юродивый, потому-что вы никогда-бы не рѣшились сдѣлать то, что онъ дѣлалъ. Для него никогда не существовало препятствій, когда онъ желалъ достигнуть своихъ цѣлей. Вотъ васъ пришибло—вы и сидите себѣ. Горѣть не горите, а тлѣете, и никому отъ васъ ни тепло, ни холодно. А будь онъ на вашемъ мѣстѣ,—онъ-бы въ подвалъ куда-нибудь засѣлъ, голодалъ-бы, холодалъ, а ужъ сдѣлалъ-бы свое, на весь міръ-бы загремѣлъ!

— А мать, сестры, братья—умирай?—съ раздраженіемъ спросилъ Данилогорцевъ.

— Ну ужъ сейчасъ жалкія слова пойдутъ!

— Не жалкія слова, а не хочу я, чтобы для блага общаго хоть одна человѣческая жизнь погибла. Чортъ съ нимъ, съ общимъ благомъ, если для него надо хоть одного человѣка загубить, да еще какого, — который въ жизнь свою никому зла не сдѣлалъ!

— Ну, вы поѣхали, Николай Львовичъ! Никого Грибановъ не губилъ и не хочетъ губить. Напротивъ, этотъ человѣкъ весь живетъ для другихъ. Онъ о себѣ вотъ нисколечко не думаетъ, и ничего ему для себя не надо. Да что, — лучше объ этомъ не говорить, а то опять поссоримся! Кстати и спать пора,—смотрите-ка, два часа!

Она указала ему на часы, висѣвшіе надъ диваномъ, и тихонько вышла. А въ комнатѣ художника еще долго горѣлъ огонь... но къ удивленію, Николай Львовичъ не работалъ, а сидѣлъ, упершись локтями въ колѣни, и неподвижно глядѣлъ на красавицу, раскинувшуюся подъ деревьями. Но врядъ-ли онъ ее видѣлъ...

В. Дмитріева.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Отвѣтъ «Русскому Обозрѣнію» и «Московскимъ Вѣдомостямъ». — Почему «Сѣверный Вѣстникъ» «примыкаетъ къ либеральному лагерю» и почему нѣкоторые «либеральные органы ведутъ противъ него полемику».—«Новороссійскій Телеграфъ» о современныхъ журналистахъ.—Г-жа Желиховская о Казимірѣ великомъ.—«Прибалтійскій Листокъ» и «Московскія Вѣдомости» объ эстонскихъ празднествахъ въ Юрьевѣ.— Человѣкъ ищетъ гдѣ лучше.

То, что я возразилъ въ предшествующемъ своемъ обзорѣ на отзывъ г. Николаева въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о либерализмѣ, вызвало отвѣтную статью того-же автора въ той-же газетѣ подъ названіемъ «Сѣверный Вѣстникъ о либерализмѣ» и статью г. Тихомирова въ «Русскомъ Обозрѣніи» съ заглавіемъ «Что такое либерализмъ?» Г. Николаевъ, подписавъ свой отвѣтъ мнѣ, прибавляетъ въ постскриптумѣ, что, уѣзжая изъ Москвы, онъ прекращаетъ свои литературныя замѣтки до 15 августа. И такъ, его возраженіе является какъ-бы пароянскою стрѣлой, пущенною полемистомъ, который тотчасъ ускакалъ. Тѣмъ не менѣе, не стану откладывать своего объясненія, такъ какъ когда оно напечатается, то и 15 августа уже не будетъ за горами, а сверхъ того, самъ мой оппонентъ сказалъ: «повидимому, журналъ (т. е. «Сѣв. Вѣстн.») желаетъ вести правильную полемику; попробуемъ».

Что касается г. Тихомирова, то онъ прямо обращается къ намъ съ слѣдующимъ предложеніемъ: «во всякомъ случаѣ «Сѣверному Вѣстнику», выступившему представителемъ нѣкоторой новой фазы либерализма, совершенно необходимо объяснить (и не мимоходомъ въ «областномъ отдѣлѣ»): съ чѣмъ именно онъ является передъ публикой, почему именно онъ примыкаетъ къ либеральному лагерю и чѣмъ отличается отъ другихъ, признанно-либеральныхъ органовъ, которые однако ведутъ противъ него полемику?» Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же публи-

цистъ говоритъ, что если мы имѣемъ «стремленіе реформировать либерализмъ», то должны развить то, что по нашему мнѣнію «представляетъ истинный смыслъ либеральнаго принципа». Еще въ третьемъ мѣстѣ онъ настаиваетъ, что «Сѣверному Вѣстнику» должно теперь стать яснѣе, «какъ необходимо *опредѣлить* (курсивъ оригинала) либерализмъ». Тотъ-же критикъ «Русскаго Обозрѣнія» объявляетъ: «вотъ, еслибы спорящіе сдѣлали точное опредѣленіе, что такое именно либерализмъ: ученіе-ли это, принципъ-ли, психологическое-ли состояніе, тогда мы-бы яснѣе разобрались въ чемъ дѣло и кто правъ; въ этомъ отношеніи нельзя не пожелать продолженія полемики».

Хорошо. Но полемика можетъ бросить свѣтъ на обсуждаемый вопросъ не съ тѣмъ только, чтобы она велась «правильно» и безъ «личныхъ счетовъ», какъ говоритъ г. Николаевъ, но еще подъ условіемъ, чтобы она велась искренно, чтобы спорящіе не притворялись будто они не понимаютъ того, чего не понимать невозможно человѣку, находящемуся при здравомъ умѣ и въ твердой памяти. Это—условіе съ моей стороны. Обращаясь къ г. Тихомирову въ этомъ смыслѣ, приглашаю его прежде всего принять во вниманіе, что опредѣленіе истиннаго либерализма, столь настоятельно имъ требуемое, пользуется меньшими удобствами, чѣмъ выставленіе либерализма «болѣзнью» (едва-ли не единственное положеніе, въ которомъ сошлись мои консервативные оппоненты). Сдѣлавъ эту оговорку, постараюсь выражаться настолько опредѣленно, насколько это возможно—не по мнимой неясности основного начала либерализма, но хотя-бы—въ виду беззастѣнчивыхъ пріемовъ заподозрѣванія, практикуемыхъ сотоварищами гг. Николаева и Тихомирова въ «Моск. Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Обозрѣніи». Хотя одинъ изъ моихъ оппонентовъ желаетъ, чтобы такое «опредѣленіе» было дано не «мимоходомъ въ областномъ отдѣлѣ», я постараюсь насколько это удобно дать его пока въ томъ-же отдѣлѣ «Провинціальной печати». Во-первыхъ, не все-ли равно, въ какомъ отдѣлѣ будетъ объясненіе, во-вторыхъ, оппонентъ возражаетъ въ данномъ случаѣ на мою статью, и не могу-же я просить, чтобы за меня писали мои товарищи, въ-третьихъ, наконецъ, полемика вполнѣ входитъ въ мой отдѣлъ и хотя я челомъ бью Москвѣ, никакъ не смѣшивая ея съ провинціальными Кіевомъ и Одессой, но полагаю, что «чины» мы можемъ отложить въ сторону и что въ отдѣлѣ, гдѣ бывала рѣчь о мнѣніяхъ столичныхъ журналистовъ: гг. Скабичевскаго, Оболенскаго, Иловайскаго, позволительно уяснить также и нѣкоторыя прорухи гг. Николаева и Тихомирова. Одно обѣщаю: что это не будетъ «мимоходомъ».

«Сѣверный Вѣстникъ» «примыкаетъ къ либеральному лагерю» потому, что у насъ осталось еще много работы въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ были предприняты освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права, установленіе независимости суда, мѣстнаго общественнаго самоуправленія и допущеніе извѣстнаго простора для печати. «Реформировать» либера-

лизмъ онъ не хочетъ, но не отказывается отъ указаній на нѣкоторыя ошибки и не согласенъ именно съ окаменѣніемъ либеральныхъ формулъ, которыя, какъ справедливо замѣтилъ г. Николаевъ, отчасти обратили нашъ либерализмъ въ нѣчто консервативное, то-есть въ какой-то талмудъ изрѣченій уважаемыхъ раввиновъ, вмѣсто того, чтобы признать за самымъ началомъ развитія тотъ просторъ, который необходимъ для охватыванія мѣняющихся условій жизни, исправленія прежнихъ ошибокъ, постепенной постановки новыхъ задачъ.

На эти ошибки я сейчасъ укажу, но сперва точнѣе опредѣлю отправную точку нашего спора, какъ съ гг. Николаевымъ и Тихоміровымъ, такъ и съ нѣкоторыми писателями того лагеря, въ которомъ мы сами состоимъ, писателей съ которыми насъ связываютъ желанія практическія, но съ которыми мы расходимся въ вопросахъ философскихъ, во взглядѣ на назначеніе литературной критики, наконецъ, въ вопросѣ такъ сказать о «дисциплинѣ» лагеря, понимаемой ими въ смыслѣ слишкомъ безусловномъ, доводящимъ солидарность въ дѣйствіи до мертвящаго шаблона въ мышленіи. По отзыву г. Тихомірова, я хотѣлъ «объяснить, что люди этого (т. е. нашего) направленія представляютъ нѣчто иное сравнительно съ либерализмомъ, каковъ онъ у насъ сложился въ прошломъ», что «отказываясь отъ историческаго credo» но не отказываясь отъ *принципа* либерализма, я являюсь «нѣкоторымъ новаторомъ». Напрасно мой оппонентъ употребилъ здѣсь выраженіе «историческаго», которое затемняетъ смыслъ опредѣленія. Я говорилъ только о «либеральномъ credo какъ оно сложилось у насъ, а отчасти и не у насъ однихъ». Такъ какъ моей задачей тогда было только указать, что либерализмъ вовсе не связанъ принципіально съ матеріализмомъ, то понятно, что credo, которое разумѣлось мною, относилось къ 60-мъ годамъ и съ той поры вотъ уже въ теченіе 30-ти лѣтъ признается за символъ либерализма.

Впрочемъ, повидимому г. Тихомировъ такъ и понялъ мою мысль, только напрасно назвалъ этотъ, скованный упомянутымъ *credo* либерализмъ—историческимъ. У насъ и раньше писателей, сложившихъ это *credo*, и одновременно съ ними бывали, и не только писали, но и дѣйствовали несомнѣнные либералы, вовсе не исповѣдывавшіе того *credo*; стало быть либерализмъ нашъ можетъ оставаться историческимъ и въ томъ случаѣ, если будетъ далѣе дѣйствовать независимо отъ означенной формулы и даже откажется отъ нея. Надѣюсь, г. Тихомировъ признаетъ, что упомянутое *credo* нисколько не выражало собой міровоззрѣнія Новикова, сотрудниковъ лучшихъ начинаній императора Александра I, Чаадаева, Грановскаго, Станкевича, Бѣлинскаго (бо́льшую часть его дѣятельности), Пирогова, дѣятелей редакціонныхъ коммиссій, составителей судебныхъ уставовъ, Кавелина и—чтобы назвать одного изъ живыхъ—В. С. Соловьева. И такъ, и отвергая то *credo*, въ которомъ матерьялизмъ, совершенно незаконно, въ смыслѣ программы, за-

нималъ первое мѣсто, можно не разрывать своей связи даже и съ историческимъ либерализмомъ. Старый либерализмъ нашъ не формулировалъ философскаго *credo* въ видѣ неизмѣнной основы для практическаго дѣйствія; между дѣятелями того либерализма были и идеалисты, и гегеліянцы, и вѣрующіе христіане, но всѣ они сходились въ томъ, что Россіи необходимы были освобожденіе крестьянъ, преобразованія, вообще условія нѣкотораго простора для общественнаго развитія, и именно въ этомъ полагали задачу либерализма.

Г. Тихомировъ отвергаетъ мое замѣчаніе, что либерализмъ и консерватизмъ—понятія чисто политическія и ничего общаго съ вѣрой или невѣріемъ по существу не имѣющія; прибавивъ, что «относительно вѣры или невѣрія», онъ «умолчитъ», онъ утверждаетъ, что «либерализмъ и консерватизмъ, ни при какомъ анализѣ, не могутъ оказаться понятіями чисто-политическими»; что «либерализмъ не былъ понятіемъ чисто-политическимъ ни какъ явленіе историческое, ни какъ принципъ»; что «есть либерализмъ и консерватизмъ не только въ области отношеній соціальныхъ, экономическихъ, но даже въ наукѣ, въ искусствѣ, въ самой религіи и вообще повсюду, гдѣ проявляются какія-бы то ни было стороны человѣческой жизни... Г. Прозоровъ плохо смотритъ, если не видитъ, что проявленія либерализма въ наукѣ, религіи или политикѣ *принципіально* совершенно однородны»... О себѣ мой оппонентъ отзывается такъ, что онъ — не либералъ и не консерваторъ. Но въ томъ нѣсколько наивномъ, хотя и устарѣломъ, а вмѣстѣ и тенденціозномъ смѣшеніи разныхъ понятій, какое у него здѣсь проявляется, виденъ скорѣе всего именно мыслитель, воспитавшійся на либеральномъ credo 60-хъ годовъ, по которому казалось невозможнымъ предлагать хотя-бы уничтоженіе взяточничества, не утвердивъ этого требованія на Бюхнерѣ и не покоривъ ему прежде все общество.

«Наивнымъ и устарѣлымъ» позволяю себѣ назвать разсужденіе г. Тихомирова отчасти именно по сходству его съ нѣкоторыми чертами много разъ упомянутаго *credo*, отчасти-же и потому, что публицистъ «Русск. Обозрѣнія» усиленно ломится въ дверь, которая давно настежь растворена, и считаетъ нужнымъ напоминать намъ, что впереди всякаго практическаго движенія шли идеи. Сверхъ того, не могу не замѣтить, что г. Тихомировъ повидимому смѣшиваетъ новыя религіозныя и философскія ученія съ принципами движеній политическихъ, успѣхи наукъ и искусствъ и всякія улучшенія—съ положительнымъ прогрессомъ въ условіяхъ общественнаго быта, вообще *прогрессъ* умственный—съ либерализмомъ или консерватизмомъ, свойства либерализма—съ его программой въ каждое данное время, то-есть съ практическою его задачей. Кто-же будетъ спорить, что всѣ умственныя и политическія движенія находятся въ связи, что успѣхи быта зависѣли не только отъ тѣхъ или другихъ событій политическихъ, но и отъ религіозныхъ и философскихъ движеній и отъ успѣховъ науки. На этомъ напрасно

настаивать, потому что это—очевидно и этому излишне поучать, такъ какъ такія вещи всѣмъ извѣстны.

Но тѣмъ не менѣе, и хотя всѣ силы и явленія, весь ходъ жизни находятся въ причинной связи, о чемъ, казалось-бы, не стоитъ говорить, необходимо однако признаться, что каждый принципъ, то-есть законъ или направленіе, каждая сила, и каждое изъ такихъ выраженій, какъ прогрессъ или улучшенія, либерализмъ и консерватизмъ, конечная цѣль или программа въ данный моментъ, представляютъ-же собой отдѣльныя понятія, имѣющія свои особыя свойства, свою физіономію. Необходимо условиться, въ какомъ именно смыслѣ мы говоримъ о либерализмѣ и консерватизмѣ. Ибо если совершенно смѣшивать успѣхи наукъ и усовершенствованія—съ прогрессомъ, тогда и доведеніе оружія до современной страшной его силы можно-бы называть «прогрессомъ» и даже видѣть въ этомъ явленіи либерализмъ, на такомъ основаніи, что старый порохъ, дымный, смѣненъ порохомъ новымъ, бездымнымъ, что рутинные пріемы прежней тактики уступили мѣсто пріемамъ, вызваннымъ успѣхами наукъ и болѣе раціональными въ смыслѣ истребительности. Если-бы мы стали говорить о либерализмѣ «не только въ области отношеній соціальныхъ, экономическихъ, но даже въ наукѣ, искусствѣ, въ самой религіи и повсюду, гдѣ проявляются какія-бы то ни было стороны человѣческой жизни»,—то это привело-бы насъ скорѣе къ философіи Кифы Мокіевича, чѣмъ къ какимъ-либо практическимъ результатамъ. Въ самомъ дѣлѣ, философствуя такимъ образомъ, «либерализмъ» пришлось-бы выводить чуть-ли не отъ фиговаго листа, какъ перваго успѣха въ условіяхъ общежитія.

Конечно, можно называть «либералимомъ» въ искусствѣ — исканіе для искусства новыхъ путей, «либерализмомъ въ религіи»—всякое отступленіе религіозной мысли отъ точныхъ опредѣленій церкви. Но какая польза отъ подобнаго распространительнаго употребленія терминовъ и стоитъ-ли спорить о терминологіи? Это у насъ остатокъ византійскаго пристрастія къ буквоѣдству въ опредѣленіяхъ. Никто въ Европѣ не занимается разсмотрѣніемъ такихъ вопросовъ, какъ этотъ: можно-ли всякій видъ отрицанія авторитета, всякое стремленіе къ большему простору и проложенію новыхъ путей, въ какой бы то ни было отрасли дѣятельности, называть либерализмомъ. Вездѣ либерализмъ и консерватизмъ, либеральныя или консервативныя программы и партіи разумѣются въ смыслѣ юридическомъ и преимущественно политическомъ.

Но понятіе о правѣ и чувство права еще слабо развиты въ русскомъ обществѣ, что и составляетъ едва-ли не главную отличительную черту его воззрѣній и привычекъ отъ тѣхъ, какія установились на Западѣ. Такъ, у насъ иные въ началѣ свободы совѣсти видятъ нѣкоторый просторъ толкованія подробностей, принадлежащій людямъ истинно-праведнымъ. Это мнѣ прямо возражали въ одной полемикѣ; между тѣмъ, какъ свобода совѣсти имѣетъ совершенно опредѣленное, чисто

юридическое значеніе, а именно—отсутствіе законодательныхъ предписаній и свѣтскихъ мѣръ въ дѣлѣ религіознаго убѣжденія. Ничего меньше, но и ничего больше. Такъ, у насъ одна сторона требуетъ, чтобы земскіе начальники не стѣснялись закономъ, а другая, чтобы его игнорировали присяжные засѣдатели. Что юридическое начало свободы совѣсти, какъ и вся программа современнаго либерализма, что называется, не свалились съ неба, но явились однимъ изъ результатовъ общаго умственнаго движенія—это само-собою разумѣется. Что стремленіе къ реформѣ политической даже неминуемо должно было на Западѣ начаться съ борьбы противъ католической церкви, которая являлась могущественною защитницею авторитета власти и сословныхъ привилегій—это было сказано мною самимъ въ предшествующей бесѣдѣ.

Касаясь сферы философской, мы должны признать, что, либерализму, какъ принципу и движенію освободительному, но допускающему пользу всѣми признаваемыхъ законовъ, возможность общественныхъ соглашеній въ защиту слабыхъ, для обезпеченія личности и для блага большинства — гораздо болѣе соотвѣтствуетъ такое философское направленіе, которое природнаго факта «борьбы за существованіе» не возводитъ въ нравственный законъ, не отрицаетъ всего, чего не знаетъ, не забиваетъ неопредѣленной или, какъ говорится, вѣчной будущности для существъ разумныхъ досками философскаго всезнайства, видитъ въ самопожертвованіи—благородный подвигъ во имя идеи, а не какой-то карамболь отъ эгоизма къ альтруизму, какъ это тщетно силятся объяснить позитивисты. Намѣченный здѣсь взглядъ читатели уже встрѣчали въ разныхъ отдѣлахъ «Сѣвернаго Вѣстника».

Но возвратимся въ сферу юридическую или политическую, куда, въ точномъ и собственномъ смыслѣ этихъ выраженій, принадлежатъ понятія о либерализмѣ и консерватизмѣ. Въ *этой* области, либерализмъ есть сила, двигающая впередъ, консерватизмъ есть сопротивленіе: вотъ сущность обоихъ началъ, сущность неизмѣнная. Но затѣмъ, не только задача для каждаго изъ нихъ измѣняется съ теченіемъ времени, но и все дѣйствіе ихъ, все ихъ значеніе, въ разные періоды жизни человѣчества и каждой страны, по необходимости, мѣняются. Каждая положительная программа ихъ обоихъ является лишь временной эволюціею, ибо не существуетъ и не можетъ существовать вѣчной и безусловной программы, ни консервативной, ни либеральной. Возьмемъ современныхъ англійскихъ консерваторовъ. Они — консерваторы несомнѣнные, такъ какъ противились расширенію избирательнаго права, преобразованію избирательства въ мѣстномъ управленіи на широкомъ началѣ household suffrage, принятомъ для избирательства политическаго, противились предоставленію законодательной автономіи Ирландіи и отмѣнѣ «господства» англиканской церкви (Establishment). Они—консерваторы, несомнѣнные представители начала задерживающаго, сопротивленія противъ силы толкающей впередъ. Но если англійскихъ консерваторовъ, по содер-

жанію ихъ внѣшней программы и по духу дѣйствія, сравнить, напр. съ консерваторами «Моск. Вѣдомостей» и «Гражданина», то окажется различіе бо̀льшее, чѣмъ между нашими консерваторами и напр., бухарскими. Свобода печати, свобода совѣсти, свобода собраній, неприкосновенность личности, ненарушимость закона для англійскихъ консерваторовъ представляются внѣ всякаго вопроса. Воздыханіе о крѣпостничествѣ, толки, что земскій начальникъ не долженъ стѣсняться законами, имъ показались-бы просто понятіями дикими и совершенно не серьозными вещами, о которыхъ не сто̀итъ говорить.

До-историческая анархія, полный произволъ сильныхъ надъ слабыми, отсутствіе связи общественной поочереди смѣнялись властью сперва родоначальниковъ, затѣмъ властью предводителя цѣлой орды кочевого народа, наконецъ государствомъ, которое постепенно усиливало свои аттрибуціи, въ смыслѣ полновластія для установленія и поддержанія порядка. Но въ этомъ направленіи зашли слишкомъ далеко. Допустимъ, что и въ бывшемъ королевствѣ дагомейскомъ, гдѣ приносилось по нѣсколько сотъ человѣческихъ жертвъ при нѣкоторыхъ «національныхъ» торжествахъ, жизнь могла быть все-таки лучше, чѣмъ при безусловномъ господствѣ личной силы каждаго человѣка въ отдѣльности, при непрестанной и ежедневной борьбѣ оружіемъ каждаго человѣка съ каждымъ другимъ, такъ какъ при этомъ положеніи сотни человѣческихъ жертвъ могли требоваться ежедневно, а не только въ особо-торжественные дни. Но всетаки, полагаю, что мои консервативные, хотя и чурающіеся консерватизма критики захотятъ признать, что принципъ авторитета заходилъ въ дагомейскомъ государствѣ ужь слишкомъ далеко и что тамъ освобожденіе отъ такого нестерпимаго преувеличенія, то-есть нѣкоторый либерализмъ, хотя бы умѣренный, представлялся необходимымъ.

Не знаю, что они скажутъ о томъ государствѣ, которое вышло изъ среднихъ вѣковъ, на Западѣ — съ феодальнымъ правомъ и пенею въ нѣсколько серебряныхъ монетъ за убійство дворяниномъ сельчанина (vilain), съ инквизиціей, затѣмъ Бастиліею и т. п., а въ Россіи характеризовалось частью уничтоженіемъ, частью выселеніемъ цѣлыхъ городовъ, казнями такого числа людей, что даже и списковъ имъ не было составлено—«ихъ же имена ты, Господи, вѣси», опричиной, жалованіемъ тысячъ свободныхъ людей въ крѣпостные любимцамъ, правежомъ податей, «словомъ и дѣломъ». Не знаю, захотѣли-ли бы современные наши консерваторы охранятъ и все то, что было въ ту пору? Не знаю этого именно по той причинѣ, что консерватизмъ лишенъ всякихъ, хоть сколько-нибудь опредѣленныхъ основъ. Онъ просто задерживаетъ насколько можетъ, охраняетъ въ Тибетѣ престижъ Далай-Ламы, а въ конституціонной монархіи привилегію богатыхъ въ раскладкѣ податей. Внутри его самого ровно ничего нѣтъ, это просто — механическій тормазъ, могущій служить самымъ различнымъ строямъ. Это только часо-

вой, который охраняетъ неприкосновенность данныхъ условій, каковы бы они ни были.

Я сказалъ, что каждая данная программа представляется временною, а даже все извѣстное историческое дѣйствіе того и другого начала— лишь эволюціею. Стало быть, не только я не утверждаю, что есть безусловная программа либерализма, но прямо пишу съ цѣлью отрицать всякій застой и плѣсень въ либерализмѣ.

Однако, если мы остановимся на исторіи послѣднихъ трехъ, четырехъ вѣковъ, то должны будемъ признать, что въ движеніи либеральномъ можно всетаки указать хоть какіе-нибудь опредѣленныя юридическія основы, которыхъ въ консерватизмѣ безусловно нѣтъ, такъ какъ всѣ основы, на какія онъ ссылался, были взяты внѣ области юридической. Либерализмъ есть стремленіе къ юридическому огражденію неприкосновенности и свободы личности и къ осуществленію общественнаго самоуправленія. А пусть мои оппоненты въ консервативныхъ органахъ опредѣлятъ столь-же осязательно основу ихъ ученія. Защищаютъ ли они идею, что въ Китаѣ манджурскій ханъ есть сынъ солнца и двоюродный братъ мѣсяца, или что государственная инквизиція, какъ сильная государственная власть, а крѣпостная неволя, какъ незыблемая основа порядка, были безусловно необходимы? Или имъ угодно выбирать совершенно произвольно и утверждать, что имъ дѣла нѣтъ до другихъ странъ, но что въ Россіи необходимо отмѣнить судъ присяжныхъ и «подтянуть» печать?

Надѣюсь, что г. Тихоміровъ захочетъ понять меня и признаетъ, что я прямо отвѣтилъ на его вопросъ въ чемъ есть «нѣчто общее у либерала вѣрующаго и невѣрующаго, нѣчто специфически либеральное, помимо вѣры и невѣрія». На послѣдній видъ того же вопроса: «что нужно имѣть для того, чтобы быть либераломъ?» отвѣчу: у насъ для этого достаточно быть человѣкомъ мыслящимъ и добросовѣстнымъ; на Западѣ Европы, въ наиболѣе передовыхъ странахъ, гдѣ либерализмъ съ первоначальной его программой уже выполнилъ почти всю свою задачу, для того, чтобы быть истиннымъ либераломъ необходимо нѣчто большее, необходимо приготовить для либерализма уже новую программу, оправдать и обезпечить въ будущемъ самый смыслъ существованія либерализма въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть стремленія къ освобожденію массъ, перенесеніемъ либерализма преимущественно въ область законодательства экономическаго. Оговорюсь, впрочемъ, что и на Западѣ неисполненною пока задачею либерализма, въ смыслѣ юридическаго равенства личности, остается—уравненіе женщины въ правахъ съ мужчиною.

Мои оппоненты—г. Николаевъ, а за нимъ и г. Тихоміровъ совершенно безъ нужды ссылаются на весьма мелкій отзывъ о либерализмѣ поверхностнаго и несамостоятельнаго мыслителя и малодаровитаго бельлетриста, покойнаго К. Н. Леонтьева. Ничего умнаго о либерализмѣ

К. Леонтьевъ не высказалъ, когда опредѣлялъ его такъ: «у либерализма все блѣдно, всего понемногу; система либерализма есть, въ сущности, отсутствіе всякой системы, она есть лишь отрицаніе всѣхъ крайностей, боязнь всего послѣдовательнаго и выразительнаго». Пожалуй, это и примѣнимо къ либеральнымъ шаблонистамъ, но не менѣе примѣнимо и къ шаблонистамъ консервативнымъ, даже къ шаблонистамъ научнымъ, каковъ у Гете Вагнеръ, въ бесѣдѣ съ Мефистофелемъ. Самъ-то г. Леонтьевъ—чиновникъ и публицистъ, схимникъ и пенсіонеръ, былъ скорѣе представителемъ правила: «всего понемногу» и довольно малочисленной категоріи людей, которые являлись и вполнѣ правильными, трафаретными либералами, и весьма способными чиновниками, и по спекуляціонной части не зѣвали, и невинность соблюли и капиталъ пріобрѣли. Напрасно, говорю, гг. Николаевъ и Тихоміровъ напускаютъ на меня сѣрую тѣнь покойнаго Леонтьева, такъ какъ оба мои собесѣдника сами умнѣе этой тѣни.

Къ спеціальнымъ ихъ возраженіямъ мнѣ я еще возвращусь, но прежде долженъ исполнить ихъ же желаніе — чтобы «Сѣверный Вѣстникъ», являющійся «реформаторомъ либерализма», представителемъ «новой фазы либерализма», разграничилъ себя съ тѣмъ рутиннымъ credo, въ которое матерьялизмъ влѣзъ, какъ «понтійскій Пилатъ» попалъ въ символъ вѣры. И такъ г. Тихоміровъ пишетъ: для того, чтобы получить себѣ признаніе и въ сферѣ политической, либерализмъ долженъ былъ сначала овладѣть всѣми сферами духовной жизни человѣка, гдѣ онъ находитъ несравненно менѣе спорное признаніе».

Я нисколько не отрицаю связи сферы политической со всѣми сферами духовной жизни человѣка, хотя замѣчу, что въ Англіи общественное самоуправленіе существовало гораздо ранѣе того, что мой собесѣдникъ называетъ овладѣніемъ либерализма всѣми сферами духовной жизни, то-есть задолго до философскаго движенія XVIII столѣтія и до политическаго переворота во Франціи въ концѣ того же столѣтія. Да и ближе Англіи можно указать еще на Русь удѣльную и на Польшу, начиная съ XV вѣка, въ которыхъ сферами духовной жизни человѣка безспорно владѣло начало религіозное, какъ во всей тогдашней Европѣ, а учрежденія значительно расходились съ существовавшемъ почти на всемъ остальномъ пространствѣ европейскаго континента строемъ. Но, какъ-бы то ни было, вліяніе философскаго и политическаго движеній на Западѣ уже отразилось на жизни русскаго общества гораздо ранѣе 60-хъ годовъ, какъ то доказывается приведенными мною выше именами и примѣрами. Если же именно въ 60-хъ и 70-хъ годахъ у насъ началось болѣе свободное популяризированіе новыхъ философскихъ и соціологическихъ ученій, то это само было обусловлено именно либерализмомъ политическимъ, то-есть преобразованіями, какія предприняло правительство, просторомъ, какой оно дало печати, сравнительно съ прежними условіями.

Въ эпоху освожденія крестьянъ все образованное общество въ Россіи владѣло однимъ или двумя иностранными языками и слѣдить за новыми умственными теченіями въ Европѣ могло и безъ популяризаціи ихъ на русскомъ языкѣ. Что касается знакомства съ учрежденіями и условіями общественной жизни на Западѣ, то оно почерпалось и изъ тѣхъ иностранныхъ авторовъ, которые были переведены на русскій языкъ до того времени. Я, однако, никакъ не отрицаю пользы популяризаціи новыхъ идей; она была необходима для тѣхъ многочисленныхъ свѣжихъ контингентовъ, которымъ, подъ вліяніемъ подъема общественнаго духа преобразованіями, стали наполняться школа, а затѣмъ и образованное общество. Эту заслугу популяризаціи я вполнѣ признаю. Далѣе, признаю естественнымъ, что популяризаторы сами сразу увлекались слишкомъ далеко. Это было въ порядкѣ вещей. Къ *общественнымъ* заслугамъ тогдашнихъ, наиболѣе вліятельныхъ нашихъ публицистовъ мы относимся съ уваженіемъ и благодарностью.

Но мы совершенно непонимаемъ, почему нынѣ, черезъ 30 лѣтъ, при всемъ уваженіи къ мыслителямъ и дѣятелямъ, создавшимъ упомянутое выше *credo*, которое почти вся наша либеральная печать продолжаетъ считать неприкосновеннымъ по сію пору, было бы не либерально и грѣшно указывать на нѣкоторыя ошибки въ тѣхъ тезахъ, которыя въ то время были провозглашаемы. Уже самая сила тогдашняго публицистическаго порыва впередъ создавала иллюзіи. Казалось, какъ-будто либеральная публицистика производила въ самомъ дѣлѣ окончательный переворотъ въ духѣ общества, его убѣжденіяхъ и характерѣ. Казалось, будто наша общественная жизнь такъ сильно кипѣла, какъ нигдѣ, будто новыя, только что вычитанныя знанія наши давали намъ уже право «третировать» Гизо, считать Мишле—мелкоплавающимъ, запрягать Толстого, Достоевскаго и Тургенева въ омнибусъ россійскаго либерализма. Для каждаго пустяка выѣзжала вся тяжелая артиллерія новой нашей, самой новѣйшей, самой «современной» эрудиціи. Всѣ ученые, изобрѣтатели, публицисты, существовавшія до Бокля, разомъ были сданы въ архивъ и ссылаться нельзя было ни на одного изъ нихъ, не попавъ въ «обскуранты». Наши общественныя стремленія казались столь идеальными и искренними, наша общественная мысль столь передовою, что мы положительно сознавали себя идущими впереди другихъ, филистерскихъ европейскихъ обществъ. Во всемъ этомъ было очевидное преувеличеніе, иллюзія, наивность, сказался даже какой-то особенный провинціализмъ русской жизни. Впослѣдствіи сдѣлалось очевиднымъ, что и омнибусъ нашего либерализма въ дѣйствительности вовсе не заѣхалъ такъ далеко, какъ мы думали, и казавшееся полнымъ перерожденіе общества не было окончательнымъ. Иныя времена, иныя пѣсни, какъ сказалъ Гейне.

И такъ, ошибка была въ самой оцѣнкѣ положенія. А изъ этой ошибки истекла другая. Публицисты шли безъ оглядки впередъ, знакомили русское общество съ самыми передовыми мнѣніями и крайними

выводами. Это было ихъ право. Но при этомъ они нѣсколько ошибались въ перспективѣ, оставляя въ тѣни, а отчасти даже въ пренебреженіи иныя болѣе первоначальныя условія, которыя, между тѣмъ, въ дѣйствительности представлялись бы въ данное время самыми необходимыми пріобрѣтеніями для общества. Наиболѣе передовые публицисты той поры относились къ земскимъ учрежденіямъ свысока, къ новому суду совершенно равнодушно, такъ какъ они отрицали самое начало общественной обороны. Къ разбору въ печати административныхъ распоряженій, право на который было только что, въ извѣстныхъ предѣлахъ, предоставлено, они относились съ ироніею, называя это «почтовымъ либерализмомъ». Они издѣвались надъ покойнымъ Коршемъ буквально такъ, что онъ все сидѣлъ и сочинялъ въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ» «конституціи» для разныхъ странъ.

За такими «крайностями» большинство тѣхъ либеральныхъ органовъ, которые возникли вновь или остались отъ тогдашняго времени, не пошли. Они поняли, что программу либерализма въ точномъ смыслѣ, какъ она понималась доселѣ на Западѣ, никакъ не слѣдовало у насъ третировать съ пренебреженіемъ. Больше того. Они сдѣлали не только изъ тезъ этой программы, но даже изъ нѣкоторыхъ учрежденій—нѣчто вродѣ неизмѣнныхъ, непогрѣшимыхъ и неприкосновенныхъ фетишей. Отсюда явилась догматическая сухость, форменность и шаблонъ, которымъ не замедлили воспользоваться разные либеральные водолеи. Но собственно философское основаніе прежнихъ передовыхъ публицистовъ, ихъ міровоззрѣніе было унаслѣдовано, какъ безспорное. И вотъ на этомъ-то міроззрѣніи и сформулировалось credo нашего либерализма, какъ оно выражалось доселѣ.

Съ нимъ мы и расходимся—въ томъ, что не признаемъ матерьялизма, какъ основанія для общественнаго и политическаго прогресса и отвергаемъ въ программѣ либерализма всякій стереотипъ. Мною уже сказано выше, что самое содержаніе либерализма, въ точномъ, вполнѣ опредѣленномъ значеніи его нынѣшней программы, томъ, какое ей всѣми доселѣ давалось на Западѣ—равноправность юридическая, общественное самоуправленіе и равное участіе въ немъ всѣхъ, установленное буквою закона—преставляетъ собой только одну фазу эволюціи, что освободительное начало постепенно вызоветъ новую программу, придастъ законодательству далѣе направленіе по преимуществу экономическое. Вотъ почему мы и отвергаемъ всякія безусловныя формулы. А сверхъ того, мы отвергаемъ еще и то мнимо-либеральное ханжество, которое несогласіе въ чемъ либо съ старыми, уважаемыми учителями выставляетъ какъ возмутительное оскорбленіе ихъ памяти, повелѣваетъ и въ вопросахъ совѣсти—безусловно jurare in verba magistri, черезъ 30 лѣтъ по окончаніи курса; чуждаемся устарѣлаго либеральнаго лицемѣрія, которое намѣренно закрываетъ глаза на недостатки или промахи хорошихъ учрежденій, тѣмъ самымъ предоставляя литературнымъ

консерваторамъ возможность высказать иногда и частичную правду; презираемъ шаблонъ, который такъ выгоденъ для мысли несамостоятельной, безплодной. Словомъ, въ служеніи дѣлу простора и развитія въ общественной жизни мы требуемъ права на просторъ и на развитіе—для самой мысли, которая направлена къ общему благу.

Мои собесѣдники должны признать, что я веду съ ними полемику совсѣмъ не такъ, какъ то у насъ принято. Вмѣсто того, чтобы выставлять всю «странность» высказываемыхъ ими, совершенно произвольныхъ взглядовъ, напримѣръ того, что «либерализмъ въ Европѣ свидѣтельствуетъ о началѣ разложенія тамошней культуры, въ Россіи же онъ есть всего только симптомъ болѣзни историческаго роста», какъ говоритъ г. Николаевъ—что̀ было-бы такъ легко и болѣе весело для моихъ читателей — я исполняю желанія своихъ оппонентовъ, исповѣдаюсь передъ ними, стараюсь изложить наши взгляды насколько возможно ясно, причемъ, повторяю, условія этой полемики невполнѣ равны для обѣихъ сторомъ. Мы поступаемъ такъ потому, что вѣримъ въ свое дѣло и если г. Тихомировъ одинаково вѣритъ въ свое, то мы приглашаемъ его, въ свою очередь, опредѣлить консерватизмъ такъ-же открыто и точно, какъ мы объяснили наши взгляды.

Г. Николаевъ попытался сдѣлать это, проводя параллель между содержательностью консерватизма и внутренней пустотой либерализма. Но эта, «положительная» часть его статьи начертана слишкомъ легко. Какъ г. Тихомировъ объявляетъ, что онъ ни консерваторъ, ни либералъ, такъ и г. Николаевъ говоритъ о консерватизмѣ: «не люблю я этого слова, оно въ высшей степени сбивчиво и неопредѣленно». Однако далѣе онъ же говоритъ, что «истинный консерватизмъ всегда національ, а не космополитиченъ... вѣритъ въ органическое развитіе національности, которое именно выражается въ своеобразности учрежденій быта, въ своеобразной литературѣ, философіи и т. д.» Но вмѣстѣ г-нъ Николаевъ допускаетъ, что есть и «космополитическій консерватизмъ». Воздержусь спорить съ такими положеніями, потому что противорѣчіе ихъ очевидно. Дальнѣйшее противорѣчіе представляется въ словахъ г. Николаева: «въ Россіи, культурное начало которой есть христіанство (оно есть культурное начало всѣхъ европейскихъ народовъ), въ чистомъ его видѣ—православіе, въ Россіи истинный консерватизмъ всегда религіозенъ и именно религіозное начало признается и критеріемъ, и основаніемъ своихъ дѣйствій и разсужденій (а легитимизмъ Стюартовъ и Бурбоновъ, въ Англіи, Франціи, Испаніи и Италіи развѣ не солидаризировался съ якобы «религіознымъ» началомъ?). Либерализмъ-же, по самому существу своему, космополитиченъ, онъ вездѣ одинъ и тотъ-же, и въ Европѣ и въ Россіи».

А я скажу, что привязанность къ своему, національному, нисколько не входитъ въ существо консерватизма; онъ-же самъ, какъ и либерализмъ, по природѣ своей, одинаково космополитичны, какъ космо-

политичны вообще силы и законы, управляющіе природою и мыслью. Стремленіе къ усовершенствованію и сила сопротивленія столь-же космополитичны, какъ законы тяготѣнія, плаванія тѣлъ, влажности, сферической формы движенія, въ результатѣ дѣйствія силъ центробѣжной и центростремительной. Такой консерватизмъ, который-бы основывался на томъ, что шлагбаумы и мундиры въ государствахъ имѣютъ разный цвѣтъ, былъ-бы не началомъ, не принципомъ, не нравственной силой, а только узкимъ предразсудкомъ. Пусть г. Николаевъ говоритъ, что «нашъ либерализмъ есть явленіе отчасти комическое, отчасти пошлое». Потрачу какъ можно меньше словъ на возраженіе: освобожденіе крестьянъ, дарованіе новаго суда, общественное самоуправленіе въ земствѣ, нѣкоторый просторъ для печати не были у насъ плодами мысли «національнаго консерватизма». А пусть г. Николаевъ рѣшится эти громадные шаги русскаго развитія назвать «отчасти комическими, отчасти пошлыми».

Но вотъ что заслуживаетъ бо́льшаго вниманія. Г. Николаевъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что «въ Россіи истинный консерватизмъ всегда религіозенъ и именно религіозное начало признаетъ и критеріемъ и основаніемъ своихъ дѣйствій и разсужденій»; въ другомъ мѣстѣ, что консерватизмъ можетъ, а либерализмъ не можетъ противопоставить идеямъ анархизма «непреложное, вѣчное, положительное, то, что есть только въ религіи, въ христіанствѣ». А въ третьемъ мѣстѣ тотъ-же авторъ пишетъ: «Сѣверный Вѣстникъ», повидимому, думаетъ, будто я связываю либерализмъ и консерватизмъ съ какими-нибудь метафизическими ученіями; но въ подобную *ошибку* я не впадалъ и не впадаю». Какъ согласить все это? Во всякомъ случаѣ, г. Николаевъ не можетъ-же думать что консерватизмъ и религія, христіанство—одно и то-же и не можетъ отрицать, что духъ мусульманскихъ народовъ весьма консервативенъ, что нѣтъ болѣе древняго, болѣе устойчиваго консерватизма, чѣмъ китайскій. Убѣжденъ-ли, однако, мой собесѣдникъ въ томъ, что несомнѣнный и древнѣйшій, китайскій консерватизмъ могъ-бы противопоставить идеямъ анархизма нѣчто «непреложное, вѣчное, положительное?» Конечно нѣтъ, такъ какъ авторъ признаетъ, что непреложное и вѣчное есть только въ христіанствѣ. Но отсюда-же слѣдуетъ, что непреложное и вѣчное принадлежитъ не консерватизму и, дѣйствительно, мы видимъ, что есть консерватизмъ не христіанскій. Мой оппонентъ не можетъ также отрицать, что въ тотъ свѣтлый и великій моментъ, когда человѣчеству было повѣдано живительное слово возрожденія во имя любви къ Богу и къ ближнимъ, фарисеи представляли собой враждебный самому христіанству консерватизмъ.

И такъ, въ смыслѣ нравственномъ, непреложное и вѣчное можетъ противопоставить идеямъ анархизма—не консерватизмъ, но религіозное и моральное убѣжденіе Въ смыслѣ-же юридическомъ, либерализмъ противопоставляетъ идеямъ анархизма идею закона, ограждающаго

личность, связывающаго людей въ общество, исключающаго всякое насиліе и произволъ, ту самую идею, къ которой «Моск. Вѣдомости» и «Гражданинъ» относятся весьма легко, издѣваясь надъ «правовымъ порядкомъ», то-есть надъ господствомъ закона, и безпрестанно относясь къ закону, какъ къ одной «формальности», которою, когда нужно, не слѣдуетъ стѣсняться. А этотъ, свойственный именно нашему газетному консерватизму взглядъ уже вовсе не представляетъ собой чего-либо непреложнаго и положительнаго. Этого взгляда нельзя и противопоставлять ничему, развѣ только—здравому смыслу.

Изложивъ наши взгляды по предложеннымъ мнѣ вопросамъ, возвращусь къ своей спеціальной роли наблюдателя провинціальной печати и жизни. Я говорилъ о нѣкоторыхъ ошибкахъ либеральнаго направленія 60-хъ годовъ. Но упомянувъ съ уваженіемъ о личныхъ заслугахъ выдававшихся дѣятелей того періода, не могу также не поставить въ примѣръ современнымъ журналистамъ относительную чистоту нравовъ того времени. Говорю не объ обычаяхъ, не о литетатурныхъ пріемахъ, но именно о нравахъ и настроеніяхъ. Когда читаешь тогдашніе журналы и газеты, то среди массы уже пережитаго и устарѣлаго, прямо поражаютъ юношеская свѣжесть и такъ сказать дѣвственность души, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ наивностью. Та сила увлеченія, та преданность не шаблону, но—знамени, вокругъ котораго кипѣла борьба, были свойствами драгоцѣнными, представляли собой черты неветшающія, признаки искренней и безусловной преданности идеѣ. О, еслибы эти свойства, могли возродиться въ журналистикѣ современной...

Иныя времена, иныя пѣсни... Вотъ какъ «Новороссійскій Телеграфъ» характеризуетъ «большинство», «массу» нынѣшнихъ журналистовъ. «*Большая часть* журналистовъ, особенно изъ мелкой журнальной братіи, наводнившей въ послѣднее время нашу провинцію, смѣло могутъ быть причислены къ цеху журнальныхъ ремесленниковъ. Хотя гласно такого цеха у насъ и не существуетъ, но поведеніе *массы* журнальныхъ и газетныхъ работниковъ невольно заставляетъ думать, что недалеко то время, когда къ существующимъ уже у насъ ремесленнымъ цехамъ прибавится и журнально-газетный цехъ. Но даже и въ этомъ случаѣ (?) будетъ гораздо лучше, потому что ремесленный уставъ обязываетъ каждаго ремесленника, вступающаго въ избранный имъ цехъ, придерживаться извѣстныхъ правилъ и добросовѣстно относиться къ своему дѣлу. А относится-ли къ нему добросовѣстно *большинство* ремесленниковъ журналистовъ?.. У насъ есть *масса* журналистовъ, преимущественно, конечно, столичныхъ, которые одновременно сотрудничаютъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ съ совершенно различными направленіями и взглядами и пишутъ объ одномъ и томъ-же предметѣ для двухъ газетъ совершенно противоположные одинъ другому отзывы»...

Оставляю на отвѣтственности одесской газеты заявленіе, что такъ

поступають «большинство» и «масса» журналистовъ, «преимущественно столичныхъ». Но нѣкоторыя достовѣрныя единичныя указанія въ этомъ родѣ и до меня дошли. Каково это показалось-бы дѣятелямъ 40-хъ и 60-хъ годовъ? Въ этомъ отношеніи есть положительный упадокъ нравовъ, вполнѣ объясняемый упадкомъ вѣры въ свое призваніе, упадкомъ духа, измѣненіемъ условій. Andr'e Zeiten, andr'e Vögel, andr'e Vögel, andr'e Lieder. Наиболѣе выразительнымъ типомъ такой перемѣны явился г. Волынецъ, сотрудникъ «Нов. Времени», «Южваго Края» и «Варш. Дневника», который продавалъ одно и то-же литературное «красное янчко» по три раза разнымъ редакціямъ.

Съ какой-то бравадой относятся къ долгу, къ чувству приличія, «съ легкимъ сердцемъ» пишутъ о предметахъ, безусловно пишущимъ незнакомыхъ. Этой послѣдней чертой отличаются путевыя впечатлѣнія г-жи Желиховской въ «Моск. Вѣд.». Пріѣхала она въ Краковъ, провела тамъ три дня и уже поправляетъ въ «Моск. Вѣдомостяхъ» краковскихъ историковъ и археологовъ. Вотъ напр. что пишетъ эта дама: «университетъ, называемый понынѣ Ягеллоновскимъ, хотя въ немъ ни свода, ни камня не осталось отъ временъ его первоначальнаго строителя Казиміра великаго; и тотъ, къ слову, былъ Пястъ, а не Ягеллонъ». Представьте себѣ, что француженка, пробывъ въ Москвѣ три дня, стала-бы печатно доказывать, что г. Забѣлинъ во многомъ ошибается относительно московскихъ древностей. Университетъ былъ учрежденъ Казиміромъ внѣ города Кракова, а туда переведенъ Ягеллой, вотъ и все.

Въ прошломъ мѣсяцѣ состоялся въ Юрьевѣ праздникъ эстонскихъ пѣвцовъ, въ честь 75-ти-лѣтней годовщины освобожденія лифляндскихъ крестьянъ. Въ предшествующей статьѣ я упоминалъ объ этомъ съѣздѣ многихъ тысячъ пѣвцовъ, какъ о предполагавшемся. Онъ состоялся съ полнымъ успѣхомъ. Былъ конкурсъ хоровъ, нѣкоторые нумера исполнялись всѣми хорами вмѣстѣ, съ участіемъ даже и публики. Въ концертѣ участвовали и солисты-пѣвцы и пѣвицы, и народные оркестры, пасторъ и городской голова произносили рѣчи. Все удалось какъ нельзя лучше. Вотъ что по поводу этихъ празднествъ говоритъ «Прибалтійскій Листокъ»: «Праздникъ, на который съѣхались десятки тысячъ народа и почти весь наличный составъ эстской интеллигенціи, праздникъ, гдѣ говорились рѣчи и высказывались самыя интимныя пожеланія, значительно подвинулъ впередъ дѣло ознакомленія съ внутреннею стороною эстской народной жизни. Мы во-очію могли убѣдиться, какъ сильно среди значительнаго числа эстовъ стремленіе къ національному развитію, созданію собственной культуры и духовному саморазвитію. И это все понятно и естественно... Мы не видимъ причинъ, — продолжаетъ юрьевская газета,—разъ считается идея національизма вполнѣ естественной и раціональной—малымъ племенамъ отказываться отъ своихъ расовыхъ особенностей. Пусть эстъ остается эстомъ, точно такъ-же, какъ латышъ и дру-

гія населяющія край племена останутся тѣмъ, что они есть. Русской общегосударственной жизни они всѣ, даже вмѣстѣ взятыя и сплоченныя, не поколеблютъ, исторіи и ея законовъ не измѣнятъ и рано или поздно, но сольются съ общимъ отечествомъ. Поздно думать объ онѣмеченіи, да даже и обрусеніи эста-латыша. Его можно научить русскому языку, ввести въ кругъ общегосударственной жизни, но претворить эста или латыша въ русскаго, самобытнаго по складу ума, характера и духовно-нравственныхъ воззрѣній, невозможно, да врядъ-ли и требуется... Праздникъ съ отчетливой ясностью показалъ, чего хочется большинству эстовъ, къ чему клонятся ихъ желанія. Освобожденіе отъ какой-либо и чьей-либо опеки въ своей духовной, культурной жизни и желаніе идти къ достиженію созданія своей культуры своимъ собственнымъ путемъ— съ одной стороны — и горячія, искреннія симпатіи большинства народа къ русскому народу — съ другой стороны — вотъ краеугольные камни эстскихъ тяготѣній». Газета прибавляетъ, что на празднествахъ было много петербургской эстской интеллигенціи и что «присутствіе ея на праздникѣ своего народа дѣлаетъ ей много чести». Языкъ «Приб. Листка» нѣсколько шероховатъ, но взгляды его резонны. Для того, чтобы самимъ развиваться свободно и правильно, необходимо признавать и уважать это право и для другихъ.

Эстонскій національный праздникъ вызвалъ сочувственный отзывъ даже юрьевскаго корреспондента «Моск. Вѣдомостей»: «весь праздникъ съ перваго же дня до послѣдней минуты прошелъ прекрасно, ничто не омрачило радостнаго настроенія народа»... «Концертъ произвелъ и на присяжныхъ музыкантовъ отличное впечатлѣніе—дѣйствительно художественнаго, а не диллетантскаго исполненія...» «Указывая на образцовое поведеніе народной массы, необходимо указать также на то, что здѣшній крестьянинъ значительно разнится отъ нашего крестьянина внутреннихъ губерній». Затѣмъ описываются, не только зажиточность крестьянъ въ Лифляндіи, но и образцовое устройство домовъ, службъ и садовъ и хозяйствъ у наиболѣе обезпеченной части крестьянства. Корреспондентъ прибавляетъ: «конечно, большинство прибывшихъ на праздникъ не находятся въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, но несомнѣнно, что вліяніе обезпеченной, привыкшей къ лучшей обстановкѣ части крестьянства сказывалось и на остальныхъ участникахъ».

Но есть же—замѣчу я—и въ великорусскихъ губерніяхъ во всѣхъ сколько нибудь значительныхъ селеніяхъ, крестьяне зажиточные. Даютъ ли они однако своимъ односельчанамъ примѣръ лучшаго устройства дома, службъ, сада, сказывается ли ихъ вліяніе «и на остальныхъ участникахъ», то-есть членахъ міра? На этотъ вопросъ мы находимъ у нашихъ статистиковъ и изслѣдователей народнаго быта такой отвѣтъ, что вліяніе богатыхъ крестьянъ на бѣдныхъ несомнѣнно сказывается, но что это есть вліяніе вредное, давленіе міроѣдовъ, вліянія же нравственнаго міроѣды никакого не имѣютъ и примѣра своимъ односельчанамъ не

подаютъ. Какъ объяснить такое различіе? Одинъ мой родственникъ, старикъ, курляндскій нѣмецъ, дѣлавшій въ русской арміи кампаніи 1813 и 1814 гг., говаривалъ мнѣ неразъ: «въ Россіи все есть, но все— не настоящее». Въ то время я еще не понималъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но твердо запомнилъ этотъ отзывъ по самой его странности. Впослѣдствіи онъ часто приходилъ мнѣ на мысль и умудренный жизнью, я долженъ былъ согласиться, что хотя въ немъ и было, скажемъ на $^{9}/_{10}$ преувеличенія, но на $^{1}/_{10}$ было правды. Отчего же у насъ столько «не настоящаго?» Много на это причинъ, изъ которыхъ укажу на одну, быть можетъ только второстепенную.

Русь еще не «осѣлась» окончательно на мѣстахъ; въ ея духѣ и условіяхъ быта сохранился еще остатокъ элемента кочевого, что, быть можетъ, объясняется самой силой государственности. Для того, чтобы человѣкъ прилагалъ всѣ свои заботы къ возможно-лучшему устройству своего быта при данныхъ условіяхъ, на данномъ мѣстѣ, надо, чтобы онъ рѣшился окончательно связать свою судьбу съ этими условіями и этимъ мѣстомъ, чтобы сказалъ себѣ: я земледѣлецъ такого-то селенія, землевладѣлецъ такого-то уѣзда, секретарь такой-то управы, чиновникъ такого-то уѣзднаго присутствія, священникъ такого-то прихода, ничѣмъ другимъ не буду и быть не хочу, здѣсь родился, здѣсь и помру и дѣтей своихъ здѣсь оставлю. При такомъ взглядѣ на будущность, у человѣка естественно является мысль: надо устроить свой бытъ здѣсь какъ можно удобнѣе и пріятнѣе, вѣдь это навсегда: домъ сдѣлать попрочнѣе развести садикъ, сойтись съ сосѣдями и общими силами устроить для всѣхъ то или другое полезное или пріятное, чего порознь мы сдѣлать не можемъ.

И вотъ, на Руси никто, какъ будто, ни въ какомъ званіи, не сказалъ себѣ этого окончательно. Издревле и до XVII вѣка была, а отчасти и по сейчасъ осталась Русь бродячая. Волнами постояннаго, многовѣкового народнаго движенія на востокъ, отъ линіи, проходящей чрезъ Ильмень и Днѣпръ, и на сѣверъ, отъ западной Двины и Волхова, создалась большая половина русскаго государства. Два вѣка прикрѣпленія крестьянства къ землѣ не истребили однако въ немъ духъ переселенія. За огромнымъ колонизаторскимъ движеніемъ на востокъ и сѣверъ послѣдовало массовое бѣгство отъ неволи—на югъ, заселившее Новороссію. Стремленіе къ переходамъ и на этомъ не остановилось. Освобожденіе крестьянъ создало новое переселеніе—въ Сибирь, усилило стремленіе къ отхожимъ промысламъ, въ особенности къ временнымъ. Ежегодно массы крестьянъ идутъ и ѣдутъ на работы, толпами, за нѣсколько сотъ верстъ, отправляются наугадъ, ищутъ то въ той губерній, то въ другой. Въ этомъ же, областномъ нашемъ отдѣлѣ описывалась многочисленная, характерная, современная намъ, бродячая Русь: паломническая, ходящая къ святымъ мѣстамъ, и Русь нищенствующая, ищущая заработка или просящая Христовымъ именемъ. Въ русской торговлѣ элементъ кочевой представляется коробейниками и офенями.

О нетвердости нашего землевладѣнія, объ измѣнчивости его состава, объ отсутствіи въ немъ привязанности къ землѣ я уже однажды говорилъ. Это относится сюда же. Нѣкогда все дворянство обязано было уходить отъ земли и служить; оно продолжаетъ дѣлать это и доселѣ; недавно былъ даже въ модѣ разговоръ, что въ уѣздѣ «людей нѣтъ»,— такъ служба всѣхъ отвлекла. А гдѣ служитъ дворянинъ? То въ одной мѣстности, то въ другой. Офицеръ, онъ ходитъ за своимъ полкомъ, мѣняя губерніи, чиновникъ, онъ кочуетъ изъ одной губерніи въ другую, перемѣняя служебныя мѣста. Значительная часть всей Руси чиновной кочуетъ, работая поочередно въ разныхъ мѣстностяхъ, зарабатывая себѣ заслугой повышеніе на постепенно высшія должности, освобождающіяся въ другихъ губерніяхъ. Такъ и духовныя лица перемѣщаются, сообразно выслугѣ, изъ одного прихода въ другой и даже изъ одной епархіи въ другую.

Возвращаясь къ крестьянству, замѣчу, что остатокъ кочевого инстинкта, стремленіе къ переходамъ въ немъ выражается не только переселеніемъ землевладѣльцевъ на новыя земли, исканіемъ заработковъ временно отходящими отъ своихъ дворовъ рабочими, но еще и стремленіемъ достаточнаго крестьянина перейти отъ земледѣлія къ торговлѣ. Я не знаю ни на одномъ языкѣ, кромѣ русскаго, пословицы: «рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше». Латинское ubi bene ibi patria значитъ совсѣмъ не то, это скорѣе—девизъ выходцевъ, которымъ повезло на новомъ мѣстѣ и если на новомъ они довольны, то намѣрены остаться на немъ, въ немъ видятъ новую родину. Въ этомъ изреченіи нѣтъ характернаго слова «ищетъ». Латинская поговорка означаетъ, что гдѣ мнѣ повезло, тамъ я и останусь, къ тому мѣсту прильну душой: гдѣ хорошо, тамъ — родина. Иначе настроенъ тотъ, кто «ищетъ» гдѣ лучше, какъ рыба гдѣ глубже. Какъ рыба выметала икру въ какой-нибудь норѣ берега, но сама вчера была въ Астрахани, а завтра будетъ гдѣ-нибудь въ Каспійскомъ морѣ, ища, гдѣ глубже, такъ и русскій человѣкъ легко переносится съ мѣста на мѣсто, ища гдѣ лучше.

Я долго спрашивалъ себя, почему у иностранныхъ наблюдателей народной жизни, напр. въ книгахъ Риля или въ разсказахъ Ауэрбаха, совсѣмъ нѣтъ рѣчи о «міроѣдахъ»; почему достаточный крестьянинъ, хорошій богатѣющій хозяинъ, начиная отъ прибалтійскаго края и Литвы, вплоть до Франціи, гдѣ «достаточное» крестьянство считается основой благосостоянія государства—почему этотъ по нашему «міроѣдъ» тамъ популяренъ и въ литературѣ изображается типомъ сочувственнымъ, между тѣмъ, какъ у нашихъ статистическихъ изслѣдователей и беллетристовъ богатѣющій крестьянинъ представляется въ видѣ эксплуататора народа и дѣйствительнаго міроѣда? Не можетъ быть, чтобы въ этомъ различіи сказывалось только различное «міровоззрѣніе» писателей, такъ какъ тотъ, къ кому относятся съ симпатіею, должно быть, чѣмъ нибудь да заслужилъ ее. За этимъ вопросомъ идетъ другой: зачѣмъ-же

богатѣющій членъ земельной общины поступаетъ такъ. что въ глаза всѣ къ нему почтительны, а за глаза всѣ его ругаютъ и желаютъ ему всякаго зла? Если онъ богатѣетъ и хочетъ навсегда считаться крестьяниномъ, на землѣ, которая была для него кормилицей. то какой-же ему разсчетъ возбуждать въ себѣ ненависть и не долженъ-ли онъ постараться, чтобы односельчане въ самомъ дѣлѣ уважали его, не слѣдуетъ-ли ему, въ интересѣ собственнаго значенія, подавать имъ примѣръ, оказывать имъ при случаѣ безкорыстную поддержку?

Если ничего подобнаго, въ большинствѣ случаевъ, нѣтъ, то это трудно объяснить иначе, какъ именно стремленіемъ къ выходу изъ своей среды, исканіемъ чего либо другого, что кажется лучше. Исправный, зажиточный мужикъ у насъ вовсе не намѣренъ ограничиться расширеніемъ и улучшеніемъ своего хозяйства и пріобрѣтеніемъ вліятельнаго положенія въ земледѣльческой общинѣ. При сбереженіяхъ отъ земельнаго хозяйства онъ тотчасъ перейдетъ къ торговлѣ, откроетъ лавку, сниметъ кабакъ, постоялый дворъ, трактиръ. Ему мало той вліятельной роли на родной землѣ, въ мѣстномъ обществѣ, какую ему дали-бы успѣхъ, самостоятельность, умъ, услуги, оказанныя обществу. Нѣтъ, въ состоятельномъ русскомъ крестьянинѣ земледѣльцѣ уже готовъ—купецъ, который затѣмъ перейдетъ въ уѣздный, въ губернскій городъ, будетъ брать подряды, и быть можетъ станетъ силою не въ своемъ селеніи. которымъ онъ уже пренебрегаетъ. Въ своемъ селеніи онъ и былъ «міроѣдъ», потому что ему «наплевать» было на возбуждаемую имъ ненависть, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду современемъ уйти оттуда на болѣе широкое поле дѣятельности. Очень ему нужно было корпѣть тамъ. въ какой-нибудь дырѣ, пріобрѣтая авторитетъ среди «необразованія». Онъ любитъ переходъ къ лучшему, въ его мечтаніяхъ—медаль, сперва на такой лентѣ, потомъ на другой, значеніе—не въ своемъ селеніи, но въ уѣздномъ, пожалуй даже губернскомъ городѣ, быть можетъ, почетное гражданство.

Но подъ этимъ общимъ стремленіемъ прочь отъ земли оскудѣваетъ почва. Нѣтъ людей въ уѣздѣ — говорятъ намъ. Нѣтъ выдержанности, привязанности къ родному мѣсту, никто себя не связываетъ съ нимъ окончательно, никто не видитъ въ немъ задачи для своей дѣятельности. Всѣ еще «ищутъ гдѣ лучше», стало быть рыщутъ по разнымъ мѣстамъ. Гдѣ-же, при этомъ образоваться правильной, плодотворной мѣстной дѣятельности?

Л. Прозоровъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

Общественная борьба противъ нужды и безработицы въ Соединенныхъ Штатахъ.

Всѣ серьезные и опытные наблюдатели политической и экономической жизни въ странѣ сходятся въ мнѣніи, что на конгрессіонныхъ выборахъ будущаго ноября мѣсяца въ Соединенныхъ Штатахъ готовится рѣшительная и, слѣдуетъ надѣяться, по примѣру прежнихъ лѣтъ, мирная революція. Въ прошломъ мѣсяцѣ мы отмѣтили уже культурную сторону воздѣйствія движенія разношерстныхъ массъ народа направлявшагося со всѣхъ сторонъ къ Вашингтону. Движеніе это имѣетъ еще и другую сторону. Современное взрослое поколѣніе страны не запомнитъ еще такой поры, когда люди до такой степени извѣрились-бы въ обѣ большія политическія партіи, неоспоримо состоящія въ крѣпостной зависимости у протекціонистовъ всякихъ подраздѣленій, когда избиратели такъ страстно стремились-бы извѣдать что-нибудь новое, лишь бы избавиться отъ настоящаго...

Несомнѣнно, что тяжкій экономическій и политическій кризисъ, переживаемый Соединенными Штатами въ настоящемъ году, дастъ мощный толчекъ впередъ тлѣвшимъ здѣсь соціалистическимъ тенденціямъ, и что недалеко время, когда и здѣсь при выборахъ будетъ фигурировать соціалистическая партія, проводящая идеи государственнаго соціализма. Все укрѣпляющаяся на фермерскихъ штатахъ далекаго запада и на югѣ «народная» партія—прямо партія соціалистическая, а ей предстоитъ играть значительную роль въ близкомъ будущемъ, тѣмъ болѣе, что приверженцы и руководители ея—природные американцы, изъ которыхъ многіе, превозглашая совершенно искренно «новыя» ученія, и не подозрѣваютъ, что снова выдумываютъ давно изобрѣтенный порохъ. Знаменательно притомъ и то, что къ соціалистическимъ ученіямъ склоняется теперь много природныхъ американцевъ рабочихъ слоевъ, еще такъ недавно чуравшихся соціалистическихъ ученій, какъ дьявольскаго наважденія.

Въ природномъ американскомъ населеніи проявлялись соціалистическія тенденціи до сихъ поръ лишь среди фермеровъ запада, удивлявшихъ своихъ соотечественниковъ требованіями государственныхъ ссудъ подъ залогъ хлѣбныхъ продуктовъ и т. п. Но вотъ, прошлою весною, тенденціи эти проявились и среди рабочаго и фабричнаго населенія Новой Англіи — преимущественно въ Штатѣ Массачусетсѣ—и проявились главнымъ образомъ въ связи съ усиліями мѣстнаго общества облегчить повсемѣстную нужду,— результатъ безработицы. Объ этихъ-то мѣрахъ борьбы съ нуждою и приходится здѣсь говорить, такъ какъ онѣ являются первичными двигателями въ тѣхъ важныхъ политическихъ переворотàхъ, которые предвидятся на выборахъ будущей осени.

А между тѣмъ даже просвѣщеннѣйшіе дѣятели въ борьбѣ своей съ нуждою, прорывавшеюся то здѣсь, то тамъ по всему Союзу, стремились по мѣрѣ силъ и возможности остерегаться именно распространенія соціалистическихъ идей. Какъ въ Бостонѣ, такъ и въ другихъ городахъ всѣ ихъ старанія направлены были на то, чтобъ не подрывать существующихъ цѣнъ на трудъ, не заполонять рынки предметами дешеваго производства, продажа которыхъ могла бы наносить ущербъ мѣстнымъ торговцамъ, и не прививать рабочимъ массамъ идеи, что муниципалитетъ или штатъ обязанъ доставлять праздному люду заработокъ, хотя-бы даже въ ущербъ хозяйственнымъ интересамъ города или штата.

И вотъ, въ Бостонѣ этотъ послѣдній пунктъ явился яблокомъ серьезнѣйшаго раздора между комитетомъ помощи, губернаторомъ штата и муниципалитетомъ—съ одной стороны и соціалистическими лидерами—съ другой. Руководителями празднаго люда въ Бостонѣ явились извѣстный устроитель университетскихъ поселеній и популярныхъ лекцій въ Филадельфіи и другихъ мѣстахъ Morrison I. Swift и нѣкій м-ръ Кассонъ—оба люди высшаго образованія, природные американцы, усвоившіе соціалистическія ученія въ бытность свою въ Германіи. Въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ въ историческомъ скверѣ Boston Common, въ самомъ центрѣ Бостона, состоялись, подъ лидерствомъ этихъ двухъ убѣжденныхъ соціалистовъ, сходки рабочихъ и праздношатающихся, пытавшихся было силою ворваться въ зданіе State House, гдѣ въ это самое время засѣдало законодательное собраніе штата — съ тѣмъ, чтобъ предъявить ему властное требованіе немедленнаго производства большихъ ассигновокъ на организацію цѣлой системы публичныхъ работъ для доставленія заработка всѣмъ людямъ, не находящимъ таковаго. Попытка ворваться оказалась однако безуспѣшной, благодаря присутствію духа губернатора Массачусетса, грудью защищавшаго входъ отъ напиравшей на него толпы. На второмъ митингѣ на Boston Common сошлось уже десять тысячъ человѣкъ, но порядокъ былъ на этотъ разъ образцовый, обычный въ американской толпѣ. За то резолюціи на митингѣ были приняты самыя радикальныя: такъ напр.

требовалась немедленная покупка, на средства штата, обширнаго участка земли подъ ферму, которую самъ штатъ сталъ-бы эксплуатировать, въ интересахъ доставленія средствъ къ заработку людямъ привычнымъ къ сельскимъ работамъ. Что же касается до рабочаго люда иныхъ подраздѣленій, то въ его интересахъ резолюціями требовалось, чтобы тотчасъ—и опять отъ штата-же—была учреждена огромная фабрика для изготовленія одежи для всѣхъ содержимыхъ по тюрьмамъ арестантовъ; если-же оказалось-бы, что тюрьмы уже снабжены изъ иныхъ источниковъ всѣмъ, что имъ требуется, то рекомендовалось постановить, чтобъ одежда, изготовляемая на такой фабрикѣ штата продавалась бы самимъ изготовившимъ ее рабочимъ, и по той именно цѣнѣ, въ которую обошлось ея изготовленіе; тѣ же запасы одежды, которые не были бы раскупаемы рабочими даже и на этихъ условіяхъ, предлагалось выставлять на продажу по цѣнамъ высшимъ противъ установленныхъ на такого рода товары въ мѣстныхъ лавкахъ, — предоставляя эту одежду раскупать тѣмъ обывателямъ, которые искренно радѣютъ о благосостояніи рабочаго человѣка...

Едва-ли приходится присовокуплять, что на митингѣ, гдѣ проводились эти довольно радикальныя резолюціи, спичи произносились представителями дюжины различныхъ національностей: по-русски, по-французски, по-польски, по-нѣмецки, и на разныхъ другихъ нарѣчіяхъ и жаргонахъ. Но когда эти резолюціи были затѣмъ представлены гг. Суифтомъ и Кассономъ на ратификаціи центральнаго рабочаго бюро Бостона, члены котораго набираются главнымъ образомъ изъ природныхъ американцевъ и ирландцевъ, онѣ возбудили въ этой регулярной организаціи рабочихъ такой сильный протестъ, что послѣ тщетныхъ дебатовъ въ теченіи цѣлыхъ пяти часовъ были переданы на разсмотрѣніе спеціальнаго комитета.

Въ то время какъ соціалисты постановляли резолюціи, обывательскій комитетъ, учрежденный въ Бостонѣ для привлеченія и распредѣленія вспомоществованій, вошелъ въ соглашеніе съ муниципалитетомъ Бостона касательно организаціи публичныхъ работъ въ возможно широкихъ размѣрахъ, но безо всякаго ущерба финансамъ города. Такъ, съ ранней весны, приступлено было къ постройкѣ болѣе дюжины различныхъ зданій, для разныхъ департаментовъ городскаго управленія; затѣмъ начались работы по водосточнымъ трубамъ и различныя другія. Но такъ какъ всѣ подобныя работы обыкновенно принято предпринимать въ лѣтнюю пору, когда цѣны на рабочія руки стоятъ низкія,—а комитетъ всѣми силами старался поддержать существующую норму платы за трудъ, то принято было слѣдующее остроумное рѣшеніе: городскія власти вносятъ плату за предпринятыя муниципальныя работы по *лѣтнимъ цѣнамъ*, комитетъ-же изъ своихъ суммъ доплачиваетъ разницу и доводитъ плату рабочихъ до зимней нормы.

Почти во всѣхъ городахъ комитеты помощи пользовались весной

для разбивки новыхъ парковъ и улучшенія существующихъ: во многихъ городахъ были учреждены даже дешевыя столовыя и дровяные дворы, гдѣ всякій желающій работы можетъ пилить и рубить за низкую плату дрова, продававшіеся затѣмъ по обычной высокой цѣнѣ, а очищенныя отъ операціи суммы шли на иныя отрасли дѣла вспомоществованія неимущимъ.

Особенно раціонально поставлено было дѣло въ городѣ Линнѣ, штата Массачусетса, гдѣ уже и до того существовало прочно организованное бюро «совмѣстной благотворительности».—«*Associated Charities*», которое этою весною и дѣйствовало, рука въ руку съ мѣстнымъ рабочимъ бюро. Тутъ всѣ ходатайства о доставленіи заработка передавались на изслѣдованіе добровольнымъ дѣятелямъ при рабочемъ бюро, которые опрашивали просителя о вспомоществованіи, о родѣ его прежнихъ занятій, о томъ, давно-ли остался онъ безъ работы и сколько человѣкъ приходится ему прокармливать; затѣмъ всѣ заявленія просителя провѣрялись чрезвычайно быстро — и, начиная съ тѣхъ, кто наиболѣе достоинъ помощи и настоятельнѣе нуждается въ поддержкѣ, всѣмъ раздавались билеты, уполномочивающіе носителя таковыхъ проработать *три половины* различныхъ дней данной недѣли въ новомъ публичномъ паркѣ города, разбиваемомъ на участкѣ въ 2.000 акровъ; за каждые *полдня* работы человѣку платится по доллару—такъ какъ обычная плата за такой трудъ стоитъ по два доллара на день. Такимъ образомъ комитетъ оказываетъ среднимъ числомъ вспомоществованіе болѣе чѣмъ 500 семьямъ единовременно,—въ формѣ тѣхъ трехъ долларовъ, который зарабатывалъ каждую недѣлю кормилецъ семьи, отдавая на это только *полтора* рабочихъ дня и имѣя возможность обращать остальные $4^1/_2$ рабочихъ дня на какую-нибудь другую работу, или на пріисканіе постояннаго заработка—въ увѣренности, что семья его тѣмъ временемъ ограждена хоть отъ голодной смерти. Малая сумма получаемая такимъ образомъ еженедѣльно каждымъ рабочимъ, конечно, не располагаетъ прибѣгать къ этому рессурсу кого-бы то ни было иначе какъ при крайней нуждѣ; помимо этого, эта система доставленія каждому работы всего на полдня—или черезъ день,—доставляетъ возможность прибѣгать къ этому заработку даже слабымъ и наименѣе привычнымъ къ ручному труду людямъ.

Замѣчу кстати, что къ слабымъ и неумѣлымъ въ такихъ случаяхъ повсемѣстно относились этой зимой и весной весьма снисходительно, не лишая ихъ заработка изъ-за того лишь, что они неспособны наработать также, какъ ихъ болѣе сильные или умѣлые товарищи по занятію: это особенно много разъ наблюдалось мною въ портняжныхъ мастерскихъ, открытыхъ въ видахъ благотворительныхъ для русскихъ евреевъ, въ Нью-Іоркѣ. Особенно-же много неумѣлыхъ и слабыхъ замѣчалось мною среди тѣхъ людей, которые берутся мести улицы и нанимаются въ Нью-Іоркскій *East Side Relief Committee* за плату въ одинъ долларъ че-

ловѣку за цѣлый день работы. Мнѣ объяснили это тѣмъ, что въ подметатели улицъ предлагаетъ свои услуги огромное число обнищавшихъ интеллигентовъ, не знакомыхъ ни съ однимъ ручнымъ трудомъ. Этого класса люди прибѣгаютъ къ *East Side Relief Committee* и потому, что комитетъ этотъ ежедневно отряжаетъ около 750 человѣкъ на метевіе улицъ—и все въ бѣднѣйшихъ кварталахъ, тамъ гдѣ обѣднѣвшій клеркъ, учитель или какой-нибудь иной интеллигентъ не столь рискуетъ натолкнуться за работою на кого-либо изъ своихъ знакомыхъ.

Но о постановкѣ дѣла народной помощи въ Нью-Іоркѣ намъ предстоитъ поговорить впослѣдствіи и значительно полнѣе; теперь-же обратимся снова къ тому, что сдѣлано въ этомъ отношеніи американской провинціей, въ которой мѣстное общество во всѣхъ почти случаяхъ работало дружно, сообща.

Взять для примѣра хотя бы городъ Пенсильваніи Питсбургъ, насчитывавшій въ 1890 году 238,617 чел. населенія, городъ богатый, лежащій въ районѣ добыванія желѣза, каменнаго угля и нефти. Городской совѣтъ Питтсбурга постановилъ, въ виду экстренной нужды, обнаружившейся въ народныхъ массахъ, выпустить и продать городскихъ облигацій на сумму шести милліоновъ долларовъ и теперь обращаетъ эти деньги, по мѣрѣ ихъ поступленія, на облегченіе безработицы, путемъ организаціи цѣлой системы работъ и улучшеній въ паркахъ города по части водопроводовъ и мощенія улицъ.

Еще въ половинѣ прошлаго декабря мѣсяца въ городѣ Питтсбургѣ открыта была среди обывателей подписка на фондъ для доставленія работы и вспомоществованій нуждающимся; образованный съ этою цѣлью комитетъ обратился съ просьбою о пожертвованіи къ извѣстному питтсбургскому милліонеру, владѣльцу чугунно-литейныхъ заводовъ, Андрю Карнеги; на этотъ разъ щедрость извѣстнаго своими пожертвованіями богача произвела большую сенсацію; Карнеги обязался втеченіи двухъ мѣсяцевъ жертвовать на фондъ нуждающихся ровно столько-же, сколько станетъ въ него поступать за каждый рабочій день ото всѣхъ жертвователей вмѣстѣ взятыхъ, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что за всякій отдѣльный день онъ, Карнеги, обязывается жертвовать не болѣе пяти тысячъ долларовъ... Такимъ образомъ обѣщанный взносъ одного Карнеги могъ дойти до четверти милліона долларовъ; и если до этого на дѣлѣ не дошло, то лишь потому, что отъ другихъ жертвователей не получалось достаточно взносовъ, чтобъ довести пожертвованія Карнеги до максимальной суммы 5,000 долларовъ въ день. Когда въ концѣ февраля закончился двухмѣсячный, опредѣленный Карнегою на его добровольныя пожертвованія срокъ, сумма, оказавшаяся въ фондѣ, равнялась, удвоенная взносами отъ Карнеги — 250,241 долл. 44 сен., и на эти деньги втеченіе всѣхъ весеннихъ мѣсяцевъ содержалось на работѣ 4,000 нуждающихся семейныхъ людей.

Платится въ Питтсбургѣ рабочему по доллару, но, чтобъ дать за-

работокъ возможно большему числу нуждающихся, тамъ принято за правило каждую субботу разсчитывать и отпускать по тысячѣ человѣкъ изъ рабочихъ, проработавшихъ наиболѣе продолжительный срокъ, замѣняя ихъ тотчасъ-же новыми людьми, не имѣвшими еще случая что-нибудь заработать для семьи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всегда и вездѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, даже и въ интеллигентныхъ отрасляхъ труда, предпочтеніе всегда отдается семейнымъ рабочимъ, которымъ приходится содержать не однихъ себя. Однако, это разумное и справедливое правило явилось недавно причиной столь-же печальныхъ, сколько комичныхъ эпизодовъ въ средѣ празднаго люда Питтсбурга. Когда невѣжественные иностранцы распознали, что предпочтеніе по части найма на работу отдается людямъ женатымъ, всѣ холостые между ними вдругъ бросились искать себѣ женъ: въ какихъ-нибудь недѣли двѣ времени клеркъ въ мѣстномъ бюро «Marriage Licence Office» составилъ себѣ кругленькій капиталецъ изъ взносовъ молодыхъ рабочихъ, приходившихъ къ нему за предписываемымъ законами Пенсильваніи письменнымъ разрѣшеніемъ на вступленіе въ бракъ,—что является простою формальностью; къ концу марта мѣсяца во всемъ Питтсбургѣ не оставалось почти-что ни одного неженатаго итальянца или поляка. Всѣ эти новобрачные толпой повалили къ комитету помощи, настоятельно требуя работы съ платою по доллару въ сутки, на правахъ женатыхъ людей, и суя притомъ въ лицо членамъ комитета свои свѣжія брачныя свидѣтельства. Понятное дѣло, что когда эти преднамѣренные, повальные браки проявились такой эпидеміей—комитетъ отказался принимать на работы этихъ новоиспеченныхъ мужей—вслѣдствіе чего поляки и итальянцы обрушивались на членовъ комитета потоками отборнѣйшихъ ругательствъ...

Что главный контингентъ нуждающихся составляютъ иностранцы—доказываетъ между прочимъ сообщеніе Mr. Belfrage, начальника отдѣленія по вспомоществованію нуждающимся въ городѣ Sioux City западнаго штата Айовы; изъ него явствуетъ, что въ этомъ городѣ, въ этомъ году, нуждающихся проявляется на 140 процентовъ больше, чѣмъ годъ тому назадъ, и что обращаются за вспомоществованіями почти исключительно иностранцы—и притомъ такіе люди, которые, очевидно, и въ Европѣ до переселенія въ Новый Свѣтъ были настоящими нищими. М-ръ Бельфрэджъ въ добавокъ сообщаетъ, что «за истекшій годъ къ нему не обратилось за подаяніемъ *ни одного еврея и ни одного шотландца*», и что также къ нему за всю его дѣятельность *никогда почти не поступало просьбъ о помощи отъ природныхъ американцевъ...*»

Чуть ли не самая практичная, интересная и дѣйствительная система вспомоществованія нуждающимся выработалась въ Индіанополисѣ, главномъ городѣ штата Индіаны—городѣ издавна извѣстномъ прекрасной постановкой и урегулированіемъ дѣла благотворительности. Но и тутъ самоотверженнымъ дѣятелямъ на полѣ облегченія нуждающагося люда

пришлось на первыхъ порахъ впасть въ серьезныя оплошности, и усовершенствовать свою систему лишь путемъ горькаго опыта.

Въ Индіанополисѣ стали подумывать еще ранней осенью о серьезности наступающаго промышленнаго и экономическаго кризиса. Въ октябрѣ мѣсяцѣ тамъ предпринятъ былъ рабочими цѣлый рядъ митинговъ, которыми они старались обратить вниманіе другихъ согражданъ на свое положеніе. Тогда же сдѣлано было съ содѣйствіемъ мѣстныхъ рабочихъ лидеровъ воззваніе къ самому важному изъ клубовъ города—Indianapolix Commercial Club — съ просьбою о томъ, чтобы клубъ взялъ на себя организцію и направленіе дѣла помощи нуждающимся.

Клубъ, въ отвѣтъ на обращеніе къ нему рабочихъ, нарядилъ отъ себя комитетъ трехъ членовъ для веденія спеціальнаго дѣла вспомоществованія возникшей нуждѣ; этотъ тріумвиратъ взялся за дѣло съ большой энергіей. Общественное довѣріе къ нему было таково, что въ его распоряженіе были тогда же переданы всѣ денежные фонды мѣстнаго бюро урегулированія благотворительности — Charity Organisation Society. Заручившись этими рессурсами, комитетъ клуба не сталъ и времени тратить на сборъ пожертвованій, а началъ съ того, что открылъ бюро регистраціи, въ которомъ предложено было всѣмъ ищущимъ работы заносить свои имена. У каждаго спрашивали разныя подробности насчетъ его мѣсторожденія, лѣтъ, возраста, зависящихъ отъ его заработка членовъ семьи, рода его работы, размѣры заработка при послѣднихъ занятіяхъ, размѣры его личныхъ доходовъ—пенсіона или процентовъ со сбереженій,—а также и то, не выплачиваетъ-ли онъ постепенно деньги за постройку себѣ дома съ содѣйствія какого-нибудь «строительнаго общества» и т. п. Всѣ отвѣты записывались въ надлежащія книги, и съ этими данными впослѣдствіи соображались въ пріисканіи каждому просителю заработка.

Втеченіе первыхъ-же двухъ трехъ недѣль существованія этого рабочаго бюро черезъ него розысканъ былъ заработокъ для 20% всѣхъ къ нему обращавшихся. Но такъ какъ, съ другой стороны, нужда становилась все настоятельнѣе, отъ комитета стала раздаваться и провизія наиболѣе нуждающимся семьямъ: вначалѣ такихъ семействъ насчитывалось 200, но черезъ шесть недѣль число семей нуждающихся въ пособіяхъ возросло до цѣлой тысячи, другими словами являлась необходимость прокармливать до четырехъ тысячъ человѣкъ.

Становилось яснымъ, что раздача провизіи плодитъ лишь пауперизмъ; между тѣмъ невозможно было и прекратить вспомоществованіе семьямъ, дѣйствительно неспособнымъ безъ него поддержать свое существованіе. Что было дѣлать?

Эту дилемму комитетъ рѣшилъ слѣдующимъ образомъ. Еще въ концѣ декабря мѣсяца онъ заявилъ, что окончательно прекращаетъ всякую даровую раздачу провизіи, но станетъ поставлять ее въ кредитъ и по оптовой цѣнѣ, хотя и въ малыхъ количествахъ, всѣмъ дѣйствительно

нуждающимся въ ней и готовымъ для этого работать. Тогда же открытъ былъ рынокъ для поставки провизіи—и при немъ устроено другое бюро—регистраціи,—въ которое заносили свои имена всѣ желающіе получать провизію въ кредитъ. Добровольцы сотрудники комитета изслѣдовали степень нужды каждаго просителя о кредитѣ, и, только найдя, что онъ или она дѣйствительно нуждается—выдавали имъ книжку, въ которой значилось число членовъ семьи и опредѣлялся размѣръ раціоновъ, присуждаемыхъ ей въ кредитъ еженедѣльно. Принимая такую книжку, открывающую ему кредитъ провизіи, каждый человѣкъ со своей стороны подписывалъ обязательство уплатить слѣдуемыя за отпущенную ему въ кредитъ провизію деньги, лишь только будетъ въ состояніи сдѣлать это; отдавать свои услуги въ распоряженіе комитета и работать по его указанію за плату $12^1/_2$ сентовъ (25 коп.) въ часъ—по первому отъ комитета востребованію (конечно, лишь въ томъ случаѣ, ему не удастся наняться на какую-нибудь другую работу на сторонѣ).

Работой для своихъ кредиторовъ комитетъ расчитывалъ было заручиться отъ муниципалитета; но финансы Индіанополиса оказались въ такомъ плохомъ состояніи, что денегъ на производство какихъ бы то ни было работъ рѣшительно не находилось. Въ концѣ концовъ комитетъ рѣшился *поставлять рабочихъ городу даромъ*, на томъ лишь условіи, чтобы отъ муниципалитета шло направленіе работъ и надзоръ за рабочими—кредиторами лавки комитета. Если кто-либо изъ вызванныхъ людей отказывается явиться на работу, отказавшійся лишался немедленно кредита въ лавкѣ.

Большинство должниковъ лавки весьма охотно выходятъ на работу по первому востребованію отъ комитета,—тѣмъ болѣе, что вызывается каждый не болѣе какъ на одинъ день работы,—и этого срока работы оказывается достаточнымъ, чтобы уплатить за недѣльный раціонъ различной провизіи на семью, состоящую изъ пяти человѣкъ—конечно, считая его совсѣмъ въ обрѣзъ. Раціоны эти по мѣрѣ возможности разнообразятся, хотя въ нихъ всегда входятъ такія необходимыя продукты какъ мука, мясо—больше соленое—соль, сахаръ, крупа и т. п. Даже хлѣбъ иными недѣлями выдаютъ печеный, а другими—мукою; выдается даже по куску мыла на недѣльный раціонъ, предназначающійся для мытья посуды.

В. Макъ-Гаханъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АНТВЕРПЕНА.

Международный конгрессъ журналистовъ.

«Газета—шестая великая держава». Этотъ комплиментъ прессѣ, сорвавшійся невзначай съ чьихъ-то любезныхъ устъ, понемногу превратился въ безспорную аксіому, неподлежащую даже доказательству. И если кто еще позволяетъ себѣ усомниться въ ея безусловной истинности, это сама же газета и ея представители. Они лучше всякаго другого знаютъ, какъ мало и несовершенно организована сія новая держава, какъ шатки ея устои, сколько въ ней больныхъ, слабыхъ мѣстъ, еле прикрытыхъ, и какія страшныя язвы разъѣдаютъ ея организмъ, заражая окружающую среду. Газета еще юна годами, но стара пороками и недугами, и ребячество капризно сочетается въ ней со старческою дряхлостью. Въ газетной практикѣ накопилась богатая коллекція явленій болѣе чѣмъ прискорбныхъ и способныхъ парализовать всякое вліяніе прессы, превращающихъ ее изъ такой доброй, животворной силы въ силу отрицательную, разлагающую, въ элементъ анти-культурный, съ которымъ необходимо вести упорную борьбу. Стоитъ прожить хотя бы недѣлю въ столицѣ газетъ, въ Парижѣ, хотя не на долго окунуться съ головою въ это шумное, неугомонное, вѣчно бурлящее и волнующееся море печатной бумаги, стоитъ хоть сколько-нибудь близко подойти къ вдохновителямъ и руководителямъ той прессы и потолкаться въ парижскихъ редакціяхъ, чтобы убѣдиться, что все сейчасъ сказанное—печальная, но несомнѣнная истина.

Она — не тайна, и въ ясномъ сознаніи ея — первое зерно идеи о международномъ конгрессѣ журналистовъ, уже нѣсколько лѣтъ занимавшемъ лучшихъ представителей газетнаго дѣла. «Надо намъ собраться вмѣстѣ, думали они, угнетаемые тоскливою, неприглядною дѣйствительностью,—надо откровенно сознаться въ своей страшной болѣзни и соединенными силами поискать настоящаго лѣкарства. Такъ больше продолжаться не можетъ. Впереди—или разложеніе, или исцѣленіе»...

Къ тому-же накопился и рядъ мелкихъ вопросовъ, частью — техническаго, спеціальнаго свойства, частью касающихся внутреннихъ, домашнихъ дѣлъ журналистовъ, ихъ взаимныхъ отношеній, вопросовъ, опять-таки лучше всего разрѣшимыхъ путемъ совмѣстнаго обсужденія, на основаніи общаго опыта всѣхъ европейскихъ журналистовъ. Мысль о международномъ конгрессѣ стала высказываться сначала робко, потомъ все громче, повторяться все чаще и настойчивѣе. У однихъ она, какъ и слѣдовало ожидать, вызывала лишь насмѣшки и какое-то озлобленное презрѣніе, какимъ встрѣчается всякое новое начинаніе; другимъ казалось мечтою утопистовъ, очень заманчивою, но совершенно несбыточною, неосуществимою практически.

Утопіи суждено было однако осуществиться, и 25-го іюня (7 іюля нов. ст.) въ роскошномъ помѣщеніи антверпенскаго Cercle artistique et litteraire собрался «первый международный конгрессъ печати». Къ великому сожалѣнію, этимъ лѣтомъ Антверпенъ, чтобы какъ-нибудь утилизировать пустовавшій съ 1885 г. громадный участокъ городской земли, устроилъ у себя международную выставку; это дало антверпенскимъ и вообще бельгійскимъ журналистамъ поводъ заявить свои права на конгрессъ печати, и такимъ образомъ осуществленіе очень важной для судебъ всей журналистики идеи попало въ ихъ неопытныя и, главное, мало-авторитетныя руки. У кормила конгрессивнаго правленія очутились люди съ никому неизвѣстными именами и ничтожными литературными и спеціально-журнальными заслугами, ничѣмъ не успѣвшіе или не сумѣвшіе зарекомендовать себя и часто имѣющіе къ журналистикѣ очень далекое отношеніе. Конгрессъ, этотъ только что родившійся младенецъ, къ которымъ надо было обходиться особенно бережно и заботливо, который необходимо было охранять отъ малѣйшей пылинки, былъ сразу скомпрометированъ, признанъ мертворожденнымъ, и большинство журналистовъ, въ томъ числѣ—самые вліятельные, авторитетные и талантливые, сколько-нибудь поддерживающіе престижъ газетной печати, отшатнулись отъ него. Составъ конгресса получился самый случайный, не внушающій никакого довѣрія, какой-то дряблый. Достаточно сказать, что всю французскую журналистику представлялъ одинъ г. Гебраръ, директоръ «Temps», такъ печально прославившійся во время панамскихъ скандаловъ, но на конгрессѣ очень эффектно говорившій о достоинствѣ журналиста и о занимающейся на горизонтѣ зарѣ лучшихъ для печати дней. Впрочемъ, присутствовалъ еще г. Тонне, сотрудникъ ультра консервативной, монархической и клерикальной «Gazette de la Françe», занимающій въ семьѣ французскихъ журналистовъ очень мало видное мѣсто, и нѣсколько статистовъ безъ рѣчей и съ тусклыми именами. Также полно и хорошо представлена была печать нѣмецкая. Всю русскую журналистику представлялъ сотрудникъ «Новаго Времени» г. Загуляевъ, если не считать еще двухъ-трехъ молодыхъ журналистовъ, которымъ не суждено было даже попасть въ число чле-

новъ и пришлось ограничиться пассивною ролью публики. Сравнительно недурно была представлена лишь печать англійская, приславшая двухъ-трехъ почтенныхъ журналистовъ, съ солидными репутаціями, въ томъ числѣ старика Клейдена, стоящаго во главѣ «Daily News».

Но всѣ эти пришлые элементы безъ слѣда распустились въ пестрой массѣ мѣстныхъ журналистовъ, подвизающихся на страницахъ здѣшнихъ ничтожныхъ листковъ. За самыми микроскопическими исключеніями, всѣ эти листки открыто и совершенно не стѣсняясь промышляютъ рекламою, даже выработали для нея особую подвижную таксу; идеаломъ газеты почитаютъ они Gil-Blas и иные парижскіе бульварные органы, силятся подражать имъ, замѣняя талантъ и искреннее остроуміе гаерствомъ, и центръ тяжести газеты видятъ въ сплетнѣ, которую и ютятъ самымъ гостепріимнымъ образомъ на своихъ коротенькихъ и узенькихъ столбцахъ. Положенныя мною краски темны и густы, но онѣ совершенно вѣрны дѣйствительности и добыты путемъ осторожныхъ разспросовъ и самаго внимательнаго, усерднаго чтенія бельгійскихъ газетъ. Послѣ всего сказаннаго станетъ вполнѣ яснымъ, почему какимъ-нибудь вліяніемъ пользуются только одинъ-два органа, напримѣръ— «Indepéndance Belge», а остальные кромѣ своего околодка нигдѣ не развертываются и за бельгійскими предѣлами объ нихъ никто никогда и не слыхалъ...

Представители этихъ-то листковъ составляли общій фонъ перваго международнаго конгресса, превращая его въ спеціально-бельгійскую смѣхотворную затѣю, въ *игру въ конгрессъ*. Лучшаго болѣе мѣткаго выраженія, резюмирующаго всѣ впечатлѣнія, какія остались отъ антверпенскаго сидѣнія, не подберешь. Принадлежитъ оно довольно популярному и быстро идущему въ гору Максимиліану Гардену, редактору «Zukunft», съ которымъ мнѣ пришлось, въ мою бытность въ Берлинѣ, говорить о только-что закончившемся конгрессѣ.

Устроители конгресса отъ себя сдѣлали все, чтобы превратить его именно въ такую «игру», и конгрессъ печати, отъ котораго можно было ждать серьезныхъ результатовъ, очутился въ комическомъ положеніи маленькой составной части громадной развеселой partie de plaisir. Весь циклъ развлеченій, очень разнообразныхъ и, быть можетъ, столько-же пріятныхъ, былъ разсчитанъ на девять дней. Изъ нихъ девять *часовъ*, три раза по три часа, устроители, скрѣпя сердце отняли у увеселеній и отдали занятіямъ. А такъ какъ на всѣхъ вообще международныхъ собраніяхъ по необходимости тратится много времени на всякія вступительныя и заключительныя церемоніи, на неизбѣжныя недоразумѣнія и постороннія дѣлу препирательства; такъ какъ, кромѣ того, первому конгрессу печати, почему-то вздумалось сдѣлать рискованное новшество и допустить, рядомъ съ общепринятымъ на конгрессахъ и всѣхъ международныхъ сношеніяхъ французскимъ языкомъ, всѣ остальные языки; такъ какъ вслѣдствіе такой совершенно ненужной въ данномъ случаѣ

лингвистической терпимости понадобились безконечные переводы съ одного языка на другой и часто—на третій,—то, въ итогѣ изъ девяти часовъ конгрессныхъ занятій по крайней мѣрѣ четыре пропали безплодно. Остается пять часовъ—срокъ опереточно-малый, вполнѣ, конечно, достаточный, чтобы досыта наболтаться и накурить другъ-другу всякаго фиміама, но слишкомъ недостаточный для серьезнаго обсужденія серьезныхъ вопросовъ.

И дѣйствительно, конгрессъ довольно оживленно, даже съ увлеченіемъ занимался обсужденіемъ мелкихъ пустяковъ или трюизмовъ, вродѣ того — «можетъ-ли женщина быть журналисткой?» и торопливо откладывалъ «до слѣдующаго конгресса», т. е. по-просту сдавалъ въ архивъ всякое дѣльное предложеніе, всякій живой запросъ. И въ итогѣ конгресса получился совершеннѣйшій нуль. Сознаніе журналистовъ не обогатилось ни однимъ выводомъ, кромѣ развѣ того, что изъ хорошей идеи—идеи международнаго конгресса—можно сдѣлать очень скверное употребленіе, и изъ серьезнаго дѣла—пустую, вздорную забаву. На конгрессѣ и потомъ въ печати высказывался тотъ взглядъ, что атверпенская попытка важна, какъ почннъ, какъ очевидное доказательство того, что международный конгрессъ журналистовъ возможенъ, что это не химера. Врядъ-ли это такъ. Атверпенская попытка пока доказала только, что возможенъ *плохой* конгрессъ, и тѣмъ, думается мнѣ, скорѣе подорвала ее; по крайней мѣрѣ—въ глазахъ противниковъ международнаго общенія журналистовъ, недовѣрчиво покачивавшихъ головами, когда съ ними заводили рѣчь о конгрессѣ. Теперь имъ данъ въ руки новый, и очень вѣскій аргументъ, и они, конечно, не преминутъ широко воспользоваться имъ. Результатъ получился, такимъ образомъ, даже не нулевой, а отрицательный...

Посмотримъ, однако, чѣмъ занимался конгрессъ. Самымъ интереснымъ было, несомнѣнно, предложеніе молодого еще журналиста г. Гейнцмана-Савино о профессіональномъ образованіи журналиста. Эпитетъ «профессіональный» прибавленъ въ заголовкѣ, впрочемъ лишь изъ осторожности, чтобы гусей не раздразнить, и рѣчь шла вообще объ образованіи газетнаго работника. Г. Савино вошелъ прямо in medias res и коснулся одного изъ самыхъ темныхъ мѣстъ современной журналистики. Какъ это ни странно, люди, собирающіеся поучать другихъ, просвѣщать и наставлять своихъ читателей, сами ничему не учились, ничего толкомъ не знаютъ, живутъ кое-какъ схваченными на-лету обрывками сомнительныхъ знаній и подчасъ не отличаются даже самою элементарною грамотностью. Таковъ багажъ, съ которымъ они приходятъ въ редакцію газеты и который умѣютъ при помощи шарлатанскихъ пріемовъ и ухищреній раздуть чуть не въ академическую ученость. Разноплеменные конгрессисты трогательно сходились въ признаніи этого факта. Это, такимъ образомъ, явленіе общеевропейское, повсюдное, а не какая-нибудь спеціальная принадлежность бельгійской и нашей русской дѣй-

ствительности. Только у насъ такое явленіе—вслѣдствіе вообще очень низкаго образовательнаго уровня—куда болѣе часто и составляетъ почти общее правило, съ ничтожными исключеніями. Подъ стать образованію рядового газетнаго работника его міропониманіе, подъ стать міропониманію—его этическіе идеалы и тотъ моральный кодексъ, которымъ онъ руководствуется въ своемъ житейскомъ обиходѣ и который не можетъ не отразиться на всей газетѣ. Какъ?—судите сами. Большинство европейскихъ газетъ, особенно французскихъ и ихъ слабыхъ копій — бельгійскихъ, не требуютъ отъ своего сотрудника ничего, кромѣ литературной расторопности и бойкаго, хлесткаго пера. За такое хлесткое перо журналисту прощается все: и случайность убѣжденій, и полное отсутствіе всякихъ убѣжденій, и круглое невѣжество, и близкое практическое знакомство съ уголовнымъ закономъ и его примѣненіями, и темное прошлое, и сомнительное настоящее... Понемногу водворяется безшабашное царство разнузданнаго острословія и ловкаго журнальнаго жонглерства.

Бороться со всѣмъ этимъ зломъ, которое нельзя не видѣть, потому что оно такъ и бьетъ въ глаза, нахально выставляя себя на показъ, можно, думаетъ г. Гейнцманъ-Савино, — только помощью образованія. Сдѣлайте такъ, чтобы сотрудникъ газеты былъ непремѣнно образованнымъ человѣкомъ, чтобы онъ подготовлялся къ своей профессіи, какъ готовятся ко всякой другой, а не приходилъ въ газету прямо съ улицы, не найдя себѣ никакого другого пристанища,—и это вопіющее зло, это «мане, текелъ, фаресъ» нашей печати исчезаетъ само собою. Кто въ большинствѣ случаевъ дѣлается теперь профессіональнымъ журналистомъ? Да тотъ, отвѣчаетъ г. Савино, близко знающій газетный бытъ и самъ редакторъ одной маленькой, но сравнительно еще чистенькой атверпенской газетки,—кому больше некуда дѣваться, кто ни на какое другое дѣло не считаетъ себя годнымъ. «Журналистика — профессія тѣхъ, у кого нѣтъ никакой профессіи». Надо положить этому конецъ. И г. Савино, любящій газетное дѣло, искренно скорбящій о всѣхъ его недугахъ, вырабатываетъ цѣлую обстоятельную программу такъ-сказать газетной академіи или газетнаго факультета, входитъ во всѣ детали той программы, разбиваетъ ее на рубрики, дѣлитъ на часть общую, которая очень сильно напоминаетъ программу нашихъ русскихъ юридическихъ факультетовъ, и часть спеціальную, представляющую маленькую энциклопедію типографскихъ и спеціально газетныхъ знаній. Въ общей части значатся: исторія, преимущественно исторія политическая и исторія международныхъ дипломатическихъ сношеній; право, политическая экономія, финансы, статистика, политическая географія Европы и главныхъ европейскихъ колоній, исторія литературы и въ частности журналистики, эстетика и т. д. Словомъ, обширный циклъ общеобразовательныхъ знаній, страдающій правда кое какими серьезными пробѣлами, но по сравненію съ теперешнимъ образовательнымъ уровнемъ большинства журналистовъ-газетчиковъ кажущійся чѣмъ-то недосягаемымъ, идеальнымъ. Въ части спе-

ціальной проектируется: усвоеніе различныхъ газетныхъ стилей; искусство репортажа, который съ каждымъ днемъ завоевываетъ себѣ все большее мѣсто въ современной газетѣ и отодвигаетъ на задній планъ и руководящую статью, и серьезную хронику; искусство составлять парламентскіе, судебные и ученые отчеты, искусство полемики и искусство рецензентское; начатки типографскаго искусства и ознакомленіе со всѣми деталями типографскаго дѣла между прочимъ—искусство составлять и метранпажировать номеръ; корректура, стенографія и языки. Я умышленно сдѣлалъ такую большую выдержку изъ этой послѣдней части программы, чтобы показать, какъ она пестра, и какъ много хочется г. Савино захватить въ ея рамки. Нѣкоторыя частности программы могутъ вызвать, конечно, только улыбку. Какъ, путемъ какихъ педагогическихъ пріемовъ станете вы обучать, напримѣръ, искусству репортажа? Какимъ образомъ будете подготовлять въ школѣ Бловицовъ? И что такое, собственно, «искусство полемики?» Допускаетъ-ли оно вообще какую-нибудь школу, кромѣ школы самой полемической практики? Такихъ частичныхъ замѣчаній можно было-бы сдѣлать нѣсколько; но всѣ они, конечно, ничуть не умаляютъ цѣнности значенія самой попытки г. Савино, общаго смысла его предложенія конгрессу.

Большинство конгресса посмотрѣло, однако, нѣсколько иначе, и не мало было сказано словъ на ту благодарную тему, что «журналистами не дѣлаются, а родятся», что газетное творчество непосредственно, интуитивно, и что подготовляться къ нему нельзя. Никто, конечно, прямо не отстаивалъ права журналиста на невѣжество, но кое-кто довольно прозрачно намекалъ, что необразованный журналистъ — вовсе не contradictio in adjecto. Однако стоитъ взглянуть на дѣло немного поглубже, чтобы увидать, что это именно contradictio, вопіющее, непримиримое, и въ немъ—корень всей той сорной травы, которой поросла наша газетная нива...

Гораздо существеннѣе и труднѣе для разрѣшенія другой вопросъ. Какъ же перевести въ дѣло, какъ осуществить эту мысль объ образованіи журналиста? На конгрессѣ еле замѣтно проскользнуло предложеніе,—даже не предложеніе, а мнѣніе, какъ-бы робкая догадка, — сдѣлать это образованіе обязательнымъ, обусловить доступъ къ журналистикѣ дипломомъ. Можетъ-же заниматься адвокатскою или медицинскою практикою только тотъ, кто побывалъ на соотвѣтствующемъ факультетѣ и получилъ надлежащій *аттестатъ*. Отчего бы, фантазировали ригористы—не внести такого-же принципа и въ газетное дѣло? Вѣдь скверный, не стоящій на высотѣ своихъ профессіональныхъ задачъ журналистъ еще опаснѣе неподготовленнаго врача или адвоката, приноситъ еще большій и часто ничѣмъ непоправимый вредъ. Подробно останавливаться на такомъ мнѣніи, особенно теперь, когда и газетные факультеты-то существуютъ лишь въ смѣломъ воображеніи г. Савино, конечно, не приходится. До общеобязательности спеціальнаго журналь-

наго факультета еще очень далеко, да и врядъ-ли слѣдуетъ гнаться за ней—особенно въ указанной формѣ. Сколько-нибудь практичнымъ и разумнымъ было предложеніе нѣмецкаго журналиста Вольфа, высказавшаго пожеланіе, чтобы редакторы и издатели газетъ обращали побольше вниманія на образовательный и нравственный уровень своихъ сотрудниковъ и открывали свои двери только предъ работниками благонадежными и состоятельными въ томъ и другомъ отношеніи. Дальше этого, по крайней мѣрѣ — уже, идти ни въ какомъ случаѣ нельзя. Если, съ одной стороны, къ газетнымъ заправиламъ привьется тотъ взглядъ, что журналистомъ можетъ быть лишь человѣкъ широко и разносторонне образованный и безупречный по части этики; если, съ другой стороны, появятся такія высшія учебныя заведенія, въ которыхъ желающій, сознательно выбравшій себѣ дорогу газетнаго работника, могъ-бы подготовиться къ ней и воспитаться въ уваженіи къ газетѣ,—то дѣло будетъ сдѣлано, атмосфера редакцій сама собою очистится, званіе журналиста облагородится и газета поднимется на ту высоту, на которой ей надлежитъ быть. Нужно прибавить, что на-дняхъ уже возникло въ Лайссѣ учебное заведеніе съ программой, близкой къ программѣ г. Гейнцмана-Савино, и, по его словамъ, осенью откроются аналогичные факультеты при берлинскомъ и мадридскомъ университетахъ. Чтобы ни говорили упрямые скептики, увѣренные, что печальный status quo неизмѣнимъ, это—добрый признакъ. Сразу, конечно, ничего не сдѣлается, но важенъ и первый шагъ по пути, который можетъ привести «въ царствіе свѣта»...

Слѣдуетъ упомянуть также о неудостоившемся даже самаго краткаго обсужденія предложеніи—ввести особые третейскіе суды, которые разбирали-бы семейныя дѣла журналистовъ и тѣмъ отнимали возможность выносить на газетные листы всѣ мелкія дрязги, весь вздорный соръ, также именуемый, по печальному недоразумѣнію, полемикою; суды, которые-бы вообще вносили миръ и тишину въ бурное, всегда готовое начать междуусобную войну сословіе журналистовъ. Кто знаетъ эту среду, легко оцѣнитъ все значеніе сейчасъ переданнаго предложенія, пойметъ, какъ много выиграла-бы семья журналистовъ отъ широкаго введенія въ ея обиходъ третейскихъ судовъ. Но конгрессъ, ограниченный какими-нибудь пятью часами времени, не нашелъ возможнымъ и нужнымъ заняться этимъ вопросомъ и съ легкимъ сердцемъ отложилъ его, какъ и множество другихъ вопросовъ, до другого раза, до слѣдующаго конгресса, который, говорятъ, состоится въ будущемъ-же году, лѣтомъ. Въ этомъ стремленіи антверпенскаго конгресса передать побольше дѣлъ своему преемнику, быть можетъ, сказывалось сознаніе собственнаго безсилія и неспособности сдѣлать сколько-нибудь серьезное дѣло.

Больше другихъ повезло двумъ вопросамъ — о международной уніи журнальныхъ ассоціацій и о правѣ собственности на informations. Для

выработки организація уніи, которая-бы объединила всѣ существующія ассоціаціи и связала узами взаимной помощи журналистовъ всего міра, собрана даже особая коммиссія; она должна собрать нужные матеріалы и изготовить ко второму конгрессу — конечно, если этотъ послѣдній состоится — проектъ. Для нашихъ русскихъ журналистовъ это пока вопросъ чисто отвлеченнаго интереса, такъ какъ у нихъ нѣтъ еще и своей, домашней ассоціаціи. Вмѣсто нея — лишь слабыя попытки расширить рамки такъ-называемой «похоронной» кассы и превратить ее въ кассу пенсіонную, попытки, пока служившія только темою для скучной полемики или разудалаго зубоскальства. Русскіе газетные работники живутъ въ разсыпную, въ разбродъ, въ трудныя минуты не находя нигдѣ поддержки и помощи, не зная, въ какую дверь толкнуться и умирая по больницамъ, на казенныхъ койкахъ. А когда дѣлается честная попытка какъ-нибудь сплотить ихъ, связать хотя слабою взаимопомощью, — они первые поднимаютъ чуть не травлю, выдумываютъ никогда не существовавшія поползновенія и усиленно работаютъ перьями во вредъ своему-же собственному дѣлу, — своимъ собственнымъ, такъ очевиднымъ интересамъ. Стоитъ вспомнить «полемику», какая загоралась мѣсяца два-три назадъ въ Москвѣ вокругъ имени сотрудника «Русскихъ Вѣдомостей», г. Лукина, чтобы согласиться, что я не преувеличиваю и остаюсь вполнѣ на почвѣ дѣйствительныхъ фактовъ...

«Informations», о которыхъ на конгрессѣ толковалось никакъ не меньше, чѣмъ объ ассоціаціи и о профессіональномъ образованіи журналиста, это—газетныя извѣстія, газетныя новости, въ которыхъ важна не литературная обработка изложенія, не оригинальность освѣщенія, а самое оглашеніе факта. Въ газетахъ нашихъ дней эти informations играютъ значительную и все растущую роль, на добываніе ихъ редакція не щадитъ никакихъ денежныхъ средствъ, и часто коротенькая, въ десятокъ строкъ, телеграмма является результатомъ громадныхъ денежныхъ затратъ, напряженнаго усилія и исключительной удачи. Между тѣмъ нигдѣ въ Европѣ informations не признаются собственностью данной газеты, и всякій другой органъ можетъ безпрепятственно заимствовать изъ нея всѣ новости, ничего не платя и даже не указывая источника, откуда новость заимствована. Газетная статья, которая у насъ охранѣ не подлежитъ, на западѣ уже признается объектомъ авторскаго права, и во Франціи, напримѣръ, существуетъ особое учрежденіе, слѣдящее за перепечатками и взимающее за нихъ опредѣленную построчную плату. Но informations остаются общегазетнымъ достояніемъ и предметомъ систематической эксплоатаціи. Вы напечатали въ своей газетѣ животрепещущую, дорого-стоившую новость, а черезъ одинъ-два часа эта новость уже перепечатана другой газетою, такъ какъ онѣ выходятъ на западѣ и особенно во Франціи впродолженіе цѣлаго дня, отъ пяти часовъ утра и до поздняго вечера. На защиту informations

выступилъ г. Гастонъ Берарди, видящій въ настоящемъ обращеніи съ ними un pillage méthodique и требующій распространить и на нихъ право литературной собственности. Конгрессъ долженъ ходатайствовать передъ европейскими правительствами объ изданіи особаго дополнительнаго закона въ такомъ смыслѣ и объ образованіи всюду особыхъ учрежденій, которыя-бы, по собственному почину, по собственной инииціативѣ, преслѣдовали посягательства на чужія informations. Таковъ смыслъ двойного предложенія г. Берарди. Оно вызвало рядъ шумныхъ возраженій, которыя сводились къ тому, что разъ оглашенный фактъ дѣлается общимъ достояніемъ и ужъ никому нельзя запретить воспроизвести его на столбцахъ газеты. Иначе мы пришли-бы къ монополизированію новостей въ пользу одной газеты, и отъ того сильно пострадали бы какъ другія газеты, такъ и все общество. Единственно, что можно установить въ интересахъ informations, это, такъ сказать, право пріоритета, запрещеніе перепечатывать новость впродолженіе 24 часовъ. Нѣчто подобное уже существуетъ въ новой Зеландіи для телеграммъ, получаемыхъ по океанійскому кабелю, и не приводитъ ни къ какимъ затрудненіямъ или неудобствамъ. Большинство конгресса оказалось однако на сторонѣ г. Берарди и его предложенія, и конгрессъ вотировалъ желательность особаго права собственности на газетныя извѣщенія. Впрочемъ, вотировка производилась во все время этого страннаго, игрушечнаго конгресса самымъ безпорядочнымъ образомъ, большинство опредѣлялось просто «на-глазъ», причемъ каждый разъ неизмѣнно поднимался вопросъ о томъ, кто имѣетъ право вотировать, и кто вотируетъ въ качествѣ узурпатора, и самовольно присваиваетъ себѣ сію важную прерогативу. Легко, поэтому, могло случиться и такъ, что меньшинство было принято за большинство, или обратно, и въ журналъ конгресса попало совсѣмъ не то рѣшеніе, какое въ дѣйствительности состоялось. Значенія это, конечно, никакого не имѣетъ, такъ какъ всѣ конгрессныя рѣшенія — лишь благія пожеланія, которыя вѣроятнѣе всего, пропадутъ безъ слѣда, оставшись лишь въ отчетахъ и корреспонденціяхъ добросовѣстныхъ свидѣтелей, взявшихъ на себя обязанность познакомить своихъ читателей съ антверпенской затѣей и несшихъ крестъ до конца.

Для полноты долженъ добавить, что конгрессъ вотировалъ еще желательность удешевленныхъ телеграфныхъ и телефонныхъ тарифовъ для газетныхъ сношеній, выслушалъ краткое сообщеніе объ организаціи лондонскаго Institute of Journalists и о томъ, что въ Англіи имѣются не только журналисты, но и журналистки, и отложилъ до слѣдующаго конгресса вопросъ о воскресномъ газетномъ отдыхѣ и о томъ, кого слѣдуетъ называть журналистомъ: того-ли только, кто *исключительно* живетъ журнальнымъ трудомъ, или также и того, кто, постоянно работая въ газетѣ, имѣетъ и другіе, литературные или не литературные заработки и занятія. Упомянуто было во время преній по поводу англійскихъ журналистокъ, между прочимъ, и о «Сѣверномъ Вѣстникѣ»,

какъ о журналѣ, основанномъ женщиною и, будто бы, специально женщинѣ посвященномъ (?). Вспомнилъ про вашъ журналъ г. Загуляевъ, но изобразилъ его исторію въ такомъ странномъ видѣ, что я сразу и не понялъ, что рѣчь идетъ о «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Выходило изъ разсказа г. Загуляева такъ, что сначала это было исключительно женское царство, и всѣ мужскія перья были отсюда самымъ строгимъ и неукоснительнымъ образомъ изгнаны. Но скоро оказалось, что безъ мужского пера русскій журналъ существовать никакъ не можетъ, и потому «Сѣверный Вѣстникъ» зашатался, закачался, чуть-было и совсѣмъ не упалъ. Но подоспѣли «мы», мужчины, потому-что мы всегда любезны, галантны и готовы дамамъ оказать всякую пріятность, стали писать—и журналъ, Слава Господу! — воспрянулъ упавшимъ духомъ и благополучно существуетъ по настоящій день.

Я далекъ отъ мысли шутить и, если не слово въ слово, то очень близко къ тому передаю рѣчь г. Загуляева. Разбирать ее, опровергать— не стоитъ. Это былъ какой-то экспромптъ, понадобившійся эффекта ради, но очень ужъ не эффектный и даже неказистый съ точки зрѣнія добросовѣстности.

Вотъ и все содержаніе работъ «перваго международнаго конгресса журналистовъ въ Антверпенѣ». Я далъ вамъ точную фотографію. Ничего не прикрашено, ничего не утаено. Если фотографія эта вызываетъ въ васъ нѣкоторое недоумѣніе, — не моя въ томъ вина. Остается только надѣяться, чтобы слѣдующій конгрессъ, который долженъ собраться лѣтомъ 1895 г, въ Женевѣ или въ Римѣ, какъ можно менѣе походилъ на антверпенскій и, давъ хотя какіе-нибудь серьезные результаты, реабилитировалъ самую идею международныхъ съѣздовъ журналистовъ.

Н. Э—съ.

Антверпенъ, іюль 1894 г.

ЛЕГКОЕ РАЗРѢШЕНІЕ ТРУДНЫХЪ ЗАДАЧЪ.

I.

Съ 1-го января будущаго 1895 г. уставъ о паспортахъ отмѣняется и замѣняется Положеніемъ о видахъ на жительство. Въ нѣкоторыхъ органахъ повседневной печати такая реформа истолкована въ смыслѣ чуть-ли неполной отмѣны всей паспортной системы. Толкованіе, по меньшей мѣрѣ, странное и, очевидно, основано на полнѣйшемъ незнакомствѣ съ положеніемъ о видахъ на жительство. Въ «Вѣстн. Фин.» (№ 23) сказано: «всѣ паспортные документы, устанавливаемые новымъ закономъ: паспортныя книжки, паспорты и безплатные билеты на отлучку носятъ одно общее наименованіе видовъ на жительство». Дѣйствительно въ законѣ такъ и сказано и, слѣдовательно, видъ на жительство является родовымъ понятіемъ, состоящимъ изъ трехъ видовыхъ: *паспортной* книжки, *паспорта* и безплатнаго билета, т. е. безплатнаго *паспорта*.

Просто и ясно, хотя все это еще не исключаетъ вопроса о существенныхъ измѣненіяхъ въ паспортной системѣ, допущенныхъ въ положеніи о видахъ на жительство. По этому поводу въ «Вѣстн. Фин.» сказано: «при разсмотрѣніи вновь изданнаго положенія о видахъ на жительство необходимо прежде всего указать, что новый паспортный уставъ *коренным образомъ* измѣняетъ значеніе паспорта». Здѣсь положеніе о видахъ на жительство прямо названо только *новымъ паспортнымъ уставомъ*. Въ чемъ-же, однако, этотъ новый паспортный уставъ кореннымъ образомъ измѣняетъ значеніе паспорта? Въ предупрежденіе всякихъ легкомысленныхъ толкованій и тутъ слѣдуетъ держаться «Вѣстн. Фин.».

«Вѣстн. Фин.» комментируетъ различіе между старымъ и новымъ уставами слѣдующимъ образомъ: «по дѣйствующему закону паспортъ обязателенъ для всѣхъ лицъ внѣ постояннаго ихъ мѣстожительства и неимѣніе его влекло за собой извѣстныя послѣдствія. По новому закону, паспортъ, за немногими исключеніями, является лишь удостовѣреніемъ личности и лишь въ случаѣ недоказанія безпаспортнымъ ли-

цомъ своей самоличности онъ подвергается уголовной отвѣтственности». И въ этомъ толкованіи все просто и ясно. «Извѣстныя послѣдствія» по старому закону и «уголовная отвѣтственность» по новому поставлены на видъ вплоть до указанія на то, что «безписьменность» по прежнему, въ принципѣ, признается уголовнымъ «дѣяніемъ» съ послѣдствіями. Положимъ, предоставляется полное право доказывать свою самоличность другими способами, кромѣ паспорта, но въ виду извѣстныхъ послѣдствій безуспѣшнаго доказательства ея другими способами, кромѣ *безспорнаго* паспорта,—всѣ, очевидно, предпочтутъ запасаться паспортами. Такимъ образомъ, охотниковъ *кореннымъ образомъ* измѣнитъ значеніе паспорта найдется немного...

Все это, однако, не отрицаетъ того факта, что при составленіи новаго паспортнаго устава сознавалась необходимость кореннымъ образомъ измѣнить значеніе паспорта. «Вѣстн. Фин.» передаетъ, что «приступая къ разсмотрѣнію паспортнаго устава, государственный совѣтъ обратилъ прежде всего вниманіе на чрезвычайную важность и сложность предстоящей его рѣшенію задачи. Преобразованіе дѣйствующей паспортной системы составляетъ одну изъ наиболѣе ясно сознанныхъ потребностей нашей государственной жизни. Въ теченіе свыше 35 лѣтъ, а именно съ конца 50-хъ годовъ правительство стремится къ приведенію паспортныхъ узаконеній въ соотвѣтствіе съ потребностями населенія, измѣнившимися во многомъ послѣ крестьянской реформы и послѣдовавшихъ за нею преобразовательныхъ актовъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ предпринятыя въ этомъ направленіи работы не приводили къ желаемой цѣли *и только нынѣ могли быть завершены*».

Въ этихъ послѣднихъ словахъ «Вѣстн. Фин.», очевидно, высказываетъ свой собственный взглядъ на работы той коммисіи министерства финансовъ, которая приготовила намъ «положеніе о видахъ на жительство», а вмѣстѣ съ тѣмъ и на самое «положеніе». Работы всѣхъ прежнихъ паспортныхъ коммисій признаются непригодными для «желаемой цѣли». Работы послѣдней коммисіи, наоборотъ, признаются направленными къ желаемой цѣли и, очевидно, вполнѣ ее удовлетворившими. Цѣль-же эта состояла въ осуществленіи давнишняго стремленія правительства къ приведенію паспортныхъ узаконеній въ соотвѣтствіе съ потребностями населенія. Всѣ работы, направленныя къ достиженію этой цѣли, только теперь, съ изданіемъ положенія о видахъ на жительство, «завершены».

Такая завидная роль выпала на долю коммисіи, составившей «положеніе о видахъ на жительство». Въ виду этого, и теперь небезполезно остановиться на вопросѣ о томъ, насколько съ изданіемъ положенія о видахъ на жительство достигнуты «желаемыя цѣли» по приведенію паспортныхъ узаконеній въ соотвѣтствіе съ потребностями населенія.

Для посильнаго выясненія этого вопроса, весьма важно освѣтитъ отношеніе коммисіи, составившей положеніе о видахъ на жительство,

къ работамъ прежнихъ паспортныхъ коммисій. Всѣ эти прежнія коммисіи умирали, оставивъ послѣ себя одни «труды» и «проекты». Вопросъ о причинахъ такой печальной судьбы, видимо, сильно интересовалъ коммисію, составившую «положеніе о видахъ на жительство». выяснивъ эти причины и избравъ «вѣрный курсъ», она могла избѣжать той-же самой печальной судьбы. Вѣроятно, при этомъ пришлось натолкнуться на вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли прежнія коммисіи не достигли положительныхъ результатовъ потому, что ихъ работы не имѣли положительныхъ достоинствъ или наоборотъ, они гибли именно въ силу особыхъ положительныхъ достоинствъ, которыми отличались ихъ работы. Разобравшись во всѣхъ этихъ деталяхъ, играющихъ громадную роль въ судьбѣ всѣхъ нашихъ коммисій, можно было положительныя достоинства работъ принести въ жертву положительнымъ результатамъ и наоборотъ. Но здѣсь мы будемъ передавать фактическую сторону дѣла по указаніямъ «Вѣстн. Фин.», дающимъ ключъ къ разгадкѣ. Прежде всего коммисія признала тотъ фактъ, что «всѣ занимавшіяся паспортнымъ дѣломъ коммисіи приступали къ нему съ широкими взглядами и обширными преобразовательными планами», но не пришли «къ положительнымъ результатамъ». Причину этого, по мнѣнію коммисіи, «слѣдуетъ искать, конечно, въ тѣхъ чрезвычайныхъ трудностяхъ, которыя представляло коренное измѣненіе дѣйствующей паспортной системы. Паспортъ въ Россіи имѣетъ не только полицейское значеніе, но въ то-же время онъ служитъ средствомъ къ достиженію извѣстныхъ податныхъ и фискальныхъ цѣлей, *отъ выполненія которыхъ паспортомъ отказаться нельзя, не затрогивая самыхъ существенныхъ сторонъ государственной и общественной жизни*».

Такой взглядъ не вполнѣ совпадаетъ съ историческимъ развитіемъ работъ разныхъ паспортныхъ коммисій. Если всѣ занимавшіяся паспортнымъ дѣломъ коммисіи приступали къ нему съ широкими взглядами и обширными преобразовательными планами, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ не могли видѣть чрезвычайныхъ трудностей именно въ коренномъ измѣненіи дѣйствующей паспортной системы. Онѣ всего скорѣе должны были видѣть чрезвычайныя трудности для жизни въ отсутствія коренной реформы въ паспортныхъ узаконеніяхъ. Онѣ отнюдь не могли видѣть въ паспортѣ и разныхъ его назначеніяхъ существенную положительную сторону государственной и общественной жизни, а предъ ломкой отрицательныхъ сторонъ этой жизни не могли остановиться даже коммисіи, чуждыя какихъ-бы то ни было широкихъ взглядовъ. Въ этомъ отношеніи коммисія, составлявшая «положеніе о видахъ на жительство», имѣла богатый выборъ въ трудахъ многочисленныхъ прежнихъ паспортныхъ коммисій, доказывавшихъ, что всѣ существенныя стороны общественной и государственной жизни страдаютъ именно отъ разныхъ видовъ службы, возложенныхъ на паспортъ. Но ея выборъ остановился исключительно на трудахъ такъ

называемыхъ «подготовительной» и «общей паспортной» коммисій, работавшихъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ. Работы этихъ коммисій и были положены въ основаніе изданнаго теперь «положенія о видахъ на жительство».

«Подготовительная коммисія прежде всего остановилась на рѣшеніи принципіальнаго вопроса, насколько является необходимымъ самое существованіе паспортовъ или видовъ на отлучки. Подвергнувъ этотъ вопросъ строгому и подробному обсужденію, коммисія не могла не признать, что при *существующемъ складѣ нашей общественной жизни и при существующемъ у насъ полицейскомъ устройствѣ*, паспортъ представляется *необходимымъ* какъ по цѣлямъ полицейскимъ, такъ и въ интересахъ самого населенія. Въ полицейскомъ отношеніи паспорты и прописка ихъ представляются важными въ дѣлѣ наблюденія за передвиженіемъ населенія; въ интересахъ-же населенія желательно сохраненіе паспортовъ, какъ документовъ, признаваемыхъ безспорными въ видахъ обезпеченія обывателей отъ могущихъ быть недоразумѣній, и даже ни на чемъ не основанныхъ придирокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимымъ удостовѣреніе личности». Противъ такихъ взглядовъ подготовительной коммисіи, всецѣло проведенныхъ въ «положеніи о видахъ на жительство», мы можемъ привести нѣкоторыя справки съ трудами коммисіи статсъ-секретаря Сольскаго, работавшей въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. Всѣ эти справки мы заимствуемъ полностью изъ августовскаго «внутренняго обозрѣнія» «Сѣвернаго Вѣстника» за 1893 г.

Въ коммисію статсъ-секретаря Сольскаго для рѣшенія всѣхъ практическихъ и техническихъ вопросовъ приглашались эксперты изъ чиновъ полиціи. Въ своихъ показаніяхъ чиновники полиціи не могли обойти принципіальнаго вопроса о значеніи паспортовъ вообще и для полиціи въ частности. Взгляды экспертовъ по этому вопросу въ трудахъ коммисіи Сольскаго изложены слѣдующимъ образомъ:

«Существованіе паспортовъ они не только не признаютъ необходимымъ въ видахъ успѣшности полицейскаго надзора, но, напротивъ, убѣждены, что оно лишь усложняетъ и затрудняетъ дѣятельность полиціи. Долголѣтняя практика обнаружила, что лица, по поведенію своему имѣющія интересъ и поводъ скрываться отъ наблюденія или преслѣдованія, съ особою заботливостью принимаютъ мѣры къ снабженію себя видами, по внѣшности и по формѣ удовлетворяющими всѣмъ законнымъ требованіямъ. Виды эти, составленные обыкновенно на чужое, иногда даже вымышленное имя, служатъ, за отсутствіемъ всякихъ поводовъ къ сомнѣнію въ ихъ подлинности, наилучшимъ средствомъ къ замаскированію личности въ глазахъ полиціи. Открывать подобныя злоупотребленія весьма трудно. Для этого необходимы со стороны самаго виновнаго какія-либо дѣйствія, возбуждающія сомнѣніе въ его самоличности. При отсутствіи же этихъ дѣйствій, предъявлен-

ный видъ, вводя въ заблужденіе органы полицейской власти, устраняетъ съ успѣхомъ препятствія къ свободному проживательству укрывающагося и служитъ ему, такимъ образомъ, средствомъ не только къ уклоненію отъ наказанія за преступленіе, уже содѣянное, но нерѣдко и къ совершенію новыхъ преступленій». «Еще большія затрудненія для полиціи, съ болѣе вредными для общества послѣдствіями, влечетъ за собою паспортная система въ примѣненіи ея къ лицамъ, по поведенію своему и нравственнымъ свойствамъ вполнѣ благонадежнымъ. Подвергая такихъ лицъ за неисправность въ паспортѣ или за несвоевременное его полученіе, нерѣдко отъ нихъ независящее, преслѣдованію наравнѣ съ бродягами, законъ побуждаетъ ихъ скрываться отъ полиціи въ различнаго рода тайныхъ притонахъ и тѣмъ не только умножаетъ число требующихъ тщательнаго полицейскаго надзора, но весьма часто вовлекаетъ многихъ въ такого рода преступныя дѣйствія, какихъ они, конечно, не совершили бы при другихъ условіяхъ». Въ числѣ экспертовъ выступилъ и извѣстный начальникъ сыскной полиціи г. Путилинъ. «*Какъ средство розыска,—говорилъ онъ,—паспорта не только не облегчаютъ дѣйствій полиціи, но часто затрудняютъ ее, или скрывая преступника подъ ложнымъ именемъ, или же побуждая предпринимать напрасные поиски за лицомъ невиннымъ, но навлекающимъ на себя подозрѣніе по неимѣнію законнаго вида*».

Основываясь на этихъ показаніяхъ экспертовъ, коммисія Сольскаго редактировала свое заключеніе слѣдующимъ образомъ:

«По соображеніи вышеизложенныхъ, спеціалистами по полицейской части заявленныхъ, мнѣній, паспортная коммисія, со своей стороны, не могла не придти къ заключенію, что содержащееся въ дѣйствующемъ паспортномъ уставѣ общее воспрещеніе отлучаться съ мѣста своего постояннаго жительства безъ узаконеннаго вида не представляется необходимымъ для охраненія общественнаго порядка и безопасности, а потому въ отношеніи лицъ, для которыхъ виды имѣютъ значеніе исключительно полицейское (т. е. лицъ, не принадлежащихъ къ податнымъ обществамъ), можетъ, безъ дѣйствительныхъ неудобствъ, быть нынѣ же отмѣнено, съ предоставленіемъ каждому доказывать свою самоличность по требованію полиціи, какъ узаконеннымъ видомъ, такъ и другими способами. Равнымъ образомъ не оказывается надобности сохранять узаконенія о явкѣ и пропискѣ видовъ, такъ какъ эти узаконенія самими представителями полиціи не признаются ведущими къ цѣли, и притомъ, сколько извѣстно, и нынѣ, за исключеніемъ столицъ и немногихъ мѣстностей, не строго примѣняются».

Коммисія, очевидно, была поражена неожиданными заявленіями чиновъ полиціи, а потому и сдѣлала существенное отступленіе отъ данныхъ ими показаній. Чины полиціи, не различая податныхъ и неподатныхъ классовъ, говорили, что паспорты нужно вообще отмѣнить, Коммисія же затруднилась настаивать на отмѣнѣ паспорта для податныхъ

классовъ хотя и не въ виду полицейскаго, а въ виду фискальнаго ихъ значенія. Попытаемся и мы разобраться въ этомъ фискальномъ значеніи паспорта.

II.

У насъ до сихъ поръ еще сохраняются слѣды сословно-крѣпостныхъ подраздѣленій. Коммиссія, выработавшая положеніе о видахъ на жительство, какъ мы видѣли, признала, что отъ паспортныхъ стѣсненій ради фискальныхъ цѣлей нельзя отказаться, не *затрогивая самыхъ существенныхъ сторонъ государственной и общественной жизни.* Но въ этомъ вопросѣ, т. е., «объ условіяхъ передвиженія по паспортамъ» податныхъ классовъ она разошлась даже съ работами тѣхъ коммисій, которыя были взяты ею за образецъ для разрѣшенія вопроса о полицейскомъ значеніи паспорта. Такъ, указанная выше «подготовительная» коммисія «не находила нужнымъ придавать паспорту какое-либо податное значеніе». «Подготовительная» коммисія, желая избавить податные классы отъ добавочныхъ паспортныхъ стѣсненій, видимо, ссылалась на отмѣну подушной подати, въ интересахъ которой паспортъ и былъ приглашенъ на фискальную службу. Коммисія же, составившая «положеніе о видахъ на жительство», остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ: «Хотя государственные и земскіе сборы въ настоящее время *переложены съ личности плательщиковъ* на принадлежащія имъ недвижимыя имущества, которыя въ той или иной степени обезпечиваютъ исправное поступленіе ихъ, но не надо забывать, что кромѣ указанныхъ сборовъ существуютъ еще общественные сборы, налагаемые *иногда* на лицъ, принадлежащихъ къ обществу и не имѣющихъ недвижимаго имущества». Безспорно, такія лица *иногда* попадаются въ обществахъ, но они составляютъ ничтожную величину въ общей массѣ «податного» населенія. Ради этой ничтожной величины едва ли возможно подвергать паспортнымъ стѣсненіямъ все «податное» сословіе.

Дальнѣйшія соображенія коммисіи сводятся къ взаимнымъ отношеніямъ между паспортомъ и круговой порукой. Въ «Вѣстн. Фин.» эти соображенія изложены слѣдующимъ образомъ: «крестьянскія общества обязаны нести въ исправномъ выполненіи исчисляемыхъ съ общества государственныхъ и земскихъ повинностей круговую отвѣтственность другъ за друга. Если лишить общество права задержанія паспортныхъ документовъ, то единственнымъ средствомъ къ понужденію неплательщиковъ остается для общества отобраніе отведенныхъ имъ надѣловъ, а такую крайнюю мѣру, которая можетъ повести къ обезземеленію и раззоренію многихъ крестьянскихъ семей, къ разрыву связи недоимщика съ обществомъ, иногда нежелательному и для самого недоимщика, едва-ли слѣдуетъ предпочесть нѣкоторому стѣсненію въ свободѣ передвиженія».

Въ этихъ словахъ указаны и существо фискальной службы паспорта, и причины, въ силу которыхъ необходимо и впредь оставить его на этой службѣ. Фискальное значеніе паспорта до сихъ поръ выражалось и будетъ выражаться по положенію о видахъ на жительство въ правѣ обществъ не выдавать недоимщикамъ паспортовъ, а выданные отбирать и по истеченіи срока отказать въ высылкѣ новаго паспорта. Такія паспортныя стѣсненія для недоимщиковъ въ дѣйствующемъ пока законодательствѣ связаны съ круговой порукой, тоже притянутой къ отправленію фискальной службы. Паспортныя стѣсненія съ фискальной цѣлью признаются прямымъ выраженіемъ круговой поруки на фискальной службѣ. Однако, прежде всего, нельзя забывать, что вопросъ о сохраненіи круговой поруки по уплатѣ податей и сборовъ допускаетъ не одно утвердительное его разрѣшеніе. Существуетъ цѣлая литература, которая признаетъ привлеченіе круговой поруки на фискальную службу безполезнымъ для фиска вытравленіемъ самыхъ счастливыхъ сторонъ въ устояхъ мірской жизни. Необходимость сохраненія круговой поруки по уплатѣ податей и сборовъ не разъ подвергалась сомнѣнію и въ оффиціальныхъ сферахъ. Самыя разнообразныя коммисіи по различнымъ поводамъ категорически указывали на необходимость отмѣнить круговую поруку по уплатѣ податей и сборовъ, не мѣшая нормальному развитію этого института общинной, мірской жизни на началахъ обычнаго права. Даже въ данное время фискальная польза круговой поруки подвергнута сомнѣнію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ учрежденіе особой коммисіи подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Рихтера «объ измѣненіи узаконеній о порядкѣ отвѣтственности по уплатѣ въ казну окладныхъ сборовъ». Центральнымъ вопросомъ въ работахъ этой коммисіи, очевидно, является вопросъ о круговой порукѣ и потому не слѣдовало разрѣшать его съ такой торопливостью въ пользу круговой отвѣтственности по уплатѣ податей и сборовъ, буксируемой паспортными стѣсненіями. Во всякомъ случаѣ до окончанія работъ коммисіи г. Рихтера не слѣдовало категорически санкціонировать существующую связь между круговой порукой и паспортными стѣсненіями. Трудно себѣ представить, чтобы круговая порука по уплатѣ податей и сборовъ потеряла всякій смыслъ и значеніе послѣ отставки паспорта отъ фискальной службы. Въ приведенныхъ соображеніяхъ коммисіи, составлявшей положеніе о видахъ на жительство, допускается возможность разлуки между круговой порукой и паспортными стѣсненіями, вплоть до полной отставки паспорта отъ фискальной службы. Но коммисія остановилась предъ печальными послѣдствіями такой разлуки: сельскимъ обществамъ, связаннымъ круговой порукой по уплатѣ податей и сборовъ, послѣ устраненія поспортныхъ стѣсненій, ради понужденія къ исправному взносу податей и сборовъ, пришлось бы отбирать надѣлы у недоимщиковъ и, такимъ образомъ, фактически обезземеливать массу населенія. Однако, обществамъ пришлось бы отбирать надѣлы не въ силу какихъ-либо иныхъ при-

чинъ, а именно—въ силу круговой поруки... Значитъ и при такой постановкѣ вопроса нужно было обратить вниманіе на печальныя послѣдствія самой круговой поруки, а не отягчать ихъ еще и паспортными стѣсненіями. Сохраненіе-же паспортныхъ стѣсненій въ предупрежденіе печальныхъ послѣдствій круговой поруки, по меньшей мѣрѣ, является неудобопонятнымъ. Вѣдь недоимщику нуженъ паспортъ для отправленія на заработки, а на заработки онъ отправляется, покидая семью, не по своей доброй волѣ, а ради пріобрѣтенія средствъ для покрытія недоимокъ. Такимъ образомъ. всякія паспортныя стѣсненія ради интересовъ фиска (невыдача паспорта, отобраніе, отказъ его возобновленія) въ сущности вредятъ этимъ интересамъ, способствуютъ накопленію недоимки, препятствуя недоимщику зарабатывать деньги на сторонѣ для очистки недоимокъ. По мѣрѣ накопленія недоимокъ, общества должны переходить къ болѣе строгимъ мѣрамъ противъ недоимщиковъ, т. е. отбирать у нихъ часть надѣла, отдавать ихъ самихъ на работы по найму и т. д. Спрашивается послѣ этого, что-же паспортныя стѣсненія—предупреждаютъ или вызываютъ печальныя послѣдствія круговой поруки, выражающіяся въ отбираніи надѣловъ?..

Все это, однако, не мѣшаетъ коммисіи, составлявшей положеніе о видахъ на жительство, доказывать, что въ этомъ положеніи предоставлены «лицамъ бывшихъ (?) податныхъ сословій значительныя облегченія въ полученіи правъ на передвиженіе. Главная причина стѣснительности дѣйствовавшихъ доселѣ правилъ заключалась въ краткосрочности паспортныхъ документовъ и въ затруднительности возобновленія ихъ лицами, находящимися въ отлучкѣ». Какія-же мѣры приняты для предупрежденія этихъ стѣсненій въ положеніи о видахъ на жительство? «Въ устраненіе этихъ стѣсненій, сказано въ «Вѣстн. Фин.», новый законъ разрѣшаетъ выбирать пятилѣтнія паспортныя книжки». Такое общее заявленіе неточно передаетъ смыслъ соотвѣтствующихъ статей положенія о видахъ на жительство. Пятилѣтнія паспортныя книжки безпрепятственно выдаются только исправнымъ членамъ обществъ, т. е. неимѣющимъ недоимокъ. Такихъ исправныхъ членовъ въ любомъ обществѣ имѣется скромное меньшинство, которое, притомъ, и не нуждается въ продолжительныхъ отлучкахъ на заработки для очистки недоимокъ. Далѣе, это безпрепятственно выданная пятилѣтняя книжка свободно и легко можетъ быть отобрана и самъ владѣлецъ ея высланъ на родину. Въ книжкѣ указаны размѣры разныхъ сборовъ, причитающихся съ ея владѣльца. Всѣ эти сборы онъ обязанъ вносить ежегодно не позднѣе 31 декабря. Если сборы не будутъ внесены, то книжка отбирается, а ея владѣлецъ отправляется на родину. Коротко и просто, хотя къ 31 декабря сборы, при всѣхъ усиліяхъ, не могутъ быть внесены по самымъ разнообразнымъ причинамъ, напр., заболѣлъ самъ владѣлецъ книжки, заболѣлъ кто-либо изъ его семьи и потребовались деньги на леченіе, пришлось купить лошадь, и т. д. Неужели за такіе расходы, помѣшавшіе внести всѣ сборы къ

31 декабря, слѣдуетъ наказывать отобраніемъ книжки и ссылкой на родину? Наконецъ, насколько это выгодно для казны? Вѣдь, владѣлецъ паспортной книжки, не заработавшій достаточно денегъ для хозяйства и недоимокъ, будучи сосланъ на родину, потеряетъ добавочные заработки и перейдетъ въ разрядъ недоимщиковъ...

Что-же касается этихъ недоимщиковъ, то имъ безпрепятственно, т. е. безъ согласія обществъ выдается *паспортъ* только на одинъ годъ. Коммиссія, составлявшая положеніе о видахъ на жительство, признаетъ, что «этимъ путемъ имъ дается возможность заработать на сторонѣ средства къ выполненію лежащихъ на нихъ повинностей». Безспорно, такая возможность дается, но спрашивается, многимъ-ли недоимщикамъ, при существующихъ размѣрахъ недоимокъ, удастся въ одинъ годъ заработать сумму нужную на ихъ очистку и уплату текущихъ сборовъ? Такихъ счастливцевъ, которымъ въ одинъ годъ удалось-бы перейти въ разрядъ «исправныхъ членовъ общества», т. е. уплатившихъ недоимки и текущіе сборы, найдется не много. Вся-же остальная масса недоимщиковъ, годовымъ трудомъ на сторонѣ внѣ семьи искупившая часть недоимокъ, будетъ за эти лишенія наказана невыдачей новаго паспорта и тѣмъ приговорена къ безвыходному положенію дальнѣйшаго накопленія недоимокъ со всѣми послѣдствіями вплоть до фактическаго изгнанія съ земли.

Конечно, такія послѣдствія паспортныхъ стѣсненій были-бы ослаблены, еслибы сборы и повинности было приведены въ соотвѣтствіе съ доходностью земли. Но теперь у насъ объявилась новая статистика, опровергающая «предразсудки», навѣянные земскими статистическими изслѣдованіями. Недавно, (18-го іюня) въ «Торгово-Промышленной Газетѣ», оффиціальномъ органѣ министерства финансовъ, было заявлено, что «въ настоящее время такое противорѣчіе (между доходностью крестьянскихъ земель и сборами), какъ это можно судить по имѣющимся въ министерствѣ финансовъ даннымъ (отчетамъ податныхъ инспекторовъ, донесеніямъ казенныхъ палатъ и т. п.), если и проявляется, *то только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ*»... Послѣ этого мы уже не станемъ говорить о самомъ сборѣ съ паспортныхъ документовъ о его равномѣрности и соотвѣтствіи съ основными началами обложенія.

М. Петровъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Критика.

А. И. Смирновъ. Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Университетскія чтенія. Казань, 1894 года.

В. Шербюлье. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ, переводъ съ французскаго *М. Калмыкова*. Петербургъ, 1894 г.

William Knight. The Philosophy of the Beautiful (1891—1893), (2 volumer), London.

Esther Wood, Dante Rossetti, and the pre-raphaelite movement. London, 1894.

Мы выписали названія нѣсколькихъ книгъ, въ которыхъ разрабатываются нѣкоторые вопросы искусства подъ разными углами зрѣнія и на основаніи различныхъ матеріаловъ. Авторы трехъ національностей излагаютъ свои мысли о красотѣ, о законахъ изящнаго, о главнѣйшихъ теченіяхъ въ эстетической литературѣ—каждый употребляя свои пріемы, каждый придерживаясь своихъ обще-философскихъ понятій. Русскій профессоръ заботливо выдвигаетъ свою приверженность научному методу, французскій академикъ щеголяетъ широкими и смѣлыми паралелями, два англійскихъ писателя изслѣдуютъ предметъ съ постепенностью строго развивающагося убѣжденія, не рисуясь никакими фразами, не заигрывая съ читателемъ полу-поэтическими, полу-риторическими изліяніями. Каждый идетъ своимъ путемъ. Профессорскія чтенія г. Смирнова заключаютъ въ себѣ нѣсколько вѣрныхъ психо-физіологическихъ соображеній и размышленій, не подчиненныхъ, однако, опредѣленному принципу. Краткая, сбивчивая, поверхностная характеристика различныхъ направленій отвлеченной мысли колеблетъ довѣріе читателя къ солидности его научно-философской подготовки для самостоятельнаго разрѣшенія важныхъ и сложныхъ вопросовъ эстетики. Повторяя ходячіе отзывы толпы о представителяхъ европейской философіи, г. Смирновъ нигдѣ не даетъ намъ ни одного замѣчанія, ни

одного разсужденія, обличающаго смѣлость мысли, глубокій критическій талантъ. Его нападки на метафизику не имѣютъ никакой цѣны, не обставлены доказательствами. Это—тѣ самыя банальныя фразы, которыя уже много лѣтъ повторяются на страницахъ газетъ и журналовъ, усыпляя интересъ общества къ лучшимъ руководителямъ европейскаго просвѣщенія, извращая и разрушая въ корнѣ стремленія людей къ широкому и всестороннему пониманію жизни съ ея высокими задачами и цѣлями. Тотъ-же размахъ, тѣ-же категорическіе приговоры. Осколки новѣйшихъ научныхъ построеній, собранные путемъ заурядной компиляціи, должны разбить то, что воздвигалось вѣками на прочныхъ, глубоко лежащихъ основаніяхъ, величайшими усиліями творчества! Отвлеченная мысль, искавшая свѣта за призрачными формами жизни, должна быть признана вредною для реальныхъ интересовъ европейскаго общества! Въ области философіи одержаны великія побѣды, идеальная природа человѣка показана міру въ яркомъ освѣщеніи настоящей мудрости, отъ Платона до Гегеля критическій геній народовъ созидалъ все новыя и новыя доказательства для защиты нравственныхъ и религіозныхъ идей—все это ничего не значитъ! Метафизика, метафизика! Слѣдуйте позитивнымъ пріемамъ мышленія, дѣлайте наблюденія, эксперименты и вы будете стоять на высотѣ современнаго знанія. Идите путемъ простой индукціи, не поднимаясь надъ фактами, не ища никакихъ объясненій, кромѣ эмпирическихъ,—и вы придете къ цѣли. Не заноситесь, Бога ради, ни въ какія мистическія сферы и не забывайте, что такъ называемое духовное начало—выдумка людей, одержимыхъ злымъ бѣсомъ сумасброднаго и безпочвеннаго идеализма. Міръ матеріаленъ—это очевидно для всякаго. Сознаніе, отвлеченныя идеи разума—игра матеріи въ безконечномъ пространствѣ, наполненномъ матеріальными силами—это теперь извѣстно доподлинно и сомнѣній никакихъ быть не можетъ!.. Такъ разсуждаютъ или, вѣрнѣе сказать, такъ разсуждали въ самое недавнее время знаменитые авторитеты европейской науки, а за ними и по ихъ слѣдамъ пошли всѣ тѣ, кто, по безталанности и лѣнивому равнодушію ко всякой серьезной умственной работѣ, въ новомъ ученьи нашелъ подходящую теоретическую опору для своихъ собственныхъ, привычныхъ взглядовъ и представленій. Быстро разлившись по всему міру, благодаря своей банальности, позитивизмъ въ теченіе какихъ-нибудь трехъ десятилѣтій создалъ себѣ повсюду самыхъ горячихъ поборниковъ, которые густыми толпами собирались около ученыхъ людей, бѣшено апплодируя однимъ, заглушая свистками голоса другихъ. Было время, когда мнѣніе толпы какъ-бы царило надъ философскими работами. Общество рѣшило спасаться позитивизмомъ—значитъ, люди науки должны строго держаться въ своихъ изслѣдованіяхъ позитивной задачи, выдвинутой вѣкомъ. Общество отвергло всякія философскія мечтанія—значитъ, ученые люди, не желающіе слыть за фигляровъ, должны всѣми силами разрабатывать только

тѣ вопросы, которые могутъ быть признаны положительными. Общество законодательствуетъ, общество одобряетъ, общество запрещаетъ— и на его рѣшенія, какъ на рѣшенія верховнаго трибунала, вѣтъ и не можетъ быть никакой апелляціи. Въ этомъ слава науки—она хочетъ и должна быть гражданственною. Въ этомъ ея высокая роль въ жизни людей—она не сопротивляется обществу, а идетъ навстрѣчу его насущнымъ потребностямъ. Позитивизмъ сдружилъ толпу съ наукою, но самую науку онъ унизилъ, при этомъ, до степени безсильнаго орудія въ рукахъ всякой умственной посредственности, до уровня жалкихъ и отрывочныхъ свѣдѣній, лишенныхъ внутренняго, идеальнаго центра. Но истина раньше или позже должна одержать побѣду надъ ложью. Заблужденія людей, по словамъ блаженнаго Августина, косвеннымъ образомъ подготовляютъ почву для болѣе глубокаго, болѣе рѣшительнаго и смѣлаго воспріятія высшихъ началъ научной и философской правды: въ борьбѣ различныхъ школъ между собою выступаютъ съ особенною рельефностью тѣ принципы, которые руководятъ обществомъ на пути его дѣйствительнаго развитія, даютъ силу его лучшимъ стремленіямъ, окрыляютъ его духъ свѣтлыми надеждами. Озаренная полемическимъ огнемъ, настоящая правда философіи выступаетъ передъ сознаніемъ людей въ нетлѣнныхъ выраженіяхъ добра и красоты—такою могучею, желанною, необходимою, какою она никогда не казалась-бы на мирномъ полѣ безпрепятственнаго труда, въ обычныхъ условіяхъ благополучнаго историческаго прогресса. Борьба укрѣпляетъ умственныя и нравственныя силы людей, борьба прокладываетъ новые пути къ высшимъ цѣлямъ просвѣщенія и счастья. Борьба окружаетъ истину безчисленными доказательствами. Нагая и безпомощная въ рукахъ своего перваго творца, она съ теченіемъ времени облекается необходимыми покровами, тѣми доспѣхами, которые нужны для спора, для сопротивленія излюбленнымъ, но ложнымъ понятіямъ. Съ каждою новою побѣдою философія дѣлается все сильнѣе и сильнѣе... Такъ луна выходитъ изъ-за тучи свѣтлѣе и ярче прежняго. Вотъ она исчезла за темнымъ облакомъ, вотъ она вылетѣла на синій просторъ, сіяя мягкимъ, серебристымъ свѣтомъ. Въ отдаленіи виднѣются новыя тучи. Обнявъ полнеба, онѣ скоро раскинутся во всѣхъ направленіяхъ. Но луна весело плыветъ навстрѣчу мрачному непріятелю, разливая нѣжное сіяніе: она прорѣжется сквозь тучи и выйдетъ на свободу при всеобщемъ ликованіи мерцающихъ звѣздъ... Философія, временно заслоненная позитивизмомъ, выступаетъ теперь съ новыми силами и новыми надеждами.

А русскій профессоръ повторяетъ плохія фразы, выдуманныя людьми съ малымъ научнымъ развитіемъ, съ ограниченными философскими способностями. Не видя того положенія, которое занимаетъ эстетика въ общей системѣ отвлеченнаго знанія, г. Смирновъ хотѣлъ бы науку о прекрасномъ поставить въ исключительную зависимость отъ нѣкото-

рыхъ психо-физіологическихъ понятій, отрѣзавъ ее отъ всякой связи съ общими идеями философіи. «Долгое время, говоритъ онъ, эстетика, какъ и всѣ науки о человѣкѣ, о разныхъ сторонахъ его душевной жизни и дѣятельности, находилась подъ опекой метафизики, и методой, господствовавшей въ ней, была метода метафизическая или апріорная». Метафизика губила правильное пониманіе эстетическихъ законовъ. Не вооруженная научными методами изслѣдованія, она выдумывала совершенно произвольныя и ложныя опредѣленія, которыми общество удовлетворялось до тѣхъ поръ, пока не совершился переломъ въ направленіи философской мысли. Но теперь, отбросивъ наивные пріемы анализа, эстетика стала положительной наукою,—и стоитъ только сравнить современныя эстетическія понятія съ понятіями прежней метафизической эстетики, чтобы убѣдиться, что «прогрессъ развитія»—по очень скверному выраженію г. Смирнова—совершился громадный и важный. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ понимали красоту нѣкоторые знаменитые философы, имѣвшіе большое вліяніе на умственную исторію европейскихъ обществъ. Какіе эстетическіе взгляды проводили Платонъ, Кантъ, Гегель? Какими успѣхами обязана эстетика метафизическому направленію отвлеченной мысли? И вотъ, обратившись къ свидѣтельству исторіи, г. Смирновъ приходитъ къ печальнымъ выводамъ. Вся исторія эстетики представляется ему медленнымъ, но постепеннымъ освобожденіемъ этой науки отъ господства метафизики, отъ «апріорной или спекулятивной методы». Коренныя заблужденія философіи накладывали свою печать и на эстетическія воззрѣнія мыслителей. Платонъ разсматривалъ идею прекраснаго «съ общей метафизической точки зрѣнія своей знаменитой теоріи идей». По взгляду Платона, «красота существуетъ, какъ идея, въ какой то трансцендентной области умопостигаемыхъ сущностей»! То, что мы называемъ прекраснымъ въ природѣ или искусствѣ—слабый отблескъ божественной красоты, которую когда-то созерцала наша душа. Въ этомъ мірѣ призраковъ красивые предметы оживляютъ въ насъ стремленіе въ высшія сферы жизни и духа. Таковъ «трансцендентальный, религіозно-мистическій взглядъ» Платона на красоту въ туманномъ изложеніи г. Смирнова. Свѣтлая мысль греческаго философа, выраженная въ нѣкоторыхъ его діалогахъ съ поразительнымъ изяществомъ, подъ перомъ русскаго ученаго превратилась въ неуклюжій наборъ фразъ съ запугивающими невѣжественную толпу иностранными словами, употребленными не кстати, неправильно, безъ всякой научной осторожности, съ полнымъ пренебреженіемъ къ ихъ внутреннему смыслу, къ ихъ историческому происхожденію. Г. Смирновъ швыряетъ философскими терминами съ развязностью, которая мало подобаетъ ученому человѣку Что такое значитъ «апріорная или спекулятивная метода мышленія»? Всякое мышленіе имѣетъ отвлеченный характеръ и потому каждый логическій актъ можетъ быть названъ актомъ спекулятивнымъ. Отвлеченность, спекулятивность свойственна

самому процессу мышленія, какъ самостоятельной работѣ сознанія надъ различными фактами внутренней или внѣшней жизни. Это не методъ, а самое существо логической работы. Это ея органическій признакъ, ея природа, ея характеръ. Г. Смирновъ не заботится о точномъ разграниченіи отдѣльныхъ понятій. Чтобы нанести въ глазахъ профановъ смертельный ударъ метафизикѣ, ему достаточно сказать, что она пользуется въ своихъ изслѣдованіяхъ методомъ апріорнымъ, спекулятивнымъ. Апріорный методъ—пусть г. Смирновъ объяснитъ намъ, что онъ разумѣетъ подъ этими словами, пусть иллюстрируетъ свое объясненіе доказательствами, заимствованными изъ той философіи, которую онъ хочетъ сокрушить голыми руками, поверхностными фразами безъ внутренняго содержанія, съ претензіею на критическую глубину, но безъ малѣйшаго признака оригинальной умственной работы. Кантъ доказывалъ существованіе апріорныхъ, *чистыхъ* формъ чувственнаго воспріятія, апріорныхъ формъ или категорій логическаго мышленія, но методъ изученія былъ у него не апріорный, а *критическій*. Апріорнаго метода не существуетъ. Можно спорить о существованіи апріорныхъ началъ въ области мышленія, можно различно понимать взаимныя отношенія между эмпирическими и чистыми элементами сознанія, между *случайными* и *принципіальными* частями духовнаго процесса, но работать посредствомъ несуществующаго апріорнаго метода нельзя ни въ какомъ случаѣ. *Критическій методъ*—единственный методъ, которымъ сознательно или безсознательно пользовались философы съ древнѣйшихъ временъ. На различныхъ ступеняхъ историческаго развитія, въ различныхъ философскихъ системахъ древняго и новѣйшаго происхожденія, *сила* критическаго мышленія выступала съ неодинаковою энергіею, съ неодинаковою остротою, но безъ критики не обходилась ни одна философская работа. Имѣя множество варіантовъ, критическій методъ можетъ явиться подъ различными названіями и въ различныхъ формахъ, но вездѣ и всегда онъ остается вѣренъ своей природѣ. Достигнувъ наибольшей яркости у Канта, онъ какъ бы разбилъ всю исторію философіи на два періода—на періодъ догматическаго и критическиго мышленія, но нѣтъ сомнѣнія, что и въ метафизикѣ, предшествовавшей 1781 году, легко открыть слѣды самаго строгаго критическаго отношенія къ явленіямъ внѣшней и внутренней жизни. Это должно быть ясно при самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ различными философскими системами, и профессору русскаго университета по кафедрѣ философіи неприлично смѣшивать воедино различныя понятія, пользоваться научными терминами съ легкомысліемъ журнальнаго фразера... Г. Смирновъ такъ опредѣляетъ эстетическую точку зрѣнія Платона: «это—трансцендентальный, религіозно-мистическій взглядъ на красоту, какъ на отраженіе нѣкоторой сверхопытной идеи въ чувственномъ содержаніи, или какъ на выраженіе безконечнаго въ конечной формѣ». И опять-таки приходится сказать, что г. Смирновъ подбираетъ слова неосторожно, не соблюдая перспек-

тивы времени. Понятія новѣйшаго происхожденія, съ совершенно опредѣленнымъ, строго очерченнымъ содержаніемъ, не слѣдуетъ искусственно расширять, пользуясь ими для характеристики самобытныхъ ученій древности. О каждомъ предметѣ надо умѣть говорить соотвѣтствующими словами, сохраняя его колоритъ, не измѣняя его природнаго рисунка. Несмотря на сходство нѣкоторыхъ частей системы Платона съ ученіемъ Канта, непозволительно, однако, обрисовывать взгляды греческаго философа фразами новѣйшаго типа, выраженіями, которыя возбуждаютъ нѣкоторыя чуждыя данному предмету ассоціаціи. «Трансцендентальный взглядъ Платона на красоту»—это фраза въ высшей степени рискованная, непонятная безъ длинныхъ объясненій и натяжекъ. Въ сочиненіяхъ Платона ничего не говорится о трансцендентальномъ началѣ—о трансцендентальныхъ формахъ воспріятія, о трансцендентальныхъ понятіяхъ, участвующихъ въ процессѣ познанія. Можно утверждать, что все ученіе Платона по вопросу о познаніи имѣетъ мистическій *трансцендентный* характеръ, но нельзя, намъ кажется, серьезно доказывать, что въ этомъ ученіи имѣется болѣе или менѣе стройно развитое представленіе о тѣхъ элементахъ познанія, которыми создается и управляется человѣческій опытъ, въ духѣ Кантовскаго ученія. Не дорожа строгимъ значеніемъ философскихъ выраженій, добиваясь рѣзкихъ полемическихъ впечатлѣній на полуобразованную публику, собирая мало извѣстныя слова ради эффекта, ради сенсаціи, скандализирующей метафизику, г. Смирновъ съ необычайною быстротою изрекаетъ смертельные приговоры величайшимъ системамъ міра. Неуклюжее изложеніе уже возбудило въ читателѣ мысль о томъ, что изложенное ученье туманно, держится на произвольныхъ обобщеніяхъ, лишено научнаго характера, а два, три критическихъ удара, нанесенныхъ съ удалымъ размахомъ, окочательно должны погубить старую систему въ его глазахъ. Съ вершинъ современнаго знанія не трудно видѣть недостатки прошедшихъ ученій. Ступая по ровному пути, проложенному позитивною наукою, легко сразиться съ отсталыми взглядами людей, шедшихъ запутанными, извилистыми дорогами идеализма и спиритуализма! Два-три удара и все кончено: вотъ уже дикія птицы слетаются къ окровавленному трупу метафизики... Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ легко справляется г. Смирновъ съ ученіемъ Платона. Профессоръ находитъ, въ эстетическихъ изреченіяхъ Платона двѣ ошибки: во-первыхъ, «недоказанное предположеніе о душѣ», во-вторыхъ, взглядъ на красоту, какъ на нѣкоторую простую сущность, какъ на нѣкоторую неразложимую идею. «Понятно, что при подобныхъ предположеніяхъ, исключающихъ *саму* мысль объ анализѣ чувства красоты и изслѣдованіе причинъ эстетическихъ эффектовъ, эстетика, какъ наука, не могла сдѣлать ни шагу. Если, несмотря на то, мы встрѣчаемъ у Платона нѣкоторыя вѣрныя понятія о прекрасномъ, нѣкоторыя идеи о порядкѣ и симметріи, нѣкоторыя замѣчанія о значеніи искусства въ человѣческой жизни, то эти воззрѣнія от-

личаются еще весьма неопредѣленнымъ и сбивчивымъ характеромъ. Тѣмъ, что въ нихъ есть правильнаго, Платонъ обязанъ былъ своему уму, своему художественному такту, а не общимъ принципамъ и пріемамъ своей метафизики». Все превосходно въ этомъ строгомъ критическомъ разборѣ, но всего превосходнѣе упрекъ Платону за «недоказанное предположеніе о душѣ». Это, можно сказать, шедевръ философскаго мышленія. Посредствомъ сознанія доказывается существованіе міра, но самое существованіе души остается все-таки недоказаннымъ! Существуетъ наука о явленіяхъ и нормахъ душевной жизни, но науки о душѣ существовать не должно: таково непреложное требованіе позитивизма...

Разобравши Платона, г. Смирновъ даетъ намъ краткія, категорическія оцѣнки другихъ эстетическихъ теорій на немногихъ страницахъ, не снабженныхъ ни единой ссылкой на оригинальныя сочиненія авторовъ, ни единой дословной цитатой изъ старыхъ сочиненій. Объ Аристотелѣ г. Смирновъ отзывается съ оттѣнкомъ нѣкотораго снисходительнаго сочувствія. «Аристотель, говоритъ онъ, ученикъ Платона, отличался большей трезвостью мысли. У него мы видимъ первое начало обособленія эстетики. Художественное творчество онъ старался выдѣлить изъ другихъ видовъ практической дѣятельности. Онъ указалъ, что подражаніе лежитъ въ корнѣ художественной дѣятельности, но не исчерпываетъ всего значенія искусства...» Само собою ясно, что г. Смирновъ опрокидываетъ Аристотеля безъ малѣйшаго умственнаго затрудненія. «Это понятіе объ искусствѣ, пишетъ онъ,—представляется весьма неполнымъ, а главное—научно не обоснованнымъ. Понятіе о прекрасномъ осталось у Аристотеля неопредѣленнымъ, не анализированнымъ...» Сжато, мѣтко и убійственно—вотъ съ какою силою критикуетъ русскій профессоръ первыхъ представителей эстетической науки. Платонъ основывалъ все свое ученье на «недоказанномъ предположеніи о душѣ» и тѣмъ самымъ придалъ своимъ эстетическимъ воззрѣніямъ «трансцендентальный, религіозно мистическій» характеръ, Аристотель «отличавшійся большей трезвостью мысли», тоже не съумѣлъ поставить свою теорію красоты на надлежащую научную высоту. Тогда еще не было новѣйшей науки съ ея важными открытіями. Тогда еще не знали, что корни нашей психической жизни слѣдуетъ отыскивать въ животномъ мірѣ. Тогда никому еще не приходило въ голову, что чувство красоты «играетъ чрезвычайно важную роль въ половомъ подборѣ», что павлинъ обладаетъ великолѣпными перьями именно потому, «что такія перья нравятся его самкѣ», что соловей «отличается способностью къ музыкальной модуляціи звуковъ» именно потому, «что этимъ онъ нравится своей подругѣ...» Вотъ чего не знали во времена Платона и Аристотеля.

Освѣтивъ немногими словами эпоху возрожденія, коснувшись въ нѣсколькихъ летучихъ фразахъ главныхъ дѣятелей эпохи «*Sturm und Drang*»—Лессинга, Винкельмана и Гердера, г. Смирновъ переходитъ къ

эстетикѣ идеалистической. О Кантѣ мы находимъ у него самыя краткія, ничего незначащія свѣдѣнія. «Сочиненіе Канта *Критика способности суждений*, говоритъ онъ, въ большей своей части есть теорія эстетическихъ сужденій, поэтическаго творчества и искусства». Кантъ отыскиваетъ въ эстетикѣ «синтетическія сужденія a priori, изслѣдованію которыхъ посвящена и теоретическая часть его философіи» Ничего больше: такова краткая характеристика мыслителя, указавшаго эстетикѣ ея настоящее положеніе между теоретической и практической философіей, разработавшаго съ удивительною глубиною основные вопросы красоты. О Шеллингѣ г. Смирновъ сообщаетъ своимъ слушателямъ еще болѣе туманныя свѣдѣнія. Шеллингъ излагалъ теорію изящнаго въ сочиненіи «Трансцендентальный идеализмъ» и въ лекціяхъ «О философіи искусства». Шеллингъ «усматриваетъ въ искусствѣ нѣкоторое тожество субъекта и объекта равновѣсіе духа и матеріи, обнаруженіе разума въ явленіи». Ничего больше: одно изъ самыхъ плодотворныхъ теченій въ области эстетики отмѣчено съ формальною краткостью учебной программы. Ни единаго живого слова, ни одной фразы, свѣтящей знаніемъ предмета,—все сухо, плохо, безцвѣтно. О Гегелѣ мы можемъ прочесть въ книгѣ г. Смирнова около шести печатныхъ страницъ. Авторъ не держится опредѣленной точки зрѣнія, и то поднимаетъ эстетическое ученіе Гегеля до неба, то низводитъ его до степени «метафизической теоріи», страдающей обычными для всякой метафизики недостатками. Эстетика Гегеля—наиболѣе зрѣлый плодъ всей нѣмецкой философіи. Она содержитъ въ себѣ «много совершенно новыхъ и геніальныхъ воззрѣній на искусство, которыя сдѣлались затѣмъ достояніемъ не только эстетики гегельянской школы, но и другихъ противоположныхъ направленій». Благодаря философіи Гегеля, получила право гражданства историческая и соціальная точка зрѣнія на человѣческую жизнь, «которая не могла не быть благотворной и для эстетики». Въ системѣ Гегеля созрѣла идея о солидарности историческихъ эпохъ въ развитіи искусства. Таковы достоинства эстетики Гегеля. Ея недостатки, однако, довольно многочисленны: Гегель держится «метафизической методы», или, вѣрнѣе сказать, методы діалектической, благодаря которой эстетическій матеріалъ получаетъ у него, вмѣсто освѣщенія, «нѣкоторое систематическое и въ то-же время весьма искусственное распредѣленіе». Идеальное воззрѣніе на искусство, правильная оцѣнка его значенія для человѣческой культуры не нуждаются, по мнѣнію г. Смирнова, «въ метофизическихъ основаніяхъ гегелевской или какой-либо другой системы». Въ системѣ Гегеля не принята во вниманіе зависимость эстетическихъ явленій отъ естественныхъ условій, «дѣйствительная связь между разными историческими эпохами въ развитіи эстетическихъ идеаловъ и искусства затемняется, прикрывается искусственною связью, налагаемой условіями трехчленной методы». Гегель иногда извращаетъ историческіе факты въ угоду общимъ своимъ принципамъ... Трудно на

шести печатныхъ страницахъ собрать большее количество философскихъ противорѣчій и обнаружить съ такой удивительною ясностью шатаніе собственной мысли, неумѣнье разбираться въ трудныхъ научныхъ вопросахъ и системахъ. Не осиливъ Гегеля, г. Смирнову остается сказать только одно. что своими счастливыми идеями въ области эстетики Гегель былъ обязанъ не общей системѣ своихъ понятій, а «личному генію и всестороннему образованію». Метафическая точка зрѣнія только мѣшала развернуться его философскому таланту, какъ она мѣшала нѣкогда Платону. Идеалистическій взглядъ на искусство вовсе не нуждается ни въ какихъ общихъ и идеалистическихъ принципахъ—ни въ духѣ Гегеля, ни въ духѣ «какой либо другой системы»...

Такова критическая часть труда г. Смирнова. Расшатавъ старыя метафизическія основанія эстетики, профессоръ ищетъ опоры для разумной науки о прекрасномъ въ области психологіи и физіологіи. Въ психологіи открытъ великій законъ ассоціаціи идей, въ физіологіи хранится все то, безъ чего эстетика не можетъ стать настоящей наукой. «Едва-ли мы ошибемся, замѣчаетъ г. Смирновъ,—если скажемъ, что *эстетика есть наука положительная настолько, насколько она опирается на физіологическія данныя*». Отсюда слѣдуетъ, что ученіе о прекрасномъ не можетъ выйти изъ области психо-физіологическихъ изслѣдованій: вотъ его сфера, вотъ гдѣ методъ настоящей, научной эстетики. Перенеся вопросъ о красотѣ изъ области философіи въ область психо-физіологіи, г. Смирновъ, не безъ ученой помпы, открываетъ предъ нами основной законъ эстетическихъ впечатлѣній и затѣмъ, въ послѣдующихъ главахъ, показываетъ развитіе этого закона въ сферѣ музыкальнаго и вокальнаго искусства. «Если мы упражняемъ, говоритъ онъ, наши члены не ради какихъ-нибудь полезныхъ цѣлей, но ради самаго удовольствія, то такую забаву мы называемъ игрою. Если мы такимъ-же образомъ упражняемъ наше зрѣніе или слухъ, то возникающее отсюда удовольствіе мы называемъ эстетическимъ чувствомъ. Эстетическое чувство есть субъективное явленіе, сопровождающее нормальныя отправленія периферическихъ органовъ нашей нервной системы, отправленія которыя не заинтересованы непосредственно въ цѣляхъ органическаго сохраненія». Тотъ предметъ мы называемъ эстетически прекраснымъ, который доставляетъ намъ наибольшее количество пріятныхъ возбужденій при наименьшемъ количествѣ возбужденій непріятныхъ «въ процессахъ периферическихъ органовъ нервной системы, прямо несвязанныхъ съ органическими функціями». Красота не служитъ грубымъ животнымъ потребностямъ нашего тѣла.. Таковъ основной законъ научной эстетики. И надо сказать правду, только потрясши всѣ старыя метафизическія построенія, можно было съ такою легкостью разрѣшить одинъ изъ самыхъ трудныхъ философскихъ вопросовъ. Только отрѣшившись отъ погибельнаго «апріорнаго метода», можно было выйти на прямую и ясную дорогу неопровержимаго научнаго мышленія. На

у Канта, ни у Шеллинга, ни у Гегеля мы не встрѣтимъ этого, столь тонко подмѣченнаго и столь отчетливо выраженнаго г. Смирновымъ эстетическаго закона. Отнынѣ всѣ дебаты должны считаться законченными. Мѣткое слово найдено. Все то, что возбуждаетъ въ вашей нервной системѣ пріятное движеніе, *прямо несвязанное съ органическими функціями*, должно считаться эстетически красивымъ. Прямо несвязанное съ органическими функціями... Вотъ ключъ къ раскрытію одной изъ самыхъ старинныхъ философскихъ тайнъ. Вотъ ключъ, котораго не было въ рукахъ Канта, Шеллинга и Гегеля.

Книга французскаго академика Шербюлье написана легкимъ изящнымъ стилемъ, который дѣлаетъ ее интересною и доступною для всякаго читателя. Обладая огромной начитанностью, авторъ цитируетъ самые разнообразные литературные источники и постоянно оживляетъ свое изложеніе множествомъ анекдотовъ изъ жизни знаменитыхъ художниковъ и артистовъ. Каждая глава производитъ цѣльное, законченное впечатлѣніе. Не стараясь придать своему изслѣдованію строго-научный характеръ, не заботясь о философской послѣдовательности, Шербюлье въ каждую данную минуту разсматриваетъ какъ-бы весь предметъ и со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Эстетическія теоремы не выступаютъ въ порядкѣ ихъ логическаго развитія, а соединены между собою болѣе или менѣе фантастическимъ образомъ, по капризу вдохновенія, случайными переходами авторскаго краснорѣчія. Перетасуйте главы и книга отъ этого ничего не потеряетъ. Презирая скуку ученыхъ сочиненій, Шербюлье заботится только о томъ, чтобы разсужденія его нигдѣ не становились мало интересными, вялыми: пусть отсутствуютъ строгія логическія доказательства, но пусть повсюду бьетъ живой фонтанъ остроумія, сверкаютъ параллели, сыплются освѣжающимъ дождемъ парадоксы, изрѣченія, блестящія метафоры, счастливыя мысли смѣняются у него отрывочными, теоретическими положеніями, логическіе доводы тонутъ въ цѣломъ морѣ бенгальскаго огня, зажженнаго на всемъ пути изслѣдованія. Трудно сосредоточиться на опредѣленномъ принципѣ. Пестрое изложеніе, украшенное цвѣтами изысканной риторики, не сдерживаетъ вниманіе въ извѣстныхъ границахъ. Трудно запомнить всѣ анекдоты, невозможно слѣдовать за писателемъ, перескакивающимъ съ акробатическою ловкостью отъ одного эстетическаго закона къ другому—надъ бездонными пропастями научныхъ сомнѣній и философскихъ тайнъ.

Въ этой книгѣ нечему учиться, но въ ней читатель найдетъ много мѣткихъ наблюденій, массу интереснѣйшихъ фактовъ, собранныхъ талантливымъ человѣкомъ въ различныхъ сферахъ искусства.

Философскіе взгляды Шербюлье не отличаются особенною ясностью. Обозрѣвая съ высоты птичьяго полета различныя системы, онъ нигдѣ не показываетъ своего собственнаго философскаго критерія съ надлежащею силою. Поласкавъ одну изъ нихъ, онъ быстро переходитъ къ другой. Повертѣвъ ее около свѣта, онъ ловкимъ скачкомъ переносится

къ третьей. Тамъ его воззрѣнія принимаютъ небесный оттѣнокъ, здѣсь онъ становится на защиту природы противъ вымысла. Скользя между различными крайностями, Шербюлье повсюду старается показать намъ, что онъ выше партійныхъ ученій, что его мысль свободна отъ всякой рутины. Онъ знаетъ цѣну настоящему реализму и готовъ сразиться съ педантическими сторонниками грубой дѣйствительности подъ вѣковѣчнымъ знаменемъ идеализма, когда подойдетъ счастливый случай когда въ памяти вдругъ загорится мѣткое изреченіе знаменитаго философа и писателя. Исторія искусства полна блестящихъ образцовъ того и другого рода, но критикъ, слѣдящій за развитіемъ философскихъ идей и понятій, долженъ найти примиреніе между обѣими доктринами, согласуя между собою то, что въ настоящихъ произведеніяхъ искусства никогда не раздѣляется. Въ самомъ дѣлѣ, къ какой школѣ принадлежалъ Рембрандтъ? У него глубокое чувство реальнаго, чувство жизни, и пользуясь свѣтомъ съ удивительнымъ искусствомъ, онъ умѣетъ придавать самымъ обыкновеннымъ вещамъ характеръ чего-то чарующаго, сверхъестественнаго. Его произведенія въ одно и то же время и реальная дѣйствительность и фантастическая сказка, феерія, видѣніе великой души. Къ какому разряду писателей слѣдуетъ отнести Шекспира? Онъ любитъ все сложное, запутанное, но укажите поэта, который находилъ бы лучшія слова для сжатаго, яснаго, живого выраженія человѣческихъ настроеній. Можно-ли назвать чистымъ идеалистомъ Расина? Правда, онъ упрощалъ своихъ героевъ до односторонности, но кто лучше его отражалъ, въ живописномъ представленіи чувствъ всѣ переходы свѣта и тѣни, оттѣнки цвѣтовъ, всѣ тоны и полутоны? Реалистъ или идеалистъ аббатъ Прево, авторъ образцоваго французскаго романа «Манонъ Леско»?.. Въ счастливые вѣка искусства реализмъ и идеализмъ дѣйствуютъ въ одномъ живомъ и неразрывномъ сочетаніи, содѣйствуя другъ другу, дополняя другъ друга, ибо логически истинный реализмъ не противорѣчитъ истинному идеализму. Дѣйствительно, кто заслуживаетъ названія истиннаго реалиста? Истинный реалистъ—это тотъ, кто «легко прощаетъ природѣ причиняемую ею смуту и досаду, въ благодарность за творимое ею чудо, называемое жизнью, которая даже для самаго невнимательнаго наблюдателя является неизсякаемымъ источникомъ удивленія и радостей». Истинный реалистъ «страстно любитъ то, что можно назвать дѣвственными формами». Истинному реалисту «противна вода, проведенная издалека искусствомъ инженера, съ ея фонтанами, тритонами, но онъ любитъ ключъ, пробивающійся изъ скалы». Ключевая вода «для него лучше божественнаго нектара». Таковъ истинный реализмъ въ нѣсколько фразистомъ изложеніи Шербюлье: онъ то облекается прозрачными «дѣвственными формами», то брызжетъ чистѣйшею водою изъ горнаго ущелья.

Что такое истинный идеализмъ? Истинный идеализмъ «это особая манера воспріятія дѣйствительнаго міра, именно наклонность къ созер-

цавію только выдающихся, яркихъ явленій природы и жизни». Въ обыденной обстановкѣ повседневнаго существованія великое часто затеривается въ густомъ туманѣ ничтожныхъ мелочей и подробностей. Какой-нибудь могучій дубъ закрывается отъ нашихъ взоровъ, какъ ширмою, густою чащею жалкихъ деревьевъ, завидующихъ его величавости. Идеалистъ не можетъ простить такого безпорядка природѣ. Онъ требуетъ отъ искусства, чтобы оно было второю природою «болѣе бѣдною, но за то лучше устроенною, гдѣ бы не закрывалось то, что достойно созерцанія, гдѣ не унижалось бы то, передъ чѣмъ слѣдуетъ благоговѣть». Реалистъ упрощаетъ жизненныя явленія по необходимости и съ сожалѣніемъ. Идеалистъ упрощаетъ намѣренно, откидывая все то, что не важно и мѣшаетъ выступить главному съ полною рельефностью. Онъ вырубаетъ лѣсныя чащи, подравниваетъ любимыя деревья, отсѣкаетъ ненужные побѣги. У реалиста текстъ утопаетъ въ коментаріяхъ, идеалистъ ограничивается только самыми необходимыми поясненіями. Если реализмъ освобождаетъ искусство отъ всякихъ безсмысленныхъ условностей, то идеализмъ «исцѣляетъ его отъ недуга суетнаго, ребяческаго любопытства». Оба направленія правы. «Если вѣрно, что всѣ предметы и явленія кажутся намъ безконечно сложными, то не менѣе вѣрно и то, что они упрощаются для того, кто смотритъ на нихъ съ высоты, кто видитъ ихъ сущность».

Сантиментально-напыщенныя фразы въ разсужденіи о реализмѣ, наивное, лишенное философскаго содержанія представленіе объ идеализмѣ...

Отъ сочиненій проф. Смирнова и академика Шербюлье пріятно перейти къ двухтомному изслѣдованію англійскаго ученаго. Найтъ изслѣдуетъ различные вопросы эстетики съ полною серьезностью, подобающею знатоку дѣла. Шагъ за шагомъ онъ излагаетъ свои собственные взгляды на предметъ, проникнутые настоящимъ философскимъ содержаніемъ. Идеалистическое убѣжденіе, чуждое всякой натянутости, постоянно расширяющееся по мѣрѣ приближенія къ историческому и фактическому матеріалу, крѣпко сплоченное въ своихъ исходныхъ положеніяхъ, свѣтится сквозь краткія, сжатыя разсужденія автора, нигдѣ не расплываясь въ неопредѣленныхъ фразахъ, нигдѣ не потухая подъ грудою интереснѣйшихъ цитатъ. Писатель опредѣленнаго философскаго направленія чувствуется на каждой страницѣ. Сближая читателя съ различными теоріями и системами, онъ умѣетъ въ каждой изъ нихъ выдвинуть существенные элементы, подчеркнуть ихъ достоинства и нѣсколькими критическими замѣчаніями освѣтить до глубины ихъ недостатки. Метафизическія понятія и опредѣленія выступаютъ у него въ простыхъ и компактныхъ выраженіяхъ, свойственныхъ англійскому философскому языку. Не величаясь научностью своихъ пріемовъ, Найтъ нигдѣ однако не измѣняетъ научному методу, разбираясь въ вопросахъ эстетики съ критическою смѣлостью добросовѣстнаго партизана истины. Но философъ по призванію, онъ видитъ съ полною ясностью ту тон-

кую грань, которая отдѣляетъ *науку* о красотѣ отъ *философіи* красоты. Нѣкоторые мыслители, говоритъ онъ, утверждаютъ, что мы должны ограничиться перечисленіемъ тѣхъ частныхъ формъ, которыми облекается красота, опредѣленіемъ отдѣльныхъ типовъ красоты. Но занявшись этимъ, мы, замѣчаетъ онъ, никогда не вышли бы изъ предѣловъ простого, научнаго изслѣдованія. Мы занимались бы только наукою о красотѣ, классификаціею извѣстныхъ предметовъ по опредѣленному принципу, такъ какъ, кромѣ вопроса о различныхъ формахъ красоты, существуетъ еще вопросъ о томъ, можно ли всѣ типы красоты подчинить одному общему, первоначальному типу? Наука о красотѣ переходитъ въ философію красоты, когда изслѣдованіе внѣшнихъ фактовъ, углубившись, проникается болѣе серьезными задачами, когда изученіе случайныхъ явленій замѣняется анализомъ ихъ существа, ихъ внутренней причины. того единаго начала, въ которомъ нѣтъ никакихъ раздѣленій. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, научное изслѣдованіе красоты есть только интродукція къ философскому, необходимая прелюдія, но не больше. Наука о красотѣ даетъ намъ статистическій матеріалъ, инвентарь красивыхъ предметовъ. Философія красоты должна разрѣшить главную задачу эстетики, отвѣтивъ на вопросъ: что такое красота сама по себѣ?

Выразивъ свое убѣжденіе въ такихъ опредѣленныхъ словахъ, Найтъ разбиваетъ свою работу на двѣ части: въ первой и въ приложеніи ко второй дается полная, въ хронологическомъ порядкѣ, исторія эстетическихъ понятій у главнѣйшихъ культурныхъ народовъ, начиная съ глубокой древности, во второй—разборъ важнѣйшихъ теоремъ эстетики, въ опредѣленной системѣ, обнимающейся всѣ виды искусства. Обѣ части написаны съ корректностью превосходнаго университетскаго курса, съ любовью къ мельчайшимъ подробностямъ философскаго движенія мысли. Главы о поэзіи, о музыкѣ, объ архитектурѣ и живописи обнаруживаютъ тонкое эстетическое пониманіе, развитое всестороннимъ и глубокимъ изученіемъ предмета. Размышленія Найта о подражательномъ элементѣ въ искусствѣ отличаются критическою глубиною, превосходящею все то, что можно встрѣтить на эту тему въ краснорѣчивыхъ, но слегка распущенныхъ тирадахъ французскаго академика. Передъ нами человѣкъ солиднаго ума и философскаго таланта. Все у него взвѣшено, измѣрено въ различныхъ направленіяхъ. Все стремится къ опредѣленной цѣли, озаренной поэтическимъ свѣтомъ одного изъ лучшихъ художниковъ настоящаго столѣтія:

> Beauty, Good and Knowledge are three sisters
> That doat upon each other, friends to man.
> Living together under the same roof,
> And never can be sunder'd without tears.

Историческая часть труда Найта имѣетъ огромныя достоинства. Авторъ въ цѣльной картинѣ даетъ намъ полное изложеніе все древней

и новой эстетики. Эстетическіе взгляды нѣмцевъ, французовъ и англичанъ изложены подробно, снабжены многочисленными и характерными выписками изъ оригинальныхъ сочиненій, но не обойдены молчаніемъ и второстепенныя теченія въ области философіи. Каждому явленію дано опредѣленное наименованіе, всѣ факты собраны въ одно органическое цѣлое, связаны логическими доказательствами. Это—настоящій словарь эстетическихъ именъ и названій, который не долженъ сходить со стола людей, интересующихся исторіею философскаго развитія человѣчества. Менѣе подробно разработана эстетика итальянская и русская. Можно допустить, что авторъ не изучалъ съ полной основательностью соотвѣтствующихъ сочиненій на итальянскомъ и русскомъ языкахъ, такъ какъ въ опредѣленіи нѣкоторыхъ міровоззрѣній у него попадаются здѣсь несомнѣнныя погрѣшности. Найтъ ошибочно называетъ, напримѣръ, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ глубокихъ мыслителей настоящаго столѣтія, Антоніо Росмини-Сербати — идеалистомъ изъ школы Канта. Это не вѣрно. Въ превосходномъ, полномъ глубокихъ философскихъ откровеній, сочиненіи Росмини «Nuovo Saggio sull'origine delle idee», въ сочиненіи, занимающемъ центральное мѣсто среди его другихъ изслѣдованій, мы находимъ рѣшительный разборъ и Канта и всей вообще идеалистической философіи. Росмини устанавливаетъ свое собственное ученіе о познаніи и на всемъ протяженіи своей системы, имѣющей яркую богословскую окраску, нигдѣ не приходитъ въ дружеское соприкосновеніе съ критическимъ идеализмомъ. Самый методъ Канта онъ считаетъ орудіемъ, разрушающимъ высшія религіозныя представленія и понятія. Въ письмѣ къ одному итальянскому ученому, перепечатанномъ въ собраніи его сочиненій, Росмини категорически отказывается принять названіе идеалиста. «Вамъ было угодно,—пишетъ онъ,—помѣстить меня въ сектѣ или классѣ раціоналистовъ и идеалистовъ, хотя я не могу, къ счастью, назвать себя ни раціоналистомъ, ни идеалистомъ и было-бы странно, если-бы я самъ не зналъ моего имени, а другіе знали-бы его» [1]. Росмини признаетъ объективную реальность внѣшняго міра и потому долженъ отрицать все критическое изслѣдованіе Канта, долженъ отвергнуть всякую солидарность, во избѣжаніе коренныхъ логическихъ противорѣчій, съ идеалистическими системами. Кто не знаетъ, что названіе идеализма примѣняется только къ тѣмъ ученіямъ, которыя отрицаютъ *внѣшнюю* реальность, внѣшнюю цѣнность нашихъ понятій? Какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ, можно назвать идеалистомъ объективнаго реалиста? Въ самомъ дѣлѣ, если не уклоняться отъ строгаго значенія философскихъ терминовъ, ученію Росмини слѣдуетъ отмежевать совершенно самостоятельное мѣсто среди философскихъ системъ нашего столѣтія, не смѣшивая его ни съ какими другими метафизиче-

---

[1]) *Introduzione alla Filosofia.* Opere varie (volume unico). Lettere a Baldassarre Poli, стр. 394—396. MDCCCL.

скими ученіями. Разработанное съ огромнымъ талантомъ и вдохновеніемъ, блещущее по временамъ геніальностью, оно имѣетъ свою собственную исторію, свой колоритъ, дышащій небомъ Италіи...

Очеркъ русскихъ эстетическихъ понятій могъ бы быть переработанъ съ большою пользою для всего изслѣдованія Найта. Не владѣя, повидимому, русскимъ языкомъ, авторъ писалъ свою статейку о русской эстетикѣ по свѣдѣніямъ, которыя были ему доставлены m-lle Венгеровой и редактированы г. Степнякомъ. Къ тому, что ими разработано въ духѣ общепринятаго въ Россіи критическаго шаблона, англійскій профессоръ почти ничего не прибавилъ. Очеркъ страдаетъ отсутствіемъ философской оцѣнки, примѣненной къ немногочисленнымъ, но къ высокой степени характернымъ фактамъ нашего эстетическаго развитія. О главныхъ представителяхъ русской литературы Найтъ не говоритъ ничего самобытнаго. Его разсужденія о Бѣлинскомъ, Чернышевскомъ, Добролюбовѣ и Писаревѣ не основаны на истинномъ знаніи предмета. Въ конспектныхъ фразахъ и на немногихъ страницахъ передъ нами проходятъ всѣ важнѣйшіе дѣятели русской печати—блѣдными, безжизненными тѣнями. Очень жаль, что m-lle Венгерова не доставила Найту всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ и сама не поработала надъ ними со свойственнымъ ей прилежаніемъ и съ полною свободою въ освѣщеніи нашихъ судебъ въ области эстетики. Подъ редакціей г. Степняка правдивый пересказъ главнѣйшихъ событій нашей умственной исторіи, съ ея полемическими побѣдами, подъ пышнымъ знаменемъ реализма, съ ея критическими походами на «чистое искусство», могъ-бы имѣть значеніе интереснѣйшаго литературнаго документа. Но, къ сожалѣнію, наши соотечественники отнеслись къ своей задачѣ съ одною только внѣшнею добросовѣстностью, и очеркъ, написанный Найтомъ при ихъ сотрудничествѣ, не отличается всѣми необходимыми качествами. Онъ сухъ и блѣденъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о недавно появившейся въ Англіи книгѣ подъ интереснымъ названіемъ «Данте Габріель Россетти и пре-рафаэлитическое движеніе». Фанатическій сторонникъ художническаго и поэтическаго таланта Россетти, его философскаго міровоззрѣнія, представляющаго смѣсь романтическихъ и классическихъ понятій въ новомъ освѣщеніи, его художническихъ пріемовъ, авторъ пространно разсказываетъ его біографію, слѣдитъ за каждымъ шагомъ его сенсаціонной карьеры, подробно описываетъ содержаніе его наиболѣе замѣчательныхъ картинъ и посвящаетъ цѣлую главу обозрѣнію его поэтическихъ произведеній. Книга въ общемъ производитъ превосходное впечатлѣніе. Россетти стоитъ передъ глазами, какъ живой. Связь прерафаэлитизма съ философіею вѣка, съ лучшими направленіями въ области англійской литературы, англійскаго искусства обрисована съ полной отчетливостью. По мнѣнію Эстеръ Удъ, движеніе, возбужденное Россетти, имѣетъ значеніе революціоннаго переворота не въ одной только

живописи. Это движеніе—одна изъ волнъ въ великомъ теченіи нашего вѣка, одна изъ формъ мятежа и протеста противъ искусственныхъ авторитетовъ, противъ традиціи и рутины во всѣхъ сферахъ жизни. Въ качествахъ соціальнаго явленія, оно прорвалось уже во французской революціи. Въ области искусства оно нашло своихъ глашатаевъ въ лицѣ такихъ гигантовъ литературы, какъ Кольриджъ, Шелли, Китсъ. Оно задѣло всѣ слои общества, оживило свѣжими силами его политическія стремленія, его моральную и теоретическую работу. Живопись вошла послѣднею въ это великое движеніе новыхъ идей, но вдохновленная могучимъ талантомъ Россетти, она высоко подняла знамя борьбы противъ «классической и ортодоксальной схоластики». Надо прочесть всю книгу до конца, чтобы понять, что авторъ говоритъ съ полнымъ убѣжденіемъ и что убѣжденіе его основано на всестороннемъ изученіи не одной только дѣятельности Россетти. Онъ рисуетъ намъ жизнь всѣхъ членовъ «пре-рафаэлитическаго братства», входитъ въ подробную критическую оцѣнку всего того, что имѣетъ малѣйшее отношеніе къ прерафаэлитическому движенію. Перспектива времени передана съ энтузіазмомъ. Во всѣхъ разсужденіяхъ талантливой писательницы свѣтится огонекъ, возбуждающій сочувствіе и интересъ къ новому явленію въ области англійскаго искусства. Надо хорошо присмотрѣться къ весьма замѣчательнымъ снимкамъ съ картинъ Россетти, помѣщенныхъ въ книгѣ, чтобы понять, какими громадными силами создалось пре-рафаэлитическое движеніе. Въ нихъ видна неисчерпаемая вѣра въ человѣка, въ нихъ разлита такая могучая скорбь грѣха и паденія. Чѣмъ больше всматриваешься въ эти картины, тѣмъ больше сродняешься съ ними. Нетлѣннымъ сіяніемъ онѣ проникаютъ въ душу и тамъ горятъ превожными, но вѣчно дорогими образами. Ихъ нельзя забыть никогда.

Б. Библіографія.

ЛИТЕРАТУРА.

К. М. Станюковичъ. **Въ море!** Повѣсть. Изданіе М. М. Ледерле и К°. Стр. 254. Спб. 1894. Ц. 1 р.

Г-нъ Станюковичъ отлично знаетъ море и жизнь моряковъ. Поэтому (а также и благодаря его несомнѣнному таланту), его разсказы о морской жизни отличаются захватывающимъ интересомъ во всемъ, что касается описаній. Его *Морскіе разсказы*, вышедшіе годъ тому назадъ, посвященные цѣлвкомъ типамъ моряковъ и картинамъ плаванія нашихъ судовъ, обратили на себя серьезное вниманіе многихъ еще при своемъ первоначальномъ появленіи въ журналахъ и газетахъ. Но сердце человѣческое г. Станюковичъ знаетъ хуже. Поэтому, если ему къ «морской сторонѣ» своего разсказа приходится приплести еще романическую, то для этой послѣдней онъ пользуется давно уже выработанными въ нашей беллетристикѣ шаблонами и трафаретами. Это, какъ нельзя лучше, доказываетъ его новая повѣсть *«Въ море!»* Книжка читается чрезвычайно легко, съ большимъ интересомъ, и является образцовою книгою *для легкаго чтенія*. Но и только. Художественнымъ произведеніемъ эту повѣсть назвать нельзя. Это—любопытный большой фельетонъ въ 254 страницы, который изъ фельетонныхъ романовъ, печатаемыхъ въ газетахъ сотнями, конечно, выдѣляется во многихъ отношеніяхъ. Но въ этой повѣсти автору совершенно измѣнила та сжатость, которая такъ отличаетъ его *Морскіе разсказы* и дѣлаетъ ихъ

столь выразительными, даже сильными: тутъ онъ расплывчатъ и многоглаголивъ. Напр., вдругъ, ни къ селу, ни къ городу, займетъ цѣлую главу (гл. XX) біографіей кого-нибудь изъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ. Самыя описанія жизни моряковъ въ дальнемъ плаваніи не лишены на этотъ разъ характера обличительности. Фельетонный характеръ повѣсти проглядываетъ въ нарочито-придуманныхъ отдающихъ шаржемъ фамиліяхъ (графъ Таракановъ, княгиня Безуздая-Саврасова, госпожа Чамодурова) и въ спѣшности работы: начиная съ 219 страницы авторъ забылъ, какъ зовутъ одного изъ героевъ его повѣсти: офицеръ Неглинный до 219-й стр. Володенька, а съ 219-й онъ ужъ Васенька.

За морскимъ горизонтомъ. Очерки плаванія по Средиземному морю. *В. Фаусека*. Стр. 82. Спб. 1894. Ц. 40 к.

Сколько намъ ни случалось въ послѣдніе годы читать путевыхъ набросковъ и воспоминаній разныхъ гг. Лопухиныхъ, де-Воллановъ, Кругловыхъ, Елисѣевыхъ и др.,—не приходилось наталкиваться на что-либо талантливое и хотя бы заслуживающее вниманія. Но вотъ маленькая книжечка, всего въ 80 страничекъ,—и каждая страница дышетъ наблюдательностью, умомъ. Выведенъ въ книжкѣ юноша, который противъ воли и совѣта родныхъ пустился въ плаваніе по Средиземному морю на коммерческомъ суднѣ простымъ матросомъ. Долго манилъ его къ себѣ серебряный горизонтъ и звалъ въ невѣдомый, далекій путь, и юноша пошелъ, полный надеждъ на новую жизнь среди новыхъ для него людей и новой обстановки. Но приходятъ дни, настаетъ мигъ, когда юноша съ тоской и озлобленіемъ восклицаетъ: «Хорошо твое море, серебряный горизонтъ, но отъ него нѣетъ смертью! Ты показалъ мнѣ невѣдомыя страны и ихъ огромные города, залитые свѣтомъ сказочнаго солнца. Хороши твои города, но отъ нихъ вѣетъ развратомъ. Ты мнѣ показалъ тамъ и людей, мужественныхъ и сильныхъ, какихъ я не видѣлъ на землѣ, но отъ нихъ вѣетъ несчастьемъ: они въ морѣ, потому что имъ нѣтъ мѣста на землѣ. Ты обманулъ меня серебряный горизонтъ!» Припоминая жизнь людей, которыхъ приходилось наблюдать въ плаваніи, авторъ приходитъ къ заключенію, что вся ихъ жизнь—каторжный трудъ въ морѣ и безобразныя удовольствія на берегу; ихъ стремленія—приплыть въ городъ, гдѣ въ довольствѣ и роскоши живутъ чужіе люди, и упиться на заработанныя деньги виномъ и развратомъ.

Но не одни люди занимаютъ автора: особенности природы и городовъ, въ которыхъ онъ побывалъ, вылились у автора въ яркихъ, художественныхъ страницахъ. Описанія Константинополя и Марселя прекрасны и въ бытовомъ отношеніи; читатель какъ-бы присутствуетъ въ нихъ вмѣстѣ съ авторомъ, видитъ стаи константинопольскихъ собакъ, сидитъ въ марсельскомъ кабачкѣ среди курящихъ моряковъ, любуется затишьемъ на морѣ и трепещетъ при видѣ сокрушительныхъ разгулявшихся волнъ... Все въ этой маленькой книжкѣ полно выразительности и увлекательности.

Гуттенбергъ и Шефферъ. Историческій романъ изъ эпохи возрожденія наукъ и искусствъ *Е. Θ. Шрекника*. Изданіе П. В. Мишакова. Стр. 130. Спб. 1894. Ц. 25 к.

Г-нъ Шрекникъ не унимается. Только-что выпустилъ онъ свой удивительный романъ *Христофоръ Колумбъ*, недавно разобранный у насъ, какъ пускаетъ въ догонку за нимъ еще «историческій» романъ. И тутъ та-же мелодраматическая канитель съ громкими, сердцещипательными монологами и діалогами. Забавна, напр., сцена объясненія въ любви въ грозу подъ дождемъ. Герои стоятъ рядомъ, «обвиваютъ другъ друга руками», цѣлуются.. Вдругъ молнія ударяетъ въ него, сшибаетъ его съ ногъ, ранитъ (?!) въ голову; а дѣвицѣ ничего, даже не обожгла ея, даже не оглушила... Такова новая выдумка г. Шрекника, именуемая «историческимъ романомъ». Изложеніе г. Шрекника иногда совсѣмъ безграмотное.

Мать. Сказка *Ганса Христіана Андерсена* на 22-хъ языкахъ. Съ портретомъ автора. Издалъ П. Ганзенъ. Спб. 1894. Ц. 1 р.

Въ подражаніе появившемуся въ 1875 г. изданію этой сказки на 15 языкахъ, г. Ганзенъ выпустилъ ее на 22 языкахъ. Сказка эта, конечно, вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы ея читали люди, принадлежащія къ самымъ различнымъ народностямъ. Г. Ганзенъ отнесся къ своей задачѣ весьма тщательно и добросовѣстно: книга издана роскошно, въ большомъ форматѣ и изящной обложкѣ, рисованной г. Далькевичемъ, съ хорошимъ портретомъ Андерсена, гравированнымъ г. Матэ; при этомъ, цѣна книгѣ назначена, сообразно съ затратами на такое изданіе, очень дешевая, что даетъ возможность многимъ пользоваться ею, какъ изящнымъ подаркомъ.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Эрисманъ. **Пищевое довольствіе рабочихъ на фабрикахъ Московской губерніи**. М. 1894 г.

У насъ теперь предпринятъ рядъ серьезныхъ законодательныхъ работъ, направленныхъ къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ. Всѣ эти работы сталкиваются съ трудно преодолимымъ препятствіемъ, а именно: отсутствіемъ серьезныхъ изслѣдованій, которыя характеризовали бы намъ дѣйствительное положеніе рабочихъ въ Россіи.

Продовольствіе рабочихъ, конечно, лучше всего характеризуетъ ихъ положеніе. Проф. Эрисманъ и занялся, по порученію московскаго губернскаго земства, изслѣдованіемъ того, какъ и чѣмъ питаются рабочіе на фа-

брикахъ Московской губерніи. Такое изслѣдованіе, при всей ограниченности его района, должно занять видное мѣсто въ литературѣ по рабочему вопросу. Ограниченность района, впрочемъ, здѣсь искупается тѣмъ обстоятельствомъ, что для изслѣдованія взятъ центръ фабричной промышленности, да и самое изслѣдованіе произведено крупнымъ авторитетомъ въ общественно санитарныхъ вопросахъ.

Проф. Эрисманъ уже давно слѣдитъ за продовольствіемъ рабочихъ въ Московской губерніи. Почти 10 лѣтъ тому назадъ на 6-мъ съѣздѣ врачей московскаго земства онъ прочелъ докладъ о пищѣ рабочихъ на фабрикахъ Московскаго уѣзда. Такимъ образомъ, данныя позднѣйшаго изслѣдованія, охватившаго всю губернію, могутъ быть сравнены съ данными, собранными 10 лѣтъ тому назадъ хотя бы и по одному только уѣзду. Что-же произошло новаго въ послѣднія 10 лѣтъ? «Повсюду способъ продовольствія фабричныхъ рабочихъ подчиняется, съ одной стороны, издревле установившимся обычаямъ, относящимся какъ до выбора тѣхъ или иныхъ пищевыхъ веществъ, такъ и до недостаточныхъ заботъ о рабочихъ, а съ другой — экономической неустойчивости нашего фабричнаго рабочаго, отсутствія у него всякихъ запасовъ»... Важнымъ подспорьемъ въ данномъ случаѣ является старый обычай продовольствоваться на артельныхъ началахъ. Порядки харчевыхъ артелей изложены проф Эрисманомъ съ детальной точностью. Что же касается самаго анализа пищевыхъ продуктовъ, то тутъ, намъ кажется, почтенный изслѣдователь отчасти допускаетъ слишкомъ оптимистическія положенія. Такъ, онъ утверждаетъ, что «по количеству усвояемыхъ питательныхъ началъ, харчи въ мужскихъ артеляхъ и въ смѣшанныхъ артеляхъ мужчинъ и женщинъ, въ общемъ, удовлетворительны, соотвѣтствуютъ какъ теоретическимъ требованіямъ, такъ и тому, что наблюдается на практикѣ тамъ, гдѣ человѣкъ не стѣсненъ относительно количества и качества принимаемой пищи». Такое заключеніе плохо мирится съ другими положеніями, высказанными проф. Эрисманомъ. Такъ, самъ же г. Эрисманъ утверждаетъ, что «въ пищѣ нашихъ рабочихъ, какъ въ артеляхъ, такъ и при семейномъ продовольствіи, замѣчается огромное преобладаніе питательныхъ началъ растительнаго свойства надъ элементами животнаго происхожденія... бѣднѣе всего животною пищею оказываются харчи въ артеляхъ женщинъ и мальчиковъ. Пища нашихъ рабочихъ бѣдна вкусовыми веществами и качественно и количественно... Пища нашихъ рабочихъ весьма богата неусвояемыми бѣлковыми веществами, что объясняется присутствіемъ въ ней ограниченнаго количества мясныхъ продуктовъ».

Внѣшняя торговля по Европейской границѣ. Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по европейской границѣ и таможенныхъ сборахъ за 1893 г. Спб. 1894 г.

Обычные годовые отчеты нашего департамента таможенныхъ сборовъ о положеніи нашей внѣшней торговли появляются сравнительно поздно, т. е. спустя 6—7 мѣсяцевъ по истеченіи отчетнаго года. Такой промежутокъ времени даетъ полную возможность издавать самые обстоятельные отчеты. Иностранные отчеты выходятъ гораздо раньше нашихъ. Принимая во вниманіе недостатки статистической части въ отдѣльныхъ таможняхъ, можно было бы изъ иностранныхъ отчетовъ заимствовать данныя о нашей торговлѣ съ тѣмъ или другимъ государствомъ. Въ такомъ случаѣ положеніе нашей торговли рисовалось бы ближе къ дѣйствительности. Такъ, въ данномъ отчетѣ за 1893 г. положеніе нашей внѣшней торговли и поступленіе таможенныхъ сборовъ представляются блестящими сравнительно съ истекшимъ пятилѣтіемъ (1888—1892 гг.). Не оспаривая такихъ выводовъ по существу дѣла, мы не можемъ пройти молчаніемъ хотя бы одинъ таможенный конфликтъ съ Германіей, который не можетъ быть причисленъ къ блестящимъ условіямъ для развитія внѣшней торговли...

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1892 г. Спб. 1894 г.

Наша «тюрьма и ссылка» характеризуются въ офиціальныхъ отчетахъ съ значительными опозданіями. Такъ въ данномъ мѣсяцѣ вышелъ отчетъ только за 1892 г. Объ этомъ отчетѣ мы предполагаемъ поговорить въ особой статьѣ, а теперь замѣтимъ, что онъ въ отличіе отъ отчетовъ за прошлые годы значительно сокращенъ, въ особенности по вопросу о составѣ и движеніи тюремнаго населенія. Обычная краткость отчетовъ о ссылкѣ и каторгѣ и теперь сохранена, и болѣе или менѣе подробныя данныя приведены только о сахалинской каторгѣ.

Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Вып. XXI. Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Курганскаго округа Тобольской губ. Изслѣдованіе *Н. О. Осипова*. Спб. 1894 г.

Для изслѣдованія быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ въ Сибири, какъ извѣстно, были приглашены лучшія силы изъ земскихъ статистиковъ. Ихъ работы оцѣнены по достоинству и г. Осипову не слѣдовало портить реномэ этихъ работъ своимъ вмѣшательствомъ. Г. Осиповъ и самъ сознаетъ, что онъ взялся не за свое дѣло. Въ довольно безграмотномъ предисловіи «отъ составителя» онъ заявляетъ, что его «изслѣдованіе» въ самомъ скоромъ времени необходимо провѣрить и дополнить новыми изслѣдованіями. Противъ такого заявленія

всякій, знакомый съ другими «изслѣдованіями» г. Осипова, протестовать не будетъ. Съ такимъ же чувствомъ довѣрія къ предупрежденіямъ составителя и мы приступили къ чтенію «изслѣдованія».

Центръ всего изслѣдованія, по заявленію г. Осипова,—формы землевладѣнія. Приступая къ «изслѣдованію» формъ землевладѣнія, онъ счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія читателей о своемъ богатомъ запасѣ эрудиціи по данному вопросу, который обнаружился однако въ томъ, что г. Осиповъ не могъ изложить правильно возраженій за и противъ общины. Въ центральной Россіи община оказалась такой формой землевладѣнія, смыслъ которой непонятенъ народу и къ которой онъ относится полусознательно... Потомъ оказывается, что самыя основныя явленія въ общинной жизни, какъ напр., общіе и частные передѣлы и т. п., до сихъ поръ не опредѣлены точно, а потому подъ разныя категоріи такихъ явленій подведено все смѣшанное и перемѣшанное. Когда же г. Осиповъ сталъ самъ описывать земельные порядки въ Курганскомъ округѣ, то тутъ дѣйствительно все перепуталось и смѣшалось: и формы, и виды передѣловъ и основанія разверстки и т. д. Въ результатѣ, оказывается, что въ Курганскомъ округѣ, быть можетъ, и существуютъ земельные порядки, но въ «изслѣдованіи» г. Осипова они представляютъ какой-то хаосъ.

Петлинъ. **Выкупъ у помѣщиковъ крестьянскихъ надѣловъ и его послѣдствія.** Спб. 1894 г.

Г. Петлинъ оригинально критикуетъ выкупную операцію. Онъ находитъ, что у помѣщиковъ при выдачѣ выкупной ссуды не слѣдовало вычитать ихъ долги казнѣ. «Удержаніе этихъ долговъ было одною изъ крупныхъ ошибокъ» и даже «не вызывалось интересами казны»!.. Отсюда и пошло разореніе и помѣщиковъ и крестьянъ... Все это до крайности странно, такъ какъ г. Петлинъ не можетъ быть причисленъ къ защитникамъ землевладѣльческихъ интересовъ въ жанрѣ кн. Мещерскаго. Такъ, онъ самъ приходитъ къ заключенію, что «въ Россіи, при необъятныхъ ея пространствахъ и массѣ удобныхъ земель государственныхъ, разселеніе безземельныхъ крестьянъ путемъ отдачи имъ въ вѣчную или долгосрочную аренду государственныхъ земель, такъ и остающихся за дворянскимъ банкомъ и его особымъ отдѣломъ, составляло бы существенную и полезную государственную мѣру».

Хронологическій указатель указовъ и правительственныхъ распоряженій по губерніямъ западной Россіи, Бѣлоруссіи и Малоруссіи за 240 лѣтъ, съ 1652 по 1892 г. Составилъ и издалъ *С. Рубинштейнъ.* Вильна. 1894 г.

Хронологическій указатель г. Рубинштейна даетъ подробное заглавіе всѣхъ указовъ, касающихся западной Россіи, Бѣлоруссіи и Малороссіи и краткое изложеніе важнѣйшихъ изъ нихъ, главнымъ образомъ, касающихся основныхъ институтовъ гражданскаго права. Въ книгу вошло 4602 номера указовъ, составляющихъ всѣ законодательные акты, кромѣ спеціальныхъ узаконеній по военному вѣдомству, законовъ о евреяхъ, не имѣющихъ общаго значенія и различныхъ документовъ дипломатическаго и политическаго характера. На составленіе названнаго потребовалось не мало труда его составителю, который отнесся къ своей задачѣ вполнѣ добросовѣстно и далъ полезную и хорошо составленную справочную книгу.

Русскіе студенты въ Германіи. Studiosus'a. Елизаветградъ, 1894.

Книжка о русскихъ студентахъ въ Германіи состоитъ изъ нѣсколькихъ коротенькихъ очерковъ въ беллетристической формѣ анекдотическаго характера, написанныхъ очень скучно и неумѣло. Авторъ описываетъ по преимуществу кутежи, попойки и различныя безобразія, совершаемыя русскими студентами въ Германіи, между прочимъ, съ ужасомъ передаетъ, что нѣкоторыя квартирохозяйки отказываются отдавать комнаты русскимъ студентамъ. Объ умственной жизни студенчества, объ его научныхъ работахъ ничего не говорится авторомъ, такъ что читая его брошюрку, можно подумать, что главное занятіе русскихъ студентовъ заграницей составляютъ кутежи и т. п. Словомъ, можно сказать, что заглавіе брошюрки не оправдываетъ ея содержанія.

А. Слезскинскій. **Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г.** (По неизданнымъ конфирмаціямъ). Новгородъ, 1894 г.

Холерный бунтъ 1831 года въ округахъ военныхъ поселеній Старорусскаго и Новгородскаго уѣздовъ вызванъ былъ распространеннымъ среди поселенцевъ мнѣніемъ, что эпидемія вызывается господами, которые будто-бы посыпали въ рѣки, колодцы и пруды ядъ и отравляли людей; къ этому впослѣдствіи присоединились, конечно, и личные счеты поселенцевъ съ начальствомъ. Главнымъ центромъ бунта была Старая Русса, гдѣ на улицахъ и площадяхъ бунтовщики производили допросы офицерамъ объ имѣющемся у нихъ ядѣ, наносили имъ побои и увѣчья, и истязали ихъ до смерти. Пострадало такимъ образомъ болѣе 207 офицеровъ, убито-же было всего 17; но многіе, кромѣ того, умерли отъ побоевъ впослѣдствіи или сдѣлались калѣками. Тяжело поплатились за этотъ бунтъ и поселенцы, изъ которыхъ подвергалось тѣлесному наказанію 1,837 человѣкъ въ одномъ Старорусскомъ уѣздѣ; 1,599 было наказано шпицрутенами, нѣкоторые по 4,000 ударовъ, 88 человѣкъ кнутомъ отъ 9 до 44 ударовъ и 150 человѣкъ розгами отъ 25 до 500 ударовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что розгами на

казывались преимущественно старики и несовершеннолѣтніе. Наказаніе было настолько жестоко, что во время его исполненія и вскорѣ послѣ него, умерло 129 человѣкъ. Книга г. Слезскинскаго особенно интересна въ виду того, что послѣдніе холерные безпорядки вызывались приблизительно такими-же слухами, какъ 60 лѣтъ тому назадъ, что лишній разъ подтверждаетъ фактъ медленнаго распространенія просвѣщенія въ народѣ и вредныхъ послѣдствій такой медленности.

Французы и русскіе въ Крыму. Письма французскаго офицера къ своей семьѣ во время восточной войны 1853—1856. Генерала Эрбе, бывшаго полкового адъютанта 25-го пѣхотнаго полка. Перевелъ съ французскаго *С. Халютинъ.* Минскъ, 1894 г.

«Письма французскаго офицера»—интересный документъ, рисующій отношенія между враждебными арміями русской и французской во время восточной войны, вызванной не столкновеніемъ жизненныхъ и важныхъ интересовъ народа, а политическими соображеніями. Генералъ Эрбе, тогда еще молодой офицеръ, въ простыхъ и искреннихъ письмахъ къ своимъ родителямъ, передаетъ всѣ важнѣйшія событія севастопольской кампаніи, начиная отъ битвы при Альмѣ и кончая заключеніемъ мира. Авторъ вездѣ отмѣчаетъ доброжелательность отношеній солдатъ и офицеровъ обѣихъ армій, выражавшуюся при всякомъ удобномъ случаѣ, и отзывается о русскихъ съ полнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ. «Извѣстіе о мирѣ было принято съ радостью всѣми нашими старыми служаками, счастливыми мыслью о скоромъ свиданіи съ своими семьями, и утѣшавшимися возможностью побрататься съ своими добрыми товарищами «les Moscoves», съ которыми наканунѣ еще ожесточенно бились». Переводъ сдѣланъ вполнѣ прилично.

III. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И МЕДИЦИНА.

Цѣлебныя свойства органовъ животныхъ. Новые способы лѣченія болѣзней по методу Броунъ-Секара. Д-ра мед. *Д. М. Успенскаго.* Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Проф. *А. В. Пель.* **Броунсекардинъ, орхидинъ, сперминъ, ихъ свойства и значенія** (е?). Спб. 1894 г.

Вопросъ о значеніи тѣхъ или иныхъ новыхъ способовъ леченія подлежитъ обыкновенно критической разработкѣ въ лабораторіяхъ и клиникахъ, и общая печать не играетъ никакой роли въ ихъ оцѣнкѣ. Но есть лечебныя средства, которыя при самомъ своемъ появленіи столь сильно дѣйствуютъ на толпу, вызываютъ такіе горячіе толки въ обществѣ и порождаютъ настолько несбыточныя надежды, что объ нихъ неудобно молчать и общей печати.

Таковъ былъ пресловутый туберкулинъ проф. Коха, такой-же шумъ вызвали въ свое время броунъ-секаровскія впрыскиванія и сперминъ проф. Пеля. Врачебная печать отнеслась слишкомъ снисходительно къ Коху и пожалуй слишкомъ строго къ Броунъ-Секару и проф. Пелю, хотя эта строгость можетъ быть объяснена тѣмъ, что нѣкоторые защитники Броунъ-Секара и значительная часть публики склонны были видѣть въ этихъ впрыскиваніяхъ «омолаживаніе» почтенныхъ старичковъ въ черезчуръ узкомъ значеніи этого слова.

Теперь, когда обоюдное раздраженіе между поклонниками и противниками Броунъ-Секара улеглось, казалось-бы, пора прійти къ опредѣленному заключенію о значеніи его метода для больныхъ и для медицины, какъ науки. Названныя сочиненія однако не позволяютъ сдѣлать какой-либо опредѣленный выводъ.

Надо отдать справедливость г. Успенскому, что въ его трудѣ собрано много убѣдительныхъ данныхъ въ пользу леченія различныхъ болѣзней вытяжками изъ соотвѣтствующихъ органовъ здоровыхъ животныхъ. Г. Пель стоитъ на той-же почвѣ, но защищаетъ не самую жидкость, а сперминъ, какъ ея «изолированное дѣйствующее начало» (стр. 10). Между тѣмъ, по словамъ г. Успенскаго, это невѣрно, и даже самъ изобрѣтатель этой жидкости увѣряетъ, что она «не содержитъ спермина вовсе» (стр. 58). Далѣе г. Пель указываетъ на «возможность зараженія простой водной вытяжкой тестикулъ» (стр. 11), а г. Успенскій говоритъ, что эта водная вытяжка, напротивъ того, сама обладаетъ весьма сильными обеззараживающими свойствами (стр. 62). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы объяснить, почему изобрѣтенія Броунъ-Секара и г. Пеля не могутъ еще получить правъ гражданства въ медицинѣ.

Каждое подобное противорѣчіе, близко касающееся самыхъ главныхъ сторонъ метода, доказываетъ, что вопросъ этотъ еще не разработанъ такъ, какъ этого требуетъ указываемая авторами его важность.

Д-ръ Корнигъ. **Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе.** Перев. съ нѣмецкаго. Изд. д-ра Лейненберга. Одесса, 1894 г. Ц. 40 коп.

Содержаніе брошюры вполнѣ отвѣчаетъ ея названію. Въ первой главѣ сдѣлана общая характеристика печальныхъ послѣдствій непосильной борьбы даже не за существованіе, а за роскошь и карьеру. Вторая глава: «Кто нервенъ» заканчивается довольно смѣлымъ взглядомъ, что такъ какъ распознаваніе нервныхъ болѣзней «часто основано скорѣе на нѣкоторомъ чутьѣ, чѣмъ на опредѣленныхъ признакахъ, то образованная публика должна усвоить себѣ это чутье и правильно толковать» (стр. 18) состояніе больныхъ. Чутье пожалуй можетъ явиться у очень опытнаго врача, и то подъ этимъ чутьемъ слѣдуетъ разумѣть очень

быстрый ходъ мыслей, но какъ это «чутье» можетъ быть усвоено публикой, когда оно составляетъ результатъ громаднаго медицинскаго образованія и опытности? Что публика не должна спорить съ врачами, это конечно не подлежитъ сомнѣнію, но вѣдь каждый приглашаетъ только такого врача, которому вѣритъ. Поэтому, мысль автора остается для насъ непонятной.

Въ третьей главѣ указывается на могущественное дѣйствіе «душевнаго леченія», которымъ сознательно или безсознательно пользуются гомеопаты и прочіе современные цѣлители того-же пошиба. Взгляды автора по этому вопросу вполнѣ правильны и могутъ принести пользу, если станутъ извѣстны окружающимъ больного лицамъ. То же надо сказать и о двухъ послѣднихъ главахъ, посвященныхъ діэтикѣ взрослыхъ и дѣтей. Вообще брошюра заслуживаетъ вниманія.

Авторъ нѣсколько склоненъ къ нанизыванію красивыхъ словъ, что не всегда ему удается. Переводъ былъ-бы совсѣмъ хорошъ, если-бы не нѣкоторыя выраженія: «зрѣніе помутнялось» (18), «крѣпительная (въ смыслѣ укрѣпляющая) пища» (42, 46) и т. п.

Учебникъ гигіены, анатоміи и физіологіи. Для старшихъ классовъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-ое. Составила женщ. врачъ *Л. П. Измайлова*, Тифлисъ, 1894 г. Ц. 70 к.

По ясности и доступности изложенія учебникъ г-жи Измайловой нельзя не признать вполнѣ подходящимъ для поставленной авторомъ цѣли. Въ немъ разобраны наиболѣе важныя положенія гигіены, ознакомленіе съ которыми безусловно необходимо для каждаго вступающаго въ жизнь, а особенно для будущихъ матерей.

Самый фактъ, что названный учебникъ одобренъ ученымъ комитетомъ для библіотекъ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, не указываетъ-ли на то, что можетъ быть въ скоромъ времени наступитъ благопріятный поворотъ въ пользу естествознанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? Нельзя сомнѣваться, что въ числѣ наиболѣе важныхъ послѣдствій подобной мѣры не замедлили-бы выступить благоразумное охраненіе здоровья, уменьшеніе смертности и уменьшеніе господствующихъ, часто крайне вредныхъ, предразсудковъ.

Въ учебникѣ г-жи Измайловой есть, конечно, и недостатки. Къ чему, напр., выставлять окуриваніе сѣрой, какъ одинъ изъ дѣйствительныхъ способовъ обеззараженія (стр. 100), когда его безполезность давно доказана? Зачѣмъ говорить, что въ грудобрюшной преградѣ два отверстія (для аорты и пищевода — стр. 14), когда въ ней есть и 3-е — для полой вены? Вообще въ учебникѣ надо или передавать вполнѣ точныя свѣдѣнія, или совсѣмъ умолчать о томъ или другомъ вопросѣ. Всѣ эти и тому подобные недосмотры, равно какъ и значительное количество опечатокъ, очевидно зависящее отъ условій провинціальной типографіи, становятся менѣе извинительными во второмъ изданіи, чѣмъ въ первомъ, а потому нельзя не пожелать, чтобы г-жа Измайлова болѣе тщательно просмотрѣла слѣдующее изданіе, въ которомъ вѣроятно встрѣтится надобность, благодаря безспорнымъ достоинствамъ ея учебника.

Матеріалы для исторіи земской медицины въ Бессарабской губерніи. Вып. I. Д-ра *А. В. Корчакъ-Чепурковскаго*, Кишиневъ. 1893 г.

Собранные д-ромъ Корчакъ-Чепурковскимъ оффиціальные матеріалы бессарабскаго земства могутъ служить прекраснымъ отвѣтомъ на столь обычныя въ послѣднее время инсинуаціи нѣкоторыхъ не по разуму усердныхъ публицистовъ, будто-бы земство не принесло никакой пользы населенію. Всякій мало-мальски знакомый съ состояніемъ медицины въ земскихъ и не земскихъ губерніяхъ, безъ сомнѣнія пойметъ, какую ничтожную цѣну имѣютъ заявленія названныхъ публицистовъ, и потому нельзя не пожелать, чтобы образованное русское общество прониклось возможно большимъ интересомъ къ земству, къ тому, что оно сдѣлало, и къ тому, что оно хотѣло, но чего не могло сдѣлать.

Техника гистологическаго изслѣдованія патолого-анатомическихъ препаратовъ, проф. *Кальдена*, пер. съ нѣм. д-ра Розенблатъ. Изд. Риккера. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.

Руководство Кальдена пополняетъ существенный пробѣлъ въ русской литературѣ, которая не богата справочными книгами, касающимися микроскопированія. Новое изданіе г. Риккера удовлетворяетъ давно ощущаемой потребности врачей и потому ему можно предсказать значительный успѣхъ. Переводчикомъ сдѣланы нѣкоторыя дополненія, напр., о методахъ изслѣдованія, введенныхъ русскими авторами, что, конечно, повышаетъ интересъ книги.

V. Педагогія и дѣтскія книги.

Критическій указатель дѣтской и педагогической литературы 1893 г. Изданіе редакціи «Дѣтскаго Чтенія». Выпускъ III. Спб. 1894. Стр. 32. Ц. 10 к.

Редакція «Дѣтскаго Чтенія» продолжаетъ выпускать свой критическій указатель, о которомъ мы недавно уже дали сочувственный отзывъ. Въ новомъ выпускѣ даны разборы: 1) книгъ для дѣтей и юношества (32 рецензіи) и 2) учебниковъ и книгъ для родителей и воспитателей (всего только 7 рецензій). Жаль, что послѣднихъ слишкомъ мало: педагогическія изданія, въ особенности учебники, выходятъ ежедневно въ свѣтъ и распространяются по школамъ десятками

и даже сотнями; поэтому строгій контроль надъ ними крайне необходимъ.

Избранныя стихотворенія Алексѣя Васильевича Кольцова. Изданіе И. Ѳ. Жиркова. Книжка I—для младшаго и средняго возраста. Книжка II—для старшаго возраста. Книжка III—для зрѣлаго возраста. М. 1893. Ц. по 5 к.

Странное изданіе! Всѣ стихотворенія Кольцова разбиты на три группы и каждая предназначена особому возрасту, такъ что, если вѣрить г. Жиркову, «Пѣсня пахаря», «Крестьянская пирушка», «Урожай», «Пѣсня старика» уже не пригодны для чтенія въ старшемъ дѣтскомъ возрастѣ и для взрослыхъ. Вообще распредѣленіе стихотвореній по возрастамъ не обнаруживаетъ въ г. Жирковѣ педагогическаго такта и пониманія.

Дѣдъ-годовикъ. Стихотвореніе. **Мѣры времени.** *П. Е. Пашковскаго.* Тула. 1893. Ц. 10 к.

Книжечка г. Пашковскаго показываетъ, что совсѣмъ не его дѣло — держать перо въ рукахъ. Къ маленькой главѣ изъ курса ариѳметики (о мѣрахъ времени) онъ предпослалъ стихотворное введеніе въ 20 страницъ, гдѣ дубовыми виршами описалъ четыре времени года. Что за комбинація изъ ариѳметеки и стиховъ—не можемъ въ толкъ взять...

Повѣсти и сказки *Ганса Андерсена.* Новый полный переводъ съ датскаго подлинника. («Иллюстрированная библіотека Крестнаго Календаря»). М. 1893. Пять выпусковъ по 25 к.

Это роскошное и чрезвычайно дешевое изданіе навѣрно будетъ имѣть большой успѣхъ, благодаря какъ своей внѣшности и дешевизнѣ, такъ, само-собой понятно, и своему содержанію. Андерсенъ у насъ уже переведенъ и изданъ въ разныхъ видахъ. Но такого автора сколько ни переводи и ни издавай, онъ никогда не окажется лишнимъ на книжномъ рынкѣ.

Сказки, изложенныя по сборнику *братьевъ Гриммъ.* («Иллюстрированная библіотека Крестнаго Календаря»). М. 1893—1894. Десять выпусковъ по 20 к.

Библіотека сказокъ, собранныхъ *братьями Гриммъ.* Переводъ подъ редакціей *А. А. Терешкевича.* Изданіе книжнаго магазина А. Г. Кольчугина. М. 1893. Четыре книжки по 20 к.

Братьямъ Гриммъ такъ-же посчастливилось у насъ, какъ и Андерсену Ихъ оцѣненныя по достоинству сказки одновременно переводятся и издаются и въ Петербургѣ (А. Ф. Марксомъ) и въ Москвѣ двумя фирмами. Изъ двухъ лежащихъ предъ нами изданій одно—роскошное, другое (подъ редакціей г. Терешкевича)—простенькое.

Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Составилъ *Д. И. Тихомировъ.* М. 1893. Часть первая: «Древняя Россія». Стр. 258. Ц. 50 к. Часть вторая: «Новая Россія». Стр. 176. Ц. 40 к.

Лѣтъ 15 тому назадъ, у насъ появилась подобная книга — «Родная Старина» г. Сиповскаго, но она разсчитана не на маленькаго читателя, а на юношу. Г-нъ Тихомировъ составилъ такую исторію, какой у насъ до сихъ поръ еще не было. Онъ имѣетъ въ виду простого и малаго читателя, и всѣ попытки въ такомъ родѣ, въ видѣ маленькихъ историческихъ очерковъ, существующихъ для дѣтскаго чтенія, меркнутъ предъ трудомъ г. Тихомирова. Это — вся русская исторія для дѣтей, и притомъ изложена она такъ ясно, просто, такъ увлекательно, что является вовсе не учебникомъ, а одною изъ лучшихъ книгъ для чтеній. Г-нъ Тихомировъ весьма остроумно и удачно соединилъ въ ней собственный разсказъ съ исторической хрестоматіей. Пользуясь изящною словесностью, онъ выбираетъ изъ нея все, что можетъ освѣтить историческія событія и эпохи. Такимъ образомъ его разсказъ постоянно перемежается съ поэтическими произведеніями, касающимися исторіи. Пушкинъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, гр. А. Толстой, Хомяковъ, Ѳ. Глинка, Розенгеймъ, Кольцовъ, Плещеевъ, Полонскій, Бенедиктовъ постоянно являются въ помощь разсказчику со своими произведеніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ помогаютъ и читателю представлять себѣ все трактуемое въ яркихъ образахъ и тѣмъ легче запоминать читаемое.

Дѣти-крестоносцы. Историческая повѣсть для юношества. Соч. *Н. Аксаковъ.* Съ рисунками. Стр. 127. Москва. Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина 1894. Ц. 50 к.

Какой благодарный сюжетъ загубилъ г. Аксаковъ, изложивъ его съ мертвенною блѣдностью, съ мелодраматическими, трескучими монологами, сухимъ тягучимъ языкомъ! Его герои—какіе-то фразерствующіе манекены, докучливые своей витіеватой болтовней. Впечатлѣнія повѣсть не производитъ никакого, кромѣ впечатлѣнія скуки. Къ тому-же, и самая фактура повѣсти полна недостатковъ: начало размазано, разведено разговорами, а конецъ скомканъ. Рисунки г. Нестерова, которые надо разглядывать очень пристально, чтобы разобрать въ нихъ что-нибудь,—не только не красятъ, но даже не иллюстрируютъ книжку.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Анархизмъ передъ судомъ науки. — Е. А. Баратынскій. — Гр. Л. Толстой о Гюи де-Мопасанѣ.—Сенсаціонный романъ.

Анархизмъ передъ судомъ науки. Рядъ потрясающихъ проявленій анархизма, слѣдующихъ одно за другимъ втеченіе послѣдняго года и вызывающихъ теперь почти во всѣхъ государствахъ Европы цѣлую систему мѣропріятій, заставляетъ всѣхъ мыслящихъ людей глубже вникнуть въ причины, порождающія эту еще новую болѣзнь вѣка. Чѣмъ ужаснѣе, кровопролитнѣе, безчеловѣчнѣе проявленія анархизма, чѣмъ болѣе озлобленія и ненависти къ себѣ внушаютъ толпѣ фанатики этой узкой и жгучей доктрины, тѣмъ съ большею осторожностью, тѣмъ съ большимъ хладнокровіемъ должны подойти къ изслѣдованію этого явленія люди науки. Каковы-бы ни были ощущенія мирныхъ парижскихъ буржуа, изъ среды которыхъ взрывчатыя бомбы выхватили нѣсколько совершенно невинныхъ жертвъ, каковы-бы ни были чувства итальянскихъ журналистовъ, представитель которыхъ, Бонги, потерпѣлъ жестокую расправу за гласно высказанное имъ, по праву всякаго свободнаго гражданина, мнѣніе объ анархизмѣ— люди науки должны оставаться безпристрастными и справедливыми. Мнѣнія, высказанныя въ послѣднее время объ анархизмѣ и анархистахъ двумя видными представителями итальянской науки — профессорами Ломброзо и Ц. Ферреро, не исчерпывая весьма сложнаго, затронутаго ими вопроса, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ того, чтобы быть приведенными.

«Въ моемъ сочиненіи «Политическое преступленіе»,—говоритъ Ломброзо,— я пытался доказать, что коноводы великихъ революцій и возстаній въ большинствѣ случаевъ — чистые фанатики, совершающіе свои преступленія подъ вліяніемъ одной только страсти и что преступленія подобнаго рода составляютъ полную противоположность преступленіямъ, совершеннымъ природными преступниками. Прежде всего внѣшность такихъ преступниковъ не представляетъ вообще никакихъ отличительныхъ признаковъ, по которымъ можно было-бы отнести ихъ къ тому или другому типу преступниковъ. Наоборотъ, всѣ они люди съ красивыми, симпатичными, я могъ-бы даже сказать съ антикриминальными лицами, съ открытыми лбами, прекрасными волосами, съ такою-же прекрасною растительностью на лицѣ и съ ясными, мягкими глазами. Политическіе преступники совершаютъ свои преступленія обыкновенно въ очень юномъ возрастѣ. У многихъ политическихъ преступниковъ патріотическій или политическій фанатизмъ или мистицизмъ является чисто наслѣдственнымъ дѣломъ.

Душевная жизнь политическихъ преступниковъ представляетъ много удивительнаго. Одной изъ отличительныхъ чертъ этихъ фанатиковъ является между прочимъ потребность или страстное желаніе испытать страданія. «Страданіе—прекрасное дѣло», говоритъ политическій герой романа Достоевскаго. Многіе анархисты совершаютъ свои преступленія исключительно подъ вліяніемъ фанатизма или страсти. Несмотря, однако, на это, ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ природными преступниками, у которыхъ равнодушіе къ жизни и отсутствіе раскаянія являются слѣдствіемъ недостаточнаго развитія нравственнаго чувства. Послѣднимъ признакомъ политическихъ преступниковъ является склонность къ самоубійству и эпилепсія.

Санто Казеріо, убійца Карно, принадлежитъ къ разряду этихъ политическихъ преступниковъ, продолжаетъ Ломброзо. У него мы находимъ всѣ признаки фанатическаго, смѣлаго до сумасшествія политическаго преступника. Ему 21 годъ. Онъ родился въ Мотта-Висконти. По состоянію онъ—поселянинъ. Позднѣе онъ сдѣлался пекаремъ. Семья его состоитъ изъ матери и восьми братьевъ, которые пользуются прекраснымъ здоровьемъ. Казеріо—предпослѣдній изъ нихъ. Внѣшними отличительными признаками Казеріо являются огромныя челюсти, отсутствіе бороды и ненормальныя уши. Глаза его, однако, очень красивы и спокойны, формы черепа—прекрасны, лобъ широкій. Изъ незначительныхъ данныхъ, которыя имѣются о Казеріо, можно видѣть. что причиною его преступленія являются чисто политическіе мотивы. Нѣтъ никакихъ признаковъ, на основаніи которыхъ можно было-бы думать, что Казеріо обладалъ когда-либо преступными тенденціями, если не считать его склонности къ путешествіямъ и потребности оставить родительскій домъ, составляющей крайне рѣдкое явленіе у поселянъ, привязанныхъ, вообще, къ землѣ. По словамъ одного изъ его братьевъ, Казеріо посѣщалъ ребенкомъ школу, но ничему не учился. Онъ — скрытнаго характера. Его рѣдко кто видѣлъ веселымъ. Онъ всегда отличался тихимъ характеромъ, крайней религіозностью, посѣщалъ обѣдни и изображалъ собою во время религіозныхъ процессій св. Іоанна. Ему очень хотѣлось поступить въ семинарію и сдѣлаться духовнымъ лицомъ. Въ десятилѣтнемъ возрастѣ Казеріо неожиданно оставилъ отцовскій домъ и отправился въ Миланъ, гдѣ онъ немедленно поступилъ въ услуженіе къ пекарю. Замѣчательно, что онъ всегда воздерживался отъ вина, игръ и женщинъ. За то, наоборотъ, онъ много читалъ и охотно принималъ участіе въ спорахъ товарищей. Во время одного изъ такихъ споровъ онъ неожиданно пришелъ въ сильно возбужденное состояніе духа и бросилъ бутылку въ голову своего противника, чѣмъ крайне удивилъ своихъ товарищей, знавшихъ его всегда за очень мирнаго молодого человѣка. Анархистомъ Казеріо сдѣлался только четыре года тому-назадъ. Сѣмя анархизма, какъ надо думать, проникло въ его душу благодаря вліянію одного изъ его товарищей по процессіямъ. Онъ быстро сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ анархистовъ. Въ теченіе немногихъ свободныхъ часовъ, остававшихся у него послѣ его усиленной работы, онъ читалъ исключительно однѣ только анархистскія брошюры, самъ писалъ анархистскія письма и сталъ пламенно пропагандировать идеи анархизма въ своемъ родномъ городѣ и среди товарищей. Семья Казеріо была крайне огорчена поведеніемъ юноши. Два года тому назадъ его арестовали въ ту минуту, когда онъ раздавалъ солдатамъ своего города анархистскія брошюры, и присудили къ заключенію въ тюрьму на четыре дня. Узнавъ объ этомъ, его мать заболѣла отъ огорченія. Она оправилась послѣ этого только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. На допросѣ Казеріо отвѣчалъ просто, прямо, безъ всякихъ увертокъ. Онъ объяснилъ, что къ анархистской партіи онъ сталъ окончательно принадлежать только съ 1891 года, и что причиною этого были чтенія анархистскихъ брошюръ и участіе въ спорахъ съ то-

варищами, имена которыхъ, однако, онъ отказался назвать. Казеріо прибавилъ также, что у него нѣтъ ораторскаго таланта, и, вслѣдствіе этого, онъ не въ состояніи принимать активнаго участія въ анархистской дѣятельности. Несмотря, однако, на это, онъ написалъ монографію объ анархистскомъ возстаніи, происшедшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Миланѣ. Ненормальное замедленіе въ развитіи мозга Казеріо, вызванное наслѣдственностью и чтеніемъ, выразилось у него сначала въ религіозномъ, а позднѣе—въ политическомъ фанатизмѣ. Такъ какъ онъ родился въ одной изъ небольшихъ деревень Ломбардіи, стоящихъ совершенно въ сторонѣ отъ современныхъ теченій, то первые фанатическіе порывы его могли быть только религіознаго характера. Послѣднее объясняется тѣмъ, что поселяне ломбардскихъ деревень вообще крайне религіозны и чужды всякимъ политическимъ тенденціямъ. Я долженъ при этомъ замѣтить, что анархисты Анри и Вальянъ были также сначала религіозными экзальтантами. Еслибы Казеріо жилъ все время на лонѣ церкви, то онъ въ концѣ концовъ сдѣлался-бы отшельникомъ или миссіонеромъ. Но ему суждено было въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ придти въ соприкосновеніе съ фанатическими пропагандистами анархистскихъ ученій. Онъ читаетъ анархистскія газеты. И вотъ религіозный фанатизмъ превращается у него въ экономическій фанатизмъ, принимающій форму анархизма. Положеніе сельскаго населенія въ ломбардскихъ деревняхъ крайне печальное. Поселянинъ живетъ тамъ въ сыромъ помѣщеніи, питается гнилымъ картофелемъ и умираетъ, если не отъ голодной смерти, то отъ проказы. Легко понять, что подобное превращеніе можетъ легко произойти въ мозгу пылкаго поселянина.

Въ научномъ отношеніи являются крайне важными эпилептическіе припадки, которыми страдалъ отецъ Казеріо. Въ совершенно здоровой семьѣ болѣзнь эта выбрала молодого человѣка, въ общемъ довольно апатичнаго и отличающагося мирными наклонностями, для совершенія страшнаго фанатическаго преступленія. И вотъ юноша работаетъ по ночамъ, а днемъ занимается чтеніемъ газетъ. Наконецъ, онъ рѣшается на такое смѣлое дѣло, какъ раздача солдатамъ анархистскихъ брошюръ. Крайне невѣжественный, не умѣя еще почти ни читать, ни писать, Казеріо думаетъ уже объ изданіи газеты и, наконецъ, совершаетъ страшное преступленіе, безъ всякаго волненія, какъ закоренѣлый злодѣй, привыкшій равнодушно проливать человѣческую кровь. Фанатизмъ, усиленный эпилепсіей, сдѣлалъ его слѣпымъ и безумнымъ. Бѣдный пекарь, неожиданно перешедшій отъ своей печи къ активной политической страсти и вскормленный отравленнымъ молокомъ анархизма, видѣлъ явленія въ ложномъ свѣтѣ, какъ они изображались ему анархистскими негодяями. Если у фанатически настроеннаго человѣка явится какая-нибудь одна опредѣленная идея, то онъ непремѣнно будетъ стремиться къ ея осуществленію во что-бы то ни стало. Энергія Казеріо увеличилась еще вслѣдствіе каталепсіи, унаслѣдованной имъ отъ отца и принявшей у него форму, которую я-бы назвалъ политической каталепсіею—маніею къ совершенію кровопролитій для политическихъ цѣлей. Доказательствомъ эпилептическихъ свойствъ Казеріо является его неожиданное превращеніе изъ добраго сына, брата и друга въ дикое животное, каждый разъ, какъ только заходила рѣчь объ анархизмѣ. Всѣ друзья его утверждаютъ, что онъ былъ честнымъ и прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, который, однако, дѣлался положительно опаснымъ, если кто-либо осмѣливался говорить противъ анархизма. Въ одномъ изъ его писемъ, которое мнѣ пришлось прочесть, онъ съ большой любовью и признательностью отзывается о своей семьѣ и сознается, что въ обыкновенной жизни онъ не былъ-бы способенъ совершить преступленіе. Затѣмъ, однако, онъ прибавляетъ: «Но все-таки, когда наступитъ мой день, я сдѣлаюсь сильнѣе всѣхъ моихъ товари-

щей». Другимъ доказательствомъ его психической эпилепсіи является слѣдующая сцена. Когда судебный слѣдователь Бенуа предложилъ ему описать моментъ убійства президента, Казеріо пришелъ въ крайне возбужденное состояніе. Во время разсказа лицо его сдѣлалось огненно-краснымъ, глаза налились кровью и стали горѣть, черты лица исказились, все тѣло дрожало. Въ ужасѣ слѣдователь крикнулъ, наконецъ: «Довольно, вы—чудовище!» И несчастный отвѣтилъ ему на ломаномъ французскомъ и итальянскомъ языкахъ: «О, все это еще пустяки! Вы увидите еще, каковъ я буду на судѣ и въ особенности на гильотинѣ!..» При этихъ словахъ онъ цинически засмѣялся. Однако, черезъ пять минутъ послѣ этого, онъ впалъ въ состояніе психической и моральной подавленности, опустилъ безсильно руки, упалъ на свою кровать и погрузился въ глубокій сонъ. Черезъ часъ онъ неожиданно проснулся, схватился за голову обѣими руками и попросилъ у двухъ сторожей, не отходящихъ отъ него ни днемъ, ни ночью, достать ему стаканъ какого-нибудь крѣпкаго напитка. Въ данномъ случаѣ мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло съ обыкновеннымъ случаемъ психической эпилепсіи, сопровождающейся дремотою, а затѣмъ и глубокимъ сномъ—однимъ изъ главныхъ признаковъ этой болѣзни. Письма его писаны обыкновеннымъ почеркомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ говоритъ о своей семьѣ и т. п. Какъ только, однако, онъ начинаетъ писать объ анархизмѣ, почеркъ его дѣлается нетвердымъ. Слово «анархія» онъ постоянно писалъ громадными буквами. Это также признакъ истерическихъ и эпилептическихъ натуръ. Необыкновенная честность и необыкновенная гиперестезія, то-есть, чрезвычайная чувствительность къ собственнымъ и чужимъ страданіямъ, являются также характерными чертами преступниковъ по страсти. Казеріо обладалъ этими признаками. Когда Казеріо былъ безъ занятій, онъ писалъ: «Какъ анархисту, мнѣ слѣдовало-бы схватить какого-нибудь буржуа за рукавъ и потребовать отъ него денегъ; но, сознаюсь, у меня не хватаетъ духа для этого». Въ этихъ словахъ кроется разница между эпилептическимъ преступникомъ и природнымъ преступникомъ. Послѣдній обыкновенно пытается оправдать чѣмъ-нибудь правдоподобнымъ свое преступленіе Первый-же, наоборотъ, ищетъ оправданія для своего преступленія въ своемъ ученіи, но чувствуетъ инстинктивное противодѣйствіе къ его совершенію. Резюмируя все сказанное, мы утверждаемъ, что Казеріо представляетъ собою типъ преступника, совершающаго преступленіе подъ вліяніемъ чрезмѣрной страсти и наслѣдственной эпилепсіи, безъ соучастниковъ, побуждаемый къ преступленію подстрекателями и нисколько не думающій о послѣдствіяхъ преступленія. Это—человѣкъ, совершающій большое преступленіе, не совершивъ предварительно ничего преступнаго, въ противоположность природному преступнику, проходящему такъ-называемую прогрессивную скалу преступности. Черта эта составляетъ существенное отличіе одного рода преступленій отъ другого».

Таково въ нѣсколько сжатомъ видѣ сужденіе Ломбразо о *психическомъ типѣ* анархистовъ. Проф. Ферреро разсматриваетъ явленія анархизма нѣсколько шире, принимая во вниманіе общественныя условія, порождающія политическихъ преступниковъ, вродѣ Казеріо. Этюдъ Ферреро также, какъ и замѣтка Ломброзо вызванъ убійствомъ Карно. Казеріо, говоритъ Ферреро, представляетъ интересный случай того явленія, которое Ломброзо называлъ *политической эпилепсіей*. Онъ не можетъ быть причисленъ къ душевно-больнымъ, сужденія его въ своемъ родѣ совершенно послѣдовательны, онъ не страдаетъ никакой болѣзненной идеей, не проявляетъ чрезмѣрнаго тщеславія. Это человѣкъ легко поддающійся внушенію, фанатикъ, въ которомъ одна идея легко получаетъ перевѣсъ и полное господство надъ всѣми другими. При томъ, этотъ человѣкъ большого мужества и энергіи, склонный уже въ силу своего эпилептическаго предрасположенія къ какой-нибудь порывистой дѣятельности. Родись Казеріо лѣтъ на тридцать ра-

нѣе, изъ него вышелъ-бы блестящій гарибальдіецъ. Въ XVI в. онъ былъ-бы какимъ-нибудь путешественникомъ-изслѣдователемъ, въ XIII в.—онъ былъ-бы увлеченъ движеніемъ крестовыхъ походовъ. Если-бы церковь удержала свое вліяніе надъ нимъ, изъ него вышелъ-бы, быть можетъ пламенный миссіонеръ въ языческой средѣ. Казеріо не обладаетъ выдающейся интеллигенціей, но представляетъ натуру, полную энергіи для совершенія какого-нибудь практическаго дѣла. Люди, подобные Казеріо, говоритъ далѣе Ферреро, встрѣчаются конечно, во-всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Но необходимо отмѣтить, что такъ называемая романская раса обладаетъ какъ-бы особою спеціальностью превращать людей этого типа въ политическихъ преступниковъ. Въ Англіи подобные типы почти невозможны. Въ Германіи если и встрѣчались типы преступниковъ-фанатиковъ, они не обладали тою степенью физическаго и душевнаго здоровья, какою несомнѣнно обладаетъ Казеріо. Ни Германія, ни Англія никогда не давали такого числа *фанатиковъ*, предающихся именно *политикѣ*, какое мы встрѣчаемъ во Франціи, Италіи и Испаніи. Причина этого различія кроется, по мнѣнію Ферреро, въ *религіозныхъ* особенностяхъ названныхъ странъ. Пылкія, склонныя къ фанатизму, къ упорному преслѣдованію одной поставленной себѣ цѣли, такія натуры находятъ свое наиболѣе естественное развитіе только въ области религіозныхъ идей. И вотъ въ Англіи мы видимъ тысячи людей этого типа, объединенныхъ общею идеею, въ какихъ-бы различныхъ формахъ она ни проявлялась—идеею *спасенія души*. Живи Казеріо въ Англіи, онъ, быть можетъ, нашелъ бы удовлетвореніе, присоединившись къ арміи генерала Бутса. Въ романскихъ-же странахъ, гдѣ царитъ католицизмъ, церковь, строго организованная, деспотически требующая отъ паствы дисциплины и подчиненія, господствующая религія уже не можетъ вполнѣ владѣть активными и склонными къ независимости душами. Она владѣетъ ими въ юности, но разъ потерявъ почему либо власть надъ ними, она выталкиваетъ ихъ на путь протеста противъ нея самой, на путь атеизма. Тутъ-то для дѣятельныхъ, нервныхъ и страстныхъ натуръ, не достигшихъ полноты умственнаго развитія и разорвавшихъ связь со всѣми традиціями, питавшими ихъ моральное существо, открывается арена бурной, но слѣпой политической борьбы, руководимой смутными инстинктами. Филантропія, въ которую уходитъ такъ много моральныхъ силъ Англіи, равномѣрная культурная работа для облегченія общественныхъ золъ,—все это чуждо романскому складу и темпераменту. Здѣсь даже зародыши альтруизма, бродящіе въ душахъ активныхъ и склонныхъ къ энтузіазму людей, развиваются во что-то болѣзненное, сумасшедшее, не имѣющее ничего общаго съ широкими сентиментальными движеніями германскихъ народностей.

Надо еще обратить вниманіе на то, говоритъ далѣе Ферреро,—что новыя формы фанатизма, ужасающія теперь Европу, пришли на смѣну прежнимъ формамъ фанатизма, уже теряющимъ свое значеніе и свою силу, напр., на смѣну фанатизма патріотическаго. Патріотическій фанатизмъ Италіи, напр., возбужденный въ особенности борьбою за независимость, въ настоящее время почти потухъ. Тоже самое можно сказать и о Франціи Какое-же поле остается послѣ этого смѣлымъ и пылкимъ натурамъ, кромѣ политики, гдѣ находятъ себѣ столь широкое приложеніе инстинкты извращеннаго альтруизма, нерѣдко соединенные съ честолюбіемъ и тщеславіемъ. Къ сожалѣнію, въ противоположность фанатикамъ религіи и филантропіи, фанатики политики рѣдко бываютъ безвредными. Страстные и при томъ весьма часто мало-образованные люди легко олицетворяютъ интересы ненавистной партіи, зло, противъ котораго они борятся, въ какомъ-нибудь одномъ лицѣ—логическая ошибка, до того свойственная вообще человѣческой природѣ, что часто ей поддаются и весьма возвышенныя и просвѣщенныя натуры. Такимъ-то образомъ человѣкъ доходитъ до мысли—пожертвовать своею жизнью

для умерщвленія президента республики, какъ будто-бы отъ этого зависитъ уничтоженіе всѣхъ соціальныхъ золъ, на борьбу съ которыми онъ вооружился.

Наконецъ, нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что Франція, Италія и Испанія переживаютъ очень тяжелый политическій кризисъ. Парламентская система, на которую возлагалось столько надеждъ, не принесла въ этихъ странахъ желаннаго и необходимаго облегченія народнымъ массамъ, не проявила настоящей государственной мудрости. Понятно поэтому, что среди общаго матеріальнаго и нравственнаго нестроенія, люди, способные заботиться не объ однихъ только личныхъ интересахъ, бросаются въ политику и присоединяются къ той или другой партіи—смотря по степени своего образованія и развитія, своихъ склонностей и убѣжденій. Итакъ, одна изъ причинъ современныхъ покушеній состоитъ въ томъ, говоритъ въ заключеніе Ферреро, что французское, итальянское и испанское общество не представляетъ для активныхъ и фанатическихъ натуръ никакихъ другихъ проторевныхъ путей, кромѣ политики, и это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что эти люди, способные въ другихъ областяхъ оказаться полезными дѣятелями, именно въ политикѣ почти всегда становятся опасными и вредными для общества. Изъ этого видно, что разсматриваемы нами явленія очень сложны и зависятъ отъ многихъ, быть можетъ еще не вполнѣ уясненныхъ причинъ, а не отъ одной только злобы даннаго индивидуума.

Нельзя не остановиться съ полнымъ сочувствіемъ на попыткѣ проф. Ферреро отнестись съ надлежащей спокойной вдумчивостью къ явленію, волнующему міръ и возбуждающему въ настоящее время страстныя раздоры партій. Въ приведенныхъ нами размышленіяхъ много правды и истинной гуманности. Европейскія общества не избавятся отъ анархизма до тѣхъ поръ, пока не съумѣютъ указать иные пути для протеста, для общественной альтруистической работы тѣмъ неуравновѣшеннымъ натурамъ, изъ которыхъ теперь вербуются адепты узкой и жестокой доктрины революціоннаго анархизма.

Е. А. Баратынскій. 29 іюня сего года исполнилось пятидесятилѣтіе со дня смерти извѣстнаго русскаго поэта Баратынскаго. Имя Баратынскаго никогда не забывалось русскимъ обществомъ, отдѣльныя стихотворенія его знаютъ изъ хрестоматіи всѣ, когда либо учившіеся русскіе люди. Но сочиненія Баратынскаго не были до сихъ поръ распространены и, вѣроятно, немногіе знаютъ имъ настоящую цѣну. Впрочемъ самый характеръ Баратынскаго, отразившійся и на его произведеніяхъ, удалялъ его съ самаго начала отъ тѣхъ перекрестковъ и торжищъ общественной жизни, гдѣ иногда и люди съ ограниченнымъ дарованіемъ быстро составляютъ себѣ звонкую репутацію. Вотъ что писалъ о Баратынскомъ Пушкинъ еще въ 1831 г.:

«Пора Баратынскому занять на русскомъ Парнасѣ мѣсто давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титломъ генія за гладкіе стишки и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества; невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ, безъ церемоніи, съ безсмертными произведеніями Гете и Байрона. Добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать златую посредственность невинныхъ удовольствій, доставляемыхъ журнальнымъ торжествомъ! Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностію журналовъ—оттого ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувели-

ченіе (exagеration) модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смиренной. Какъ бы то ни было, критики изъявляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже неприязненное расположеніе. Не упоминая уже о извѣстныхъ шуткахъ покойнаго «благонамѣреннаго», извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе «Эды», произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, появленіе «Эды» подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и слабому подражанію на нее въ «Московскомъ Телеграфѣ»... «Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ—ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками. Первыя, юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ—юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются—пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ писателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о политической экономіи какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ разсчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, ни отвѣчалъ ни на одну журнальную статью Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что съ другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки—тѣмъ не менѣе, ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе. Третья причина — эпиграммы Баратынскаго; сіи мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнаса. Поэтъ нашъ никогда не находилъ ума въ полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, не смотря на необыкновенную силу своей діалектики; но онъ не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить иногда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было бы жаль, еслибъ онѣ не существовали. Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господству-

ющему вкусу, требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exageration) для произведенія большаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости».

Благодаря истеченію пятидесятилѣтія со дня смерти Баратынскаго мы имѣемъ въ продажѣ новое, 5-е по счету, изданіе полнаго собранія его сочиненій, сдѣланное въ одномъ томѣ Іогансономъ и общедоступное по цѣнѣ. Самый день посмертнаго юбилея Баратынскаго былъ ознаменованъ появленіемъ въ нѣкоторыхъ органахъ печати замѣтокъ и статеекъ, посвященныхъ ему. Считаемъ не безъинтереснымъ привести нѣсколько свѣдѣній изъ статьи о жизни Баратынскаго, помѣщенной г. Веденѣевымъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій родился 19-го февраля 1800 г., въ селѣ Вяжлѣ, Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губ. Абрамъ Андреевичъ Баратынскій былъ генералъ-адъютантомъ Павла I и пользовался большимъ расположеніемъ Государя, который нерѣдко возлагалъ на него различныя порученія; Баратынскій, исполняя ихъ, вездѣ выказывалъ себя очень благонамѣреннымъ и хорошимъ человѣкомъ: о немъ съ похвалой отзываются современники, и даже изъ числа тѣхъ, кто страдалъ отъ исполняемыхъ имъ порученій. Абрамъ Андреевичъ былъ женатъ на А. Ѳ. Черепановой, воспитанницѣ Смольнаго монастыря и фрейлинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. На развитіе Евгенія Баратынскаго и имѣла больше вліянія мать его, такъ какъ отца лишился онъ довольно рано, именно когда ему было десять лѣтъ. Первые годы жизни Баратынскаго протекли въ деревнѣ, гдѣ онъ родился, среди обстановки богатой помѣщичьей усадьбы, украшенной разными прихотливыми затѣями. Для присмотра за мальчикомъ былъ приставленъ дядька-итальянецъ, который пріѣхалъ въ Россію съ какими-то торговыми предпріятіями, но послѣ ихъ неудачи поступилъ въ домъ Баратынскихъ. Джіаченте Боргезе оказался хорошимъ человѣкомъ, который совсѣмъ сжился потомъ съ семьею Баратынскихъ и былъ любимъ своимъ воспитанникомъ: Баратынскій съ любовью вспоминаетъ впослѣдствіи о своемъ дядькѣ, который имѣлъ вліяніе на любознательность ребенка своими разсказами объ Италіи, о чудесахъ древностей и искусства, которыми она обладаетъ, объ ея исторіи, о послѣднихъ событіяхъ въ ея судьбѣ. Когда мальчика перевезли въ Москву, Боргезе оставался при немъ и перезнакомилъ его тутъ со «всѣми макаронщиками», какъ выражается самъ Баратынскій. Въ 1811 или 1812 году онъ былъ отвезенъ (его пора было учить) въ Петербургъ, гдѣ его отдали сначала въ нѣмецкій пансіонъ, а затѣмъ, въ концѣ 1812 г., въ пажескій корпусъ. До насъ дошло нѣсколько писемъ Баратынскаго къ матери изъ Петербурга за первые годы его ученія. Мы видимъ изъ нихъ, что онъ былъ уже въ это время развитымъ мальчикомъ, который думалъ уже обо многомъ; вскорѣ въ немъ укрѣпилась склонность къ серьезному чтенію. Эти письма показываютъ намъ такъ же, какъ сильно любилъ Баратынскій свою мать. Чувство его къ матери нашло себѣ нѣкоторое отраженіе въ его поэзіи. Въ корпусѣ Баратынскій оставался меньше четырехъ лѣтъ и не кончилъ тамъ курса: все, что мы знаемъ о немъ въ его дѣтствѣ, дѣлаетъ для насъ мало ожиданнымъ то, что онъ попался въ такой исторіи, которая привела къ его исключенію и имѣла печальное вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу. Вкратцѣ дѣло было такъ. Баратынскій, сначала очень благонравный, вскорѣ подъ вліяніемъ, какъ онъ говоритъ, несправедливыхъ придирокъ со стороны воспитателя, сдѣлался шалуномъ и, начитавшись разбойничьихъ романовъ, составилъ съ нѣкоторыми товарищами «общество мстителей», которые принялись за разныя продѣлки. Въ ихъ компанію скоро попалъ кадетъ Приклонскій, который, какъ потомъ оказалось, таскалъ у своего отца деньги изъ конторки посредствомъ подобраннаго

ключа и на эти деньги угощалъ товарищей и покупалъ себѣ разныя вещи. Приклонскій, которому его продѣлки долго сходили съ рукъ благополучно, доставлялъ «обществу мстителей» довольно денегъ на угощеніе. Но вотъ ему пришлось на время уѣхать изъ Петербурга, и онъ передалъ свой подобранный ключъ товарищамъ, предлагая воспользоваться имъ, что тѣ и исполнили. Баратынскій съ другимъ кадетомъ, Ханыковымъ, будучи знакомы въ домѣ Приклонскаго, отправились туда, и въ то время, какъ Баратынскій оставался съ хозяевами, его товарищъ досталъ изъ конторки денегъ и табакерку въ золотой оправѣ. Но на этотъ разъ похищеніе было тотъ же часъ замѣчено, и все дѣло быстро было открыто. Баратынскій и Ханыковъ были по Высочайшему повелѣнію исключены изъ корпуса съ запрещеніемъ опредѣлять ихъ въ службу, развѣ только въ рядовые. Это происходило въ началѣ 1861 г.; Баратынскій былъ уже не ребенокъ: ему только-что исполнилось шестнадцать лѣтъ. Такова фактическая сторона этой печальной исторіи, которую мы теперь знаемъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ и подробнаго письма самого Баратынскаго. До опубликованія этихъ матеріаловъ, въ печати не разъ передавалась исторія исключенія Баратынскаго изъ корпуса, но при этомъ или такъ, что Баратынскій просто обвинялся въ воровствѣ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, или же такъ, что самый проступокъ его скрывался, и онъ выставлялся невинною жертвою несправедливости.

Исключенный изъ корпуса, Баратынскій не подвергся преслѣдованію въ семьѣ; напротивъ, его родные, несмотря на всю тяжесть удара, отнеслись къ провинившемуся юношѣ съ замѣчательнымъ тактомъ и постарались своимъ мягкимъ отношеніемъ и любовью успокоить Баратынскаго, который былъ близокъ къ самоубійству. Года два Баратынскій провелъ въ деревнѣ, то у матери, то въ Смоленской губерніи у дяди, адмирала Богдана Андреевича Баратынскаго, который сумѣлъ оказать вліяніе на племянника. Въ концѣ 1818 г. Баратынскій вернулся въ Петербургъ, чтобы хлопотать о поступленіи въ военную службу. Въ началѣ слѣдующаго года онъ былъ зачисленъ рядовымъ въ гвардейскій егерскій полкъ. Онъ провелъ въ Петербургѣ около двухъ лѣтъ, а затѣмъ, съ производствомъ въ унтеръ-офицеры, былъ переведенъ въ нейшлотскій полкъ, расположенный въ Финляндіи. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, Баратынскій близко сошелся съ кружкомъ лучшихъ литераторовъ, и къ этому же времени относится начало его собственной литературной дѣятельности. Баратынскій сблизился тутъ съ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Кюхельбекеромъ, Бестужевымъ, а затѣмъ также съ Рылѣевымъ, Корниловичемъ, Языковымъ, Туманскимъ и др. Эти литературныя связи опредѣлили судьбу Баратынскаго; подъ ихъ вліяніемъ въ немъ развернулось его поэтическое дарованіе. На Баратынскаго не могли не повліять также передовые общественные взгляды большинства его новыхъ друзей. И это двойное вліяніе было благотворно для Баратынскаго. Ему еще много предстояло вынести, и его новыя стремленія, его увлеченіе поэзіей облегчили ему испытанія, которымъ подвергла его судьба. Кромѣ того, его петербургскія дружескія связи дали ему и личную поддержку; переѣхавъ въ Финляндію, онъ не порвалъ своихъ сношеній съ друзьями, — то самъ пріѣзжалъ къ нимъ въ Петербургъ (въ 1821 г. нейшлотскій полкъ пришелъ въ столицу для занятія карауловъ), то нѣкоторые изъ нихъ его посѣщали въ его невольномъ изгнаніи, вели съ нимъ переписку и въ прозѣ, и въ стихахъ; наконецъ, благодаря обширнымъ связямъ его друзей, Баратынскій и въ Финляндіи встрѣтилъ сочувствіе и поддержку.

Переведенный въ Финляндію, Баратынскій и тамъ встрѣтилъ сочувствіе. Къ нему очень хорошо относился его полковой командиръ Лутковскій, къ ко-

торому относится одно изъ посланій Баратынскаго: «Влюбился я, полковникъ мой, въ твои военные разсказы»... Лутковскій пригласилъ Баратынскаго жить вмѣстѣ съ собой, и мы находимъ въ письмахъ поэта къ матери нѣкоторыя подробности объ ихъ совмѣстной жизни. Лутковскій хлопоталъ о производствѣ Баратынскаго; затѣмъ, петербургскіе друзья заинтересовали въ Баратынскомъ двухъ адъютантовъ финляндскаго генералъ-губернатора Закревскаго,— Муханова и Путяту. Они познакомились съ поэтомъ и не только могли доставить ему нѣкоторыя льготы въ его подневольной жизни, но и обратили на него вниманіе Закревскаго, который тоже сталъ хлопотать объ его производствѣ въ офицеры. Особенно сошелся Баратынскій съ Путятой, съ которымъ потомъ породнился. Несмотря, однако, на всѣ облегченія, финляндская служба, длившаяся долгіе годы, была все-таки очень тяжела для Баратынскаго унтеръ-офицера, произведеннаго потомъ въ подпрапорщики. Главной поддержкой и спасеніемъ для Баратынскаго была его поэзія: онъ много написалъ за эти годы, и въ его произведеніяхъ вліятельно отразилась окружавшая его природа и настроеніе самого поэта. Какъ сказано, Баратынскій пріѣзжалъ изъ Финляндіи въ Петербургъ. Интересный разсказъ объ его пребываніи тамъ даютъ воспоминанія одного его родственника, который пишетъ: «Въ это время сборища наши получили новую прелесть отъ принятаго въ нихъ участія милымъ двоюроднымъ братомъ моимъ Евгеніемъ Баратынскимъ, пріѣхавшимъ изъ Финляндіи посѣтить насъ... Я не видалъ Евгенія съ нашего дѣтства, и признаюсь, что наружность его чрезвычайно меня удивила. Его блѣдное, задумчивое лицо, оттѣненное черными волосами, какъ бы сквозь туманъ, горящій тихимъ пламенемъ взоръ — придавали ему нѣчто привлекательное и мечтательное; но легкая черта насмѣшки пріятно украшала уста его... Неизъяснимая прелесть, которою было проникнуто все существо его, отражалась и въ его произведеніяхъ...» Родственникъ ввелъ Баратынскаго въ компанію своихъ полковыхъ товарищей, которые приняли его съ горячею любовью; Баратынскій познакомилъ своего родственника съ Дельвигомъ, съ Пушкинымъ и др. Интересенъ разсказъ, какъ Дельвигъ позвалъ разъ обѣдать Баратынскаго и его родственника, но оказалось, что онъ угощалъ ихъ обѣдомъ не у себя дома и не въ какомъ-либо ресторанѣ, а въ народной харчевнѣ, причемъ они наблюдали сцены изъ жизни простонародья, и обѣдъ оказался самымъ интереснымъ и веселымъ. Около пяти лѣтъ провелъ Баратынскій въ Финляндіи. Его друзья хорошо знали, какъ тяжела была тамъ его жизнь. Пушкинъ писалъ Вяземскому изъ Михайловскаго: «Бѣдный Баратынскій! Какъ объ немъ подумаешь, такъ по-неволѣ постыдишься унывать». Всѣ знали, что завѣтною цѣлью Баратынскаго были офицерскія эполеты, которыя покрывали бы прежній приговоръ надъ нимъ и заключали собой его подневольную службу; знали также, что о Баратынскомъ взялся хлопотать Закревскій. Пушкинъ писалъ своему брату, который былъ очень друженъ съ Баратынскимъ: «Увѣдомь о Баратынскомъ —свѣчку поставлю за Закревскаго, если онъ его выручитъ!» Послѣ долгихъ хлопотъ дѣло, наконецъ, удалось: весною 1825 г. Баратынскій былъ произведенъ въ офицеры. Но это было только главнымъ шагомъ къ окончательной развязкѣ съ вынужденной службой: оставалось выхлопотать отставку. Баратынскій вовсе не желалъ оставаться въ военной службѣ. Вскорѣ послѣ производства онъ писалъ Путятѣ: «Скажу тебѣ, между прочимъ, что я уже щеголяю въ пейшлотскомъ мундирѣ: это довольно пріятно; но вотъ что мнѣ не по нутру: хожу всякій день на ученье и черезъ два дня въ караулъ. Не рожденъ я для службы царской. Когда подумаю о Петербургѣ, меня трясетъ лихорадка». Баратынскій вскорѣ уѣхалъ въ отпускъ съ тѣмъ, чтобы уже больше не возвращаться въ полкъ. Нѣсколько времени онъ провелъ въ Петербургѣ и жилъ тамъ вмѣстѣ съ Дельвигомъ.

Осенью 1825 года Баратынскій переѣхалъ въ Москву. Скоро онъ получилъ давно желанную отставку, а въ іюнѣ 1826 году женился на Н. Л. Энгельгартъ. Выборъ его былъ удаченъ, и онъ счастливо прожилъ семейной жизнью до самой смерти. Баратынскій посвятилъ женѣ своей нѣсколько посланій, изъ которыхъ видно, какое горячее чувство взаимной любви соединяло ихъ, видно, что жена понимала его и его поэтическій даръ. Послѣ отставки изъ полка, Баратынскій поступилъ-было въ межевую канцелярію, но скоро оставилъ и эту службу и до конца ужь оставался въ отставкѣ. Владѣя и по наслѣдству отъ отца, и по женѣ хорошимъ состояніемъ, онъ занимался хозяйствомъ, живя то въ подмосковной, гдѣ велъ раздѣлку лѣса, то въ Симбирской губерніи. Онъ довольно часто бывалъ въ Москвѣ и поддерживалъ свои литературныя знакомства. Баратынскій давно мечталъ о поѣздкѣ заграницу, куда его манили и общественная, и литературная жизнь, и произведенія искусства, и памятники исторіи, и красоты природы. Еще дядька его Боргезе пристрастилъ его къ Италіи и ея древностямъ. Но только въ 1843 г. удалось Баратынскому осуществить давнюю мечту: онъ поѣхалъ заграницу съ женой и со старшими дѣтьми Проѣхавъ черезъ Германію, онъ прожилъ зиму въ Парижѣ. Въ его заграничныхъ письмахъ содержатся иногда любопытныя наблюденія. Весной 1844 г. Баратынскіе переѣхали изъ Марсели моремъ въ Италію и поселились въ Неаполѣ. Поэтъ наслаждался давно любимой Италіей. Но дни его уже были сочтены. Повидимому, онъ страдалъ порокомъ сердца, нервы его тоже не были въ порядкѣ. Ему внушало серьезныя опасенія здоровье любимой жены. Разсказывая въ одномъ письмѣ къ матери, какъ они въ Германіи проѣзжали по дорогѣ изъ Лейпцига въ Дрезденъ, по длинному и темному туннелю, Баратынскій пишетъ: «Представьте себѣ подземелье, по которому ѣдешь дольше трехъ минутъ и въ которомъ темнота заставляетъ бояться, что вотъ не хватитъ и воздуха. Я такъ боялся за жену, подверженную обморокамъ, что, когда мы выѣхали на свѣтъ, я былъ совершенно блѣденъ»... Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Неаполь жена его захворала довольно серьезно, и ей предстояла даже операція. Это такъ встревожило Баратынскаго, что онъ самъ заболѣлъ ночью и на утро, до прибытія доктора, скоропостижно скончался. Это было пятьдесятъ лѣтъ назадъ, — 29-го іюня 1844 года.

Гр. Л. Толстой о Гюи де Монасанѣ. Въ числѣ беллетристическихъ произведеній, издаваемыхъ для интеллигенціи извѣстною фирмою «Посредникъ», вышелъ недавно въ свѣтъ романъ Мопасана «Монтъ-Оріоль» въ переводѣ г. Л. Никифорова, съ предисловіемъ гр. Л. Толстого. Этюдъ гр. Толстого о Мопасанѣ, уже по самому значенію обоихъ авторовъ—критикующаго и критикуемаго—полонъ жгучаго интереса. Контрастъ въ міровоззрѣніи двухъ писателей оттѣненъ здѣсь съ суровою рѣзкостью, но сила и острота художественнаго таланта Мопасана, даже вопреки его сознательнымъ воззрѣніямъ, заставляетъ его докапываться до тѣхъ глубинъ, гдѣ встрѣчаются конечные выводы всякой истинной поэзіи, всякой смѣлой и возвышенной философіи. Этюдъ Толстого обнаруживаетъ знакомство, полное вниманія и интереса, со всѣми, какъ крупными, такъ и мелкими произведеніями Мопасана. Вотъ какъ описываетъ Толстой свое первое знакомство съ французскимъ романистомъ.

«Кажется въ 1881 году Тургеневъ, въ бытность свою у меня, досталъ изъ своего чемодана французскую книжечку подъ заглавіемъ «Maison Tellier» и далъ мнѣ. «Прочтите какъ-нибудь», сказалъ онъ, какъ будто небрежно, точно также, какъ онъ за годъ передъ этимъ далъ мнѣ книжку «Русскаго Богатства», въ которой была статья начинающаго Гаршина. Очевидно, какъ и по отношенію къ Гаршину, такъ и теперь, онъ боялся въ ту или другую сторону повліять на меня и хотѣлъ знать ничѣмъ неподготовленное мое мнѣніе. «Это молодой

французскій писатель, сказалъ онъ, посмотрите—недурно; онъ васъ знаетъ и очень цѣнитъ, прибавилъ онъ, какъ-бы желая задобрить меня. Онъ, какъ человѣкъ, напоминаетъ мнѣ Дружинина. Такой-же, какъ и Дружининъ, прекрасный сынъ, прекрасный другъ, un homme d'un commerce sûr, и кромѣ того онъ имѣетъ сношенія съ рабочими, руководитъ ими, помогаетъ имъ. Даже и своимъ отношеніемъ къ женщинамъ онъ напоминаетъ Дружинина». И Тургеневъ разсказалъ мнѣ нѣчто удивительное и неимовѣрное о поступкахъ Мопасана въ этомъ отношеніи. Время это, 1881 годъ, было для меня самымъ горячимъ временемъ внутренней перестройки всего моего міросозерцанія, и въ перестройкѣ этой та дѣятельность, которая называется художественной, и которой я прежде отдавалъ всѣ свои силы, не только потеряла для меня прежде приписываемую ей важность, но стала прямо непріятна мнѣ по тому несвойственному мѣсту, которое она занимала въ моей жизни и занимаетъ вообще въ понятіяхъ людей богатыхъ классовъ. И потому, въ то время меня совершенно не интересовали такія произведенія, какъ то, которое мнѣ рекомендовалъ Тургеневъ. Но чтобы сдѣлать ему удовольствіе, я прочелъ переданную имъ мнѣ книжку. По первому-же разсказу: «Maison Tellier», несмотря на неприличный и ничтожный сюжетъ разсказа, я не могъ не увидать въ авторѣ того что называется талантомъ. Авторъ обладалъ тѣмъ особеннымъ, называемымъ талантомъ, даромъ, который состоитъ въ способности усиленнаго напряженнаго вниманія, смотря по вкусамъ автора направляемаго на тотъ или другой предметъ, вслѣдствіе котораго человѣкъ, одаренный этой способностью, видитъ въ тѣхъ предметахъ, на которые онъ направляетъ свое вниманіе, нѣчто новое, такое,—чего не видятъ другіе. Этимъ-то даромъ, видѣть въ предметахъ то, чего не видятъ другіе, очевидно обладалъ Мопасанъ. Но судя по тому томику, который я прочелъ, онъ, къ сожалѣнію, былъ лишенъ главнаго изъ трехъ, кромѣ таланта, необходимыхъ условій для истиннаго художественнаго произведенія. Изъ этихъ трехъ условій: 1) правильнаго, т. е. нравственнаго отношенія автора къ предмету, 2) ясности изложенія или красоты формы, что одно и тоже и 3) искренности, т. е. непритворнаго чувства любви или ненависти къ тому, что изображаетъ художникъ; изъ этихъ трехъ условій Мопасанъ обладалъ только двумя послѣдними и былъ совершенно лишенъ перваго. Онъ не имѣлъ правильнаго, т. е. нравственнаго отношенія къ описываемымъ предметамъ».

Развивая эту послѣднюю мысль, подчеркивая у Мопасана недостатокъ въ моральной оцѣнкѣ описываемыхъ явленій, Толстой отмѣчаетъ далѣе еще одну, непріятно поражающую его особенность произведеній Мопасана: «Непониманіе жизни и интересовъ рабочаго народа и представленіе людей изъ него въ видѣ полуживотныхъ, движимыхъ только чувственностью, злобой и корыстью, составляетъ одинъ изъ главныхъ и очень важныхъ недостатковъ большинства новѣйшихъ французскихъ авторовъ, въ томъ числѣ и Мопасана, не только въ этомъ, но и во всѣхъ другихъ его разсказахъ, гдѣ онъ касается народа, и всегда описываетъ его какъ грубыхъ, тупыхъ животныхъ, надъ которыми можно только смѣяться. Конечно, французскимъ авторамъ лучше знать свойства своего народа, чѣмъ мнѣ. Но, несмотря на то, что я русскій и не жилъ съ французскимъ народомъ, я всетаки утверждаю, что описывая такъ свой народъ, французскіе авторы не правы и что французскій народъ не можетъ быть такимъ, какимъ они его описываютъ. Если существуетъ Франція такая, какою мы ее знаемъ, съ ея истинно великими людьми и тѣми великими вкладами, которые сдѣлали эти великіе люди въ науку, искусство, гражданственность и нравственное совершенствованіе человѣчества, то и тотъ рабочій народъ, который держалъ и держитъ на своихъ плечахъ эту Францію съ ея великими людьми, состоитъ не изъ животныхъ, а изъ людей, съ великими душевными качествами; и потому

я не вѣрю тому, что мнѣ пишутъ въ романахъ, какъ La Terre и въ разсказахъ Мопасана, также какъ не повѣрилъ-бы тому, чтобы мнѣ разсказывали про существованіе прекраснаго дома, стоящаго безъ фундамента».

«Первое, что послѣ этого попалось мнѣ изъ произведеній Мопасана, говоритъ далѣе Толстой, было: «Une vie», которую мнѣ кто-то посовѣтовалъ прочесть. Эта книга сразу заставила меня перемѣнить мнѣніе о Мопасанѣ, и съ этихъ поръ я уже съ интересомъ читалъ все то, что было подписано этимъ именемъ. «Une vie» превосходный романъ, не только несравненно лучшій романъ Мопасана, но едва-ли не лучшій французскій романъ послѣ «Misèrables» Гюго. Въ романѣ этомъ, кромѣ замѣчательной силы таланта, т. е. того особеннаго напряженнаго вниманія, направленнаго на предметъ, вслѣдствіе котораго авторъ видитъ совершенно новыя черты въ той жизни, которую онъ описываетъ, въ романѣ этомъ, почти въ равной степени, соединяются всѣ три условія истиннаго художественнаго произведенія... Форма прекрасная и въ первыхъ разсказахъ здѣсь доведена до такой высокой степени совершенства, до которой не доходилъ по моему мнѣнію ни одинъ французскій писатель прозаикъ. И кромѣ того, и главное, здѣсь авторъ дѣйствительно любитъ и сильно любитъ ту добрую семью, которую онъ описываетъ и дѣйствительно ненавидитъ того грубаго самца, который разрушаетъ счастіе и спокойствіе этой милой семьи и въ особенности героини романа. Отъ этого-то такъ живы и памятны всѣ событія и лица этого романа: и слабая, добрая, опустившаяся мать, благородный, слабый, милый отецъ и еще болѣе милая въ своей простотѣ и непреувеличенности и готовности на все хорошее дочь, ихъ взаимныя отношенія, ихъ первое путешествіе, ихъ слуги, сосѣди, разсчетливый и грубо чувственный, скупой, мелочный, наглый женихъ, какъ всегда, обманывающій невинную дѣвушку пошлой идеализаціей самаго грубаго чувства, женитьба, Корсика съ прелестными описаніями природы, потомъ деревенская жизнь, грубая измѣна мужа, его захватываніе власти надъ имѣніемъ, его столкновеніе съ тестемъ, уступчивость добрыхъ и побѣда наглости, отношеніе къ сосѣдямъ. Все это – сама жизнь со всею ея сложностью и разнообразіемъ. Но, мало того, что все это живо и прекрасно описано, во всемъ этомъ сердечный, патетическій тонъ, невольно заражающій читателя. Чувствуется, что авторъ любитъ эту женщину и любитъ ее не за ея внѣшнія формы, а за ея душу, за то, что въ ней есть хорошаго, сострадаетъ ей и мучится за нее и чувство это невольно передается читателю. И вопросы: зачѣмъ? за что погублено это прекрасное существо? Неужели такъ и должно быть? сами собой возникаютъ въ душѣ читателя и заставляютъ вдумываться въ значеніе и смыслъ человѣческой жизни». . «Слѣдующій за этимъ романъ Мопасана, прочтенный мною, былъ «Bel-Ami». «Bel-Ami» очень грязная книга Авторъ очевидно даетъ себѣ въ ней волю въ описаніи того, что привлекаетъ его, и иногда какъ-бы теряетъ основную, отрицательную точку зрѣнія на своего героя и переходитъ на его сторону, но въ общемъ «Bel-Ami», какъ и «Une vie» имѣетъ въ основѣ своей серьезную мысль и чувство. Въ «Une vie» основная мысль это—недоумѣніе передъ жестокой безсмысленностью страдальческой жизни прекрасной женщины, загубленной грубой чувственностью мужчины, здѣсь это не только недоумѣніе, но негодованіе автора передъ благоденствіемъ и успѣхомъ грубаго чувственнаго животнаго, этой самой чувственностью дѣлающаго карьеру и достигающаго высокаго положенія въ свѣтѣ, негодованіе и передъ развращенностью всей той среды, въ которой его герой достигаетъ успѣха. Тамъ авторъ спрашиваетъ, какъ будто: за что, зачѣмъ загублено прекрасное существо? Отчего это случилось? Здѣсь онъ какъ будто отвѣчаетъ на это: погибло и погибаетъ все чистое и доброе въ нашемъ обществѣ, потому что общество это развратно, безумно и ужасно. Послѣдняя сцена романа: свадьба въ модной церкви, торжествующаго, укра-

шеннаго орденомъ почетнаго легіона, негодяя съ молодой чистой дѣвушкой, дочерью соблазненной имъ старой и прежде безупречной матери семейства, свадьба, благословляемая епископомъ и признаваемая чѣмъ-то хорошимъ и должнымъ всѣми окружающими, выражаетъ эту мысль съ необыкновенной силой. Въ романѣ этомъ, несмотря на загроможденіе его грязными подробностями, въ которыхъ, къ сожалѣнію, какъ будто se plaît авторъ, видны тѣ же серьезные запросы автора отъ жизни».

Разсмотрѣвъ вкратцѣ содержаніе слѣдующихъ затѣмъ произведеній Мопасана, и высказавъ рѣшительное осужденіе имъ за проглядывающую въ нихъ спутанность нравственныхъ понятій автора, Толстой переходитъ къ мелкимъ разсказамъ Мопасана. «Еслибы Мопасанъ оставилъ намъ только свои романы, говоритъ онъ, то онъ былъ-бы только поразительнымъ образчикомъ того, такъ можетъ погибнуть блестящее дарованіе вслѣдствіе той ложной среды, въ которой оно развивалось и всѣхъ ложныхъ теорій объ искусствѣ, которыя придумываются людьми не любящими и потому не понимающими его. Но, къ счастью, Мопасанъ писалъ мелкіе разсказы. И по этимъ разсказамъ, не по всѣмъ, но по лучшимъ изъ нихъ, видно, какъ росло это нравственное чувство въ авторѣ и какъ понемногу, и безсознательно развѣнчивалось для него и получало настоящее значеніе то, что прежде составляло главный смыслъ и счастье его жизни... И въ томъ-то и удивительное свойство всякаго истиннаго таланта, если онъ только подъ вліяніемъ ложной теоріи не насилуетъ себя, что талантъ учитъ обладателя его, ведетъ его впередъ по пути нравственнаго развитія, заставляетъ его любить то, что достойно любви и ненавидѣть то, что достойно ненависти. Художникъ только потому и художникъ, что онъ видитъ предметы не такъ. какъ онъ хочетъ ихъ видѣть, а такъ какъ они есть. Носитель таланта—человѣкъ—можетъ ошибаться, но талантъ, если ему только будетъ данъ ходъ, какъ давалъ ему ходъ Мопасанъ въ своихъ разсказахъ, откроетъ, обнажитъ предметъ и заставитъ полюбить его, если онъ достоинъ любви, и возненавидѣть его, если онъ достоинъ ненависти. Съ каждымъ истиннымъ художникомъ, когда онъ подъ вліяніемъ среды начинаетъ описывать не то, что должно, случается то, что случилось съ Валаамомъ, который, желая благословить, сталъ проклинать то, что должно было проклинать и, желая проклинать, сталъ благословлять то, что должно было благословлять; невольно сдѣлаетъ не то, что хочетъ, а то, что должно. И это случилось съ Мопасаномъ. Едва-ли былъ другой такой писатель, столь искренно считавшій, что все благо, весь смыслъ жизни въ женщинѣ, въ любви и съ такой силой страсти описывавшій со всѣхъ сторонъ женщину и ея любовь, и едва-ли былъ когда-нибудь писатель, который до такой ясности и точности показалъ всѣ ужасныя стороны того самаго явленія, которое казалось ему самымъ высокимъ и дающимъ наибольшее благо жизни. Чѣмъ больше онъ вникалъ въ это явленіе, тѣмъ больше разоблачалось это явленіе. соскакивали съ него его покровы и оставались только ужасныя послѣдствія и еще болѣе ужасная его сущность. Прочтите его сына—идіота, ночь съ дочерью (L'ermite), морякъ съ сестрой (Le port), Оливковое поле, La petite Roque, англичанку Miss Harriet, Monsieur Parent, l'Armoire (дѣвочка заснувшая въ шкапѣ), свадьбу въ Sur l'eau и послѣднее выраженіе всего: Un cas de divorce. То самое, что говорилъ Маркъ Аврелій, придумывая средство разрушить въ представленіи привлекательность этого грѣха, это самое яркими художественными образами, переворачивающими душу, дѣлаетъ Мопасанъ. Онъ хотѣлъ восхвалить любовь, но чѣмъ больше узнавалъ тѣмъ больше проклиналъ ее. Онъ проклинаетъ ее и за тѣ бѣдствія и страданія, которыя она несетъ съ собою, и за тѣ разочарованія, и главное, за ту поддѣлку настоящей любви, за тотъ обманъ. который есть въ ней и отъ котораго тѣмъ сильнѣе страдаетъ человѣкъ, чѣмъ

довѣрчивѣе онъ предается этому обману. Могучій нравственный ростъ автора, продолженіе его литературной дѣятельности, написанъ неизгладимыми чертами въ этихъ прелестныхъ мелкихъ разсказахъ и въ лучшей книгѣ его Sur l'eau.

Онъ видитъ, что міръ, матерьяльный міръ, такой, какой онъ есть, не только не лучшій изъ міровъ, но напротивъ, могъ бы быть совершенно другимъ — эта мысль поразительно выражена въ Horla—и не удовлетворяетъ требованіямъ разума и любви, видитъ, что есть какой-то другой міръ или хотя требованія такого другого міра въ душѣ человѣка. Онъ мучается не только неразумностью матерьяльнаго міра и некрасивостью его, онъ мучается нелюбовностью, разъединенностью его. Я не знаю болѣе хватающаго за сердце крика отчаянія, сознающаго свое одиночество заблудившагося человѣка, какъ выраженіе этой мысли въ прелестнѣйшемъ разсказѣ Solitude. Явленіе болѣе всего мучившее Мопасана, къ которому онъ возвращался много разъ, есть мучительное состояніе одиночества, духовнаго одиночества человѣка, той преграды, которая стоитъ между человѣкомъ и другими, преграды, какъ онъ говоритъ, тѣмъ мучительнѣе чувствуемой, тѣмъ тѣснѣе сближеніе тѣлесное. Что же мучаетъ его? И чего онъ хотѣлъ бы? Что разрушаетъ эту преграду, что прекращаетъ это одиночество? Любовь, не женская, опостылѣвшая ему любовь, но любовь чистая, духовная, божеская. И ея-то ищетъ Мопасанъ, къ ней то, къ этой давно явно открытой для всѣхъ спасительницѣ жизни мучительно рвется онъ изъ тѣхъ путъ, которыми онъ чувствуетъ себя связаннымъ. Онъ не умѣетъ еще назвать то, чего онъ ищетъ, не хочетъ назвать этого одними устами, чтобы не осквернить своей святыни. Но его не называемое стремленіе, выражающееся ужасомъ передъ одиночествомъ, за то такъ искренно, что заражаетъ и влечетъ къ себѣ сильнѣе, чѣмъ многія и многія только устами произносимыя проповѣди любви.

Трагизмъ жизни Мопасана въ томъ, что находясь въ самой ужасной по своей уродливости и безнравственности средѣ, онъ силою своего таланта, того необыкновеннаго свѣта, который былъ въ немъ, выбивался изъ міровоззрѣній этой среды, былъ уже близокъ къ освобожденію, дышалъ уже воздухомъ свободы, но истративъ на эту борьбу послѣднія силы, не будучи въ силахъ сдѣлать одного послѣдняго усилія, погибъ не освободившись. Жизнь, по тѣмъ теоріямъ, въ которыхъ онъ воспитался, которыя окружали его, которыя подтверждались всѣми похотями его молодого и духовно и физически сильнаго существа, состоитъ въ наслажденіи, изъ которыхъ главное женщина и ея любовь и въ двойномъ еще отраженномъ наслажденіи, въ изображеніи этой любви и возбужденіи ея въ другихъ. Все это было бы хорошо, но вотъ, вглядываясь въ эти наслажденія, выступаютъ среди нихъ совсѣмъ чуждыя, враждебныя этой любви и этой красотѣ явленія: женщина зачѣмъ-то уродуется, безобразно беременѣетъ, грязно рожаетъ, потомъ дѣти, невольныя дѣти, потомъ обманы, жестокости, потомъ нравственныя страданія, потомъ просто старость и потомъ смерть... И потомъ точно ли красота эта—красота? А потомъ, зачѣмъ все это? Вѣдь это хорошо бы было, если бы можно было остановить жизнь. А она идетъ. А что такое значитъ: идетъ жизнь? Идетъ жизнь, значитъ: волосы падаютъ, сѣдѣютъ, зубы портятся, морщины, запахъ изо рта. Даже прежде, чѣмъ все кончится, все становится ужаснымъ, отвратительнымъ, видны размазанныя румяна, бѣлила, потъ, вонь, безобразіе. Гдѣ же то, чему я служилъ? Гдѣ же красота? А она—все. А нѣтъ ея. Ничего нѣтъ. Нѣтъ жизни.

Но мало того, что нѣтъ жизни въ томъ, въ чемъ казалась жизнь, самъ начинаешь уходить изъ нея, самъ слабѣешь, дурѣешь разлагаешься, другіе на твоихъ глазахъ выхватываютъ у тебя тѣ наслажденія, въ которыхъ было все благо жизни. Мало и этого: начинаетъ брезжиться какая-то другая возможность жизни, что-то другое, какое-то другое единеніе съ людьми, со всѣмъ міромъ,

такое, при которомъ не можетъ быть всѣхъ этихъ обмановъ, что-то другое такое, которое не можетъ ничѣмъ нарушиться, которое истинно и всегда прекрасно. Но этого не можетъ быть. Это только дразнящій видъ оазиса когда мы знаемъ, что его нѣтъ и что все песокъ. Мопасанъ дожилъ до того трагическаго момента жизни, когда начиналась борьба между ложью той жизни, которая окружала его, и истиною, которую онъ начиналъ сознавать. Начинались уже въ немъ приступы духовнаго рожденія. И вотъ эти-то муки рожденія и выражены въ тѣхъ лучшихъ произведеніяхъ его, въ особенности въ тѣхъ мелкихъ разсказахъ, которые мы и печатаемъ. Если бы ему суждено было не умереть въ мукахъ рожденія, а родиться, онъ бы далъ великія поучительныя произведенія, но и то, что онъ далъ намъ въ своемъ процессѣ рожденія уже многое. Будемъ же благодарны этому сильному, правдивому человѣку за то, что онъ далъ намъ».

Этими словами заключается предисловіе гр. Толстого къ роману Мопасана «Монтъ-Оріоль», которое по своей полнотѣ и значительности могло бы служить предисловіемъ къ полному собранію сочиненій Мопасана.

Сенсаціонный романъ. Общественное мнѣніе Франціи взволновано новымъ романомъ Марселя Прево, разошедшимся въ короткое время въ громадномъ количествѣ экземпляровъ по всей Европѣ. Романъ носитъ кричащее заглавіе «Les demi-vierges» и затрогиваетъ щекотливый вопросъ о нравственности современной свѣтской молодой дѣвушки. Авторъ претендуетъ на освѣщеніе одной изъ не раскрытыхъ еще язвъ современности, и такое именно впечатлѣніе производитъ романъ на мирныхъ буржуа и филистеровъ, такъ хорошо умѣющихъ не видѣть очевиднаго. Грубо намалеванная этикетка, приклеенная авторомъ къ извѣстному явленію жизни, въ сущности далеко не новому, сдѣлала свое дѣло. Фарисеи разныхъ племенъ и слоевъ общества всполошились. Одни стали кричать, что авторъ не долженъ былъ разоблачать ужасной тайны, что лучше было сохранить нашему несчастному вѣку эту послѣднюю иллюзію—иллюзію непорочности молодой дѣвушки. Другіе стали ужасаться описанному авторомъ явленію, какъ чему то удивительному, неожиданному, исключительному. Самъ авторъ, еще молодой и хорошо одаренный писатель, подчеркнулъ въ предисловіи свою изобличительную смѣлость, свое новаторство.

Содержаніе романа вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Maud de Rouvre, свѣтская хорошо воспитанная дѣвушка, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ—слабохарактерности матери, ранней смерти отца—съ юныхъ лѣтъ пользуется полною свободою. Она выходитъ одна изъ дому, принимаетъ въ своей комнатѣ мужчинъ. Авторъ даетъ въ своей героинѣ смѣло и красиво начерченный портретъ прирожденной авантюристки, страстной по темпераменту, жадной къ земнымъ благамъ, элегатной, увѣренной въ себѣ и владѣющей собой. Модъ де Руврь любитъ товарища своей юности, такого-же какъ она страстнаго и красиваго Жюльена Сюберсо. Но Жюльенъ бѣденъ и легкомысленъ. Бракъ съ нимъ не можетъ дать ей никакихъ удобствъ. И вотъ, не отказываясь отъ своей любви, любви по характеру своему страстной и чувственной, молодые люди заключаютъ слѣдующій союзъ и договоръ: они принадлежатъ другъ другу, но до извѣстной границы, они сдерживаютъ свою страсть, хотя только въ извѣстной степени, и при этомъ они ждутъ—ждутъ того момента, когда Модъ сдѣлаетъ своимъ мужемъ кого нибудь другого, кого нибудь болѣе подходящаго для ея житейскихъ склонностей и когда полная связь влюбленныхъ будетъ болѣе удобна и безнаказанна. Полное счастье Жюльена начнется съ того момента, какъ его возлюбленная станетъ женою другого. Вѣрная намѣченной программѣ, Модъ быстро приближается къ цѣли: она уже готова вступить въ бракъ съ влюбленнымъ въ нее богатымъ и добродѣтельнымъ юношей. Свадьба налажена, и Модъ

объявляетъ объ этомъ Жюльену съ торжествомъ человѣка, осуществившаго свои хорошо придуманныя намѣренія. Но тутъ страстная ревность, обычная ревность мужчины по отношенію къ женщинѣ, просыпается въ Жюльенѣ. Въ первый разъ ихъ общій планъ кажется ему безумнымъ и ужаснымъ. Онъ пробуетъ поколебать Модъ, онъ требуетъ, чтобы она немедленно отдалась ему, онъ готовъ женится на ней. Но Модъ тверда въ своихъ разсчетахъ и достаточно владѣетъ собой. Тогда Жюльенъ рѣшается собственными усиліями разрушить предстоящій бракъ Между нимъ и женихомъ происходитъ бурное и тяжелое объясненіе. Модъ застаетъ ихъ среди этого роковаго для нея разговора. Женихъ ея смущенъ, Жюльенъ крайне взволнованъ Вѣрная своему самообладанію, но внутренно взбѣшенная предательствомъ Жюльена, она гнѣвно и властно прогоняетъ его, какъ клеветника. Но объясненіе съ женихомъ пробуждаетъ въ ней ея гордость. «Видъ удаляющагося Сюберсо, разбитаго и обратившагося въ бѣгство, произвелъ на душу этой героической авантюристки, отнюдь не пошлой, хотя и сбившейся съ пути, такое-же впечатлѣніе какъ на Максима, повѣствуетъ авторъ. Ложь показалась ей вдругъ отвратительной». Она не хочетъ отрицать, что любила Жюльена, что что-то было между ними. «Но я *не была* его любовницей», прибавляетъ она даже въ минуту полной рѣшимости сказать правду—полную правду, какъ она сама понимаетъ ея. Однако *изобразить* эту правду она не можетъ и предпочитаетъ попросить Максима удалится, забыть ее. Ловко задуманный планъ рушится, погребая подъ своими развалинами три существа: Модъ, отчаявшаяся, разочарованная въ жизни, но не отрѣшившаяся отъ своихъ житейскихъ вожделѣній, кончаетъ тѣмъ, что уѣзжаетъ съ богатымъ и отвратительнымъ ей банкиромъ. Жюльенъ, пылая страстью къ своей бывшей возлюбленной и окончательно отвергнутый ею за его предательство, застрѣливается. Добродѣтельный Максимъ, разбитый въ своихъ жизненныхъ вѣрованіяхъ, уныло бродитъ по полямъ своего помѣстья, безъ надежды на лучшее будущее.

Такова не сложная завязка романа, развертывающаяся на пестромъ фонѣ свѣтской жизни Парижа. Указующій и предостерегающій перстъ автора, выглядывающій изъ-за многихъ страницъ романа, дѣлаетъ изображеніе этой грязной ситуаціи поучительнымъ, почти душеспасительнымъ. Авторъ рисуетъ порокъ во всей его наготѣ лишь для того, чтобы указать дорогу къ исцѣленію отъ него. Нѣсколько добродѣтельныхъ фигуръ съ краснорѣчивымъ резонеромъ романа во главѣ добросовѣстно выполняютъ эти намѣренія автора. Мораль его ясна, пути къ спасенію указаны имъ съ точностью. Въ чемъ состоитъ явленіе, впервые освѣщенное, выдвинутое, подчеркнутое авторомъ? Развращенность современныхъ молодыхъ дѣвушекъ, воспитываемыхъ en connaissance des choses и свободныхъ въ своемъ общеніи съ молодыми людьми. Эта развращенность выражается, по словамъ автора, въ *флиртѣ*, заимствованномъ изъ Англіи и простирающемъ свое пагубное вліяніе до глубины французскихъ свѣтскихъ нравовъ. Такъ говоритъ самъ авторъ и собственными устами, и устами своего резонера. Въ чемъ заключаются послѣдствія флирта и общей развращенности молодыхъ дѣвицъ? Въ нарушеніи брака, какъ христіанскаго учрежденія, которое подразумѣваетъ непремѣнно непорочность со стороны невѣсты (только невѣсты!). Въ чемъ спасеніе отъ развращенности молодыхъ дѣвушекъ и въ нарушеніи святости брака? Въ томъ, чтобы, во-первыхъ, воспитывать дочерей такъ, какъ это дѣлалось прежде, т.-е. въ монастыряхъ, *вдали отъ свѣта*, а во-вторыхъ, въ томъ, чтобы какъ можно раньше отдавать ихъ замужъ, чтобы таинство брака застало ихъ во всей ихъ наивной непорочности. «Выдавайте ихъ замужъ юными, но удаляйте ихъ отъ свѣта *до брака*». Резонеръ романа, насмотрѣвшійся на испорченность свѣтскихъ дѣвушекъ, самъ женится на наивной и глупенькой дѣвушкѣ, на «маленькой бѣлой гусынѣ», которую жизнь и любовь могутъ на-

учить только одному искусству—«немножко красивѣе расправлять свои перышки». Наконецъ, въ заключительной главѣ тотъ-же резонеръ открыто излагаетъ высшую мудрость автора слѣдующими словами: «въ періоды броженій и перестроекъ люди мудрые должны сохранить для себя прибѣжище въ *традиціонной морали*. Только неосторожные оставляютъ старое жилище, не опредѣливъ мѣста своего прибытія».

Таковы тенденціи, переплетающія и изрѣзывающія во всѣхъ направленіяхъ фабулу романа. Не будучи сильнымъ и глубокимъ талантомъ, вскрывающимъ до глубины человѣческую психологію, со всею ея сложностью, со всею ея двойственностью въ влеченіяхъ къ добру и злу, со всѣми муками дисгармоніи, со всѣмъ тѣмъ, что само по себѣ, помимо всякихъ разсудочныхъ тенденцій, вопіетъ о ненормальности ужасной и безобразной человѣческой жизни, Марсель Прево далъ произведеніе по существу своему фальшивое, нехудожественное, неудовлетворяющее ни въ какомъ смыслѣ. Всѣ фигуры, кромѣ героини, блѣдны и незакончены, психологія героя, не смотря на отдѣльные правдивые штрихи, мелькающіе въ туманѣ, поверхностна и банальна. Сама героиня нарисована съ извѣстнымъ увлеченіемъ и можетъ болѣе всѣхъ другихъ типовъ, нарисованныхъ авторомъ, привлечь воображеніе читателя своею силою, смѣлостью, упругостью. Напрасно авторъ вопіетъ о ея порочности: простодушный читатель чувствуетъ только, что въ этомъ изображеніи порокъ силенъ и привлекателенъ, тогда какъ добродѣтель безсильна и безсодержательна. Авторъ невольно любитъ свою героиню, потому что самъ не понимаетъ ея, потому что она кажется ему согрѣшившей только противъ «традиціонной морали», противъ «дѣвической наивности», и ни въ ея буржуазной алчности къ богатству и положенію, ни въ ея противуестественномъ союзѣ съ возлюбленнымъ. онъ не видитъ и во всякомъ случаѣ не показываетъ, не подчеркиваетъ, ничего особенно ненормальнаго. Порокъ всеобщій, порокъ опутывающій общество, развратъ юношей, развратъ замужнихъ женщинъ и женатыхъ мужчинъ, низменные денежные разсчеты въ вопросѣ о бракѣ. вульгарный, буржуазный взглядъ на нравственную чистоту, узаконяющій бракъ съ отталкивающимъ существомъ и осуждающій страстный порывъ двухъ свободныхъ существъ,—все это есть, по мнѣнія автора, зло настолько старое и настолько узаконенное своей давностью. что въ немъ не стоитъ особенно разбираться. Это старое зло не страшно по сравненію съ современнымъ новымъ, неожиданнымъ: съ добрачной испорченостью женщины. Оставимъ старые вопросы на второмъ планѣ, займемся новымъ. Спастись отъ стараго зла нельзя — оно слишкомъ велико, но защитимся отъ новаго врага Замужнія женщины безвозвратно погибли для нравственности, спасемъ же чистоту дѣвушки: удалимъ ее отъ свѣта и какъ можно раньше выдадимъ ее замужъ, какъ прежде въ доброе старое время «quand le mari était vraiment *l'iniciateur*». Въ этомъ вѣдь и заключается святость брака: бракъ есть таинство, соединяющее жизнь опытнаго мужчины и наивно-чистой дѣвушки. Что касается дальнѣйшаго—той несчастной траги-комедіи, которая носитъ традиціонное заглавіе menage à trois, то это вопросъ совсѣмъ другой, слишкомъ старый и уже не сенсаціонный... Такъ полагаетъ авторъ, затронувъ вопросъ новый, современный, исключительный среди всѣхъ прочихъ нравственныхъ вопросовъ. Выдвинуть этотъ вопросъ и указать ему разрѣшеніе столь простое и удобоисполнимое, значитъ быть истиннымъ благодѣтелемъ современнаго человѣчества!.. Разсчетъ автора оказался вѣренъ: многіе повѣрили ему, что вопросъ новъ и стоитъ особнякомъ среди другихъ вопросовъ нравственности, многіе согласились, что лучшее средство противъ зла—держать дѣвушекъ вдали отъ свѣта и выдавать ихъ замужъ прежде, чѣмъ ихъ посѣтило искушеніе. Въ одномъ только авторъ ошибся: онъ допустилъ, что кто нибудь увлечется нарисованнымъ имъ идеаломъ добродѣтели. Увы! Все еще писатели

такъ безсильны, такъ бездарны въ представленіяхъ о нравственности, что добродѣтель является какою-то блѣдною робкою тѣнью по сравненію съ сильнымъ и властнымъ порокомъ. И все еще пробуютъ утверждать, что добродѣтель держится незнаніемъ, неопытностью и наивностью, что она прекрасна при безсодержательности и однообразіи, что она боится всякаго порыва, всякой бури, что она должна пугаться красокъ фантазіи, огня страсти, блеска красоты. И ложныя, мертвыя, фарисейскія понятія о морали порождаютъ эти блѣдные образы, эти сухія и скучныя прописи, эти безсильныя попытки направить мятущееся человѣчество къ идеалу нравственной красоты.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Льготы по образованію при отбываніи воинской повинности.—Законъ о ссудахъ дворянскаго банка на покупку имѣній въ западномъ краѣ.—Преобразованіе государственнаго банка.—Обложеніе акцизомъ виноградныхъ винъ.—Еще о литературной конвенціи.

Въ недавно опубликованномъ оффиціальномъ сообщеніи были изложены результаты работъ особой коммисіи, назначенной для пересмотра льготъ по образованію при отбываніи воинской повинности. Льготы установленныя въ интересахъ образованія, необходимо и обсуждать преимущественно съ этой-же точки зрѣнія. Что касается интереса военнаго, то онъ былъ достаточно обезпеченъ уже самымъ привлеченіемъ къ исполненію воинской повинности всѣхъ физически годныхъ для нея лицъ мужского пола. Точно такъ и льготы по семейному положенію, данныя по соображеніямъ экономическимъ, должны быть разсматриваемы прежде всего въ тѣхъ-же видахъ, такъ какъ интересъ численности того состава людей, какой можетъ быть мобилизированъ при войнѣ, вполнѣ удовлетворяется уже тѣмъ, что мобилизаціи подлежатъ всѣ годные для службы, не исключая и тѣхъ, которые вовсе не проходили дѣйствительной службы и были прямо зачислены въ ополченіе. Вообще-же, численный составъ хотя-бы одного запаса въ Россіи такъ великъ, что проведеніе чрезъ дѣйствительную службу какого-нибудь лишняго десятка тысячъ людей или удержаніе подъ знаменами лишній годъ того или другого разряда льготныхъ по образованію не могутъ имѣть для численности запаса сколько-нибудь существеннаго значенія.

Правда, кромѣ вопроса о численности арміи по военному положенію, представляется еще вопросъ о ея качествахъ. Но въ этомъ отношеніи пребываніе на дѣйствительной службѣ лишній годъ людей съ высшимъ и среднимъ образованіемъ мало имѣетъ вліянія, по той же причинѣ, т. е. потому, что самое число ихъ совершенно незначительно въ милліонномъ составѣ войскъ, содержимыхъ въ мирное время. Между тѣмъ, поводомъ къ нѣкоторому уменьшенію льготъ по образованію указывается именно то обстоятельство, что въ общемъ числѣ новобранцевъ,

поступающихъ въ войсковыя части, имѣется только до 33 процентовъ людей грамотныхъ. Намъ такой фактъ кажется неожиданно благопріятнымъ, въ сравненіи съ прежними условіями. Въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ», изданномъ въ 1866 г., т. е. за восемь лѣтъ до введенія общей воинской повинности, процентъ грамотныхъ среди новобранцевъ былъ показанъ въ 11, а въ первый десятокъ лѣтъ по ея введеніи онъ едва доходилъ до 25. Теперь онъ уже достигъ цифры 33 и, разумѣется, будетъ постоянно возрастать впредь, совершенно независимо отъ того, служитъ-ли годомъ больше или меньше горсть людей съ высшимъ образованіемъ, будетъ возрастать отъ постепеннаго распространенія грамотности въ народѣ, чему несомнѣнно содѣйствуютъ и льготы, предоставленныя лицамъ, окончившимъ курсъ въ училищахъ 3 и 4 разрядовъ.

Высказывается также соображеніе, что получившихъ высшее или среднее образованіе важно держать на службѣ нѣсколько дольше нынѣшняго потому, что изъ нихъ будетъ пополняться офицерскій составъ, между тѣмъ, какъ изъ бывшихъ воспитанниковъ 3-го разряда «можно формировать только унтеръ-офицерство, такъ какъ получаемое ими образованіе настолько невысоко, что многіе изъ нихъ, оканчивая курсъ, не могутъ прочесть ни слова на иностранныхъ языкахъ». Но если на войнѣ будетъ важно умѣнье читать надписи, и хотя-бы и записки на нѣмецкомъ языкѣ, то однихъ эстовъ, латышей, поляковъ и евреевъ, которые читаютъ по-нѣмецки, въ войскахъ окажется больше, чѣмъ всѣхъ офицеровъ.

Разсматривая предположенія, составленныя коммисіею, назначенною въ 1892 г. подъ предсѣдательствомъ т. с. Георгіевскаго, мы обязаны прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что она работала, имѣя уже въ виду проектъ объ уменьшеніи льготъ по образованію, составленный въ военномъ вѣдомствѣ, то-есть, что инціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала не коммисіи, которая, наоборотъ, смягчила нѣкоторыя первоначальныя предположенія о продленіи срока службы лицъ съ высшимъ или среднимъ образованіемъ, объ обязательномъ отбываніи воинской повинности тотчасъ по окончаніи курса средне-учебнаго заведенія для всѣхъ съ тѣмъ, чтобы въ высшія училища принимались только лица, представляющія свидѣтельства объ исполненіи уже ими воинской повинности и т. д. Сдѣлавъ эту оговорку, мы должны, однако, напомнить о двухъ главныхъ фактахъ, которые слѣдуетъ имѣть въ виду при обсужденіи какихъ-либо уменьшеній въ льготахъ по высшему и среднему образованію у насъ въ Россіи: все, что могло-бы затруднить доступъ къ высшему образованію, отозвалось-бы вредно не только на интересахъ общественной дѣятельности и государственной службы, но и на приливѣ учениковъ въ гимназіи и реальныя училища, такъ какъ извѣстно, что огромное большинство оканчивающихъ курсы этихъ заведеній являются кандидатами на поступленіе въ университеты и спе-

ціальные институты. Между тѣмъ, число людей съ образованіемъ высшимъ или среднимъ въ Россіи такъ еще незначительно въ общемъ составѣ населенія, что не только уменьшеніе его или застой въ естественномъ его приростѣ нежелательны въ интересахъ всей страны, но и задержаніе этихъ лицъ въ войскахъ на лишній годъ не можетъ оказать существеннаго вліянія ни на численность, ни на качества массы призывныхъ.

Нормальный срокъ дѣйствительной службы въ пѣхотѣ и кавалеріи положенъ, какъ извѣстно, въ 5 лѣтъ, причемъ изъ пѣхотныхъ частей люди обыкновенно увольняются нѣсколько ранѣе этого срока, въ отпускъ; имѣющіе же свидѣтельство отъ училищъ 3-го и 4-го разряда служатъ только 4 года. Эту льготу полагается сохранить. Но комиссія нашла еще, что срокъ этотъ полезно сократить для учащихся въ школахъ двухклассныхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищъ (3 разряда) — для побужденія учениковъ къ окончанію курса. Учителя школъ 3-го и 4-го разрядовъ пользуются тѣмъ же преимуществомъ, какъ и преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній, а именно, они зачисляются въ запасъ арміи тотчасъ послѣ призыва и, совсѣмъ не поступая на дѣйствительную службу, числятся въ запасѣ всѣ 18 лѣтъ, если состоятъ преподавателемъ не менѣе 5-ти лѣтъ и очевидно, это есть премія, важная для плохо вознаграждаемыхъ народныхъ учителей и весьма дешевая для государства, въ виду громаднаго состава призывныхъ. Но комиссія обратила вниманіе на то, что такихъ запасныхъ, не знающихъ службы, числиться до 14 т. человѣкъ и въ виду этого составила предположеніе о привлеченіи народныхъ учителей къ состоянію подъ знаменами «въ качествѣ однолѣтокъ, для ознакомленія ихъ съ военной службою». Эту мысль нельзя признать практическою, потому что въ народные учителя многіе поступаютъ именно въ виду льготы отъ дѣйствительной воинской службы и остаются въ этой должности пять лѣтъ. Если же льгота эта будетъ отмѣнена, то кого же соблазнитъ жалованье въ 200 рублей за учительство въ деревнѣ? Если онъ все равно долженъ будетъ побывать въ солдатахъ, то уже едва-ли возвратится на такое жалованье, которое едва даетъ пропитаніе въ деревнѣ. Эта мѣра могла-бы повесть къ дезорганизаціи народной школы. Предположено еще, что, прослуживъ годъ, народный учитель все-таки обязанъ будетъ состоять въ своей должности пять лѣтъ, а если пробудетъ въ ней только четыре, то его опять призовутъ на дѣйствительную воинскую службу, въ которой онъ долженъ будетъ отбыть полный срокъ, соотвѣтственный степени его образованія Все это не особенно практично и, главное, можетъ лишь въ ничтожной степени поднять процентъ грамотныхъ въ постоянной арміи.

Лица, окончившія курсъ высшихъ и среднихъ училищъ, нынѣ, какъ извѣстно (въ силу закона 1886 г.), сравнены въ правахъ и могутъ отбывать повинность или въ 2-хъ-лѣтній срокъ—по жребію (и 16 лѣтъ числятся въ

запасѣ), или въ качествѣ вольноопредѣляющихся, причемъ они состоятъ ва дѣйствительной службѣ только 1 годъ, а въ запасѣ 12 лѣтъ. Оказывается, что вольноопредѣляющимися поступаетъ меньшая половина. именно 45 проц. имѣющихъ на то право, стало быть—тѣ, которые, по своимъ физическимъ качествамъ, увѣрены, что при вынутіи неблагопріятнаго номера на жребіи они забракованы не будутъ. Остальные же 55 проц. лицъ этой категоріи идутъ на жребій, «причемъ, только очень малое число этихъ лицъ, въ дѣйствительности, поступаетъ въ военную службу, вслѣдствіе, какъ случайностей жребія, такъ и болѣе высокихъ требованій относительно физической годности, предъявляемыхъ новобранцамъ, отбывающимъ воинскую повинность въ жеребьевомъ порядкѣ». Комиссія положила сохранить годовой срокъ службы для волноопредѣляющихся, но лицъ этой категоріи, поступающихъ въ войска по жребію, предлагаетъ обязать срокомъ дѣйствительной службы трехлѣтнимъ. вмѣсто нынѣшняго двухлѣтняго. При этомъ за вольноопредѣляющимися былъ-бы сохраненъ нынѣшній срокъ состоянія въ запасѣ (12 л.), а для жеребьевыхъ онъ былъ-бы убавленъ на 1 годъ (15 л.).

Такимъ образомъ, лица съ высшимъ или среднимъ образованіемъ въ срокѣ службы по жребію были-бы сравнены съ окончившими курсъ въ школахъ 3-го разряда. Нельзя не признать въ этомъ нѣкотораго несоотвѣтствія. Съ одной стороны комиссія считаетъ необходимымъ сдѣлать различіе въ срокахъ службы между воспитанниками школъ 3-го и 4-го разрядовъ; тотъ, кто прошелъ курсъ двухласснаго училища, будетъ служить годомъ меньше, чѣмъ такіе, кто окончилъ курсъ начальной школы. Стало быть за 1 лишній годъ ученья сокращается на годъ воинская повинность. Съ другой же стороны, комиссія признаетъ справедливымъ человѣка, который учился въ гимназіи много лѣтъ, да потомъ пробылъ 4 года въ университетѣ, сравнить въ срокѣ службы по жребію съ воспитанникомъ двухкласснаго училища. Этому послѣднему, за-то, что онъ учился лишній годъ противъ курса начальной школы, срокъ службы уменьшается на годъ, а тому, кто учился положимъ дольше, чѣмъ воспитанникъ двухклассной школы, эти лишнія годы ученья не вмѣнялись-бы ни во что, по отношенію къ сроку службы по жребію; возможно-ли это? Комиссія указываетъ на важное преимущество, которое для абитуріентовъ среднихъ и высшихъ училищъ оставалось-бы въ ихъ правѣ поступать вольноопредѣляющимися и служить всего 1 годъ. Но вольноопредѣляющимися поступаютъ молодые люди сколько нибудь обезпеченные средствами, а почему-же остальныхъ заставляютъ служить три года? Иные—и такихъ немало — съ великимъ трудомъ, съ едва посильными для родителей пожертвованіями. дотянули свои 4 года въ университетѣ. Какъ-же принуждать родителей, чтобы они помогали сыну еще лишній годъ, какъ вольноопредѣляющемуся, дабы избавить его отъ потери цѣлыхъ трехъ дальнѣйшихъ лѣтъ?

Напомнимъ, что по первоначальному положенію о срокахъ, лица

высшаго образованія служили вольноопредѣляющимися всего 3 мѣсяца, а по жребію—только полгода. Впослѣдствіи было признано, и коммиссія повторяетъ это, что сроки болѣе краткіе, чѣмъ 1 годъ, «невозможны съ точки зрѣнія потребностей военнаго дѣла». Замѣтимъ, однако, что и въ царствованіе императора Николая кандидаты университета служили въ рядахъ всего 3 мѣсяца. а затѣмъ производились въ офицеры, хотя-бы и не было вакансіи. Но во всякомъ случаѣ, если сокращеніе 1 года нельзя по военнымъ соображеніямъ, то отсюда не слѣдуетъ, что службу по жребію необходимо продлить съ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ.

Затѣмъ весьма большія неудобства представляло бы проектируемое комиссіею правило, что по окончаніи курса среднихъ училищъ могутъ поступать въ училища высшія только тѣ молодые люди, которымъ остается еще болѣе года до достиженія призывного возраста, а всѣ тѣ, которые окончили курсъ гимназій или реальныхъ училищъ по достиженіи призывного возраста и въ годъ достиженія его — обязаны сперва отбыть воинскую повинность. Итакъ, 20-ти-лѣтній абитуріентъ гимназіи обязанъ будетъ прерывать годы ученья и прежде чѣмъ поступитъ въ университетъ — отслужить въ войскахъ 1 годъ въ качествѣ вольноопредѣляющагося или 3 года по жребію. Это—новое принужденіе для такихъ молодыхъ людей служить непремѣнно въ качествѣ вольноопредѣляющихся, такъ какъ кто же захочетъ, пройдя восьмилѣтній курсъ гимназіи, служить въ войскахъ три года, а потомъ опять учиться 4 года? А если бы такіе охотники и нашлись, то сомнительно, чтобы разъ отставъ отъ ученья на три года и многое уже потерявъ изъ багажа своего гимназическаго знанія, они впослѣдствіи остались бы при намѣреніи получить высшее образованіе.

Возьмемъ въ примѣръ реалиста, который принимается въ спеціальный институтъ не иначе, какъ по конкурсному экзамену, такъ какъ на 30 вакансій обыкновенно является не меньше 150 кандидатовъ. Какая же для него будетъ вѣроятность выдержать экзаменъ въ числѣ первыхъ 30 изъ 150-ти, послѣ того, какъ онъ, по окончаніи курса реальнаго училища, три года занимался маршированіемъ, стрѣльбой и за это время держалъ экзамены совсѣмъ изъ новыхъ предметовъ: унтеръ-офицерскій, затѣмъ еще офицерскій? Другое дѣло, конечно, если онъ служилъ только 1 годъ. Но, повторяемъ, едва-ли справедливо заставлять всѣхъ молодыхъ людей, прошедшихъ средній или высшій курсъ, чтобы они служили непремѣнно въ званіи вольноопредѣляющихся. Да и одинъ годъ перерыва въ учебномъ возрастѣ не будетъ полезенъ, такъ какъ въ тѣ годы человѣкъ еще слишкомъ впечатлителенъ и легко поддается вліянію среды.

Поводомъ къ установленію такого въ высшей степени неудобнаго для учащагося юношества условія служить только то соображеніе, что, получая отсрочки по отбыванію военной повинности до окончанія высшихъ курсовъ, то есть до 24, и даже до 29 лѣтъ, лица, получив-

шія высшее образованіе, не могутъ уже затѣмъ состоять въ запасѣ все положенное время, такъ какъ выходятъ изъ предѣльнаго возраста (39 лѣтъ включительно). «Отсюда—по взгляду коммисіи — получается неравномѣрность въ распредѣленіи тягостей военной службы, одинаково для всѣхъ обязательной по дѣйствующимъ законамъ». И вотъ, для устраненія этого и предполагается обязать гимназистовъ, если они оканчиваютъ курсъ на 20 году и позже, отбывать повинность до поступленія въ высшее училище, а вмѣстѣ съ тѣмъ проектируется установить для обучающихся въ этихъ училищахъ отсрочку только до 25 л., и лишь въ видѣ изъятій до 27 и 28 лѣтъ. Но такая отмѣна отсрочекъ въ общемъ правилѣ позже 25 лѣтъ была бы крайне стѣснительна: тотъ, кто поступилъ 19 лѣтъ на медицинскій факультетъ, но по болѣзни не окончилъ его курса въ 5 лѣтъ и достигнетъ 25 лѣтняго возраста находясь еще на послѣднемъ курсѣ, не получилъ бы, стало быть, отсрочки еще на годъ и долженъ былъ бы оставить университетъ? Для равномѣрности времени состоянія въ запасѣ не проще ли было бы увеличить для получившихъ отсрочки до 26 лѣтъ предѣльный возрастъ состоянія въ запасѣ до 40 лѣтъ, и абитуріентамъ среднихъ учебныхъ заведеній предоставить право поступленія въ высшія училища, если только эти лица не достигли 22 лѣтняго возраста. Оканчивающіе курсъ средняго училища на 23 году составляютъ уже исключеніе.

Добавимъ, что такъ какъ мотивомъ къ проектируемому сокращенію льготъ по высшему и среднему образованію приводится именно недостаточное число въ арміи людей не то что образованныхъ, но *граматныхъ*, то для насъ не совсѣмъ ясна въ данномъ случаѣ связь между причиной и проектируемымъ ея послѣдствіемъ. Грамотные составляютъ треть въ числѣ новобранцовъ. Но вѣдь есть же полковыя школы, при помощи которыхъ въ первый же годъ службы всѣ новобранцы могутъ дѣлаться граматными.

Отъ проекта измѣненій въ правахъ воинской повинности мы перейдемъ къ вновь опубликованной мѣрѣ финансовой.

Эта мѣра—возложеніе на дворянскій банкъ выдачи ссудъ дворянамъ на покупку имѣній въ девяти западныхъ губерніяхъ отъ лицъ нерусскаго происхожденія. Такъ какъ въ узаконеніи употреблено именно выраженіе «не русскаго», то можно думать, что ссуды будутъ выдаваться русскимъ дворянамъ на покупку имѣній не только отъ поляковъ, но и отъ нѣмцевъ русскихъ подданныхъ. Но такъ какъ за послѣдними признано право пріобрѣтать имѣнія въ западномъ краѣ наравнѣ съ русскими, то нельзя сказать, будутъ-ли выдаваться ссуды и на выкупъ имѣній, состоящихъ во владѣніи нѣмцевъ, или не русское происхожденіе слѣдуетъ разумѣть только въ смыслѣ польскаго.

Главныя условія для выдачи такихъ ссудъ состоятъ въ слѣдующемъ: желающій получить ссуду долженъ представить свидѣтельство о своемъ правѣ пріобрѣтать имѣнія въ западныхъ губерніяхъ и подписку про-

давца имѣнія о согласіи его на подачу заявленія о ссудѣ, которая выдается затѣмъ въ размѣрѣ не свыше 75% оцѣночной стоимости имѣнія, причемъ собственно нормальнымъ предѣломъ признанъ размѣръ въ 60%, такъ что для выдачи ссуды въ размѣрѣ до 75% требуется согласіе двухъ-третей голосовъ совѣта банка, съ утвержденіемъ министра финансовъ. Но и 60% оцѣночной суммы представляютъ размѣръ соотвѣтствующій ссудамъ земельныхъ банковъ подъ нѣкоторыя имѣнія. Здѣсь главный пунктъ составляютъ именно условія покупки имѣній заложенныхъ, такъ какъ въ западномъ краѣ, послѣ закона, воспретившаго полякамъ пріобрѣтеніе имѣній, недвижимыя имущества предлагаются къ продажѣ исключительно только въ двухъ случаяхъ: по несостоятельности къ уплатѣ въ земельный банкъ или вслѣдствіе перехода имѣнія по наслѣдству къ иностраннымъ подданнымъ.

Размѣръ ссуды русскимъ дворянамъ, пріобрѣтающимъ имѣніе отъ собственниковъ поляковъ, назначенъ въ 60 и даже до 75% оцѣнки: отсюда можно заключить, что дворянскій банкъ будетъ переводить на себя ссуду, выданную акціонерными земельными банками. А такъ какъ, при невозможности для поляковъ пріобрѣтать землю, за продаваемое съ аукціона имѣніе будетъ иногда дана цѣна и на 25% ниже оцѣнки, то такимъ образомъ откроется возможность пріобрѣтать имѣнія по цѣнѣ ссуды, съ доплатой нѣсколькихъ рублей, причемъ у такихъ покупщиковъ-спекуляторовъ не будетъ никакихъ оборотныхъ средствъ для веденія хозяйства. Необходимо обратить вниманіе на то, чтобы въ этомъ дѣлѣ устранять проявлявшуюся уже спекуляцію. Служащимъ-же въ западномъ краѣ вообще не слѣдовало бы предоставлять льготъ по пріобрѣтенію въ немъ имѣній, такъ какъ это имѣло-бы неблагопріятное вліяніе.

Полезно также было бы поставить условіе, что каковъ бы ни былъ признанъ размѣръ ссуды, но она разрѣшалась бы лишь въ такомъ случаѣ, если покупщику все-таки придется произвесть изъ собственныхъ средствъ значительную доплату. Таково въ сущности и намѣреніе новаго закона, который нормальнымъ предѣломъ ссуды устанавляетъ 60% съ оцѣнки. Такъ и крестьянскій банкъ выдаетъ ссуды не иначе, какъ подъ условіемъ собственной доплаты. Для ссудъ же на пріобрѣтеніе цѣлыхъ имѣній оно безусловно необходимо, такъ какъ, при отсутствіи его, безденежной покупкой могутъ воспользоваться болѣе чѣмъ кто-либо именно спекуляторы, которые, пріобрѣтая имѣніе, не издержавъ ни одного рубля, посредствомъ одного перевода ссуды изъ частнаго въ государственный дворянскій банкъ, будутъ разсчитывать только на то, чтобы тотчасъ продать лѣсъ и опустошить имѣніе сколько возможно, то есть извлечь изъ этой «операціи» выгоду, если даже и небольшую въ сравненіи съ дѣйствительной его стоимостью, то все-таки огромную въ сравненіи съ нулемъ средствъ для его покупки. Ожидать, что явится значительное число солидныхъ и опытныхъ хозяевъ изъ русскихъ дво-

рянъ для покупки имѣній въ Западномъ краѣ, при помощи банка едва ли можно. Во-первыхъ, не легко весть хозяйство подъ бременемъ платежей банку, хотя бы они и составляли только 5%, которыя взимаетъ дворянскій банкъ. Въ доказательство можно сослаться на многія ходатайства нынѣшнихъ кліентовъ этого банка о дальнѣйшемъ уменьшеніи размѣра платежей. Во вторыхъ, особенно трудно сводить концы съ концами въ заложенномъ имѣніи, когда приходится приниматься за хозяйство при совершенно новыхъ условіяхъ. Было немало случаевъ пріобрѣнія имѣній въ западныхъ губерніяхъ русскими людьми, но весьма рѣдки такіе примѣры, чтобы они вели хозяйство съ успѣхомъ и прочно основались бы въ томъ краѣ. Какой особенный разсчетъ для дворянина съ денежными средствами, который хочетъ пріобрѣсть имѣніе и работать надъ улучшеніемъ его—покупать имѣніе именно въ одной изъ западныхъ губерній, когда по два раза въ годъ публикуется о продажѣ тѣмъ-же дворянскимъ банкомъ большаго числа имѣній въ любой изъ внутреннихъ и южныхъ губерній, гдѣ и условія хозяйства покупателю знакомѣе, и среда ближе, гдѣ есть и общественная дѣятельность и дышится легче.

Что касается самого принципа этого закона, то мы не можемъ не отнесть его къ числу дѣйствующихъ еще въ западномъ краѣ узаконеній свойства исключительнаго, которыхъ скорѣйшая отмѣна вообще желательна. Необходимость сохраненія ихъ въ силѣ на неопредѣленное время не можетъ быть доказываема сколько-нибудь убѣдительно, а оставленіе того края въ дореформенномъ положеніи и въ совершенно особыхъ условіяхъ относительно правъ обывателей и самаго порядка управленія, составляетъ прямое противорѣчіе принципу его объединенія съ остальною Россіей.

Совсѣмъ иную цѣль и иной характеръ имѣютъ тѣ многочисленные новые виды ссудъ, которые введены нынѣ въ уставъ государственнаго банка, опубликованный въ концѣ іюня. Въ первоначальномъ уставѣ этого банка, образованнаго въ 1860 г., назначеніе его было опредѣлено слѣдующимъ образомъ: «для оживленія торговыхъ оборотовъ и упроченія денежной кредитной системы». Въ 1862 г. банкомъ, дѣйствительно, была сдѣлана попытка упроченія этой системы—единственнымъ вѣрнымъ для того средствомъ, а именно возстановленіемъ размѣна. Но попытка эта окончилась неудачею отчасти вслѣдствіе неувѣренности торговаго міра въ достаточной самостоятельности банка, которая ручалась бы, что дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ имѣли-бы характеръ выпусковъ временныхъ и только на нужды самаго банка.

Что касается «оживленія торговыхъ оборотовъ», то эта задача была исполнена государственнымъ банкомъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ то время общественныхъ и акціонерныхъ банковъ у насъ вовсе не было, торговцы брали товары частью въ кредитъ, но векселей ихъ негдѣ было учитывать, а если имъ не хватало оборотныхъ средствъ, то

они занимали ихъ у частныхъ дисконтеровъ, по высокой цѣнѣ и на самые краткіе сроки. Учетомъ надежныхъ коммерческихъ векселей государственный банкъ, съ его отдѣленіями и конторами много способствовалъ развитію торговли, а опираясь на этотъ учетъ возникъ и цѣлый рядъ банковъ коммерческихъ, общественныхъ и акціонерныхъ, изъ числа которыхъ иные, какъ напр. волжско-камскій, сами имѣютъ громадные, не спекулятивные, а именно торгово-кредитные обороты. Государственному банку иногда вмѣняли даже въ вину, что онъ слишкомъ расплодилъ общественные и частные банки, которыхъ возникло болѣе, чѣмъ того требовали состояніе производительности и дѣйствительныя нужды торговли, что частные банки орудовали, главнымъ образомъ, на средства, взятыя у того-же банка государственнаго, что дѣятельность ихъ имѣла въ значительной мѣрѣ характеръ спекулятивный, наконецъ, что немало произошло и «краховъ» городскихъ банковъ, и въ особенности банкирскихъ конторъ. Но несомнѣнно, что въ странѣ, совсѣмъ не имѣвшей организованнаго частнаго кредита, первой обязанностью банка государственнаго было всетаки создать этотъ кредитъ. Въ томъ-же, что производительность далеко не развилась въ тѣхъ-же размѣрахъ, какъ банковскія операціи, которыя имѣли отчасти именно спекулятивный характеръ, виновны были разныя условія матеріальныя, умственныя, юридическія, но не государственный банкъ въ частности.

Какъ-бы то ни было, задачу «оживленія торговыхъ оборотовъ» онъ исполнилъ, но «упроченія» денежной кредитной системы не только не достигъ, а по самому своему положенію, какъ банкъ, состоящій въ тѣсной связи и подъ однимъ начальствомъ съ государственнымъ казначействомъ, и впредь не былъ-бы въ состояніи достигнуть.

Въ настоящее время на первый планъ выступила уже необходимость оживленія не торговыхъ оборотовъ, но самой производительности, открытіе кредита на улучшеніе средствъ для веденія сельскаго хозяйства, на поднятіе кустарныхъ промысловъ, на развитіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности. Прежній уставъ государственнаго банка, имѣвшій въ виду кредитъ преимущественно коммерческій, не соотвѣтствовалъ этимъ потребностямъ. И вотъ, министерство финансовъ предприняло образованіе банка, широко раздвинувъ рамки его операцій и измѣнивъ отчасти и порядокъ управленія имъ. Мы можетъ намѣтить здѣсь только въ общихъ чертахъ характеръ этого преобразованія, въ основаніе котораго положена мысль у насъ довольно новая, хотя, въ извѣстной части, быть можетъ и рискованная. Рискъ заключается не въ томъ, что банкъ имѣетъ оказывать кредитную помощь подъ соло-векселя множеству мелкихъ кліентовъ-производителей; этотъ видъ кредита, пожалуй, не болѣе рискованъ, чѣмъ учетъ торговыхъ векселей съ двумя подписями. Но открытіе крупныхъ кредитовъ промышленнымъ предпріятіямъ и соединеніе въ одномъ учрежденіи кредита, который во многихъ случаяхъ непремѣнно перейдетъ, въ дѣйствительности, въ долго-

срочный, съ кредитомъ коммерческимъ и государственнымъ,—вотъ та сторона, которая способна внушать нѣкоторыя сомнѣнія.

Новый уставъ предоставляетъ банку, сверхъ операцій по кредиту государственному, а также учета и ссудъ по обязательствамъ торговымъ, пріема вкладовъ, веденія текущихъ счетовъ, выдачи ссудъ подъ процентныя бумаги и исполненія коммиссіи по куплѣ и продажѣ бумагъ, по переводамъ и т. п., еще открывать кредиты и выдавать ссуды подъ соло-векселя обезпеченные зологомъ недвижимаго имущества, закладомъ сельско-хозяйственнаго или фабрично-заводскаго инвентаря и даже поручительствами. Но ссуды эти выдаются только для снабженія инвентаремъ и оборотнымъ капиталомъ—сельскихъ хозяевъ, промышленныхъ предпріятій, ремесленниковъ, кустарей и мелкихъ торговцевъ. Кустарямъ и мелкимъ торговцамъ ссуды могутъ быть выдаваемы и безъ обезпеченій, подъ одни ихъ соло-векселя, но въ размѣрѣ ссуды одному торговцу не болѣе 600 рублей и одному кустарю не болѣе 300 руб. Во всѣхъ другихъ случаяхъ обезпеченіемъ ссуды служатъ самые предметы, пріобрѣтенные на выданныя банкомъ деньги, такъ какъ заемщики обязаны употребить эти деньги согласно тому назначенію, для котораго онѣ были выданы, и агенты банка будутъ наблюдать за исполненіемъ этого условія. Размѣръ ссуды одному промышленному предпріятію не можетъ превышать 500 тысячъ рублей. Ссуды подъ соло-векселя для предоставленія заемщикамъ оборотнаго капитала будутъ выдаваться въ размѣрѣ не выше 75% оцѣнки залоговъ—сельскимъ хозяевамъ и 50% фабрикамъ. Весьма важно также допускаемое новымъ уставомъ банка предоставленіе—въ предѣлахъ свободныхъ средствъ, за покрытіемъ торгово-промышленныхъ потребностей—ссудъ земствамъ для ихъ операцій, имѣющихъ цѣлью улучшеніе народнаго хозяйства.

Какъ всякая реформа у насъ, такъ и преобразованіе государственнаго банка сопровождается умноженіемъ служащихъ и возвышеніемъ окладовъ. Но, во всякомъ случаѣ, попытка примѣнять государственный кредитъ къ улучшенію средствъ *народной* производительности сами по себѣ заслуживала бы сочувствія. Надо однако пожелать, чтобы эта новая задача государственнаго банка была исполнена успѣшнѣе, чѣмъ «упроченіе денежной кредитной системы».

Упомянемъ еще объ одной разрабатываемой теперь финансовой мѣрѣ, не лишенной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и принципіальнаго интереса.

Министерство финансовъ предложило обложить акцизомъ виноградныя вина. Противъ этого ничего возразить нельзя, съ экономической точки зрѣнія. Русское винодѣліе поощряется высокой пошлиной съ винъ привозныхъ и за послѣднія лѣтъ пятнадцать сдѣлало огромные успѣхи, во всѣхъ отношеніяхъ: площадь виноградниковъ получила большое расширеніе, улучшилась раздѣлка винъ, ихъ выдержка въ складахъ и доставка ихъ на большія разстоянія. Внутренній сбытъ возросъ въ огромномъ

размѣрѣ, такъ что крымскія и кавказскія вина стали вытѣснять привозныя. Значительно возросъ и вывозъ нашихъ винъ за границу, куда идутъ преимущественно вина бессарабскія, болѣе дешевыя, въ видѣ полу-сырья для дальнѣйшей «обработки». Винодѣліе распространилось и въ Подольской губерніи. Однимъ словомъ, внутренняя производительность виноградныхъ винъ уже твердо стала на ноги, а стало быть привлеченіе ея къ налогу вполнѣ возможно въ смыслѣ экономическомъ.

Съ точки зрѣнія финансовой нѣтъ болѣе повода освобождать отъ акциза виноградныя вина, потребляемыя сословіями сколько-нибудь достаточными, когда чистый алькоголь, изъ котораго приготовляются спиртные напитки народные—полугаръ и такъ называемыя «спеціальныя» водки несутъ обложеніе въ 900% стоимости своего производства, а пиво также уплачиваетъ акцизъ. Нельзя не отмѣтить, что вмѣшательство административной регламентаціи въ винодѣліе почти неминуемо затормазитъ самую производительность.

Основанія для обложенія виноградныхъ винъ акцизомъ были намѣчены въ прошломъ мѣсяцѣ на происходившемъ въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ директора департамента неокладныхъ сборовъ С. В. Маркова, совѣщаніи чиновниковъ акцизнаго надзора въ московской и сосѣднихъ губерніяхъ и мѣстныхъ виноторговцевъ. Оговоримся мимоходомъ, что такое совѣщаніе, быть можетъ, полезнѣе было бы собрать гдѣ-нибудь поближе къ мѣстамъ настоящаго винодѣлія, напр. въ Кіевѣ, въ срединномъ пунктѣ между Кавказомъ, Крымомъ, Бессарабіей и Подольской губерніи. Мы должны, однако, признать, что московское совѣщаніе намѣтило условія, которыя кажутся довольно раціональными. Совѣщаніе высказалось за обложеніе винъ по объему, съ тѣмъ, чтобы при этомъ было установлено максимальное содержаніе спирта въ винахъ «столовыхъ» не болѣе 14-ти, а въ винахъ крѣпкихъ не болѣе 20-ти градусовъ алькоголя. Наиболѣе удобнымъ способомъ взиманія—беремъ эти свѣдѣнія изъ «Русскихъ Вѣдомостей»—признанъ сборъ бандерольный, т. е. посредствомъ оклейки посуды бандеролью. Регламентація имѣетъ ту хорошую сторону, что она предполагаетъ нѣкоторый надзоръ за доброкачественностью продукта. Всякій напитокъ, поступающій въ потребленіе подъ названіемъ вина—говорится въ проектированныхъ правилахъ, содержащій по произведенному анализу веществъ, свойственныхъ виноградному вину—менѣе количества установленнаго закономъ, для признанія вина натуральнымъ, или заключающій въ себѣ примѣси, несвойственныя натуральному вину, признается искусственнымъ виномъ или фальсификатомъ его». Предполагаемый законъ не запрещаетъ этой фальсификаціи, а только требуетъ, чтобы на такомъ винѣ обозначалось ярлыкомъ, что это—«вино» такого-то торговца. Вино же виноградное, фруктовое или ягодное должно быть обозначаемо согласно своему качеству, виноградымъ, фруктовымъ и ягоднымъ.

Въ иныхъ словахъ, эти правила запрещаютъ только выдавать вина

приготовляемыя не изъ винограда—за виноградныя, и требуютъ, чтобы вина фруктовыя, ягодныя и «искуственныя» продавались за то, чѣмъ они есть. Соотвѣтственно этому, принято, что фальсификатомъ слѣдуетъ признавать искусственныя вина только въ такомъ случаѣ, если они выдаются за натуральныя. Прямо же запретить продажу искусственныхъ винъ признано было неудобнымъ въ виду именно громадности торговли ими. Сверхъ того и всякое виноградное вино всетаки «укрѣпляется» и «раздѣлывается» посредствомъ подбавки въ него спирта, сахара и др. и разбавки его другими сортами виноградаго же вина. Вотъ почему, въ правилахъ, отличіе «искусственнаго» вина отъ «натуральнаго» могло быть опредѣлено только въ такомъ видѣ, что вино признается искусственнымъ въ томъ случаѣ, если оно содержитъ «свойственныхъ виноградному соку веществъ» менѣе извѣстной нормы или заключаетъ въ себѣ такія вещества, которыхъ въ натуральномъ винѣ не бываетъ.

Итакъ, признается возможнымъ стремиться только къ сокращенію фальсификаціи вина. «Упорядоченіе винной торговли» и «сокращеніе фальсификаціи вина»—вотъ какъ опредѣлилъ экономическую цѣль акциза министръ государственныхъ имуществъ въ бытность свою въ Кишиневѣ, отвѣчая на ходатайство мѣстныхъ винодѣловъ объ отклоненіи акциза. Министръ успокаивалъ бессарабскихъ винодѣловъ соображеніемъ, что акцизъ предположенъ вѣдомствомъ финансовъ въ весьма въ маломъ размѣрѣ. Дѣйствительно, размѣръ этотъ составляетъ всего 32 коп. съ ведра въ 16 бутылокъ, стало быть въ 2 коп. за бутылку.

По нашему мнѣнію, слѣдовало бы провесть точное различіе между винами изъ винограда свѣжаго или сушенаго (изюма) и напитками изъ ягодъ, фруктовъ и всякой химической подмѣси. Послѣднимъ совсѣмъ не должно бы позволять называться винами. Въ проектѣ, какъ онъ извѣстенъ изъ газетъ, мы не видимъ постановленія объ отвѣтственности торговцевъ за продажу «фальсификатовъ». Замѣтимъ по этому поводу, что вообще въ торгово-полицейскомъ законодательствѣ слѣдовало бы отнесть «фальсификацію» пищевыхъ продуктовъ къ преступленію, которое въ улож. о наказаніяхъ называется мошенничествомъ и наказуется не денежными штрафами, но заключеніемъ и лишеніемъ особыхъ правъ. Почему заключенію подвергается голодный, укравшій булку, но не подлежитъ профессіональный отравитель публики, промышленникъ или торговецъ-фальсификаторъ?

Регламентація представляетъ и невыгоды для развитія этой отрасли промышленности. Онѣ въ данномъ случаѣ оказываются въ предположенномъ ограниченіи мѣстъ розлива вина. Онъ долженъ производиться «лишь въ губернскихъ городахъ, а также, по разрѣшенію министра финансовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ винодѣльческаго района; всѣ манипуляціи съ виномъ и розливъ его производятся только съ вѣдома и въ присутствіи лицъ акцизнаго надзора... Розливъ внѣ городскихъ поселеній можетъ быть допущенъ лишь въ мѣстахъ постояннаго мѣсто-

жительства достаточнаго числа лицъ акцизнаго надзора и обусловливается обязательной выборкою установленнаго количества бандеролей. Словомъ, на первый планъ выступаютъ удобства чиновниковъ для производства контроля. Это и есть слабая сторона всякой акцизной системы.

По поводу недавно вышедшей брошюры «Общая польза авторскаго права», въ которой г. Гальперинъ-Каминскій издалъ докладъ, читанный имъ въ январѣ въ обществѣ книгопродавцевъ и издателей и въ литературномъ обществѣ, считаемъ не лишнимъ возвратиться къ вопросу о литературныхъ конвенціяхъ или о какомъ-либо способѣ огражденія нашимъ законодательствомъ правъ иностранныхъ авторовъ и издателей. Извѣстное письмо Золя (котораго переводъ также помѣщенъ въ названной брошюрѣ) вызвало оживленную полемику, которая вся сосредоточилась на платѣ иностраннымъ авторамъ за право перевода, затѣмъ все смолкло и вопросъ снова сошелъ съ очереди на неопредѣленное время.

Но вѣдь дѣло не въ одномъ только переводѣ. Если даже мы рѣшительно не намѣрены платить авторамъ за право перевода, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы признаемъ законною и необходимою — контрафакцію, т. е. простую перепечатку. А между тѣмъ, отказываясь отъ заключенія отдѣльныхъ конвенцій или отъ приступленія къ бернской конвенціи 1886 г., въ которой участвуютъ всѣ великія державы, а также Испанія и Швейцарія, отказываясь собственно изъ за вопроса о переводахъ, мы охраняемъ свободу контрафакціи. Такъ г. Гальперинъ указываетъ на фактъ перепечатки у насъ фортепьянныхъ партитуръ оперъ иностранныхъ композиторовъ, включая и самыя новѣйшія, которыя продаются по 1 руб. 50 коп. за экземпляръ изданія въ $^1/_4$ долю листа, между тѣмъ, какъ экземпляръ такого же изданія оперъ русскихъ, за которыя издатели должны платить композиторамъ, стоитъ 4 и 5 руб. На это обстоятельство указывается въ смыслѣ предполагаемаго ущерба, какой причиняетъ русскимъ композиторамъ дешевизна партитуръ иностранныхъ, которыми контрафакція пользуется безвозмездно.

Но намъ представляется болѣе серьезнымъ самый вопросъ о контрафакціи. Издателями вотъ являются содержатели музыкальныхъ магазиновъ и они нетолько перепечатываютъ даромъ фортепьянныя партитуры иностранныхъ композиторовъ, но и создаютъ еще монополію продажи для своихъ изданій. Такъ многія оперы, по которымъ срокъ авторскаго права уже истекъ, имѣются за границей въ превосходномъ, весьма полномъ и дешевомъ изданіи извѣстной миланской фирмы Рикорди. Но наши музыкальные магазинщики этого изданія не держатъ, потому что оно вдвое дешевле, чѣмъ ихъ собственныя перепечатки, коммисію же миланская фирма даетъ незначительную, а кредита и вовсе не даетъ. Вотъ почему наши музыкальные торговцы (издатели и коммисіонеры издателей) предлагаютъ публикѣ только свои перепечатки, довольно полныя, но дорогія, или германскія дешевыя, но сокра-

щенныя и исполненныя ошибокъ изданія, которыя они получаютъ съ большой уступкой и съ разсрочкой платежа на годъ и на два года. Спрашивается, кому же оказываетъ при этомъ покровительство свобода контрафакціи: развитію ли музыкальнаго образованія русской публики, или, наоборотъ, интересамъ эксплуатоторовъ публики?

Такъ точно и отказъ отъ платы иностраннымъ авторамъ за право перевода беллетристическихъ произведеній охраняетъ исключительно только интересы тѣхъ особыхъ изданій, которыя живутъ «приложеніями» переводовъ, а вовсе не интересы русскаго развитія. Въ силу бернской конвенціи, каждое иностранное произведеніе можетъ быть переводимо безплатно по истеченіи десяти лѣтъ отъ изданія оригинала. А насколько-же интересъ русскаго развитія требуетъ того, чтобы у насъ немедленно появлялись въ дешевомъ переводѣ новѣйшія произведенія даже второстепенныхъ французскихъ беллетристовъ? Русское развитіе не много-бы проиграло и въ такомъ случаѣ, еслибы переводъ романовъ Золя и Бурже стоилъ въ теченіи 10 лѣтъ не дешевле оригинальныхъ произведеній русскихъ беллетристовъ. Самый алчный изъ французскихъ авторовъ, г. Золя, по словамъ г. Гальперина, который слышалъ это отъ него самого, продаетъ право перевода своихъ новыхъ романовъ по 120 р. съ листа. Прибавивъ 25 р. за переводъ (обыкновенно издатели платятъ гораздо меньше), получимъ 145 р., т. е. цифру вознагражденія всетаки значительно менѣе высокую, чѣмъ тѣ, какими выражается гонораръ болѣе выдающихся русскихъ современныхъ беллетристовъ.

Другое дѣло—переводы книгъ научныхъ и учебниковъ. Но гонораръ авторовъ ученыхъ сочиненій (въ особенности въ Германіи) весьма не высокъ и за право перевода ученые авторы не потребуютъ и половины того, что беретъ г. Золя. Что касается учебниковъ, то много-ли у насъ переводится иностранныхъ учебниковъ, первому изданію которыхъ въ оригиналѣ не истекъ 10-лѣтній срокъ? Дѣло это надо-же когда-нибудь регулировать приличнымъ образомъ. Это можетъ быть осуществлено или приступленіемъ Россіи къ бернской конвенціи, или закономъ, который-бы опредѣлялъ нѣкоторое процентное вознагражденіе иностраннымъ авторамъ, какъ мы то предлагали.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Бесѣды болгарскихъ дѣятелей съ корреспондентомъ русской газеты.—«Греческій прожектъ».—Законъ объ анархистахъ и закрытіе сессіи французскихъ палатъ.—Рабочіе союзы и анти-Пулльманскій стройкъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Любопытное явленіе представили письма сотрудника «Новаго Времени» о его аудіенціи у принца Фердинанда, правящаго въ Болгаріи, и бесѣдахъ съ Стамбуловымъ и нынѣшними болгарскими министрами... Другой, берлинскій корреспондентъ того-же органа, разсказываетъ, что эти письма были воспроизведены всѣми нѣмецкими газетами и произвели сильное впечатлѣніе въ Германіи, такъ какъ тамъ общество находилось доселѣ подъ вліяніемъ стамбуловской лжи, было убѣждено въ ненависти болгаръ къ Россіи, а теперь узнало нѣчто для него новое, именно, что въ Болгаріи любятъ Россію.

Не менѣе новаго, однако, могли узнать изъ упомянутыхъ писемъ и читатели русскихъ газетъ, которыя постоянно и дружнымъ хоромъ громятъ всѣхъ болгарскихъ политическихъ дѣятелей, громили поочередно и Каравелова, и Стамбулова, и Родославова, Стоилова, Петрова и проч., называя ихъ не иначе, какъ «палочниками», «рущукскими убійцами» и т. п., и выставляя Болгарію какъ такую страну, которая не только обязана благодарностью Россіи, но и никакихъ своихъ особенныхъ интересовъ не имѣетъ и имѣть не можетъ. И вдругъ, изъ напечатанныхъ въ одномъ изъ самыхъ завзятыхъ органовъ этого огульнаго погрома Болгаріи статей, оказывается, что даже сами «палочники», хотя не всѣ, но нѣкоторые заявляютъ о своемъ уваженіи къ Россіи, сознаютъ фактъ сочувствія ей въ болгарскомъ народѣ, говорятъ, что въ Болгаріи любятъ русскихъ, цѣнятъ благодѣяніе, оказанное ей Россіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ самостоятельности, свободы отъ какого-либо внѣшняго вліянія; что тамъ были-бы рады примиренію съ Россіей, но не знаютъ ея желаній и полагаютъ, что во всякомъ случаѣ достигнуть этого посредствомъ удаленія нынѣшняго правителя Болгаріи было-бы невозможно по причинамъ внутреннимъ.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго для кого-либо, кто далъ себѣ трудъ вдуматься въ положеніе народа, обязаннаго своимъ освобожденіемъ другому народу, но желающаго при этомъ остаться свободнымъ въ устройствѣ своихъ внутреннихъ дѣлъ. Но въ этомъ много совсѣмъ новаго для читателей «Новаго Времени» и другихъ нашихъ газетъ. Ново хотя-бы то, что въ пріемной залѣ у этого «Кобурга», котораго такъ безпощадно треплютъ публицисты и фельетонисты на всемъ пространствѣ Россіи, виситъ портретъ русскаго монарха, освободившаго Болгарію, что этотъ смѣшной Кобургъ, на которомъ столько заработали саратовскіе, астраханскіе и проч. печатные остроумцы,—обращается привѣтливо и скромно съ представившимся ему русскимъ фельетонистомъ, говоритъ съ достоинствомъ и простотою. Оказывается, что даже носъ у этого уморительнаго Кобурга, «такъ безбожно вытягиваемый европейскими и нашими каррикатуристами, въ дѣйствительности—самый безобидный носъ». Вотъ что значитъ взглянуть на людей прямо, вблизи, а не съ высоты «высшей политики», которую будто-бы «дѣлаютъ» наши газеты.

Въ разговорахъ съ сотрудникомъ русскаго органа, одинъ только Стамбуловъ объявилъ себя противникомъ Россіи. «Моя дѣятельность— сказалъ онъ—всегда ляжетъ между Россіей и Болгаріей черною раздѣльною полосою... Было время, когда Болгарія была совсѣмъ русскою; мнѣ стоило тяжелаго труда отодвинуть ее отъ Россіи. Но теперь я твердо вѣрю, что по крайней мѣрѣ раньше пятидесяти лѣтъ сближенія не произойдетъ; а тогда—съ Богомъ! Тогда Болгарія будетъ такъ самостоятельно крѣпка, такъ проникнута сознаніемъ своей неприкосновенной національности, что никакое иностранное вмѣшательство для нея не будетъ опасно. Россія указала путь моей политикѣ, когда совершила огромный промахъ, отозвавъ изъ болгарской арміи своихъ офицеровъ; пока они были въ Болгаріи, наша армія была на три четверти русскою».

Враждебность Стамбулова къ Россіи дѣйствительно удостовѣрена его дѣятельностью и слова его, если они переданы съ точностью, представляютъ интересъ только для уясненія его личнаго характера. Въ нихъ заключается и доля похвальбы. Стамбуловъ, этотъ мастеръ въ создаваніи, путемъ насилія и денегъ, фальшиваго общественнаго мнѣнія, которымъ прикрываются правители въ извѣстные моменты, для оправданія того или другого своего шага, самъ не можетъ имѣть искренней увѣренности въ чемъ-либо въ Болгаріи за десять, а не то что за пятьдесятъ лѣтъ. Гораздо серьезнѣе слѣдующая высказанная Стамбуловымъ мысль: «русскіе видятъ въ Болгаріи ключъ къ Константинополю; кто будетъ владѣть Константинополемъ будетъ и повелителемъ великаго балканскаго государства, которое должно будетъ тогда создаться самою силою вещей; я не имѣю ни малѣйшаго желанія, чтобы эта сила попала въ русскія руки».

Что это послѣднее заявленіе вѣрно передано корреспондентомъ, въ этомъ можно имѣть увѣренность. Стамбуловъ открыто формулировалъ то, что намъ не разъ приходилось слышать въ частныхъ разговорахъ съ русскими людьми школы покойнаго Фадѣева, въ такомъ именно смыслѣ, что болгарское государство, созданное Россіею, можетъ современемъ явиться конкуррентомъ ея въ пріобрѣтеніи господства надъ проливами, соперникомъ безконечно неравнымъ въ силахъ, но зато близкимъ къ самому объекту соперничества и могущимъ опереться на какую-либо иностранную державу, которая предпочла-бы видѣть Константинополь въ рукахъ Болгаріи, отдавшейся подъ ея покровительство, чѣмъ во власти могущественной Россіи.

Доказательство, что мысль эта, высказанная Стамбуловымъ, принадлежитъ не ему одному, но вообще уже занимаетъ умы болгарскихъ политиковъ, мы находимъ въ признаніи сдѣланномъ мимоходомъ другому корреспонденту «Нов. Времени» — врагомъ Стамбулова, Каравеловымъ, котораго Стамбуловъ засадилъ въ тюрьму, гдѣ его и посѣтилъ этотъ, второй русскій корреспондентъ. «Мы скажемъ русскимъ такъ—говорилъ Каравеловъ—хорошо, мы будемъ сражаться въ вашихъ рядахъ, но вы должны намъ гарантировать, что послѣ дадите намъ Македонію, Добруджу и Пиротъ; я убѣжденъ въ томъ, что Россія согласится, потому что ей ни Македонія, ни Добруджа, ни Пиротъ, какъ и самое княжество Болгарія, не нужны... Мы даже Константинополемъ можемъ съ Россіей *подѣлиться:* намъ—европейскую часть, а Россіи азіятскую, понятно, съ оговорками — сохранять тамъ порто-франко, свободный проѣздъ для иностранныхъ торговыхъ судовъ и т. п. Всего Константинополя, если-бы намъ и давали, я бы не взялъ,»—добавилъ Каравеловъ, вѣроятно полагая, что этимъ онъ проявляетъ умѣренность и уступчивость по отношенію къ Россіи.

Если только слова Каравелова вѣрно переданы корреспондентомъ, то нельзя не признать этого болгарскаго политика довольно наивнымъ. Отправляясь отъ его предположенія, что Россіи не нужна Болгарія, но Константинополь нуженъ, что для пріобрѣтенія Константинополя, Россія стала-бы вести войну, въ которой предложила-бы Болгаріи дѣйствовать въ союзѣ съ нею, какой-же раздѣлъ получился-бы по видамъ Каравелова? Россія завоевала-бы для Болгаріи Македонію, Добруджу и Пиротъ, то есть возстановило-бы противъ себя всѣ другія государства полуострова: Грецію, Румынію и Сербію, отдала-бы Болгаріи-же и европейскую часть Константинополя, а сама удовольствовалась-бы только азіятской его частью, и все это — за болгарскую помощь въ войнѣ съ Турціею! Но вѣдь этотъ дѣлежъ проектированъ такъ, какъ будто сильною державой является Болгарія, а не Россія, которая только при болгарской помощи могла-бы получить хоть полъ-Константинополя, другая половина котораго отошла-бы къ Болгаріи, вдобавокъ къ Македоніи и Добруджѣ. Если Болгарія уже теперь такъ сильна, что можетъ

предъявить требованіе львиной части при дѣлежѣ съ Россіей, то какой же разсчетъ для Россіи усиливать ее еще Македоніею и Добруджею, причемъ само-собою разумѣется, что восточная Румелія окончательно соединилась-бы съ княжествомъ. Не вѣрнѣе-ли для Россіи, если только для нея въ самомъ дѣлѣ необходимъ Константинополь (а не половина его, да еще съ «оговорками») — нисколько не усиливать Болгаріи и Добруджу оставить при Румыніи, съ которою возможно соглашеніе, помимо Болгаріи, тѣмъ болѣе, что Добруджа имѣетъ большое значеніе при самомъ веденіи войны?

Но остановимся на минуту на вопросѣ — составляетъ-ли обладаніе Константинополемъ дѣйствительную необходимость для Россія, какъ думаютъ нѣкоторые у насъ, или это—только мечта, пожалуй, предразсудокъ, уцѣлѣвшій по традиціи отъ «греческаго прожекта» временъ Екатерины. Объ этомъ у насъ думаютъ различно. Покойный Фадѣевъ и люди его школы, дѣйствующіе и въ настоящее время, призваютъ обладаніе Константинополемъ безусловно необходимымъ для Россіи. «Путь» къ Константинополю Фадѣевъ указывалъ сперва «черезъ Вѣну», а впослѣдствіи уже—«черезъ Берлинъ». Но если спросить, въ чемъ-же заключается та реальная выгода, которую требуется пріобрѣсть хотя-бы путемъ «черезъ Берлинъ», то-есть съ огромными, не только пожертвованіями, но и рискомъ, то въ отвѣтъ получается только — что нашъ черноморскій флотъ не имѣетъ будущности, пока Черное море замкнуто и мы владѣемъ вообще только замкнутыми морями. Но гдѣ-же, кромѣ океановъ, «незамкнутыя» моря? Предположимъ, что нашъ военный флотъ проходитъ свободно Константинопольскій и Дарданельскій проливы, состоящіе въ нашей власти. Но далѣе онъ всетаки останется замкнутымъ,—Суэзскимъ каналомъ и Гибралтаромъ, находящимися во власти Англіи. Противъ Франціи Россія дѣйствовать не будетъ. Остаются Тріестъ съ Илиріей и берега Италіи... Едва-ли стоитъ вступать въ исполинскую борьбу, которая сама по себѣ рѣшила-бы надолго вопросъ о преобладаніи, для того, чтобы въ будущемъ обезпечить себѣ возможность напр. бомбардировать Ливорно, когда все отношеніе силъ между государствами, послѣ той войны, будетъ представляться уже совсѣмъ иначе, чѣмъ нынѣ.

Мы признаемъ, что русская политика, довольно естественно стремится къ соотвѣтствующему, нетолько военному могуществу Россіи, но и къ нравственному вліянію на дѣла христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова. Но греческій прожектъ» и всякій его остатокъ мы относимъ къ предразсудкамъ, уцѣлѣвшимъ только въ силу традиціи. Прибавимъ, что и усиленныя старанія англійской дипломатіи, въ смыслѣ противодѣйствія всякому успѣху русской политики въ Стамбулѣ, основаны также на представленіи устарѣвшемъ, несоотвѣтствующемъ нынѣшнимъ условіямъ. Англійская политика могла относиться крайне ревниво къ нашему вліянію въ Константинополѣ,

пока путь изъ Европы въ Индію лежалъ дальній — вокругъ Африки, болѣе близкій — чрезъ Малую Азію. Но нынѣ, когда главныя сообщенія съ восточною Индіею идутъ чрезъ Египетъ, гдѣ властвуетъ Англія, вопросъ о преимущественныхъ вліяніяхъ въ Константинополѣ сдѣлался, въ дѣйствительности, второстепеннымъ и если сохраняетъ въ дипломатіи прежнее значеніе, то отчасти именно по преданію. Какъ-бы то ни было, но необходимо имѣть въ виду, что болгары, прежніе союзники наши, думаютъ объ обладаніи Константинополемъ, и думаютъ вѣроятно, прилежнѣе, чѣмъ мы. А между тѣмъ для Болгаріи, да и не для нея одной, лучше было-бы отложить мечтательныя стремленія къ увеличенію границъ и спокойно заниматься дѣломъ внутренняго улучшенія и развитія.

Но обратимся къ тому «новому» для читателей нашихъ газетъ, что сообщали о своихъ взглядахъ и настроеніи Болгаріи первому корреспонденту нынѣшніе болгарскіе правители. Особенно разговорчивъ былъ г. Тончевъ, министръ торговли, который бесѣдовалъ съ корреспондентомъ три раза. Такъ какъ, по отзыву этого послѣдняго, ему «въ общемъ говорили совершенно тоже самое и другіе члены министерства», то мы нѣсколько остановимся на заявленіяхъ г. Тончева. Упомянувъ, что русская печать обвиняетъ г. Стоилова, главу нынѣшняго министерства— въ руссофобствѣ, министръ торговли призналъ, что «упрекъ этотъ, быть можетъ, и справедливъ для прошлаго, но не совсѣмъ годится для настоящаго... г. Стоиловъ, какъ западникъ по воспитанію, образу мыслей и складу жизни, самъ по себѣ менѣе тяготѣетъ къ Россіи, чѣмъ къ Европѣ; но народъ диктуетъ ему свое желаніе сблизиться и онъ, какъ и всѣ мы, склоняетъ голову передъ *vox populi* и несомнѣнно много думаетъ о средствахъ получить хоть мало-мальски возможный *modus vivendi*, безобидный для насъ и васъ... Было время, когда болгарское руссофильство состояло почти въ стремленіи къ осязательному русскому протекторату — съ консулами, которые диктовали бы намъ волю сѣвернаго колосса, опираясь на русскіе штыки, блещущіе у границы, на русскихъ офицеровъ, командующихъ болгарскими солдатами. Такихъ руссофиловъ уже нѣтъ на болгарской почвѣ; развѣ очень немного осталось гдѣ нибудь внутри страны; большинство эмигрировали въ Россію... Современный политическій дѣятель первымъ своимъ требованіемъ поставляетъ «Болгарію для болгаръ», а затѣмъ уже прибавляетъ: «пріятно было-бы вновь пріобрѣсти утраченное покровительство Россіи»... Руссофилъ современный ставитъ идеалъ самостоятельности на первый планъ, а русскія симпатіи непосредственно за нимъ— на второй». Министръ закончилъ такъ: «вотъ вамъ мой выводъ: я искренно желаю сближенія Россіи съ Болгаріею; во-первыхъ, его хочетъ народъ, во-вторыхъ, я считаю близость къ Россіи болѣе естественнымъ и выгоднымъ союзомъ, чѣмъ всякій другой. Но если этотъ союзъ долженъ отозваться ущербомъ нашей самостоятельности, рѣзкими

перемѣнами въ существующемъ порядкѣ управленія, я обязанъ протестовать противъ него. Мы не знаемъ, чего хочетъ Россія, кромѣ одного условія—удаленія князя, которое, по моему глубокому убѣжденію, совершенно невозможно; а она не знаетъ, чего можно ожидать отъ насъ поэтому было-бы необходимо высказаться и столковаться».

Полковникъ Петровъ, по отзыву того-же корреспондента, «думаетъ что чрезмѣрное сближеніе съ могущественной Россіей такъ-же опасно для Болгаріи, какъ для бѣдняка компанія съ милліонеромъ»... «Лично я не врагъ Россіи — говорилъ полковникъ — я русскій воспитанникъ не только по академіи, но и по практической военной школѣ; мнѣ, въ чинѣ поручика, пришлось принять управленіе главнымъ штабомъ болгарской дѣйствующей арміи, когда изъ нея были отозваны русскіе офицеры... Уѣзжая, русскіе офицеры единогласно увѣщевали насъ—«у васъ война (съ Сербіей) на носу, но вы не бойтесь, обойдетесь и безъ насъ»... «Сливница доказала справедливость этого—продолжалъ полковникъ—мы убѣдились, что русскіе передали намъ все, что могли передать и ушли, оставивъ по себѣ богатое наслѣдство военной школы»... На вопросъ корреспондента: «каково сейчасъ настроеніе арміи по отношенію къ русскимъ? — г. Петровъ отвѣчалъ: «Руссофильство вымираетъ въ арміи вмѣстѣ со старыми офицерами, уходящими въ отставку, поборниками войны за освобожденіе и русскими ставленниками; молодые офицеры не переживали вмѣстѣ съ русскими великихъ военныхъ событій 1877—1878 гг. и потому холоднѣе относятся къ русскому имени; русскій для нихъ—такой-же иностранецъ, какъ и всякій другой... Если не совершенно, то почти такой-же». Въ заключеніе, полковникъ энергически опровергъ самую возможность принятія въ болгарскую армію австрійскихъ инструкторовъ, заявляя, что этого не можетъ допустить никакой военный министръ: «мы имѣемъ много офицеровъ, заявившихъ себя опытными, храбрыми и толковыми служаками; дисциплина войскъ безупречна; мы имѣемъ военную школу для подготовки образованныхъ офицеровъ,—зачѣмъ-же намъ иностранные инструкторы, да еще австрійскіе?»

Самъ принцъ Фердинандъ, бесѣдуя съ корреспондентомъ, всю вину въ раздраженіяхъ, вызванныхъ въ Россіи, свалилъ на Стамбулова. «Я не отрицаю — говорилъ принцъ—что Россія имѣла много причинъ къ неудовольствію за минувшія восемь лѣтъ; ее вызывали на ссоры, ее раздражали часто безъ всякаго повода, заводили раздоръ ради раздора. Я неоднократно говорилъ Стамбулову, что такъ—нельзя, но мои слова не оказывали должнаго дѣйствія. Русское общество имѣло право не любить Стамбулова. Но за что оно всегда высказывалось противъ меня? Что я ему сдѣлалъ? Его оскорблялъ Стамбуловъ; но развѣ Стамбуловъ—я, а я—Стамбуловъ?» Этихъ вопросовъ поставленныхъ царствующимъ въ Болгаріи принцемъ, нельзя не признать странными. Они вызываютъ слѣдующіе: отъ чьего-же имени дѣйствовалъ Стамбуловъ и

кто оставлялъ въ его рукахъ власть? Правда, Стамбуловъ призвалъ въ Болгарію самого принца и послѣднему не легко было сладить съ настоящимъ диктаторомъ, какимъ являлся бывшій министръ, употреблявшій всѣ государственные средства на то, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ. Но всетаки, въ нынѣшнемъ августѣ минутъ уже семь лѣтъ отъ воцаренія принца Фердинанда въ Болгаріи. Невозможно-же отклонять отъ себя всякую солидарность съ дѣйствіями бывшаго министра и слагать съ себя всякую за нихъ отвѣтственность такимъ образомъ, что: «я говорилъ Стамбулову—такъ нельзя, но мои слова не оказывали должнаго дѣйствія; Россію оскорблялъ Стамбуловъ, но развѣ Стамбуловъ—я?» Самъ-же принцъ говорилъ далѣе, что въ Россіи про него, принца Кобурскаго, «распространяли слухъ, будто я лишь безсловесный исполнитель Стамбуловскихъ намѣреній и однако преслѣдовали меня съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ Стамбулова». Пусть въ этомъ со стороны нашихъ газетъ и было противорѣчіе. Однако самъ-же принцъ приводитъ это въ видѣ «слуха» невѣрнаго и даже его возмущающаго. Стало быть, какъ-же онъ можетъ удивляться, что раздраженіе Россіи противъ Стамбулова падало и на принца, если онъ въ дѣйствительности, не былъ только «исполнителемъ Стамбуловскихъ намѣреній?» Во всякомъ случаѣ—въ этомъ «слухѣ», о которомъ онъ говорилъ съ такой горечью, въ «слухѣ», распространенномъ не въ одной только Россіи, и слѣдуетъ видѣть истинную причину низверженія болгарскаго Бисмарка; мотивъ этотъ знако́мъ современной Европѣ изъ другого, болѣе яркаго и болѣе важнаго для нея примѣра.

Болѣе удачно были избраны принцемъ тѣ выраженія, въ которыхъ онъ жаловался на оскорбленія его со стороны нашихъ газетъ. «Меня—говорилъ онъ—гласно обзываютъ узурпаторомъ, авантюристомъ. Я не узурпаторъ: я сѣлъ на тронъ по призванію народной воли, провозглашенной великимъ народнымъ собраніемъ. Признаютъ-ли меня, нѣтъ-ли великія державы Европы, но Болгаріей я признанъ, и, такъ какъ болгарскій князь—не для великихъ державъ, а для Болгаріи, значитъ, я не узурпаторъ. Я происхожу отъ слишкомъ благородной родословной вѣтви, чтобы можно было называть меня авантюристомъ. Русское правительство и общественное мнѣніе не могутъ не сознавать всего этого: зачѣмъ же оскорблять меня и усиливать вражду словами, когда она и безъ того уже достаточно доказана фактами?» На это можно возразить, что въ глазахъ русскаго правительства принцъ Фердинандъ является всетаки узурпаторомъ болгарскаго престола по той причинѣ, что избраніе его болгарскимъ собраніемъ состоялись вопреки берлинскому трактату, на основаніи котораго княземъ Болгаріи могъ быть избранъ только одинъ изъ кандидатовъ, предложенныхъ великими державами, а принцъ Кобургскій былъ, въ дѣйствительности, только кандидатомъ предложеннымъ Стамбуловымъ. Но что касается русскаго общественнаго мнѣнія, то среди газетной травли едва ли въ немъ могло и оста-

виться сколько-нибудь опредѣленное сознаніе юридической стороны вопроса.

Принцъ Фердинандъ призналъ, что «безъ примиренія съ Россіей трудно жить Болгаріи» и увѣрялъ, что онъ не врагъ Россіи, что Болгарія «должна быть одинаково внѣ вражды и внѣ господствующаго вліянія внѣшнихъ силъ». Если новое болгарское правительство на дѣлѣ воздержится отъ всякаго проявленія вражды къ Россіи, то можно будетъ только пожелать, чтобы эта вражда съ обѣихъ сторонъ отошла въ область прошлаго, вмѣстѣ съ Стамбуловскимъ режимомъ. Къ взаимной враждѣ нѣтъ никакого повода въ реальныхъ интересахъ какъ Россіи, такъ и дорожащей своей самостоятельностью Болгаріи. На неправильное же, въ смыслѣ юридическомъ, пріобрѣтеніе власти есть своего рода давность, рекомендуемая политическимъ благоразуміемъ. Вѣдь и король Людовикъ Филиппъ сперва считался узурпаторомъ, а Людовикъ-Наполеонъ несомнѣнно былъ имъ, что не составило однако непреодолимаго препятствія для установленія, впослѣдствіи, правильныхъ международныхъ отношеній. Первымъ же удостовѣреніемъ съ нашей стороны о нежеланіи вмѣшиваться во внутреннія дѣла княжества былъ бы отказъ отъ поддержки требованій кого-либо изъ болгаръ о возвращеніи имъ разныхъ чиновъ, мѣстъ и должностей. Это ужъ положительно—ввутреннее дѣло.

Сессія французскихъ палатъ закрылась 28 (16) іюля. Почти цѣлый мѣсяцъ, истекшій послѣ посланія новаго президента республики, прошелъ въ обсужденіи «принциповъ». Прежде всего социалисты пытались побудить палату къ отвѣту на посланіе г. Казиміръ-Перье. Затѣмъ были посвящены нѣсколько дней на обсужденіе преобразованія прямыхъ налоговъ въ смыслѣ подоходнаго обложенія. но и то только «въ принципѣ». При этомъ былъ отвергнутъ готовый проектъ прогрессивнаго подоходнаго налога, предложенный радикаломъ Каваньякомъ, а также потребованная соціалистомъ Жоресомъ резолюція объ отмѣнѣ всѣхъ косвенныхъ налоговъ и о замѣнѣ ихъ налогомъ подоходнымъ. Это предложеніе было не серьезно, а проектъ Каваньяка, хотя составленный старательно и подкрѣпленный превосходной рѣчью этого, быть можетъ, будущаго «радикальнаго» президента республики, былъ въ значительной мѣрѣ разбитъ чисто-дѣловой критикой, изложенной бывшимъ министромъ почтъ и телеграфовъ, Кошери. Несмотря на то, проектъ Каваньяка былъ отвергнутъ большинствомъ всего 31 голоса, между тѣмъ, какъ предложеніе Жореса провалилось огромнымъ большинствомъ. Составленіе проекта подоходнаго налога поручено правительству, которое изъявило согласіе на предложенную депутатомъ Кодэ формулу, что палата поручаетъ министерству внесть такой проектъ въ скорѣйшемъ времени.

Все остальное время сессіи, то есть почти двѣ недѣли были посвящены обсужденію «закона объ анархистахъ». Законъ этотъ предста-

вляетъ собой мѣру исключительную. Онъ предоставляетъ судамъ отмѣнять право газетъ печатанія отчетовъ о разбирательствѣ дѣлъ о покушеніяхъ анархистовъ и о возбужденіи къ такимъ покушеніямъ, а сверхъ того—постановлять, что виновные въ возбужденіи къ убійству и насиліямъ съ анархистской цѣлью должны быть подвергаемы ссылкѣ (relégation), послѣ того, какъ они отбыли срокъ своего наказанія; виновныхъ въ такомъ возбужденіи, въ печати или вообще публично, законъ осуждаетъ на довольно продолжительное заключеніе въ тюрьмѣ и на значительныя денежныя пени, а самое разбирательство такихъ дѣлъ переноситъ въ судъ полицейско-исправительный, гдѣ нѣтъ присяжныхъ. Такое перенесеніе компетенціи мотивировано въ законѣ лишь необходимостью ускоренія разбирательства проступковъ этого рода. Надо прабавить, что законъ этотъ всетаки не предоставляетъ судамъ производить разбирательство дѣлъ объ анархистахъ и о возбужденіи къ убійствамъ или насильямъ или къ непослушанію властямъ въ арміи—въ засѣданіяхъ закрытыхъ для публики, во время всего процесса или нѣкоторыхъ частей судебнаго разбирательства. Судомъ предоставляется только запрещать оглашеніе судебныхъ преній въ печати. Но засѣданія судовъ по всѣмъ такимъ дѣламъ останутся гласными—въ томъ смыслѣ, что публика всетаки будетъ допускаема въ залу суда во время всего разбирательства. Правда, кто-то возразилъ, что для нея имѣется всего 16 мѣстъ.

Самое чтеніе этого проекта министромъ юстиціи прерывалось возгласами негодованія: «вы забыли прибавить, пытки! Вы возвращаете насъ ко второй имперіи!» «Вы посягаете на свободу печати, и это предлагаетъ республиканецъ!» Несомнѣнно, что законъ этотъ нарушаетъ принципы. Особенно несимпатичной стороной этого закона представляется то, что онъ прямо прилаживался къ предстоявшему процессу Казеріо. Законодательство спѣшило ограничить гласность—для того, чтобы апологія убійства Карно не могла быть воспроизводима печатью. Съ этой цѣлью процессъ Казеріо былъ даже отложенъ, въ томъ разсчетѣ, чтобы раньше прошелъ законъ, ограничивающій передачу судебнаго разбирательства—опубликованіемъ только обвинительнаго акта и приговора.

Когда правительству предъявляли вопросъ: что-же оно сдѣлаетъ съ газетами иностранными, которыя будутъ сообщать о подробностяхъ суда, оно отвѣчало, что будетъ запрещать тѣ нумера иностранныхъ газетъ, а на вопросъ—какъ воспрепятствовать ихъ распространенію, правительство отвѣчало, что будутъ преслѣдоваться продавцы этихъ запрещенныхъ нумеровъ. Конечно нельзя не признать естественнымъ, что общественный строй во Франціи, каковъ-бы онъ ни былъ, хочетъ обороняться. Но съ другой стороны нельзя не подумать о томъ, насколько одна репрессія способна улучшить положеніе и хотя-бы прекратить борьбу. Законъ вотированъ, а между тѣмъ, мы всетаки узнали по телеграфу, что Казеріо упорно

оправдывалъ свое преступленіе и на вопросы президента суда, зачѣмъ онъ убилъ человѣка невиннаго и отца семейства, отвѣчалъ, что Карно самъ убилъ нѣсколькихъ отцовъ семействъ. Приводимъ этотъ изворотъ съ цѣлью показать, что тайна судебныхъ преній въ сенсаціонныхъ процессахъ, по крайней мѣрѣ во Франціи, безусловно соблюдена быть не можетъ.

Напрасно было-бы описывать сколько-нибудь подробно тѣ горячія пренія, какія были вызваны проектомъ этого закона. Правительство, которое съ самаго начала отвергало всякія поправки, принуждено было однако согласиться, во-первыхъ, на нѣкоторое дополненіе къ тексту, предложенное радикаломъ Буржуа, и во-вторыхъ, нѣсколько сгладить редакцію этого краткаго, состоящаго всего изъ пяти статей закона, по соглашенію съ коммиссіей палаты депутатовъ. Поправка Буржуа имѣла цѣлью ослабить значеніе того успѣха, какой должно было представить для правительства проведеніе такого закона, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ представлялся-бы совершенно немыслимымъ. Буржуа, самъ бывшій товарищъ Дюпюи въ министерствѣ, потребовалъ добавленія въ текстѣ закона словъ, что «установляемый имъ судебный порядокъ относится только къ совершаемымъ въ печати или инымъ публичнымъ заявленіямъ проступковъ, имѣющимъ цѣлью пропаганду анархизма». Поправка эта, на которую согласилось министерство, была принята, что имѣло такой видъ, какъ будто палата не полагалась на многократныя завѣренія правительства о непримѣнимости этого закона къ дѣламъ какого-либо иного рода. Въ соглашеніи-же съ коммиссіею, министерство включило въ статью относительно попытокъ возбужденія ослушаній въ войскахъ оговорку, что равному наказанію подвергаются и тѣ, кто оказался-бы виновнымъ въ такихъ попыткахъ — хотя-бы онѣ были дѣлаемы и не съ анархистской цѣлью, что было предложено радикаломъ Пуркери и направлено уже противъ не анархистскихъ, но монархистскихъ происковъ въ арміи.

Сверхъ общаго осужденія закона, какъ отступленія отъ гарантіи, представляемой судамъ присяжныхъ, и какъ ограниченія свободы печати, противники этого закона доказывали, что онъ не нуженъ, что правительство было достаточно вооружено противъ анархистовъ существовавшими законами. На это защитники закона возражали, приводя факты, что цѣлыя сотни анархистовъ, задерживаемые при безпорядкахъ, имѣвшихъ цѣлью именно заявленіе анархизма и его пропаганду, выпускались затѣмъ на свободу, между тѣмъ, какъ впредь виновные въ такихъ заявленіяхъ не только будутъ подлежать карѣ заключенія, но еще, по опредѣленію судовъ, могутъ быть и водворяемы въ какія-нибудь отдаленныя мѣстности, по истеченіи срока заключенія.

Приводимъ содержаніе новаго закона въ его окончательномъ видѣ. Тѣ воззрѣнія и возбужденія къ убійству, поджогу и проч., которыхъ наказанность была уже установлена законами 1884 и 1893 годовъ, под-

лежатъ судамъ исправительной полиціи, если они совершены съ цѣлью анархистской пропаганды. Подлежитъ тому-же суду и наказуется заключеніемъ на сроки отъ 3 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ и пеней 100—2000 франковъ всякій, кто съ независимо отъ опредѣляемыхъ въ тѣхъ законахъ правонарушеній, будетъ признанъ виновнымъ въ подстрекательствѣ одного или нѣсколькихъ лицъ, посредствомъ возбужденія или восхваленія (soit par provocation, soit par apologie) названныхъ дѣяній къ совершенію убійства, грабежа, поджога или кражи и тѣмъ самымъ окажется виновнымъ въ анархистской пропагадѣ. Одинаковымъ наказаніямъ подлежатъ тѣ, кто сталъ-бы подстрекать военныхъ къ неисполненію ихъ обязанностей и приказаній начальства для соблюденія военныхъ законовъ и для защиты республиканской конституціи. Наказаніямъ, установленнымъ выше, виновные подвергаются и въ томъ случаѣ, если они подстрекали военныхъ къ ослушанію и не въ видахъ анархистской пропаганды; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ виновные не подвергаются дополнительной карѣ ссылки (la peine accesoire de la relégation). Присуждаемые къ этой дополнительной карѣ могутъ быть сверхъ того, если они виновны въ которомъ либо изъ упомянутыхъ выше проступковъ и срокъ ихъ заключенія превышаетъ 1 годъ, или если они уже раньше за такіе-же проступки подвергались заключенію 3-хъ мѣсячному или отбыли каторжныя работы, или тюремное заключеніе болѣе чѣмъ на 3 мѣсяца за обыкновенныя уголовныя преступленія, подвергаемы судомъ ссылкѣ (relégation). Осужденные по силѣ настоящаго закона будутъ содержаться въ заключеніи одиночномъ (individuel), безъ какого-либо сокращенія срока на этомъ основаніи. Во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ этимъ закономъ, а такъ-же во всѣхъ вообще случаяхъ, когда подсудимые обвиняются въ анархизмѣ (où le fait incriminé a un caractère anarchiste) суды имѣютъ право воспрещать *воспроизведеніе въ печати* судебныхъ преній или части ихъ (reproduction des débats). За нарушеніе такого воспрещенія виновные подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 6 дней до 1 мѣсяца и пенѣ отъ 1 до 10 тысячъ франковъ. И такъ, вовсе нѣтъ рѣчи о разбирательствѣ при закрытыхъ дверяхъ.

Во время обсужденія закона объ анархистахъ министерство, настаивавшее на отклоненіи всѣхъ контръ-предложеній и поставившее вопросъ о довѣріи, получало нѣсколько разъ очень значительныя большинства. Законъ былъ окончательно принятъ въ палатѣ депутатовъ 27 іюня (9 іюля) большинствомъ 268 противъ 163, а въ сенатѣ онъ прошелъ на слѣдующій-же день, послѣ незначительныхъ преній и безъ поправокъ, большинствомъ 198 противъ 65.

Покончивъ съ самымъ закономъ объ анархистахъ, упомянемъ о двухъ интересныхъ инцидентахъ во время преній палаты депутатовъ. Одинъ изъ этихъ инцидентовъ представлялся контръ-предложеніемъ соціалиста Жореса о признаніи виновниками въ проявленіи анархизма—бывшихъ ми-

нистровъ, а такъ-же депутатовъ, замѣшанныхъ въ панамское дѣло, такъ какъ они именно унизили авторитетъ власти, внесли деморализацію и показали рабочимъ, что власти прикрываютъ дѣйствіе эксплуататоровъ, съ выгодою для себя. Но самъ Жоресъ, конечно, хотѣлъ этимъ вызвать именно только «инцидентъ», такъ какъ не могъ серьезно разсчитывать на принятіе предложенія, которое не относилось къ закону.

Жоресъ—талантливый, страстный ораторъ, но скорѣе трибунъ, чѣмъ блестящій, выдержанный парламентскій *debater*. Онъ высокопаренъ и не только впадаетъ въ преувеличенія, но прямо выѣзжаетъ на нихъ, что называется громоздитъ Пеліонъ на Оссу; построенія его неправильны. Такъ у него «вся эта жгучая пыль анархистскаго фанатизма» является «сестрою капиталистической и политиканской грязи, которую вы высушили вашими законными распоряженіями». Несомнѣнно, что рѣчь его, взятая въ цѣлости, была сплошною натяжкой, такъ какъ анархизмъ проявлялся весьма ярко гораздо раньше Панамы и выводить эту «пыль» именно отъ *панамской* грязи значило сводить самый анархизмъ къ чему-то въ родѣ «инцидента», вызваннаго другимъ «инцидентомъ»: не было-бы Панамы, не было-бы и анархизма. Но въ томъ-то и бѣда, что анархизмъ *былъ* раньше Панамы.

Однако, въ отдѣльности иные взмахи, которыми онъ бичевалъ панамистовъ, деморализирующее вліяніе ихъ въ глазахъ народа и слабость республики въ разъясненіи и репрессіи панамскаго дѣла, наряду со строгостью репрессивныхъ мѣръ, предложенныхъ теперь—не были лишены силы. Несомнѣнно, что панамское дѣло было замято, пострадалъ Байо, уличены, но остались безнаказанными Клемансо, Рувье, Флоке, отчасти де-Фрейсине, не вытребованъ Корнеліусъ Герцъ.

И такъ, вполнѣ кстати для отмщенія справедливости—хотя некстати по поводу закона—выражено было Жоресомъ осужденіе безнравственной панамской эксплуатаціи и соучастниковъ ея въ правительствѣ и представительствѣ республики. Мы приведемъ нѣсколько мѣстъ рѣчи Жореса, разумѣя его обличеніе въ томъ-же смыслѣ, какой имѣла знаменитая когда-то рѣчь Лоскеро въ германскомъ рейхстагѣ, обличавшая участіе вліятельныхъ лицъ въ мошенническихъ биржевыхъ спекуляціяхъ.

«Г. президентъ совѣта—говорилъ Жоресъ—высказалъ опредѣленіе, что анархизмъ хочетъ упразднить власть (autorité). Спрошу его: когда депутаты примѣшиваютъ представительство народа къ безчестнымъ дѣламъ, компрометируя, такимъ образомъ, это представительство, которое при республикѣ является олицетвореніемъ всякой власти, спрашиваю его—не дѣлаютъ-ли такіе люди больше для уничтоженія авторитета власти, чѣмъ тѣ, которые произносятъ какія-то подслушанныя слова? Тотъ-же г. президентъ совѣта сказалъ намъ далѣе, что анархизмъ это—пренебреженіе къ всеобщему голосованію. А тѣ лица, которыя отъ всеобщаго голосованія получили порученіе защищать честь и благосостояніе страны, но вмѣсто того пошли къ финансовымъ сферамъ и сдѣла-

лись ихъ сообщниками, не они-ли вызываютъ неуваженіе къ народному голосованію? Не они-ли своими поступками, насколько могутъ, стремятся сдѣлать изъ народной воли какую-то глупую старуху съ трясущейся головой, къ которой они, люди молодые съ кипящею душой, относятся съ пренебреженіемъ (громадное одобреніе не только на крайней лѣвой, но и на скамьяхъ правой стороны)?.. Господа, быть можетъ, смѣшно и вамъ покажется риторично говорить здѣсь о тѣхъ многихъ рабочихъ, которые умерли на фиктивныхъ работахъ въ Панамѣ. Да, я знаю, имъ была обѣщана выгодная заработная плата; но человѣкъ созданъ такъ, что тяжелый трудъ меньше его обременяетъ, если онъ сознаетъ, что это трудъ полезный; если онъ долженъ умереть, то эта иллюзія дѣлаетъ ему смерть болѣе легкою... А что должны были думать о своей жизни и смерти тѣ рабочіе на далекой Панамѣ, которые знали, что трудъ ихъ вовсе не нуженъ, что они—только фигуранты убійственной спекуляціи, высылавшей ихъ туда, но только для того, чтобы настоящее свое дѣло дѣлать здѣсь; дѣлать—въ корридорахъ палаты, въ редакціяхъ газетъ и въ конторахъ финансистовъ? Да, говорю, что они должны были думать о жизни и о смерти, зная, что все, что они сдѣлаютъ и какъ помрутъ будетъ закопано—во лжи? Можно себѣ представить, какіе разговоры вели тѣ, которымъ удалось возвратиться оттуда, съ рабочими, оставшимися здѣсь... Спрашиваю васъ, какимъ правомъ законодатели, которые допустили все это, которые двадцать лѣтъ были прикосновенны къ этому или знали объ этомъ, обрушиваются нынѣ всею строгостью на однихъ виновныхъ, оставивъ безнаказанными другихъ?.. Удивительный парадоксъ, обращающій правосудіе въ иронію: неумолимыми оказываются—кто?—панамисты».

Жоресъ далѣе развивалъ этотъ взглядъ, ѣдко обрисовалъ дѣятельность Рувье и т. д.—этихъ частностей мы приводить не будемъ. Но не можемъ не признать, что панамское дѣло, не доведенное до конца, намѣренно невыясненное, заслуживало по меньшей мѣрѣ краснорѣчивой филиппики Жореса.

Второй случай, о которомъ мы хотимъ упомянуть, имѣетъ значеніе только для характеристики нравовъ. Послѣ рѣчи, въ которой радикалъ Локруа, извѣстный публицистъ, зять Виктора Гюго, протестовалъ противъ заявленія Дюпюи, что иностранныя газеты, содержащія описаніе анархистскихъ процессовъ, будутъ задерживаемы, на трибуну взошелъ членъ большинства Денуа и сказалъ слѣдующее: «я ожидалъ, что замѣчательный публицистъ заявитъ о готовности печати пожертвовать въ данномъ случаѣ своей неприкосновенностію (immunités), что журналисты, эти привилегированные промышленники (industriels privilégiés), не должны пользоваться правами исключительными (régime de faveur), что промышленность эта, которая уже пользуется специальнымъ почтовымъ тарифомъ для разсылки своихъ корреспонденцій, согласится возвратиться къ равноправности...» Оратору въ центрѣ аплодировали, но на крайней

лѣвой послышался ропотъ, а съ галереи журналистовъ раздались крики негодованія, вслѣдствіе чего предсѣдательствовавшій вице-президентъ де-Маи распорядился объ «очисткѣ» галереи. Денуа кончилъ такъ: «нынѣ во Франціи господствуютъ тѣ газеты, которыя не уважаютъ себя и не уважаютъ публики». Тогда Эмберъ предложилъ прервать засѣданіе, съ тѣмъ, чтобы журналисты могли возвратиться въ палату, вмѣстѣ съ депутатами. Затѣмъ, послѣ того, какъ палата, спрошенная предсѣдателемъ, рѣшила продолжать засѣданіе, де-Маи далъ приставамъ разрѣшеніе снова впустить журналистовъ. Но тѣ отказались воспользоваться снисхожденіемъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ пока еще анархизма, но борьба труда противъ капитала проявляется уже и тамъ, въ видѣ грандіозныхъ забастовокъ, организуемыхъ обширными союзами рабочихъ, носящими названія «рыцарей труда» (Knights of Labour), «американскаго рабочаго союза» (American Federation of Labour), «Земледѣльческаго союза» (Farmers Alliance) и т. п. Этотъ послѣдній насчитываетъ два милліона членовъ. Къ большимъ союзамъ примыкаютъ союзы (синдикаты) рабочихъ разныхъ цеховъ и союзы мѣстные. Въ организаціи американскихъ рабочихъ союзовъ представляется та особенность, что распорядительная власть поручается не совѣту или комитету, а единолично-избранному вождю, обыкновенно человѣку образованному, бывшему рабочимъ. Таковы Гомперсъ, президентъ «американскаго рабочаго союза», Совеpенъ—великій магистръ «рыцарей труда», Дэббсъ—президентъ союза «желѣзнодорожныхъ служащихъ» и т. д.

Въ іюнѣ въ Чикаго произошелъ огромный strike желѣзнодорожныхъ рабочихъ, подъ главнымъ предводительствомъ именно — Дэббса. Это былъ не первый «стройкъ» на желѣзныхъ дорогахъ: три года тому назадъ происходила забастовка, вслѣдствіе которой движеніе на многихъ линіяхъ было прекращено въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Получивъ образованіе въ одномъ изъ колледжей запада, Дэббсъ былъ вынужденъ впослѣдствіи поступить въ кочегары и вошелъ въ союзъ машинистовъ и кочегаровъ, котораго сдѣлался секретаремъ. Сбереженія позволили ему оставить работу и прослушать съ отличіемъ курсъ въ балтиморскомъ университетѣ имени Джона Гопкинса. Послѣ того онъ издавалъ газету, затѣмъ переселился въ Нью-Іоркъ и работалъ тамъ въ одномъ журналѣ. Въ 1884 году онъ былъ избранъ въ законодательное собраніе штата Индіаны и теперь выступаетъ кандидатомъ на избраніе въ губернаторы того же штата, имѣющее быть въ ноябрѣ.

Нынѣшній «стройкъ» произошелъ на вагонномъ заводѣ извѣстнаго Пулльмана, который былъ поставщикомъ и русскихъ дорогъ. «Спеціальность» его—спальные вагоны, такъ называемые «вагоны—салоны» и «вагоны—дворцы» (palace—cars). Свои вагоны Пулльманъ пускаетъ по всѣмъ американскимъ линіямъ, по соглашенію съ ними, а плата за мѣста въ его вагонахъ сбирается состоящими при нихъ его служащи-

ми, которыхъ онъ набираетъ изъ негровъ и наряжаетъ въ мундиры, но жалованья имъ никакого не даетъ, предоставляя имъ пользоваться подачками отъ пассажировъ. Вообще Пулльманъ крайне не популяренъ среди рабочихъ въ Чикаго. Стройкъ и начался требованіемъ его 4-хъ тысячъ рабочихъ, чтобы къ ихъ заработной платѣ были прибавлены 25 центовъ (50 коп. кред.), на которыя она была уменьшена два года тому назадъ, вслѣдствіе уменьшенія заказовъ на вагоны. Пулльманъ отвѣчалъ отказомъ и не хотѣлъ давать никакихъ объясненій. Но теперь, уже послѣ того, какъ «стройкъ» прекратился, Пулльманъ напечаталъ объясненіе своихъ дѣйствій. Онъ утверждаетъ, что плата въ его мастерскихъ и теперь, относительно, высока, а именно составляетъ въ среднемъ 600 долларовъ въ годъ или около 4 руб. кред. за день дѣйствительной работы; что уменьшеніе заказовъ на вагоны, вслѣдствіе экономическаго кризиса, вынуждало его распустить изъ 6 тысячъ рабочихъ—4 тысячи, и что въ ихъ же интересѣ, т. е. желая не лишать заработка возможно большее число людей, онъ удержалъ 4,200 раб. и продолжалъ строить вагоны, хотя въ убытокъ; но что при этомъ онъ принужденъ былъ уменьшить рабочіе часы, а стало быть и плату; наконецъ, что требованнаго рабочими третейскаго суда онъ принять не могъ, такъ какъ признаетъ, что никакой судъ не имѣетъ права заставить его работать въ убытокъ. Однако, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ «Figaro», находившимся въ Парижѣ членомъ «американскаго союза рабочихъ» Ллойдомъ, рабочіе у Пулльмана получаютъ въ среднемъ только 1 доллеръ 25 центовъ, т. е. около 3 р. 40 к. кред. въ день, и цифра эта вовсе не имѣетъ того значенія въ Чикаго, какое она имѣетъ въ Парижѣ; вообще въ Америкѣ цѣны на все такъ высоки, что доллеръ, номинально равняющійся 5 фр. 25 сант., въ дѣйствительности значитъ тамъ скорѣе то, что 1 франкъ во Франціи.

Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе отказа Пулльмана отъ прибавки, а также отъ исполненія желанія рабочихъ, чтобы делегатомъ ихъ позволено было провѣрить конторскія книги, съ тѣмъ, что если бы они удостовѣрились, что Пулльманъ въ самомъ дѣлѣ работаетъ теперь въ убытокъ, то они согласятся на любую плату, — произошла забастовка въ мастерскихъ Пулльмана въ Чикаго. Пулльмановскихъ рабочихъ поддержалъ «союзъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ», имѣющій во главѣ Дэббса. Имѣя своимъ центромъ Чикаго, стройкъ противъ Пулльмана распространился на большое число линій и участіе въ немъ приняли болѣе 100 тысячъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Они «бойкоттировали» вагоны Пулльмана, то есть отказывались составлять какой либо поѣздъ, если въ немъ находился Пулльманскій вагонъ, ломали и жгли эти вагоны. Потомъ безпорядки распространялись: стали поджигать зданія кампаній, которыя продолжали принимать вагоны Пулльмана на свои линіи, сожгли одинъ вокзалъ. Все движеніе на линіяхъ, соединяющихъ восточные штаты съ западными, прекратилось; многія

тысячи головъ рогатаго скота пришлось держать на лугахъ вслѣдствіе невозможности отправлять ихъ, и въ Чикаго прекратились работы на огромныхъ фабрикахъ мясныхъ консервовъ; поднялись цѣны на всѣ товары и продукты, доставляемые издалека. Наконецъ, въ виду насилій, президентъ союза Кливлендъ предписалъ военныя мѣры, и уполномочилъ генерала Шофильда, командующаго въ штатѣ Иллинойсѣ регулярными войсками, употреблять въ случаѣ нужды силу оружія.

Для оправданія этихъ крайнихъ мѣръ пришлось прибѣгнуть къ такому предлогу, что такъ какъ компаніи обязаны перевозить почту союзнаго правительства, а бунтовавшіе рабочіе, прекративъ движеніе на желѣзныхъ дорогахъ, препятствовали компаніямъ исполнять это обязательство, то президентъ союза и счелъ себя въ правѣ принять мѣры къ охраненію интересовъ союзнаго правительства. Въ дѣйствительности, онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ внутреннія дѣла отдѣльныхъ штатовъ. имѣющихъ свои правительства, которыя сами обязаны принимать мѣры къ охраненію безопасности, что они и могутъ дѣлать только созвавъ милицію, такъ какъ регулярныхъ войскъ они не имѣютъ. И вотъ союзныя войска пошли охранять даже не безопасность людей и зданій, но—почтовые интересы центральной власти. Губернаторъ Иллинойса протестовалъ противъ этого, но президентъ отвѣчалъ ему, что теперь не время спорить о принципахъ... Появленіе войскъ прекратило насилія и стройкъ началъ стихать, такъ что Дэббсъ занялся уже только ходатайствомъ въ желѣзнодорожныхъ комиссіяхъ о томъ, чтобы онѣ приняли на службу уволенныхъ за непослушаніе рабочихъ. Въ началѣ іюля движеніе на желѣзныхъ дорогахъ было уже возстановлено. Нынѣшній стройкъ имѣлъ однако то послѣдствіе, что Кливлендъ назначилъ комиссію для изслѣдованія причинъ его происхожденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочіе союзы стали требовать выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ. Недавно на митингѣ, устроенномъ «рабочей партіей» (Labour party) въ Нью-Іоркѣ на эту тему говорилъ извѣстный публицистъ Генри Джорджъ, проповѣдникъ обращенія земли въ государственную собственность, и принята была единогласно резолюція, что эксплуатація желѣзныхъ дорогахъ должна быть въ рукахъ союзной власти.

Л. Полонскій.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» въ теченіе іюля мѣсяца.

Яковлевъ И. (И. Я. Павловскій). Парижскіе очерки и этюды, сер. 1. Спб. 1894. Ц. 1 р.

Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1891—93 гг. Томскъ. 1894.

Горскій-Платоновъ П. Отрывки изъ «скорбной лѣтописи» городского головы, вып. I-й. 1894.

Соневицкій И. И. Памятная книжка Варшавской губ. на 1894 г. Варш. 1894. Ц. 2 р.

Русскіе студенты въ Германіи. Елисаветградъ. 1894. Ц. 25 к.

О выдачѣ ссудъ подъ хлѣбъ мелкимъ землевладѣльцамъ и крестьянскимъ обществамъ въ 1893—94 году.

Прессъ А. А. Защита жизни и здоровья на фабрикахъ и заводахъ. Вып. III. Спб. 1894. Ц. 1 р. 20 к.

Отчетъ по минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1893 г. Мин. 1894.

Фридрихъ Шольцъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ, пер. съ нѣм. Счепсновича. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Піонтковскій. Объ условномъ осужденіи, или системѣ испытанія. Одесса. 1894 г.

Гильти. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Пер. съ нѣм. Острогорскаго. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

«Риторика» Аристотеля. Перев. съ греч. Надежды Платоновой. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Шпильгагенъ. Безмолвіе неба, въ 2 т. (Международная беллетрическая библіотека, издаваемая Карломъ Малькомесомъ). Стуттгартъ. 1894 г. Ц. 4 марки.

Четырнадцать сказокъ и разсказовъ. Изд. Суворина. Спб. 1894 г.

Якимовъ. Практическое руководство для судебныхъ приставовъ. Уфа. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Дополненіе къ практическому руководству для судебныхъ приставовъ. Уфа. 1894 г. Ц. 50 к.

Храмъ Христа Спасителя на мѣстѣ событій 17 ок. 1888 г. Харьковъ. 1894 г.

Тимирязевъ. Чарлзъ Дарвинъ и его ученіе. Изд. 3-е, съ приложеніемъ «Наши антидарвинисты». М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Orchansky. Etude sur l'hérédité normal et marbide (Mémoires l'Acad. imp. des sciences de St.-Pétersburg, VII-e série. Томъ VLII, № 9).

Эрнестъ Брюкке. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Перев. съ нѣм. д-ра Аршавскаго. Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р.

Полное собраніе сочиненій Е. А. Баратынскаго, съ портретомъ автора, біографіей и его письмами. Кіевъ. 1894 г. Ц. 50 к.

Біографіи знаменитыхъ людей изд. Іогансона въ Кіевѣ: 1) М. В. Ломоносовъ, 2) Леонардо-да-Винчи.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Сборникъ редакціи газеты «Кіевское Слово». Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Либровичъ. Книжки для дѣтей изд. Іоансона въ Кіевѣ: 1) Царевна-Русалочка, 2) Золотые деньки, 3) Какъ жилось маленькой мушкѣ въ Москвѣ—старушкѣ, 4) Счастье—портитъ, бѣдность—учитъ, 5) Счастье маленькой Клавдюшки.

Dr. Paul Möbius. Гигіена нервныхъ людей. Перев. съ нѣм. Майтапъ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 50 к.

Памяти «Русалки», броненосца русскаго флота, погибшаго сентябрѣ 1893 г. Сборникъ статей профессоровъ Им. Казанскаго Университета. Казань. 1894 г.

Прейеръ. Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ. Перев. съ нѣм. Каптерева. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.